ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2019 № 1(11)

ЛФ
литературный факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2019. No. 1(11)

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2019. № 1(11)

16+

Литературный факт: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – №1 (11). – 480 с.
ISSN 2541-8297

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Елена Валерьевна Глухова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)
Виктория Юрьевна Попова (ответственный секретарь)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы (Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3 (Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2019. – No. 1 (11). – 480 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezvyi (Executive Editor)
Elena Glukhova, Mikhail Stroganov (Editors)
Victoria Popova (Managing Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature (Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е.Р. Обатнина. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: «…или в Россию, или в Париж…» 1923 г. 8

А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923. Комментарии Е.Р. Обатниной. Подготовка текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной 36

М.Г. Альтшуллер. «Недороман» Василия Бетаки и пушкинская традиция *В. Бетаки*. Герой 60-х годов: Недороман 92

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Н.А. Богомолов, А.Л. Соболев. Письма А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову (окончание). 146

АКАДЕМИЧЕСКИЙ БУНИН

От редакции 232

М.М. Аболина. И.А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции (1920–1955 гг.) 234

А.В. Бакунцев. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился…»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.) 254

Э. Гаретто. Ринальдо Кюфферле (1903–1955) — переводчик, издатель, критик и корреспондент И.А. Бунина (на материале личных и издательских архивов) 276

С.А. Гарциано. Малоизученная франкоязычная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина в свете первой волны русской эмиграции 312

А.Л. Горобец. По обе стороны железного занавеса: Иван Бунин и Антонин Ладинский 330

Т.М. Двинятина. Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект 343

П. Деотто. Иван Бунин: Три автобиографические заметки 357

В.Л. Царёва-Браунер. Неизвестные автографы И.А. Бунина: выставка в Кембриджском университете (Великобритания) 369

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

К.Ю. Лаппо-Данилевский. «Анакреонтические оды» и «анакреонтические стихи» в русской поэзии XVIII века 384

И.А. Виноградов. Н.В. Гоголь в Одессе. Забытые свидетельства современников (письмо протоиерея Анатолия Корочанского и воспоминания Н.И. Савича 403

Е.И. Вожик. Наблюдать и сочувствовать: «Псевдореализм» и литературная программа «Отечественных записок» на рубеже 1840–1850-х гг. 416

А.Л. Рычков. Латинский конспект Вл. Соловьева в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: научный миф или литературный факт 431

Л.Г. Ларионова. Неизвестные инскрипты В.Я. Брюсова в фондах Государственной публичной исторической библиотеки 452

Р.Д. Тименчик. Заметки комментатора. 8. Пропавшее письмо Блока 467

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

Elena Obatnina. Studies on A.M. Remizov's creative biography: "…either to Russia, or to Paris…" 1923 8

Alexey Remizov. "At the Evening Dawn". A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923. *Commentaries by Elena Obatnina. Editing by Elena Obatnina and Anna Uriupina* 36

Mark Altschuller. "Subnovel" by Vasily Betaki and the Pushkin tradition *Vasily Betaki*. The Hero of the 60s: Subnovel 92

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Nikolay Bogomolov, Alexander Sobolev. Alexander Kondratiev's letters to Valery Bryusov (conclusion). 146

THE ACADEMIC BUNIN

Editorial note 232

Margarita Abolina. Ivan Bunin and publishing activities of the Russian émigrés (1920–1955) 234

Anton Bakuntsev. "The most bitter black-hundredist and bullhead, he's putrefied completely…": Ivan Nazhivin on Ivan Bunin (1930s) 254

Elda Garetto. Rinaldo Küfferle (1903–1955) — a translator, publisher, critic and correspondent of Ivan Bunin (based on papers from private and editorial archives) 276

Svetlana Garziano. Little-studied French-language literary criticism of I.A. Bunin' works in the light of the first wave of Russian émigrés 312

Anastasia Gorobets. On both sides of the iron curtain: Ivan Bunin and Antonin Ladinsky 330

Tatiana Dvinyatina. Bunin's diaries of 1920–1953: Textual aspect 343

Patrizia Deotto. Ivan Bunin: Three autobiographical notes 357

Vera Tsareva-Brauner. Previously unknown autographs of Ivan Bunin: Exhibition at Cambridge University (UK) 369

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

Konstantin Lappo-Danilevskii. "Anacreontic odes" and "Anacreontic poems" un the 18th century Russian poetry 384

Igor Vinogradov. N.V. Gogol in Odessa. Forgotten testimonies of his contemporaries (archpriest Anatoly Korochansky's letter and N.I. Savich's memoirs) 403

Ekaterina Vozhik. To observe and sympathize: "Pseudorealism" and the agenda of the literary magazine "Otechestvennye Zapiski" in the late 1840s — early 1850s 416

Alexander Rychkov. Vladimir Solovyov's Latin outline in Fedor Dostoevsky's "The Writer's Diary": a scholarly myth or a literary fact 431

Ludmila Larionova. Unknown inscriptions of Valery Bryusov in the State Public Library for History collection 452

Roman Timenchik. Notes of a commentator. 8. Alexander Blok's lost letter 467

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-8-35
УДК 821.161.1

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: «…или в Россию, или в Париж…» 1923 г.*

© 2019, Е.Р. Обатнина

Аннотация: Статья представляет собой фрагмент жизнеописания А.М. Ремизова, посвященный времени, проведенному писателем в Берлине перед отъездом в Париж. С опорой на редкие архивные документы и мемуарные свидетельства современников, относящиеся к 1923 г., создается целостная картина жизни и творчества писателя в один из поворотных моментов его жизни. Статья образует историко-литературный контекст к содержанию главы из рукописи Ремизова «На вечерней заре»: 1923 г.

Ключевые слова: творческая биография, эпистолярное наследие, архивные материалы, эмигрантская культура и литература.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

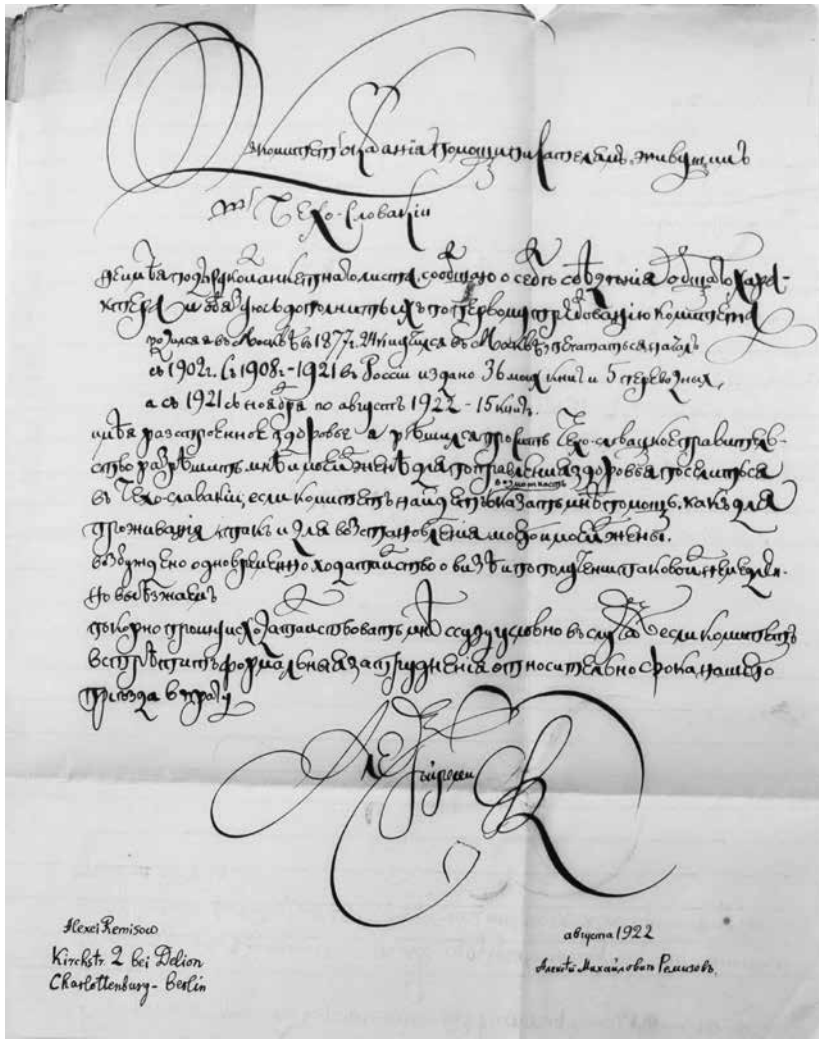
Цитирование: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: «…или в Россию, или в Париж…» 1923 г. // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 8–35. DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-8-35

* Статья выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

В конце сентября 1923 г. минуло два года с тех пор, как Ремизовы оказались в столице Германии. Инфляция стремительно приобретала фантасмагорические очертания. Летом наступила настоящая агония Веймарской экономики. Буквально за четыре месяца, начиная с августа, денежная масса увеличилась в 132 000 раз, уровень цен — в 854 000 раз, курс доллара — почти в 400 000. Берлин быстро терял облик благополучного города, гостеприимно принимавшего русскую диаспору. Еще год назад Ремизов в условиях нарастающего экономического кризиса предпринял шаги к отъезду из Германии, рассматривая возможность временной передышки в Праге. Между тем денег на отъезд из Берлина куда бы то ни было решительно недоставало. Опять пришлось вспомнить о хорошо освоенном с приходом советской власти в России жанре «прошений», адресованных в различные инстанции и лично общественным, политическим и культурным деятелям. Надеясь на вспомоществование, Ремизов всегда старался придать официальному документу черты своей индивидуальности. Так и на этот раз заявление «В комитет оказания помощи писателям, живущим в Чехо-словакии» он написал писцовой скорописью XVII в., очевидно, рассчитывая на то, что в ряду других заявлений такого рода каллиграфический кунштюк будет замечен. Документ содержал краткие биографические данные, мотивы и цели обращения:

> Не имея под рукой анкетного листа, сообщаю о себе сведения общего характера и обязуюсь дополнить их по первому требованию комитета.
>
> Родился я в Москве в 1877 г. 24 VI и учился в Москве, печататься начал с 1902 г. С 1908 г. — 1921 в России издано 36 моих книг и 5 переводных, а с 1921 с ноября по август 1922 — 15 книг.
>
> Имея расстроенное здоровье, я решил запросить Чехо-словацкое правительство разрешить мне и моей жене для поправления здоровья поселиться в Чехо-словакии, если комитет найдет возможность оказать мне помощь, как для проживания, так и для восстановления моего и моей жены.
>
> Возбуждено одновременно ходатайство о визе и по получении таковой немедленно выезжаем.
>
> Покорно прошу исходатайствовать мне ссуду условно в случае, если комитет встретит формальные затруднения относительно срока нашего приезда в Прагу[1].

[1] Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 1. F. 7. P. 45. Далее: Amherst, с указанием шифра. Датируя заявление, Ремизов оставил пустое место для числа, написав только месяц и год — «августа 1922».

Ремизов А.М. Заявление «В комитет оказания помощи писателям, живущим в Чехо-словакии». 1922, август. Amherst.

«Прошение» так и осталось среди личных бумаг писателя и, судя по его переписке с пражанами М.Л. Слонимом и Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой, ни в 1922 г., ни в наступившем 1923 г. не было пущено в ход. Финансовые обстоятельства осложнились проблемами физического здоровья. Недолго продлился оптимизм весеннего настроения, когда казалось, что позади остались оцепенение от картин разрушения нормаль-

ной жизни в Петрограде, психологическое истощение, изматывающие мигрени, которыми Ремизов страдал на протяжении двух последних лет жизни в постреволюционной России[2]. С осени 1922 г. он опять часто недомогал и был подавлен депрессией, возникшей вследствие стремительно падавших возможностей заработать на существование изданиями и публикациями. Неожиданный удар судьба нанесла 13 ноября, когда хозяйка квартиры, чутко реагировавшая на изменения политики городской администрации по отношению к иностранцам, внезапно заявила о прекращении аренды.

Рождество и Новый год Ремизовы встретили на чемоданах. «Горькая у нас сегодня елка — и елки нет. Складываю свои игрушки[3] и книги, ч<то>б<ы> куда-то после праздников выбираться, а еще ничего нет»[4], — писал Ремизов накануне Рождества «ключарю» Обезвелволпала С.Я. Осипову. И действительно, в связи с ужесточением правил съема и чрезвычайно высоким налогом на жилые помещения для иностранных граждан квартирная аренда представляла собой почти неразрешимую задачу[5].

Серьезные трудности возникали одна за другой. В декабре пришло первое уведомление из берлинского Полицайпрезидиума о рекомендации иностранцам выехать из столицы. Через месяц (23 января) Ремизовы получили повторное письмо, в котором содержалось уже категорическое предписание в двухнедельный срок покинуть «Гросс-Берлин». Казалось, жизнь ходит по кругу, напоминая, как, к примеру, в 1906 г. внезапно

---

[2] Ср. автобиографию Ремизова: «В конце лета 1921 г. по невыносимой головной боли, от которой последний год петербургский мучился, вынужден был временно уехать из России» (Россия. 1923. № 6. С. 27).

[3] Знаменитая коллекция игрушек и природных диковинок, сопровождавшая каждую квартиру Ремизова от Петербурга до Парижа. См.: *Кожевников П.* Коллекция А.М. Ремизова. (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. № 243, 7 сент. С. 2; *А.* [А.А. Измайлов]. В волшебном царстве. А.М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44. С. 10–11. Об обстановке петербургской квартиры на Васильевском острове см.: *Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 24–25; описание последней квартиры на Троицкой см.: *Милашевский В.А.* Вчера, позавчера… М., 1989. С. 156–157. См. также: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (аСтатья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215. Описание берлинской квартиры Ремизовых запечатлено в книге Р. Гуля «Жизнь на фукса» (М.; Л., 1927): «На Кирхштрассе завесил комнату чертями, бумажными прыгунчиками, игрушками Алексей Ремизов, пугая немецкую хозяйку, сидел в прадедамовом платке с висюльками» (С. 203).

[4] Цит по: «В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 254 (п. от 22 декабря).

[5] Подробнее см.: *Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг. // Русский Берлин: 1920–1945. Международная научная конференция. М., 2006. С. 388–389.

Ремизов А.М. Рис. из альбома «За спекуляцию». 1924. Письмо из Полицайпрезидиума от 23 января 1923 г. Коллекция Т. Уитни (Amherst). Копия в РО ИРЛИ.

закончилось издание журнала «Вопросы жизни» и Ремизову было отказано не только в едва ли завидной должности заведующего хозяйственной частью при редакции, но и в служебной квартире. Очевидно, вспоминая этот эпизод и еще аналогичные по сути обстоятельства петербургской жизни конца 1900-х гг., он горько констатировал в одном из писем: «Жизнь у нас — нам знакомая. И второй раз переживать тяжело»[6].

Только десять лет спустя Ремизов посвятил «бедственному времени» своей биографии 1923 г. документально-графический альбом, составленный из рисунков и копий официальных документов, порожденных безвыходной, как казалось, ситуацией. Столкнувшись с непроницаемой бюрократической системой Веймарской республики, он навсегда запомнил «стилистически неподражаемую формулировку полицейского распоряжения»: “…ich stelle Ihnen anheim, sich innerhalb dieser Frist ausserhalb Gross-Berlin eine Unterkunft zu beschaffen”[7] («Я Вам предписываю найти себе помещение вне Большого Берлина в течение этого срока»)[8]. Причина репрессивных мер, коснувшихся русских эмигрантов, по догадкам, крылась в подозрениях, связанных со спекулятивными валютными операциями иностранцев[9]. Ремизов, пытаясь найти хоть малейший повод для обвинений в свой адрес, недоумевал: «Какой же я спекулянт?» Оставалось искать защиты среди немецких политиков и литераторов. Тут

[6] Цит. по: «В России, как встретимся, будем вспоминать». С. 252 (п. от 8 декабря).

[7] Цит. по копии текста Ремизова из альбома 1934 г. «За спекуляцию» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 211. Л. 1); оригинал хранится в коллекции Т. Уитни (Amherst).

[8] Ремизовский перевод в романе «Мышкина дудочка» (*Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 138).

[9] С конца сентября в Берлине активизировались комитеты рабочих, служащих, чиновников и домохозяек, призывавшие горожан выйти на демонстрации «против ростовщичества и спекуляции». Подобная листовка была послана Ремизовым Шестову в недатированном письме (Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 1. С. 177).

пригодилось знакомство с редактором берлинского журнала “Die Neue Rundschau” Рудольфом Кайзером[10] и знаменитым немецким романистом, пропагандистом русской культуры в Германии Томасом Манном[11]. Когда влиятельные заступники написали ходатайства, оригиналы их писем были направлены в полицейское управление, а рукописные копии этих ценных документов вместе с графическими иллюстрациями в 1934 г. украсили альбом, получивший название «За спекуляцию». В контексте назревавшего выбора между эмиграцией и возвращением на родину Ремизову было важно, что в письме Томаса Манна о нем говорилось как о видном представителе современной русской литературы, а не как об эмигранте, порвавшем связи с советской Россией. Манн сочувственно писал, начав с обращения “Sehr verehrter Herr Remisow”. Судя по всему, первым переводчиком раритетного письма стала Августа Даманская[12]. Ее черновой подстрочник сохранился в парижском архиве писателя:

Высокоуважаемый господин Ремизов

Я узнаю, что русские в Берлине испытывают теперь со стороны администрации некоторые затруднения по праву местожительства. Я убежден, что во всяком случае перед Вашим именем должны остановиться, но в то же время мне хочется Вам сказать, как мне было бы больно, если бы с Вами в Германии случилось что-то неприятное. По моему мнению, Берлин должен гордиться иметь Вас, одного из первых писателей современной России, в своих стенах. Я с удовольствием вспоминаю встречу с Вами в прошлом году. Мне было в высшей степени приятно и важно познакомиться с Вами лично.

С совершенным почтением и с сердечным приветом Вашим соотечественникам, с которыми я тогда познакомился (А. Белый и Б. Пильняк).

Весьма преданный

Томас Манн[13].

---

[10] О ходатайственном письме Р. Кайзера в правительство Висбадена Конраду Генишу и министру Карлу Северингу см.: *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 29–30. Оригинал письма Кайзера см.: ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 932; рукописную копию Ремизов поместил в альбом «За спекуляцию» (коллекция Т. Уитни, Amherst).

[11] Личная встреча писателей относится к марту 1922 г., когда Манн посетил Берлин и, в частности, участвовал в вечере, устроенном в Доме искусств 20 марта в пользу петроградских писателей. Подробнее см.: *Азадовский К.М., Лавров А.В.* Новое о встречах Томаса Манна с русскими писателями // Русская литература. 1978. № 4. С. 146–151.

[12] Писательница и переводчик А.Ф. Даманская одной из первых среди русских берлинцев написала Ремизовым в Ревель 8 сентября 1921 г., выразив готовность оказать помощь при переезде супругов в Германию (Anherst. Series 1. B. 1. F. 1. P. 35–36).

[13] ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 622. Л. 2. Ср. описание ситуации в воспоминаниях А.Ф. Даманской, где приводится отредактированный перевод письма: *Даманская А.* На экране моей памяти; *Таубе-Аничкова С.* Вечера поэтов

Т. Манн. Фото. Вырезка из газеты в архиве А. Ремизова. 1922–1923. ОРФ ГЛМ.

Две взаимосвязанные проблемы — жилья и вида на жительство — оставались неразрешенными до весны. В это время Ремизовым, по-видимому, удалось уговорить хозяйку пансиона фрау Делион позволить им переместиться из отдельной квартиры в комнату, которая сдавалась здесь же, на Кирхештрассе, 2. Д.А. Лутохин, высланный из России в феврале 1923 г., навестил их 16 марта, оставив в своем дневнике ценную запись, свидетельствующую о том, что внешне писатель старался не терять присутствия духа:

> …отправился к Ремизовым. Он — в кофте, совсем такой, каким изобразил его в портретах Анненков[14], она — пышная, моложавая, но по-прежнему бездетная. Я их не видал с 1906 г.[15] Они смутно меня помнят, а теперь читали обо мне в Ревельск<ой> газете[16]. Напоили меня превосходным чаем с замечательными сухарями, но видимо нуждаются. Пришел еще какой-то подозрит<ельный> юноша, литовск<ий> подданный <2 сл. нрзб.>, судя по его рассказам (что-то издавал вместе со Шкловским), но почему-то смахивает на “товарища”[17]. Сер<афима> Пав<ловна> за ним ухаживала, а Ал<ексей> Мих<айлови>ч принес какую-то рукоп<исную> церк<овную> книгу XVII <века> с картинками. А<лексей> М<ихайлович> просил достать ему через знакомых в Питере некоторые издания его книг. Он такой же милый, какой был 17 лет назад, такой же чудак, но тогда я его как-то чувствовал, теперь

в годы бедствий / Публ. О.Р. Демидовой. СПб., 2006. С. 178. Только в 1952 г. писатель внес этот сюжет в канву автобиографического романа «Мышкина дудочка», опубликовав как оригинал письма Манна на немецком языке, так и приведенный выше перевод (см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 10. С. 138–140).

[14] Речь идет о графическом портрете Ремизова, сделанном в 1920 г. См.: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 1. М., 1991. С. 219–220.

[15] К моменту первой встречи в гостях у В.В. Розанова в 1906 г. маленькая дочь Ремизовых была уже в Берестовце, так что Лутохин ошибочно считал их бездетными.

[16] Очевидно, подразумевается ревельская газета «Последние известия», в которой размещались сообщения об известных представителях выходивших (1920–1925), в которой размещались сообщения об известных представителях русской интеллигенции, обычно следовавших в эмиграцию через Эстонию.

[17] Имеется в виду сосед Ремизовых по пансиону — скульптор-авангардист К. Зале. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 7. С. 68.

> он — чужой. И совсем не ясно, чем жив он кроме любви к раритетам, юродству. Русский *Пшибышевский*[18], трезвый и семейственный[19].

К католической Пасхе удалось поправить жилищные условия и, наконец, переехать из Шарлоттенбурга в берлинский район, расположенный между Тиргартеном и Альт Моабитом, на Лессингштрассе, 16.

После почти полугодового перерыва Ремизов написал в Париж Льву Шестову, немногословно рассказав об обстоятельствах своей жизни:

> С комнатами устроились. Холодновато, правда. А цена (безо всего) 3.000.000 М<арок>. В следующ<ем> мес<яце> можно ожидать и прибавки. Но ничего поделать невозможно: надо ж куда приткнуться хоть ВРЕМЕННО. А то с 13 ноября[20] была какая-то сплошная мука. И делать ведь ничего не делаешь и за что-то ГОНЕНИЯ терпишь. А 1 апреля мы и загнездились. <…> мало я выходил за эти месяцы на люди: и хворал и тяжело было «жаловаться» людям[21].

Новая квартира располагалась на втором этаже, над аптекой. С наступлением тепла, когда распахнулись окна одной из комнат, соседские дети смогли разглядеть с улицы знаменитую коллекцию игрушек и тотемов, развешенных на протянутых через всю комнату нитях. С этого времени Herr Remersdorf, как его здесь прозвали, стал местной знаменитостью. По всей вероятности, тогда же появилась в его доме молодая русская художница Евгения Ланг, которая уже на склоне лет рассказала о берлинских встречах с писателем в 1923 г. И хотя гостью, не понаслышке знакомую с эксцентрическим стилем поведения таких соотечественников-авангардистов, как Д. Бурлюк и В. Маяковский, трудно было удивить артистическими эскападами, в ее памяти осталось крайне неприязненное впечатление от обстановки ремизовского жилья и неуместных чудачеств писателя. Даже знаменитая коллекция «игрушек», завораживавшая местную детвору, оскорбила эстетические чувства художницы, увидевшей вместо чудесного мира мифологических образов лишь скопление бессмысленного и антисанитарного хлама. О первом и наверняка последнем визите на Лессингштрассе Ланг вспоминала:

---

[18] В начале 1900-х гг. Ремизов был увлечен творчеством и драматургией польского писателя-модерниста Станислава Феликса Пшибышевского (1868–1927); вместе с С.П. Ремизовой он перевел пьесу «Снег» (М.: Театральная библиотека М.А. Соколовой, 1903), а также драмы «Счастье» и «Мать» (*Пшибышевский С.* Собр. соч. Т. 4. М., 1905. С. 93–210).

[19] РО ИРЛИ. Ф. 592. № 3. Л. 17 об.

[20] Подразумевается первое письмо из Полицайпрезидиума.

[21] Цит. по: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 3. С. 115.

> И вот мы входим, и я сразу чуть не падаю. Оказывается, между двумя стульями нитка натянута, и я на нее спотыкаюсь[22]. Вся комната в нитках перегорожена. А на нитках там висели какие-то дохлые мыши, какие-то насекомые, всякая, черт знает какая, пакость на этих нитках висела. Я говорю: «Это что же такое?» — «А это заклинания против злых духов». Я говорю: «Это вонь, а не заклинание против злых духов»[23].

Буквально на той же неделе, после переезда на Лессингштрассе, на основании письменных ходатайств влиятельных политиков и литераторов в Полицайпрезидиуме выдали наконец долгожданный паспорт с новым штампом. Каково же было огорчение, когда при получении вида на жительство 3 апреля выяснилось, что срок пребывания в Берлине продлен Ремизовым лишь до 3 мая[24]. Таким методом власти города обязывали писателя являться для подтверждения следующего срока с периодичностью «месяц — через три», о чем свидетельствуют штампы в его паспорте с датировками за 1923 г.: 3 апреля[25], 5 мая, 4 августа, 22 сентября, 21 декабря[26]. Не трудно предположить, что визиты в Полицайпрезидиум превращались в тяжелое испытание. Обстоятельства получения каждого штампа в немецком удостоверении личности представляли собой для Ремизова запечатленные сюжеты берлинской жизни. К примеру, о штампе, датированном 5 мая, ему напоминали открытки с видами весеннего Вердера — городка под Берлином, в котором гостила в это время Серафима Павловна. «Всё

---

[22] О такой «школярской» по стилистике «шутке» Ремизова вспоминала, со слов Ю. Софиева, и другая мемуаристка, которая считала, что многие проделки совершались Ремизовым для развлечения часто болевшей супруги: «Софиев рассказывал мне, что раз, чтобы повеселить простуженную и лежащую в постели Серафиму Павлову, Ремизов в ожидании вызванного доктора протянул веревочку поперек коридора, ведущего в спальню. Доктор споткнулся и полетел. Видя это через открытую дверь, больная залилась смехом, обрадовав Алексея Михайловича» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 124).

[23] *Дувакин В.Д.* Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах / Подгот. текста О.В. Жигулиной, С.Г. Петрова, М.В. Радзишевской, В.Ф. Тейдер; коммент. В.В. Радзишевского. М., 2018. С. 158–159.

[24] О своем положении Ремизов сообщал в письмах петроградским и московским корреспондентам. Практически сразу, в февральском номере журнала «Россия» появилась заметка: «В настоящее время Ремизов находится в очень тяжелом положении, т.к. он один из первых попал в список выселяемых из Берлина за его крайним переполнением иностранцев <sic!>. Заступничество Томаса Манна и целого ряда берлинских изданий, в которых он работает, привело лишь к отсрочке этой высылки на один месяц» (Россия. 1923. № 8. С. 31).

[25] Первый штамп за 1923 г. помечен 4 января. Период с 4 января по 3 апреля включал ожидание решений Полиции по приостановке приказа о срочном выезде из Берлина.

[26] Оригинал паспорта: ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 932 (см. воспроизведение: Литературный факт. 2018. № 8. С. 11).

в вишневом цвету», — вспоминал Ремизов, переписывая в 1948 г. свои письма к жене для будущего эпистолярного романа «На вечерней заре», по всей очевидности, символически связывая весеннее обновление природы с избавлением от многочисленных угроз начала 1923 г. В «Мышкиной дудочке» о завершении берлинского «безвременья», пережитого в ожидании продления вида на жительство, читаем:

> Потребовалось личное вмешательство прусского министра внутренних дел Северинга. И только когда зацвела в Вердере вишня, нам снова выдали по удостоверению Северинга желтый «персональаусвейс» — правожительство на три месяца[27].

Ремизов А.М. Надпись на конверте с подборкой документов 1922–1923 гг. ОРФ ГЛМ.

Следующий штамп появился в паспорте, соответственно, 4 августа. Благодаря не слишком симпатизировавшей Ремизову художнице Ланг коллекцию анекдотов, живописующих поведенческие девиации писателя[28], пополнила история о том, как, по нашим предположениям, в этот день либо позже — 22 сентября Ремизов, явившись строго по расписанию в Берлинский Отдел паспортов, разыграл сцену, архетипически близкую к традиции шутовства и юродства. Евгения Ланг, сопровождавшая плохо объяснявшегося на немецком языке писателя, даже полвека спустя не смогла забыть испытанного ею позора, когда сначала она увидела ужас в глазах паспортиста, а потом и сама разглядела, что, по-видимому, обложку аусвайса (а не сам паспорт, как

[27] *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 10. С. 140.

[28] Ср. такой набор по большей части выдуманных историй в воспоминаниях дочери М.О. Гершензона: «За границей он держался чудаком (налет наигранной “юродивости” был вообще ему свойствен), так что в берлинской писательской среде о нем ходили анекдоты. Не зная ни одного иностранного языка, он, по-видимому, бравировал этим, допуская в адрес немцев эпатирующие выходки. Так, рассказывали, что однажды он явился в магазин покупать галстук и будучи уверенным, что русское название этого предмета происходит от немецкого Hals Tuch, просил дать себе таковой. Продавец не мог его понять. Ремизов знаком пояснил, что ему надо. Поняв, продавец воскликнул: “Kravatte!“ “Нет, — ответил Ремизов, — не нужна мне кровать, я пришел покупать галстук”. Находясь в Лондоне и желая купить апельсины, он требовал “апельсейшен” и т.п.» (М.О. Гершензон в Берлине. Из воспоминаний Н.М. Гершензон-Чегодаевой / Публ. М. Чегодаевой // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 3. Иерусалим, 1994. С. 250).

запомнилось рассказчице) Ремизов разрисовал «обезьянами» — надо полагать, в символике Обезьяньей Великой и Вольной палаты. Воображая рассказанную Ланг сцену, мы можем догадаться, что вопрос изумленного чиновника, обращенный к русскому господину (“Wer sind Sie?” — «Кто Вы?»), в сущности, уже не подразумевал ответа, но посетитель отрекомендовался без ложной скромности: “Ich bin Affen König” — «Я обезьяний царь»[29].

Мы не знаем, шутовством или отчаяньем был продиктован такой «сюрприз» для паспортных служб, вынуждавших писателя-иностранца к постоянным визитам в Полицайпрезидиум: ведь каждый раз, подходя к окошку паспортиста, он не был уверен, что срок его пребывания в Берлине продлят хотя бы временно. Возможно, при подготовке к очередному походу за разрешением на жительство в голове Ремизова и пронеслись мысли, post factum воспроизведенные им значительно позже: «…казалось, пусть бы зеленый шуцман сразу всё кончил и пусть Моабит (тюрьма), я не знаю, куда еще, только б освободиться»[30]. Но вероятнее всего, не поддавшись посещавшим его в то время паническим настроениям, он решил развеселить сердце делопроизводителя и предъявить «обезьянье свидетельство» — единственно подлинный документ, удостоверяющий личность и права членов Обезвелволпала, о котором он напишет уже под впечатлением всех паспортных мытарств, не закончившихся и в последующие годы эмиграции[31]:

> «Обезьянье свидетельство заменяет визы во все государства и дает бесконтрольный пропуск в леса, в поля, в болота и прочие трущобы всего земного шара. <…> кавал. обеззн. имеет неограниченные права переходить, переезжать и перелетать все границы и через любые заставы, поставленные “свободолюбивыми” человеческими ячейками, и не связан никакими обязательствами и клятвами и никому ничего

[29] См.: *Дувакин В.Д.* Беседы с Евгенией Ланг. С. 157–158.

[30] *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 10. С. 140. Шуцман (*нем.* Schutzmann) — полицейский Веймарской республики.

[31] Ср. запись Н.В. Кодрянской о походе Ремизова в парижскую префектуру, по всей вероятности, накануне войны: «Вспоминаю, как Алексей Михайлович ходил в префектуру подавать кардидентите <удостоверение личности. — *Е.О.*>. В то время в префектуре приходилось простаивать в очередях часами, иногда и по два. Когда Алексей Михайлович собирался идти, было очень холодно, и он оделся не совсем обычно: поверх пальто закутался в красную женскую шаль, перевязав ее на груди, как это делают бабы, крест на крест; на голову надел еще вывезенную из России странной формы высокую суконную шапку, опушенную мехом. сгорбленный, маленький, в очках, с лохматыми, торчащими вверх бровями, в невероятно больших калошах, зашагал в префектуру. В руках нес прошение на гербовой бумаге, расписанное им самим и разукрашенное разными заставками и закорючками…» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 15–16).

не должен — волен делать, что хочет, и думать, как взбредет в голову, храня хвост»[32].

Рисунки пришлось выводить специальными средствами, паспорт всё же продлили, но теперь и сам писатель понимал, что из Германии его вытесняют не местные власти, а полное отсутствие перспектив на жизнь и работу. Так, очевидно, намного быстрее, чем этого хотелось бы Ремизову, проблема отъезда из Берлина поставила его перед решением главной дилеммы, объективировать которую он медлил с момента появления в «Известиях ВЦИК» заметки о том, что писатель намеревается вернуться в Петроград[33]. Однако теперь покинуть Берлин не означало вернуться в Россию. На другой чаше весов возникло альтернативное решение — продолжить путь на Запад. Переезд в Прагу больше не обсуждался, оставался Париж, куда постепенно, спасаясь от нищеты, стали стекаться русские берлинцы.

Возможности найти источник заработка с разорением многих издательств ограничивались надеждами на единичные гонорары за публикацию переводов его произведений, а о новых книгах не приходилось и мечтать. Бытовые заботы всё больше замещали литературный труд, и Ремизов всё чаще называл себя бабкой Анисьей, ассоциируясь с нянькой Серафимы Павловны, которая ходила за ней, когда та была ребенком. Вот и вырвалось в письме Серафиме Павловне в Вердер 8 апреля: «Не может нянька больше своих книжков издавать, это ее беспокоит даже и на Пасху»[34]. Из несостоявшихся изданий 1923 г. навсегда остались неосуществленными книги «Баранки» и «Бык-Корова», объединявшие рассказы о тюремном заключении и политической ссылке 1896–1903 гг.[35]

В 1923 г. вышли в свет книги, отданные в производство в 1922 г., в основном издания З.И. Гржебина, представлявшие собой новые («шарлоттенбургские») редакции произведений и сборников, — повесть «Крестовые сестры», «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым», «Русалия». Все книги были оформлены Н.В. Зарецким, тесное

---

[32] Цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5: Взвихрённая Русь. М., 2000. С. 224. Впервые: *Ремизов А.* Рожь: Из книги «Взвихренная Русь» (1919–1920) // Перезвоны. 1925. № 3. С. 64–65.

[33] «В письмах, полученных из Берлина в Петрограде от Алексея Ремизова, последний сообщает, что весною собирается вернуться в Петроград» (Известия ВЦИК Советов. 1922. № 40, 19 февр. С. 3).

[34] См. в публ (с. 38,74 наст. изд.). Пасха по православному календарю в 1923 г. пришлась на 8 апреля.

[35] Упоминания об этом см. в автобиографии Ремизова 1923 г., приготовленной для журнала «Новая русская книга» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском ин-те. Paris, [1983]. С. 185–186; далее: Русский Берлин, с указанием страниц). Здесь же писатель привел еще свыше десяти запланированных им книг.

дружеское общение с которым сохранится на долгие годы[36]. Как видно из переписки и фрагментов воспоминаний, в 1922–1923 гг. писатель более охотно контактировал с художниками, нежели с литераторами. Объяснение этому предпочтению, на наш взгляд, крылось в причастности его окружения к авангардизму как направлению, обращенному к новым средствам выразительности и формотворчеству. Несомненное притяжение к Ремизову творческих людей нового времени подтверждается его контактами берлинского периода с такими представителями «левого» искусства, как живописцы И. Пуни и К. Богуславская, литовские скульпторы К. Зале и А. Дзеркал, пропагандист русского авангарда, впоследствии известный художник Л. Лозовик, формалист В. Шкловский, теоретик кинематографического искусства А. Бакши, музыкант В. Парнах. Эта часть творческой интеллигенции в наименьшей степени была озадачена вопросами внутрицеховых группировок по политическим мотивам. С ними Ремизов чувствовал себя таким же художником, работающим над новой формой выражения своей темы. Молодой поэт Вадим Андреев познакомился с Ремизовым именно в такой компании:

Обложка работы Н.В. Зарецкого.

> В Берлине А.М. Ремизова я в первый раз увидел и услышал в ателье художника Н. Зарецкого, где изредка устраивались литературные вечера. Здесь бывали Архипенко, Ларионов, Богуславская, Пуни, Минчин, Терешкович, Шаршун, который писал не только дадаистические рассказы, но и картины. В тот вечер Алексей Михайлович читал отрывки из «Взвихренной Руси», книги, над которой он тогда работал[37].

[36] См. новейшее дополнение к биографии художника с библиографией литературы о нем: *Поляков Ф.* Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 236–265.

[37] В 1923 г. текст романа еще формировался под заголовком «Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова» и публиковался в журнале «Эпопея» (М.; Берлин).

Под занавес деятельности издательства Гржебина в Берлине вышла полная редакция воспоминаний Ремизова, написанных на основе личных дневников и подлинных писем В.В. Розанова, — «Кукха. Розановы письма». Книга имела авантюрную историю создания, связанную с пропажей и находкой рукописи, так что подготовка ее к печати была своего рода победой над превратностями судьбы, пережитыми в первые два года эмиграции[38]. Однако подлинный смысл издания «Кукхи» состоял не столько в завершении авторского замысла, родившегося еще в России, сразу после трагической смерти философа, сколько в манифестации осознанного автобиографизма и интерсубъективности личного творчества. Экспериментальность повествовательной формы, созданной на основе монтажа подлинных, как сейчас сказали бы, «эго-документов», и провокационность содержания, раздвигающего границы интимности и репрезентации авторского «Я», — две причины, на основании которых Ремизов сближался с авангардистами, неожиданно претендуя сменить признанный статус традиционалиста на кредо новатора[39].

Возможно, если бы «Кукха» была опубликована в России, писатель воспринял бы этот факт как предоставление свободы творчества, и вопрос о его возвращении на родину решился бы без мучительных раздумий. В 1922 г. Ремизов был обнадежен изданием этой книги в московской кооперативной артели писателей «Круг», однако в конце марта 1923 г. рукопись без объяснений была отклонена. Прошло два месяца, и так же рухнула надежда на издание полного текста романа «Канава» (другое название «Ров львиный»)[40]. Б. Пильняку, принесшему роман в редакционный портфель «Круга», пришлось признать, что артель в 1923 г. оказалась под партийным идеологическим контролем. Эти перемены издательской политики, исходящие от одного из членов редакции — А.Я. Аросева, вынудили и самого Пильняка выйти из состава объединения. 13 мая он писал Ремизову в подавленном настроении: «…Ров львиный *запретила* цензура, и он в “Круге” не появится»[41].

---

[38] Подробнее см.: *Обатнина Е.* Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // *Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 231–319.

[39] Ср. высказывание Ремизова о другой его книге «Россия в письменах», также построенной на подлинных документах русской бытовой культуры: «…это не историческое ученое сочинение, а новая форма повествования, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия — века» (Русский Берлин. С. 178).

[40] Подробнее см. в статье: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова // Литературный архив советской эпохи: Сб. статей и публ. / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). СПб., 2018. С. 41–42.

[41] *Пильняк Б.А.* Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М., 2010. С. 30.

Все эти поначалу перспективные издательские планы проходили на фоне достаточно продуманной тактики Ремизова по подготовке своего возвращения в лоно отечественной литературы[42]. Желание вернуться на родную почву и вместе с тем сохранить status quo писателя прежней формации — вне социалистической идеологии и политики — прочитывается в желании Ремизова осуществить публикацию собственного жизнеописания в советском издании. Первоначально предполагалась публикация для журнала «Паруса» (под. ред. В. Лидина), идеей которого было объединение русских писателей, оказавшихся по разные стороны государственной границы. Однако это проект периодической печати выдержал лишь один номер, и ремизовская автобиография при посредничестве того же Лидина увидела свет под названием «Алексей Ремизов о себе» в февральском номере журнала И. Лежнева «Россия» за 1923 г.[43] Оценил ли писатель, что нежданно-негаданно угодил в сменовеховскую «ловушку», история умалчивает. Однако, без всякого сомнения, он понимал, что ожидавший его в России Всероссийский союз писателей практически утратил свойства того «братства», которое создавалось в условиях выживания 1917–1921 гг. при советской власти, несмотря на прежние разногласия реакционеров, либералов и демократов. Теперь в литературной среде новой России так же, как и во всех сферах жизни, установилась гегемония пролетариата, требовавшая абсолютного признания «свершений» Октябрьского переворота.

На первый взгляд Ремизов отвечает ожидаемой установке, когда в описание ключевых событий жизни и творчества включает патетический пассаж, посвященный 1917 г. Однако вместо гимна конкретной революции в отдельно взятой стране он предлагает философское осмысление идеи революционного бунта, соединившей утопическую мечту о рае на земле и беспощадность катаклизма, разрушающего старое и порождающего новое, не щадя человека. Эта часть репрезентации отношения к историческому слому 1917 г. уже прозвучала в опубликованной главе «Временника Алексея Ремизова»[44]. В автобиографии писатель значительно нивелировал тему жестокости революционного суда. В первый и последний раз из-под его пера появятся слова начальной строки:

[42] О контактах Ремизова с советскими издательствами, сотрудничестве и планах см. подробнее: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова. С. 11–47.

[43] Повторно автобиография без изменений в тексте (дополненная фотографией писателя и двумя публикациями его произведений — фрагментом из романа «Ров львиный» и сказки «Ё») опубликована в сборнике под редакцией Вл. Лидина: Литературная Россия: Сб. современной русской прозы. М.: Новые вехи, 1924. [Вып.]. 1. С. 27–33. Сборник появился в конце марта 1924 г.

[44] Публикация главы состоялась в последнем номере «Эпопеи», вышедшем в декабре (1922. № 3), с датировкой: «1917–1922, 17 VII. Breitbrunn am Ammersee».

Великая русская революция 1917 г. <курсив. — *Е.О.*>
революция, как пробуждение человека в жестоком
дне жизни,
революция, как семенной весенний вихрь,
революция, как суд человека над человеком,
революция, как пожелания человека человеку.
— «Переделать жизнь по-новому!» — вот клич революции.

В эти годы в России возникло много больших мировых задач — ведь, никогда, кажется, так ярко не горела мечта человека о свободном человеческом царстве на земле, как в России в эти годы.

А красна революция не судом. Красна революция озарением (пафосом) и пожеланиями[45].

В составе «Временника», напечатанного в «Эпопее», процитированный фрагмент из автобиографии, адресованной новой России (назовем ее «советская»), звучал принципиально иначе благодаря высказанной здесь правде, обесценивающей триумф победителей:

революция — пробуждение человека в
жестоком дне,
революция — суд человека над человеком,
революция — пожелание человека человеку.
Красна она не судом
— *жестокая пора*! —
красна озарением
— семенной весенний вихрь! —
пожеланиями человека человеку.
Взорвать мир! — перестроить жизнь! —
спасти человечество!
Никогда так ярко не горела звезда —
мечта человека
о свободном человеческом царстве
на земле.
Россия в семнадцатый год!
но никогда и нигде на земле
так жестоко не гремел погром[46].

[45] Россия. 1923. № 6, февр. С. 26.

[46] Цит. по: Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Мятенье. 1.VI — 10.VII.1917 // Эпопея. 1923. № 3, [дек.]. С. 69. См. также гл. «Деревня» в романе «Взвихренная Русь»: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5. С. 77–78. Курсивом нами отмечены разночтения с редакцией автобиографии, опубликованной в журнале «Россия».

В «советской» автобиографии Ремизов пытался сохранить беспристрастный взгляд на последствия «революционного вихря», по библейскому завету оставив заботу «отмщения» на Божью волю. По возвращении на родину ему предстояло сохранить творческую независимость, и он видел себя в роли хроникера, который, подобно древнерусскому иконописцу, создававшему монументальные фрески человеческого бытия, в словесных символах и образах запечатлевает реалии современности:

> Мне пришло на мысль выразить русским голосом <…> голос народов всего мира и, главным образом, народов отверженных, «диких» или затесненных, обиженных, или погибающих или совсем погибших. Вроде как на старинных фресках, сохранившихся в старых русских соборах, «Страшном суде», когда олицетворенные выходят целые страны и народы и говорят о себе…[47]

Свою эмиграцию, которая на самом деле была вынужденным побегом от невыносимых условий жизни и страха перед революционным «судом»[48], Ремизов стал трактовать как одно из проявлений предначертанной судьбы — временное пристанище скитальца, лишенного родного дома:

> Назвали меня Алексеем — именем Алексея Божия человека — странника римского. И вот нечаянно-негаданно судьба дала мне в руки посох и в ранней молодости странствие выпало мне на долю.

Вместе с тем текст ремизовской автобиографии, адресованной Советам, говорит о попытке адекватной самоидентификации, важной для писателя в тот болезненный период отрыва от земли, с которой он связывал всё свое творчество. Здесь, несмотря на тактическое ослабление темы реалий революционной и постреволюционной жизни, писатель рассказал об итогах своего литературного пути, перечисляя книги, написанные с 1906 г. Не пытался он и перелицевать факты своей биографии так, чтобы они получили признание в Республике рабочих и крестьян. Вместо того чтобы вспомнить увлечение марксизмом, подпольный кружок, организованный в среде пензенских рабочих, и политическую ссылку — словом, те этапы революционной молодости, которые наверняка обеспечили бы ему доверие в глазах пролетарских литераторов и читателей, он упомянул о тюрьме и ссылке в связи с первым циклом

[47] Россия. 1923. № 6, февр. С. 26.

[48] Подробнее см.: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 8–14.

рассказов, написанных в начале литературного пути, предельно кратко: «В книге “Эмалиоль” собраны рассказы из тюремной жизни и ссылки — наблюдения из страннических лет»[49]. Вместо того чтобы замолчать свою родовую принадлежность к господствующему классу, он написал прямо: «Воспитание получил я строго-религиозное», «происхождение мое самое буржуазное: из богатой купеческой семьи и по отцу и по матери»[50].

Весной 1923 г. на весах выбора оказались две практически равновесные по тяжести решений проблемы: одна — начать жизнь «с нуля» в эмигрантском Париже, где литературная конкуренция была подогрета серьезными политическими разногласиями[51]; другая — адаптация в советской действительности, связанная с объективной зависимостью от идеологии, ставшей репрессивным инструментом власти коммунистов. Решение продолжить путь на Запад было принято, очевидно, в мае. Тогда Ремизов неожиданно вернулся к переработке текста автобиографического очерка, написанного полгода назад для журнала «Россия». Что могло побудить писателя снова заняться своим кратким жизнеописанием, как не желание утвердить себя в той системе координат, в которой ему, несомненно, было трудно существовать с житейской точки зрения, но свободно дышать и писать — без оглядки и внутреннего страха остаться чужим в своей стране. В памяти писателя пронзительно запечатлелась трагическая фраза «любимого писателя» В.В. Розанова, прозвучавшая еще накануне Октябрьского переворота в одном из их последних разговоров: «Мы теперь с тобой не нужны»[52]. Переписка с редакторами советских изданий убедила, что в России ему уготована роль слагателя сказок для безграмотной части населения[53]. Очевидно, что и прецеденты цензурных запретов в советской печати, с которой он уже столкнулся, послужили катализатором для трезвой оценки условий и возможностей реализации своего творческого потенциала на родине.

Переписанная наново автобиография была завершена 12 мая 1923 г. и направлена в берлинский журнал «Новая русская книга»[54]. Разночтения с «советской» редакцией указывают на представления писателя о степени свободы для художника в двух жизненных пространствах —

[49] Там же. С. 25.

[50] Там же. С. 25, 26.

[51] См., в частности, в нашей статье: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова. С. 31–32, 46.

[52] Цит. по: *Ремизов А.* Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова: Орь. 27.II — 1.VI.1917 // Эпопея. 1922. № 2, [авг.]. С. 102 (глава «Отпуск»). См. также в составе романа «Взвихрённая Русь»: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5. С. 75.

[53] См. об отношении к Ремизову официальной советской критики: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова. С. 35–38.

[54] Публикацию автобиографии по архивным источникам см.: Русский Берлин. С. 175–187.

Советской России и Зарубежье. Если в первом случае автобиография была создана по заказу советского издания, то во втором не исключено, что Ремизов сам был инициатором этой несостоявшейся публикации, возможно, подготавливая свое появление на горизонте парижской литературной диаспоры. О созревшем решении писателя жить в эмиграции, несомненно, говорят отсутствующее в «советской» редакции перечисление сложившейся за годы пребывания в Берлине обширной библиографии переводов его произведений на немецкий, французский и чешский языки, а также шутливое упоминание об ассимиляции в чужеродной среде под новыми именами:

> Тут же меня и по-другому кличут:
>
> Одни — Remersdorf <…>, другие это те, что меня за китайца признают, те просто — Remiso[55].

Общий стиль второго очерка дышит раскрепощенной свободой высказываний и любовью к русской литературе, которую писатель воспринимает как большую историю личной жизни. Плавно переходя от «буржуазного происхождения» к источникам литературного генезиса — Достоевскому, Гоголю, Лермонтову и Пушкину, — Ремизов писал:

> Жгучую память сохраняю о Достоевском <…> учусь и учился у Гоголя, его глазу, его подвижничеству и терпению <…> люблю Лескова — его «потрясователей основ», «пищепитание» <…> завидна была воздушная проза Пушкина и игольчатая Лермонтова. Но Пушкин — ангел, а Лермонтов — демон, а я не ангел и не демон, я только — «б. канцелярист обезвелволпала»[56].

Упоминание о «Великой русской революции» в «эмигрантской» автобиографии полностью утрачено, а тема народной мечты о новом мире представлена в духе народно-футуристического романтизма:

> эти годы в России возникло много больших мировых (планетарных) задач — ведь никогда так ярко не горела мечта человека о свободном человеческом царстве на земле, как в России в эти годы.
>
> А мечты были подлинно головокружительные до электрификации — до электрификации *ада*!
>
> Электрифицировать преисподнюю, тьму кромешную, вы понимаете?[57]

[55] Там же. С. 175.
[56] Там же. С. 180.
[57] Там же. С. 183–184.

Последняя идея, несомненно, принадлежала Ремизову, который чувствовал необыкновенный размах абсурдизма в революционную эпоху. Нетрудно заметить, что берлинский адресат ремизовского очерка не мог серьезно воспринимать наивный энтузиазм строителя «новой» жизни и, скорее всего, знал о событиях тех лет только по эмигрантским газетам. В мае 1923 г. Ремизов писал для эмиграции, уже безраздельно ассоциируя себя с диаспорой. Здесь впервые он рассказал о тотальном оксюмороне «планетарных» идей и реальности постреволюционного бытия, горько усмехнувшись над ленинским планом ГОЭЛРО:

> По Литейному, помню, с Шкловским[58] шли мы <…> и эта моя мысль электрическая встрепенула его.
>
> — Из-воз-чик!!! — как крикнет он вдруг на весь Литейный, точно автомобильная шина лопнула.
>
> А кони давно пали.
> А падлое мясо — синюю конину — давно поели,
> А съел кто, давно помер.
> А покойников с электрическими лампочками
> — Страх заставный! —
> Всех переловили.

В последней части «эмигрантской» редакции своего очерка, которая по сравнению с «советской» разрослась с 9 до 12 частей, Ремизов не только подводит итоги творческой биографии по состоянию на 1923 г., как это уже было напечатано в журнале «Россия», но и вносит несколько дополнительных штрихов, актуализирующих невысказанный, но логически напрашивающийся вывод: для страны Советов Ремизов остался писателем «проклятого» прошлого[59]. В подтверждение этой латентно присутствующей в тексте мысли он говорит о себе как о «памятнике», пылящемся в музейных запасниках Москвы:

---

[58] Употребление имени В. Шкловского здесь носит знаковый характер как представителя и пропагандиста «левого» искусства, воспринявшего революцию как грандиозный художественный проект. В 1922 г. Шкловский был сотрудником печатного органа международного авангарда “Der Futurismus». См. об этом: *Обатнина Е.* Художник и История, или Как сделан «Памятник погибшим анархистам» // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. С. 208–210.

[59] Ср. досье, представленное в ГПУ в связи с арестом Замятина в августе 1922 г. и готовящимся планом репрессивных мер: «Замятин Е.И. <…>. Скрытый, заядлый белогвардеец. Выступает в своих произведениях всецело против советской власти. Он в тесной компании с бежавшим Ремизовым. Ремизов — это определенный враг. Замятин — то же самое» (Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2006. С. 488).

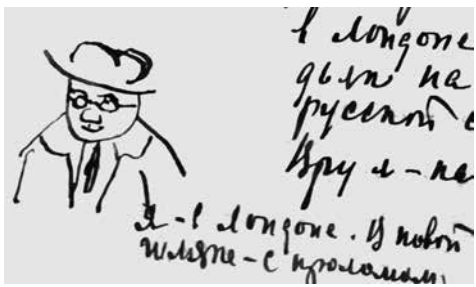
> А в России осталось — в Москве в Замоскворечьи в Толмачевском переулке, где я родился, в Третьяковской галерее стоит деревянный истукан работы Анны Семеновы Голубкиной.

Не случайно писатель приводит здесь и донесшуюся из Петрограда весть от друзей, пытавшихся восстановить для него полный комплект его произведений, изданных с 1907 по 1920 г.:

> И до чего страх-то бывает велик! — взял один да все и сжег: 36 и 5 — 41 книгу!

В 1923 г. этот курьезный, на первый взгляд, случай «аутадафе» послужил для Ремизова очевидным предостережением об опасности возвращения в Россию. В обеих автобиографиях автор подчеркивал временность его пребывания в Германии. Однако в очерке, оставшемся в редакционном портфеле «Новой русской книги», Ремизов, уже готовясь к отъезду в Париж, писал о чувстве, которое ему подарил «русский Берлин», — будто германская жизнь напоминала ему московскую, особенно по воскресным дням, когда

> такой в церквах звон подымается, не знаешь —
> ли ты в Москве,
> ли ты в Берлине[60].

Никитин Н.Н. Автопортрет. Рис. (чернила) из письма Никитина А.М. Ремизову. Лондон, не позднее 23 мая 1923 г. Amherst.

Через четыре дня после завершения «эмигрантской» автобиографии придет очередное косвенное подтверждение верности выбора пути в Париж. Случилось так, что серапионовец Н. Никитин и близкий к братству Б. Пильняк оказались весной 1923 г. командированы в Лондон. Первое же письмо Никитина с берегов «туманного Альбиона» написано в непривычно встревоженном тоне. Еще недавно он старался внушить Ремизову мысль о скорейшем возвращении в Петроград, считая идеологические установки Центрального Комитета коммунистической партии несуществующими для творчества. Теперь же, отвечая на настой-

[60] Русский Берлин. С. 185.

чивые вопросы Ремизова о реалиях советского бытия, «брат-ритор», как прозвали его литературные друзья, вдруг понизил накал советского оптимизма, очевидно, переживая потрясение от контраста цивилизационного уровня жизни в Англии по сравнению с отчизной:

> Существовать в России можно. Последнее время меня и Бориса ругают[61], ну да брань на вороту не виснет. Правда, это не хорошо… Поживем — увидим. Главное — это политика[62]. Если это определяет литературу, критики из «Правды», противно. Но довольно об этом. Живу хорошо — вернее, жил[63].

В июне в Германию для лечения приехал М.О. Гершензон с женой и дочерью. Остановка в Берлине была связана не только с посещением докторов, но и с желанием увидеться со старыми друзьями, число которых в столице Германии значительно увеличилось с прибытием «философского парохода» летом прошлого года. Встречался он и с Ремизовыми, с которыми был связан многолетними добрыми отношениями[64]. Самой горячей темой бесед стал вопрос об эмиграции.

[61] Подразумеваются критические выпады со стороны Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), направленные на дискриминацию творчества писателей-«попутчиков». В частности, повесть Никитина «Рвотный форт» была аттестована в первом номере журнала «На посту» за 1923 г. как «рвотная порнография» и «контр-революция, допущенная главлитом и напечатанная Госиздатом» (*Волин Б.* Клеветники: (Эренбург, Никитин, Брик) // На посту. 1923. № 1. Стлб. 19–24), а творческий стиль Пильняка в том же номере журнала получил негативную атрибуцию «пильняковщина». (см.: *М.П.* Литературная пильняковщина // Там же. С. 150). Новый «термин» подхватили и другие критики, см., в частности, статью Вад. Смушкова «Пильняковщина: Буржуазное окружение в литературе, или как мы “боремся” на идеологическом фронте» (Рабочая Москва. 1923. № 48, 3 марта. С. 3), где словообразование от фамилии писателя использовалось для обобщенного описания творческой деятельности представителей «буржуазной беллетристики».

[62] Здесь, очевидно, Никитин, подчеркивал принципиальное несогласие с оценками художественных произведений с позиций политической тенденциозности, против которой Никитин выступил вместе со всеми участниками группы «Серапионовы братья» в публичном ответе на статью С. Городецкого «Зелень над плесенью» (Письмо в редакцию (ответ «Серапионовых братьев» Сергею Городецкому) // Новая Россия. 1922. № 2. С. 160). Подробнее см.: Письмо-протест К.А. Федина и Вс.В. Иванова в редакции газет (1922) / Публ. В.В. Перхина // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2. СПб., 2006. С. 17–26.

[63] Письма С.Н. Сергеева-Ценского и Н.Н. Никитина в эмигрантском архиве А.М. Ремизова: 1920-е гг. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Литературный архив советской эпохи. С. 223.

[64] См. публикацию Т.М. Макагоновой переписки Ремизова с Гершензоном (1905–1922) из архива Гершензона в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (Река времен. Кн. 3. С. 156–173), а также: Переписка В.В. Розанова и М.О. Гершензона: 1909–1918 / Вступ. статья, публ. и коммент. В. Проскуриной // Новый мир. 1991. № 3. С. 215–242; *Гершензон М.* «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893–1925 годов / Сост., коммент. Е.Ю. Литвин; послесл. В.В. Сапова. М., 2016. С. 306–339.

Ремизов к этому времени уже был убежден, что в России творческая жизнь художника ограничена идеологической цензурой. Характерно, что, не поддавшись на уговоры эмигрировать, в письме к Л.И. Шестову в Париж историк объяснял решение вернуться в Москву, характеризуя эмигрантское бытие своих товарищей короткой формулой: «призрачно, пустынно, одиноко»[65]. В сущности эти три слова емко описывали и состояние Ремизова, который в течение двух лет пребывания заграницей испытывал приступы ностальгии и в 1922 г. даже отнес в советское консульство заявление о разрешении вернуться домой.

В конце июля в Берлин из Парижа приехал и сам Лев Шестов, единственный человек, которому Ремизов поверял все свои литературные и житейские дела. Общественный авторитет философа в эмиграции был практически безграничным как среди литераторов всех политических векторов, так и среди бывших финансовых магнатов. Большой круг знакомств связывал его с французской аристократией, а также с богатыми иностранцами, жившими в Париже и в Берлине. Творческие, дружеские и деловые связи философ умудрялся умело использовать во благо бедствующих соотечественников. Ремизов как близкий друг был первым в этом ряду. Благодаря Шестову состоялось его знакомство с известным психоаналитиком Максом Эйтингоном, особняк которого в престижном берлинском районе Тиргартен был открыт для отдельных представителей русской диаспоры[66]. В один из вечеров, проведенных Ремизовым вместе с Шестовым в гостях у Эйтингона, решился вопрос о практической стороне переезда во Францию. В течение последующих трех месяцев Шестов был занят поиском меценатов, которые обеспечили Ремизову финансовую поддержку и хлопотали о визе. Основными участниками созданного «комитета помощи» Ремизову стали доктор Эйтингон и добродетельная С.Г. Балаховская-Пети, которая в 1920 г. помогла и самому Шестову с семьей получить вид на жительство во Франции[67].

---

[65] М.О. Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920–1925) / Публ. А. д'Амелиа и В. Шестова // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. [Вып.] 6. С. 288.

[66] См., в частности, воспоминания Н.М. Чегодаевой-Гершензон о приеме в богатом берлинском доме, на который также был приглашен Ремизов с супругой. Предположительно хозяином дома был именно Эйтингон и его жена — русская актриса (М.О. Гершензон в Берлине. Из воспоминаний Н.М. Гершензон-Чегодаевой. С. 249–250). Подробнее о взаимоотношениях супругов Эйтингонов с русской диаспорой в Берлине см. в статье В. Хазана «"Благодаря вам отчасти он мог продолжить свою работу до конца": Лев Шестов и Макс Эйтингон» (Исцеление неисцелимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост. В. Хазан, Е. Ильина; вступ. статья В. Хазана. М., 2013. С. 15–36).

[67] См. о ней: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: по переписке и воспоминаниям современников. В 2 т. Paris, 1983. Т. 2. С. 302–303.

В письме от 12 сентября верный друг рассказывал о своей деятельности, набросав план жизни Ремизовых в Париже «на первое время»:

> Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович! <…> вчера был у англичанок. Они обещали всячески помочь, только что смогут они сделать, еще не известно. Они предложили пока 5 фунтов — но я сказал, что лучше они их тебе предоставят, когда ты в Париже будешь. Написал ты письма? По-моему, вот как следует сделать. Нужно попросить доктора, чтобы он дал тебе столько, сколько нужно, чтобы доехать до Парижа. Он много раз говорил мне, что если будет нужда, он тебя поддержит. Затем нужно попросить Софью Григорьевну <Балаховскую-Пети> о визе. Если будет виза и деньги на проезд — поезжайте. Первое время Сер<афима> Павловна, как вы мне говорили, может остановиться у знакомых. А ты, Ал. Мих., можешь 2, 3 недели пожить у Сем<ена> Владимировича <Лурье> (я с ним вчера говорил). Так что не будет затрат на гостиницу. А там — будем хлопотать[68].

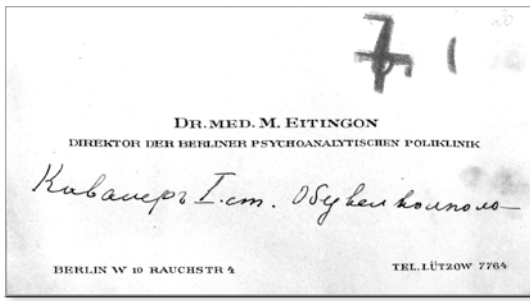
В октябре пришло известие из советского консульства о Постановлении ВЦИК выдать Ремизову вид на жительство в России. Этот документ писатель получил у Полномочного Представителя РСФСР в Германии 29 октября с пометкой о действительности сроком ровно на год (до 29 октября 1924 г.). Разрешение на въезд в Россию, выданное Консульским Отделом Полномочного Представительства, от 1 октября 1923 г. было действительно по 2 декабря 1923 г.[69] Таким образом, виза обеспечивала лишь временное право на проживание в родной стране и вместе с тем вменяла в обязанность срочно вернуться в Россию, потратив на сборы не более месяца. Такие условия, выдвинутые российской стороной, только укрепили писателя в решении остаться за границей.

По-видимому, Балаховская-Пети подключила к переговорам с французским министерством иностранных дел Н.К. Рериха, который как раз в это время готовился к отъезду в Индию. Именно от художника пришло первое известие о том, что французская граница открыта, но, как выяснилось несколько позже, документы были готовы только для Ремизова. Последний раз давние знакомые обменивались письмами в ноябре 1916 г. и тоже при самых сложных обстоятельствах, когда Ремизов был призван в действующую армию как ратник второго разряда. Неизменно приветливо, как и восемь лет назад, именитый соотечественник сообщил о своей помощи как само собой разумеющемся деле:

---

[68] Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 102.
[69] РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 38. Л. 13.

Родной мой Алексей Михайлович, — виза Ваша лежит у французского консула. Взяли ли Вы ее? Будем сердечно Вам рады — повидаться перед новым путем. Привет Серафиме Павловне. Духом с Вами. К. Рерих[70].

Визитная карточка Макса Эйтингона. Надпись рукой С.П. Ремизовой-Довгелло: «Кавалер I ст<епени> Обезвелволпала». <1923>. Amherst.

Следом было получено сообщение Балаховской-Пети о визе для обоих супругов[71].

Так Ремизовы присоединились ко второй «берлинской волне» эмигрантов, населивших Париж[72]. Еще не найдя постоянного места жительства, писатель известил «ключаря» Обезвелволпала Осипова:

Дорогой Сергей Яковлевич!
Потихонечку, не без приключений добрались до Парижа[73].
Алексей Ремизов.
Впишите: Николай Константинович Рёрих кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака> I ст<епени> со львиной лапой и посол Индии[74].

Макс Эйтингон также стал кавалером обезьяньего знака I степени[75], но оценил ли он возложенные на него обязательства члена Обезвелволпала, мы не знаем.

---

[70] Amherst. Series 1. B. 2. F. 5. P. 209.

[71] Amherst. Series 1. B. 3. F. 5. P. 1.

[72] См. ремизовские наблюдения о разнице между первой и второй «берлинскими» волнами, наводнившими Париж, в романе «Мышкина дудочка» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 10. С. 136).

[73] Ремизовы прибыли в Париж 7 ноября 1923 г.

[74] «В России, как встретимся, будем вспоминать». С. 259. О творческих контактах Ремизова и Рериха, познакомившихся 11 октября 1905 г. через Г. Чулкова, см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 7. М., 2002. С. 49; *Дубнова Е.Я.* А.М. Ремизов в Драматическом театре В.Ф. Комиссаржевской // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1992. М., 1993. С. 97–100; *Рерих Н.К.* Письмо к А.М. Ремизову / Вступ. заметка, публ. и коммент. С.С. Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 196–199. Очевидно, что Рерих удостоился обезьяньего титула за организацию визы для переезда Ремизовых из Берлина в Париж.

[75] Титул кавалера обезьяньего знака I степени зафиксирован рукой С.П. Ремизовой-Довгелло на визитной карточке доктора (Dr. Med. M. Eitingon / Director der Berliner Psychoanalytischen Poliklinik / Berlin W 10 / Rauchstr 4 / Tel LÜTZOW 7764) (Amherst. Series 1. B. 20. F. 5).

Литература

Азадовский К.М., Лавров А.В. Новое о встречах Томаса Манна с русскими писателями // Русская литература. 1978. № 4. С. 146–151.

Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920–1930-е гг. // Русский Берлин: 1920–1945. Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2006. С. 369-405.

«В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 218–265.

Дувакин В.Д. Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах / Подгот. текста О.В. Жигулиной, С.Г. Петрова, М.В. Радзишевской, В.Ф. Тейдер; коммент. В.В. Радзишевского. М.: Common place; Устная история, 2018. 226 с.

Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 704 с.

М.О. Гершензон в Берлине. Из воспоминаний Н.М. Гершензон-Чегодаевой / Публ. М. Чегодаевой // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 3. Иерусалим, 1994. С. 240–256.

Обатнина Е. Вариации памяти (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. С. 231–319.

Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 8–45.

Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 158–197.

Пильняк Б.А. Письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К.Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 568, 672 с.

Письма С.Н. Сергеева-Ценского и Н.Н. Никитина в эмигрантском архиве А.М. Ремизова: 1920-е гг. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Литературный архив советской эпохи: Сб. статей и публ. / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). СПб.: Росток, 2018. С. 193–237.

Поляков Ф. Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 236–265.

Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 5: Взвихренная Русь. М.: Русская книга, 2000. 688 с.

Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2003. 592 с.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, [1983]. 422 p.

References

Azadovskii K.M., Lavrov A.V. Novoe o vstrechakh Tomasa Manna s russkimi pisateliami [New facts on Thomas Mann's meetings with Russian writers]. *Russkaia literatura*, 1978, no 4, pp. 146–151. (In Russ.)

Bocharova Z.S. Uregulirovanie prav rossiiskikh bezhentsev v Germanii v 1920–1930-e gg. [Adjustment of the rights of Russian emigrants in Germany in 1920–1930s]. *Russkii Berlin: 1920–1945. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian Berlin: 1920–1945. Proc. Int. Sci. Conf.]. Moscow, Russkii put' Publ., 2006, pp. 369–405.

Duvakin V.D. *Besedy s Evgeniei Lang. Vospominaniia o Maiakovskom i futuristakh* [Conversations with Eugenia Lang. Memories about Mayakovsky and Futurists], ed. by O.V. Zhigulina, S.G. Petrov, M.V. Radzishevskaya, V.F. Teider, comment. by V.V. Radzishevsky. Moscow, Common place Publ., Ustnaya istoriya Publ., 2018. 226 p. (In Russ.)

Fleishman L., Hughes R., Raevsky-Hughes O. *Russkii Berlin, 1921–1923: Po materialam arkhiva B.I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute* [Russian Berlin, 1921–1923: Based on B.I. Nikolayevsky archives in the Hoover Institution]. Paris, YMCA-Press, 1983. 422 p. (In Russ.)

Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-h godov. T. 1. Ch. 2: Moskva i Petrograd 1921–1922 gg. [Literary life in Russia of the 1920s. Vol. 1. Part 2: Moscow and Petrograd in 1921–1922], ed. by A.Yu. Galushkin. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2006. 704 p. (In Russ.)

M.O. Gershenzon v Berline. Iz vospominanii N.M. Gershenzon-Chegodaevoi [M.O. Gershenzon in Berlin. From N.M. Gershenzon-Chegodaeva's memoirs], publ. by M. Chegodaeva. *Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ya* [Jews in the Russian émigré culture], publ. and comp. by M. Parkhomovskii. Vol. 3. Jerusalem, 1994, pp. 240–256. (In Russ.)

Obatnina E.R. Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: nachalo emigratsii. 1921–1922 gg. [Studies on A.M. Remizov's creative biography: the beginning of emigration. 1921–1922]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 7, pp. 8–45. (In Russ.)

Obatnina E. Variatsii pamiati (Tvorcheskaia istoriia "Kukkhi" i drugikh memuarnykh svidetel'stv Remizova o Rozanove) [Variations of memory (Creative history of "Kukkha" and other Remizov's memorial records about Rozanov)]. Remizov A.M. *Kukkha. Rozanovy pis'ma* [Kukkha. Rozanov's letters], ed. by E. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 231–319. (In Russ.)

Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym [L.I. Shestov's correspondence with A.M. Remizov], intro., ed. and comment. by I.F. Danilova and A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, 1993, no. 1, pp. 170–181; no. 3, pp. 158–197. (In Russ.)

Pil'niak B.A. *Pis'ma: V 2 t.* [Letters, in 2 vols.], publ., intro. and comment. by K.B. Andronikashvili-Pil'nyak and D. Kassek. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2010. 568, 672 pp.

Pis'ma S.N. Sergeeva-Censkogo i N.N. Nikitina v emigrantskom arhive A.M. Remizova: 1920-e gg. [Letters by S.N. Sergeev-Censkii and N.N. Nikitin at A.M. Remisov's emigration archive] intro, ed., komment. E.R. Obatninoi // *Literaturnyi arhiv sovetskoi epohi: Sb. statei i publ.* / IRLI RAN (Pushkinskii Dom). St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, pp.193–237. (In Russ.)

Polyakov F. Avtobiograficheskie pis'ma Nikolaya Zaretskogo [Nikolay Zaretsky's autobiographical letters]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2018, vol. 6, s. 236–265. (In Russ.)

Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 5: Vzvikhrennaia Rus'* [Collected works. Vol. 5: Russia Swirled Up]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 688 p. (In Russ.)

Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 10: Peterburgskii buerak* [Collected works. Vol. 10: Petersburg Gully]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2003. 592 s. (In Russ.)

"V Rossii, kak vstretimsia, budem vspominat'". I. Perepiska A.M. Remizova s S.Ia. Osipovym (1913–1923). II. Pis'mo V.Ia. Shishkova k A.M. Remizovu (1921) ["In Russia, as we meet, we will remember". I. A.M. Remizov's correspondence with S.Y. Osipov (1913–1923). II. V.Y. Shishkov's letter to A.M. Remizov (1921)], publ., intro. and comment. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2001]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, pp. 218–265. (In Russ.)

Studies on A.M. Remizov's creative biography: "…either to Russia, or to Paris…" 1923

© 2019, Elena Obatnina

Abstract: The article presents a fragment of Alexey Remizov's biography, dedicated to the period of his life in Berlin. Based on rare archival documents and memoirs of contemporaries related to 1923, a complete picture of the writer's life and works at one of the turning points of his life is created. The article forms a historical and literary context to the chapter from Remizov's manuscript "At the Evening Dawn", 1923.

Keywords: creative biography, epistolary heritage, archival materials, émigré culture and literature.

Information about the author: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Citation: Obatnina Elena. Studies on A.M. Remizov's creative biography: "…either to Russia, or to Paris…" 1923. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 8–35. (In Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-8-35.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-36-91
УДК 821.161.1

А.М. Ремизов

«На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923*

Комментарии *Е.Р. Обатниной*
Подготовка текста *Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной*

Аннотация: Публикуется очередная глава из рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» (1943–1948), представляющая собой авторскую редакцию писем писателя к его жене С.П. Ремизовой-Довгелло 1923 г. Эпистолярный дискурс рукописи отражает обстоятельства периода, проведенного супругами в Берлине перед отъездом в Париж. Комментарии содержат дополнительный материал к биографии писателя, почерпнутый из архивных источников. В Приложении помещены подлинные письма Ремизова.

Ключевые слова: творческая биография, эпистолярный жанр, архивные материалы, эмиграция, русская диаспора.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина, к.ф.н., хранитель Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва, Россия. E-mail: urjupina_anja@mail.ru

Цитирование: *Ремизов А.М.* «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 36–91. DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-36-91.

* Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

Глава из незавершенной А.М. Ремизовым рукописи «На вечерней заре»[1] публикуется по беловому автографу (Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея. Ф. 156. Оп. 2. №№ 299, 340) с сохранением авторской пунктуации и некоторых случаев авторской или дореволюционной орфографии. В Приложении представлены тексты оригинальных писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло за 1923 г., при работе над рукописью в 1945–1948 гг. подвергшиеся редактированию. Письма были собраны Ремизовым в отдельную тетрадь, на страницы которой писатель подклеил пейзажные открытки, связанные с поездками, а также внес отдельные пояснительные надписи к хронологии 1923 г. Описание этих дополнений, а также фамилии лиц, упомянутых в оригиналах, приводятся в угловых скобках; авторские подчеркивания выделены курсивом.

Berlin 1923

6–7 января
bei Delion
Charlottenburg I
Kirchstr<asse> 2 II
<41>[1]

Eingang ins Bodental[2]

Поздравляю с Рождеством.

Снег лежит, намело сугробы: едва добрался до почты и так блестит и снегохруст.

Твоя нянька Анисья бесприютная[3].

Berlin 1923
10 марта
40 Märtyrer[4]
<24>

Только что собрался уходить, позвонили из «Бристоля»[5]: просят в ½ 7-го. Ладно. Книги надписал.

[Насколько помню: это Г.М. Паскар, приехала из Москвы[6].]

---

[1] См. предшествующие главы за 1921–1922 гг. (в двух частях): «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81; № 8. С. 8–67.

Ремизов А.М. Пасхальная открытка, адресованная С.П. Ремизовой-Довгелло. 8 апреля 1923 г. ГЛМ.

Berlin 1923
8 апреля
Berlin NW 23
Lessingstr<asse> 16
bei Diepow
<25>

Поздравляю тебя с Х<ристовым> В<оскресеньем>[7]! Это нянька тебе пишет Анисья.

Которая это Пасха, я уж и счет позабыл, а сколько впереди — не загадываю. [Еще 20 — †13 мая 1943.][8]

Не может нянька больше своих книжков издавать, это ее беспокоит даже и на Пасху.

А это [заяц — открытка][9] кум нянькин: Кузьма *Кумилин*, служил в Севпросе курьером[10], который за няньку и пишет.

— Herzliche Ostergrüsse![11] —

Открытки: Werder. Wachtelburg[12]. Baumblüte in Werder[13]. Blick auf die Havel[14]. } Всё в вишневом цвету.

Berlin 1923
9 июля
понедельник
<25>
Kudowa in Schlesien[15]

Где-то ты теперь бродишь? Уж ночь скоро. Нашла ли себе пристанище? Что-то чувствуется мне, что трудно. Утешаю себя: первое время и в раю человеку трудно.

½ 11-го. А уж глаза на сон смотрят. Пью чай. Один. Утром звонил Кобелянский[16]. И сегодня к вечеру, как с тобой уговаривался, так всё и сделал: теперь из 5-и стало 4 раздельно и 800. [Это какой-то размен валюты, тогда трудно это было делать и опасно.]

Кобелянский советует ванны (билетики на ванны) брать на неделю. [Деньги с каждым днем падали, уж подходило к миллионам и бил<л>ионам] Спрашивает: есть ли в Кудове отделение банков — Дрезденского, Deutsches, Disconto, Kommerzprivat. Если есть, то проще всего деньги перевести через банк.

Заходил Лоллий-Балабол[17]. Удивительно, всегда отчет давай. «Ты уехала на неделю к знакомым», сказал я. Так полагается, но все-таки остался недоволен: на «куда»? я ничего не ответил. Принес от Гл<еба> П<етровича> Струве[18] болгарский «Хиперион». Сейчас же я написал в редакцию выслать мне №. Гонорар там не полагается. (Всё как полагается!). В «Хиперионе» перевод моего «Слова Гераклита» («О судьбе огненной»). Напечатано не Гераклит, а *Демокрит*[19], а подпись *Сергей* Ремизов[20].

Да, куда надо отнести корзиночку из-под ягод? На Flensbourgerstr<asse>?

Frau Karos обегала всю нашу Lessingstr<asse>[21] — «не наша», говорят.

Нафталину купил, пересыпал. Шкап заклеен, а другие вещи в картонку.

Письма: тебе от Любови Исаак<овны> Красильщик (Трапезниковой [Москва][22]) — получила ли ты ее открытку от 16.IV? (получила от 22.VI); о Клавдии Никол<аевне>[23] и Андрее Белом, просит уничтожить страницу о них, не понимаю — не разбираюсь, в чем дело; две травки с могилы Софьи Яковлевны (Красильщик); в Москве жарко; М.М. Шкапская уехала[24]; Елиз<авета> Ивановна [петербургская антропософка, стихи в Аполлоне, под испанским псевдонимом, что-то вроде Даниель де Габриак[25], жена «индейца» Лемана[26]] все-таки достанет рукопись (это Тышка?), не желаешь ли, чтобы эта рукопись хранилась у Люб<ови> Ис<ааковны>[27]?

Мне: от Закатимова (Петербург)[28]. Попрошу его разыскать «Иуду» и «Бесовское действо» изд<ательства> ТЕО[29];

от Алданова, что во вторник пришлют деньги («Голос России»)[30]. Я передал Бахраху [Ал<ексанр> Вас<ильевич> Бахрах — критик «Голоса России»][31], чтобы деньги не присылали.

от Уманского (Вена)[32] и утром и вечером. И оба «беспредметные»: пространные рассуждения о переводах.

от R. Kaiser'a (Берлин). S. Fischer будет издавать «В поле блакитном» («Оля», I ч<асть>)[33], просит для "Neue Rundschau" рассказ. Завтра позвоню К. Розенберг[34], и "sofort"[35] повидаться с Lörke[36]. Завтра пойду к ним в редакцию.

Вернешься, то-то чтения будет — на часы!

Тороплюсь, а выходит всё медленно, переписываю рассказ для Шкловского[37]. И больше ничего не делал. Уж завтра придется сидеть.

"Kohlen"-ы (угольные брекеты)[38] завтра привезут — 10 центнеров à 30000 М<арок> + à 1000 М<арок> = 310.000 М<арок> — в 3-и приема.

Вот, такие пустяки, а писал я ровно час. До чего у меня всё медленно!

Утром видел, как перед нашими окнами автомобиль наехал на старуху. Я видел в ту минуту, когда автомобиль затормозил, а из-под колес крикнуло десять горл. Пришлось по ногам. Но видно, не крепко или старуха гутаперчивая, она поднялась, одернула юбку и пошла: соседка, дом напротив. И как странно, я так плохо вижу и все-таки для меня не близко, когда она кричала всеми горлами, я видел отчетливо ее лицо — зеленое с черными губами: очень испугалась. Она дошла до своих дверей, и тут ее под руку взяли. Дети плакали, тоже испугались. Видно, бабушка и внучаты.

Ну, пора. Купайся в кудовских ваннах.

Berlin 1923
10 июля
<26>

Видел во сне Распутина[39]. [Помнишь, мы с ним ехали в одном купе от Ив<анова->Разумника[40] из Царского села, я лицо его хорошо помню.] Он сидел, как в вагоне, у окна, понурившись, потом вытащил из кармана большую морковь, откусил, и, ощерившись, подает мне. «Мы с тобой, сказал он, будем морковные братья!» И слышу, стучат. Я вскочил — ночь — и попал в комнату нашего хозяина Diepow'a — под нами. Но в прихожую — в нашу — не попасть, заперто. Вернулся в комнату, а какой-то в форме путейского инженера, высокий, худой, около электрической лампы что-то смотрит. И ты около стоишь. И всё

у нас перевернуто: ночь, мы спали. «В чем дело?» — спрашиваю. А он, как дурак: «электричество проверяю».

+½ 12-го ночи

Клюю носом. Еще немножко и спать: завтра надо рано.

Опять Лоллий-Балтагон. А мне к Fischer'у[41]. Видел Lörke. Там встретил К. Розенберг. Говорили о переводах и о моем непереводимом.

От Fischer'а к Кирхнеру («Парус»)[42]: Плетнев[43] болен — и о «Бесовском действе» не пришлось[44].

Встретил П.П. Муратова[45]. Говорил он мне об актере Завадском, из Москвы[46], зайдет к нам для разговора о «Иуде» (Трагедия)[47]. Вот, кому я не верю — в разговоры с актерами. Никогда еще не получалось ничего, кроме разговоров.

В "KDW" купил линованную бумагу и конверты[48]. Встретил Левенсона («Огоньки»). Попросил его послать «В поле блакитном» скоро всё разойдется[49]. «Когда надо», он даст экземпляры. Канул Левенсон, навстречу Бахрах. «Что такое?» — «Да Заблудовская не хочет мне "Окна" давать!» — и чуть не плачет. Нашел сокровище: «Окна!» — да этих «Окон» в Париже, наверно, горы[50]. Купил сигар — дополнить пачку.

И сел переписывать: завтра Шкловский. «Миловато» у меня вышло. А я боюсь «сантиментов».

Поздно вечером Шершун <sic!>[51]. Он всё чего-то будто ртом ловит, хотя губы сжаты и носом вверх.

Письмо от Л.И. Шестова[52] (Париж): «Завитушку» не берут ни «Звено», ни «Современные записки». А ему нравится. Рукопись привезет[53]. На днях будет в Берлине.

Боюсь проспать. Это оттого, что много ходил, так смертельно устал.

Из газет: о острове Sylt, рядом с Föhr'ом[54].

Глаза закрываются. Сквозь сон: напомни, расскажу, это случилось около Bellevue[55] в табачном магазине: хозяин, вроде Левенсона, застрял между прилавком и выходом.

Я видел, как распиливали прилавок, чтобы освободить попавшегося в капкан. Сколько жалости было в его лице. Оказывается, защемился он еще с вечера, а обнаружен только утром: какой-то покупатель заявил в полицию («ревир?»)[56].

Ну как-то ты там. И жарко ж, наверное!

11 июля

Едва проснулся. С 6-и у<тра> на ногах. А в Wohnungsamt'е не удалось[57]. До пятницы.

Письмо от Уманского: всё о предполагаемых переводах.

Berlin 1923
11 июля
<27>

Вечером напишу подробно.

Твое письмо получил от 10-го VII. Получил гонорар через В. Шкловского за «Птичку» («Новый огонек»)[58]. Взяли только один этот рассказ. «Сны» у них — на «обсуждении»[59].

Мне сказали, что так лучше посылать деньги письмом. Посылаю 800.000 М<арок>. Это всё, что получил за 400 строчек (14 à 50 = 700.000 + 5 à 20 = 100.000).

Лечись. Я тут всё устрою, не беспокойся.

На письмо от 10.VII, получ<енное> 11.VII.

Послал тебе 800.000 М<арок> — гонорар через В. Шкловского из «Нового огонька» за «Птичку» (про Мильду) — за 400 печатных строк.

Был в редакции на Bambergerstr<asse> 39 и оставил 20 снов — ½ листа. Ответили, что «будут думать»[60]. Это плохо. И беда дальше: не знаю, куда поместить «Завитушку» — куда? — куда? — спрашиваю себя по-куриному. В «Волю России»[61]? Хоть бы Лисевна [Ольга Елисеевна Чернова[62]]… Впрочем, ей и самой не приткнуться и выходит, как от козла молока.

Хотел тебе деньги послать “Wertbrief”[63], но сказали, что так в Кудову вернее.

Чехо-словак не явился, а был Бакша [о судьбе его ничего не знаю, а он жил в Лондоне][64], принес книгу, завтра уезжает и надолго в Париж. Всё-то мы в Париж провожаем: Шершуна <sic!>[65], Олю-Наташу[66] и вот Бакшу. Клялся и божился татарскими словами, что будет писать, принес хабар: хороших сигар.

Сейчас 12-ь <часов>, а я ничего, а оттого, что завтра — никуда, а вот в пятницу —Wohnungsamt.

Заходил Лоллий-Балтимор (всё от слова «болтать»), ему передал И.С. Лукаш[67], что 20-го деньги получу из Праги.

Окна отворяю по заходе солнца. А то пыль и шум. Frau Karos вымыла подоконники. О корзиночке напиши, куда ее отдать.

Представляю твою дорогу. Беда это, когда дурак наумничает. Наверное, в Кудове есть церковь, непременно пройди. Если увидишь, что есть польза, потерпи уж. Знаю, «потерпи» легко говорить и бессовестно.

Жара злющая, но я не замечаю, и только вижу, как мытарятся, ожаренные.

Посылаю тебе вырезку о штанах и описание наружности Ленина[68]. Сохрани.

До свидания. Пиши, как-что.

Арнштам А. Портрет А.М. Ремизова. Берлин, 14 июля 1923. Фотокопия, присланная Ремизову художником 7 мая 1924 г. Музей ИРЛИ.

Berlin 1923

<28>

От Забдудовской (Париж): посылает еще экземпляр «Окна». То-то Бахрах обрадуется[69]!

Во сне Плевицкая[70] — с бородой.

Счет за газ — 44.400 М<арок> и телефон — 1.800 М<арок>. 5 центнеров угля принесли. Frau Karos пойдет искать, где бы еще найти. Обманывают (Обещали 10).

Послал деньги в Finanzamt[71], вернулись: как и в прошлом году чего-то неправильно написал; дознались, конечно.

Сделал я «героический» шаг и размяк. Отдал я З.И. Гржебину «Розановы письма»[72] — 3000 экз<емпляров> и получил 40 «Диповских» — на 4 месяца обеспечено наше житие с Drogeri<e>[73]. [Д<олжно> б<ыть> 40 — это 40 долларов, помню платили валютой]. А «Скифы» давали 10-ь[74].

Гржебину я ничего не сказал, где ты. У него было два сердечных припадка, в среду он уезжает. И что мне понравилось: Гржебин, не читая, взял, а в «Скифах» было б непременно обсуждение.

Приходил Ароштам <sic!>[75]. Еще раз в субботу и кончит мой портрет (карандашом). Это для «Нового огонька»[76]. Представь себе, в редакции встретил Вырубова — это который «Иуду» взял и пропал[77]. И как будто ничего. Хоть бы извинился, дурак.

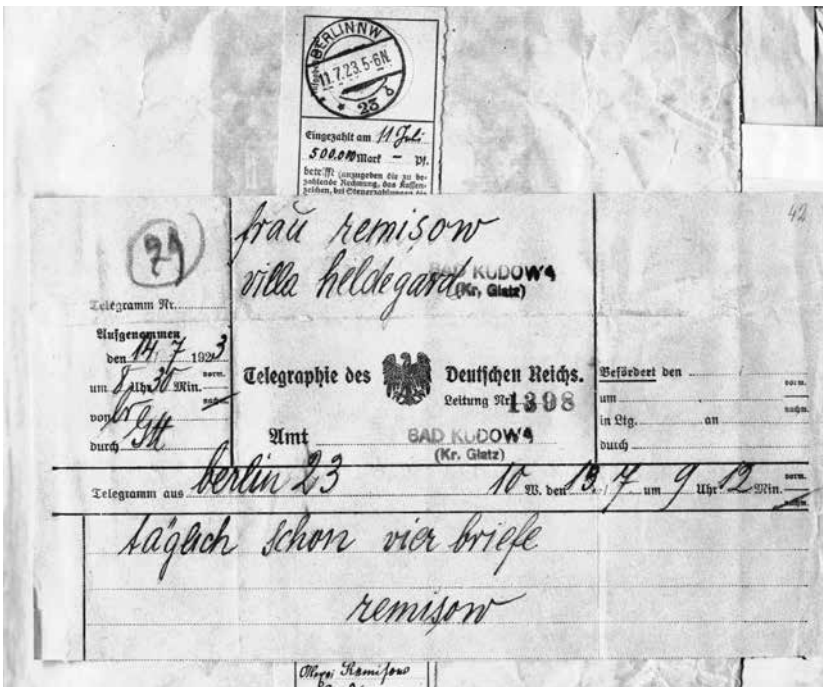
Чернила расплываются. Это от жары.

Вот уж несколько дней, как под окном — это ребятишки, которым видны мои звери и всякие Geist'ы[78]:

Herr Remi — zow
Herr Remi — zow[79]

Принесли твою телеграмму. Не напутали ли, как и во всем, адрес. Каждый день пишу: Kudowa — Sackisch, Schlesien, postlagernd, а теперь Villa Hildegard. Может быть, надо просто: Bad Kudowa?

Теперь-то ты должна получить. Не беспокойся.

Ремизов А.М. Телеграмма С.П. Ремизовой-Довгелло. 14 июля 1923 г. Ежедневные четыре буквы (нем.). ОРФ ГЛМ.

Berlin 1923
13 июля
<29>

Самый жаркий день + 34 R. И меня проняло. И только сейчас 11 ч<а-сов> в<ечера> стало, чем дышать. Утром послал тебе телеграмму. Видел, как написали не “Sackisch”, а что-то вроде “Kristlisch”. Меня больше всего смущает, что адреса путно не знаю. На карте Kudow’у нашел.

Письма: от Алданова — дам ли я чего-нибудь в «Дни»[80]?

От Лутохина: о своей жизни в Праге[81] и что книг, какие я ему предлагаю, ему не надо, а он напишет, какие.

Звонила Нина Григорьевна Львова[82] [La Nonne — vierge et martyre][83].

Был Я.С. Шрейбер[84] и Люб<овь> Як<овлевна> Яппу [Залкинд][85], принесла тебе немного русского серебра (15 и 10 и 20). Прощался Н.Н. Никитин, возвращается в Москву[86]. Заходил с ним к Блоху Я.Н.[87] Вчера он был у нас с Никитиным, принес много книг — все к тебе на стол кладу, и Кузмина он достанет с автографом, только не «Сети»[88]. Подробно объяснял всё сначала о Соколовском[89].

Удалось достать *без карточек*[90] 5 центнеров угля. Всего у нас по подсчету Fr. Karos — 15-ть. Был у переплетчика: за 2 книги взял с меня 40000 М<арок>[91] [а в Париже за 2-ж — 600 fr. — в феврале 1948].

Шум почему-то, никогда такого не было. Говорить — не слышно, слушаешь — не слыхать.

Лоллий узнал только от А. Бормана[92], что ничего не продал, а книги оставил в Праге: их разыграют. А когда розыгрыш, про то он не спросил. Свинство — свинство — свинство. Я уверен, что никогда, а книги пропадут.

Из Вены Arbeiter Zeitung с моим “Das Wunder” [«Заборы» из «Взвихр<енной> Руси»][93].

“Darf hier geraucht werden?” (можно ли здесь курить).

Я заметил, что немцы любят *страдательный* залог[94], а по *жестокости*, я тебе писал из Цербста, о «бичевании», перешагнули всякое воображение[95].

Пью молоко. Kaiser<y> написал[96].

Как подумаю, как-то ты одна и со всякими путаницами. Денег я тебе пришлю. Хоть бы скорее ответ из «Огонька». А как подумаешь о «Завитушке», — а что если в «Дни»? Или не стоит? Рукопись у Шестова.

Телеграмма: Täglich schon vier Briefe[97].

Berlin 1923
14 июля
12 ч<асов> н<очи>
<30>

Этот несчастный Балабол-Лоллий[98] меня терроризировал: явился в 8 ч<асов> утра, и меня сбил со всяких мыслей, и всё перепутал. Только к вечеру я очнулся — просто никак не мог сообразиться, точно потерял что-то и ищу. Вечером он был и Нина Григорьевна [La Nonne vierge et martyre]. И я сказал об этом, но не обидно нисколько, хотя весь день кипело. А может, дураку надо начисто?

Вчера Я.С. Шрейбер поправил электричество и свет светит — писать могу.

Был чехо-словак[99], потом А.А. <sic!> Смирнов[100] с Н.В. Зарецким[101]. Сердился на всех, отравленный Лоллием. И такой шум. С закрытыми окнами приходится весь день — почему-то и трамвай и машина стучат немилосердно.

Из газет: назначен новый начальник Fremdenamt'а, будто бы русским будет легче. Трамвай с понедельника — 3.000 М<арок>; хлеб — 21.000 М<арок>, молоко — 4.000 <марок> с чем-то.

Письмо тебе от М.М. Шкапской: Феодосия, Коктебель, Волошину[102].

Аронштам кончил портрет. Обещал поговорить в «Огоньке» еще об одном моем рассказе и чтобы та же цена. Чехо-словака просил о бисере. Обещает.

Очень пыльно, и пе́кло — ты бы тут измучилась. Хочу остричься под машинку № 0-0. Скоро неделя, как ты уехала, мало я так сделал, а хочу к твоему приезду, чтобы подольше и чтобы побольше денег. Мешают.

По воскресеньям почта закрыта, а письмо я опущу все-таки.

15 июля

Получил твое письмо от 13.VII.

Звонил Борис Каган[103], что дня через 3 ты приедешь. Боюсь, в Elster'е сейчас много народу[104]. Поезди по окрестностям. О деньгах не беспокойся.

Berlin 1923
15 июля
<31>

Весь день тихо. Никого. Жарища — +35 R. Окна закрыты — пыль летит. К вечеру гроза. С ужасающим ветром — деревья гнулись.

Разбирал рукописи — «Парижский клад» («Рос<сия> в письменах», II т<ом>). Позавчера встретил Бахраха, он говорил Ходасевичу и надо подать — для «Беседы»[105].

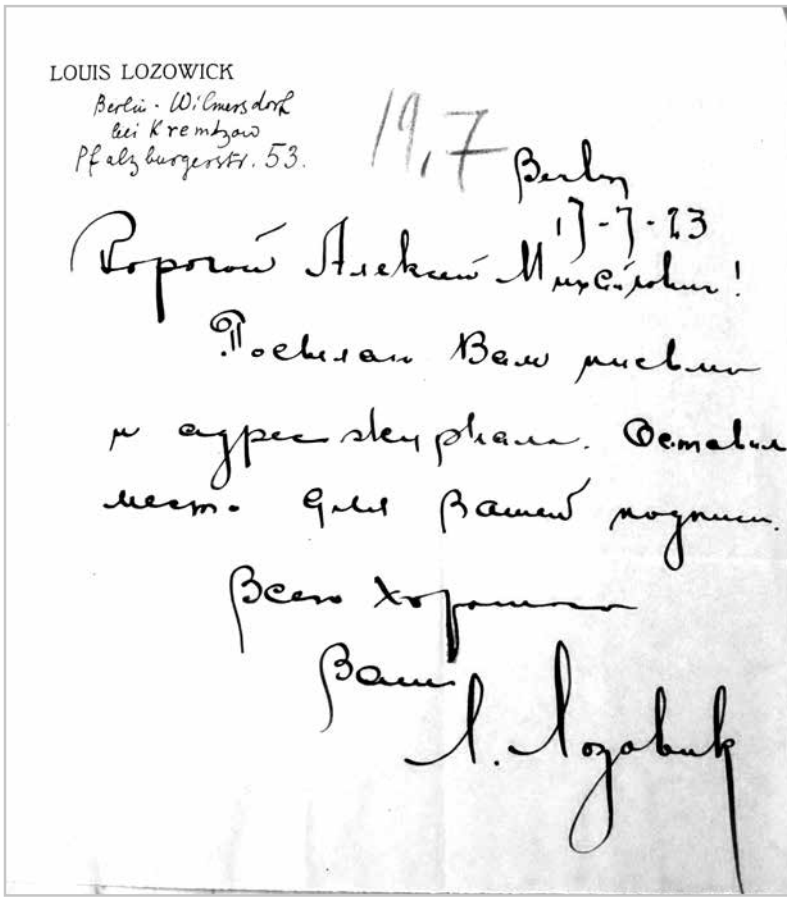
Звонила Лисевна (О.Е. Чернова): от Оли-Наташи нет никаких известий[106]. Назначил ей во вторник. Про тебя ничего не сказал, что ты уехала.

Какая досада, что у меня нет рукописи «Завитушки». Сейчас тут Лебедев Вл<адимир> Ив<анович>, ему можно было бы предложить для «Воли России»[107]. У меня есть экземпляр, только неразборчиво. А переписывать никак невозможно. Досадую.

Борис Каган сказал, что приедешь в 11 ч<асов> в<ечера>. Как ты справишься одна? За автомобиль увеличено в 25 000 раз. Если бы ты меня точно известила! Я как бы нибудь снес твой чемодан.

Завтра все-таки хочу приняться за «Временник» («Взвих<ренная> Русь»)[108]. Боюсь и то упустить и это не кончить. Прямо беда. На всё надо время — время-время!

Скоро домой.

LOUIS LOZOWICK
Berlin - Wilmersdorf
bei Krembzow
Pfalzburgerstr. 53.

19,7 Berlin

17-7-23

Дорогой Алексей Михайлович!

Посылаю Вам письмо и адрес-секретаря. Оставьте место для Вашей подписи.

Всего хорошего

Ваш Л. Лозовик

Лозовик Л. Письмо А. Ремизову. 17 июля 1923 г. Amherst.

Berlin 1923
16 июля
12 ч<асов> н<очи>
<32>

День начался сердито.

Звонил Амфитеатров (Кадашев)[109]: в «Грани» рукописи мои передал[110], а о гонораре я сам должен позвонить “Zentrum”. Я наговорил ему

жестоких слов — “Zentrum”, где Соломон Каплун, никогда не дозвонишься[111]. Обещал сказать, чтобы мне прислали — без разговора.

Звонила Анна Евгеньевна Келлер[112]: предлагает идти с ней в театр в субботу.

Звонил Я.С. Шрейбер: не приду ли к ним обедать?

Звонил Лоллий: где заложить шубу Нины Григорьевны [La Nonne vierge et martyre].

Звонил Н.Н. Никитин: «окончательно» уезжает завтра, просит прийти на проводы в кабак.

Приходил переводчик на английский. [Фамилию не помню.] Он узнал, что «Белое сердце» [«Шумы города», потом во «Взвих<ренной> Руси»] напечатано в “The Dial”, лучший американский журнал, в прошлом году (1922).

Обещал написать письмо в редакцию, а я подпишусь. Он не уверен, что получу гонорар — много времени прошло — а экземпляры пришлют. Этот переводчик ничего из моего не читал. А пишет он в английских и американских журналах о русской литературе[113]! Это он тогда Пильняка перевел[114], помнишь, я еще «Лиры» получил от Элиасберга[115]? Чудные дела совершаются на белом свете! Дал я ему книг, обещает перевести. А направил его ко мне Шаршун[116].

Вечером приходил Лоллий-Блатоболь <sic!> и Нина Григорьевна [La Nonne vierge et martyre]. Проверяли петровские документы «Парижский клад»[117]. [Напечатано в «Беседе». Должно войти в «Рос<сию> в письменах», II т<ом>; а самые документы — 62 — в оккупацию продал Льву Соломоновичу Поляку, а Поляка в январе 1943 «департировали», и он не вернулся[118].]

В кабак я не пошел. Очень уж там нехорошо, это «черносотенный», всего ожидать можно. Да и не хочется: простился я с ним (Никитиным). Довольно. А ему там морду набьют, я уверен.

Прибрал твою комнату. Книги.

Постучалась какая-то девочка:

«Не продаю ли я игрушки?»

«Нет, говорю, не продаю и не покупаю!»

И подарил ей “Pferdchen” — лошадку. Жду теперь, еще кто-нибудь явится за «коровкой»[119].

В среду Frau Karos еще достанет “Kohlen’ов” (уголь). Это моя первая забота: надо *добывать*, так в руки не дастся.

Письма: от Бакши (Баден-Баден), едет в Париж[120]. Жалко мне этого Бакшу, киркизского колдуна, наговорили на него невесть что. От Лутохина (Прага), что вышел “Rŷbnik” («Пруд»)[121] <и> от Л.Ю. Бердяевой[122].

Какой сегодня день изсердитый!

Уж 4/17-го июля — твое рожденье, позд<р>авляю!
Рано встаю.

Ostseebad Brunshaupten in Mecklenburg[123]

Berlin 1923
24 июля
Dienstag
<33>

56-м очень хорошо. И знаю, где останавливается, когда подходит (Трамвай). И очень скоро. Не заметил, и дома. Под дождем пробежался.

В “Das Tagebuch” моя “Die hungrige Weise” («Голодная песня» — из «Шумов города», потом во «Взвихр<енной> Руси»)[124]. И 20 000 М<арок> за «Находку» («Шумы города» — «Взвихр<енная> Русь») от Е.Г. Розенберг.

Звонил Исаак Яковл<евич> Каган и тебе письмо от Вер<ы> Вас<ильевны> Каган[125]: как доехала?

Прибрал комнату, порядок навел везде. Приходил не-во́-время Лоллий. Повторяет, дурак: «недомыслие», а хоть бы сам хоть бы раз подумал до конца. Звонил Л.И. Шестов.

Письмо от Сергея Яковл<евича> Осипова [бухгалтер в Берлинском Торгпредстве] (Петроград)[126]. Через неделю, 1 ½-ы будет в Берлине. Спрашивает, как посылать из Петербурга? Больше 2-х фунтов не разрешают. Надо сообразить, что нужнее. Обо всем этом он хочет поговорить с новым начальником и «подумать» при свидании. Рукописи, конечно, можно пока и не брать. По-моему, прежде всего книги, которых нету[127]. Если бы знать, что именно Татьяна Николаевна [Гиппиус] дала туда [?][128].

Очень я устал. Пишу вслух.

Позвонил Шестов: просит прийти. Через силу, а пошел. Читал ему из «Рос<сии> в письменах» — «петровское». Ему понравилось, но он боится, что в «Современ<ных> Записках» не И.И. Фондаминский, а М. Вишняк[129], не наш[130], а «дядя нашему»[131], не пропустит. М.Е. Э<й>тингон[132] подарил мне Экклезиаста по-немецки. И Шестов, и Э<й>тингон проводили меня до дому[133].

Шестов советует послать в «Звено» — о «попе Иване» из «Розановых писем»[134]. Если примет «Воля России», то это не помешает напечатать в «Звене» отрывок. Так он думает. Не знаю, как поступить, или подождать ответа из «Воли России»?

Если устроишься, хоть как-нибудь с купанием, купайся, не беспокойся. И скорее напиши адрес. Не люблю писать на кого-то.

Berlin 1923
25 июля
<34>

Тихий день. Дождик и холодно. Как-то ты там?

Туфли твои вычищены, стоят. Обещала Лисевна [О.Е. Чернова] зайти, и не зашла. Если она действительно поедет, может, с ней послать?

Г.П. Струве принес оттиски «Плачужной канавы» («Рус<ская> мысль»)[135]. 225 «папаушек» [чешских крон][136]. Завтра едет в Harz[137] до 10-го VIII. Сейчас везде полно и дорого. Кофий — 27.000 М<арок>. С 15-го и народу убавится и подешевеет. Он оставил свой адрес. Гар<ольд> Вас<ильевич> Вильямс и Ар<иадна> Вл<адимировна> Тыркова приедут в сентябре. (100 долларов сегодня 600.000 М<арок>!)[138]. Заплатил за телефон разницу — 28.500 М<арок>.

Прочитал Томаса Манна “Tonio Kröger”[139] — автобиографический рассказ! С глубоким сердцем написан.

Гертруда Hahn о “Die golden Kette”, будто бы Pflüger Verlag мне заплатит «5% по коэффициенту»[140]. А что это значит, не знаю. И не очень-то верю, что книга выйдет скоро. [Когда вышла книга, и я получил этот «коэффициент», помню, мне хватило на билет в «унтергрунде» (мэтро), но только — «туда», а на «обратно» пришлось брать из других «коэффициентов».]

Если бы, как сегодня Струве, и всё бы так, не больше 10-и минут, сколько бы можно было дел переделать!

Лоллий — — но я всегда раздражаюсь: его необыкновенная шумливость и рассказы из прочитанных газет.

Нам надо переделать наше время. Побольше молчать и уж самособой не «спорить». И что тебе так легко дается, слушать и не слышать, слушая продолжение своих мыслей.

А дождик-то, дождик — не осенний, а большой — июльский.

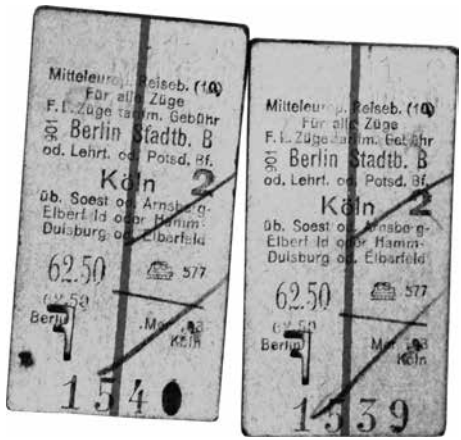
26 июля

Письмо от М.К. Гржебиной[141]: bei Dypow. И la Revue de Gèneve еще один экз<емпляр> № с «Бесовским действом»[142]. Предзнаменование сомнительное: должно быть, денег не пришлют.

Berlin 1923
26 июля
<35>

Твое письмо от 25.VII.

Был Н.В. Зарецкий и А.А. Смирнов и Балабол-Лоллий. Зарецкий упаковал и завтра же отправлю тебе твою желтую кофточку. Смирнов принес немного сахару. Пили чай с сахаром, Зарецкий рисовал, но что вышло, не

Железнодорожные билеты Ремизовых, выехавших из Берлина в Париж через Кельн. 5 ноября 1923 г. Amherst.

знаю, не показывает: должно быть, кофточка вместо меня, уж очень он восхищался ее цветом: «кинарочный — лимонный!», рисуя, повторял он.

Приходил Шрейдер («Скифы»). Предполагается издание по-чешски «Плачужной канавы»: 300 крон (папаушек) за лист — 32.000 знаков. [Никогда не вышло, только поговорили.] Издание чешских социалистов. Убеждаю Шрейдера потребовать гонорар вперед сейчас же. Сегодня 100 долларов — наши 750.000 М<арок>, вот и поди тут, изворачивайся. Шрейдер позвонит в понедельник[143].

Зарецкий принес тебе для коллекции много всяких миллионных и биллионных бумажек. А обезьяньи деньги всё считаются на «лионы» и выше стоят американских, одно горе, в человеческом обращении они «не ходят»[144].

Ходил к Шестову со Шрейдером[145].

То, что ты пишешь, всё это я чуял. Не верю, не верю я. Это что-то такое путанное и безглазое. И не от злого сердца, а таким зародится челов<ек> растерянным путаником. Так, должно быть, и в революционных делах провалы бывали не от шпионов и провокаторов, а от этой «смятки».

Боюсь, с паспортом (“Ausweis”) не успеть до 4 августа[146]. Подать прошение можно только 1-го. Я напишу, когда надо выслать твой желтый.

Холодно и тут, всего + 10 °R.

О Париже я еще не говорил Шестову.

Кофточку наденешь, согреешься, и легче станет.

27 июля

Такой ударил дождь, придется подождать.

Твое письмо от 26.VII.

На сколько времени сговорилась там, поживи, и приезжай. И окончательно решим: может, вернее к Möller’у[147]. В пансионах кофе — 27.000 М<арок>. В субботу поговорю со Смирновым. И напишем В.В. Каган. Лундбергские хвосты едут в Brunshaupten[148].

Тебе письмо от З.Н. Гиппиус (Париж), моего Розанова она не читала[149].

От Уманского (Вена): всё о предполагаемых переводах[150].

От Hörner'а: «Траву-мураву» не может[151].

Berlin 1923
27 июля
<36>

Лоллий «смущен духом», но это на язык не действует: стало быть, «говорильню» ничем не угомонишь. Да, надо как-то по-другому. Лукаша он не только не любит, а «просто ненавижу!». Очень он разочаровался в берлинских «политиках» — «спасителях России».

Приходила Лисевна [О.Е. Чернова]. Я ей всё сказал о путанице. Дал ей для тебя желтые ботинки.

А утро было остервенелое: упаковщики эти вчерашние, Зарецкий со Смирновым, клялись и божились, что посылка так сделана, я поверил, да еще и хвалил их, а оказалось, совсем не так, пришлось всё переделывать. Горе мое, что не умею припечатывать. А тут дождь еще.

Посылку в конце концов удалось послать, и я успокоился.

Завтра придут «дураки», и я со Смирновым (конечно, о «посылке», это прежде всего), переговорю о Möller'е, чтобы он при мне письмо написал. Вчера они поссорились. Зарецкий назвал Смирнова «мышиный жеребчик»[152], а Смирнов сдуру обиделся: ведь, Смирнову и 30-и то нет!

С утра надел фуфайку, а сейчас и в платке.

Купил небольшой белый хлеб — 10.000 М<арок>!

А какой ты неосторожный, по письму сужу.

От Гертруды Hahn из Мюнхена книгу, посылал ей для перевода, — должно быть, Weltpassionen скоро действи<тельно> выйдут[153].

Frau Karos подарила мне пепельницу: чтобы на моем столе всегда стояла — от Frau Karos. Хорошо?

Извести, когда приедешь. Можно на вокзале пройти, чтобы устроить с вещами: на автомобиле «коэффициент» 40.000 М<арок>.

Долго ли <будет?> такое продолжаться? Картофелю нет. А это для немцев почище хлеба.

До 15 августа везде будет тесно и людно.

28 июля

Твое письмо от 26.VII. Ты пишешь, приедешь во вторник. Напиши, может, ванну сделать, или устанешь и лучше в среду. Америка — 952.000 М<арок>.[154] В воскресенье почту не вынимают. Ну, ничего, опущу.

Berlin 1923
28 июля
Sonnabend
<37>

Не знаю, как лучше поступить: ехать ли мне на вокзал и только послать Frau Karos, а мне дежурить дома и всё приготовить, чтобы сразу тебе и чаю выпить.

Письмо от Элиасберга: попросить Горького о переводе[155].

Опять тепло, слава Богу.

Был Лоллий[156], Зарецкий, Станюкович[157] с женой [старообрядческая «красавица», федосеевского толку, знал ее мать — Лидию Токареву, племянница Дениса Девилина <sic!>, Таганка, Каменщики[158].]

А Смирнов уехал.

Зарецкий напишет в Suderode (Anhalter)[159], у него там знакомые.

Не знаю, как всё обернется. Очень уж хвостов много[160] и очень ссорятся. Люди осердились. Какой крик был против нашего дома: портье с хозяином ругались. Американский вечером уж 1 000.000!

Опущу сейчас письмо, боюсь, завтра не вынут, и пролежит в ящике целый день.

Звонил Шестов, приглашает к Э<й>тингону посидеть. Я пошел. Говорил с ним о Париже — другого выхода нет: или в Россию, или в Париж.

Обожравшиеся богачи, для которых надо, чтобы человек умирал с голоду, тогда для успокоения своей души они дадут денег ровно столько, сколько надо, чтобы не помереть.

Если бы воля (а не наше подневольное рабство) просто расплеваться с ними со всеми, и с «Окном».

Один без тебя я в Париж не поеду, даже если бы надо было, всё равно[161]. Шестов понимает. Это, как вот ему долбят, чтобы его дети не продолжали учиться, а служили б.

Berlin 1923
29 июля
<38>

Тебе письмо из Парижа от Оли и Наташи[162].

Мне от К. Розенберг и гонорар: за «Жизнь несмертельн<у>ю» [«Шум города»] и «Голодную песню» («Шумы города». «Взвих<ренная> Русь»)[163] — 250.000 М<арок> + 30.000 М<арок> = 280.000 М<арок>.

«Сполохи» старый №[164] и “Prager Presse” с «Пупочком»[165] («Вереница», не издано)[166].

Утром бегал на почту. Дожди-ик! — пришлось по-осеннему в калошах.

Много думал после вчерашнего разговора с Л.И. Шестовым о парижских благотворителях.

Приходил Лоллий и Нина Григорьевна[167] (La Nonne vierge et martyre). Под сердиную <sic!> руку.

Вечером позвонил Шестов. Скучно ему одному у Э<й>тингона. Пошел. И опять продолжал разговор о Париже. Как быть, чтобы не быть в зависимости от Парижа? Ответ один: Россия. Шестов не произносит этого слова, но я-то понимаю. Не могу я никак успокоиться, так меня это ударило — эта сытая жестокость и «наплевать».

Шестов и Э<й>тингон провожали до дому. Спрашивал о Föhr'е[168], очень хвалят.

Здесь все спокойн<о>. А что было в Потсдаме, неизвестно. И чем начнется завтра, трудно сказать, но дальше так не может продолжаться[169].

Завтра Шрейдер должен говорить с чехо-словаком об издании «Плачужной канавы»[170].

Berlin 1923
30 июля
<39>

Письма: от Познера С<оломона> Вл<адимировича> (Париж)[171], от Слонима М.Л. (Прага)[172]; «Хиперион» из Софии[173]. Твое письмо и открытка.

Пасмурный день, мой любимый. Тихо. Только очень бедно. Из окна видно эту бедноту. И в лавках пусто.

Frau Karos я всё растолковал о вторнике — как тебя встретить.

Спозаранку Я.С. Шрейбер, потом Нина Григорьевна (La Nonne vierge et martyre). Лоллий у Аксенова, который прописал ему крэазот[174]. Длинные разговоры с вопросами: так? — и надо непременно продолжать: «так».

Когда шел за табаком, проходил через великие хвосты: товару нет или так мало, изволь, хвости.

Все мне надоели — все не во́-время.

Трамвай — 8.000 М<арок>; хлеб — 50.000 М<арок>.

Как-то всё это кончится!

Вечером позвонил Э<й>тингон. Давно уж я не ел таких котлет. Провожали меня до дому и Шестов, и Э<й>тингон. Достал книгу: "Himmelsstrassen"[175].

Berlin 1923
31 июля
<40>

Тебе письмо от Лид<ии> Ю<дифовны> Бердяевой. Мне из «Хипериона» (София)[176]. 3 экз<empляра> «В поле блакитном» («Огоньки», 2 издание)[177].

Пасмурный день дешевого тарифа.

Был Глеб Алексеев, свою книжку принес[178], и Бахрах — книжку о вышивках.

<№ 41 см. с. 000>

Berlin 1923
11 августа / 29.VII
<42>

Поздравляю!

По бедности моей и робости только это и могу тебе поднести (Почтовая марка 150 М<арок> штемпелеванная).

Berlin 1923
7 сентября
½ 3-го

За брикеты (уголь) отдал 10.000.000 М<арок>. Хозяйка, у которой покупали, приходила в 1 ч<ас>. Я ей сказал, что жду. Она зайдет, и ей нужно отдать 10.815.000 М<арок>.

Посылка от Scholtz'a[179]: белые сливы и 12 штук яиц. От Аничкова[180] — сербский журнал с моим «Лисом преподобным» («Шумы города»)[181].

Звонил Е.Г. Лундберг[182], еще позвонит. Звонил С.Г. Каплун («Эпоха») о рукописи и деньгах[183]. Из конторы Гржебина о корректуре[184].

Мне надо идти, а то опоздаю везде: всем обещал к 2-м, а сейчас ½ 3-го.

КОНЕЦ БЕРЛИНА

[1] Здесь и далее в угловых скобках приводится авторская нумерация писем, проставленная карандашом.

[2] Букв.: Вход в долину (*нем.*). Письмо на открытке с видом местности: Eingang ins Bodental.

[3] Вымышленный образ прислуги, который Ремизов ассоциировал с собой, отделяя свою творческую жизнь от бытовой.

[4] Христианский праздник 40 мучеников Севастийских, отмечается 10 марта (ст. ст.) Католической и Евангелической церквями, 9 марта — Православной.

[5] Отель “Bristol”, построенный в 1891 г., располагается на Унтер-ден-Линден.

[6] Очевидно, речь идет об остановившейся в отеле «Бристоль» московской гостье — *Генриетте Мироновне Паскар* (1888–1974), пантомимной танцовщице, выпускнице Студии В.Э. Мейерхольда в 1910-х гг., руководителе и режиссере Первого Государственного театра для детей при Наркомпросе (ГДДТ, впоследствии Госцентюз, МТЮЗ), открытом в 1920 г. в Москве. Подробнее о ней см.: *Эпштейн А.Д.* Паломник: Путь Александра Либермана к Марку Шагалу // Русские евреи в Америке / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Кн. 12. Торонто; СПб., 2015. С. 120. Ремизов был знаком с Паскар еще по Петрограду, когда в первый сезон Первого Государственного театра для детей (1920/1921) она подготовила сценическую версию его новеллы «Красочки» (1906) в жанре пантомимы. После эмиграции Ремизова Паскар намеревалась повидаться с писателем и его женой в конце 1922 г., когда останавливалась в Берлине по дороге из Лондона, где жил ее сын, в Москву. Сохранилось ее письмо от 7 декабря 1922 г., в котором она сожалела о несостоявшейся встрече с Ремизовыми и горячо отзывалась о книге «Ахру. Повесть петербургская» (Берлин; Пб.; М., 1922). Очевидно, в июле 1923 г. Паскар вела с писателем переговоры о театральной постановке пьесы «Алалей и Лейла» (1919). Тем не менее этому проекту не суждено было осуществиться. См. подробнее: *Дворникова Л.Я.* Алексей Ремизов и Аркадий Зонов // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева и А. д’ Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 360–361.

[7] В 1923 г. католики отмечали Пасхальное Воскресение 1 апреля, а православная церковь — 8 апреля.

[8] Речь идет о дне смерти С.П. Ремизовой-Довгелло.

[9] Почтовая открытка с изображением пасхального зайца в очках.

[10] Неизвестное лицо. Севпрос — петроградский кооператив служащих в Народном Комиссариате по просвещению Союза коммун Северной области (образован в 1919 г.). Союз объединял Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Петроградскую, Псковскую, Новгородскую, Северо-Двинскую и Череповецкую губернии.

[11] Счастливой Пасхи! (*нем.*)

[12] Открытка с видом ресторана “Wahtelburg” в городе Вердер.

[13] Вердер в цвету (*нем.*).

[14] Вид на реку Хафель (*нем.*).

[15] Известный своими целебными источниками с XVII в. курорт Bad Kudova, где с 9 по 17 июля 1923 г. находилась на лечении С.П. Ремизова-Довгелло.

[16] Очевидно, измененная Ремизовым фамилия. В архиве писателя сохранились письма, подписанные неким М. Копелянским, который, по всей видимости, как маклер оказывал услуги по переводу обесценивавшихся немецких марок в твердую валюту. В частности, 14 августа 1923 г. он писал: «Дорогой Алексей Михайлович! Пересылаю Вам при сем 10 миллионов марок, за которые пришлось сегодня обменять 4 доллара, т<ак> к<ак> доллар сильно идет на неделе, но кроме того, за *полнейшим* отсутствием наличных денег приходится отдавать еще дешевле курса, чтобы достать денежные знаки. <…> Не откажите в любезности мне написать сейчас же по получении денег и мне сообщить, когда и сколько Вам перевести еще» (Amherst College Center for Rus-

sian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 3. F. 1. P. 74; далее: Amherst, с указанием шифра). Необходимость в подобного рода операциях была продиктована стремительно развивавшейся инфляцией. Нелегальный оборот валюты среди эмигрантов, в свою очередь, вызвал недовольство правительства Германии, обвинившего иностранцев в спекуляции валютой. Случаи спекуляции послужили основанием для высылки из иностранцев Берлина. Ср. упоминание об этом в связи с одним из биографических сюжетов, раскрытых в книге «Мышкина дудочка» (1953): «Опытные люди, в руках которых обращалась в те годы нелегальная благородная валюта, догадывались по полицейскому извещению: “Абт. 1. A, фрменденамт”, и уверяли <…> меня, что высылают нас не иначе, как за “спекуляцию”» (*Ремизов. А.М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 139).

[17] Речь идет о *Лоллии Ивановиче Львове* (1888–1967) — поэте, журналисте, литературном критике. Москвич по рождению, он эмигрировал из России в 1919 г. в Гельсингфорс, в 1921 г. жил в Ревеле, где и произошло знакомство с Ремизовым; в 1922 г. переселился с женой (Н.Г. Львовой) в Берлин; сотрудничал в эмигрантских периодических изданиях; в 1923–1931 гг. писал рецензии на книги Ремизова.

[18] *Глеб Петрович Струве* (1898–1985) — поэт, историк литературы русской эмиграции, переводчик; сын философа и политического деятеля П.Б Струве; нелегально эмигрировал в 1918 г., учился в Оксфорде, осенью 1922 г. переехал в Берлин, где предполагалось издание журнала «Русская мысль», печатавшегося ранее в Софии (1921) и Праге (1922). Знакомство Ремизова со Струве-младшим состоялось в начале октября 1922 г.; с этого времени Ремизов вел переговоры со Струве-старшим — главным редактором журнала «Русская мысль» — о публикации романа «Плачужная канава». Подробнее см.: *Колеров М.А.* Русские писатели и «Русская мысль»: (1921–1923): Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 19. М.; СПб, 1996. С. 247, 248. См. также: *Струве Г.П.* Ремизов // Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы: Краткий биографический словарь русского зарубежья. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 80–82, 176–178.

[19] Журнал «Хиперион» (1922–1931) был основан группой болгарских символистов во главе с Теодором Траяновым; издавался на болгарском языке в Софии. Очевидно, здесь подразумевается публикация перевода Л. Стоянова на болгарский язык ремизовской поэмы «О судьбе огненной: предание от Гераклита Эфесского» (впервые издана петроградской артелью художников «Сегодня» в 1918 г.), в заголовке которой была допущена ошибка (вместо Гераклита — Демокрит): *Ремизов А.* За огнената съдба: По думите на Демокрита ⟨*sic!*⟩ // Хиперион. 1923. Кн. 2. С. 85–88. Впервые о Ремизове на страницах «Хиперион» упоминалось в первой книге за 1923 г., в обзоре Н. Берберовой «Русская литература после революции» (*Берберова Н.* Руската литература след революцията // Хиперион. 1923. Кн. 1. С. 60).

[20] Подпись под текстом перевода была правильной: Алексей Ремизов (Хиперион. 1923. Кн. 2. С. 88). Однако очевидно, что курьезная ошибка с заменой имен в названии поэмы «О судьбе огненной…» напомнила Ремизову прецедент с публикацией его стихотворения, посвященного дочери Наташе, — «Над колыбелью» («Засни, моя девочка милая!..») — в киевском художественном сборнике «Чтец-декламатор» (1908. № 3. С. 73–74) с подписью «Сергей Ремизов», при том что здесь же был помещен портрет писателя.

[21] Хозяйка квартиры на Lessingstrasse, 16, куда Ремизовы переселились 1 апреля 1923 г.

[22] *Трапезникова Любовь Исаковна* (урожд. Красильщик; 1885–1964) — музыкант, последовательница учения Р. Штайнера; участвовала в строительстве первого Гетеанума (1913–1919); член Русского антропософского общества (1913–1922). В августе 1913 г. Ремизова-Довгелло в компании с Трапезниковой и ее мужем Т.Г. Трапезниковым приезжала в Мюнхен для посещения курса лекций Штайнера (см.: Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. [Вып.] 6. М., 1992. С. 354).

[23] *Клавдия Николаевна Васильева* (урожд. Алексеева, 1886–1970) — видный деятель антропософского движения в России; близкая подруга Л.И. Трапезниковой. В частности, об антропософской практике Васильевой-Бугаевой см.: *Лавров А.В.* Штрихи к биографии Белого и К.Н. Бугаевой // Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 628–631. Очевидно, в письме, адресованном С.П. Ремизовой-Довгелло, речь шла о сближении Васильевой с Андреем Белым. В начале 1923 г. Васильева приехала в Берлин, весну и начало лета провела вместе с поэтом в курортном городке Бад-Гарцбург; в июле вернулась в Москву. Вследствие возникших и укрепившихся близких отношений с Васильевой Белый изменил свои жизненные планы и принял внутреннее решение вернуться в Россию, ср. его дневниковую запись за июнь 1923 г.: «…беседы с К.Н. о Москве, я кладу решение какою угодно ценою вернуться в Россию» (Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый: Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад. М., 2016. С. 479). Гражданский брак Васильевой и Белого длился с 1923 по 1931 г., когда они официально стали мужем и женой и Клавдия Николаевна взяла фамилию мужа — Бугаева.

[24] *Шкапская Мария Михайловна* (урожд. Андреевская; 1891–1952) — поэтесса, детская писательница, журналистка; познакомилась с Ремизовыми в Петрограде в 1920 г.; после их отъезда в Германию сберегла и передала в Пушкинский Дом ремизовскую коллекцию игрушек (подробнее см.: *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185–215); многолетний корреспондент Ремизовых, она долгие годы была хранителем традиции «обезьяньего» братства в петроградском дружеском кругу литераторов и членов Обезвелволпала; посвятила Ремизову стихотворение «Нечто в виде обезьяньей присяги», опубликованное в берлинской газете «Голос России» (1922. № 971, 21 мая). С конца января 1923 г. находилась в Берлине в командировке и выступала с чтением своих произведений на творческих вечерах Дома искусств (вместе с Г. Алексеевым — 2 февраля и вместе с И. Эренбургом — 23 февраля). См. также упоминания о встречах Шкапской с русской литературной диаспорой: *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой**.** М., 2002. С. 39, 40. В 1922–1923 г. в берлинских издательствах вышли три ее поэтических сборника.

[25] Знакомая С.П. Ремизовой из круга антропософов *Елизавета Ивановна Дмитриева* (1887–1928) — поэтесса, переводчица; руководитель петроградской антропософской группы Ильи Пророка; с 1911 г. замужем за Всеволодом Николаевичем Васильевым, близкая подруга Л.И.Трапезниковой (см. примеч. 22). В 1909 г. под режиссурой своего близкого друга М.А. Волошина стала героиней одной из самых громких литературных мистификаций эпохи символизма, скрывшись за образом безвестной поэтессы Черубины де Габриак. Стихи таинственной незнакомки появились на страницах второго номера элитарного журнала «Аполлон» за 1909 г. одновременно со статьей Волошина «Гороскоп Черубины де Габриак» (Отд. II. С. 1–4; Литературный альманах. С. 1–10). Подробнее о развитии этой литературной истории, имевшей впоследствии весьма драматические любовные коллизии, см.: *Волошин М.* Воспоминания о Чеубине де Габриак // Волошин М. Собр. соч. Т. 7. М., 2000. С. 451–471; *Ланда М.С.* Символистская поэтесса: опыт мифотворчества // Русская литература. 1994. № 4. С. 120–133. Дмитриева-Васильева была невесткой К.Н. Васильевой (см. примеч. 23), поскольку последняя с 1909 по 1931 г. жила в браке с Петром Николаевичем Васильевым — братом В.Н. Васильева. Подробное жизнеописание Дмитриевой, публикацию ее писем и библиографию о ней см.: Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной. / Сост., подгот. текстов и примеч. В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой. Феодосия., 2009. См. также: *Купченко В.П.* Хроника жизни и творчества Е.И. Васильевой (Черубины де Габриак) // Черубина де Габриак. Исповедь / Сост. В.П. Купченко, М.С. Ланда, И.А. Репина. М., 1998. С. 318–335.

[26] *Леман Борис Алексеевич* (1882–1945) — поэт, критик, переводчик, антропософ; в 1907 и 1909 г. выпустил две книги стихов под псевдонимом Борис Дикс, в частности, сборник «Стихотворения» вышел в свет с предисловием Вяч. Иванова. Как член университетского «Кружка молодых» (СПб., 1906–1907) сотрудничал в журнале «Gaudeamus» (СПб., 1911). В 1912 г. вовлекся в круг последователей Р. Штейнера, очевидно, особое внимание уделяя философской теме взаимосвязи звука и цвета в физической природе и мистическом восприятии художника, выражающемся в рисунке и музыке. В результате изысканий в этом направлении Леман погрузился в изучение индийской философии, в частности, в систему Адвайта-веданта. Положения этого учения применены Леманом в исследовании творческого феномена литовского художника и композитора, мистика Микалоюса Константинаса Чюрлёниса. См.: *Леман Б.А*. Чурлянис. Пб., 1912 (2-е изд. — 1916). Очевидно, посвященный Леманом в теорию звука и цвета в интерпретации индуизма, Ремизов прозвал поэта «индейцем». Возможно, ремизовская концепция искусства звучащего и зрительного, формировавшаяся в индивидуальном модусе, имеет имплицитные корреляции со знанием, полученным от Лемана. Ср. упоминания о нем в очерке «О понимании» (конец 1954 — начало 1955): «Борис Алексеевич Леман (Борис Дикс), после стихов — автор “Книги о Чурлянисе”, (индеец), внимательный, хороший человек, а как поступил в антропософы — и раззнакомился. Понимаю, как вступает человек в духовный мир, перестает чувствовать бедовый “материальный” и земной» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 216–217). С 1916 г. Леман выполнял обязанности секретаря петроградского отделения Русского антропософского общества, был руководителем петроградской антропософской группы Бенедиктуса. Официально Леман не был супругом Дмитриевой, однако он вступил в сложный треугольник отношений с ней и ее официальным мужем П.Н. Васильевым. Объединению троих способствовала и общая антропософская деятельность. В 1917 г. Леман выпустил книгу о французском мистике, последователе А. Бёме — К.Л. де Сен-Мартене, с посвящением Дмитриевой. Подробнее см.: *Богомолов Н.А*. Между Леманом и Диксом // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 335–411. В 1921 г. Леман и Васильевы жили в Краснодаре, Леман служил профессором Кубанского университета, читал курс лекций по истории древнего Востока; тогда же все трое были арестованы за пропаганду антропософии; в 1922 г. после освобождения вернулись в Петроград.

[27] *Казимир Людвигович Тышка* (1875–1902) — товарищ С.П. Ремизовой по ссылке в Сольвычегодске в 1901–1902 гг.; покончил жизнь самоубийством. После смерти Тышки у Ремизовых хранилась его рукописная тетрадь со стихотворениями в прозе, очевидно, переданная на хранение петроградским знакомым перед отъездом. Ср.: «В Сольвычегодске: Казимир Людвигович Тышка (похоронен в Сольвычегодске); о нем особенная память: человек тончайшей души и одаренный; моя мечта: то немногое, что осталось, — “рассказы” — издать отдельной книгой с портретом: какое прекрасное лицо!» (*Ремизов А.М*. Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000. С. 482). Этот замысел не осуществился, но в 1903 г. Ремизов опубликовал серию стихотворений Тышки в газете «Юг». Подробнее об этом см.: Письма А.М. Ремизова к П.Е. Щеголеву. Ч. 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903–1904) / Публ. А.М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 158. В романе Ремизова «В розовом блеске» (гл. «Непоправимое») Тышка выведен под фамилией Заруцкий; здесь же дана краткая характеристика его лирической прозы. Подробнее см.: *Ремизов А.* В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 291–297.

[28] Студент Петроградского университета *Николай Ильич Закатимов*, общение Ремизова с которым началось в 1920 г. в редакции журнала «Красный милиционер». См. упоминание о нем в Дневнике 1917–1921 гг.: «очень хороший мальчик» (*Ремизов. А.М*. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. М., 2000. С. 514). Очевидно, благодаря Ремизову Закатимов, в то время мечтавший встать на путь литератора и пробовавший перо, познакомился с А.М. Горьким и даже был вдохновлен

авторитетным поощрением, о котором восторженно вспоминал в письме Ремизову от 1 июля 1923 г. (получено в Берлине 9 июля): «И ярким пламенем горят передо мной: Ваш святой завет, да незабываемые слова М. Горького: “Надеюсь, что из Вас, что-либо — получится… и хорошее”» (Amherst. Series 1. B. 1. F. 9). В этом же письме упоминались подаренные ему Ремизовым грамота кавалера Обезьяньей Великой и Вольной Палаты и книги — «Русские женщины» и издание пьесы «Трагедия о Иуде принце Искариотском» (см. примеч. 29).

[29] Речь идет об изданиях произведений Ремизова: Трагедия о Иуде принце Искариотском: В 3-х действиях (1908). Пг.; М.: Изд. Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению, [1919]. 72 с. (Репертуар: Русский театр; № 26); Бесовское действо: Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пг.: Театральный отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. 48 с. (Русский театр; № 11).

[30] *Марк Александрович Алданов* (наст. фам. Ландау; 1886–1957) — писатель; эмигрировал весной 1919 г.; жил в Париже, редактировал журнал «Грядущая Россия» (Париж, 1920), сотрудничал в журнале «Современные записки» (Париж, 1920–1940); весной 1922 г. переехал в Берлин, где стал сотрудником газеты «Голос России» (1919–1922); одновременно редактировал воскресное литературное приложение к берлинскому еженедельнику «Дни» (1922–1928). В течение 1922 г. Ремизов публиковал в газете «Голос России» серию анонимных заметок, организованных в псевдохронику культурной жизни русской диаспоры в Берлине. Подробнее см.: *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski. Stanford: Dept. of Slavic Languages and Literatures, Stanford University, 1999. Vol. 20. P. 145–176. В данном письме речь идет о почтовой открытке Алданова от 8 июля, в которой отправитель после разговора с издателем — А.Ф. Керенским сообщает, что редакция просит Ремизова прислать «вещь» (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 15). Очевидно, подразумевался литературный раздел газеты «Дни», в котором в первой половине 1923 г. состоялась публикация цикла рассказов Ремизова под названием «Человек человеку свет».

[31] *Александр Васильевич Бахрах* (1902–1985) — критик, литературовед, журналист, переводчик, мемуарист; в ремизовском реестре членов Обезвелволпала за 1922 г. значится как кавалер обезьяньего знака и «бывший упказ», т.е. управляющий казной. Ср.: «Не скрою, что тогда мне очень польстило носить титул упказа ремизовской обезьяньей палаты да еще в придачу значиться у него “турецким послом обезьяньим и кавалером первой степени с журавлиной ногой”» (*Бахрах А.* По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 23). См. также очерк биографии Бахраха: *Носик Б. «*Такой забавник-умница Бахрах» // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 2: 1919–1939. Иерусалим, 1993. С. 51–64.

[32] *Дмитрий Александрович Уманский* (1901–1977) — переводчик русских авторов на немецкий язык. Письма, отправленные Ремизову его венским корреспондентом 6 и 7 июля, нельзя назвать «беспредметными»: в них Уманский сообщал о переводах рассказа «Пупочек», который вскоре появился в печати: *Remizov A.* Das Nabelchen / Ubers. D. Umanskij // Prager Presse. 1923. № 192, 15. Juli. Также переводчик обговаривал состав сборника произведений писателя на немецком языке, выбрав для перевода рассказы «Перчатки» и «Свет нерукотворенный» из сборника «Среди мурья» (Пг., 1917). Однако публикации этих текстов в немецкой повременной печати не выявлены. В предшествующих письмах Уманский сообщал о своем переводе рассказа «Чудо» (*Remisov A.* Das Wunder / Ubers. D. Umanskij // Arbeiter Zeitung. 1923. № 188, 11. Juli. S. 6), незадолго до того опубликованного в газете «Дни» (1923. № 151, 29 апр. С. 9).

[33] Речь идет об издании повести «В поле блакитном» (*Remizov A.* In blauem Feld / Ubers. K. Rosenberg. Berlin: S. Fischer Verlag, 1924), которая на русском языке впервые вышла в свет отдельной книжкой в берлинском издательстве «Огоньки» в 1922 г. и впоследствии составила первую часть следующей повести «Оля» (Париж: Вол, 1927), посвященной детству и юности С.П. Ремизовой-Довгелло.

[34] “Die Neue Rundschau” — старейший в Европе литературный журнал, выпускаемый издательством “S. Fischer Verlag” в Берлине с 1886 г. Право на перевод рассказа «Жизнь несмертельная» (1917) Ремизов предоставил К. Розенберг. Уже 28 июля переводчица со свойственной ей щепетильностью и заботой сообщила Ремизову о предстоящей публикации в сентябрьском номере журнала, о полученном гонораре в размере 500 000 марок и со словами «позволю себе приложить в письме половину» отправила писателю 250 000 марок (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 50). См. публикацию перевода: *Remisov A.* Unverwustliches Leben / Ubers. K. Rosenberg // Die Neue Rundschau.1923. № 9.

[35] Sofort — немедленно (*нем.*).

[36] *Оскар Лёрке* (Oscar Loerke; 1884–1941) — поэт, писатель, литературный критик, один из основателей немецкого экспрессионизма. В 1920-е гг. редактор издательства С. Фишера (S. Fischer Verlag**).**

[37] Речь идет о новой редакции рассказа «Птичка» (1913) для третьего номера журнала «Новый Огонек» (Берлин. 1923. №№ 1–3; ред. А.Е. Орнтлих), с которым сотрудничал *Виктор Борисович Шкловский* (1893–1984).

[38] Kohlen — угли (*нем.*).

[39] *Григорий Ефимович Распутин* (наст. фамилия Новых; 1869–1916) — крестьянин из Тобольской губернии, несколько лет проведший в паломничестве по монастырям. В 1906 г. благодаря своей экстрасенсорной способности был приближен к царской семье для лечения больного гемофилией наследника престола Алексея; оказывал сильнейшее влияние на царицу Александру Федоровну. Модель поведения, которую Распутин демонстрировал в социуме, внешне имела сходство с древней практикой христианской аскетики и мистики, получившей в русской традиции название «старчество», т.е. особого вида молитвенная жизнь, связанная с пророчествами и исцелениями от духовных и физических болезней. Между тем «старец» приобрел скандальную известность как человек необузданных страстей. Распутин был убит 17 декабря 1916 г. в особняке князя Ф. Юсупова группой заговорщиков, представлявших интересы монархии. Ср. реакцию Ремизова на известие об убийстве: «— Угробили чудотворца, — сказал он, улыбнувшись, — следует, может, выдать этим старателям орден Великой Обезьяньей палаты? А? За любовь к родине? — Но, подумав секунду, произнес: — Впрочем, кто его знает. Вдруг он еще очухается и проснется, а?» (Цит. по: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий / Изд. под общей ред. Р. Герра. М., 2005. С. 227).

[40] *Иванов-Разумник* (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) — литературный критик, историк общественной мысли; в своих статьях 1910-х гг. вывел имя Ремизова в разряд передовых писатель современности. См. о взаимоотношениях Иванова-Разумника с писателем: Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову (1908–1944) / Публ. и вступ. зам. Е. Обатниной, В.Г. Белоуса; подгот. текста Е. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. II. СПб., 1998. С. 19–122; 244; *Обатнина Е.Р.* «Крылатый» или «Земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 484–495.

[41] Подразумевается издательство “S. Fischer Verlag”.

[42] Петербургское издательство, возникшее на базе картонажно-переплетной фабрики «Отто Кирхнер и Ко» (1901–1918); возобновило свою деятельность в Берлине (конец 1921–1923 гг.) под идентичным названием. Упоминание «Паруса» — возможно, отсылка к издательству «Парус» (Петроград; изд.: И.П. Ладыжников, А.Н. Тихонов; ред. М. Горький; 1914–1919).

[43] Вероятнее всего, А.П. <sic!> Плетнев, который также упоминается в письмах Я.Н. Блоху как доверенное лицо в Берлине С.К. Маковского, жившего в это время в Праге (см.: *Рейтблат А.* Я.Н. Блох и издательство «Петрополис». Письма Я.Н. Бло-

ху // Евреи в культуре русского зарубежья / Сост. и изд. М. Пархомовский. Т. 3: 1939–1960. Иерусалим, 1994. С. 178–179).

[44] Неизвестный проект переиздания драмы Ремизова «Бесовское действо» (1908).

[45] *Павел Павлович Муратов* (1881–1950) — писатель, искусствовед; в Берлин приехал под предлогом служебной командировки осенью 1922 г.

[46] Речь идет об актере Третьей студии Е.Б. Вахтангова *Юрии Александровиче Завадском* (1884–1977), который в 1922–1923 гг. прославился в роли Калафа («Принцесса Турандот» К. Гоцци, 1922); впоследствии стал известным советским режиссером. В июне–августе 1923 г. театр Вахтангова совершал гастрольное турне (Ревель–Стокгольм–Гетеборг–Берлин). См. восторженные воспоминания дочери М.О. Гершензона, которая ребенком оказалась с родителями на двух гастрольных спектаклях с участием Завадского, а также на приеме, очевидно, в особняке Макса Эйтингона, где присутствовал и Ремизов: М.О. Гершензон в Берлине. Из воспоминаний Н.М. Гершензон-Чегодаевой / Публ. М. Чегодаевой // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 3. С. 249–251.

[47] Вероятно, речь идет о планах Завадского, который после смерти Вахтангова (осенью 1922 г.) вошел в художественный Совет театра-студии и, возможно, намечал к постановке в Москве ремизовскую «Трагедию о Иуде принце Искариотском» (1909).

[48] “Kaufhaus des Westens”, в сокращении KDW — универсальный магазин в берлинском районе Шарлоттенбург. До экономического кризиса начала 1920-х гг. считался крупнейшим в континентальной Европе и входил в пятерку самых крупных универмагов мира.

[49] Издательство «Огоньки» (владелец А.Г. Левенсон), основанное в Берлине в декабре 1921 г., анонсировало выпуск русской беллетристики и поэзии, в том числе произведений Ремизова. См. об этом заметку «Новое издательство» (Руль. 1921. № 325, 11 дек. С. 7). В 1922 г. «Огоньки» выпустили повесть Ремизова «В поле блакитном».

[50] Трехмесячник «Окно», издававшийся в Париже супругами Цетлиными (1923). Во втором номере альманаха опубликована первая редакция книги Ремизова «Розановы письма». Из письма К. Заблудовской, распоряжавшейся в редакции «Окна» рассылкой авторских экземпляров, следует, что Ремизов стал счастливым обладателем всего одного авторского экземпляра, второй ему был отправлен для передачи А.В. Бахраху (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 19).

[51] С.И. Шаршун. См. о нем: *А.М. Ремизов*. «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 50.

[52] *Лев Исаакович Шестов* (наст. фам. Шварцман; 1866–1938) — философ, близкий друг Ремизова. История многолетних отношений, завязавшихся в 1904 г., отражена в публ.: Переписка Л. И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133–169; № 3. С. 158–197; № 4. С. 92–133; 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 130–140; № 4. С. 147–158; 1994. № 1. С. 159–174; № 2. С. 136–185; A.M. Ремизов и Л.И. Шестов: из переписки писателя и философа (1933–1938) / Publ., comment. et notes de K. Ruzhinskaite // Revue des Études Slaves. 2013. T. LXXXIV, fasc. 1–2. P. 287–300.

[53] Речь идет о письме Л. Шестова от 29 июня 1923 г. с отзывом о прочитанной главке «Завитушка», написанной для книги «Кукха. Розановы письма» — второй, расширенной редакции воспоминаний Ремизова о В.В. Розанове. Особенность этой серии миниатюр состояла в скрытых коннотациях с обсценной лексикой и образами «материально-телесного низа» (М. Бахтин). Ср. письмо, оставшееся за рамками современных публикаций переписки Шестова и Ремизова: «“Завитушка” написана

чудесно. По-моему, кроме тебя так никто среди русских сейчас не пишет. И о Розанове только ты один можешь написать по-настоящему. Но “пристроить” — невозможно. Носил и к Вин<аверу> и в “Совр<еменные> Зап<иски>”. Читал сам вслух и всякие вводные слова произносил. Все в восторге — но печатать никак не решаются и, ведь, в самом деле — такое никогда нигде не печаталось: так только отдельной книжкой, с ограничением количества экземпляров — как твои сказы — для любителей. Надежды пристроить здесь — нет никакой. Рукопись привезу тебе сам» (Amherst. B. 3. F. 1. P. 22).

[54] Зюльт (Sylt) и Фёр (Föhr) — крупные острова в Северном море, на которых обустроены популярные в Германии курорты и лечебницы.

[55] Дворец Бельвю (нем. Schloss Bellevue) — берлинский дворец в северной части парка Тиргартен.

[56] Подразумевается полицейский участок — Polizeirevier (*нем.*).

[57] Жилищный отдел (*нем.*).

[58] См. примеч. 37.

[59] Очевидно, подразумевается одна из попыток опубликовать новеллы в жанре «снов» с упоминанием реальных лиц.

[60] Речь идет о редакции журнала «Новый огонек».

[61] Новую главку «Завитушка» Ремизов предложил и пражскому журналу «Воля России», поскольку редактор издания М. Слоним еще в октябре 1922 г. в письме к писателю выражал заинтересованность «материалом о Розанове» (*Keys R.* New light on Remizov’s first novel, *Prud* (*The Mere*): selected correspondence of A.M. Remizov, E.A. Liatskii, M.L. Slonim, F.S. Mansvetov, and The “Plamia” publishing house // Slavonica. 2004. Vol. 10. April. P. 66). 27 июля 1923 г. Слоним попросил прислать ему текст, однако спустя месяц (28 августа) вернул его со словами: «Рукопись Ваша вызвала много разговоров в нашей редакции, и поэтому я и не отвечал Вам. В результате всех разговоров мы печатать ее “убоялись”, ибо некоторые места весьма “густые”, малоцензурные» (Ibid. P. 68).

[62] См о ней.: Литературный факт. 2018. № 8. С. 40.

[63] Ценное письмо (*нем.*).

[64] *Александр Александрович Бакши* (1885–?) — театровед, киновед, переводчик; уроженец Керчи; эмигрировал в Англию в 1911 г. В архиве Ремизова сохранилась его визитная карточка с лондонским адресом на обороте, а также открытка от 14 июля 1923 г., написанная из Баден-Бадена на пути в Париж (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 21, 25–25a). Подробнее о нем: *Бёрд Р.* Русский символизм и развитие киноэстетики: наследие Вяч. Иванова у А. Бакши и Адр. Пиотровского // Новое литературное обозрение. 2006. № 8. С. 80–82.

[65] В начале июля 1923 г. С. Шаршун вернулся в Париж, проведя год в Берлине. О предстоящем отъезде он сообщил Ремизову почтовой открыткой от 2 июля (Amherst. B. 3. F. 1. P. 3–3a). В оригинале письма имя упоминаемого лица стерто и вписано прозвище «Куринас» — персонаж сказочного цикла «Посолонь» (1906). См. Приложение. С. 78.

[66] Речь идет о сестрах-близнецах Наталье Викторовне (1903–1992) и Ольге Викторовне (1903–1979) Черновых, матерью которых была О.Е. Колбасина-Чернова, а отчимом В.М. Чернов. Молодые девушки нашли работу рисовальщиц для модных домов Парижа.

[67] *Иван Созонтович Лукаш* (1892–1940) — писатель, журналист; в Берлине недолгое время состоял членом литературного содружества «Веретено» (1922). Интенсивный период общения Ремизова с Лукашем пришелся на 1925–1927 гг., когда Лукаш стал редактором рижской газеты «Слово» (1925–1927). См., в частности, о его рецензии на роман «Взвихрённая Русь»: *Строге Л.* Гонение на *ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ*: А.М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1940 гг.) // Slavica — 2015: filoloģijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga, 2015. P. 49–61.

[68] Очевидно, одна из статей эмигрантской прессы, перепечатывавшей из советских центральных газет бюллетени о здоровье Ленина. В июле 1923 г. врачи отметили явный прогресс в лечении вождя пролетариата.

[69] См. примеч. 50.

[70] *Надежда Михайловна Плевицкая* (урожд. Винникова; 1884–1940) — певица (меццо-сопрано); в 1920-е гг. в эмиграции прославилась как исполнительница русских народных песен и романсов; автор мемуаров «Дёжкин карагод» (Берлин, 1925), в качестве предисловия к которым в берлинском издании 1925 г. была помещена ремизовская сказка «Венец» (1913; редакция 1922 г.) с факсимильным воспроизведением каллиграфической рукописи писателя. См. об участии Ремизова в подготовке мемуаров к изданию: *Хазан В*. «Благодаря вам отчасти он мог продолжить свою работу до конца»: Лев Шестов и Макс Эйтингон (Исцеление для неисцелимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост. В. Хазан, Е. Ильина; вступ. статья В. Хазана. М., 2013. С. 17, а также в письме Шестова Эйтингону от 9 и 27 октября 1924 г. (Там же. С. 84, 86). Подробнее о Плевицкой см.: Там же. С. 16–17.

[71] Название банка.

[72] Речь идет об издании книги «Кукха. Розановы письма»; вышла 19 декабря 1923 г. в издательстве З.И. Гржебина. Об издательстве см.: *Гржебина Е.* З.И. Гржебин — издатель (по документам и воспоминаниям его дочери) // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 1: 1919–1939. Иерусалим, 1992. С. 149–153. См. также о сотрудничестве Ремизова с Гржебиным: *Обатнина Е*. 1) Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 227–228; 2) Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 29–30. Общение с издателем в дореволюционные годы отражено в рассказе Ремизова «Исаич» (1915). Ремизовым привелось дважды быть соседями Гржебина: в доме Хренова на Таврической (1910–1915) и на Песочной (с сентября 1915 по июнь 1916 гг.). Все члены семьи Гржебина были кавалерами Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. В документах Обезвелволпала зафиксировано наследственное право Гржебиных на звание кавалеров ремизовского Ордена (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. № 13. Л. 55). З.И. Гржебин носил титул «зауряд-князя».

[73] Квартира Ремизовых на Лессингштрассе, 16, находилась над аптекой — Drogerie (*нем.*).

[74] Подразумевается берлинское издательство «Скифы».

[75] *Александр Мартынович Арнштам* (1880–1969) — график, сценограф. В первом номере журнала «Новая русская книга» за 1922 г., в разделе «Судьбы и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.» сообщалось: «Ал-др Мартынович *Арнштам*, художник-график, до 1919 года жил и работал в Петербурге. В 1917 году заведовал худож. отд. изд<ательства> Скобелевского Просветит. комитета, редактировал художеств. часть “Художественного журнала”. В 1918–19 г. был членом Отдела Изобразительных Искусств, сотрудником отдела по охране памятников старины, литературно-изд. отд. Комиссии народного просвещения, редактировал произведения Пушкина. Отдельные произведения Пушкина должны были быть изданы с иллюстрациями А. Бенуа, Б. Кустодиева, В. Замирайло, Д. Митрохина, А. Арнштама и др. Одновременно А. много работал в петроградском отд. госуд. изд-ства. В 1920 году А. переехал в Москву в качестве консультанта худож. отд. Госуд. Изд-ства. Им сделан целый ряд книжных украшений. В настоящее время А. находится в Берлине (Motzstrasse 37, Hotel Hager); в Берлине сотрудничал в издательствах “Геликон” и “Огоньки”; в последнем оформил книгу Ремизова “В поле блакитном” (1922)» (С. 37). В июле 1922 г. Арнштам вместе с Е. Грюнбергом организовали художественное издательство “Academia”, планировавшее выпуск монографий о классиках европейской живописи (см. анонс: Новая русская книга. 1922. № 7, июль. С. 30). См. о нем также: Ретроспектива. Александр Арнштам**,** 1880–1969: Москва, Санкт-Петербург, Берлин, Париж: [Каталог выставки] / Предисл. М. Гер-

ман, М. Магидович, Ю. Демиденко. СПб., 2000; *Магидович М.Л.* Социальная мобильность художника в условиях эмиграции // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб., 2003. С. 433–438; *Арнштам А.М.* Воспоминания / Пер. с фр. и послесл. Ю. Германа; научн. ред. и коммент. О. Коростелева; дополн. К. Арнштама. М., 2010.

[76] Портрет Ремизова, выполненный Арнштамом, в журнале «Новый огонек» так и не появился. Позднее писатель получил фотографию этой графической работы, датированной 14 июля 1923 г. (фотография ныне хранится в Музее ИРЛИ). Отправляя копию, Арнштам писал Ремизову 7 мая 1924 г. в Париж: «При сем посылаю Вам прекрасно сделанную копию — специально для Вас, как я Вам писал уже — буду очень рад, если Вы ее дадите для репродукции в хороший французский журнал. Рисунок мой еще нигде не был воспроизведен, и я не хотел бы его давать безразлично в какое-нибудь издание» (Amherst. Series 1. B. 2 F. 7. P. 71). Оригинал портрета воспроизводится на цветной вклейке репродукций в изд.: *Арнштам А.* Воспоминания.

[77] Речь идет о драматической пьесе Ремизова «Трагедия о Иуде принце Искариотском» (1909). Вырубов — неустановленное лицо.

[78] Geist — дух (*нем.*).

[79] Ср. описание привычной ситуации под окном квартиры Ремизова в повести «По карнизам» (1929): «<…> в первом этаже, окна открыты, вся моя волшебная комната вот, как вы! — станут стаей и выкликают: “Herr Remersdorf — Herr Remersdorf” и до тех пор кличут, пока не выглянешь, как самый гешпенст» (*Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 11: Зга. СПб., 2015. С. 483–484).

[80] Речь идет о почтовой открытке от 13 июля, в которой также сообщается парижский адрес Вырубова (см. примеч. 30, 77).

[81] *Далмат Александрович Лутохин* (1885–1942) — экономист, публицист, литературный критик; выслан из Петрограда в феврале 1923 г.; 31 мая 1923 г. переехал из Берлина в Прагу. Подробнее о творческих контактах двух писателей см.: Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 944–976.

[82] Н.Г. Львова (урожд. Шиполина) — жена Л.И. Львова.

[83] Букв.: монахиня — девственница и мученица (*фр.*). Одно из прозвищ Львовой.

[84] *Яков Самойлови Шрейбер* — инженер; близкий друг Л. Шестова, который жил с семьей в Берлине с конца 1900-х гг.; герой ремизовских мистификаций, кавалер Обезвелволпала; секретарь мифического общества «Цвофирзон». В Берлине (1921–1923) сотрудничал в издательстве «Скифы». При переписывании письма Ремизов ошибся, написав вместо Шрейбера фамилию руководителя берлинского издательства «Скифы» А.А. Шрейдера (см. Приложение. С. 80).

[85] Л.Я. Яппу. См. о ней: Литературный факт. 2018. № 8. С. 32.

[86] *Николай Николаевич Никитин* (1895–1963) — один из литературных воспитанников Ремизова в Петрограде (1920–1921), участник объединения «Серапионовы братья»; в начале мая 1923 г. вместе с Б.А. Пильняком прибыл в Лондон по заданию Комиссариата Внешней торговли — для сбора и систематизации информации о российской экономике в Бюро информации советского торгового представительства «Аркос». Официальная версия командировки была отчасти прикрытием основной цели, предполагавшей участие писателей в Первом Международном Конгрессе ПЕН-клуба, начавшем работу 1 июня 1922 г. Ср. отчет В. Ходасевича в письме М. Горькому, который получил из Правления Клуба ряд настораживающих вопросов по поводу выступления советских писателей. См. подробнее: *Казнина О.А.* Борис Пильняк и ПЕН-клуб // Борис Пильняк: Опыт сегодняшнего прочтения. М., 1995. С. 134–152; Письма Максима Горького к В.Ф. Ходасевичу (1922–1925*) //* Новый журнал. 1952. № 29. С. 210–211. В июле Никитин приезжал из Лондона в Берлин для продвижения своих произведений на местном книжном рынке. Ср. письмо Ремизова из Берлина, адресованное Никитину в Лондон: «Надо вам сюда приехать с Борисом Ан-

дреевичем Пильняком. Хоть на краткий срок. Визу — через Представительство просите. Я думаю, Вам удалось бы здесь устроить книги. Только, конечно на германские Марки. Вообще-то с книгами стало очень трудно. Но на вас, как на новенького могут позариться. Пишите! Серафима Павловна кланяется» (цит. по: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов (портреты и сюжеты). СПб., 2003. С. 217). По впечатлениям заграничной поездки Никитин написал серию очерков, составивших книгу «Сейчас на Западе. Берлин — Рур — Лондон» (Л.; М.: Петроград, 1924; с посвящением: «Моему товарищу Б. Пильняку»). В 1923 г. жил в Петрограде, куда и вернулся по окончании лондонской командировки. См. также историю общения Ремизова и Никитина в 1920-е гг.: Письма С.Н. Сергеева-Ценского и Н.Н. Никитина в эмигрантском архиве А.М. Ремизова: 1920-е гг. / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Литературный архив советской эпохи: Сб. ст. и публ. / [Отв. ред.-сост. Н.А. Прозорова]. СПб., 2018. С. 193–237.

[87] Секретарь правления петроградского кооперативного издательства «Петрополис» (1917–1924). См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 34 (примеч. 88). В 1922 г. Блох приехал в Берлин и организовал берлинское отделение «Петрополиса» (1922–1939). Подробнее см.: *Рейтблат А.* Я.Н. Блох и издательство «Петрополис». Письма Я.Н. Блоху. С. 170–189.

[88] Подразумеваются издания поэтических сборников М.А. Кузмина, многие стихи которого С.П. Ремизова-Довгелло знала наизусть, в частности первую поэтическую книгу «Сети» (М.: Скорпион, 1908).

[89] Речь идет о возвращении Ремизову денег, которые издательство «Петрополис» задолжало за покупку его петроградской библиотеки. Посредником при передаче выступил А.К. Соколовский. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 34 (примеч. 88).

[90] В условиях гиперинфляции обесценивание марки скрывалось отчасти карточной системой распределения продуктов по искусственно низким ценам.

[91] С лета 1923 г. в Германии началась инфляционная агония. За четыре месяца до конца ноября денежная масса выросла в 132 000 раз, уровень цен — в 854 000 раз, курс доллара — почти в 400 000 раз. Источник: http://all-about-germany.info/giperinflyaciya-v-germanii-v-1919-1923-godax/

[92] А.А. Борман. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 35 (примеч. 92).

[93] Позднейшая приписка Ремизова в квадратных скобках противоречит содержанию оригинала (см. Приложение. С. 80). Речь идет о переводе Д. Уманского рассказа «Чудо» (1913): Das Wunder / Ubers. D. Umanskij // Arbeiter Zeitung. 1923. № 188, 11. Juli. S. 6. На русском языке рассказ появился весной в берлинской газете «Дни» (1923. № 151, 29 апр.).

[94] Ср. оригинал письма (Приложение. С. 80), в котором упоминается с ошибочным вторым инициалом Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) — философ, педагог; сын И. В. Гессена; в 1922–1924 г., до переезда в Прагу, жил в Берлине.

[95] Пассаж, возникший в результате переписывания оригинала письма в 1945–1948 гг. Ср. Приложение. С. 80.

[96] Рудольф Кайзер. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 8. С. 29 (примеч. 37). Вероятно, речь идет о просьбе, с которой еще зимой 1923 г. Ремизов обращался к Кайзеру в связи с окончанием срока вида на жительство в Германии. Подробнее см.: Литературный факт. 2018. № 8. С. 29–30.

[97] Букв.: Ежедневные четыре буквы (*нем.*). Текст телеграммы Ремизова, отправленной С.П. Ремизовой-Довгелло.

[98] Л.И. Львов.

[99] Неустановленное лицо.

[100] Вероятно, художник А.С. Смирнов, оформлявший издание ремизовского пересказа народной сказки «Горе злосчастное» (Берлин: Книжный кустарь, 1922).

Сказка была отпечатана в виде свитка (раскрашенный оттиск с доски на ткани в количестве 300 экз.).

[101] *Николай Васильевич Зарецкий* (1876–1959) — художник, книжный иллюстратор; в 1907–1908 гг. сотрудничал в журналах «Весы» и «Золотое руно»; эмигрировал в 1920 г., с 1922 г. в Берлине; в 1923–1924 гг. сотрудник литературного приложения газеты «Накануне», издательств З.И. Гржебина и «Эпоха»; в 1925–1931 гг. председатель Союза русских живописцев, ваятелей и зодчих (Берлин); в 1931–1950 гг. жил в Праге; в конце 1930-х гг. организатор пражского Русского культурно-исторического музея; в 1951 г. переехал в Париж; многолетний корреспондент и поклонник таланта Ремизова; при его содействии рисунки Ремизова экспонировались в галерее журнала «Штурм» (Берлин, 1927), а также на выставках «Рисунки французских и русских писателей» в Париже (1932) и Праге (1933/1934). Подробнее историю отношений писателя и художника см.: Письма А.М. Ремизова к Н.В. Зарецкому (1949–1951) / Публ. и коммент. И.С. Чистовой (при участии С.В. Денисенко) // Рисунки писателей: Сб. науч. статей / Сост. С.В. Денисенко. СПб., 2000. С. 326–340; *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные… С. 244–275 (гл. «Игра и жизнь кунстмалера Обезвелволпала»); *Поляков Ф.* Автобиографические письма Николая Зарецкого // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. N.F. / N.S.2018. 6. S. 236–265.

[102] М.М. Шкапская (см. примеч. 24) с сыновьями по рекомендации В.В. Вересаева с конца июня 1923 г. гостила в доме М. Волошина. Об этом см. письмо поэта Вересаеву от 30 июня (*Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 12: Письма 1918–1924. М., 2012. С. 680).

[103] Неустановленное лицо.

[104] Бад Эльстер (Bad Elster) — курортный город в Саксонии.

[105] Цикл рассказов «Парижский клад», намеченный Ремизовым для второго, неизданного при жизни писателя тома книги «Россия в письменах» (первый том выпущен берлинским издательством «Геликон» в 1922 г.); впервые опубликован под общим названием «Россия в письменах» в третьей книге журнала «Беседа» (с. 78–160), начатого изданием в мае 1923 г. (Берлин: изд. «Эпоха», 1923–1925; ред. М. Горький, Андрей Белый, В. Ходасевич, Б.Ф. Адлер, Ф.А. Браун).

[106] См. примеч. 62.

[107] *Владимир Иванович Лебедев* (1885–1956) — эсер, политик, публицист; с 1921 г. жил в Праге; член редколлегии журнала «Воля России». О судьбе гл. «Завитушка» в этом журнале см. примеч. 61.

[108] Речь идет о главах будущего романа «Взвихрённая Русь» (1927), первоначально публиковавшихся в 1918–1924 гг. в периодических изданиях под заголовком «Всеобщее восстание: Временник Алексея Ремизова».

[109] *Владимир Александрович Амфитеатров-Кадашев* (1888–1942) — публицист, прозаик, драматург, критик, переводчик; сын писателя А.В. Амфитеатрова.

[110] Речь идет о берлинском издательстве «Грани», выпускавшем одноименный литературный альманах под редакцией А. Черного. В 1923 г. произведения Ремизова в «Гранях» не печатались.

[111] Подразумевается номер телефона в Берлине, соответствующий району города. Ремизову был известен аналогичный номер издательства «Эпоха» (ZENTRUM 59-61), во главе которого встал видный член партии меньшевиков *Соломон Гитманович Каплун-Сумский* (1883, по др. свед. 1888, 1891 — 1940).

[112] *Анна Евгеньевна Чикаленко-Келлер* (1884–1964) — журналистка, переводчица, библиограф, публицист, дипломат, активистка международного женского движения; в 1926 г. вышла замуж за немецкого философа и филолога Зигмунда Келлера.

[113] Речь идет о будущем известном художнике, искусствоведе и пропагандисте авангардного искусства *Луи Лозовике* (Louis Lozowick; 1892–1973) — уроженце

Украины, в 1906 г. эмигрировавшем в США; в начале 1920-х гг. начинал карьеру как обозреватель современного искусства и переводчик современной русской прозы (рассказов Вс. Иванова, Б. Пильняка и И. Эренбурга), публиковался в международном журнале современного искусства “Broom” (ноябрь 1921— январь 1924; Рим, Берлин, Нью-Йорк; ред. H. Loeb, A. Kreymborg). Встреча Ремизова с Лозовиком состоялась благодаря С. Шаршуну, который представил своего знакомого как американского писателя, вознамерившегося переводить ремизовские произведения (см. примеч. 116). От Лозовика Ремизов узнал о публикации рассказа «Белое сердце» (на русском языке опубликован в 1921 г. в составе сборника «Шумы города») в английском переводе на страницах нью-йорского журнала “The Dial” (1849–1929). Вскоре при помощи нового знакомого было написано официальное обращение писателя в редакцию журнала с просьбой присылки экземпляра (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 33). В выпусках журнала за 1921–1922 г. рассказ нами не обнаружен.

[114] Подразумевается рассказ Б. Пильняка «При дверях» (1919; впервые в сборнике под ред. В.Я. Брюсова «Художественное слово» (1921); также публиковался под названием «Метелинка»). См.: *Pilniak B*. At the doors (translated L. Lozowick) // Broom: An International Magazine of the Arts. 1922. Vol. 3. № 1. Aug. P. 57–75.

[115] *Александр Самойлович Элиасберг* (1878–1924) — переводчик, сделавший большой вклад в создание библиотеки русской поэзии и прозы начала XX в. на немецком языке; историк русской литературы; издатель; родился в Минске, с 1907 г. жил в Мюнхене; был близко связан с писателями символистского круга; в 1900–1910-е гг. получил признание как авторитетный литературный критик и переводчик, печатавшийся в русских модернистских изданиях. Его жена — художница Зинаида Николаевна Элиасберг (урожд. Васильева) с лета 1922 г., когда Ремизовы приезжали в Мюнхен, стала многолетней корреспонденткой Серафимы Павловны Ремизовой. См. о Элиасберге: *Sippl C.* 1) Verlage und Übersetzer in der Zwischenkriegszeit // Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit / K. Eimermacher, A. Volpert (Hrsg.). München, 2006. S. 783–803; 2) Der Übersetzer Alexander Eliasberg und die russischen Literaten im Exil (Dmitrij Merezkovskij — Ivan Smelev — Aleksej Remizov) // Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert. Religiöses und kulturelles Leben / A. Davids, F. Poljakov (Hrsg.). Peter Lang, 2008. Упоминания о нем см. также в жизнеописании Ремизова в первый год жизни в Берлине (*Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. С. 36).

[116] Речь идет о письме С. Шаршуна от 6 июля 1923 г., в котором отправитель, не забывая своего «обезьяньего» звания — «кавалер и ос Обезвелволпала», писал: «Дорогой Алексей Михайлович, вчера уже вечером (выйдя от Вас) говорил с Louis Lozowick’ом — американским писателем. Он, оказывается уже выбрал один из Ваших рассказов. Очень Вас любит. Позвонит Вам (я дал адрес) <…> Ваш Шаршун-Ос» (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 13–13a).

[117] См. примеч. 105.

[118] *Лев Соломонович Полак* (Поляк, 1880–1941, концлагерь Заксенхаузен) — специалист в области философии знания, философии права и морали, после октябрьского переворота эмигрировавший из России в Нидерланды. Речь идет о продаже в 1940 г. Полаку исторических документов, легших в основу второго тома книги «Россия в письменах». Тогда же Ремизов простился с альбомом оригинальных писем В. Розанова. В одном из инскриптов на книге «Кукха», адресованном С.П. Ремизовой-Довгелло, писатель упомянул о постигшей коллекционера в немецкую оккупацию трагической судьбе: «А Поляка угнали в Германию: погиб, несчастный!» (ГЛМ. Ф. 156. Тетрадь 8).

[119] Ср. сюжет повести «По карнизам» (гл. «Gespenst»).

[120] См. примеч. 64.

[121] Речь идет об издании романа Ремизова «Пруд» в переводе на чешский язык Л. Рышавого: *Remizov A*. Rybnik: Roman / Překl. L. Ryšavy. Praha: Družstvo Přatel studia,1923.

[122] *Лидия Юдифовна Бердяева* (урожд. Трушева, в первом браке Рапп; 1871–1945) — жена Н.А. Бердяева; поэтесса.

[123] Балтийский морской курорт Бергхауптен в регионе Макленбург (*нем*.).

[124] Речь идет о публикации рассказа «Голодная песня» (Die hungrige Weise / Ubers. K. Rosenberg // Das Tagebuch. 1923. № 29, 21. Juli. S. 1045–1047), по поводу которой переводчица не без огорчения писала Ремизову: «Вот появилась “Голодная песня”, к сожалению с ошибками в печати: заглавие же — правильное и дальше пропускали <sic!> целую фразу — нечего делать!» (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 43).

[125] Неустановленные лица.

[126] *Сергей Яковлевич Осипов* (1888–1948) — бухгалтер; заведующий конторой издательства «Сирин» (1912–1915); торговый представитель советской России в Ревеле (1921–1924); князь и ключарь Обезвелволпала; биограф Ремизова, первый историограф Обезьяньей Великой и Вольной палаты. Подробнее о нем см.: *Обатнина Е*. Царь Асыка и его подданные… С. 233–238, а также в материалах переписки: «В России, как встретимся, будем вспоминать». I. Переписка А.М. Ремизова с С.Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В.Я. Шишкова к А.М. Ремизову (1921) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 218–265.

[127] Подразумеваются произведения Ремизова, изданные до революции, которые он не смог взять с собой, уезжая из Петрограда. Восстановить собственную библиотеку писателю помогал Осипов, жена которого часто приезжала из Петрограда в Ревель.

[128] *Татьяна Николаевна Гиппиус* (1877–1957) — художница; сестра З.Н. Гиппиус. См. о ней: А.А. Блок. Письма к Т.Н. Гиппиус / Публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–214. См. также библиографию о ней в статье: *Павлова М.М*. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222. По-видимому, речь идет о книгах для передачи Ремизову из Петрограда.

[129] *Илья Исидорович Фондаминский* (псевд. Бунаков; 1880–1942, Освенцим) и *Марк Вениаминович Вишняк* (1883–1976) — редакторы журнала «Современные записки», наряду с Н.Д. Авксентьевым, В.В.Рудневым и А.И. Гуковским.

[130] Речь идет об учредителе, владельце и редакторе берлинского издательства «Геликон» *Абраме Григорьевиче Вишняке* (1895–1943, в Освенциме). См. о нем., в частности: *Эренбург И*. Люди, годы, жизнь: Под колесами времени. Книги первая, вторая, третья / Подгот. текста. предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. М., 2017. С. 378, а также**:** А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; Подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 72.

[131] Действительные родственные связи А.Г. Вишняка и М.В. Вишняка не прояснены. Ср. также их различие, отмеченное Эренбургом в первой редакции книги «Люди, годы, жизнь» в связи с обстоятельствами издания его романа «Хулио Хуренито» в Берлине: «Мой “Хуренито” был издан в “Геликоне”. Узнав, что издателя зовут Вишняк, я смутился: эсер М. Вишняк в журнале “Воля России” проклинал всё, что связано с Советской Россией, но мой Вишняк оказался другим» (Цит. по: *Эренбург И*. Люди, годы, жизнь. С. 626).

[132] *Макс Эйтингон* (1881–1943) — уроженец Могилева, с детских лет (с 1893 г.) жил с семьей в Германии; ученый-психоаналитик, ученик З. Фрейда. Осенью 1922 г. произошло знакомство Эйтингона с Л. Шестовым, который, приезжая в Берлин,

с этого времени останавливался в его особняке в престижном районе Тиргартен-парк. Тогда же дом Эйтингона открылся для отдельных представителей русской диаспоры. (см. примеч. 46). Подробнее об ученом и его контактах см.: *Хазан В.* «Благодаря вам отчасти он мог продолжить свою работу до конца»: Лев Шестов и Макс Эйтингон. С. 4–39. При переезде в Париж, как и в последующие годы, Ремизовы неоднократно пользовались финансовой поддержкой семьи Эйтингонов благодаря особому расположению к ним супруги ученого — Мирры Яковлевны (урожд. Буровской; 1877–1947).

[133] Имеется в виду посещение особняка Эйтингона на Rauchstrasse 4.

[134] Подразумевается миниатюра из главки «Завитушка» (см. примеч. 53). «Звено» — еженедельная литературно-политическая газета, ред. П.Н. Милюков и М.М. Винавер (1923–1926); выходила как приложение к газете «Последние новости».

[135] Речь идет о публикации глав романа «Плачужная канава» (в первой печатной редакции озаглавленного «Канава») в пражском журнале «Русская мысль» на протяжении 1923 г.

[136] Шуточное именование чешских денежных единиц, ассоциированное с фамилией Надежды Филаретовны Мельникова-Папоушковой (1891–1978) — критика, переводчицы и общественной деятельницы эмиграции, жившей в Праге. См. о ней: Литературный факт. № 8. С. 37 (примеч. 112).

[137] Гарц — горный район на севере Германии.

[138] Курс валют, сводки которого Ремизов аккуратно вырезал из газет и сохранял.

[139] Новелла Т. Манна «Тонио Крёгер» (1901).

[140] Речь идет о письме переводчицы *Гертруд Ган* (Gertrud Hahn), отправленном из Мюнхена 22 июля 1922 г. (Amherst. B. 3. F. 1. P. 45–45a), в котором сообщалось о судьбе книжного издания перевода на немецкий язык ремизовского цикла легенд «Цепь златая» (*Remisow A.* Die goldene Kette: Weltpassionen. Altrussische Legenden / Übers. und mit einem Nachw. versehen von G. Hahn. München: Pflüger Verlag, 1923). Подробнее о Г. Ган см.: *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I). New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / Ed. by C. Ciepiela and L. Fleishman. Stanford, 2014. Part I. P. 327–329 (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

[141] *Мария Константиновна Гржебина* (урожд, Дореомедова; 1880–1968) — жена З.И. Гржебина.

[142] Об этом переводе ремизовской пьесы «Бесовское действо» (1908) см.: Литературный факт. 2018. № 8. С. 22.

[143] А.А. Шрейдер. См. о нем: Литературный факт. 2018. № 7. С. 77.

[144] Позднейшее дополнение в текст оригинала (см. Приложение. С. 85–86). Речь идет о придуманной Ремизовым денежной единице, имевшей распространение в Обезьяньей Великой и Вольной палате. Несмотря на очевидную связь темы независимых денежных единиц с инфляцией в Германии, возникновение подобных фантомов в ремизовском игровом пространстве было связано прежде всего с ситуацией революции, гражданской войны и нэпа в России, когда на протяжении 1917–1924 гг. на территории бывшей Российской империи получили хождение от 2 до 5 тысяч денежных систем. В частности, новые деньги были выпущены в Крыму, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Туркестане, Иркутске, Чите, Владивостоке, Хабаровске, Архангельске и на Кавказе. Обезьянья «валюта» была введена в оборот указом царя Асыки, одна денежная единица (Löwen) имела исчисление в 1 квадрил — lion. Управляющим казной («упказом» Обезвелволпала) в Берлине был избран А.В. Бахрах. Ср. запись канцеляриста С.Я. Осипова, составлявшего в 1922–1924 гг. историографию Обезвелволпала и со слов Ремизова записавшего историю происхождения «лионов»: «По примеру того времени, когда каждый уважающий себя город РСФСР печатал и выпускал в обращение свои собственные

деньги, например деньги средней <?> и цент<ральной?> Укр<аины?>, Обезьянья Великая и Вольная Палата также выпустила свои денежные знаки “лионы”. Изготовлены деньги чрезвычайно искусно, всё, от подписи царя Асыки до Бахраха указа, как нарезано тончайшей комариной ножкой. По слухам, одно время Нью-Йоркская биржа очень интересовалась этой новой валютой, на нее был бешеный спрос, и несколько новых америк<анских> миллиардеров положили тогда основание своим состояниям, играя на повышение “лионов”. Однако все сделки происходили чисто по-биржевому, на записях, без наличности самой валюты. Да и трудно было сделать иначе, т.к. единственный “лион”, выпущенный в обращение, крепко был запрятан великой (собирательницей) коллекционершей денег, Серафимой Павловной» (РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 13. Л. 38). О «лионах» см. также: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные… С. 132–133.

[145] В тексте оригинала эта фраза, судя по разнице тона чернил, во время переписывания взята в квадратные скобки.

[146] Подразумеваются сроки продления временного паспорта.

[147] Очевидно, владелец курортного пансиона.

[148] Бергхауптен — курорт, расположенный у подножия Шварцвальда. Речь идет о знакомых (?) Е.Г. Лундберга.

[149] В письме от 19 июля 1923 г. Гиппиус писала по поводу воспоминаний «Розанова письма», напечатанных в парижском «Окне» (см. примеч. 50): «Я не видела “Окна” и не знаю, что <именно?> <напи>сал Ал<ексей> Мих<айлович> про Розанова, но видела <в газ>етах что-то, и очень хочу знать <верно?> ли, что он такие интимности напи<сал> <…>, которые бы не надо ни про живого <ни про> мертвого? <…>» (Письма З.Н. Гиппиус С.П. Ремизовой-Довгелло и А.М. Ремизову (1905–1941) / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е. Обатниной; в печати).

[150] Д.А. Уманский в письме от 23 июля 1923 г. сообщал о своих планах подготовить перевод «Трагедии о Иуде принце Искариотском», а также опубликовать на немецком языке ремизовские рассказы 1916 г. из цикла «Среди мурья и неурядицы».

[151] *Герберт* (Герберт-Отто-Христиан-Карл) *Рудольфович фон Гёрнер* (Herbert Otto Christian Carl von Hoerner; 1884–1950) — уроженец Курляндской губернии; в 1919–1920 г. доброволец Балтийского ландесвера; переводчик, поэт, художник и писатель. Речь идет о переводе книги Ремизова «Трава-мурава: Сказ и величание». (Берлин: С. Ефрон, [1922]), составленной из пересказов народных легенд. Признавая художественную ценность этих текстов, Гёрнер отказывался от перевода книги: «Разные есть причины, почему не решаюсь перевести Вас, а главная причина, по откровенности, та: что мне слишком трудно. Не хватает у меня знания языка. Особенного древнего русского языка» (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 47b).

[152] Мышиный жеребчик — устаревшее ироническое выражение, обычно характеризующее типаж молодящегося старика, дамского ухажера. Встречается в поэме Гоголя «Мертвые души»: «Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, как говорят, семенил ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышиными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам» (Т. 1, гл. 8).

[153] См. примеч. 140.

[154] Валютный курс.

[155] Возможно, планы А.С. Элиасберга были продиктованы ситуацией вокруг Нобелевской премии по литературе, претендентом на которую в 1922–1923 гг. считался М. Горький (см. об этом: Письма З.Н. Гиппиус А.С. Элиасбергу / Вступ., подгот. текстов и коммент. В.Н. Терехиной // Зинаида Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 150–151).

[156] Л.И. Львов.

[157] *Николай Владимирович Станюкович* (1898–1977) — участник белого движения; в эмиграции писатель, критик.

[158] Дивилин — соученик Ремизова по начальной гимназии упоминается в книге воспоминаний «Подстриженными глазами» (Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 2000. С. 39). Каменщики — улицы (Большие и Малые Каменщики) в Таганском районе Москвы, расположенные в непосредственной близости от ул. Земляной Вал, где вырос писатель.

[159] Бад-Зудероде — бальнеологический курорт, расположенный в северо-восточных отрогах гор Гарц (земля Саксония-Анхальт).

[160] Речь идет о продуктовых очередях.

[161] Подразумевается предложение Шестова Ремизову приехать в Париж, чтобы на вечерах чтения заработать денег на переезд во Францию. Осенью 1922 г. подобный план обсуждался в связи с инфляцией. Ср. письмо Л. Шестова от 10 ноября 1922: «По-моему, тебе нужно приехать решиться. Ну, что с того, что один нигде не ездил? Сейчас еще время, а там начнут для других вечера устраивать и места для тебя не будет. Если же теперь приехать — увезешь 1000–1200 фр<анков> — до лета проживешь. Иного способа я не вижу и очень боюсь, если долго колебаться станешь, и эта возможность уйдет. Нужно ковать, пока горячо» (Amherst. Series 1. B. 1. F. 6).

[162] Сестры Черновы (см. примеч. 66).

[163] Письмо К. Розенберг от 28 июля, в котором переводчица сообщала о публикациях и гонорарах за переводы на немецкий язык рассказов «Жизнь несмертельная» (см. примеч. 34) и «Голодная песня» (впервые опубл. в сборнике «Шумы города». Ревель, 1921). См.: *Remisow A.* Die hungrige Weise / Ubers. K. Rosenberg // Das Tagebuch. 1923. № 29, 21. Juli. S. 105–104.

[164] «Сполохи» — литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал (ред. А.М. Дроздов, Е.А. Гутнов, В.Я. Ирецкий, Б.О. Харитон; ноябрь 1921 — июль 1923).

[165] Перевод Д. Уманского рассказа «Пупочек» (1913): Das Nabelchen / Ubers. D. Umanskij // Prager Presse. 1923. № 192, 15. Juli.

[166] Подразумевается цикл новелл, объединенных названием «Вереница». Опубл.: Жар-Птица. 1923. № 10. С. 33–35.

[167] Львовы.

[168] См. примеч. 54.

[169] Речь идет о последствиях гиперинфляции.

[170] А. Шрейдер См. примеч. 143.

[171] *Соломон Владимирович Познер* (1876–1946) — издательский работник в Петрограде 1910-х гг., общественный деятель; эмигрировал в 1921 г. как представитель Книжного отдела Петроградского Дома Литераторов; жил в Париже, активист Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, с 1924 г. — секретарь Комитета; отец поэта В.С. Познера, который до 1921 г. состоял в литературном объединении «Серапионовы братья». Ремизов получил от Познера открытку, отправленную из Парижа 25 июля 1923 г. (получена в Берлине 30 июля), в которой речь идет о 200 франках, выделенных писателю Комитетом (Amherst. Series 1. B. 3. F. 1. P. 51). О Познере как секретаре Комитета см. в публикации переписки Членов Комитета с литераторами, в частности с Ремизовым: *Кельнер В.Е.*, *Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции. (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. 1994. I (1). С. 268–313.

[172] См. примеч. 61. *Марк Львович Слоним* (1894–1976) — политический деятель, член партии эсеров, критик, публицист; в эмиграции в 1922 г., переехал из Берлина в Прагу, где был соредактором журнала «Воля России» (1922–1932). Подробнее о нем см.: *Малевич О.* Три жизни и три любви Марка Слонима // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 3. С. 73–100.

[173] См. примеч. 17, 18.

[174] Биографические данные не установлены.

[175] Подразумевается книжная новинка 1923 г. — сборник рассказов немецкого поэта-экспрессиониста, писателя и драматурга *Альфреда Бруста* (1891–1934) «Небесные дороги» (*Brust Alfred*. Himmelsstrassen. München: Kurt Wolff-Verlag. [1923]).

[176] См. примеч. 19, 20.

[177] См. примеч. 49.

[178] Алексеев Г.В. (см. о нем: Литературный факт. 2018. № 7. С. 72, примеч. 39). Речь идет о сборнике очерков, посвященных литературным портретам эмиграции: *Алексеев Г.* Алексей Ремизов // Алексеев Г. Живые встречи. Берлин: Мысль, 1923. С. 5–10.

[179] *Рудольф фон Шольц* (Rudolf von Scholtz; 1890–1956) — переводчик, писатель, политик. См. о нем: Поляков Ф. Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz / Eds. Catherine Ciepiela and Lazar Fleishman. Part I. Stanford, 2014. P. 336–337 (Stanford Slavic Studies, vol. 45).

[180] *Евгений Васильевич Аничков* (1866–1937) — историк литературы, прозаик, публицист; эмигрировал в Сербию в 1918 г., с 1920 г. — профессор Белградского университета. Творческие контакты Ремизова с ученым-филологом, фольклористом, медиевистом, завязавшиеся в 1905–1907 гг., опирались на интерес писателя к исследованиям по сравнительной мифологии, которой занимался Е.В. Аничков как талантливый ученик А.Н. Веселовского — основателя этого направления отечественной филологической школы.

[181] Речь идет о переводе на сербскохорватский язык легенды «Лис преподобный» (впервые: Красный балтиец. 1920. № 7), вошедшей в книгу «Шумы города» (Ревель, 1921): Лис Преподобни / Прев. И.С. // Српски књижевни гласник. 1922. Књ. 1, 1 Јун. С. 177–183.

[182] *Евгений Германович Лундберг* (1883–1965) — прозаик, критик, издатель. См. историю его отношений с Ремизовым в вступ. статье к публикации: Е.Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А.М. Ремизову (1910–1918) / Публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314–367; см. о нем в Берлине 1921–1922 г.: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. С. 22–23.

[183] *Соломон Гитманович Каплун-Сумский*. См. о нем: Там же. С. 68; см. о нем и его издательстве «Эпоха»: *Вайнберг И.* Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие (по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке) // Евреи в культуре русского зарубежья / Изд. и сост. М. Пархомовский. Т. 4: 1939–1960. Иерусалим, 1995. *С.* 187–207. Очевидно, что в письме Каплуна шла речь о публикации ремизовского цикла «Россия в письменах: Парижский клад» (см. примеч. 99).

[184] Подразумевается корректура книги «Кукха. Розановы письма».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Charlottenburg 1
Kirchstrasse 2 II
Frau S. Remizova
Bei Delion
6.I. вечером, увы!
<На открытке с надписью “Eingang ins Bodetal”>

Деточка, поздравляю с Рождеством!
Здесь лежит снег, намело сугробы:
едва добрел до почты
и так блестит
и скрепит всё
снегохруст —

твоя нянька Анисья
бесприютная.

7.1.23.

Только что собрался уходить, позвонили из «Бристоля»: просят в ½ 7-го.

Ну, ладно.

Алексей Ремизов.

10 марта 1923
40 Märtyrer (40 мучеников)

А больше никто не звонил.

Книги надписал.

8 апреля 1923
Berlin NW 23
Lessingstr<asse> 16
bei Diepow
<На открытке с надписью: “Herzliche Ostergrüsse!”>

Поздравляю тебя, деточка, Христос Воскрес! Это нянька тебе твоя пишет старуха Анисья.

Которая это Пасха, я уж и счет позабыла, а сколько впереди — не загадываю.

Не может нянька больше книжков издавать, это ее сейчас и беспокоит, даже и на Пасху.

А это кум нянькин. Кузьма Кумилин, который служил в Севпросе курьером.

<Открытки с изображением видов: Werder. Wachtelburg. Baumblüte in Werder. Blick auf die Havel. Bad Kudowa.>

<Пояснительная надпись Ремизова:> 9.7. — 17.7.1923 Kudowa in Schlesien.

9 июля 1923
понедельник
Berlin
№ 1

Где-то ты теперь, деточка, бродишь
— уж ночь скоро
нашла ли себе пристанище?

Что-то чувствуется мне, что трудно. Утешаю себя: первое время и в раю человеку трудно!

½ 11-го, а уж глаза на сон смотрят.

Пью чай один.

Утром звонил Кобелянс<кий> <М. Копелянский>. И сегодня уж к вечеру, как с тобой уговаривался, так всё и сделал: теперь из 5-и стало 4 раздельно и восемьсот.

Кобелянский советует: ванны (билетики) брать на неделю. Спрашивает, есть ли там отделения банков — Дрезденского, Deutsches, Disconte, Kommerzprivat. Если найдутся, то проще всего деньги перевести через банк.

Да, деточка, куда надо отнести Frau Karos корзиночку из-под ягод? На Flensbourger<strasse>?

Обегала она всю Lessingstr<asse> — не наша, говорят.

Кроме Кобелянского (вечером) днем заходил Лоллий <Львов>.

— Ты уехала на неделю к знакомым.

Ничего. Так полагается. Принес мне от Струве — это не сербский журнал, а болгарский «Хиперион».

Я написал в «Хиперион» открытку, чтобы выслали.

Гонорара там не полагается.

А переведено «О судьбе огненной» (слово Гераклита).

М<ежду> п<рочим>, напечатано не Гераклит, а Демокрит и Сергей Ремизов.

Хорошо!

Нафталину купил. Пересыпал. Шкап заклеен. Друг<ие> вещи в картонку.

Никто не звонил.

Письма: 1) тебе от Люб<ови> Исааковны <Красильщик-Трапезниковой>. Спрашивает, получила ли ты открытку от 16.6? (<u>получила</u> 22.6); что в Москве жарко, о К<лавдии> Н<иколаевне> <Ва-

сильевой> и Андр<ее> Белом, а просит совсем уничтожить страницу этого письма (не разбираюсь как следует, в чем дело); две травки с могилы Софьи Яковлевны <Красильщик>.

Шкапская уехала уж. Елиз<авета> Ив<ановна> <Дмитриева> все-таки достанет «рукопись». Спрашивает Л<юбовь> И<сааковна>: не желаешь ли, чтобы эта рукопись у нас хранилась? (Это — Тышка?)

2) мне от Закатимова. Я ему отвечу, попрошу разыскать книги — «Иуду», «Бес<овское> д<ейство>».

3) — (открытка) <от> Алданов<а>, что во вторник могут прислать деньги (Да, звонил Бахрах и я ему передал, чтобы он сказал, что денег мне не надо присылать).

4) 5) от Уманского утром, вечером. Всё о переводах пространно.

6) от Kaiser'a (по-немецки) (открытка). Пишет, что Fischer будет издавать «В поле блакитном», просит для "Neue Ründschau" рассказ (завтра позвоню Розенберг), и просит "Sofort" повидаться с Lörke. Придется завтра идти к ним — в редакцию.

Ну вот, видишь сколько.

Вернешься, то-то чтения будет на часы!

Эх, деточка, деточка!

Тороплюсь (а выходит, конечно, медленно), переписываю для Шкловского.

И уж ничего не делал больше

и завтра придется сидеть.

"Kohlen"-ы привезут завтра — 10 центнеров à 30000 <марок> + à 1000 <марок> = 310000 <марок> — в 3-и приема.

Вот, деточка, такие пустяки, а писал я ровно час.

До чего у меня всё медленно!

Видел сегодня, как перед нашим окном автомобиль наехал на старуху.

Я видел в ту минуту, когда он затормозил — а из-под колес крикнуло десять горл.

По ногам пришлось, старуха поднялась. И пошла: она соседская, напротив живет. И странно, я издалека видел ее лицо, страшно отчетливо зеленое с черными губами. Должно быть, очень испугалась, а не от боли. Она дошла до дверей, и тут ее под руку взяли. Потом дети очень плакали: испугались. Бабушка, может быть, внучёнки.

Ну, пора, купайся, деточка, в ваннах.

Berlin 1923
10 июля
№ 2

Видел во сне Распутина.

Еще видел: ночью стук, я выскочил и попал в комнату Diepow'a, а в прихожую не попасть — заперто. Вернулся, а какой-то в форме (так у нас инженеры носили — путейцы), худой, высокий, около электрич<еской> лампы что-то смотрит. И тут же ты стоишь. И всё у нас перевернуто — ночь ведь, спали.

— В чем дело?

— Электричество проверяет.

½ 12-го ночи

А клюю носом, деточка.

Еще немножко посижу и спать: завтра рано надо.

Приходил днем Лоллий. И я вышел с ним: был в Fischer Verlag у Lörke, там встретил Розенберг. Говорили о переводах. Зашел к Кирхнеру («Парус») — Плетнев нездоров (Это я всё о «Бес<овском> действ<е>). Встретил Муратова. Говорил он мне об актере Завадском, к<ото>рый зайдет к нам (он из Москвы) для разговора о «Иуде». Вот кому я не верю — актерам. Сколько было всяких разговоров. В "KDW" купил бумагу (линованную) и конвертов. Встретил Левенсона. Попросил его послать в Вену книжку Уманскому («В поле блакитном» скоро всё разойдется совсем). *Когда надо, он даст экземпляры*. Потом Бахраха встретил, жалуется, — Заблудовская не хочет ему «Окно» давать.

Зашел, купил сигар, чтобы дополнить пачку. И с той поры сижу. Завтра Шкловский придет.

Маловато у меня вышло.

Поздно вечером заходил Шаршун.

Я дал письмо В<еры> Вас<ильевны>. Написал адрес Ек<атерины> Вл<адимировны>. Попросил объяснить, что тебя нет дома.

Одно единственное письмо — от Шестова.

«Завитушку» — не берут ни «Звено», ни «Современные записки».

А ему она очень нравится.

Рукопись обещает привезти.

По расчетам, он должен на днях прислать.

Страшно боюсь проспать.

— Это я ходил — оттого так устал смертельно.

Прочитал сегодня в газетах (Berliner Tageblatt) про остров Sylt — это рядом с Föhr'ом.

Любопытно.

Деточка, пойду спать, — глаза закрываются.

Напомни мне рассказать тебе, как в табачном магазине, это около Bellvue, хозяин застрял между прилавком и выходом в магазин.

Я видел, как распиливали прилавок, чтобы освободить.

Какой у того вид был, у застрявшего (похож на Левенсона).

Ну как-то ты там.

Ой, жарко, наверное!

11 июля

Сейчас иду опускать письмо.

Едва проснулся в 6-ь утра — а в Wohnungsamt не удалось.

До пятницы.

Одно письмо — от Уманского (всё о переводах предполагаемых).

Berlin 1923

Напис<ал> 10.7

Получ<ил> 11.7

№ 3

Получил твое, деточка, письмо сегодня. Послал тебе 800.000 — это гонорар через Шкловского из «Нов<ого> Огонька» за «Птичку» (про Мильду) — 400 строк. Я был в редакции на Bambergerstr<asse> 39 и оставил Сны (20-ь) — ½ листа. О них еще будут думать. А вот беда — «Завитушку» не знаю, куда поместить (куда? — куда? — —). Может быть, в «В<олю> Рос<сии>». Хоть бы это Лисевна <О.Е. Чернова>, впрочем, всё равно, от нее, как с козла молока. Хотел деньги послать Wertbrief, но на почте сказали, что так вернее. Чехо-словак не пришел (звонил). Был Бахша <sic!> один, принес книгу: завтра уезжает и надолго в Париж. — Мы все в Париж провожаем: Куринаса <вписано поверх затертого слова>, Шаршуна, Бахшу. Клялся и божился, что будет писать (хабар принес — хороших сигар). Сейчас уж 12-ь <часов>, а я ничего, п<отому> ч<то> завтра не идти, а вот в пятницу. Днем заходил Лоллий: ему передал Лукаш, что деньги 20-го получу из Праги.

Окна теперь отворяю только по заходе солнца. А то пыль и шум. Сегодня F<rau> Karos подоконники мыла. О корзиночке-то напиши, куда ее отдать?

Представляю твою дорогу, беда это, когда дурак наумничает! Наверное, церковь есть, пройди непременно.

Если увидишь, что есть польза, потерпи уж.

Тут жара злющая, но я не замечаю. Я вижу, как тут мытарятся, ожаренные.

Кроме как Уманского не было писем.

Посылаю тебе вырезку: о штанах и описание наружности Ленина. Сохрани!

Уж очень мне понравилось.

Ну до свидания, детяточка.

Пиши же, как-что.

А.Р.

Berlin 1923
12 июля 1923
№ 4

Письмо одно — от Забдудовской: пишет, что «Окно» послано еще 1 экз<емпляр>.

Видел во сне Плевицкую (Был счет за газ и телефон 44.400 <марок> и 1.800 <марок>.) 5 центнеров принесли сегодня. Fr<au> Karos пойдет искать, еще где бы найти, а вот обманывают.

Деньги, которые послал в Finanzamt, вернулись!

Как и в прошлом году, чего-то неправильно написал.

Дознались, конечно.

Потом я сегодня сделал героический шаг — потому, д<олжно> б<ыть>, сейчас упала энергия — пошел я к Гржебину и отдал «Розановы письма» на издание по 3000 экз<емпляров> и получил 40 «Диповских» (на четыре месяца обеспечено житие).

«Скифы» же давали (как я выяснил) всего 10-ть!

Гржебин кланяется тебе (ничего я не сказал, где ты). В среду уезжает: 2 припадка было.

И что мне тут понравилось: Гржебин ведь не читает, просто взял, а в «Скифах» было бы, против всего, еще и обсуждение.

Был у Аренштама <sic!>. Еще раз в субботу и он кончит портрет (карандашом). Это для «Н<ового> огонька». Представь себе, встретил там Вырубова, который «Иуду» взял и пропал. А он так, как будто и ничего. Хоть бы извинился, дурак.

Чернила расплываются (надо будет купить). Это от жары. Звонил Лоллий — верный человек.

Вот уж несколько дней под окном раздается:

Herr Remi — zow. Это ребятишки.

А.Р.

Вот сейчас принесли телеграмму твою.

Не напутали ли, как и во всем, адрес. Каждый день пишу. Первые письма по такому адресу: Kudowa — Sackisch, Schlesien, Postlagernd. Теперь Villa Hildegard.

Может быть, надо просто писать:

Bad Kudowa?

Ну, теперь-то ты должна получить письма.

Не беспокойся, деточка.

А.Р.

Berlin 1923
13 июля 1923
№ 5

Сегодня был самый жаркий день + 34 R. Меня проняло. И только сейчас (11 ч<асов> вечера) стало чем дышать. Утром послал тебе телегр<амму>. Я видел, как написали не “Sackisch”, а что-то вроде “Kristlisch”. Это меня больше всего смущает, что адреса путно не знаю. На карте Kudow’у нашел.

Писем 2: от Алданова: дам ли я чего-нибудь в «Дни».

От Лутохина: как он живет в Праге и что книг, какие я ему предлагаю, ему не надо, а он напишет, какие.

Звонила Н<ина> Григор<ьевна>.

Был Шрейбер и Люб<овь> Яковл<евна> <Яппу-Залкинд>, тебе она принесла немного русских.

Прощался Никитин. Заходил с ним к Блоху (вчера был Блох, забыл совсем, с Никитиным), много получил книг (все к тебе на стол кладу), и Кузмина он даст с автографом, только это не «Сети».

Очень долго объяснял всё сначала о Соколовском.

Удалось достать без карточки 5 центнеров. Всего у нас по расчету Fr. Karos — 15-ть. Был у переплетчика: за 40000 <марок> 2 книги.

Шум почему-то ужасный. Никогда такого не было. Разговаривать — не слышно, что говорит. Лоллий узнал только от Аркадия <Бормана>, что он ничего не продал, а книги оставил — их разыграют. А когда, не узнал. Свинство — свинство — свинство.

Из Вены приехал Arbeiterzeitung — там переведено “Das Wunder” (чудо). Можно ли здесь курить? — “Darf hier geraucht werden?”.

Оказывается, немцы вообще любят страдательный залог.

Это мне Гессен сын сказал. С.О. <sic!>

Никитин просил тебе кланяться.

И Frau Karos. Пью молоко.

Kaiser’у написал. Сегодня с поправками Шрейбера.

Ох, деточка, как подумаю, как-то ты там одна. И со всякими путаницами. Денег я тебе еще пришлю. Хоть бы скорее вспомоществование дали. И ответ из «Огонька».

А как подумаешь о «Завитушке», — если в «Дни»?

Или не стоит?

Рукопись у Шестова.

½ 12-го. А.Р.

Berlin 1923
14 июля
12 ч<асов> н<очи>

Сегодня меня Лоллий терроризировал: он пришел в 8 ч<асов> утра! И меня сбил со всяких мыслей. Я только очнулся к вечеру — просто никак не мог сообразиться, точно потерял что-то и ищу. Вечером он был и Н<ина> Г<ригорьевна>, и я сказал об этом. Но не обидно нисколько. Хотя сам очень сердился весь день (Дн<ем> вчера Шрейбер поправил электричество). Был чех, ушел, явился Смирнов с Зарецким. И вот только что ушли. Сердится на них на всех. Такой шум. С закрытыми окнами приходится — почему-то и трамвай и машина стучат немилосердно. Сейчас тихо. Из газет: назначен новый начальник Fremdenamt'a. Пишут, что рус<ским> будет легче (Трамвай с понедельника — 3.000 <марок>; хлеб — 21.000 <марок>, молоко — 4.000 <марок> с чем-то).

Одно письмо тебе — от М.М. Шкапской. Адрес ее: Феодосия, Коктебель, Волошину, для нее.

Аронштам <sic!> кончил мой портрет. Он поговорит еще об одном рассказе для «Огонька» за ту же сумму.

Чеха просил о бисере.

Ну что же еще, деточка? Очень пыльно и пе́кло, ты бы тут измучилась. Хочу совсем остричься.

Вот скоро неделя, как ты уехала. Мало я так сделал, всё хочу, чтобы к твоему приезду побольше.

И денег.

Все-таки завтра опущу это письмо, хотя по воскресеньям почта не действует.

А.Р.

15 июля

Сейчас получил твое письмо от 13.7. И звонил Борис <Каган>, что дня через 3-и приедешь. Боюсь, что в Elster'е сейчас много народу. Поезди по окрестностям. О деньгах не беспокойся. Утром писем не было.

Berlin 1923
15 июля 1923
№ 7

Сегодня просидел тихо весь день. Никто не был. Сначала такая жарища — 35 R (окна приходится закрывать от пыли). И к вечеру гроза. Но не долгая — ½ ч<аса>. Но с ветром ужасающим: деревья гнулись.

Весь день прозанимался рукописями (Позавчера встретил Бахраха, который говорил Ходасевичу, и надо подать).

Звонила днем Лисевна. От Оли и Наташи <Черновых> нет еще никаких известий.

Просилась прийти. Я сказал во вторник. Про тебя ничего не сказал, что уехала. Какая досада, что у меня нет рукописи «Завитушки». Сейчас тут <В.И.> Лебедев, ему можно было бы дать для «В<оли> Рос<сии>». У меня есть экземпляр, только неразборчиво.

Ну, это я соображу. Переписывать же невозможно. Я всё время досадую.

Борис Каган сказал, что поезд приедет в 11 ч<асов> вечера.

Как ты справишься одна: автомобиль увеличено в 25 000 раз.

Если бы ты меня точно известила. Я как бы нибудь снес.

Завтра все-таки хочу за «Временник».

А то боюсь: и то упустить и это не кончить.

Беда прямо.

А на всё надо время — время.

Ну, деточка, скоро домой.

Ровно полночь.

А.Р.

Berlin 1923
16 июля 1923
№ 8

Сегодняшний день начался сердито: звонил Амфитеатров о рукописях, которые он передал в «Грани». «А о гонораре я должен звонить “Zentrum” и т.д.». Я наговорил ему жестоких слов (“Zentrum”, где Соломон <Каплун>, — никогда не дозвонишься). Обещал сказать, чтобы мне прислали. Звонила Анна Евгеньевна, спрашивала, предлагает идти в театр в субботу. Звонил Шрейбер — не приду ли обедать. Звонил Лоллий — где заложить шубу Н<ины> Г<ригорьевны>. Звонил Никитин — окончательно уезжает завтра, просит прийти в кабак.

Приходил переводчик на английский. Он узнал, что «Белое сердце» из «Шумов города» было напечатано в самом лучшем американском “The Dial” в прошлом году. Напишет письмо, и я подпишусь и пошлю. Не уверен он, что гонорар получу — много времени прошло — а экземпляры пришлют. Он меня ничего не читал. А пишет в английские (американские) журналы о рус<ской> литературе! Это он тогда Пильняка перевел, помнишь, я еще Лиры получил от Элиасберга. Чудные дела совершают<ся> на белом свете! Дал я ему книг, обещает перевести (Это его Шаршун направил).

Вечером приходил Л<оллий> Ив<анович> и Н<ина> Гр<игорьевна>. Проверяли письма петровские.

Сейчас 12-ь ночи. Недавно ушли. В кабак я не пошел. Очень уж там нехорошо — это «черносотенный», и всего ожидать можно. Да и не хочется, простился я с ним. Довольно.

Днем прибрал комнату твою: книги.

Постучалась какая-то девочка:

«Не продаю ли я игрушки?»

В среду опять Fr. Karos достанет “Kohlen’ов”. Это моя первая сейчас забота: надо добывать.

Три письма: от Бахчи <А.Ф. Бакши> (из Баден-Бадена), — в Париж идет (жалко мне этого Бахчу-Сарая, наговорили на него невесть что!).

От Лутохина, что вышел “Rŷbnik” («Пруд»).

От Л.Ю. Бердяевой — обоим, адрес их.

Ну вот, деточка, какой сегодня день. И сердитый!

Очень сердился.

Уж 4/17-го июля — твое рожденье.

Поздравляю тебя.

Спать! Спать! Спать! Рано встаю.

А.Р.

<Телеграмма>:
Frau Remizow
Villa heldegard
14.7.1923
Berlin 1923
Täglich Schon vier briefe
Remisow

<Вклеено 3 железнодорожных билета>

<Вклеены открытки:

1. Gnadenkirche in Albendorf. Bez. Breslau.
2. Лестница в парке. Albendorf.
3. Ostseebad Brunshaupten in Mecklenburg>

<Позднейшая пояснительная надпись Ремизова:>
1923
8 авг<уста> — 25 авг<уста> вместе.
24.7. — 31.7 Brunshaupten in Mecklenburg.

Berlin 1923
24 июля 1923 (Dienstag)
№ 1

56-м очень хорошо. И знаю, где останавливается, когда подходит. И очень скоро, не заметил, и дома. Под дождем пробежался.

Маленький журнал “Das Tagebuch” 29 Heff. 21.7 напечатан “Die hungrige Weise” («Голодная песня» из «Шумов города»), и 20 000 <марок> за «Находку» («Шумы города» — «Взвихр<енная> Русь») от Розенберг Ек.Г.

Звонил Ис<аак> Яков<левич> <Каган>, а вечером тебе письмо от Вер<ы> Вас<ильевны> <Каган>. Просит написать, как доехала.

Прибрал комнату — порядок навел везде — приходил не вовремя Лоллий. Потом Fr<au> Karos. Звонил Шестов.

Получил письмо от Сер<гея> Яковл<евича> Осипова. Через неделю, 1 ½-ы будет в Берлине. Спрашивает, как посылать из Петербурга: больше 2-х фунтов не разрешают. Надо сообразить, что нужнее (новый начальник). Обо всем этом он хочет поговорить и «подумать» при свидании.

Рукописи, конечно, можно пока и не брать. По-моему, книги, которых нету. Если бы знать, что Т<атьяна> Ник<олаевна> <Гиппиус> дала туда. Завтра же ему напишу.

Очень я устал как-то.

Пишу вслух.

Шестов просил прийти. Хоть и устал очень, все-таки пошел. Прочитал немного из «Рос<сии> в пис<ьменах>». Очень ему понравилось, боится, что в «Совр<еменных> Зап<исках>» не Фондамин<ский>, а <М.В.> Вишняк (не наш), не пропустит.

Эйтингон подарил «Экклезиаста» по-немецки. Оба проводили меня до дому.

Шестов советует послать в «Звено» один отрывок из Розанова о «попе Иване».

Говорит, если примет «В<оля> Р<оссии>», то это не беда. Не знаю я, как поступить. Или подождать ответа?

Деточка, если устроишься, хоть как-нибудь с купанием, купайся. Не беспокойся.

И скорее пиши адрес.

Не люблю писать на кого-то.

А.Р.

25.7

Одна открытка — от Ган <G. Hahn> насчет перевода.

Berlin 1923

25 июля

Сегодня тихий день. Целый день дождь. И холодно. Как-то ты там, деточка?

Туфли твои вычищены, стоят. Обещала Лисевна зайти, и не зашла. Может — если действительно поедет — с ней тебя послать? Был только Струве: принес оттиски и двести двадцать пять папаушек. Завтра едет в Harz до 10-го августа. Сейчас везде полно и дорого — кофе 27.000 <марок>. А с 15-го и народу убавится и подешевеет. Он оставил свой адрес. Ар<иадна> Вл<адимировна> <Тыркова-Вильямс> и Г<арольд> Вас<ильевич> <Вильямс> приедут в сентябре.

(Сегод<ня> в америк<анских> 100 $ = 600.000!). Заплатил за телефон разницу — 28.500.

Прочитал рассказ Томаса Манна “Tonio Kröger”— автобиографи<-ческий>. С глубоким сердцем написан.

Да, Ган пишет, что Pflüger Verlag обещает заплатить мне 5% по коэффициенту. И книга будто бы скоро выйдет. Не очень-то я этому верю.

Если бы, как сегодня, — Струве просидел не больше 10-и мин<ут>, сколько бы можно было сделать. Лоллий очень хороший человек — но я всегда раздражаюсь: меня раздражает его шумливость и рассказы из газет. Да, нам надо как-то переделать наше время. Надо побольше молчать. И уж само-собой не «спорить» — не убеждать кого-то.

Ну вот, лапусик мой, вот как.

А дождик-то, дождик. Только не осенний, очень большой.

26 июля

Тебе одно письмо — от М.К. Гржебиной (bei Dyplow!)

и Revue de Gèneve еще один № — предзнаменование сомнительное: д<олжно> б<ыть>, денег не пришлют.

А.Р.

Berlin 1923
26 июля 1923
№ 3

Вечером, деточка, только твое письмо.

Был в это время Зарецкий и Смирнов. Потом пришел Лоллий.

Сейчас же Зарецкий сделал упаковку — он, оказывается, специалист по этой части. И завтра же я отправлю тебе желтую кофточку.

Смирнов принес немного сахару. Зарецкий рисовал, что выходит, не знаю.

Потом приходил Шрейдер. Предполагается издание по-чешски «Рва львинного» по 300 kr. за лист приблиз<ительно> в 32.000 з<наков>. Ходил к Шестову со Шрейдером. Убеждаю его сейчас же потребовать гонорар. Это изд<ание> социалистов чешских. Шрейдер должен позвонить в понедельник.

То, что ты пишешь, всё это я чуял. Не верю, не верю я, это что-то такое путанное и без-глазое. И не от злого чувства, а по природной слабости. Так д<олжно> б<ыть> и в делах революционных. Сегодня американск<ий доллар> — 750.000. Вот, и поди тут. Зарецкий принес тебе много всяких бумажек для коллекции. До тебя не трогаю.

Боюсь, с паспортом не успеем до 4-го ав<густа>.

Подать прошение можно только 1-го (на неделю раньше). Я напишу, когда выслать желт<ый> паспорт.

Письмо идет день (пис<ьмо> от 25.7).

Да, холодно и тут, всего 10 °R.

О Париже я еще не говорил. Успею.

А.Р.

Кофточку наденешь, согреешься, и легче станет.

27 июля

Такой ударил сильнющий дождь, придется подождать. Почтальон: твое письмо от 26.7.

По-моему так: на сколько времени сговорилась там, поживи, и приезжай сюда. И тут окончательно решим: может, вернее к Möller'у. (В пансионах кофе 27.000 <марок>). В субботу придет Смирнов, я с ним поговорю. Вместе и письмо напишем Вере Васильев<не> <Каган>. Лундберговские хвосты едут в Brunshaupten. Это мне Шрейдер сказал.

Письма: тебе: З<инаиды> Н<иколаевны> <Гиппиус> (она о Розанове не читала),

мне от Уманского (о переводах).

От Hörner'а (не может переводить «Траву-муравy»).

Berlin 1923
27 июля пятница
№ 4

Вечером, деточка, писем не было.

Приходил Лоллий: очень он смущен духом, да, надо как-то по-другому. Лукаша он не только не любит,

а «просто ненавижу!».

Очень он в здешних разочаровался. Я тебе расскажу его сегодняшнюю исповедь.

Днем до обеда приходила Лисевна, которой я сказал всё свое неверие; как это можно так...? и т.д.

Передал с ней тебе, деточка, желтые ботинки.

А утро было остервенелое: дураки эти вчерашние, клялись и божились, что посылка так сделана, а оказалось не так, пришлось переделывать (горе мое, не умею припечатывать).

А тут дождь еще.

Посылку послал, успокоился, Лисевна пришла. Но я нисколько не жалею, что послал. Завтра опять дураки придут, и я со Смирновым переговорю о Möller'е, чтобы он при мне письмо написал.

Да, поссорились они:

сцена была изумительная — Зарецкий назвал Смирнова «мышиный жеребчик».

Смирнов обиделся.

Деточка, сегодня фуфайку с утра надел, а сейчас сижу в платке.

Покупал сегодня хлеб белый небольшой — 10.000 М<арок>.

Ах, лапусик дорогой мой, детяточек, какой ты неосторожный

(Да, получил от Ган (из Мюнхена) книжку, которую для перевода посылал. Это вечером).

Просит тебе кланяться.

Frau Karos: подарила мне пепельницу: «чтобы на моем столе стояла»

от Frau Karos!

Хорошо?

Ну вот, лапусичка, обязательно извести, когда приедешь. Можно ли на вокзал пройти и вещи перевез<ти> на автом<обиле>, теперь «коэф<фициент>» что-то 40.000 <марок>.

Не знаю, долго ли такое будет продолжаться: «Картофелю нету!»

Это почище хлеба будет для здешних.

Алексей Ремизов.

Я думаю, со 15 августа везде будет тесно и людно. Вот Ар<иадна> Вл<адимировна> с Вильям<ом> приедут в сентябре.

28 июля 1923

Твое письмо от 26, где ты пишешь, что во вторник приедешь. Напиши, может, ванну сделать, или очень устанешь, лучше в среду? Сегодня америка<нский доллар> — 952.000 <марок>! В воскресенье почту не вынимают, кажется. Ну, ничего.

Berlin 1923
28 июля
Sonnabend
№ 5

Не знаю, как лучше поступить: ехать ли мне на вокзал и одну Fr<au> Kar<os> послать, а мне дежурить дома и всё приготовить, чтобы тебе сразу и чаю выпить.

Нам было письмо от Элиасберга (просит о переводе: попросить Горького).

Ну, сегодня опять тепло, слава Богу.

Был Лоллий, Зарецкий и Станюкович с невестой.

А Смирнов уехал; я ему написал сейчас открытку.

Н.В. <Зарецкий> пошлет письмо сегодня же в *Suderode,*

это в Anhalter'е,

у него там знакомые.

Не знаю, как всё обернется.

Дела здешние. Очень уж хвостов много и очень ссорятся; люди осердились.

Сегодня какой крик был против нашего дома: портье с хозяином. Американск<ий> <доллар> вечером в амери<?> уж миллион!

Хочу сейчас опустить письмо, боюсь, завтра не вынут, и пролежит весь день.

Звонил Шестов. Приглашает к доктору <Эйтингону> посидеть.

Решил все-таки утром: если утром не пойдет, то всё равно и сейчас, если бы опустить, тоже негоже.

С Шестовым говорил о Париже.

Разъясню, в чем дело. На словах.

Это всё обожравшиеся богачи, для которых надо, чтобы человек умирал с голоду, тогда для успокоения души они дадут денег ровно столько, сколько надо, чтобы не помереть.

Это меня очень всё
забеспокоило.
И если бы воля, просто расплеваться б с ними со всеми,
и с «Окном» в частности.
Один я не поеду.

А.Р.

Даже если бы, ну почему-либо
было надо, всё равно.
Это то же самое — Шестов это понимает —
как вот ему долбили (не словами),
чтобы дети служили.

Berlin 1923
29 июля 1923
№ 6

Тебе, деточка, письмо от Оли и Наташи.

Мне от Розенберга и гонорар:

250.000 <марок> за «Жизнь несмертел<ьную>»

30.000 <марок> за «Голодную песню»

280.000 <марок>.

«Сполохи» еще раз тот же самый №

и “Prager Presse” с «Пупочком».

Вот и всё. Утром бегал на почту — дожди-ик! — в калошах.

Очень много думал о вчерашнем разговоре с Л<ьвом> Ис<ааковичем> <Шестовым> о парижских благотворителях.

Приходил Лоллий и Нина Григор<ьевна>. Я очень сердито разговаривал.

В 9-ь позвонил Шестов. Скучно одному с доктором. Прошел на немного. И опять с Шестовым продолжал разговор. Как быть, чтобы не быть в зависимости от Парижа.

Ответ один.

Но его не произносит Шестов.

Р о с с и я.

Деточка, всё тебе на словах расскажу. Не могу никак успокоиться, так меня это ударило.

Проводили меня до дому и Шестов, и доктор.

Спрашивал я <о> Föhr'е: очень хвалит.

Здесь всё спокойно.

Что было в Потсдаме, неизвестно.

И чем начнется завтрашний день, трудно сказать,

но дальше так не может продолжаться.

А.Р.

По телефону не звонили.

Завтра должен Шрейдер говорить с чехом о издании.

Berlin 1923
30 июля
№ 7

Письмо от Познера, открытка от Слонима,

из Софии «Хиперион».

Твое письмо и открытки.

Сегодня удивительный пасмурный день —

любимый.

Всё тихо. Только очень бедно.

Из окна видно эту бедноту.

И в лавках опустело.

Сделал все распоряжения Frau Karos о вторнике.

Сидел спозаранку Шрейдер и Нина Григорьев<на>.

Лоллий был у Аксенова, и тот ему прописал крэазот

— плохо это дело.

Очень длинные разговоры:

писать письмо к отцу или не писать.

Когда шел покупать табак — проходил мимо великих хвостов.

Товару нет!

Сегодня мне все надоели —

п<отому> ч<то> все не вовремя.

О ценах расскажу.

Трам<вай> уже будет — 8.000 <марок>; 50.000 <марок> хлеб.

Ах, лапусик дорогой мой,

деточка, как-то всё должно кончиться.

Вечером доктор позвонил.

И я ел котлеты — хорошие! Опять провожали меня до дому...

Достал книгу: "Himmelsstrassen".

Писем больше не было.

А.Р.

Berlin 1923
31 июля
№ 8

Тебе письмо от Л<идии> Ю<дифовны> <Бердяевой>.
Мне из «Хипериона» (Болгария)
3 экз<емпляра> «В поле блакитном» — вот и всё.
Сейчас буду письма писать —
сегодня последний день дешевого тарифа.
Был Алексеев Глеб — книжки принес, потом
Бахрах — книжку тебе о вышивках.

<Вклеены платежные квитанции на имя Ремизовой-Довгелло, а также финансовые расчеты рукой Ремизова.>

11 августа 1923

Поздравляю, деточка.
По бедности моей и робости только это могу тебе поднести.
А.Р.

Berlin 1923
7 сентября
½ 3-го

За брикеты отдал 10 мил<лионов> м<арок>. Хозяйка, у которой покупали, приходила в ч<ас>; я ей сказал, что жду. Она зайдет, и ей нужно отдать 10.815.000 <марок>.

Пришла посылка от Schultz'a: сливы белые и 12 шт<ук> яиц.
От Аничкова — книги, где «Лис препод<обный>».
Звонил Лундберг, позвонит попозже.
Звонил Соломон <Каплун> о рукописи и деньгах.
Звонил из конторы Гржебин о корректуре.
Мне надо идти, *а то я опоздаю везде*.

А.Р. (1/2 3-го).

Alexey Remizov

“At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923

Commentaries by *Elena Obatnina*
Editing by *Elena Obatnina* and *Anna Uriupina*

Abstract: The publication presents a chapter from the manuscript “At the Evening Dawn” (1943–1948) by A.M. Remizov, based on author’s letters to his wife, S.P. Remizova-Dovgello, for 1923. The epistolary discourse of the manuscript reflects the circumstances of the second year spent by the spouses in Berlin. Comments give additional biographical material from archival sources. The Appendix contains Remizov’s original letters.

Keywords: creative biography, epistolary genre, archival materials, emigration, Russian diaspora.

Information about the authors: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna Uryupina, PhD, curator of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl (State Literary Museum), Moscow, Russia.

E-mail: urjupina_anja@mail.ru

Citation: Remizov Alexey. “At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1923, comment. by. E. Obatnina, ed. by E. Obatnina and A. Uryupina. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 36–91. (In Russ.) DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-36-91.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-92-145
УДК 821.161.1

«Недороман» Василия Бетаки и пушкинская традиция

© 2019, М.Г. Альтшуллер

Аннотация: Публикуется поэма известного русского поэта Василия Бетаки (1930–2013) «Герой 1960-х годов. Недороман», которая писалась в 1960–1970-е гг. и осталась незаконченной. Она ориентирована на «Евгения Онегина», но в отличие от своего образца описывает не жизнь протагониста, а главным образом литературную и общественную атмосферу 60-х гг. Во вступительной статье коротко рассказывается о феномене «онегианы» в русской литературной и общественной жизни приблизительно за 150 лет.

Ключевые слова: Василий Бетаки, Александр Пушкин, «Евгений Онегин», подражание, пародия, переосмысление, литературная атмосфера, общественная жизнь

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер, к.ф.н, почетный профессор, Питтсбургский университет, США. E-mail: altshul@pitt.edu

Цитирование: *Альтшуллер М.Г.* «Недороман» Василия Бетаки и пушкинская традиция // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 92–145. DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-92-145

Поэма Василия Павловича Бетаки (1930–2013) «Герой 60-х годов. Недороман» в основном в 1960-е гг. и написана. Автор читал мне первые строфы и говорил, что задумал написать нечто вроде пушкинского романа. Позднее он писал мне: «К “Онегину”, я думаю, это имеет отношение лишь тем, что задумано, как “Энциклопедия” и.т.д. 60-х гг., когда и писалось».

Таким образом, эта неоконченная, оставшаяся в рукописи поэма вписывается в почти двухсотлетнюю традицию подражаний, пародирования, переосмыслений гениального романа, стоящего у истоков всей современной русской культуры[1]. Эта традиция создала достаточно много значительных произведений и стала заметным явлением в истории рус-

[1] См., например, сборник подражаний, пародий, продолжений пушкинского романа (естественно, далеко не полный): Судьба Онегина / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Невской и А. Невского. М., 2001.

ской литературы. Поэтому прежде чем рассказывать и о самой поэме, и о ее авторе, незаурядном современном поэте, мы попробуем очень коротко остановиться на феномене «онегинианы», а затем вписать в этот феномен и рассматриваемый нами «(недо)роман».

*

Выход из печати первой главы «Евгения Онегина» (1825), а затем последующих и особенно окончание романа (1832) вызвали волну многочисленных *подражаний* новому для России жанру «романа в стихах» («Борис Ульин», «Евгений Вельский», «Граф Томский» и пр.)[2]. Подобное происходило и с романтическими поэмами Пушкина, когда вслед за «Кавказским пленником» появились «Дагестанский пленник», «Калмыцкий пленник», «Киргиз-Кайсацкий пленник» и пр.[3]

Время подобных, большей частью слабых подражаний довольно быстро прошло. За романом окончательно закрепилась репутация одного из самых, может быть, самого значительного явления русской литературы, в котором с удивительной полнотой отразилась жизнь «золотого века» русской дворянской культуры.

*

Времена менялись, менялась общественная атмосфера, умирал рафинированный «золотой век». Пришло время *пародий* на великий роман.

На смену утонченному дворянству приходили разночинцы, и самый талантливый их рупор, Д.И. Писарев, назвал Онегина «шутом гороховым», а Пушкина «маленьким и миленьким». Должен был появиться новый Онегин, теперь уже похожий на Базарова. И он не заставил себя ждать. Автором нового Онегина стал очень талантливый стихотворец Дмитрий Минаев. Он назвал свой роман «Евгений Онегин нашего времени», сделав его героя Базаровым по Тургеневу и Писареву. Новый герой «был по Базарову скроен», «отрицал искусство рьяно», читал Татьяне отповедь, почти дословно следуя уничтожающим комментариям Писарева, и т.д. и т.п.

Будучи убежденным демократом-шестидесятником, Минаев удачно пошутил над крайностями своих единомышленников (не только Писарева, но и Зайцева). Однако он, кажется, первым создал довольно

[2] См.: *Розанов И.Н.* Ранние подражания «Евгению Онегину» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Т. 2. М.–Л., 1936; *Чумаков Ю.Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999.

[3] См.: *Жирмунский В.М.* Пушкин и Байрон. Л., 1978.

плодотворную модель, показав в хорошо, наизусть известной читателю онегинской форме радикальные перемены в русской общественной жизни, и справедливо заметил, что

Роман любви, роман старинный
С луной, с безмолвным tête-á-tête,
В тени ветвей в аллее длинной —
Не в наших нравах.

Так начались комические, а потом и трагикомические переделки важнейшего текста русской культуры. Это не были собственно пародии: они осмеивали не пушкинское произведение, а новый изменившийся мир, в котором тонким, изящным, немножко церемонным, хорошо воспитанным, основательно образованным, благородным людям уже не было места. Сам Минаев это сформулировал:

Я классический роман
Подверг цинической проверке,
Перекроил по *новой мерке*
И перешил на новый лад[4].

«Новая мерка», сохраняя претензии на комизм, очень быстро превратилась в трагикомическую после трагедии 1917 г. Уже в начале 1920-х гг. появился новый Онегин, теперь уже не по Писареву, а «по Луначарскому». Утонченные герои пушкинского романа превращаются в полуграмотных обитателей петербургских окраин. Тов. Ленский приглашает ротного писаря Онегина к Лариным. Тот обращается к Татьяне вполне галантерейно:

Вы прекрасны словно роза,
Только разница одна,
Роза вянет от мороза —
Ваша прелесть никогда.

А та отвечает «письмом Татьяны», но уже по-пролетарски:

Долго в девках я сидела,
Не пилось, не елося,
Как миленка разглядела,
Замуж захотелося[5].

[4] *Минаев Д.Д.* Собрание стихотворений / Вступ. ст., ред. и примеч. И. Ямпольскго. Л., 1947. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 308. Курсив мой. — *М.А.*

[5] Русская литература XX века в зеркале пародии / Сост. О.Б. Кушлина. М., 1993. С. 339–340.

Классический, известный наизусть роман становится очень удобным претекстом для осмеивания новой большевистской России. Комизм помогал переживать трагедию. Важно было, что герои романа (это создавало дополнительный комический эффект) сохраняли свои овеянные поэтической дымкой имена: Онегин, Татьяна, Ленский...

Автор «луначарско-пролетарской» переделки Л. Аркадский (псевдоним Аркадия Сергеевича Бухова, 1899–1937) вскоре оказался за границей, в Прибалтике. Там он написал большую и несуразную поэму «Товарищ Онегин». Оксюморонное название хорошо передает фатальные перемены русской жизни, где

Судьба Евгения хранила,
Хотя один агент че-ка
И обещал «ударить в рыло»,
Но отпустил, намяв бока,

а Татьяна,

...быстро огрубев,
Носила в ведрах корм скотине,
И чистила коровий хлев[6].

Впрочем, кроме нескольких удачных строф, растянутая поэма с почти полным отсутствием сюжета, написанная бойким четырехстопным ямбом и примитивными четверостишиями с перекрестной рифмой, большого интереса не представляет. Автор вскоре вернулся в Россию, активно сотрудничал в советских журналах, включая «Крокодил», и, естественно, погиб в застенках ЧК.

Более интересна большая (полторы тысячи стихов) поэма Лери (псевдоним Владимира Владимировича Клопотовского, 1883–1944) «Онегин наших дней» — почти как у Минаева, только теперь Онегин становится не разночинцем, а большевиком. Она написана онегинской строфой (некоторые строфы пронумерованы и заменены точками, как у Пушкина), бойкими стихами с обильным включением цитат и оборотов из знакомого наизусть текста Например: «Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест, / Зане пугал его арест»[7].

[6] Свободное слово. 1921. № 47, 14 июня. Поэма печаталась одновременно в Эстонии и Литве. Благодарю С.Г. Исакова, сделавшего для меня ксерокопии из эстонской газеты.

[7] *Лери*. Онегин наших дней: Сатирическая поэма. [Берлин]: Изд. О. Дьяковой и К°, [1922] (репринт: Нью-Йорк: Liberty Publishing House, 1988). С. 87.

От растянутой поэмы Бухова и даже от настоящего «Евгения Онегина» поэма Лери отличается довольно сложными сюжетными ходами. Его Онегин начисто лишен моральных устоев: «Блажен, кто дней не тратил даром / И к коммунистам-комиссарам / ...На службу сразу поступил» (с. 7). Так же легко он переметнулся к белым, потом опять к большевикам. Он подружился с кадетом Ленским. Когда того арестовали, побоялся (несмотря на просьбу-письмо Татьяны) похлопотать и

...без суда и приговора,
В порядке красного террора
Владимир Ленский, одессит,
Как «враг народа» был убит (с. 66–67).

Татьяна порывает с Онегиным. Она стала сестрой милосердия и вы́ходила тяжело раненного «в бок и грудь» генерала Гремина (в ход пошла и опера!), за которого вышла замуж.

Онегин благополучно перешел к белым и стал работать у них в контрразведке, брал взятки, разбогател, и уже «Морозной пылью серебрился / Его бобровый воротник» (с. 91). Потом сбежал, объявился в Берлине, стал «сменовеховцем». Встретив там Татьяну, предложил ей выдать большевикам мужа-генерала. Татьяна, «руки не подавая», с отвращением уходит. А автор вслед за Пушкиным тоже покидает своего героя,

Зане с Онегиным таким
Мы больше знаться не хотим (с. 157).

Из последующих перевоплощений Онегина стоит коротко напомнить читателю знаменитую в свое время бойкую непритязательную поэму Александра Хазина «Возвращение Онегина. Глава одиннадцатая. Фрагменты» (впервые: Ленинград. 1946. № 10). Автор не стал превращать Онегина в чекиста или спекулянта. Он просто перенес своего героя из золотого века в послевоенный Ленинград и, хорошо понимая, что с советской властью шутить накладно, достаточно осторожно и тонко показал, что навсегда ушли из этого мира вежливость, доброжелательность, чувство собственного достоинства. Воспитанному человеку нет места в этом мире. В переполненном трамвае, «только раз толкнув в живот, / Ему сказали: идиот», а вызвать на дуэль герой не мог, так как «кто-то спер / Уже давно его перчатки»[8]. Поэма имела у ленинградцев большой успех Знали ее наизусть и, смеясь, цитировали (в том числе и шестнадцатилетний юнец — автор этих строк).

[8] Цит. по: Русская мысль. 1986, 29 авг. С. 8.

Намертво лишенная чувства юмора и до смерти боявшаяся веселого смеха советская власть почуяла в легких и изящных стихах нечто враждебное. Так Хазин попал в знаменитый доклад Жданова и партийное постановление 1946 г. Откормленный партийный функционер отвел ему почетное место в русской литературе, поставив «пошляка» рядом с гениальными «блудницей» Ахматовой и «подонком» Зощенко.

Естественно, пушкинский герой, если он оставался человеком «золотого века», не мог не попасть в ГУЛАГ. Но таких текстов, к сожалению, практически не сохранилось. Известно небольшое стихотворение Юрия Казарновского (1904–1956), в котором на манер «Парнаса дыбом» (как бы Пушкин написал о советском концлагере) рассказывается, правда не об Онегине, а о его дяде:

Мой дядя самых честных правил,
Когда «внезапно» занемог,
Москву он тотчас же оставил,
Чтоб в Соловках отбыть свой срок[9].

Существовала и поэма о «настоящем» Онегине (не чекисте и спекулянте). Она известна нам только в пересказе В.Н. Турбина в его посмертно опубликованной статье. Онегин попал в лагерь: ему «пришили» террор — убил Ленского. Там петербургский щеголь катал тачку. Татьяна сидела неподалеку. Через колючую проволоку они переписывались. В своей статье Турбин горько сожалел, что не снял копию с этой поэмы, написанной онегинской строфой, «неплохими стихами»[10].

*

К третьей категории «онегианы» следует отнести тексты, которые основаны на *переосмыслении* пушкинского романа. Здесь нет «Онегиных» и «Татьян», нет установки на пародию, сатиру. Это попытки осмыслить (в рамках идеологических, художественных) свое время и показать нам, как сделал это Пушкин, человека своего времени в своей среде. Связь таких произведений с «Онегиным» становится зыбкой, расплывчатой и трудноуловимой. Здесь мы от литературной игры, пародий и подражаний переходим к добротной литературной продукции, к текстам, органически вписанным в историю русской литературы вплоть до

[9] Соловецкие острова. 1930. № 1. Цит. по: Русская литература XX века в зеркале пародии. С. 344.

[10] *Турбин В.Н.* «Евгений Онегин» и мы // The Pushkin Journal. 1993. Vol. 1, no. 2. P. 197–198.

таких, без которых эта литература немыслима, от лермонтовского «Героя нашего времени» до ахматовской «Поэмы без героя»[11]. К этим прославленным именам можно добавить Каролину Павлову, Аполлона Григорьева, Мережковского, Вячеслава Иванова, Блока, Белого и многих-многих других...

Некоторые из этих произведений прямо ориентированы на пушкинский роман. Авторы по пушкинской модели создают свое изображение современной им русской жизни с ее настроениями и страстями. Такова талантливая «повесть в стихах» (что явно ориентировано на «роман в стихах») Дмитрия Мережковского «Вера» (1890). Ее соотнесенность с пушкинским романом была с восторгом отмечена современниками: «“Ура! У нас новый Пушкин, новый ‘Евгений Онегин’!” — так ликовали мы, читали друг другу “Веру” как манифест радостного освобождения в культе Пушкина»[12].

Первые 15 строф описывают русское общество конца XIX в., несколько строф обращены к Пушкину, которого автор называет «свободным и счастливым», сумевшим «в гармонию печаль преобразить <...> весь мир и всю природу отразить» (272). Это действительно было «радостное освобождение» от идей предшествующей эпохи, от Чернышевского и Писарева[13].

Герой Мережковского — Сергей Забелин, в отличие от Онегина получивший образование в классической гимназии и университете. Последователь Шопенгауэра, он так же, как и его прототип, — одинокий, скучающий скептик и мизантроп. Его друг Климов — народник, поклонник Глеба Успенского, живой и энергичный. И обстановка, в которой они спорят, по-пушкински поэтична:

Камин пылает, лампа на столе.
Сережа любовался в полумгле,
Как угольки просвечивали нежно
Сквозь тонкий пепел, и внимал небрежно,
С насмешливою думой на челе,
А Климов мерил комнату шагами,
Курил, кричал, размахивал руками (283).

[11] См. упомянутую выше книгу Ю.Н. Чумакова.

[12] *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. СПб., 2000. (Новая б-ка поэта). С. 815–816 (примеч.). В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте.

[13] О близости повести Мережковского к пушкинскому роману см. статью К. Кумпан (*Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. С. 43–44). См. также несколько интересных замечаний о близости «Веры» с «Онегиным»: *Смородинская Т.* Проза Пушкина в поэтическом пересказе поэтов второй половины XIX века // Континент. 1999. № 102. С. 391–392.

Забелин болен, он уезжает на Кавказ, в Боржоми. Там он встречает Веру (может быть, реминисценция «Княжны Мери»). Автор рассказывает о сложных перипетиях любви своих героев. Письму Татьяны соответствует письмо Веры и выдержки из ее дневника. Возникшая было между возлюбленными гармония кончается трагически. Испугавшись тягот брака, Забелин покидает Веру: «сумел любовь рассудком он убить». Вся эта печальная история происходит на фоне по-пушкински прозрачных осенних стихов:

Кончался август; с ласкою печальной
Глядело солнце; мягок и душист
В тени лесных тропинок желтый лист;
А небосвод, печальный и хрустальный,
Прозрачен, звонок, холоден и чист,
И с утренней росой на георгины
Ложатся нити тонкой паутины (309).

Вера умирает на руках у Забелина. Однако он, пораженный горем, находит в себе силы для новой и плодотворной деятельности: «сделалась любовь великой силой» (330). В последних строфах мы видим Забелина популярным, любимым студентами профессором. Друг его Климов, которого «из школы выгнали», как Рудина, едет в Сибирь: «узнать народ <...> он странствовал в деревню из деревни, ночуя в юрте у якут, в харчевне» (319, 331).

Финал «повести в стихах» кардинально отличает ее персонажей от героев «романа в стихах». Люди конца XIX в. — индивидуалисты, которые преодолевают влияние среды и не становятся «лишними», как их предшественники[14]. «Повесть» Мережковского является одним из лучших в русской литературе сознательных (связь ее с «Онегиным» очевидна) *переосмыслений* пушкинского романа.

В советское время попыток переосмысления Онегина, кажется, почти не появлялось. Эпоха не располагала к размышлениям о судьбах (печальных) русской интеллигенции. Тем не менее в заключение нашего краткого обзора позволим себе остановиться на поэме Павла Когана, написанной перед войной. В 1942 г. 24-летний автор погиб на фронте. Возможно, молодостью объясняется художественная слабость поэмы. Она называется «Первая треть» и имеет пушкинский подзаголовок «Роман в стихах». Первая строка этого «романа» почти дословно повторяет строку из «Графа Нулина»: «В последних числах января...» (у Пушки-

[14] См. тонкие замечания К.А. Кумпан: *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. С. 46–47.

на — «В последних числах сентября»), так что текст определенно ориентирован на Пушкина. О том же свидетельствуют эпиграфы к каждой главе, пропущенные строфы и пр.

Роман не был напечатан при жизни автора (впрочем, как и все другие его произведения), однако у его сокурсников по Литературному институту пользовался большим успехом (радость легкого узнавания классического образца тешила не слишком обширную эрудицию плюс правильная идеологическая позиция): «...студенты приняли ее с восторгом. Еще не готовая она по частям ходила в списках»[15].

Роман не закончен — написано лишь 4 главы, но и написанное позволяет определить его идеологическую, «классовую» направленность. Естественно, в поэме два героя, но, в отличие от Пушкина, главным героем у Когана становится не «Онегин», а противопоставленный скептическому персонажу тоже поэт и тоже Владимир, но с фамилией Радин. (Первоначально в заглавии поэмы, по пушкинской модели, стояли имя и фамилия главного героя: тогда он звался Владимир Рогов.) Возможно, фамилией Радин (от «радость») автор подчеркивал оптимизм протагониста романа. С пренебрежением рассказывается об отце юного поэта: он «спец», «беспартийная душа». Не лишенный автобиографических черт сынок относится к нему с презрительным снисхождением. Сын почитает коммунистическую партию (вместе с ЧК) и не чужд павлик-морозовких комплексов:

В лице молочниц и мамаши
Мы били контру на дому,
Двенадцатилетние чекисты...
Из всех неоспоримых истин
Мы знали партию одну[16].

Восторженному поэту-«чекисту» противостоит его друг, скептик и циник Олег Заречин. Отец Олега, адвокат, арестован, но сын даже не выслан и продолжает спокойно жить в роскошной отцовской квартире. Здесь происходит разговор Владимира с Олегом — идеологический центр написанной части романа. Новый «Онегин» не собирается «удерживать в устах охладительное слово». Он высмеивает друга, который

[15] *Самойлов Д.* Поденные записи: В 2 т. М., 2002. Т. 1 / Подгот. публ. и сост. Г. Медведевой, А. Давыдова, Е. Наливайко. С. 163.

[16] Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / Вступ. ст. В. Кардина; сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. В. Кардина и И. Ускок. М.–Л., 1965. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 294.

...трактористку воплотил
В прекрасной Афродиты тело[17].

Его стихи, с точки зрения скептика, пахнут «приспособленчеством и дрянью» (287). В это тяжелое время лучше уютно укрыться за «портьерой» в маленьком мире, где Рембо и Ницше, отгородиться от «баб», «подсолнухов» и «махорки» Фетом и Леконтом де Лилем.

Эта, как сказали бы мы теперь, экзистенциальная интеллигентская позиция вызывает горячую отповедь («медной ярости комок жег губы купоросом») молодого поэта (из-за его плеча всё время выглядывает автор), презирающего «маленький уютец». Ср. в знаменитой «Бригантине» Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих, / За презревших грошевой уют».

Так давнее пушкинское противопоставление скептика и идеалиста переосмысляется комсомольским поэтом: нынешний «Ленский» принимает пролетарскую революцию и готов служить ей своими стихами.

Продолжается переосмысление «Онегина» и после крушения советской власти. Появилась в недавнее время (1991) поэма талантливого Тимура Кибирова «Сортиры». Несмотря на шокирующее название, поэт в своем творении явно ориентируется на пушкинский роман. Он использует достаточно изысканную строфу (не онегинскую, а октаву), что сразу вызывает ассоциации с «Домиком в Коломне»; часто встречаются enjambements, обильны лирические отступления, обращения к писателям-современникам и пр. Свою связь с Пушкиным, особенно в сфере избранной тематики, автор четко обозначает: «Пушкин тоже / об афедроне царском написал / и о хвостовской оде...» Реминисценции из Пушкина и обращения к великому предшественнику рассыпаны по всей поэме:

Сестра таланта, где же ты, сестрица?
Уж три десятка строф я миновал,
А описал покамест лишь крупицу
Из тех богатств, что смутно прозревал
Я сквозь кристалл магический…

Взирая сквозь *магический кристалл*, позаимствованный у Пушкина, автор мастерски описывает различные отхожие места, их использование героями и их *богатое* содержимое. Так переосмысленный пушкинский роман опускается из изысканных петербургских гостиных и поэтических дворянских усадеб всё ниже и глубже, обретая на этом пути новые перспективы (или глубины?).

[17] Там же. С. 288, 287.

*

Совсем другие настроения и другое отношение к одряхлевшей коммунистической власти, нежели у комсомольцев 1920–1930-х гг., были у интеллигенции в 1960-е гг. Об этом рассказывает незаконченная, как у Павла Когана, и до сего дня ненапечатанная поэма Василия Бетаки «Герой 60-х годов. Недороман» — единственное у этого талантливого поэта произведение эпического жанра. Она по своему типу тоже принадлежит к *переосмыслениям* «Онегина». Связь ее с классическим образцом очевидна — таков был с самого начала авторский замысел.

Василий Павлович Бетаки оставил по себе богатое наследство: 19 сборников стихов, прекрасные переводы, том ярких эссе «Русская поэзия за 30 лет, 1956–1986», блистательные мемуары «Снова Казанова» и многое-многое другое. Бетаки был многолетним сотрудником радио «Свобода», членом редколлегии журналов «Грани» и «Континент».

Мы дружили со студенческих лет. Я даже написал примитивную аннотацию к его первой и единственной вышедшей в СССР книге стихов «Земное пламя» (1965), за что и получил дарственный экземпляр со стихотворным инскриптом:

У всякой книжки имеется хвост
(А также у всякой собаки),
Но все-таки легче (хоть труд и не прост)
Собаке записку приделать на хвост,
Чем аннотацию к книжке Бетаки.

В 1990-х я задумал книгу о рецепции «Евгения Онегина» в Советской России (несколько статей на эту тему были написаны). Тогда я вспомнил, что Вася где-то в 1960-е гг. писал (и не закончил) поэму о современном герое, ориентированную на пушкинский образец. Мне думалась, что можно будет завершить книгу анализом этой поэмы. Я написал в Париж, в ответ получил машинописный текст на старой пожелтевшей бумаге, вырванный из какой-то старой толстой тетради или из подборки текстов (нумерация чернилами: 296–391), с многими пометами на полях (в дальнейшем эта рукопись обозначена литерой Б). Текст сопровождался письмом (без даты, на конверте 8 января 1999):

> Марик[18]! — К «Онегину», я думаю, это имеет отношение лишь тем, что задумано как «Энциклопедия» и.т. д. 60-х гг., когда и писалось. А бросил потому, что, как видно из строф, где я спорю с тобой (октавы 70–71), сюжет делать, хоть лопни, я не умею. Не епик я, — лирик. На самом деле роман без сюжета вообще ??? <!> «уходит в отступления сюжет», у Байрона на 40% текста, у Пушкина — на 60%. Ну а я на 110% — где взял я эти 10%, сам не знаю. Да и надоело. А хотел его, т.е. Юрку, сначала застудентить, потом... «А что потом»[19] (как спросил классик).
>
> Ну и заслать в эмиграцию...
>
> Но как подумал (еще до своей эмиграции), что не потяну всё это, так и лень стало писать... Ну что — разве собрать кучу персонажей, как на балу у Фамусова, да каждому по октаве?? Скучно.
>
> Да формально (октавно) это к Жуану ближе, чем к Онегину. Но плутовской приключенческий написать не умею...
>
> Б<етаки>

Полученному тексту я обрадовался. Поэма была задумана (да отчасти и выполнена) как «энциклопедия» 60-х, т.е. по образцу «Онегина» (отсылка в Васином письме к не очень удачному определению «Онегина» Белинским: «энциклопедия русской жизни»), т.е., несмотря на байроновские октавы, все-таки ближе к Пушкину. Позволю себе привести свое ответное письмо, т.к. там содержатся существенные для меня замечания по поводу советских рецепций «Онегина» вообще и о поэме Василия в частности.

---

[18] Так в молодости меня звали друзья.

[19] Строка из известного стихотворения Е. Евтушенко: «Ты спрашивала шепотом: / “А что потом? А что потом?” / Постель была расстелена, / и ты была растеряна». Стихи вызвали лютую ненависть у комсомольских вожаков.

Feb. 24, 1999
Pittsburgh

Дорогой Базиль, то бишь Васька!

Получил твой царственный, небрежно брошенный филологической челяди — дар: собственную рукопись с пометами, поправками и комментариями.

Ваше Королевское Поэтическое Величество!

1. Прикажете вернуть, снявши (не голову!) копию. (Это трудно, т.к. пометы лучше разбирать в оригинале)
2. Оставить пока... до возвращения <твоего> к оставленной теме.

Прочел и разобрал с неослабевающим интересом. Это ведь уже история с намеками, отсылками, именами. Уже нужен комментарий, как к настоящему «Онегину», и уже получился интереснейший памятник — и важное подтверждение моей мысли: «Онегин» как порождающая модель русской культуры, в 60-е годы свободная онегинская форма стала и формой (формулой) освобождения и фрондерства.

В общем и написано это хорошо, и весело, и остроумно. Может, и напечатаешь куски уже с комментариями? Тогда-то ведь и напечатать это без купюр (а тогда и аромат эпохи и дух сочинения потерялся бы) было невозможно.

Вообще это всё очень интересно. Я думаю, что «Биографию Онегина» можно, наверное, закончить разделом таких «переписываний» на новый лад и в новое время. Недавно (1993) вышел роман в стихах Владимира Гандельсмана «Там на Неве дом», терцинами, а у тебя октавами (всё это на самом деле рецепции онегинской строфы) — классическая, необычная, изысканная форма. Не знаешь ли еще примеров? В этой системе твои неоконченные строфы нашли бы почетное и интереснейшее место.

Но это всё на будущее. Пока, сейчас, занят подготовкой двух докладов: для России и Голландии (там две конференции в этом году).

В следующем, надеюсь, займусь книгой, составленной из работ о Пушкине и его окружении. Там большое место должна занять «биография Онегина в руках пушкинистов, критиков и поэтов» — там будет, если не возражаешь, — твое место[20].

[20] В книгу «Между двух царей. Пушкин 1826–1836» (СПб., 2003) эта глава не вошла. Статья под таким названием была напечатана в «Новом журнале» (1998. № 211. С. 173–198), но о современной литературе там не говорилось.

> Кончаю, Василий Павлович, твой полный тезка[21], решительно требует еды: время его обеда подошло, и он лапой теребит мои усы и говорит не «давай улетим», а «пойдем поедим».
>
> Лена, у которой только что вышла книга «Герцен на западе»[22] (Мы еще не видели. Когда доплывет и долетит — получите экземпляр), передает приветы. И мы вас обнимаем.

Рукопись, естественно, осталась у меня, к ней потом добавились и другие тексты, но об этом позднее, когда пойдет речь о проблемах текстологи. А сейчас следует сказать несколько слов о предлагаемом вниманию читателя тексте.

Как уже говорилось, роман («недороман») ориентирован, как писал автор, на байроновского «Дон Жуана», но через него всё равно на «Онегина», которого сам Пушкин называл «романом в стихах, вроде “Дон Жуана”». Да и я хорошо помню, что Вася, когда увлеченно писал эти октавы, говорил, что ориентируется на Пушкина.

В отличие от великого образца, у Бетаки нет героя (что, впрочем, после «Поэмы без героя» вовсе не удивительно). Это объясняется и особенностями авторского дарования (о чем он писал в приведенном выше письме), и незаконченностью поэмы. Он даже собирался было написать мемуары в стихах (случай в литературе был бы уникальный!). Как увидит читатель, герой в поэме всё же появился, и первоначально его имя, Юрка, даже было вынесено в заглавие. Однако сюжетная линия у автора почти не получилась (что сам В.П. хорошо понимал). Он и рассказал об этом. Недаром в строфе 66 первой главы он не только постулировал отсутствие сюжета, который «не получился», но еще и специально отметил, что это «главная строфа всего романа». Однако без героя (или двух — скептика и идеалиста) поэма стала едва ли не еще интереснее. В ней описана интеллектуальная жизнь 1960-х — знаменательной, уже ушедшей в прошлое эпохи.

Поэма полна мотивами литературной жизни, но в еще большей, чем у Пушкина, степени. Действительно, только в 1960-е (ни раньше, ни позже, кроме, может быть, «золотого века») культурная жизнь русской интеллигенции была пронизана литературными интересами. Никогда стихи, читаемые поэтами, не собирали тысячи слушателей на стадионах

---

[21] Любимый кот, названный в честь В.П. Бетаки и В.П. Аксенова.

[22] *Дрыжакова Е.Н.* Герцен на Западе. В лабиринте надежд, славы и отречений. СПб., 1999.

и в огромных залах. Сборники стихов, издававшиеся многотысячными тиражами, моментально исчезали с книжных прилавков[23].

Неудивительно поэтому, что весь «недороман» пропитан литературными реминисценциями, скрытыми цитатами и отсылками к поэтическим текстам. Некоторые из них явные, другие уже не очень (последние по мере сил объяснены в комментариях). Эта литературная стихия бушует на страницах поэмы гораздо сильнее, чем у Пушкина, и здесь Бетаки ближе к Байрону. Автор ведет нас и в литературную кухню советской эпохи: сочиняет «заявки», редактор вмешивается в текст[24] и т.д., и т.п.

Большое место в поэме занимает природа. Изысканные октавы описывают не менее изысканный аристократический Петербург, хотя тогда он еще назывался Ленинград:

День пасмурный, безветренный, бездождный
Играет желтым шорохом листвы,
Прозрачные аллеи чуть тревожны,
И замирают мраморные львы.

Возникают и поэтичные картины петербургских пригородов, где автор слышит «тайный голос Незнакомки»:

Овеянный кленовой тишиной,
В которой растворен сосновый запах,
И перламутрово глядит с утра
На Озерки Поклонная Гора.

Слияние с природой вообще характерно для поэтики Василия Бетаки. Он живет с ней и внутри ее. Отсюда естественно вытекает то большое внимание, которое уделено в поэме туризму. Это тоже явная примета времени. Слово «туризм» в 1960-е означало совсем не то, что обычно понимается под ним сейчас: путешествие по миру на самолете, пароходе, в поезде, на автобусе с остановкой в более или менее комфортабельных гостиницах, иногда индивидуально, часто в туристской

[23] Помню, на каком-то сборище, кажется в Союзе писателей, в перерыве продавался сборник стихов Евтушенко. Вокруг стола образовалась большая толпа. Мне с моим небольшим ростом и довольно щуплой комплекцией можно было только беспомощно взирать на чужие спины. К счастью, широкоплечий Борис Федорович Егоров смело протиснулся к столу и вернулся с двумя экземплярами небольшой книжки, один из которых великодушно протянул нам. Это был сборник «Нежность: Новые стихи» (1962). Тираж 100.000 <!> экз. За вышедший минимальным тиражом (15.000) синий томик Мандельштама в «Библиотеке поэта» наша близкая приятельница отдала свою месячную зарплату.

[24] Ходила грустная шутка: столб — это хорошо отредактированная сосна.

группе с гидом, который присматривает за вашим багажом, за вашей безопасностью и комфортом.

В русском языке нет эквивалента английскому “to hike” — путешествовать пешком на большие расстояния (поход). Такие путешествия представляли собою существенную часть интеллигентского досуга 1960-х гг. Путешествовали пешком с тяжелыми рюкзаками, с ночевками в палатках, плыли на лодках, отправлялись в долгие путешествия на велосипедах. По week-end'ам совершали долгие пешие прогулки (иногда с ночевкой в палатках), пробегали десятки километров на лыжах.

Это была своеобразная форма эскапизма, уход от опротивевшей повседневности со лживыми газетами, репродукторами, кумачовыми лозунгами «народ и партия едины», с надоевшими рожами вождей на праздничных плакатах[25]. Неслучайно в публикуемой поэме так часто поминается имя Жан-Жака Руссо, иногда даже иронически: «Кому не лень, на тысячи ладов / Клянут “неволю душных городов”»[26]. Уход от большевистской «цивилизации» ассоциировался с естественным бытием человека в работах французского философа.

Кстати, за городом не работали «глушилки», и по транзисторному приемнику можно было без помех слушать «враждебные голоса».

Такие путешествия иногда бывали и опасными. Большой популярностью пользовалось стихотворение Е. Евтушенко «Нигилист» (1962). Герой его — интеллигент, предпочитавший Пикассо Герасимову, читавший Хемингуэя. Родственники, «честные производственники», звали его «нигилист»[27]:

Могила есть простая
Среди гранитных глыб.
Товарища спасая,
«Нигилист» погиб.

Ярым велосипедным туристом был и В.П. чуть не до последних дней жизни. Правда, в старости многокилометровым велосипедным путешествиям приходилось предпочитать лодку и весла:

И всё же я жизнью доволен вполне:
Как никому повезло —
Ведь сегодня еще остается мне
Байдарочное весло!

[25] Евтушенко писал (про Америку, конечно!): «Вы на рожи эти гляньте, / До чего ж не хороши! // И никто не лучше рожею, / на рекламах стольких рож, / и такие все похожие — / никого не разберешь» (поэма «Под кожей статуи Свободы»).

[26] В монологе Алеко очевидны руссоистские мотивы.

[27] Немного позднее стали говорить «диссидент», «нонконформист».

Веселится Дордонь в крутых берегах —
Встречной веткой шапчонку ссади...
Но не надо о велосипедных путях
И о тысяче верст позади...

От Балтики к Черному — и не раз —
Оставлял я невидимый след...
А теперь — никуда — хоть крути битый час
Мой комнатный велосипед[28].

И действительно, до Пицунды Вася, «имея неограниченное время, ездил прямо из Питера на велосипеде. Занимало это примерно две недели в один конец. Портфель, застегнутый на два замка и перекинутый через раму, содержал всё тяжелое, на багажнике сзади лежала маленькая свернутая трехгранная палатка, кольями для нее служили две лыжные палки без колесиков, привязанные к раме вдоль. Да еще на спине был рюкзачок с одеждой»[29].

Неудивительно, что туристско-велосипедная тема занимает почетное место в публикуемой поэме[30]. Здесь герои едут на велосипедах в Новгород и Псков. О поездках в эти места В.П., прославляя велосипедный туризм, писал и в ранних стихах:

Велосипеды черные — как лица от жары!
Дорога на Печеры — с горы, с горы,
И тормоза грозятся сорваться по косой...
Долой цивилизацию, даешь Руссо![31]

Новгород и Псков были особенно любимы странниками-интеллигентами. Здесь (особенно в Пскове) хорошо сохранилась средневековая Русь. И главное, это были города некогда свободной России, вольные города-республики. Нас, как декабристов, привлекала возможность порассуждать и помечтать об альтернативных путях русской истории. За

[28] Строфы из стихотворения «Марку Альтшуллеру» (2011). Елена Кассель писала 18 августа 2018 г.: «Стихи, посвященные тебе, напечатаны в ростовском издании “32 полосы” и в книжке “Поздний кузнечик” по заявкам читателей». См.: *Бетаки В*. Поздний кузнечик. Париж–Одесса, 2013. С. 218–219.

[29] *Бетаки В*. Снова Казанова. (Мееe..! МУУУ...! А? РРРЫ!!!). München, 2011. С. 236. Далее: Мемуары, с указанием на стр. Точно так же описано в поэме велосипедное путешествие героев: «Палатку на багажник укрепив / и через рамы застегнув портфели» (гл. 1, строфа 5).

[30] Строфы 52, 53 из «Недоромана» («Люблю асфальт, летящий под колеса» и пр.) В.П. включил в свои мемуары сразу после рассказа о поездке на велосипеде в Пицунду.

[31] *Бетаки В*. Замыкание времени. Paris, 1974. С. 111 (стихотворение «Гостиница в Печерах»). Далее: Бетаки 1974.

городскими стенами зарождалась возможность другого, европейского пути. Но татарское иго, абсолютная власть восточных владык надолго (может быть, навсегда) стала моделью управления для всех русский царей (как бы их ни называли).

О загубленной, неосуществившейся русской свободе Бетаки писал в своей первой книге стихов («Баллада о вечевом колоколе. Псков 1510»):

Из Москвы явился думный дьяк Долматов,
Вышел на помост, читая по тетради:
«Не быти посаднику и не быти князю,
И не быти вечу во Плескове-граде!»[32]

Несколько неожиданной кажется внезапно вторгающаяся в рассказ (гл. 2) тема музеев и экскурсоводов. Она, конечно, автобиографична: В. Бетаки несколько лет работал экскурсоводом и старшим методистом в Павловске. Но, как всегда, у незаурядного поэта личное переживание, события личной биографии оказываются заметным явлением общественной жизни.

К примеру, читая увлекательные мемуары геолога и поэта Елены Кумпан «Ближний подступ к легенде» (СПб., 2005), вдруг узнаем, что она, бросив свою престижную профессию, стала экскурсоводом. Экскурсоводом работал и Михаил Веллер, с язвительным юмором рассказавший о своих трудовых подвигах в Музее истории религии и атеизма (Казанский собор)[33]. Молодого обаятельного студента Сеню Рогинского любили в Михайловском заповеднике все, от методистов до уборщиц и шоферов.

Музеи, хранители оживающего в их стенах и запасниках прошлого, тоже становились пространством эскапизма, куда можно было уйти от осточертевшего лживого настоящего. А толпы экскурсантов, с разинутыми ртами внимавших вещаниям молодых, веселых и остроумных гидов, давали возможность талантливой молодежи и похулиганить[34].

Так, Костя Кузьминский «имел обыкновение останавливать экскурсантов против портрета Петра Первого и гравюры, изображавшей Гангутскую морскую битву, и произносить следующий текст: “В 1703 году Петр Великий прорубил окно в Европу, которое с тех пор *не закрывалось ровно 214 лет* <т.е. аккурат до 1917. — *М.А.*>. Пойдем дальше”»[35].

---

[32] *Бетаки В.* Земное пламя: Стихи. М.–Л., 1965. С. 63.

[33] *Веллер М.* Странник и его страна. М., 2016. С. 269–295.

[34] Не буду пересказывать, как старший методист Павловских музеев развлекался в царской кровати с молодой экскурсоводкой. См.: Мемуары. С. 166–167.

[35] Мемуары. С. 160. Подробнее о Кузьминском см. примеч. 49. В последней редакции (гл. 2, строфа 56) этот эпизод введен в текст поэмы.

Сергей Довлатов, ведя экскурсию в Михайловском, с чувством прочел стихи Пушкина<!>, посвященные няне:

Ты жива еще моя старушка,
Жив и я. Привет тебе, привет ...и т.д.[36]

Конечно, в экскурсионной деятельности, как и в любой идеологической (и не только идеологической), преобладали рутина и халтура: бесцветные заученные штампы, бюрократически-занудливая речь, безвкусица, о чем с гневом и раздражением повествуют строфы 48–53 второй главы:

Эмоций полон рот, а информации
На сотню слов полбита не найдешь:
...Вот этой вазой должен восхищаться я
Или «вот этот стул — как он хорош:
Изысканные линии стремятся и...» и т.д. и т.п.

Так вместо сюжетного повествования получилась у Бетаки если не «энциклопедия русской жизни», то, по крайней мере, рассказ о жизни, настроениях, интересах русской интеллигенции 1960-х гг.

При этом, несмотря на разного рода инвективы и саркастические замечания, весь «Недороман» Василия Бетаки проникнут оптимизмом шестидесятых. После смерти усатого людоеда и впечатляющей речи Хрущева нам действительно казалось, что наступила новая эпоха: появились новые люди, новые идеи, новая литература. Эти настроения отразились и в предлагаемой читателю поэме.

Оптимизм закончился лязгом советских танков по улицам Праги. Это была катастрофа, полный и окончательный крах всех иллюзий. Возможно, еще и поэтому осталась незаконченной поэма.

Александр Володин писал:

Потом надежд наивных эра,
шестидесятые года.
Опять глупцы, как пионеры,
нельзя и вспомнить без стыда...

Да, мы были глупыми оптимистами, а в России трудно быть оптимистом, даже если, по Чуковскому, «жить долго». Стыдиться, может быть, и нечего, но печально. Всё повторяется. Оттепель прошла и кон-

[36] *Довлатов С.* Заповедник. Ann Arbor, 1983. С. 41.

чилась. После бескровной революции 1991 г. прошло 10 лет свободы, и протухшая тоталитарная идеология, как облезлый феникс, снова выползает из смердящего пепла.

*

В моем архиве, как я уже говорил, находятся два варианта поэмы. Первый — машинопись на старой пожелтевшей бумаге, вырванной из какой-то старой толстой тетради или из подборки текстов (нумерация чернилами: 296–391), с многими пометами на полях. Этот ранний вариант обозначен в дальнейшем литерой Б.

Послав мне незаконченный роман, В.П., видимо, снова им заинтересовался, задумался и, вернувшись к оставленному замыслу, привел в порядок брошенную рукопись, переставил строфы, перекроил композицию, сделав изложение чуть более последовательным, сократил текст и прислал мне новый вариант со следующим письмом (без даты, на конверте с трудом прочитывается 10<?>, т.е. октябрь 2000):

> Дорогой Марик!
>
> Вот приходится гусиным пером писать: принтера нет, а машинка (IBM) уже лет 10 как в помойке!
>
> Посылаю всё так, как составил — октавы старые и новые. Пробелы — для важности (Пушкину можно, а мне нельзя???).
>
> Выбери любые и в любом количестве от 5–6 и до ....[37] В общем «карт бланш». Пересоставь и перенумеруй их, как тебе покажется нужным. Потом обсудим.
>
> Привет Лене,
>
> Вася

Очевидно, этот вариант сам автор считал почти окончательным. Позднее он прислал еще несколько дополнений. А недавно (16 августа 2018) Елена Кассель, вдова Бетаки, написала мне:

> Васька к этому своему роману относился со смехом, как, впрочем, к большей части того, что было им написано в 60-ые. Хотя есть, конечно, стихи 60-х, которые он продолжал ценить. Но при всем насмешливом отношении всё же он перевел текст в компьютер, так что я тебе его сейчас приторочу к письму.

[37] Речь идет о включении цитат из рукописи в предполагаемую книгу о реминисценциях «Онегина».

Так мне был прислан последний вариант поэмы, который, надо полагать, представляет собою не то чтобы текст, который автор считал окончательным, но строфы, которые он «продолжал ценить». Здесь оказалось несколько новых строф, но очень многое из двух предыдущих вариантов отсутствовало. По существу поэма перестала быть поэмой, а стала просто набором нескольких десятков строф.

Таким образом, текстология поэмы оказалась довольно сложной. За основу взят текст присланной мне второй рукописи, явно отражающий последнюю авторскую волю. Здесь сильно изменена композиция, так что появилось некоторое подобие хронологически развернутого сюжета. Этот текст в дальнейшем обозначается литерой А. Он публикуется полностью.

По строгим академическим правилам всё остальное должно быть вынесено в приложения (ранние или поздние варианты) и подстрочные примечания. Этого, однако, с нашей точки зрения, делать не следует. Первый вариант (Б) отражает мысли и настроения автора («всё, что было написано в 1960–70 годах») и является достаточно ярким памятником ушедшей эпохи. Позднее Бетаки сильно сократил текст, убрал слабые и устарелые, с его точки зрения, стихи. При этом поэма во многом утратила живое дыхание времени. Еще меньше его в последней, очень небольшой рукописи, присланной Еленой Кассель, которую мы обозначаем литерой В.

Желая сохранить аромат эпохи, мы, публикуя полностью текст А, вставляем в соответствующие места в угловых скобках пропущенные строфы из рукописи Б, обозначая их номером строфы, предшествующей вставке, с литерой (а, б, в и т.д.). То же мы проделываем с несколькими строфами последней рукописи — В. Комментарии публикатора, вводящие строфы из текстов Б и В, даны в основном тексте в угловых скобках. Зачеркнутые фрагменты даны в прямых скобках. Авторские прозаические вставки выделены жирным шрифтом.

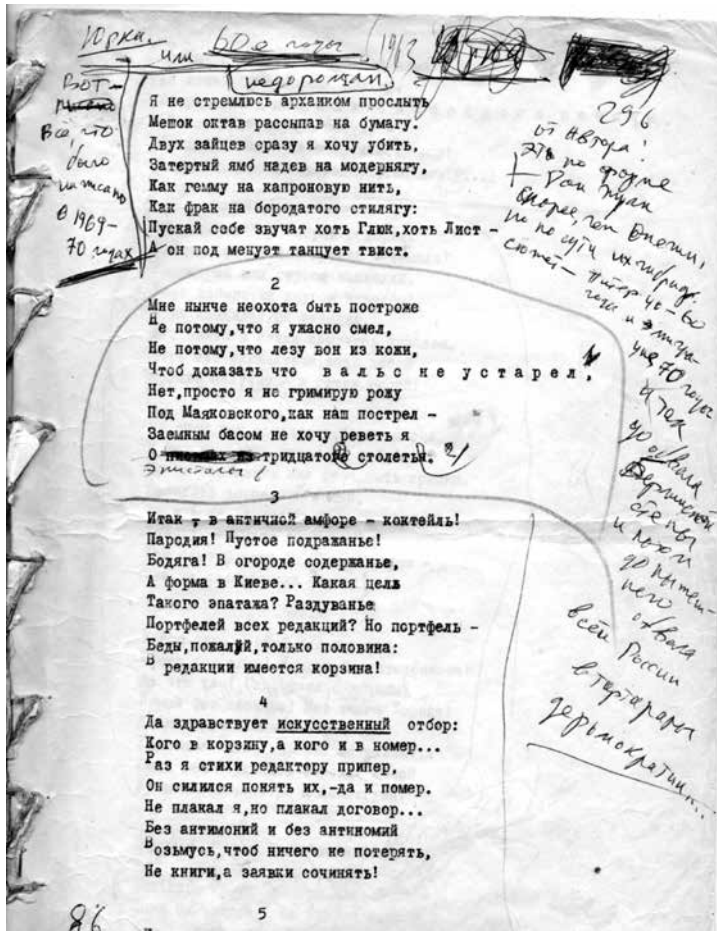
Варианты рукописей отмечаются в подстрочных примечаниях. Примечания автора печатаются тоже под строкой и, в отличие от примечаний публикатора, помечены литерами (В.Б.) в скобках. Наши примечания не претендуют на полноту. Мы стараемся по мере сил откомментировать лишь то, что, с нашей точки зрения, нуждается в объяснениях для современного читателя, и то, что дополняет рассказ автора нашими личными воспоминаниями.

Василий Бетаки

ГЕРОЙ 60-х ГОДОВ

Недороман[1]

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Юрка, или 60-е годы (недороман)

Вот — всё, что было написано в 1969–70 годах

Я не стремлюсь архаизмом прослыть
Мешок октав рассыпав на бумагу.
Двух зайцев сразу я хочу убить,
Затертый ямб надев на модернягу,
Как гемму на капроновую нить,
Как фрак на бородатого стилягу:
Пускай себе звучат хоть Глюк, хоть Лист –
А он под менуэт танцует твист.

2

Мне нынче неохота быть построже
Не потому, что я ужасно смел,
Не потому, что лезу вон из кожи,
Чтоб доказать что в а л ь с н е у с т а р е л,
Нет, просто я не гримирую рожу
Под Маяковского, как наш пострел –
Заемным басом не хочу реветь я
О тридцатых, тридцатое столетье.

3

Итак, в античной амфоре – коктейль!
Пародия! Пустое подражанье!
Бодяга! В огороде содержанье,
А форма в Киеве... Какая цель
Такого эпатажа? Раздуванье
Портфелей всех редакций? Но портфель –
Беды, пожалуй, только половина:
В редакции имеется корзина!

4

Да здравствует искусственный отбор:
Кого в корзину, а кого и в номер...
Раз я стихи редактору припер,
Он смилился понять их, – да и помер.
Не плакал я, но плакал договор...
Без антимоний и без антиномий
Возьмусь, чтоб ничего не потерять,
Не книги, а заявки сочинять!

5

[1] В рукописи Б на полях заглавие «Юрка, или 60-е годы (недороман)». Справа чернилами добавлено очень важное замечание: «Вот — всё, что было написано в 1960–70 годах. Это по форме “Дон Жуан” скорее, чем “Онегин”, но по сути их гибрид. Сюжет: Питер 40–60 годы и эмиграция уже 70 годы и так до обвала Берлинской стены и потом до нынешнего обвала всей России в тартарары дерьмократии...» В рукописи В поэма озаглавлена «Шестидесятые годы. Недороман в октавах».

1.
Я не стремлюсь архаиком прослыть,
Мешок октав рассыпав на бумагу.
Двух зайцев сразу я хочу убить,
Затертый ямб одев на модернягу,
Как гемму на капроновую нить,
Как фрак на бородатого стилягу,
Пускай себе звучат хоть Глюк, хоть Лист,
А он под менуэт танцует твист.

2.
Мне вовсе[2] неохота быть построже,
Не потому, что я ужасно смел,
Не потому, что лезу вон из кожи,
Чтоб доказать, что «вальс не устарел»[3].
Нет, просто я не гримирую рожу
Под Маяковского, как наш пострел:
Заемным басом не хочу реветь я
Эпистолы в тридцатое столетье[4].

3.
Итак — в античной амфоре коктейль!
Пародия? Пустое подражанье?
Бодяга: в огороде содержанье,
А форма в Киеве? Какая цель
Такого эпатажа? Раздуванье
Портфелей всех редакций? Но портфель
Беды, пожалуй, только половина:
В редакции имеется **корзина**!

[2] В рукописи Б: нынче.

[3] См. у Е. Евтушенко (*В.Б.*). Имеется в виду первая строка стихотворения «Вальс о вальсе», ставшего популярной песней: «Вальс устарел, говорит кое-кто смеясь...»

[4] Как это сделал Р. Рождественский (*В.Б.*). В рукописи Б было: «О письмах из тридцатого столетья». Имеется в виду поэма Рождественского «Письмо в тридцатое столетье» (1963), вполне официозная и демонстративно подражающая Маяковскому: «В трехтысячном в дебрях большого музейного здания вы детям о нашем столетье рассказывать станете...» Ср.: «Уважаемые товарищи потомки, / Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме, / Наших дней перебирая обломки, / Вы возможно, вспомните и обо мне...» («Во весь голос»).

4.
Да здравствует искусственный[5] отбор —
Кого в корзину, а кого и в номер!
Раз я стишки[6] редактору припер,
Он силился понять их да и помер,
Не плакал я, но плакал договор...
Без антимоний и без антиномий
Возьмусь, чтоб ничего не потерять,
Не книги, а заявки сочинять!

5.
Когда ж заявка станет строчкой плана,
Где сказано, о чем и как пишу,
Возьму бумагу и, не встав с дивана,
На кошку «Беломором» подышу,
Отправлюсь в «даль свободного романа»,
Но сухарей заране насушу:
Простите мне предосторожность эту:
Ведь чем роман свободней, тем поэту...

6.
«Ищу героя»[7], — Байрон говорил.
Но полтораста лет прошло. Немало?
Двадцатый век героев наплодил,
Бери любого, их кругом навалом.
Я их кандидатуры отводил —
Они опять в стихи ломились шквалом...
Чего тут удивляться! Ведь любой
Приказ получит — и готов герой!

7.
Об этом нам свидетельствует песня[8].
Я мог бы взять героя из нее,
Но не заставить мне себя, хоть тресни,
Напялить довоенное белье,

[5] В рукописи Б слово «искусственный» подчеркнуто. Автор, видимо, хотел подчеркнуть каламбур: искусственный (не естественный!) отбор — в редакции, в цензуре.

[6] В рукописи Б: стихи.

[7] Начало первой песни «Дон-Жуана»: «Ищу героя! Нынче, что ни год, / Являются герои...» (Пер. Т. Гнедич).

[8] В фильме «Веселые ребята» (1934): «Когда страна прикажет быть героем, / у нас героем становится любой» (*В.Б.*). В рукописи Б на полях: «“Легко на сердце от песни веселой” к/ф “Веселые ребята”».

Да и тебе, читатель, интересней
Увидеть если не лицо свое,
Так бороду хотя бы. Но не скрою:
Она не обязательна герою.

8.
И все-таки герой без бороды!
Гусар без шпор и врач без стетоскопа!
Да что там: гидроузел без воды,
Лимон без коньяка, без нас Европа!
Кавказ без шашлыка и тамады!
Редакция «Невы» без остолопа!
Ведь так гордились бородой своей
Кузьминский[9], Кастро и Хемингуэй!

<В рукописи Б следует тщательно зачеркнутая строфа, на полях написано: «плохо».

8а
Барбудо[10]. Перевода здесь не надо!
Винтовка и ремни наперекос,
И сьерра[11] (хоть Маэстра, хоть Невада —
Была бы сьерра). Но другой вопрос:
Барбудос на проспектах Ленинграда!
И посему отец ему принес>

.....

(9, 10, 11)

.....[12]

[9] Кузьминский Константин Константинович (1940–2015) — поэт, составитель «Антологии новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны» (в 9 т.). Антология представляет собою беспорядочный набор текстов (стихов, писем, записок, воспоминаний, фотографий и пр.), но в то же время и бесценный материал для изучения эпохи. Бетаки пишет о нем: «...Константин Кузьминский. С рыжей бородой и озорным взглядом — поэт, болтун, сплетник и, честно говоря, редкостный бездельник, но обаятельный и веселый» (Мемуары. С. 160).

[10] Barbudo (*исп*.) — бородач. Так называли Фиделя Кастро и его приспешников. Мода на бороды тогда появилась в России.

[11] Sierra (*исп*.) — горная цепь.

[12] В рукописи Б (л.2об., 297) к этому месту примечание: «9–13 автор с героем вместе путешествуют далее на велосипедах (Как в “Онегине” пробел, но потому, что плохо написал)».

12.
Едва лишь очертив конфигурацию
Героя, я попер его в «Неву»[13],
Но тут же получаю рекламацию,
Что оборвал, мол, первую главу:
«Где у тебя завязка? Кульминация?»
Я и без них отлично проживу,
А мой герой о них совсем не знает:
Ведь у него профессия иная...

13.
Сейчас к его студенческим годам
Вернусь и выдумаю их на славу!
Но предварительно еще раз дам
Понять, что я по авторскому праву
Могу... Да всё могу, хоть пополам
Рассечь любую строчку и октаву,
Себе позволю что угодно, но
Правдиво... Да, а иногда смешно...

14[14].
Пока легко и весело поэма
Спешит своей дорожкой, как бегун,
Пока любая сложная проблема
Ложится в восемь строк на восемь струн,
Пока цела в октаве рифм трирема —
Мне не указ ни Спенсер[15], ни Кежун[16]:
Последней парой строк любой октавы
Могу я усекать[17] любые главы.

[13] Редакция журнала находилась тогда в начале Невского проспекта, близ Адмиралтейства. В 1946 г., после разгромного доклада Жданова и постановлений ЦК ВКП(б), был закрыт журнал «Ленинград»: партийные вожди считали, что два литературных журнала во втором по величине городе огромной страны — это слишком много. В 1955 г., через два года после смерти Сталина, в Ленинграде появился второй журнал, названный топонимом «Нева». В 1969 г. появился третий, «молодежный» журнал «Аврора».

[14] В рукописи Б (с. 69) вся строфа и номер зачеркнуты, сверху написано: «Это в гл. II. строфа 3». Как видим, строфа осталась в гл. 1, только перенесена в другое место — свидетельство неопределившейся композиции. Получилось «собранье пестрых строф», каждая (или почти каждая) имеет самостоятельную ценность.

[15] Эдмунд Спенсер (1552–1599) — английский поэт. Его главное произведение, «Королева фей», написано строфой, названной в честь автора «спенсеровой», — октавой с усложненной системой рифмовки и добавленной девятой строкой.

[16] 2013: Советский гр <аф> Хвостов. Самый дурацкий графоман в Питере (*В.Б.*). Кежун Бронислав Адольфович (1914–1984) — советский официозный поэт.

[17] В рукописи Б: обрывать (зачеркнуто и исправлено: усекать).

(15–21)

.....

22.
Однако же куда спешил он так?
На уголке, знакомом всем пижонам,
Внизу, где был когда-то «Главтабак»,
Кафе с названьем неопределенным
В те дни еще скрипело кое-как.
Звалось то «Подмосковьем», то «Сайгоном»,
То «Петухами»: кафели стены
Там были петьками испещрены.

23.
Нет, «Петухи» — не в ранге ресторана,
И вывески с названьем не найдешь,
Но там с утра до ночи, как бараны,
Полустуденческая молодежь,
Фарцовщики, доценты, графоманы
И те, кого никак не назовешь,
Воспринимали как судьбы подарок
Продукцию венгерских кофеварок[18].

.....

(24)

.....

[18] В Ленинграде на углу Невского и Литейного проспектов в 1960-е находилось кафе — излюбленное место интеллигентной молодежи. На молодежном сленге оно называлось «Сайгон». Постепенно «Сайгон» превращался в кафе европейского типа. За пластмассовыми столиками с одной чашкой кофе велись долгие разговоры. Некоторые работали: читали, писали, конспектировали. Власти испугались неподконтрольных сборищ. Однажды все стулья убрали, вместо легких светлых столиков появились тяжеловесные, мрачные высокие стойки, за которыми можно было только наскоро, стоя, перекусить. Постепенно кафе утратило свою притягательность и прозвище. В.Б. пишет: «“Сайгон”, в котором торчали целыми днями начинающие поэты и полупоэты, студенты и, наверное, стукачи тоже... особо доверенным лицам там варили тройной кофе — напиток, от которого у непривычных начиналось сердцебиение» (Мемуары. С. 227); далее приводятся строфы 23 и 25 тоже с линией точек между ними и пояснением: «Это цитата... из начатой когда-то в шестидесятых, но, естественно, заброшенной поэмы-дневника» (Там же. С. 228). Строфами этими автор, очевидно, дорожил и вспомнил их не только в мемуарах, но и сохранил в окончательном варианте «Недоромана».

25.
Тут вам, конечно, встретится Кривулин,[19]
И ждущий, кто заплатит, Топоров[20],
И старый Дар[21] на колченогом стуле,
И Ширали[22] в компаньи двух коров,
Порой стукач Куклин[23] на карауле
(Свисток в кармане, говорят, готов).
Порой заходит Свяцкий[24] с гостем польским,
И Гнедич Т. со мной и Антокольским.[25]

.....
(26–28)
.....

[19] Кривулин Виктор Борисович (1944–2001) — поэт, эссеист, деятель неофициальной культуры. Первый сборник его стихов вышел в издательстве В. Бетаки с предисловием издателя (*Кривулин В*. Стихи. Париж: Ритм, 1981. (Б-ка современного поэта). 56 с.). В эссе «Вино архаизмов» (*Бетаки В*. Русская поэзия за 30 лет (1956–1986). Нью-Хейвен, 1987. С. 200–202) Бетаки справедливо назвал Кривулина «типично петербургским поэтом».

[20] Топоров Виктор Леонидович (1946–2013) —критик, публицист, переводчик.

[21] Дар Давид Яковлевич (1919–1980) — писатель, руководитель литературного объединения «Голос Юности». Был популярен среди молодежи.

[22] Ширали Виктор Гейдарович (1945–2018) — поэт. Член литературного объединения, руководимого Бетаки. Ему посвящено эссе «Поэт — это флейта господня» (*Бетаки В*. Русская поэзия за 30 лет. С. 232–234). См. о нем также: Мемуары. С. 227.

[23] Куклин Лев Валерианович (1931–2004) — поэт, песенник. В «Мемуарах» Бетаки называет его «подручным мерзавца Е. Воеводина» (с. 93) , «хвастливым» и «завистливым» (с. 224).

[24] Свяцкий Святослав Павлович (1931–2017) — переводчик-полонист, поэт, драматург.

[25] Гнедич Татьяна Григорьевна (1907–1976) — поэт, переводчик; Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978) — поэт, переводчик, драматург; обоих Бетаки называл своими учителями. Вслед за текстом А Василий прислал мне по e-mail еще три странички, озаглавленные «Ни о чем. Над Фонтанкой... Попытка мемуаров» с эпиграфом из Грибоедова: «В журналах можешь ты, однако, отыскать / Его “Отрывок”, “Взгляд” и “Нечто”. / О чем бишь “нечто”? Ни о чем...» Посланное сопровождала записка: «Марик! М.б., тут кое-что повторяется, но посмотри всё вместе с “основной” рукописью — дело в том, что тут я нашел в черновиках попытку сделать из неполучившегося романа мемуары, поэтому то, что у тебя есть, тут перемежается с тем, чего я не посылал. В <ася>». В строфе 25 строки 4–6 читались иначе: «И Марамзин в компаньи двух коров, / И Шагинян, и Юрский, и Дедюлин... / Всех перечислить надо много строф...» К имени Шагинян следует примечание: «Актер, в то время знаменитый! Не путать с дурой Маргаритой <т.е. Мариэттой. — *М.А.*>». Марамзин Владимир Рафаилович (р. 1934) — писатель. Шагинян Анатолий Айкович (р. 1936) — актер, чтец, продюсер и режиссер парижского отделения радио «Свобода». Юрский Сергей Юрьевич (1935–2019) — актер, режиссер, чтец. Дедюлин Сергей Владимирович (р. 1950) — литератор, библиограф, преподаватель.

29.
Поэты с возрастом всегда классичней,
Придумчивость оставив молодым.
А тем не лень обычные косички
Преображать хоть в змей, хоть в ночь, хоть в дым.
Им **жизнь** пока **сестра** — ну, и отлично
(А мы ее ведь в тещу превратим!).
Вот только я с чего-то не ленивый,
Метафоры еще вплетаю в гривы

30.
Пегасиков. А впрочем, с детства так,
Я к лошадям в шесть лет ведь был приучен.
И дядя Гриша, доктор и казак,
Меня в седло сажал «на всякий случай»[26]
.....
.....
И всё о Пастернаке говорят...

31.
А он? Как мог сменить тот **поединок**
Двух соловьев на факт, что «**снег идет**»?
Как постарел он! Из его картинок,
Введенных им же в общий оборот,
Я ранние повесил бы в простенок,
А поздние... Ну, пусть я обормот,
Но с полным правом повторю: «Однако,
Живаго недостоин Пастернака».

———

32.
...Всех выдумал! Ведь я один, пожалуй,
Не выдуман... А если поточней,
Я это я, — весьма серьезный малый,
Хоть в чем-то и похож на тех друзей,
Кто, зная, как далек от идеала,
Черты скандальной личности своей
Смаскировав «лирическим героем»,
С три короба наврет и дальше кроет.

[26] См. в «Мемуарах»: «В шесть лет меня впервые посадил в седло дядя Гриша, казак, врач, старый отцовский приятель еще по гимназии». В студенческие годы Бетаки даже подрабатывал уроками верховой езды (с. 31–32).

33.
«Но кто такой лирический герой?» —
Вы спросите, дрожа от подозрительности.
За ним мы — как за каменной стеной
От литератур-ведов, от их мнительности,
Его придумывая, мы с тобой
Осуществляем комплекс дополнительности:
Потребность хоть в стихах изобразить
Себя таким, каким хотел бы быть.

34.
Так Лермонтов Печёрина придумал
Лишь оттого, что сам Грушницким был,
Или Крылов свою «Свинью под дубом»
Для той же самой цели сочинил...
.....
.....
.....
.....

35.
К тому же этот тип дает возможность
Порой быть откровенным, не тая
Всего, о чем простая осторожность
Не даст писать. Но если я — не я,
Быть смелым для меня уже не сложность.
И пусть тогда в стихах мои друзья
Увидят всё, чего на самом деле
В характере моем не разглядели.

36
Порой случается и в жизни так
(В действительной, не только у Тынянова),
Что имя, превратившись в некий знак,
Мешает «людям, захотевшим странного»[27].
В быту советском есть клеймо: «Чудак».
Ну, кто ж позволит действовать непланово?
Бумажка на стене и ты уже
Зависишь от поручика Киже.
.....

[27] Выражение из «Попытки к бегству» Стругацких (*В.Б.*). В этой повести (1962) люди, «желающие странного», — нонконформисты, противники тоталитарного режима, узники концлагерей.

<В рукописи Б вместо строки точек имеется строфа (гл. 2, 39). Затем вложен листок с написанными неразборчивым почерком еще двумя строфами (почему-то на полях обозначенными 15 и 16) и отдельными строками, итого три дополнительные строфы плюс шесть отдельных строк:

36а
Который, меря всё на свой аршин,
Науку уважает, но однако
Твердит, что ум бесчувственных машин
К добру не приведет, что будет драка,
Что лучше бы нейлон и крепдешин
Сменить на шкуру и путем Жан-Жака
К избе, к лучине, к миру кислых щей,
Чтоб избежать восстания вещей.

36б
Всё больше в мире антиурбанизм,
Полуневежд спасительная штора.
Ж.Ж. Руссо затасканный труизм
Как мини-юбку приняли без спора
Технарь и поп, гуманитар и физик,
Эстет и «мужиковствующих свора»[28],
Кому не лень, на тысячи ладов
Клянут «неволю душных городов».

36в
Пещерный идеал любого сорта
Внушает подозренье мне, что он
Лишь вывеска для модного курорта,
Когда с собой «в пещеру» привезен
Хозмаг, кабак, движок и «всё для спорта»,
Лосьон, транзистор, и магнитофон,
И поддувной матрас... в сравненьи грубом
Сие как басня «Робинзон под дубом».

[Единственное, чем мы схожи с предками
(Ну, правда, иногда еще и клетками).]

Нет, не изобретения страшны,
А приложенье их... Вот тут бывало

[28] Цитата из стихотворения В. Маяковского «Юбилейное» (1924): «Ну, Есенин, мужиковствующих свора. / Смех! Коровою в перчатках лаечных». Здесь, очевидно, — писатели-почвенники.

Использовать для горок самосвалы
.....
Бульдозериста взять в искусствоведы...[29]>

37.
А Лева Друскин всё же был поэтом,
Он как-то мемуары написал[30].
Они и сразу были под запретом,
И дудины[31] устроили скандал —
Пришлось уехать... Думал я об этом,
Увидев, как он пуделя чесал
Большого, белого по кличке Гек.
Был этот Гек хороший человек!

.....
(38–41)

42.
Мы все, немногих очень исключая,
Взрослели где-то к тридцати годам,
Мы дамами девчонок величаем
И девочками кличем наших дам,
А после возраста не замечаем,
Кто как, а я всё это не отдам
За скороспелость прошлого столетья,
Когда давно успел бы помереть я,

43.
Как Лермонтов. Ведь что ни говори,
Печорин старше моего героя:
Он в двадцать взрослым стал. Но ты бери
В расчет и воспитание иное:
Так я о чем? О том, что 33 —

[29] Быть может, намек на знаменитого «экскаваторщика», который писал в «Литературной газете»: «Я Пастернака не читал, но знаю...»

[30] Друскин Лев Савельевич (1921–1990) — поэт; в 1980 исключен из Союза писателей за «действия, несовместимые с требованиями устава СП СССР, выразившиеся в получении из-за рубежа и распространении антисоветских изданий, в двуличии, в клевете на советское государство и на советских литераторов» (Спасенная книга: Воспоминания ленинградского поэта. Лондон, 1984. С. 388–389). Ему посвящен очерк «Я не струсил, Д'Артаньян» (*Бетаки В.* Русская поэзия за 30 лет. С. 104–107).

[31] Дудин Михаил Александрович (1916–1993) — поэт, чиновник. Больше, чем своими стихами, известен эпиграммой: «Добродушный Миша Дудин, / Сто очков любому даст: / Миша Дудин, сын Иудин — / Поцелует и продаст».

Особый возраст: до него, не скрою,
Ни я не делал... (скажем, ***ни... чего***),
Ни наш знакомец, Муромец Илья!

44.
Мужчина в этом возрасте не ловится,
Не то что в пятьдесят и в двадцать пять!
На ком или на чем он остановится
Лет через десять — не берусь гадать,
Но он хотя бы плотником становится,
Или его уже должны распять,
Чтоб именем его хоть после смерти
Вольготно спекулировали черти[32],

45[33].
Как некто Савл… (Для рифмы скажем «Савел»…)
Иудаизм есть то, что от Отца.
А что от Сына — нам испортил Павел,
Понаписав посланий без конца,
Он столько отсебятины добавил!
Но что-то ведь от Третьего Лица,
Должно быть, — то, что Мережковский сухо
Назвал «Религией Святого Духа».

45а.
Как помнится, грек молодой Стефан
Был первым в мире дьяконом, и всё же
……..
И как в ЦеКа — хоть парочку камней
Был должен кинуть каждый фарисей!

[32] В рукописи Б автор ограничивался намеком на Христа и последующей эксплуатацией его имени церковниками; последние две строки заключены в скобки и заканчиваются не запятой, а восклицательным знаком. Позднее в рукописях А и В он развил эту тему. После крушения советской власти православная церковь быстро превратилась из гонимой в мракобесную силу, всё теснее сраставшуюся с государством. Возможно, поэтому и появились в поэме следующие несколько строф об апостоле Павле. Именно Павел приспособил простодушную религию братских общин к нуждам государства. Говоря о паулизме, в котором ничего не осталось от истинного христианства, автор, очевидно, имеет в виду православную церковь.

[33] Эта и следующая строфы — только в рукописи В.

46.
Апостол Павел[34], тряпок их хранитель,
Стефана помогал отправить в ад,
Он рационалист и соблазнитель
(К тому же сам палач и ренегат),
А до сих пор живет как победитель!
Ну, как не стыдно нам с ним ставить в ряд
Петра, который уж определенно
Не мог бы стать союзником Нерона!

47.
Да, паулизм есть несомненный вред,
И христианства в нем не ночевало,
.....

(48)

49.
Теперь, читатель, помогай творить,
Три года остается нам с тобою,
Чтоб прясть судьбы спасительную нить
И, крепко привязав ее к герою,
Его по лабиринту протащить
Профессий, дружб, романов... Да, не скрою:
Судьба его у времени в руках —
Он и не Дон Жуан, и не монах.

50.
Глаза Онегина и Дон Жуана
Легко могли увидеть целый свет,
Удобные герои для романа:
У них почти обязанностей нет,
А времени навалом. Как ни странно,
Сей факт детерминирует сюжет:
Чтоб был герой не вроде тунеядца,*[35]
Должны его профессии меняться.

[34] В Рукописи В: «Савл, то есть Павел, тряпок их хранитель, / Стефана подсобил отправить в ад». Когда святого Стефана побивали камнями, Павел (тогда Савл) хранил одежды свидетелей (Деян. 7:58–59).

[35] Астериск поставлен автором. Возможно, автор намеревался дать советское объяснение слова. В 1961 г. был принят закон «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Помню, что мы восприняли этот закон как обострение борьбы с диссидентами и вообще с интеллигенцией, скептически относившейся к советскому режиму. Самым ярким применением этого закона стало знаменитое дело Бродского (1964).

51.
Ведь «отпуска бывают раз в году»,
Как справедливо Кушнер отмечает[36],
А раз уж так — поэту на беду
Пусть мой герой профессии меняет.
(Ведь каждому в двухтысячном году
Утопия такое обещает![37])
А кто припомнит титул «летуна»[38],
Уж это, братцы, не моя вина.

<Далее в рукописи Б зачеркнута строфа (#67):

51а.
Но скоро и главу кончать пора нам:
Она играет только роль пролога.
Я сознаю, что очень уж пестра, но
Так хочется порассуждать немного!
Трепаться можно бы хоть до утра нам,
И все-таки грызет меня тревога:
Не надо, чтобы вся моя преамбула
Казалась плоской, словно рыба камбала!>

Герой с автором, естественно (несмотря на отсутствие отпусков), путешествуют, как Онегин или Жуан...

52.
Люблю асфальт, летящий под колеса,
И с двух сторон сиреневый кипрей,
Сбегающий по желтизне откоса
К шоссе из-под сосновых галерей,
И черным лаком, словно знак вопроса,
Торчащий из-под мостика ручей,
Педалей круговое напряженье
И легкость безмоторного движенья.

[36] Строка из стихотворения А. Кушнера «Комната» (1962): «Раз в году бросаясь на вокзал, / Я из тех, кто редко уезжал. / Как уеду я? Куда уйду? / Отпуска бывают раз в году».

[37] Возможно, намек на советскую пропаганду. Программа КПСС, принятая на XXII съезде (1961), завершалась знаменитой фразой: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

[38] В советскую эпоху власть боролась с людьми, часто и по собственному желанию менявшими место работы. Их презрительно называли «летунами».

53.
Мне оправданием послужит формула,
Столь нужная для наших дней шальных,
Известная еще с эпохи Ромула,
Ее я постараюсь вставить в стих,
Чтобы она всем показать могла,
Что сумма впечатлений путевых,
Необходимых нам, чтоб после вздор нести,
Обратно пропорциональна скорости.

54[39].
Ну, вот и Новгорода младший брат,
Довмонтовой стены высокий[40] камень,
Тяжелых[41] контрофорсов мощный ряд,
Что держат многотонными руками
Массив стены, с которой не палят
Уж двести с лишним лет, когда войсками
Был полон город, и тяжелый гром
Тут грохотал, разбуженный Петром.

55.
Взгляни с верхушки круглой Кутекромы
На ижицу сливающихся рек,
Забудь про стены, храмы и хоромы,
Запомни только плавных вод разбег
Да там лесов зубчатые изломы,
Которые и наш неровный век
Переживут... Но елки[42]-великаны
Не знают ближних леспромхозов планы...

56.
Слияние Великой и Псковы
Заполнено сиренью, и церквами,
И тишиной. И уханьем совы,
Живущей до сих пор между зубцами.
Собора шлемовидные главы
Слегка фосфоресцируют ночами,
И город от Поганкиных Палат
До Запсковья молчанием объят.

[39] Строфы 54–57 в рукописи Б (там это строфы 15–18) очеркнуты, на полях помета: «Опубликовано в 1974 году». См.: *Бетаки В.* Замыкание времени: Стихи разных лет. Paris, 1974. С. 43–44. Далее: Бетаки 1974.
[40] Бетаки 1974: тяжелый.
[41] Бетаки 1974: Высоких.
[42] Бетаки 1974: сосны.

57.
Клубком свернулась ночь в начале лета
И спит в глазницах звонницы пустой,
Пока ее трехглазые рассветы
Не вышибут лучистою метлой
Из трех беленых арок. Три кометы
На миг хвосты расстелют над росой...
Смотри рассвет сквозь звонницу! Такого
Нигде ты не увидишь, кроме Пскова.

58.
Палатку на багажник укрепив
И через рамы застегнув портфели,
Мы вышли Арсеналом на обрыв
И сверху на Великую смотрели,
И вниз направились, перекурив,
Через чертополох и асфодели,
Ведя велосипеды под уздцы,
Как древние псковские молодцы.

59.
Прозрачен над асфальтом летний зной.
Всё вниз и вниз, почти что незаметно.
Псков растворялся в дымке за спиной
И скрылся на тридцатом километре.
И вот мы — под Изборскою стеной,
Где в самый тихий день гуляют ветры
И тень от стен квадратом резкой тьмы
На Труворовы падает холмы.

<Далее в рукописи Б следует густо зачеркнутая строфа (22-я по нумерации Б):

59а.
Когда-то было... Ратники и смерды
Вздымали эти башни в высоту,
Седой плитняк долбили преусердно,
И громоздили на плиту плиту,
И, творог подмешав к известке серой,
Гасили десять лет известку ту,
А тако же тесали много ядер
Для пушкарей в том неприступном граде.>

60.
Два озерца, забытые судьбой,
Глазами Пана смотрят в неба своды,
Меж ними и щербатою стеной
По склонам убегают огороды
От чудища с зубчатою спиной,
Что, как дракон неведомой породы,
Наставил уши башен над холмом
Во сне настороженном и немом...

(61–65)

66[43].
Но где сюжет? — сюжет не получился.
Где фабула? Мы фабулы хотим!
Глава прошла, герой и не родился!
А путешествует... Ну, дьявол с ним,
Но автор-то!!! ...Ребята: я решился:
Сюжет к чертям, октаву удлиним.
Лорд Байрон бы ничуть не удивился,
А критик «Б»*[44] — кто ж станет спорить с ним?
Пускай себе! Тон менторский усвой,
Качая буйной антиголовой[45]!

67.
Да здравствуют романы и поэмы,
В которых нет романов и поэм!
Зато стадами в них пасутся темы,
Зато идей блистательный гарем!
Поэты, детектив ругаем все мы,
Нагроможденье, мол, сюжетных схем....
А ведь признайтесь, жизнь не так ретива,
Чтоб всем давать сюжет для детектива!

68.
Альтшуллер мне, конечно, возразит:
«Да ведь лирические отступленья

[43] В рукописи Б на полях: «Вот главная строфа всего романа» (*В.Б.*).
[44] В рукописи Б примечание: «*Критик Б? Блядь или Бритиков (одно и то же)». Бритиков Анатолий Федорович (1926–1996) — литературовед, писал о советских писателях, научной фантастике. Впоследствии Бетаки отзывался о Бритикове вполне доброжелательно (Мемуары. С. 212).
[45] Термин А. Вознесенского (*В.Б.*). Имеется в виду книга: *Вознесенский А.* Антимиры: Избранная лирика. [М.]: Молодая гвардияЮ 1964. Тираж 60 000 экз.

Нужны, когда за ними хоть сквозит
Сюжет! Но что за треп до отупенья?»[46]
Ах, Марк, поверь, что автор дорожит
Ученостью твоей, но, к сожаленью,
Традиции обрыдли — и, привет:
Уходит в отступления сюжет!

69.
— О чем же ты? — О жизни человека!
— Но до чего неоднородный сплав!
— А хочешь, «Ехал Грека через реку»
Я растяну на тысячу октав?
Я это назову «романом века».
И, что ни говори, я буду прав,
Затем что я завидую жестоко
Всемирной славе «Бурного потока»[47].

ГЛАВА ВТОРАЯ

<В рукописи Б двум строкам первой строфы предшествовало несколько строф (27–32 по нумерации Б). Сверху В.П. написал: «Тут пять прототипов героя романа. И гадать не надо, как в Онегине». Потом он эти строфы перечеркнул и написал на полях: «Это всё плохо. Цитировать отсюда не надо ни строчки». Я позволю себе не согласиться с мнением друга, тем более что автор далеко не всегда является справедливым судьей своего текста. Строфы эти интересны как портреты людей 1960-х гг., их настроений, взглядов... Они публикуются в угловых скобках с нулевой и буквенной нумерацией.

0[48].
А в школе у меня приятель был,
Отличный лицедей, не хуже Райкина.
Я помню, чуть не каждый говорил:
«Не лезь ты в технику, иди — играй в кино!

[46] Не помню, чтобы я подобные глупости говорил (мне поэма нравилась), но Василию с его блестящей памятью виднее.

[47] Не то «*Тихий* Дон», не то «Железный *поток*» (*В.Б.*). В «Литературной газете» с 1967 г. на 16-й странице печатался «роман века» Евгения Сазонова «Бурный поток», злая и остроумная пародия на штампы и приемы литературы социалистического реализма. Название «романа» — очевидная контаминация двух названных Бетаки произведений.

[48] Половина предыдущей страницы в рукописи Б вырвана. Строфа, очевидно, является продолжением предыдущей, поэтому начинается с противительного союза.

Он был бы — у него б хватило сил —
Достойный член святой актерской шайки, но...
Мать рыкнула — и сын уж пятый год
В КБ сидит (и на КБ плюет)[49].

0–а.
А вот другой. Поэт довольно яркий,
Хоть зачастую пишет ни о чем.
Он может слово раздробить на кварки,
Играть умеет строчкой, как мячом,
Работал он в музее, в зоопарке,
У классика служил секретарем,
Имел дубину, бороду и прочее...
За всё берется он и... (многоточие!)[50]

0–б.
А третий... эрудит, идеалист,
Последователь Ганди и Толстого,
Подсобник, землекоп и тракторист
(Уволился, нанялся завтра снова...),
Письмо катает аж в печатный лист
То из Мурманска мне, то из Ростова.
Однако в институт не пожелал
И ныне — грузчик-интеллектуал[51].

0–в.
Четвертый был любитель дальних странствий.
Летал. Врачи списали. Что ж, приказ!
Но через год он смылся с лаборантства
И в океане плавает сейчас!
Наверно, и в космическом пространстве
Он побывал бы, если б в третий раз

[49] На полях: Ю. Усов (Москва).
[50] На полях: К. Кузьминский (N.Y.).
[51] На полях: М. Юдкевич (?). Ср.: «Галин <Галина Усова, поэт, переводчик, жена В.Б. — *М.А.*> бывший ученик Миша Юдкевич был первым человеком, от которого я услышал, что он непременно уедет в Израиль. <...> Был конец 1971 года. Миша Юдкевич, к тому времени всего год как закончивший школу, подал заявление на отъезд, добыв “липовый вызов от какого-то однофамильца, назвавшегося его дядей”. <...> Миша уехал. Один из первых» (Мемуары. С. 243–244). В книге Бетаки «Замыкание времени» (1974) есть стихотворение, посвященное «М. Юдкевичу»: «Живем — и вопреки тому, / Что каждый хан плетьми нас бить велит...» (с. 123).

Сумел надуть врачей... Но эскулапам
Попался в лапы барахлящий клапан[52].

0–г.
А пятый и поэт, и инженер,
Прозаик и любитель биллиарда,
Художник и знаток небесных сфер,
И переводчик гарлемского барда,
Конструктор хоть кастрюль, хоть батисфер...
(Сюда мы подрифмуем Леонардо!
Одно несходство — он без бороды,
Но я не вижу в том большой беды!)[53]

0-д.
Хоть оказалось так, что к бороде я
Привел произведение свое,
Но не воображай, что все идеи
Я вычешу волшебством из нее.
Я силой Черномора не владею
И чудотворство дело не мое!
Есть список прототипов? Мы с тобою
Из них и сконструируем героя.>

1.
.....
.....
Есть список прототипов — мы с тобою
Из них и сконструируем героя.

[52] На полях: Г. Альтшуллер. Мой брат Герман Григорьевич Альтшуллер (р. 1934) с детства страдал пороком сердца, несколько лет назад ему в Израиле заменили клапан.

[53] На полях: А. Щербаков. Александр Александрович Щербаков (1932–1994) — поэт, переводчик (в том числе «гарлемского барда» Ленгстона Хьюза), писатель-фантаст. Ср.: «А. Щербакова прислал ко мне как-то мой старинный друг Марк Альтшуллер, сказав, что этому молодому инженеру очень хочется познакомиться с ровесниками-поэтами, поскольку сам он пишет и кое-что переводит, а в среде инженеров ему тоскливо... Очень быстро Саша стал среди нас совсем своим. <...> Александр Щербаков — поэт, не выпустивший ни одной книги, переводчик, участвовавший в десятке изданий разных поэтов. Перевел полностью оба тома “Алисы” Льюиса Кэрролла. Фантаст, выпустивший две книги повестей, изобретатель, имевший несколько патентов на изобретения в электронике. Он умер в середине 90-х от лейкемии» (Мемуары. С. 185, 187). Щербаков был еще и драматургом: однажды он прочел нам с женой замечательную пьесу «Геракл и Лернейская гидра» (до сих пор не напечатанную и не поставленную), по мотивам и идеям соприкасавшуюся с «Драконом» Е. Шварца, которую он, по его словам, в то время не читал.

2.
Что значит конструировать людей?
На это есть, во-первых, папа-мама.
Петруцци выдал несколько идей[54],
Но мы их игнорируем упрямо.
Еще один есть способ посложней,
К которому прибег когда-то Брама,
Но Шива, говорят, ему мешал,
В проекте испортачив идеал[55].

3.
Четвертый способ есть литература.
Но при подобном способе рожденья
Герой — нематерьяльная фигура —
Обычно остается без крещенья,
А в наши дни поэтов креатура
Не попадает под постановленье
Медалью награждать младенца ради
Того, что он родился в Ленинграде.

4.
И мой герой медали не имел,
Что огорчительно для патриота.
Родившись, он не молочка хотел,
Поскольку взрослым вырос из... блокнота,
И на велосипед, понятно, сел —
Пришлось купить — разумная забота:
Уж если появился он в пути,
Не в рюкзаке же мне его везти!

6. <?>[56]
Ну, а теперь, по правде говоря,
Еще работа предстоит нам: это —
Создать ему родителей. Не зря
Творцом зовут и Бога и Поэта:

[54] Петруччи Даниэле Анджело — итальянский медик и биолог. В 1961 г. провел эксперимент по искусственному оплодотворению половых клеток человека в «искусственной матке»; жизнь эмбриона в течение двух месяцев фиксировалась на кинопленке. В октябре того же года приезжал в Москву по приглашению АН СССР. Правительство Италии и католическая церковь не поддержали опыты Петруччи, усмотрев в них разрушение института семьи.

[55] В индуизме Брама (Брахма) воплощает созидательное начале, а Шива — разрушительное.

[56] Так в рукописи А. Вероятно, опечатка — следует 5.

Трудясь, пыхтя, плюясь, ворча, куря,
Они работают на благо света,
Но нелегко приходится богам:
Стругацкие свидетельствуют нам.

7.
.....
Но Данту тесно в закоулках адских,
Вот он и превратился в двух Стругацких
.....

(8)

9.
И учит нас научная фантастика,
Как можно из простых вещей собрать
(Хоть из полупроводников и пластика)
Герою моему отца и мать:
Но мне, поэту, только ономастика
Нужна одна: ведь стоит их назвать...
Вот преимущества литературы:
В ней имя оживает без фигуры!

10.
Еще и не успел я сотворить
Один комплект родителей героя,
Они уже не так желают жить,
Как я им предписал, план книги строя,
И путают логическую нить
И громко пререкаются со мною,
Как роботы у Шекли[57], без конца,
Сажая в лужу своего творца.

<После этой строфы в рукописи Б следуют еще шесть (39–44 по нумерации Б).

10а.
Бунт роботов... Нас много им пугали:
«Оставьте города! Бегите в лес!»
И, на чем свет стоит, вовсю ругали
Науку и технический прогресс...

[57] Роберт Шекли (1928–2005) — американский писатель-фантаст, очень популярный в СССР в 1960-е гг.

Усматривать в нем друга ли? Врага ли?
Я к роботам питаю интерес,
Но в спор вступать по этому предмету,
Когда и роботов пока что нету???

10б.
— А будут — будет поздно! — Черта с два:
Нет роботов, но есть уже модели,
У коих руки, ноги, голова —
Всё, всё как у людей на самом деле,
Но боже упаси их от идей!
...В том и беда, что всё *как* у людей[58]!

Следующие две строфы зачеркнуты. На полях первой написано «это плохо», на полях второй — «очень плохо». Автор хотел изобразить интеллигентскую мещанскую среду — «роботов», у которых всё «как у людей», их бытовой конформизм: «такой вчера купила Софья Львовна» (Ср.: «Что будет говорить / Княгиня Марья Алексевна»). Вместе с тем какие-то детали материального быта, которые начинали занимать непомерно большое место в жизни, оттесняя духовные интересы, подмечены верно: «книги под стеклом», «лак на полу», даже торшеры, которые тогда действительно почему-то вошли в моду (и, конечно, тут же стали дефицитом): у моих родителей был самодельный с большой тяжелой чугунной сковородкой в качестве основания.

10в
Отец вошел и замер на пороге:
Куски бумаги, бечева и нож...
Вниманьем всех владел торшер трехногий
(Он был на марсианина похож[59]).

[58] В этих строфах отразилось характерное для 1960-х гг. увлечение кибернетикой, которая после смерти Сталина перестала быть «буржуазной лженаукой». Проблема искусственного интеллекта интересовала не только математиков и физиков, но и гуманитариев, поэтов и писателей-фантастов. Естественно, возникал и знакомый еще со времен пьесы Чапека (“RUR”, 1920) мотив «восстания роботов». А. Вознесенский начинал стихотворение «Бунт машин» таким же призывом, как строфа 10а у Бетаки: «Бегите — в себя, на Гаити, в костелы, в клозеты, в Египты — Бегите». Затем шли такие строки: «А в ночь, поборовши робость, / Создателю своему / Кибернетический робот: / “Отдай говорит — жену! / Имею слабость к брюнеткам — говорит. — Люблю / На тридцати оборотах. Лучше по-хорошему уступите!..”» Стихотворение вошло в сборник «40 лирических отступлений из поэмы “Треугольная груша”» (М., 1962. С. 39–40), тираж которого в 50 000 экз. разошелся мгновенно. В нашей домашней библиотеке был приобретенный за умеренную цену машинописный экземпляр необычного формата с имитацией издательской обложки.

[59] Ср. у Уэллса описание марсианина в «Войне миров»: «Громадный, выше домов, треножник, шагавший по молодой сосновой поросли и ломавший на своем пути сосны...» (*Уэллс Г.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 2. М., 1964. С. 40).

— Обертку хоть убрали бы с дороги!
— Три дня ищи — такого не найдешь...
— Что это — тоже модно? — Безусловно:
Такой вчера купила Софья Львовна!

10г.
Супружеский случайный диалог,
Но нечто я услышал в нем такое,
После чего я попросту не смог
Описывать гардины и обои,
И мебель на копытцах козьих ног,
И книги под стеклом... Всё предо мною
От лака на полу до потолка —
Квартира отставного моряка.

Следующие две строфы обведены овалом. На полях помета: «ахинея».

10д.
Ах, мода, мода! Мы не знаем меры,
Куроча и калеча всё и вся...
Отец зачем-то прочил в инженеры
Мальчишку, что артистом родился.
Не то чтоб сыну жаждал он карьеры,
Но, личность в жертву моде принеся,
Был возмущен, что тот учился плохо
И скорбно восклицал: «Не та эпоха!

10е.
Вот мы...» Но речь папаши повторять
Не хочется во избежанье штампа.
Бывалый каперанг не мог понять,
Что сын не электрическая лампа,
Чтобы его включать и выключать,
Что четкость черно-белого эстампа
В характерах былых фронтовиков
Сменилась живописностью сынков.>

(11–12)

13[60].
Отец служил «отлично, благородно»[61]
Сперва на флоте, а потом в НИИ,
Немецким языком владел свободно,
И, ордена немногие свои
Лишь дважды в год на «праздник всенародный»
Надев, морские вспоминал бои,
А в остальном по всем своим манерам
Не офицером был, а инженером.

<В конце рукописи Б (л. 318) имеется густо зачеркнутая строфа, явно относящаяся к предыдущей:

13а.
Курсантом он пописывал слегка,
Порой и остроумно и умело,
Но, действовать решив наверняка,
Усвоил вовремя, что это дело
Неверное... и больше ни стишка
За тридцать лет. Отдался он всецело
Борьбе <?> за то, что нужным почитал,
И сыну сочинять не разрешал.>

14.
Его жена была — его жена[62].
Окончив до войны библиотечный,
Писала диссертацию она,
Грозя работу эту сделать вечной,
Потом ей степень стала не нужна,
И, вкус почуя в зрелости беспечной,
Она «держала дом», решив, что он
Есть кладезь звезд для мужниных погон.

15.
А сын, как вся студенческая братия,
Которой переполнен Ленинград,
Экзамены сдавал, мотал занятия
И мат наваливал на сопромат,

[60] Строфа в рукописи Б обведена овалом. На полях: «Это уже лучше».
[61] Стандартная формула аттестации чиновников, известная по роману в стихах «Евгений Онегин»: «Служив отлично-благородно, / Долгами жил его отец…»
[62] В рукописи Б подчеркнуто: его жена.

Еще он удостаивал проклятия
Предмет, о коем вслух не говорят[63],
Или, не одолев своей натуры,
На чертежах чертил карикатуры[64].

<После этой строфы в рукописи Б следуют еще две тщательно зачеркнутых (##48–49), 49-я практически не читается, кроме нескольких слов:

15а.
Он никаких кружков не посещал.
Уж если путь надежный и реальный,
Послушавшись родителей, избрал
И не пошел ни в ГИК, ни в Театральный,
Зачем травить себя, так он считал,
И вместо сцены профессиональной
(Которая ведь тоже дым и прах!)
Играть на факультетских вечерах.>

.....
(16–23)

24.
День пасмурный, безветренный, бездождный
Играет желтым шорохом листвы,
Прозрачные аллеи чуть тревожны,
И замирают мраморные львы,
Боясь движением неосторожным
Стряхнуть листок кленовый с головы,
И вот на ней причудливо, игриво
Растет из листьев золотая грива.

25.
И там, где сваливали с барж дрова,
Где пахло лошадьми, смолой и небом,
Забыта вытравленная трава —
Бензиново, окаменело, немо.
Дыханье земляного естества
Сожгла асфальтовая эмфизема,
И лишь оазис чуда — Летний сад
Локтями лип расталкивает ад.

[63] Скорее всего, «История КПСС».
[64] Эта строфа вошла в «Мемуары» (с. 101).

26.
Как говорит Ефремов, инфернальна
У нас цивилизация пока.
Мораль в XX веке — аморальна!
Не верите? Читайте «Час Быка»[65].
Ведь бытие настолько матерьяльно,
Что если где оторвана доска
В рационалистическом заборе —
Бетоном дырку мы залепим вскоре[66].

27.
На Выборгской за дымной стороной —
Отечеством машин, конфет и тряпок,
За парком Академии Лесной
Белокирпичный есть Северо-Запад,
Овеянный кленовой тишиной,
В которой растворен сосновый запах,
И перламутрово глядит с утра
На Озерки Поклонная Гора.

28.
Давно ль ее чуть дымчатое око
Избавилось от белого бельма,
От статуи беленого пророка,
Вокруг которой разливалась тьма,
И скрип уключин Александра Блока
Над озером глушит одна зима...
Но и зимою у озерной кромки
Я слышу тайный голос Незнакомки.

29.
Но дальше через линию туда,
Где переулки и калиток скрипы,
Забытые колодцы и вода
Зеленая, как над колодцем липы.

[65] В фантастическом романе И. Ефремова «Час быка» (1968–1969) изображена тоталитарная, «инфернальная» государственная система. Роман был очень популярен, но после первого отдельного издания (1970) запрещен и не переиздавался до конца 1980-х гг.

[66] В рукописи Б после этой строфы следует: «Кой-как воспитывая интеллект, / За это платим оскуденьем чувства. / И пожирающий умы проект / Нам кажется полезнее искусства».

Тут странно выглядят и провода,
Еще странней нейлоновые типы:
Годов шестидесятых остряки
Уж не заламывают котелки!

30.
.....
.....[67]
Канавы да болотца без мостков,
Чуть не на километр до самой Лахты,
Где ветр балтийский милости простер
На узкое крыло далекой яхты,
И, низкой глыбой уплывая в сон,
Виднеется на взморье стадион.

(31–32)

33.
Когда от фар луч света, перекрещен,
Струится вдоль асфальтовой реки,
И мечутся, белея, платья женщин
В листве обочин, словно мотыльки,
И зелень ярче кажется и резче,
И кроны так прозрачны и легки,
Тебе на миг покажется — так просто,
Что рай земной зовут Елагин остров.
(34–47)

48.
А в Петергоф — [68]
.....
.....
И ровно в двух шагах (увы, не дале)
Мы вдруг экскурсовода увидали!

49.
Он группу вел, как стадо старый слон.
Отлично выбрит, в меру напомажен.
Музей дрожал, как град Иерихон.
Мне на мгновенье показалось даже,

[67] В рукописи Б вместо строк точек: «Велосипед выносит на простор. / Теперь его потащишь на руках ты:».
[68] Этот стих печатается по рукописи В.

Что с силою выплевывает он
Куски табличек (текст этикетажа).
Порой лишь ударенье переврет.
А следом группу девица ведет.

50.
Эмоций полон рот, а информации
На сотню слов полбита не найдешь:
...Вот этой вазой должен восхищаться я
Или «вот этот стул — как он хорош:
Изысканные линии стремятся и...»
Стоишь, не слушаешь и только ждешь,
Чтоб смесь косноязычия и фальши
Прервалась роковым: «пойдемте дальше».

51.
И всё же — кто такой экскурсовод?
«Двуногий суррогат магнитофона»?
Панегирист? Горластый счетовод,
Перечислитель статуй и плафонов,
Картин и стульев?.. Но иной поет,
Как тетерев, бездумно, упоенно...
Я этого вопроса не решил,
Хоть сам в музее методистом был....

52.
Пытаясь одолеть свою иронию
И кое-как дослушав до конца
Хвалу изысканности и гармонии
Большого Петергофского дворца,
Решил, что если бы сидел на троне я,
То запретил бы именем Отца
И Сына с Духом по всея России
Выделывать экскурсии такие!

53.
Указ, достойный памяти Петра
И сходный с тем, в котором отмечается,
Что кончилась шпаргалочья пора,
«*...и господам сенаторам вменяется*
Речь не читать и не зубрить с утра,
Своими пусть словами изъясняются,
Чтоб глупость каждого увидел всяк!»
Вот надобно с экскурсиями так.

(54–55)

56[69].
Под Нарвой прежде отморозив … (уши)
И торопясь осуществить свой бред,
«Петр первый прорубил окно в Европу,
Которое двести семнадцать лет
Не закрывалось»[70]. (Только остолопу
Невнятен этот, столь простой, ответ
На тот *Октябрь*, что календарно диким
Был в ноябре. И оттого — великим.)

57.
Еще кой кто зовет его…
……

(58–72)

73
.....
На камушках огрызки кукурузы,
Купальщицы, грузины и медузы[71].
.....
.....

(74–85)

86.
.....
.....и Томашевский[72],
С которым мы всегда, как ни придешь,
Дом Книги криками вгоняли в дрожь.
.....

(90–94)

[69] Строфы 56–57 печатаются по рукописи В.
[70] Цитата из экскурсии К.К. Кузьминского (*В.Б.*).
[71] Пицунда (*В.Б.*).
[72] Борис Борисович (1909–1974), сын Бориса Викторовича Томашевского, переводчик, литературовед. Ср.: «Широко образованный, был он человеком к тому же достаточно громким. Спорить обожал! <...> Походил он на пожилого, но вполне задиристого петушка» (с. 190). К этим строкам в «Мемуарах» примечание: «В Доме Книги на Невском тогда помещалось несколько издательств, в том числе и “Гослитиздат”. Позднее это издательство переименовали в “Художественную литературу”» (Мемуары. С. 190).

95.
На ракушке Венера Боттичелли —
Ну, кто там говорит про красоту?
Нет ни бедра, и титьки — еле-еле.
Нет, я уж Ренуара предпочту.
А если так придерживаться серии,
Из всех венер я выбираю ту,
Что на тахте, валяясь полусонно,
Глядит, прищурясь, с полотна Джорджоне.

<Фасад Военной школы строг и сер.
Вот поле Марсово, черно, как пашня.
Над ним, как на параде Гулливер,
Раздвинув ноги, Эйфелева башня:
У, в обморок! Так нет: ты ж офицер!
Курсантам на плацу и вовсе страшно.
(С чего бы? Башне яйца не даны:
Пускай хоть трижды лопнули штаны!)>[73]

96.
.....
.....
.....
Полвека все гитары были ржавы —
Традиция пошла от Окуджавы

<В рукописи Б после этих строк имеются еще три строфы, старательно зачеркнутые автором. Они не связаны ни с предыдущей темой (экскурсоводы), ни с последующей (картины Петербурга), поэтому печатаются без нумерации. В них, очевидно, отразились нараставшие в стране националистические тенденции.

Но что такое национализм?
Хоть лопни, он — антинационален!
Бесспорно, что любой на свете «изм»
Самоубийца, если он буквален:
Нельзя же вылечить посредством клизм
Инфаркт, к примеру? Индивидуален
К любым явленьям должен быть подход.
А посему — любая догма врет!

[73] Строфа прислана 18 декабря 2003 г. с припиской: «Вот тебе октавушки». Она находилась после строфы 95 (все строфы в этой посылке без нумерации). Возможно, это остатки замысла «заслать героя в эмиграцию».

Чем неуклонней влево или вправо,
Тем безусловнее замкнется круг.
Мне одинаково противно, право,
Любое направление из двух.
Да, мерзок национализм, но право
Разбередить национальный дух
Имеют только малые народы
Во имя сохранения свободы.

Концепцию святого превосходства
Пропагандирует любой кулик.
Лягух, свое же подчеркнув уродство,
Сам убежден, что тем он и велик.
Претензии на вечное господство
С кликушеством вокруг своих реликвий, как мы убедимся дале, —
Две разных стороны одной медали.>

Литература

Альтшуллер М.Г. Биография Онегина в руках пушкинистов, критиков и поэтов // Новый журнал. 1998. № 211. С. 173–198.

Альтшуллер М. Между двух царей. Пушкин 1826–1836. СПб.: Академический проект, 2003. 354 с.

Бетаки В. Снова Казанова. (Мееe…! МУУУ...! А? РРРЫ!!!). München: ImWerden Verlag, 2011. 383 с.

Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология / Сост. О.Б. Кушлина. М.: Высшая школа, 1993. 478 с.

Смородинская Т. Проза Пушкина в поэтическом пересказе поэтов второй половины XIX века // Континент. 1999. № 102. С. 389–396.

Судьба Онегина / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Невской и А. Невского. М.: Экост, 2001. 544 с.

Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр в СПб., 1999. 632 с.

References

Al'tshuller M.G. Biografiia Onegina v rukakh pushkinistov, kritikov i poetov [Onegin's biography in the hands of the Pushkin scholars, critics and poets]. *Novyi zhurnal*, 1998, no. 211, pp. 173–198. (In Russ.)

Al'tshuller M.G. *Mezhdu dvukh tsarei. Pushkin 1826–1836* [Between two tsars. Pushkin 1826–1836]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 354 p. (In Russ.)

Betaki V. *Snova Kazanova.(Meee…! MUUU...! A? RRRY!!!)* [Casanova again (Memoirs)]. München, ImWerden Verlag, 2011. 383 p. (In Russ.)

Russkaia literatura XX veka v zerkale parodii: Antologiia [Russian literature of the 20th century in the mirror of parody: Anthology], comp. by O.B. Kushlina. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1993. 478 p. (In Russ.)

Smorodinskaia T. Proza Pushkina v poeticheskom pereskaze poetov vtoroi poloviny XIX veka [Pushkin's prose paraphrased by poets in the 2nd half of the 19th century]. *Kontinent*, 1999, no. 102, pp. 389–396. (In Russ.)

Sud'ba Onegina [Onegin's destiny], comp., intro. and comment. by V. Nevskaya and A. Nevsky. Moscow, Ekost Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)

Chumakov Iu.N. *Stikhotvornaia poetika Pushkina* [Pushkin's poetics]. St. Petersburg, Pushkin State Theatrical Center in St. Petersburg, 1999. 632 p. (In Russ.)

"Subnovel" by Vasily Betaki and the Pushkin tradition

© 2019, Mark Altschuller

Abstract: The publication presents an unfinished narrative poem by the well-known Russian poet Vasily Betaki (1930–2013) "The Hero of the 60s. Subnovel" (1960s — 1970s). The poem follows "Eugene Onegin" and depicts literary and social life during the "Khrushchev Thaw". The preface gives a very short history of the Russian "onegiana" for approximately 150 years.

Keywords: Vasily Betaki, Alexander Pushkin, "Eugene Onegin", imitation, parody, reinterpretation, literary atmosphere, social life

Information about the author: Mark Altschuller, PhD, professor emeritus, University of Pittsburgh, USA. E-mail: altshul@pitt.edu

Citation: Altschuller Mark. "Subnovel" by Vasily Betaki and the Pushkin tradition. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 92–145. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-92-145

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-146-231
УДК 821.161.1

Письма А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову (окончание)

© 2019, Н.А. Богомолов, А.Л. Соболев

Аннотация: Впервые публикуется полный корпус писем Александра Алексеевича Кондратьева (1876–1967) к В.Я. Брюсову. Его значение выходит далеко за пределы материального памятника взаимоотношений двух поэтов, представляя собой весьма насыщенный материал по истории русского модернизма в целом. Десятки упоминаемых лиц и эпизодов литературной жизни снабжены подробным комментарием, инкорпорирующим печатаемые документы в культурный контекст эпохи. В отсутствии встречных посланий (они, по всей вероятности, утрачены вместе с обширным кондратьевским архивом), эти письма имеют первостатейное значение и для реконструкции биографии Брюсова.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, А.А. Кондратьев, история символизма, переписка, «Весы», «Русская мысль», неомифологические сочинения, модернистский эпистолярий.

Информация об авторах: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н., профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Богомолов Н.А., Соболев А.Л.* Письма А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову (окончание) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 146–231.
DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-146-231

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛН — Литературное наследство (с указанием тома).

Письма к Амфитеатровым 1 — Кондратьев А. Письма к Амфитеатровым. Публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал (Нью-Йорк). 1990. Кн. 181. С. 139–172.

Письма к Амфитеатровым 2 — Кондратьев А. Письма к Амфитеатровым. Публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал (Нью-Йорк). 1990. Кн. 182. С. 106–130.

Письма к Беру — «Напиши мне про свои розы…»: Письма А.А. Кондратьева Б.В. Беру. Подгот. к публ., вступ. ст. М.А. Перепелкина // Performance (Самара). 2006. № 4 (25). С. 8–17.

Письма к Никольскому — Письма А.А. Кондратьева к Б.В. Никольскому // ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 366.

Письма к Садовскому — Кондратьев А.А. Письма Б.А. Садовскому. Публ., подгот. текста С.В. Шумихина; предисл. и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 3–39.

Письма к Струве — Струве Глеб. Александр Кондратьев по неизданным письмам // Istituto Universitario Orientale: Annali. Sezione Slava. Napoli, 1969. Vol. XII.

Топоров — Топоров В.Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века: Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». <Trento, 1990>.

36.

16–17 июля 1910. Санкт-Петербург.

16/17 июня 1910 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Бесконечно Вас благодарю за внимание и за автограф. Когда я прочел прекрасное (как и всегда) Ваше стихотворение, мне стало неизмеримо грустно.

Если «Гимн Морфию» не представляет собой талантливой мистификации — то прославлять наркотики Вам еще рано[1]. Предоставьте это «маститым», против причисления к сонму коих Вы так протестуете[2].

Существуют иные средства получить сильные ощущения и красочные впечатления. Отправляйтесь в Одессу, сядьте там на пароход Р<усского> О<бщества> П<ароходства> и Т<орговли> и отправляйтесь круговым рейсом на Александрию[3]. Безденежьем отговариваться не следует. Круговой билет III кл. стоит 25 р. (в III кл. летом паломников почти не ездит). По пути Вы полюбуетесь на Константинополь, Митилены, Смирну, Хиос, Бейрут, Яффу[4]. Во всех этих городах пароход останавливается иногда на целый день. Очень понравится — можно остаться на неделю до следующего парохода. Смирна и Яффа — города очень интересные. Из Яффы можно съездить в Иерусалим и на Иордан.

Затем Порт-Саид. Из Порт-Саида я когда-то поехал по железной дороге в Каир (всего 3–4 часа езды), там провел несколько дней, оттуда в Александрию[5]. Там я убедился, что мальчики «Александрийских Песен» никак не могли купаться в Ниле[6]. Из Александрии же можно сесть с тем же билетом на паром прямого александрийского рейса и через Пирей вернуться в Одессу[7]. Море удивительно успокаивающе действует на нервы. Цвета его постоянно меняются и радуют взор.

Около Смирны есть пригородный, несколько тысячелетий существующий квартал куртизанок всех цветов кожи. Посмотреть их весьма любопытно. Восточные базары сохранили местами свою средневековую прелесть… Право, поезжайте туда!

Сколько новых стихотворений вы нам привезете из своего путешествия…

Чулковских статей я никогда не мог одолеть[8]. Они для меня удивительно скучны и неинтересны. Всё равно как рассказы Осипа Дымова (с самою маленькою гражданскэю ноткэ)[9]…

Если Вас что-либо из перечня С.П.Х. заинтересует, напишите мне (я более или менее помню содержание писем)[10]. В настоящее время копии их она вряд ли пошлет в редакцию Р<усской> М<ысли>, т.к. она была недовольна долгим и бесплодным их пребыванием в В<естнике> Е<вропы>, куда она их отдала лишь после категорического обещания их напечатать.

Жму крепко руку и желаю Вам бодрости, здоровья и сил.

Александр Кондратьев

Мой городской адрес: СПБ. Сергиевская ул. д. 61. кв. 26. Дачный: ст. Поповка, Ник. Ж.д., Подобедовка. Большой проспект. Дача Кондратьевых. Служебный — Канцелярия Гос. Думы.

==

РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 91. Из-за технического сбоя это письмо помещено в корпус с легкой погрешностью против хронологии; оно должно находиться между №№ 31 и 32.

---

[1] Текст Брюсова с таким названием нам неизвестен. В начале 1910-х гг. Брюсов боролся с наркотической зависимостью, ср. в письме И.М. Брюсовой (жены) к Н.Я. Брюсовой (сестре) от 24 мая 1912 г. (дата по почтовому штемпелю): «Только об одном могу я говорить, думать. Я думала, что в прошлом году весной мне удалось вылечить Валю. Я ошибалась. Всё продолжается по-прежнему. Что делать дальше — не знаю. <…> Я в полном отчаянии. Ведь это сумасшествие. (Вы поняли, что я говорю о мор<ф>ии). Когда он под влиянием этого ужасного морфия, то сразу делается моим врагом, в буквальном смысле; в него вселяется какой-то демон, он делает всё, всё напротив. А мне приходится шпионить, уличать. <…> Если придумаете что-нибудь, дайте совет, что делать.

Есть люди, ужасные, умышленно распространяющие зло, их бы надо казнить. Теперь Вы больше не удивляетесь, что я вам не пишу, я последнее время могу только плакать» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 18).

[2] Возможно, Кондратьев подразумевал здесь А.К. Толстого: в биографическом очерке он особенно отмечал, что рядом с его смертным ложем был обнаружен «пустой пузырек из-под морфия и шприц» (*Кондратьев А*. Граф А.К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912. С. 86).

[3] «Русское общество пароходства и торговли» — одна из крупнейших российских судоходных компаний; см. о ней: *Трифонов Ю.Н*., *Лемачко Б.В*. Русское общество пароходства и торговли. 1856–1932 годы (краткий исторический справочник). СПб., 2009. Среди регулярных маршрутов «Общества» — «Линия Александрийская круговая»; рейс отправлялся раз в две недели по субботам в 4 часа дня из Одессы круглогодично (см.: Путеводитель Русского общества пароходства и торговли. 1911 год. <Одесса, 1911>. С. 102).

[4] Между Одессой и Александрией пароход делал двенадцать остановок. Из перечисленных Кондратьевым ныне по-другому называется Смирна: сейчас это турецкий Измир.

[5] Кондратьев был в Египте летом 1906 г.

[6] Подразумеваются строки из стихотворения «Солнце, солнце…», входящего в цикл «Мудрость» «Александрийских песен» М.А. Кузмина: «И мальчики идут со смехом / купаться к Нилу». Кондратьев имеет в виду, что Александрия находится в нескольких десятках километров от устья Нила.

[7] Пароходы, следующие по маршруту «Линия Александрийская прямая», отправлялись еженедельно, из Александрии по вторникам в 4 часа дня, заходя по пути в Пирей, Смирну, Дарданеллы и Константинополь. Дорога до Одессы занимала ровно неделю без одного часа (см.: Путеводитель Русского общества пароходства и торговли. 1911 год. <Одесса, 1911>. С. 101).

[8] Возможный повод вспомнить о статьях Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939) — появление его (по собственному определению) некролога закрывшемуся журналу «Весы»: Аполлон. 1910. № 7. С. 15–20.

[9] Вероятно, Кондратьев пытается имитировать еврейский акцент, намекая на происхождение Осипа Дымова (Иосифа Исидоровича Перельмана; 1878–1959).

[10] Софья Петровна Хитрово. Начало сюжета см. в п. 31.

37.

7 марта 1911. СПб.

Сергиевская 61 кв. 26

7 марта 1911 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Послал Вам на днях, по неосторожности, обыкновенною бандеролью вторую книгу рассказов моих «Улыбка Ашеры»[1]. *Если Вы ее не получили*, — благоволите мне написать. Я вышлю тогда другой экземпляр, на этот раз заказной бандеролью.

Буду весьма рад и счастлив, если Вы сохраните для меня если не оттиск, то хотя <sic> корректуру Ваших будущих статей о римских поэтах,

имеющих появиться в Русской Мысли[2]. Авзоний, которого я перелистывал, мне кажется скучным; но Клавдиан — прелесть!

Равным образом Вы окажете большое мне одолжение, если распорядитесь в Русской Мысли выслать мне оттиск или исправленную корректуру моего рассказа «Голова Медузы» после того как она появится[3].

Жму крепко Вашу руку и желаю счастья.

Александр Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 28.

Открытка. П.ш.: СПб (7.3.11), Москва (8.3.11).

---

[1] Экземпляр сохранился: НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1136; дарственная надпись: «Глубокоуважаемому и любимому Валерию Яковлевичу Брюсову — преданный автор. 3 марта 1911 г.».

[2] См. примеч. 2 к п. 34.

[3] См. примеч. 4 к п. 27.

38.

1 апреля 1911. СПб.

1 апр. 1911 г.

СПБ. Сергиевская 61 кв. 26.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Сердечно благодарю Вас за книгу, которая меня очень обрадовала и сама по себе и как лестный мне знак Вашего внимания[1]. Надеюсь в скором времени и самому прислать Вам книгу мою об Алексее Толстом, которую взялось напечатать Кн<игоиздательст>во «Огни»[2]. Там будут новые стихотворения этого поэта, часть коих перепишу и вышлю Вам предварительно.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 29.

Открытка. Неразборчивый почтовый штамп.

---

[1] Не вполне понятно, о какой книге идет речь. У Брюсова в 1911 г. помимо третьего издания сборника «Земная ось» вышли отдельные оттиски психодрамы «Путник», статьи «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония. (Век

Авсония. Семья и детство. Годы учения. Профессорская деятельность. При дворе Валентиниана. Последние годы жизни. Сочинения Авсония)», отдельные главы «Алтаря победы», а также книга переводов из Верлена (за три последних сочинения Кондратьев благодарил отдельно). Вероятно, подразумевается именно «Путник».

[2] См. примеч. 8 к п. 34.

39.

12 апреля 1911. СПб.

Сергиевская 61 кв. 26

12 апр. 1911 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Душевно благодарю Вас за ласковое слово об «Улыбке Ашеры»[1]. Оно подкрепляет и утешает меня при всеобщей ледяной холодности и молчании, которыми встречена была эта книга[2]. Присылка Вами неизвестного мне дотоле Вашего портрета вознаградила меня за утрату первого письма.

Дорогой Валерий Яковлевич, Вы интересуетесь французской поэзией. У меня есть совершенно мне не нужный томик Артюра Римбо: «Poèmes. Les Illuminations. Une saison en enfer. Notice par Paul Verlaine.» Paris. Léon Vanier, Librairie-editeur. 19 Quai Saint-Michel, 19, 1892. Я купил эту книгу за несколько копеек у букиниста. Она исчерчена карандашом. К печатным стихам приписаны продолжения или рецензии, порою тоже стихами, за подписью К.Ф. Надписи относятся к 1895 году. Если у Вас нет этого томика, я немедленно Вам его вышлю, хотя и опасаюсь немного, что почта придерется к припискам[3]. Напишите только, есть ли у Вас эта книга, и я Вам ее тем или иным способом доставлю.

11 мая мне придется выступать во Дворце Правосудия. Не хочу доверять защиту Песен Билитис тем адвокатам, которые предлагают бесплатную защиту; не имею средства нанять тех, которые сумели бы ее защитить. Буду защищать сам, хотя и совершенно лишен дара свободного слова. Не считаю себя вправе слагать оружие и покоряться до последней возможности[4].

Из петербургских новостей — приехал из Абиссинии Гумилев. Читал доклад о своем путешествии в редакции Аполлона[5]. Тема доклада была очень опасная и требовала многих умолчаний, чтобы не напомнить героя нескольких наиболее удачных романов Додэ[6]. С трудностями доклада Гумилев справился. Описывал он и свою охоту на льва, и то, как его мотал на рогах африканский буйвол (при описании этих двух эпизодов в особенности чувствовались фигуры умолчания)…

В книге Вашей о Верлэне я с радостью нашел авторитетное подтверждение тем моим положениям, которые высказал в прошлом году в Академии Поэтов Вяч. Ив. Иванову, оспаривая его мысли о едином символизме[7]. Мне так приятно было прочесть стр. 59 и 60 с перечислением (куда более точным и полным) нередко враждебных друг другу школ и учений, объединенных кличкою декадентства[8]. Тогда он только усмехнулся с добродушным высокомерием и ответил мне какою-то общею фразой об опасности ссылок на Реми-де-Гурмона, который — очень коварный писатель…[9]

Теперь я вижу, что далеко не был неправ. Прилагаю список, вероятно, неизвестной Вам первоначальной редакции Колокольчиков гр. Алексея К. Толстого[10].

Жму крепко руку и желаю счастья.

Вам преданный Александр Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 25–25 об.

Закрытка. П.ш.: СПб (12.4.11), Москва (14.4.11)

---

[1] Вероятно, отзыв содержался в утраченном письме: печатные рецензии Брюсова на «Улыбку Ашеры» нам неизвестны. Ср., кстати, в письме Кондратьева к Г.П. Струве от 30 апреля 1932 г.: «При жизни он <Брюсов> очень был ко мне расположен. Несмотря на то, что я никогда о нем при жизни не писал, он немедленно приглашал меня во все редакции, к которым имел отношение (познакомил меня и с Петром Бернгардовичем <Струве>). В письмах своих называл “Улыбку Ашеры” лучшей русской прозой из современных <…>» (*Письма к Струве*. С. 31). См. также в письме к М.Г. Веселковой-Кильштет от 5 декабря 1911 г.: «Я заметил, что на больных книжка моя производит более благоприятное впечатление, чем на здоровых. Мною получено только одно столь же сочувственное письмо (правда, написанное в менее теплых тонах), посланное человеком, познакомившимся с “Улыбкой Ашеры” во время болезни. Это был В. Брюсов. Люди же здоровые отнеслись к ней, в громадном большинстве, равнодушно» (ИРЛИ. Ф. 43. № 281. Л. 8–9).

[2] Буквально через две недели после этого письма, 25 апреля, в газете «Утро России» появилась весьма комплиментарная рецензия Н.И. Петровской: «В “Улыбке Ашеры” уже чувствуется та спокойная сознательность художественной работы и то ясное понимание поставленных целей, к которым подходит в эпоху своего расцвета всякий настоящий талант. Рассказы Кондратьева легки, изящны, просты и полны своеобразной красоты линий, красок и движений, как античные фрески. Боги, музы, герои, нимфы, прекрасные юноши, женщины, сатиры — мифологические образы, прекрасные и хрупкие, как сон... Священные рощи, блаженные долины, неведомые острова, пещеры и “мрачные своды Аида”, — вот в какой мир переносят нас рассказы Кондратьева, и они покоряют воображение, они отрывают от действительности, — эти томительно влекущие видения фантазии, опьяненной своими неотступными мечтами» (*Петровская Н.* Разбитое зеркало: Проза, мемуары, критика / Сост. М.В. Михайловой; вступ. ст. М.В. Михайловой и О. Велавичюте; коммент. М.В. Михайловой и О. Велавичюте при участии Е.А. Глуховской. М., 2014. С. 614).

[3] Среди сохранившейся части библиотеки Брюсова (НИОР РГБ. Ф. 386. Книги) этого издания нет, так что намерение Кондратьева могло не осуществиться.

[4] См. примеч. 8 к п. 44.

[5] Гумилев вернулся из своего второго африканского путешествия 25 марта 1911 г. (см. прежде всего «неакадемические комментарии» Е. Степанова: http://gumilev.lit-info.ru/gumilev/bio/neakademicheskie-kommentarii-2-stepanov.htm). Доклад в редакции «Аполлона» состоялся 5 апреля 1911 г.; см. его конспект, отложившийся в бумагах Вяч. Иванова: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Новонайденный конспект выступления Н.С. Гумилева в редакции журнала «Аполлон» 5 апреля 1911 г. // Н. Гумилев и русский Парнас. СПб., 1992. С. 101–103. Кондратьев приветствовал его возвращение стихотворением «Песнь торжественная на возвращение Гумилева из путешествия в Абиссинию» (*Кондратьев А.А.* Собр. соч.: В 2 т. / Сост. Е. Витковский, А. Степанов. М., 2018. Т. 2: Филин Персефоны. С. 500).

[6] Ср. в поздних воспоминаниях Кондратьева: «Помню состоявшийся в редакции “Аполлона” доклад Гумилева об одном из его путешествий в Абиссинию и о художниках этой страны. Самая большая из комнат редакции была заставлена привезенною им с собою большой коллекцией картин темнокожих маэстро (по преимуществу на библейские темы). Николай Степанович рассказывал тогда и об охотах своих на африканских зверей, о неудачном подкарауливании льва, о встрече с буйволом, высоко подбросившим поэта в колючие кусты, о столкновениях с разбойничьим племенем адалей и тому подобных интересных вещах. Рассказывал Гумилев о своих охотничьих подвигах очень скромно, без всяких прикрас, видимо, более всего боясь походить на Тартарена. Тем не менее, друзья-поэты изобразили его похождения в нескольких юмористических стихотворениях» (*Кондратьев А.* Из литературных воспоминаний // Последние известия (Ревель). 1927. № 48, 20 февр. С. 3).

[7] Предварительный очерк отношений Кондратьева с Вяч. Ивановым см.: Два письма А.А. Кондратьева к В.И. Иванову / Публ. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 107–113. Об участии Кондратьева в дискуссии см.: *Богомолов Н.А.* Заметки о русском модернизме // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 246–247; перепеч.: *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 435–436.

[8] Имеются в виду разделы «От переводчика» и «Критико-биографический очерк» в кн.: *Верлен П.* Собрание стихов / Пер. В. Брюсова. М., 1911.

[9] Произнося фразу об опасности ссылок на Реми де Гурмона, Иванов, скорее всего, имел в виду предисловие к первому тому «Книги масок», где Гурмон писал: «В писателях нового поколения мы будем <...> выдвигать не то, что соединяет их между собою, а то, что их разъединяет. Мы постараемся показать, на чем именно держится их бытие, потому что существовать значит иметь свои отличительные особенности» (*Гурмон Р. де.* Книга масок / Пер. с фр. Е.М. Блиновой и М.А. Кузмина. [СПб.], 1913. С. X–XI).

[10] Нынешнее местонахождение рукописи неизвестно.

40.
24 апреля 1911. СПб.

СПБ. Сергиевская 61 кв. 26.

Сердечно благодарю Вас, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, за оттиск Вашей статьи об Авзонии[1]. Я не мог оторваться от нее, пока не прочел всей. И Авзоний, которого я до той поры почти презирал (лишь

перелистывая), сразу стал для меня интересным. И я вновь стал его перелистывать, на этот раз более внимательно… Увы, в моем издании (Paris. MDCCLXIX с присоединением перевода аббата Jaubert[2]) многого не хватает. Напр., в Centon'e из отдела Imminutio помещено всего три строки. Остальное пропущено… Еще раз спасибо за внимание и за книгу.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 30.

Открытка. П.ш.: СПб (24.4.11); Москва (26.4.11).

---

[1] См. примеч. 2 к п. 34.

[2] Подразумевается издание: Œuvres d'Ausone, traduites en français par M. l'Abbé Jaubert. Paris, 1769.

41.

19 августа 1911. Дорогобуж.

19 августа 1911 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Не получал в течение всего лета ни от кого вестей о Вас. Иногда вижу Вас во сне (напр. сегодня) и забеспокоился: здоровы ли Вы? Как подействовала на Вас смерть бывшего Вашего ментора[1]? Я бы на Вашем месте, вероятно, не мог горевать. Почему — сам не знаю. Вернулся на днях из кратковременной поездки в Австрию, которая под боком от того места, где живу. В Кракове поляки собираются отстроить подобие палаццо дожей из кирпичных стен, вмещавших когда-то королевский дворец на Вавеле…[2] Но пока сделано мало. Видел там же художественную выставку — слаба! Долгое время не мог здесь ничего писать. Теперь, как будто, могу. Набросал начерно рассказ.

Ем очень много слив, груш и яблок, собственноручно снимая их с дерева. Жалел, что в юные годы не испытывал радости: сидя на вишневом дереве лакомиться темными крупными ягодами. Это такая прелесть, с которой вряд ли может сравниться обладание всеми черкешенками турецкого султана. Жму крепко Вам руку и от души желаю счастья. В сентябре думаю перебраться в Петербург (Канцелярия Гос. Думы). А теперь адрес мой: Почтовая станция Гоща *Волынской* губернии. Именье Кра-

совской при селе Дорогобуже. Вас искренно любящему и почитающему Ал. Кондратьеву.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 27.

Открытка. Дата читается нетвердо, возможно — 14 августа.

---

[1] Скорее всего, имеется в виду В.О. Ключевский, скончавшийся 25 мая. Об университетских впечатлениях от его лекций см.: *Богомолов Н.А.* Университетские годы Валерия Брюсова: Студенчество (1893–1899). М., 2005. С. 45; перепеч.: *Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М., 2010. С. 185–186.

[2] Вавель — холм в Кракове, на котором, среди прочего, располагается кафедральный собор и королевский замок. После многочисленных разрушений, причиненных австрийскими войсками, в 1911 г. начались масштабные реставрационные работы, которые и имеет в виду Кондратьев.

42.

27 сентября 1911. СПб.

27 сент. 1911

Большое спасибо, дорогой Валерий Яковлевич, за присланное Вами начало «Алтаря Победы»[1]. Я был уже обрадован тем, что Вами роман этот написан (прочел в Думской библиотеке книжку Русской Мысли), но когда получил от Вас оттиск, мне стало еще приятнее, что Вы меня не забываете… Начал уже читать корректуры своего Алексея Толстого. Печатание их несколько задерживается тем, что в той же книге появится, в качестве приложения, перепечатка стихов Толстого переписанных им для А.О. Смирновой, вероятно, около 1850 г. Над редакцией их работает Ляцкий, которому я дал между прочим и материал для примечаний к ним[2].

Летом отдохнул и набросал начерно два мифологических рассказа. Стихи, к сожалению, не удавались.

Переезжаю теперь в Петербург из Поповки[3], куда я по возвращении с Волыни, перевез семью по случаю ремонта городской квартиры.

Прилагаемая карточка куплена мною для Вас в Кракове[4]. Быть может, пригодится когда-нибудь в качестве иллюстрации для одного из Ваших стихотворений, когда последние будут издаваться Брокгаузом и Эфроном на манер пушкинских, со статьями, примечаниями и рисунками.

Будьте же здоровы и почаще дарите нас, читателей, такими прекрасными произведениями, как Алтарь Победы.

Еще раз благодарю Вас за внимание

Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 31–32.

На бланке «Таврический дворец».

---

[1] Первые главы повести «Алтарь победы» напечатаны: Русская мысль. 1911. № 9. Отд. I. С. 3–36. Отдельные оттиски библиографией не зарегистрированы.

[2] См. примеч. 3 к п. 44.

[3] Ст. Поповка Николаевской ж. д.

[4] Прилагавшаяся карточка ныне отсоединена и, вероятно, утрачена.

43.

19 ноября 1911. СПб.

19 ноября 1911

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

В настоящее время трудно встретить в литературной среде доброжелательство подобное тому, какое Вы ко мне проявляете. Зная, как люблю я читать всё, что выходит из-под Вашего пера, Вы щедро шлете мне книги, Вами написанные, и не заботитесь о том, в состоянии ли я предложить Вам достойный эквивалент. Вдвойне благодарю Вас за то, что не забыли обозначить в этой книге меня и не упомянули о слабом, вызвавшем справедливые нападки Ваши, первом сборнике моих стихов[1].

Никто из обозревателей нашей литературы в своих книгах о последней <sic> не писал обо мне более двух-трех мимолетных строк. Ваша заметка важна для меня между прочим потому, что многие критики списывают свое мнение с Вашего, а руководствуются Вашими оценками — все…

Недавно я прочитал корректуру последнего листа своей книги об Алексее Толстом. Кн<игоиздательст>во «Огни» (Е.А. Ляцкий) обещало мне выпустить ее еще осенью, но страшно тянет с изданием[2]. И вот

на днях я дождался выхода в Нов<ом> Времени статьи М. Жемчужникова, сообщающей часть имеющихся в книге сведений[3].

Я объясняю такую медлительность следствием отказа моего Ляцкому поместить на заголовке книги, что она будто им была редактирована…

Все-таки я надеюсь, что к началу декабря книга моя выйдет, и первый экземпляр, который я пошлю, будет Ваш.

Жму крепко руку и желаю успеха во всех Ваших многочисленных трудах.

Ал. Кондратьев.
Сергиевская 61 кв. 26

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 34–35 об.

На бланке «Таврический дворец».

---

[1] Подразумевается вышедшая в последние недели 1911 г. книга Брюсова: Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., 1912. Среди прочего в нее включена рецензия на вторую книгу стихов Кондратьева (С. 174–175).

[2] Книга вышла в последних числах декабря 1911 г. (см. примеч. 1 к п. 44), официально зарегистрирована в начале января 1912 г. (см.: Книжная летопись главного управления по делам печати. № 2, 14 янв. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 3-го по 10-е января 1912 г. С. 16).

[3] *Жемчужников М.* Легенда о происхождении графа Алексея Константиновича Толстого // Новое время. 1911. № 12820, 19 нояб. С. 6–7 (иллюстр. прилож.).

44.

27 декабря 1911. СПб.

СПБ. Сергиевская ул. д. №61, кв. 26.

27 декабря 1911 г.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Выслал Вам сегодня заказной бандеролью свою книжку об Алексее Толстом[1]. Вышла она такая тощенькая, что смотреть жалко на такое худосочное детище. Вероятно, это оттого, что я уклонялся от больших выписок и извлечений из разных общеизвестных воспоминаний и зачастую ограничивался лишь указанием на них. Главное достоинство или, вернее, интерес книги — это находящиеся в тексте ее отрывки и черновики

ненапечатанных стихотворений. У Срезневского, на которого я обыкновенно ссылаюсь, приводя текст, напечатаны, главным образом, только начала стихотворений или же они у него вовсе отсутствуют[2]. Ссылался же я, имея главным образом в виду наследников литературного имущества поэта. Кое-какой интерес представляют и перепечатки из тетради, принадлежащей Ляцкому (она, как я доискался, принадлежала когда-то Смирнову, мужу Александры Осиповны урожд. Россетт)[3]. Увы, книга моя только первая ступень к биографии, а не самая биография, хотя она значительно полнее чисто компилятивной работы Левенстима[4]. В работе моей есть ссылки на ненапечатанные письма Толстого, которых я не читал. Я лишь записывал, что успевал, пока мне их читала умершая ныне Софья Петровна Хитрово (да и то она их читала не целиком)[5]. Очень трудно было добиться того, чтобы она кое-что прочла. Н.А. Котляревский и того не добился[6]. А если бы Вы знали, какого труда стоило мне добиться письменного разрешения, чтобы получить доступ к черновым рукописям поэта, хранящимся в Академии Наук! Буду надеяться, что после выхода книги ко мне притечет и новый материал для биографии. Очень меня интересуют кроме А.К.Т. также Щербина, Мей и Аполлон Майков[7]. Их взаимоотношениями я не прочь был бы заняться. С благодарностью приму все указания Ваши, если бы таковые когда-либо от Вас получил.

Ведете Вы или нет дневник, Валерий Яковлевич? Ведь он был бы самым важным пособием при изучении нашего периода литературы. Вам необходимо его вести уже потому, что потом на Вас будут возводить всякую небылицу, а дневник или воспоминания, подписанные Вами, все-таки будут документом более достоверным, чем что бы то ни было, и многое опровергнет.

В декабре я выступал в Судебной Палате, защищая песни Билитис, но неудачно[8]. Палата утвердила приговор Суда об уничтожении. Не знаю, буду ли подавать в Сенат. Необходимо, чтобы последний высказался, ибо при нынешнем толковании ст. 1001[9] безусловному уничтожению подлежат почти все произведения античной литературы, при старом режиме бывшие неприкосновенными. Как юрист я считаю современное толкование ст. 1001 нарушением ее смысла, т.к. она требует для уничтожения книги наличности двух признаков: 1) безнравственности 2) неблагопристойности (внешней неприличности изложения), а не одного какого-либо из них.

Жму крепко руку. Ваш Ал. Кондратьев.

<*Приписка на первом листе*:> Не слыхали ли Вы что-нибудь о новом издании сочинений Щербины?[10]

Все остальные жители Москвы книгу мою получат значительно позже.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 23.
Закрытка. Штамп: СПб (27.12.11).

---

[1] Экземпляр сохранился: НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1137; дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову искренно ему преданный автор. 26 декабря 1911».

[2] Имеются в виду две работы библиографа и историка литературы Всеволода Измайловича Срезневского (1867–1936): *Срезневский В.И.* Автографы графа А.К. Толстого (собрание Академии наук) // Известия Академии наук. 1905. № 4. С. 281–293 (отд. оттиск с вых. данными: СПб., 1906); *[Б.п.]* Материалы для биографии А.К. Толстого. Автографы А.К. Толстого // Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Имп. Библиотеки Академии наук в 1904 г. СПб., 1907. С. 108, 124–132.

[3] В предисловии Кондратьев писал: «Напечатанные во втором отделе книги стихотворения извлечены из принадлежащей Е.А. Ляцкому тетради стихов гр. А.К. Толстого, написанных неизвестной рукой, с собственноручным посвящением поэта знаменитой Александре Осиповне Смирновой (оно воспроизводится нами). Тетрадь занимает 116 страниц, из которых, на 104, помещены 22 пьесы, представляющие собою в большинстве случаев ранние редакции стихотворений, позже значительно переработанных. Эти редакции являются в высшей степени важными для истории творчества нашего поэта и, не считая себя вправе напечатать всю тетрадь в целом, мы приводим лишь те пьесы и отрывки, которые заключают особенно существенные отклонения от основных текстов печатных изданий. Считаем при этом долгом выразить нашу глубокую признательность Е.А. Ляцкому за предоставление тетради с упомянутыми вариантами в наше распоряжение и Е.М. Мухановой за любезное разрешение воспользоваться ими для печати <…>» (*Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912. С. 3). Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942) — историк литературы, этнограф; основатель издательства «Огни», в котором вышла монография Кондратьева. Муж Смирновой-Россет — Николай Михайлович Смирнов (1807–1870) — крупный чиновник и дипломат. В современной литературе эта тетрадь (нынешнее местонахождение неизвестно) считается принадлежавшей самой Смирновой (см., напр.: *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений / Изд. подгот. В.А. Котельников и А.П. Дмитриев. СПб., 2016. Т. 2. С. 82, 751).

[4] Имеется в виду работа: *Левенстим А.* Граф А.К. Толстой, его жизнь и произведения // Вестник Европы. 1906. № 10. С. 487–520. Левенстим Август Адольфович (1857–1915) — правовед, адвокат, собиратель.

[5] См. примеч. 2 к п. 31.

[6] Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — историк литературы, академик, директор Пушкинского Дома. Толстому посвящена глава в его книге «Старинные портреты» (СПб., 1907. С. 273–416).

[7] Кондратьев писал о Н.Ф. Щербине (см.: Кондратьев А. Молодость поэта Щербины // Русская мысль. 1914. № 4. Отд. II. С. 118–134); его работы об А. Майкове и Л. Мее нам неизвестны.

[8] Речь идет о судьбе подготовленной Кондратьевым книги: *Луис П.* Песни Билитис / Пер. А. Кондратьева. 2-е изд. СПб.; М., 1911. В письме Б.В. Никольскому от 22 января 1911 г. Кондратьев рассказывал:

Меня постигла неприятность со вторым изданием «Песен Билитис». Пишу Вам подробности, т.к. то участие, которое Вы до сих пор во мне принимали, дает мне надежду, что Вы и теперь не оставите меня без доброго совета.

История такова. Первое издание выпущено было мною в 1907 г. самостоятельно. Типография Р. Голике, насколько мне известно, исполнила все формальности. Книга эта теперь распродана и дала мне в свое время возможность выпустить 2 моих собственных книги. Она тотчас же была отдана на склад в книжные магазины Вольфа, где и распродавалась вполне беспрепятственно, и никаких уведомлений об ее преследовании ни Вольф, ни я не получали, хотя слухи о ее запрещении одно время и носились. Теперь Вольф издал 2-ое издание, которое и было арестовано еще в типографии, так что даже я не получил своего авторского экземпляра.

Если эту книгу уничтожат, то мне нельзя будет самостоятельно оплатить уже печатающегося 2-го сборника рассказов моих, а, кроме того, уничтожено будет художественное произведение, над языком которого я много и с любовью работал. Французское издание этой книги иностранною цензурой разрешено и свободно продается. Некоторые фрагменты из «Песен» исполнялись на сцене, но ввиду отсутствия успеха у широкой публики были сняты со сцены.

Не сочтете ли Вы нужным и полезным, чтобы я явился в Управление по делам печати и попытался все это объяснить? И если это будет полезно, то к кому и куда Вы посоветовали бы мне явиться?

(*Письма к Никольскому.* Л. 50–50 об.). Невзирая на описанные далее усилия обвинительный приговор был подтвержден, и книга подверглась уничтожению.

[9] Имеется в виду 1001 статья Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, направленная против сочинений, «имеющих целию развращение нравов или явно противных нравственности и благопристойности» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. С дополнениями по 1-е января 1876 г. / Сост. Н.С. Таганцевым. СПб., 1876. С. 430–431).

[10] Сколько-нибудь значительных изданий Щербины около 1911 г. предпринято не было, за исключением, может быть, отдельного оттиска из «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук»: *Кашин Н.П.* Неизданные произведения Н.Ф. Щербины. СПб., 1910.

45.

17 января 1912. СПб.

17 янв. 1912 г.

Большое спасибо, дорогой Валерий Яковлевич, за добрый и приятный для меня отзыв о моей книге[1]. Я надеюсь, что если Вы заметите там еще какой-нибудь промах, — будете добры сообщить его мне. В книжке Русской Мысли, которую я прочел, есть указание на излишнее доверие к Воспоминаниям Фета[2]. Если Вы подразумевали рассказ о сжигаемых стогах сена, то сведение это было подтверждено мне племянницей жены поэта, Софьей Петровной Хитрово[3]. Что касается до рассказов Ал. Ив. Кривского (мемуары его мне не известны), то я многого из них не считал себя в праве печатать[4]. Сообщил же лишь то, что прямо или косвенно было подтверждено тою же С.П.Х., очень его не любившей…

К сожалению, я познакомился с ним, когда он был уже очень стар и многое забыл… Конечно, в книге есть много других недостатков, на которые Вы, по великодушию или за недостатком времени, не обратили внимания. Еще раз сердечно благодарю Вас за рецензию. Приятно прочесть о себе в Русской Мысли, да еще похвалу, да еще Вашу!

В настоящий момент меня угнетает писание протокола заседания комиссии по запросам относительно с-д. второй Думы. Скучно.

В свободные моменты пишу иногда наброски рассказов или читаю. Единственная вещь, меня теперь интересующая, — это Алтарь Победы[5]. У толпы эта вещь, вероятно, успеха иметь не будет, но некоторым язычникам он запомнится в мельчайших подробностях. Ваш Ал. Кондратьев.

Искренно желаю долголетия и счастья.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 2.

Открытка. П.ш.: СПб (17.1.12); Москва (19.1.12).

---

[1] Подразумевается рецензия Брюсова на книгу Кондратьева об А.К. Толстом (Русская мысль. 1912. № 1. Отд. IV. С. 3).

[2] Имеется в виду упрек из той же рецензии: «К числу недостатков книги мы должны отнести не всегда достаточно критическое отношение ее автора к источникам (например, его излишнюю доверчивость к показаниям “Воспоминаний” А. Фета и мемуаров А.И. Кривского)» (Русская мысль. 1912. № 1. Отд. IV. С. 3).

[3] Подразумевается следующее место книги: «Приезжавший к Толстому в июле 1869 г. Фет также оставил нам кое-какие сведения о жизни поэта в Красном Роге. <…> Особенно поразило его обилие стогов сена, которые вместо того, чтобы продавать, по временам сожигались <sic> по личному приказанию графа, любившего во время зимней прогулки в санях полюбоваться световыми эффектами горящего сена» (*Кондратьев А.* Граф А.К. Толстой. СПб., 1912. С. 72). В воспоминаниях Фета эстетический эффект мероприятия не упоминается: «Там, где леса разбегались широкими сенокосами, я изумлялся обилию стогов сена. На это мне пояснили, что сено накопляют в продолжение двух-трех лет, а затем (кто бы поверил?), за неимением места для склада, старые стога сжигают. Этого хозяйственного приема толстого господина, проживавшего в одном из больших флигелей усадьбы, которого я иногда встречал за графским столом в качестве главного управляющего, я и тогда не понимал и до сих пор не понимаю» (*Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848–1889. Ч. II. М., 1890. С. 186).

[4] Александр Иванович Кривский (1840–1916) — врач, живший у Толстого в Красном Роге и бывший адресатом ряда его шуточных стихотворений. Из его опытов в мемуарном жанре известен лишь лаконичный автобиографический очерк: *Кривский А.И.*, *Чемезов В.И.* Двадцатипятилетие деятельности врачей, окончивших курс в имп. Медико-Хирургической академии в 1868 году. СПб., 1893. С. 70–71; там же кратко упоминается и его служба в больнице, устроенной С.А. Толстой. В письме от 13 февраля 1907 г. Кондратьев рассказывал П.В. Быкову: «Благодарю за “Берестовую будочку”. Я слышал ее (и записал) от доктора Ал. Ив. Кривского, который забыл лишь две первых строчки последней строфы. К нему и относится весь цикл медицинских стихотворений, писавшихся обыкновенно за обедом или непосредственно после (но в том только случае, если суп был приготовлен удачно)… Года два тому

назад этот Кривский жил в двух шагах от Вас (тоже на Коломенской ул.) и охотно рассказывал что помнил о жизни своей в Красном Роге, где был домашним врачом. Он обладает двумя фотографическими карточками А.К. и его жены и может кое-что рассказать. У него была даже целая тетрадь записанных им стихотворений Алексея Толстого, но тетрадь эта у него пропала, хотя он и не теряет надежды получить утраченную рукопись от приятеля, купившего дачу, где та осталась. Быть может, он ее и получил… К нему же относится стихотворение о яйцах, обращающихся, по мнению пономаря, в янтарь. (Было напечатано в В<естнике> Евр<опы>)…. <…> Увы, целой “Пиявки” у меня нет, т.к. в памяти Кривского уцелело лишь четыре строки… Быть может, он теперь вспомнил…» (ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 284. Л. 1–1 об).

[5] См. примеч. 1 к п. 42.

46.

19 марта 1912.

Сергиевская 61, кв. 26

19 марта 1912 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Сердечно Вас благодарю за память обо мне и за прекрасную книгу, присылкою которой меня Вы почтили[1]. От книги этой, самой утонченной из всех Ваших книг, я не мог оторваться, пока не дошел до последней страницы. Половину помещенных в ней стихотворений я знал уже ранее и любил, как люблю все, что исходит из-под Вашего пера. Неделю и более тому назад я дважды очень был огорчен Вашим отсутствием на вечернем и дневном чествовании двадцатипятилетия литературной деятельности Бальмонта[2]. Причина огорчения исключительно та, что мне не удалось Вас видеть и слышать. В Неофилологическое Общество я пошел только потому, что Ваше имя стояло на программе. Я от души негодовал на курсисток, шептавших сзади меня: «Ах, какая жалость, нет ни Брюсова, ни Блока»[3]… Впрочем, то были барышни, тяготевшие и к Вячеславу Иванову…[4] Я даже, наконец, во сне увидел себя поджидающим Вас на какой-то лестнице и, наконец, и нашу встречу.

Увы, видеть Вас во сне примета очень недобрая. Ваш мрачный вид, в котором Вы мне представились, был отражением или предшествовавшею тенью одного очень тяжелого семейного обстоятельства, которое, кажется, и Вы испытали…[5]

Но разрешите перейти к Вашим стихам. Среди них есть, между прочим, одно, очень хорошее, стихотворение, которое как-то не вяжется с Вашим римским мировоззрением. Вы, вероятно, сами знаете, какое. Стихотворение это доставило Вам, быть может, тактический успех, но повредило цельности Вашего римского «я» и тому обаянию, которое Вы производили на кучку (крайне немногочисленную и разрозненную)

среди десятков тысяч Ваших поклонников, еще более, б<ыть> м<ожет>, увеличившихся после появления в Русской Мысли этого стихотворения… Простите, что я говорю с Вами так откровенно. Оно прекрасно, это стихотворение, но ни Тютчев, ни Пушкин, ни Лермонтов под ним бы не подписались…[6]

Что я могу написать о себе? Написанных за последнее лето рассказов еще не трогал. Пусть вылежатся. Занимался недавно отделкою сработанной три года назад повестушки для детей; набрасывал и отложил до более благоприятного времени небольшую вещицу из жизни какой-то древнегреческой поэтессы; пытался царапать какие-то слабые quasi-восточные стихи. Если бы я не был уверен, что редакционные Ваши корзины полны поэтическими излияниями Ваших корреспондентов, то и сам давно бы прислал Вам 2–3 вещицы получше…

В Петербурге пронесся одно время слух о переносе «Русской Мысли» из Москвы в Петербург. Правда ли это[7]?

Еще раз благодарю Вас за доброе внимание и за книгу, доказавшую всем, что талант Ваш с годами не ослабел, но стал острее и тоньше.

Крепко жму Вашу руку

Вам преданный Александр Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 3–4 об.

Конверт утрачен.

На бланке «Таврический дворец».

---

[1] Наверняка новая книга Брюсова: Зеркало теней. Стихи. 1909–1912. М., 1912.

[2] Двадцатипятилетие творческой деятельности Бальмонта отмечалось 11 марта 1912 г. в Неофилологическом обществе (начало заседания в два часа дня). Предварительную фиксацию печатных отзывов см.: Библиография К.Д. Бальмонта. Иваново, 2007. Т. 2. С. 100–101.

[3] Брюсов и Блок, объявленные в программе, на заседании отсутствовали. Ср. в официальном протоколе: «Не могли быть произнесены стоявшие в программе речь Валерия Брюсова “Творчество Бальмонта” <…> и речь Александра Блока “Бальмонт и польская душа” (по нездоровью)» (Записки Неофилологического общества при императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1914. Вып. VII. С. 56). См. также: *ЛН*. Т. 85. С. 535. Ср. в газетном отчете: «Зал губернской земской управы был переполнен молодежью, по преимуществу женской, и в большинстве сторонников <sic> модернистской поэзии, если судить по аплодисментам, сопровождавшим чтение телеграмм Брюсова, Белого, Грифа, Блока и др.» (*[Б.п.]* Чествование К.Д. Бальмонта // Биржевые ведомости. 1912. № 12 (832), 12 марта. Утр. вып. С. 4).

[4] Иванов, бывший одним из главных энтузиастов торжества, читал на заседании речь «О лиризме Бальмонта». Ср. в отзыве стороннего свидетеля: «С нетерпением я ожидал, когда выступит Вячеслав Иванов. Я знал его сложные, усыпанные славя-

низмами стихи, многозначные по мысли, проникнутые духом античности, знал его статьи, особенно “Эллинскую религию страдающего бога”, где вскрывалась философия древнегреческой трагедии. <…> Вот появился на кафедре поэт в длинном черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, несколько медлительный и степенный. Потом, начав говорить, стал совсем другим. Чувствовался скрытый темперамент во всех движениях оратора, когда он складывал руки, словно для молитвы, или теребил шнурок пенсне. Почти до плеч длинные волосы придавали ему вид немецкого профессора. Его тема “О лиризме Бальмонта”. Вячеслав Иванов говорил большими периодами, спокойно интонируя фразу, но уловить смысл его отношения к лиризму Бальмонта было не так просто» (*Дейч А*. День нынешний и день минувший: Литературные впечатления и встречи. Изд. 2-е. М., 1985. С. 307). Ср.: «Гг. Брюсов и Блок не явились с обещанными докладами, и после перерыва и чтения стихотворений г-жей Тхоржевской и г. Ходотовым Вячеслав Иванов в чеканной речи, своим ярко-индивидуальным стилем, полным своеобразной красоты, охарактеризовал Бальмонта, как лирика, который, подобно Верлену, был как бы обреченным, всегда и во всем оставаясь только лириком, все превращать в лирику, как некий царевич сказки <sic> всё превращавший в чистое золото» (*[Б.п.]* Чествование К. Д. Бальмонта // Биржевые ведомости. 1912. № 12 (832), 12 марта. Утр. вып. С. 4).

[5] См. примеч. 1 к п. 17.

[6] О каком стихотворении идет речь, неясно.

[7] Редакция «Русской мысли» действительно вскоре переехала из московского Ваганьковского пер. (д. 3) в Санкт-Петербург, по адресу: Нюстадская ул., 6.

47.

23 марта 1912. СПб.

Сергиевская 61, кв. 26

23 марта 12 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Сегодня в руки мои попала случайно небольшая книжка. Emile Verhaeren. Cahiers de vers 1883–1896. Pour les Amis du Poète. 1896. (Экз. № 326) с портретом содержит 12 стихотворений (I — La cuisson du Pain). Виньетки Фердинанда Кнопфа и Тео ван Риссельберга. Если у Вас случайно не имеется этого издания, я *счастлив* буду выслать Вам эту брошюру для пополнения Вашей библиотеки[1]. Пользуюсь случаем пожелать Вам счастливых праздников и отдыха на них.

Вам преданный, а потому и позволяющий себе иногда быть с Вами откровенным

Александр Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 2.

Открытка с портретом А. Мицкевича. Не прошла почту.

[1] В сохранившейся части библиотеки Брюсова этой книги нет.

48.

8 мая 1912. СПб.

Сергиевская 61, кв. 26
СПБ

8 мая 1912 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Мною написана статья «Крымские очерки» Алексея Толстого, в которой помещено много неизвестных доселе отрывков и вариантов, относящихся к путешествию поэта вместе с С.А. Миллер[1]. В статье этой я разбираюсь во взаимном чувстве обоих (по первоначальным наброскам в записной книжке, попавшей в Петербург очень недавно). Лица, смотревшие книжку до меня, писать о ней не будут. За тех, кто будет ее читать после — не ручаюсь, хотя и убежден, что вряд ли кто прочтет ее с большим толком и пониманием (кроме Вас, конечно…). Есть там наброски двух совершенно неизвестных стихотворений (из них одно большое «Если б я был богом океана, я к ногам твоим сложил, о друг, все богатства царственного сана, все мои кораллы и жемчуг. Из морского сделал бы тюльпана я ладью тебе, моя краса»… и т.д.). Очень хорошее. Есть первоначальные редакции многих Крымских очерков и т.п. Я прислал бы Вам эту статью на просмотр, если бы был убежден, что она, в случае одобрения Вашего, может пойти в одной из ближайших книг Русской Мысли и, в случае неодобрения, может быть скоро возвращена[2].

Вас действительно любящий Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 5.
Открытка. П. ш.: СПб (8.5.12); Москва (9.5.12).

---

[1] Софья Андреевна Миллер (урожд. Бахметева, во втором браке Толстая; 1827–1895) — жена А.К. Толстого.

[2] Речь идет о статье: *Кондратьев А*. «Крымские очерки» графа А.К. Толстого (из записной книжки поэта) // Современник. 1912. № 6. С. 375–384. Причины, по которой она не заинтересовала «Русскую мысль», нам неизвестны: возможно, дело было в сроках, поскольку Кондратьев опасался возможной конкуренции; ср. в его письме к Б.А. Садовскому, благодаря которому удалось ее опубликовать: «Очень я Вам благодарен за услугу относительно Современника. Теперь остается только дрожать, чтобы кто-нибудь, познакомившись после меня с записной книжкой Толстого, не напечатал извлечений оттуда ранее, чем они появятся в Современнике... Но зато я спокоен и счастлив, что мне не надо бегать по редакциям, предлагая свой товар» (Письмо от 19 мая 1912 г. // *Письма к Садовскому*. С. 7).

49.

17 июля 1912. СПб.

17. VII. 1912

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Только теперь получил и имел удовольствие послать Вам оттиск своей статьи о А. Толстом (из Современника)[1]. Я об ней когда-то писал, предлагая ее в Р<усскую> М<ысль>. В настоящее время у меня собран материал для статьи над которой уже работаю: «Щербина и его поездка за границу» (с неизданной частью дневника)[2]. Над Щербиною работает и в начале зимы выпустит книгу Лернер[3]. Если моя статья до того времени не появится, возможно, что она будет значительно обесценена. Шлю мои лучшие пожелания. Летний адрес мой: Почтовая ст. *Гоща* Волынской губ.; именье г-жи Красовской. Жму крепко руку.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 6.

Открытка. П.ш.: СПб (17.7.12); Москва (18.7.12).

---

[1] См. примеч. 2 к п. 48.

[2] Статья с таким названием нам неизвестна. Единственная щербиноведческая работа, напечатанная Кондратьевым, — «Молодость поэта Щербины» (Русская мысль. 1914. № 4. Отд. II. С. 118–134); в ней биография доведена до 1850 г., а заграничную поездку поэт совершил лишь в 1861 г.

[3] Книга Н.О. Лернера о Щербине в свет не вышла.

50.

20-е числа июля 1912. Дорогобуж.

с. Дорогобуж
Волынской губ.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Был крайне обрадован, получив Ваше письмо. Меня беспокоит лишь мысль, получили ли Вы посланный заказною бандеролью оттиск из «Современника» со статьей об Алексее Толстом[1]. Если не получили — черкните мне. Я тотчас вышлю отсюда, т.к. здесь у меня есть 2–3 экземпляра. Большое спасибо за предложение выслать рассказ. У меня

здесь есть в черновом виде два. Один из них («Шепот Пана») я начал уже быстро переписывать[2]. Задержка лишь за тем, что у меня нет под руками Гомера. Мне нужно вставить в рассказ одну или две начальных строки из гомеровского гимна к Пану[3]. Другой рассказ тоже будет выслан мною немедленно по переписании набело.

В случае цензурных затруднений прошлось бы заменить или выпустить одно-два выражения. В этом я всецело полагаюсь на Вас. Статью о Щербине закончу и вышлю вслед за рассказами[4]. Мой адрес для писем не заказных: г. Ровно Волынской губ., местный почтовый ящик в м. Горынь-Граде, именье г-жи Красовской при селе Дорогобуже — мне; другой адрес для писем заказных (по первому они не принимаются): почт. ст. Гоща Волынской губ. именье г-жи Красовской при С. Дорогобуже. По второму адресу письма получаются мною не так скоро, ибо Гоща не так близко.

Живу здесь растительною жизнью. Узнал, что одна местная женщина — ведьма, и стремлюсь с ней познакомиться.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

Сообщите об оттиске на Горынь-Град. Простите, что скверно пишу, сейчас едут с почтой.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 7–8.

Конверт утрачен. Датируется по связи с предыдущим и последующим письмами, с учетом даты инскрипта на оттиске, посланном предыдущим письмом.

---

[1] См. примеч. 2 к п. 48. Оттиск сохранился в библиотеке Брюсова: НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1138; дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову — на память — автор. 14. VII — 1912».

[2] Рассказ напечатан: Русская мысль. 1912. № 9. Отд. I. С. 128–135.

[3] С просьбой сообщить эти строки Кондратьев 26 июля обратился к Б.В. Никольскому: «Очень бы Вы меня обязали, сообщив два первых стиха Гомеровского гимна к Пану в русском переводе» (*Письма к Никольскому*. Л. 54–54об). Прислал ли просимые стихи Никольский или кто-либо другой, неизвестно.

[4] См. примеч. 2 к п. 49.

51.

2 августа 1912. Дорогобуж.

г. Ровно Волынской губ.;
м-чко Горынь-Град;
именье г-жи Красовской
при селе Дорогобуже.

2 августа 1912

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Посылаю пока один рассказ[1]. Увы, Вы углядите в его содержании нечто от Лукиана. С годами собственная фантазия тяжелеет, и по примеру Анатоля Франса приходится рыться в старых книгах. Другого рассказа (уже переписанного) я не посылаю потому, что ни один из моих петербургских знакомых пока не прислал мне выписки начальных двух строк из гомеровского гимна к Пану. Строки эти (в русском переводе) мне надо вставить в задержанный рассказ «Шепот Пана». В него вкраплена маленькая метаморфоза из Ахилла Тация, доселе отсутствовавшая в русском изложении…[2] Что делать, дорогой Валерий Яковлевич, не всем дано, подобно Вам, становиться с годами всё более сильным… Впрочем, рассказы, по моему, быть может, ошибочному мнению, для Русской Мысли, где печатались, увы, вещи даже более слабые, — годятся. В случае если бы придралась ханжеская и лицемерная цензура (с которой счеты еще мною не сведены, но сведены будут, о чем я Вас и не премину своевременно уведомить), ей можно будет пожертвовать двумя-тремя словами, по всей вероятности, в конце рассказа… «Шепот Пана», который лучше «Древнего Предания», вышлю при первой возможности. Статью о Щербине еще не закончил.

Природа и погода здесь удивительно располагают к лени. Живу на родине Змея Горыныча — на берегах реки Горыни. Письма (не заказные) вожу в еврейское местечко или село Горынь-Град, которое поляки и израэлиты переименовали в Горингрот[3]. Кругом холмы, нивы, вспаханные необозримые поля и почти полное отсутствие леса, к которому я привык в качестве северянина и петербуржца. Живу в усадьбе своей тещи[4] при селе Дорогобуже, бывшем когда-то городом, в коем некогда удельный князь Давыд ослепил своего кузена Василько[5]. Потом тут свирепствовали татары, властвовали поляки, разоряли казаки, уничтожали турки, местная церковь попеременно бывала православной и католической, а население… самого подозрительного и разноплеменного происхождения. Одна деревня на другую совсем не похожа. Тут и татары, и половцы, и литва, и белорусы, и хохлы, и кого только нет. Католиков нет.

Говорят не то по-малорусски, не то по-белорусски, не то по-русски, не то по-червонорусски (последнее всего вероятнее). Обращаясь к господам, вставляют польские слова. Лезут (до столетних баб и четырнадцатилетних девушек) целовать руку и в то же время посматривают, нельзя ли чего украсть…

Прошу передать почтительный поклон мой глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне, если она меня помнит.

Если «Древнее Предание» не подойдет, пожалуйста, его не уничтожайте. Если не затруднит — верните (почт. ст. Гоща Волынск. губ.; именье г-жи Красовской при селе Дорогобуже) или сохраните до моего визита в редакцию или к Вам.

Жму крепко руку, из-под которой вышло столько прекрасных глав «Алтаря Победы» (с чувством почтения и радости жму), и желаю от души всего лучшего

Ваш Александр Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 9–10 об.

Конверт утрачен.

---

[1] Как выясняется из дальнейшего, речь идет о рассказе «Древнее предание». Он не был принят «Русской мыслью» и был опубликован только два года спустя: Альманах «Гриф». 1903–1913. М., 1914. С. 82–86.

[2] Имеется в виду вставная новелла о нимфе Родопиде (у Кондратьева — Родопис), посвятившей себя Артемиде и наказанной за это Афродитой и Эротом. Эта история составляет 12-ю главу восьмой книги романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт», см.: Ахилл Татий Александрийский. Левкиппа и Клитофонт. Пер. А.Б.Д.Е.М. М., 1925. С. 176–177.

[3] Ныне село Гориньград Перший Ровненского р-на Ровненской обл. Украины.

[4] Екатерина Николаевна Красовская (?–1932) упоминается в материалах следственного дела сына Кондратьева: *Лукашевич-Кулиш И.В*. А.А. Кондратьев и ровенский русский кружок 1920–1930-х годов // Александр Кондратьев. Исследования, материалы, публикации. Ровно, 2008. С. 134.

[5] В классической историографии считается, что князь теребовльский Василько Ростиславич был оклеветан волынским князем Давыдом Игоревичем и ослеплен по приказу киевского князя Святополка Изяславича в селе Звенигороде-Киевском.

52.

15 августа 1912. Дорогобуж.

15. VIII. 1912

г. Ровно Волынской губ.; почтов. ящик в м-чке Горынь-Град;
именье г-жи Красовской при селе Дорогобуже.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Отослал Вам заказной бандеролью свою статью о Щербине[1]. В нее вошла in extenso[2] не напечатанная в Собр<ании> Соч<инений> часть дневника поэта во время заграничного его путешествия. Я не хотел его перефразировать.

Я несколько лет занимался биографией Щербины. Перечел всё что есть о нем в рукописном отделении И<мператорской> П<убличной> Б<иблиотеки>, составил довольно большой подбор выписок о нем, снимал копии с писем. Но впереди меня шел Лернер. В начале книжного сезона он, по всей вероятности, выпустит в кн<игоиздательст>ве «Огни» (Е.А. Ляцкий) книгу об этом поэте[3]. В эту книгу, если он не дурак, он, конечно, поместит и выписки из дневника, которые он делал в Публ<ичной> Библ<иотеке>. Хотя он, быть может, списал оттуда не всё. В автобиографии Щербины[4] (не следует смешивать с «Запиской о Щербине», напечатанной Данилевским[5]), послужившей Лернеру канвой для его статьи, кое-что им пропущено, и в статью, перепечатанную потом в Словаре И<сторического> О<бщест>ва, не попало[6]. Появление книги убьет большинство собранных мной материалов, над которыми я возился несколько лет. Желая спасти хоть что-нибудь, я и послал Вам мою статью, интерес которой заключается главным образом в выписках из дневника…

Мне удалось получить соответствующие строки гомеровского гимна к Пану. Я перевожу их так (не буду, конечно, прикидываться ученым — я получил их с подстрочным переводом):

> «Ныне мне, муза, воспой любимого Гермесом сына.
> Он, двурогий, шумлив и на козьих ногах по равнинам,
> Лесом заросшим, водить хороводы с нимфами любит.
> Те, обрывистых скал пятой попирая вершины,
> Пастырей бога зовут, пышнокудрявого Пана»…
> Пана зовут, пастухов пышнокудрявого бога»[7].

Эти строки придется Вам вставить в имеющийся в рассказе «Шепот Пана» пробел, если рассказ этот окажется пригодным для Р<усской> М<ысли>. Оба рассказа, равно как и статью о Щербине, если таковая

не пригодится, Вы мне сюда, в Волынскую губернию, не возвращайте. Я или сам за ними заеду, в случае их забракования, или попрошу мне их выслать бандеролью по возвращении моем в Петербург. Здесь же я могу с ними разъехаться.

Ума не приложу, с кем мог ездить заграницу Щербина[8]. Этого и Лернер, надо полагать, не знает.

Благодарю за стихи, помещенные в последнем Вашем письме. Со своей стороны позволяю себе поместить в это послание мое стихотворение, Вам неизвестное.

После долгой и трудной дороги
Дай под кров твой уютный войти;
Дай омыть утомленные ноги
И дозволь отдохнуть от пути.

Велика от бессмертных награда
Тем, кто странникам дарит приют.
Ты ведешь меня в сень винограда[9],
Где немолчно стрекочет цикада
И заботливо пчелы снуют.

Перемешан с водой снеговою,
Так приятен иссохшим устам
Этот мед золотистый, тобою
Вместе с хлебом поставленный там[10].

На дворе твоем тень и прохлада.
Тихо-тихо журчит водомет.
И, укрывшись в листве виноградной,
В синем небе следить так отрадно
Голубей твоих белых полет[11].

Предоставляю Вам судить, какое число (единств<енное> или множ<ественное>) следует употребить в данном случае. Если будете мне писать, б<ыть> м<ожет>, сделаете и это указание.

Весною в Петербурге шли упорные слухи о переводе из Москвы редакции Р<усской> М<ысли> и Вашем переселении в Северную Пальмиру[12].

Примите мои лучшие Вам пожелания.

Сердечно Вас любящий и почитающий

Александр Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 13.
Закрытка. П.ш.: Гоща Вол. г. (17.8.12); Москва (20.8.12).

---

[1] См. примеч. 2 к п. 49.

[2] Полностью (*лат.*).

[3] См. примеч. 3 к п. 49.

[4] Вероятно, имеется в виду автобиография Щербины, помещенная в его Полном собрании сочинений (СПб., 1873. С. XXI–XXIV).

[5] Г.П. Данилевский напечатал два материала, касающихся биографии Щербины, — некролог (Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLII. Отд. IV. С. 259–261) и заметку «Из литературных воспоминаний. Н.Ф. Щербина. Его письма и неизданные стихотворения» (Исторический вестник. 1891. № 1. С. 32–69). Вероятно, подразумевается второй.

[6] Имеется в виду статья: *Лернер Н.О.* Н.Ф. Щербина // Исторический вестник. 1906. № 10. С. 213–237, положенная в основу словарной статьи Лернера о Щербине: Русский биографический словарь. Щапов — Юшневский. СПб., 1912. С. 133–144.

[7] В окончательный текст рассказа эти строки вошли в несколько усеченном виде.

[8] Ср. в письме Кондратьева П.В. Быкову от 27 июля 1912 г.: «Вы хотели также сообщить мне нечто о Щербине. В частности, с кем он ездил за границу в 1861 г.? И в каких отношениях был к своим спутникам?» (*Топоров*. С. 226). Кажется, это неизвестно и современной науке. Впрочем, согласно новым разысканиям, весной 1861 г. в Париже Щербина встречался с Т.П. Пассек (см.: Н. Ф. Щербина — Герцену. Публ. Е.В. Гиппиуса // *ЛН*. Т. 62: Герцен и Огарев. II. М., 1955. С. 731, 734).

[9] Справа на полях — карандашный вариант: «(Ты в<едешь> нас под с<ень> винограда)».

[10] Справа на полях — карандашный вариант: «(Вм<есте> с хлеб<ом> пр<едложенный?> нам)».

[11] Впервые: Лукоморье. 1914. № 10. С. 1; перепеч.: Меч. 1934. № 23, 21 окт. С. 6.

[12] См. примеч. 7 к п. 46. Брюсов, вопреки слухам, место жительства не поменял.

53.

27 августа 1912. Дорогобуж.

Почт. ст. Гоща Волынской губ.
Именье г-жи Красовской при селе Дорогобуже.

27 августа 1912 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

К сожалению, по случаю осенней распутицы, получил Ваше лестное для меня письмо лишь сегодня. Боюсь, что мой ответ на него будет запоздалым. Откровенно говоря, не думаю, чтобы Т-во «Огни» выпустило книгу Лернера позже конца октября[1]. Разве что́ задержит ее вы-

ход — вроде желания Е.А. Ляцкого просматривать ее по мере печатания (с технической точки зрения) или желания самого Лернера чем-нибудь ее дополнить[2]. Могут, конечно, задержать книгу и мелочи, вроде обложки, заставок, портрета или виньеток, на что также обращает внимание т-во «Огни».

Все-таки, если не поздно и не невозможно, лучше всего было бы пустить Дневник Щербины в сентябре[3]. В таком случае я, конечно, ничего не имел бы против получения гонорара несколькими месяцами позже, чтобы не лишить его своевременно тех, чьи статьи должны были появиться в сентябрьской книжке… Большое спасибо за исправления в рукописи.

Думаю, что если октябрьская книжка Р<усской> М<ысли> выйдет в свет не слишком поздно, громадное большинство читающей публики познакомилось бы с Дневником Щербины все-таки из Вашего журнала, а не из книги, которая начинает раскупаться лишь после появления рецензий в журналах. Но не думаю, чтобы книга вышла раньше второй половины октября. Вряд ли к тому времени Ляцкий успеет вернуться из-за границы[4], всесторонне осмотреть ее и выпустить. Мою книгу печатали и рассматривали около года.

Вполне с Вами согласен, что рукопись представляет собою не «статью», а «материалы». Поэтому, б<ыть> м<ожет>, правильнее было бы подписаться инициалами или фразою: «сообщил такой-то». Это мне даже больше нравится.

Полагаю все-таки, что Лернер целиком ненапечатанных частей Дневника в своей книге не поместит. Это был бы слишком для него мешкотный труд. Свою статью из И<сторического> В<естника> он перепечатал в Словаре Ист<орического> О<бщест>ва почти без изменений (вычеркнул несколько слов)[5].

«Древнее Предание», как Вы сами убедитесь, значительно слабее «Шепота Пана»[6]. Это, скорее, шуточная попытка изложить встречающийся в Греческой Антологии и подробно рассказанный Лукианом анекдот о Книдской статуе Праксителя[7] так, чтобы к нему не могла придраться цензура. В виде легоньких ширм для последней служит вложенный в уста Афродите теогонический рассказ, на который натолкнуло меня отчасти чтение «Отрывков финикийских летописей» Тураева[8]. Если этот рассказ в Р<усской> М<ысли> не появится, я очень сокрушаться не буду, т.к. он 1) не серьезен и 2) может все-таки навлечь цензурные неприятности.

Если П.Б. Струве возбудит вопрос о том, стоит ли оплачивать и помещать в Р<усской> М<ысли> материалы, которые в скором времени могут появиться в отдельно вышедшей книге, скажите ему, что гонорар

за эту статью — дело третьестепенное. На первом же плане стоит для меня спасение путем напечатания части собранного мною материала, а на втором — получение десятка или дюжины оттисков. А от гонорара я могу, в случае надобности, и вовсе отказаться. У меня гибнут, между прочим, ненапечатанные письма Щербины, которые, по всей вероятности, также могут появиться в книге Лернера…

Еще раз благодарю за принятое во мне участие и крайне ценное для меня мнение о моих рассказах.

Вас искренно любящий и преданный Ал. Кондратьев.

Почт. ст. Тучин Волынской губ., почтовый ящик в м-чке Горынь-Град; именье г-жи Красовской при селе Дорогобуже. (адрес не для заказных отправлений)

PS. Послал Вам перевод начальных строк гомеровского гимна для вставки в «Шепот Пана»[9].

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 11–12 об.

Конверт утрачен.

---

[1] См. примеч. 3 к п. 49.

[2] Тогда выход может задержаться до Рождества. (*Примеч. автора.*)

[3] См. примеч. 2 к п. 49.

[4] Ляцкий служит в Канцелярии Гос. Думы, где работы начнутся не скоро, почему, вероятно, и он вернется не скоро. Там же служит Ваш товарищ по гимназии кн. Н.В. Голицын. (*Примеч. автора.*) Голицын Николай Владимирович (1874–1942) — историк, архивист, архивариус Государственной думы, позже директор архивов Министерства иностранных дел. Учился вместе с Брюсовым в гимназии Л.И. Поливанова. См.: *Матышев А.А.* Энциклопедия репрессированных авторов. 1917–1987: Биобиблиография советской трагедии. СПб., 2013. Т. 2: В–Г. С. 564.

[5] См. примеч. 6 к п. 52.

[6] См. примеч. 1 к п. 51.

[7] Имеется в виду сочинение Лукиана (или, как принято ныне считать, приписываемое Лукиану) «Две любви».

[8] Имеется в виду книга: Остатки финикийской литературы. Тирские летописи. Отрывки финикийской космогонии и мифологии Филона Библского. Финикийские отрывки у Дамаския / Обр. Б. Тураев. СПб., 1903.

[9] См. примеч. 2 и 3 к п. 50.

54.

12 сентября 1912.

Тучин Волынской губ.;
почт. ящик в м-чке Горынь-Град;
именье г-жи Красовской при селе Дорогобуже.

12.IX.1912.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Сцепление обстоятельств задержало меня здесь дольше, чем я полагал. Надеюсь, однако, числу к 22-му этого месяца быть в СПБ. Выеду числа 19–20. Петербургский мой адрес — Сергиевская д. № 61, кв. 26. В рассказе «Шепот Пана» очень просил бы Вас последнюю строку гомеровского гимна напечатать так: «Кликами Пана зовут пышногривого пастырей бога» или «пастухов пышногривого бога»… Вы ведь получили перевод 5 строк этого гимна[1]? С нетерпением жду приезда в Петербург, чтобы прочесть появившиеся за лето главы «Алтаря Победы»[2]. Мережковский, вероятно, весьма мрачен, что Вы превзошли его Юлиана[3]. От души желаю дальнейших побед.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 30.

Открытка с изображением дома Ю. Словацкого. П.ш.: Тучин (13.9.12).

---

[1] См. примеч. 2 и 3 к п. 50. В печати был использован второй вариант: «Пана зовут, пастухов пышногривого бога».

[2] Очередные главы повести печатались в майском, июньском и июльском номерах «Русской мысли» за 1912 г.

[3] Об отношении Брюсова к роману Мережковского «Юлиан Отступник» (первая часть трилогии «Христос и Антихрист») см. свод данных в работе: *Даниэлян Э.С.* Брюсов и Мережковский // Брюсовские чтения 2002 года. Ереван, 2004. С. 227–228.

55.

13 сентября 1912.

13.IX.1912

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Едва успел вчера опустить в почт<овый> ящик открытку и войти в помещение Горинградской мещ<анской> управы, находящаяся там иудеянка (там их 5 штук) подала мне Ваше письмо. «Всё к лучшему», — сказал я, прочтя сообщение о том, что она не может быть напечатана[1]. Только бы Вы ее попридержали у себя, пока я не переберусь в Питер (перебравшись, я не премину написать). Представляя собой материал, она не пропадет. Неизвестно почему мною овладело теперь по этому вопросу спокойствие и оптимизм. В голове у меня бродят мечты о том, как хорошо было бы попасть в Румянцевский Музей и познакомиться с автографами Щербины и А.К. Толстого. Вы как-то писали мне, что письма последнего Вы видели в бумагах некого Иванова (?) в Румянц<евском> же Музее[2]. «Древнее предание» тоже найдет себе рано или поздно редакцию, которая его напечатает и перетерпит за то должную кару от богини цензуры, а равно и от Фемиды[3]. Вы хорошо знаете римскую религию. Там были боги на все случаи жизни, начиная с божества, обучающего ребенка первым словам[4]. Нигде не могу узнать как звали богиню, следившую за добрыми нравами и за цензурою в частности. Это мне нужно для рассказа, который почти уже написан[5]. Я хочу свести в нем счеты с теми, кто был виною уничтожения второго издания «Песен Билитис»[6]… Если почтенная дама писала о «Последних страницах дневника женщины» Вам лично или в редакцию, неужели Вы ей не ответили вопросом о возрасте сына[7]?

Жму крепко Вам руку и желаю счастья.

Ал. Кондратьев.

Словацкий ужасно похож на Гришку Отрепьева, который воспитывался в 10 верстах от меня — в Гощанской бурсе[8]. Тучин, Волынской губ., почтов<ый> ящик в м-чке Горынь-Град; имение Красовской при селе Дорогобуже.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 31.

Открытка с портретом Ю. Словацкого. П.ш.: Гоща Вол. г. (14.9.12); Москва (нрзб).

[1] Вероятно, речь идет об упоминавшейся выше статье «Щербина и его поездка за границу» (см. п. 49).

[2] О чем идет речь, неясно. Ни в одном из фондов Ивановых, хранящихся в НИОР РГБ, писем А.К. Толстого нет.

[3] См. примеч. 1 к п. 51.

[4] Имеется в виду бог римского пантеона Фабулин (*Fabulinus*).

[5] О каком рассказе идет речь, неясно.

[6] См. примеч. 8 к п. 44.

[7] Имеется в виду повесть Брюсова «Последние страницы из дневника женщины» (Русская мысль. 1910. № 12. Отд. I. С. 2–25). Сюжет с письмом «почтенной дамы» нам неизвестен.

[8] Юлиуш Словацкий (1809–1849) — польский поэт, приобретший популярность в России начала 1910-х: его книги были выпущены издательством Сабашниковых и «Мусагетом». Несколько лет спустя Брюсов, находясь в Польше, перевел его стихотворение, которое читал на «Польском вечере» 13 января 1915 г. в Литературно-художественном кружке в Москве. Вероятно, известия о воспитании Лжедмитрия (Гришки Отрепьева) в гощанской бурсе представляют собой апокриф.

56.

30 сентября 1912. Дорогобуж.

30/IX/1912

Тучин Волынской губ.;
почтовый ящик в м-чке Горынь-Град;
именье Красовской при селе Дорогобуже.

Судьбе было угодно, дорогой Валерий Яковлевич, зашвырнуть меня в этот глухой уголок нашей Империи и не выпускать, несмотря на все мои старания. Теперь она, т.е. Судьба, изобрела новый предлог — болезнь сына (к счастью, не серьезную) и отсрочивает мой отъезд в Петербург числа до 7го (так что если бы у Вас нашлись время и охота написать мне несколько слов или продиктовать их, я успел бы их здесь получить). Завтра два знакомых мне иудеянина (очень милые и любезные люди) отправятся из Горынь-Града в Ровно. Я намерен теперь направиться их посетить и просить опустить в городе это письмо в ящик, дабы оно скорее до Вас дошло. С грустью я мечтаю о моей темненькой, но теплой городской квартире, где стоят мои книги (если их никто оттуда не украл) и откуда так близко до Публичной Библ<иотеки> и до магазинов букинистов[1]. Увы, я мечтаю иногда о запахе книжной лавки. Вы его знаете, этот запах… Здесь я окружен запахом тлеющих листьев, порою слегка портящихся яблок (источник вдохновения Шекспира[2]), живущих

в доме молодых и невоспитанных котят (не знаю, кого бы мог этот запах вдохновить), и много-много пыли приходится вдыхать мне при веянье и молотьбе. Я грущу также, что мне не идут в голову стихи, хотя природа здесь, несмотря на осень, прекрасна… Получили ли Вы исправленные мною стихи в честь Пана (к рассказу). На всякий случай, их прилагаю. Почти не получаю газет и писем…

Жму крепко руку и желаю счастья. Александр Кондратьев.

<*Приписка*:> Ныне мне, Муза, воспой любимого Гермесом сына.
Он, двурогий, шумлив и на козьих ногах по равнинам,
Лесом заросшим, водить хороводы с нимфами любит.
Те, обрывистых скал пятой попирая вершины,
Кликами Пана зовут, пастухов пышногривого бога…[3]

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 16.
Открытка с медальоном Ю. Словацкого. П.ш.: Тучин (1.10.12).

---

[1] Кондратьев жил в 1912 г. на Сергиевской ул. (ныне ул. Чайковского), д. 61, действительно недалеко от Публичной библиотеки.

[2] Запах гнилых яблок, согласно распространенной легенде, был необходим для работы Шиллеру, а не Шекспиру (см., напр.: *Горнфельд А.Г.* Как работали Гёте, Шиллер и Гейне. М., 1933. С. 37).

[3] Начало сюжета — в п. 50.

57.

28–29 ноября 1912. СПб.

СПБ. Сергиевская 61, кв. 26

28.XI.1912

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Перед тем как тащить свою новую работу о Щербине в другие журналы, не могу удержаться от искушения показать ее Вам, на тот случай, что, б<ыть> м<ожет>, она пригодится для Р<усской> М<ысли>. Работа эта представляет собою результат моих летних занятий и посещения в Москве рукописного отделения Румянцевского Музея. В последнем я нашел некоторое количество ненапечатанного материала. К статье о Молодости Щербины я приложил 2 тетради с его стихами (26). 1–12,

по-моему, не напечатаны вовсе, 13–25 напечатаны в Молодике под псевдонимом и в Собр. Соч., а равно и в работы Лернера не вошли, 26е выписано из собрания Лазаревского. Кроме того, некоторое количество ненапечатанных или подписанных псевдонимами стихотворений насытило и самую статью[1].

Работал над повестью из эллинской жизни эпохи диадохов, но остановка за пособиями. Боюсь провраться. В Эрмитаже чуть не продавил стекло в витрине, облекающей гробницу с живописью внутри. С радостью убедился, что греческие художники работали и на мольбертах, ничем не отличающихся от современных. Никак не мог отыскать французского перевода Плиния (старшего) XXXV и XXXVI книг. Придется приобретать латинский текст. А к латинскому языку у меня сохранилось нечто вроде боязни.

В заключение сообщу нечто конфиденциальное. Вы интересуетесь Тютчевым и еще кое-кем, кажется. В Петербурге есть коллекционер автографов, некто Ваксель[2]. Он служит в М.И.Д. и обладает богатейшею коллекцией не только русских, но и иностранных писателей и государственных людей. Коллекция доведена до Чехова. У этого Вакселя есть родственник (что-то вроде внука). Молодой человек с очень странною формою головы. Зовут его Эрнест Петрович Юргенсон[3]. Он продолжает коллекцию своего опекуна и собирает автографы писателей новейших. Это Вы тоже знаете, т.к. он когда-то к Вам обращался и был Вами удовлетворен[4]. Этот Юргенсон охотно показывает и дает (на месте) списывать автографы своего деда. Модзалевский у него уже был и кое-что успел списать[5]. У него есть Тютчев, Лермонтов, Пушкин, Каролина Павлова…[6] Кажется, всё кроме Чернышевского. Письма и рукописи. Правда, понемногу. Но, б<ыть> м<ожет>, кое-что интересное Вы для себя и сыскали бы, т.к. старик Ваксель своей коллекции не показывал, а Юргенсон стал собирать и показывать очень недавно. Адрес его Дворцовая пл. д. № 6, кв. 3. Он живет в квартире Вакселя (М<инистерст>во Ин<остранных> Дел), 2-й подъезд направо от арки Главного Штаба. Сошлитесь, если сочтете нужным, на меня, но мне кажется, что Вам не для чего на кого бы то ни было ссылаться. Этого Юргенсона, если захотите, Вы можете по-царски вознаградить рукописями из редакционной корзины. Он их с восторгом примет для своей коллекции.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

29.XI.1912

Рассчитывая на Ваш скорый приезд, я сдал было три тетради (1 — статья и 2 со стихами Щербины) г-же Струве[7]. Быть может, взять их оттуда и переслать Вам? Находящиеся у меня в настоящее время рассказы

для Р<усской> М<ысли> не годятся. Стихов у Вас, вероятно, более чем достаточно…

Ал. Кондратьев.

PS. Хотя у Ляцкого и Лернера дело, по-видимому, расклеилось[8], но тем не менее, в случае если бы рукопись пригодилась, желательно возможно более скорое ее тиснение.

Если хотите, я попытаюсь списать у Юргенсона Тютчевские автографы, но боюсь, что спишу то, чем Вы уже обладаете.

Ваш Ал. К.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 17–18 об.

Конверт утрачен.

---

[1] См. примеч. 2 к п. 49. «Молодик» — украинский литературный альманах, издававшийся в Харькове и Петербурге. Щербина печатался в ч. 1 на 1843 г. (под своей фамилией) и в ч. 2 на 1844 г. (под своей фамилией, а также под псевдонимами «С. Будимирович», «Щ.» и «Фата-Моргана»). См.: *Смирнов-Сокольский Ник*. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XX вв. М., 1965. С. 221. Лазаревский Василий Матвеевич (1817–1890) — писатель и переводчик.

[2] Ваксель Платон Львович (1844–1918) — музыкальный критик, сотрудник Министерства иностранных дел, крупнейший собиратель автографов. Значительная часть его коллекции сохранилась, образовав фонды 123 и 124 Отдела рукописей РНБ. См. предварительное описание: *Уманов-Каплуновский В*. Коллекция П.Л. Вакселя // Столица и усадьба. 1915. № 33. С. 9–12 (описаны по преимуществу европейские экспонаты). См. также квалифицированный обзор: *Найдич Э.Э*. Автографы русских писателей в собрании П.Л. Вакселя // Сборник <Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина>. Т. 3. Л., 1955. С. 89–102. Здесь, среди прочего, упомянуты автографы Пушкина и Лермонтова, хранившиеся в собрании Вакселя и позже утраченные.

[3] Юргенсон Эрнест Петрович (1891–1932) — помощник секретаря и младший помощник библиотекаря Императорской Публичной библиотеки, коллекционер рукописей; сын нотоиздателя П.И. Юргенсона, приемный сын Вакселя. Сохранилось 22 письма Кондратьев к нему (РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 2117; обзор с публикацией фрагментов: *Топоров*. С. 211–216). Описание его коллекции (включая экспонаты, доставшиеся ему от Вакселя) см.: *Уманов-Каплуновский В*. Собрание Э.П. Юргенсона // Столица и усадьба. 1915. № 42. С. 3–6.

[4] Известно два письма Юргенсона Брюсову, от 3 апреля и 9 мая 1912 г. (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 110. Ед. хр. 17).

[5] Какие именно материалы списывал библиограф и пушкинист Борис Львович Модзалевский (1874–1928) в собрании Юргенсона, нам неизвестно, но ср. тон, с которым он отзывался в письме к Л.Э. Бухгейму от 25 февраля 1917 г. об этой коллекции, когда она поступала в продажу: «У Вас оказалась “легкая рука”: дней 10–12 тому назад я получил от Э.П. Юргенсона аналогичное Вашему заявление в отношении его богатейшей коллекции автографов, собранной его опекуном, Плат<оном> Льв<овичем> Вакселем, еще чуть ли не с 1880-х годов и пополненной самим Юрген-

соном, которого собрание считается одним из лучших в Петрограде» (Из переписки Б.Л. Модзалевского / Публ. Е.И. Семенова // Пушкинский дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 194–195).

[6] Сам Кондратьев, побывав у Юргенсона в гостях, оставил 22 ноября 1912 г. запись (возможно, в расформированном позже альбоме): «Сегодня благодаря любезности Эрнеста Петровича я видел письма Пушкина, Лермонтова, Тютчева…. День не потерянный!...» (*Топоров*. С. 214–215).

[7] Вероятно, жена П.Б. Струве, Нина Александровна (урожд. Герд; 1867–1943).

[8] См. примеч. 3 к п. 49.

58.

31 декабря 1912. СПб.

Сергиевская 61, кв. 26
СПБ

31.XII.1912

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Спасибо за письмо и пожелания. Жалею, что Вы не заведуете более Русскою Мыслью[1]. Заводите-ка лучше свой собственный, вполне собственный журнал. Я за честь сочту там работать вполне безвозмездно, да и еще несколько человек подходящих безвозмездных работников Вам отыскать бы. Вам, вероятно, легче будет отыскать небольшой капитал, нежели Мережковским и Перцову для Нового Пути[2]. Помните, как Вы писали для него передовую политическую статью[3]? То, что тогда не понравилось Зинаиде Николаевне, те мысли, которые принадлежали Вам почти одному, принадлежат теперь избранному, пока малочисленному меньшинству…

Подготовить мысль в литературных кругах и в читающей публике о том, что Вам пора и до́лжно выступить со своим журналом, можно в довольно короткий промежуток времени. Собрать подписчиков на Ваше имя можно больше, чем когда-то на Новый Путь или Весы…

Спасибо за письмо к Струве[4]. Надеюсь, что отказ Ваш от редактирования Русской Мысли не вызван сделанными Вам там какими-либо неприятностями со стороны того же Струве или каких-либо новых хозяев журнала. Надеюсь также, что журнал не перешел в иудейские руки…

Если бы Вы, разочаровавшись в журнальной жизни, пожелали опочить на лаврах и получать ежемесячное жалованье не от частных лиц, а от государства и пользоваться при этом тремя, а иногда и более

в год месяцами каникул, — имейте в виду, что в Канцелярии Гос. Думы старшим делопроизводителем служит Ваш гимназический товарищ, кн. Н.В. Голицын…[5]

Искренно желаю Вам в надвигающемся и загадочном Новом Году — нечаянных радостей и тихого счастья (пока таковое само не надоест Вам).

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 19–20 об.
Конверт утрачен.

---

[1] Брюсов закончил редакторскую работу в «Русской мысли» к концу 1912 г.

[2] Финансовая история журнала «Новый путь» до сих пор не написана. Среди действительных и предполагаемых спонсоров создающегося журнала были Е.И. Образцова, о чем см. в письме З.Н. Гиппиус к П.П. Перцову от 15 июля 1902 г. (Письма З.Н. Гиппиус к П.П. Перцову / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 137–138), М.В. Пирожков, А.Е. Колпинский, В.А. Тернавцев (см. письмо П.П. Перцова В.Я. Брюсову от 29 июля 1902 г. // НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 8. Л. 20), В.А. Субботина, один из купцов Морозовых, П.И. Щукин, В.А. Хлудов (см. письмо П.П. Перцова к жене от 22 сентября 1903 г. // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 54–54 об.) и др. См. также законспектированные Д.Е. Максимовым устные воспоминания Е.П. Иванова и П.П. Перцова: *Лавров А.В.* «Мои интервью» Д.Е. Максимова // Архив ученого-филолога: Личность. Биография. Научный опыт / Отв. ред. и сост. Е.Р. Обатнина. СПб., 2018. С. 247, 269.

[3] Имеется в виду статья «В эту минуту истории» (Новый путь. 1903. № 1. С. 164–169; подп.: Вал. Бр.).

[4] Такое письмо в настоящее время неизвестно. Однако 3 января 1913 г. Струве писал Брюсову: «На предложение Кондратьева я прошу Ал<ександру> П<авлов>ну ответить утвердительно» (ИРЛИ. Ф. 444. № 67. Л. 1. А.П. Татаринова — служащая в «Русской мысли» с секретарскими обязанностями). Речь идет, скорее всего, о статье Кондратьева «Французская книга о русском поэте». Приносим искреннюю благодарность А.В. Лаврову, сообщившему нам эту информацию; в настоящее время он готовит к печати переписку Брюсова и Струве.

[5] См. примеч. 4 к п. 53.

59.

19 июля 1913. Подобедовка Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Ст. Поповка Николаевской ж.д.;
поселок Подобедовка; Большой просп.;
дача Кондратьевых
Александру Алексеевичу Кондратьеву.

19.VII.1913.

Дорогой и глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Соскучился без общения с Вами и посылаю этот серенький листок бумаги потревожить немного Ваш летний покой… Уважительных причин для этого, вроде какой-либо просьбы о протекции или содействии в чем-либо, у меня нет. Просто хочется хотя бы заочно поговорить с Вами.

Прочел Вашу чуть-чуть запоздавшую статью в Русской Мысли с одним только многоточием в середине[1]. Не могу не присоединиться ко всему тому, что там говорится. Вполне, конечно, возможно, что гроза с Востока застигнет нас неожиданно, когда Англии, ради самосохранения, удастся заварить общеевропейскую ужасную войну, в которой представители латинской, германской и славянской рас займутся взаимным уничтожением… Статья Ваша произвела бы еще большее впечатление, если бы петербургские газеты не постарались ее замолчать, т.е. не говорили о ней столько, сколько она заслуживает. Я помню и первую статью Вашу в Новом Пути[2]. Она также была диссонансом со всем тем, что в то время писали по поводу международных вопросов. Помню, что и З.Н.Г. она не понравилась…

Сидел я недавно несколько дней в Публичной Библиотеке над материалом для никому не нужной статьи (мною уже пристроенной) об Авдотье Глинке (50 лет со дня ее смерти 26.VII.1913)[3]. Попутно читал в старых альманахах и журналах и многое другое. Весьма, напр., добропорядочны стихи Ф.Н. Глинки… Теперь сижу в Поповке, пользуюсь каникулами, не езжу в меджлис[4], привожу в порядок кое-какие новые данные об А.К. Толстом, переживаю разные семейные беспокойства[5], мешающие мне писать стихи (хотя иногда и пишу), мечтаю о невозможной для меня в настоящее время поездке на Кипр и Крит (нужно для начатого романа[6]) и перебираю, со скуки, в голове всякие старые сплетни.

Одна из них особенно сильно ко мне в настоящее время привязалась и не дает покоя. Сплетня никому не нужная и ни для кого не интересная. Да и вероятность ее в высокой степени сомнительна. Но Вы, б<ыть> м<ожет>, кое-что в состоянии будете мне уяснить, т.к. при обилии связей

можете случайно знать истину. Был ли Вл. Серг. Соловьев розенкрейцером и, если был, вводил ли он в это общество кого-либо из русских поэтов (в бытность свою в Риме)? Меня одно лицо в том уверяло, а я сомневался и до сих пор сомневаюсь, т.к. мне кажется, что этот слух изобретен и передавался в виде особой страшной тайны кем-либо из близких учеников этого поэта с целью возвеличить его и придать ему ореол особой таинственности. Я наводил уже кое-какие справки и узнал (не знаю, правда ли), что Вл. Серг. Соловьев, несмотря на свои симпатии к католичеству, розенкрейцером не был…

Всё это, конечно, пустяки, ни для кого, кроме меня, не интересные, и Вы смело можете на них мне не отвечать.

В «Русской Мысли» лежат принятые П.Б. Струве: мифологический рассказ «Ехидна»[7] и статья о молодости Н.Ф. Щербины (принятая благодаря Вам)[8]. Небольшая заметка о том же поэте лежит в набранном виде в редакции «Русской Молвы». Т.к. в ней находится одно из стихотворений, вошедших в большую статью «Русской Мысли», я, узнав о принятии этой последней, задержал небольшую заметку, ранее отданную в Русскую Молву, боясь, что Струве рассердится…[9] Боюсь, однако, чтобы не вышло какого-либо недоразумения, хотя мне и обещали не печатать заметки до появления статьи.

В переписке ругаю А.И. Тинякова за то, что он не пользуется возможностью (свобода, молодость, наличность времени и материальных средств), не едет на Средиземное Море, в Малую Азию, Африку и Палестину, предпочитает прозябать в Териоках и лишает тем себя возможности обогатиться красочными образами и впечатлениями[10]. Здесь же ему остается воспевать лишь плевки и окурки…[11] Лирондель пишет, что этим летом не соберется в Россию[12]. Работает над Некрасовым[13].

Не знаю, когда дойдет до Вас это письмо, да и вообще дойдет ли. Не знаю, получу ли я в ответ несколько строк (я на большее и не рассчитываю, зная, как велика Ваша переписка), — но получить ответ было бы для меня очень приятно. Хотелось бы узнать, как Вам живется и пишется.

Будьте здоровы, счастливы и благополучны.

Весь Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 21–22 об.
Конверт утрачен.

---

[1] Имеется в виду статья Брюсова «Новая эпоха во всемирной истории. По поводу Балканской войны» (Русская мысль. 1913. № 6. Отд. II. С. 94–105). В ней два

многоточия (оба на с. 102) — после фраз «Борьба кончилась политической смертью семитов» и «Англичане в своих восточных владениях никогда не садятся за один стол с туземцами». Возможно, Кондратьев счел оба результатом цензурного вмешательства. См. в письме к А.И. Тинякову, написанном в тот же день: «Статья Брюсова была написана до второй балканской войны. Он отстаивает общие интересы европейской культуры против будущих завоеваний со стороны азиатского Востока, авангард коего он пока видит в Турции. Брюсов для меня большая загадка. Мне очень хочется ему написать, но не знаю, где он» (РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 5об). О его местопребывании см.: «Июль и начало августа 1913 г. В. Брюсов с женой сначала отдыхали в Голландии, у моря, а затем совершили маленькое путешествие, чтобы побывать в музеях Амстердама, Брюсселя, Берлина» (*Ашукин Н.*, *Щербаков Р.* Брюсов. М., 2006. С. 403).

[2] См. примеч. 3 к п. 58.

[3] 14 июля 1913 г. Кондратьев писал А.И. Тинякову: «Я нацарапал было небольшую статью об Авдотье Глинке (26 июля исполняется 50 лет с дня ее смерти), но решительно не знаю, куда ее пристроить. Хотел было отправиться в Русскую Молву, но там нет Адрианова. Так, по-видимому, статья и пропадет» (РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 2). Статья «Авдотья Павловна Глинка» напечатана: Новый журнал для всех. 1913. № 7. С. 111–116.

[4] Так Кондратьев именовал в переписке Государственную Думу.

[5] В процитированном выше письме Тинякову Кондратьев писал: «Семейное мое положение — неважно. Жена всё еще нездорова, но я не теряю надежды на благополучный исход» (РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 2 об.).

[6] Роман этот (если он был написан) нам неизвестен.

[7] Напечатан: Русская мысль. 1913. № 10. Отд. I. С. 107–112.

[8] См. примеч. 7 к п. 44.

[9] Эта заметка нам неизвестна.

[10] Имеется в виду письмо к Тинякову от 14 июля 1913 г.: «Я думал, что Вы, обогнув побережье Средиземного моря, вкушаете теперь, под шум прибоя, отдых в Смирне или Яффе. Я мечтал, что Вы осенью расскажете мне о своих победах над бронзовыми девами Юга и прочтете сонеты о том, как красиво гармонируют серебряные браслеты со смуглою кожею удивительно стройных ног африканских красавиц. А Вы (о позор!) отдаетесь постыдной лени у жалкой чухонской лужи, именуемой Териоками. Там нет достаточно пищи и подобающих обстановке красот для Вашего таланта, и поневоле придется Вам вновь приняться за воспевание окурков и бумажек от карамели, валяющихся вдоль чахоточного пляжа с бесцветной водицей…» (РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 2).

[11] Подразумевается самое, вероятно, известное стихотворение-манифест Тинякова «Любо мне, плевку-плевочку…».

[12] См. примеч. 10 к п. 24. Письма Лиронделя к Кондратьеву не сохранились.

[13] Единственная известная нам статья Лиронделя о Некрасове (“Le poète de la terre russe: Nicolas Nekrasov”) была написана еще в 1908 г., см.: *Mazon A.* André Lirondelle (1879–1952) // Revue des Etudes Slaves. 1952. T. 29. Fasc 1–4. P. 109.

60.

16 октября 1913. СПб.

16.X.1913

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Перерыл всё свое собрание открыток, чтобы найти карточку, наиболее подходящую для Вас. Пишу карандашом, т.к. он легче стирается.

Переменил свой адрес, о чем, на всякий случай, и извещаю. Теперь я живу — СПБ. Консисторская ул. д. 10, кв. 11. Примите уверение в неизменной Вам преданности

Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 7–8.

Открытка с изображением императрицы Ливии. Не прошла почту.

61.

12 января 1914. СПб.

СПБ. Консисторская ул. 10 кв. 11.

12.I.1914

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Хотя мы с Вами давно не менялись письмами (вернее, я не получал их от Вас), я думаю о Вас гораздо более, нежели Вы подозреваете, а за последнее время — почти непрестанно. В думах своих мы не властны, и вспоминаетесь Вы мне не потому, чтобы я видел в новогоднем № Огонька Ваши портреты (я об этом узнал только вчера и пока еще не добыл этого №)[1]. Сегодня ночью Вы мне даже приснились (и весьма мрачный). Вообще, видеть Вас во сне — дурная примета[2]. Так как я принимал всегда довольно близко к сердцу Вашу судьбу, то беру смелость убедительно Вас просить черкнуть мне несколько слов, и прежде всего — здоровы ли Вы.

Если Вы будете в Петербурге, доставите мне большое удовольствие, заглянув ко мне вечером. У швейцара (№ тлф. 79–10) Вы всегда можете узнать, дома ли я, чтобы не проехаться напрасно. Будьте здоровы и счастливы. От всей души Вам также желаю душевного спокойствия.

Сердечно Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 25.
Закрытка. П.ш.: Москва (14.1.14).

---

[1] Имеется в виду фоторепортаж «Писатель Валерий Брюсов у себя дома» (Огонек. 1914. № 1. С. [9]; подп.: Г.Н.).

[2] См. примеч. 1 к п. 17.

62.
13 апреля 1914. СПб.

СПБ. Консисторская ул. д. 10, кв. 11.

13.IV.1914

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

После долгого-долгого молчания Вашего и неимения о Вас почти никаких известий, вчера вечером я неожиданно получил II и XXI т.т. Собрания Ваших произведений[1]. Томы эти, как и всё, в них напечатанное, конечно, весьма ценны, но для меня гораздо ценнее был самый факт того, что Вы обо мне не забыли.

Большое Вам спасибо за эти книги. Хорошо, что Вы не выкинули старых редакций. Память, впрочем, подсказывает мне не помещенный, но напечатанный где-то вариант заключительной строки в «Марии Стюарт», который мне больше нравился…[2]

Жалею, что обстоятельства не дают мне возможности выпустить теперь же том напечатанных уже в разных периодических изданиях рассказов[3]. Соберусь со средствами, отпечатаю и пошлю Вам. Б<ыть> м<ожет>, и этот том Вас развлечет когда-либо. Будьте здоровы и счастливы. Еще раз спасибо за память. Александр Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 26.
Открытка. Неразборчивый почтовый штамп.

---

[1] Речь идет о томах собрания сочинений Брюсова, выходившего в издательстве «Сирин». Последовательность издания томов не соответствовала их номерам; изда-

ние не было завершено. Т. II имел подзаголовок «Tertia Vigilia. Стихи 1898–1901», Т. XXI — «Французские лирики XIX века».

[2] В собрании сочинений стихотворение «Мария Стюарт» («О, если б знала ты, что пред тобою было…») кончается: «Но солгала и смерть: твоим безглавым телом / В последний раз насытился палач» (С. 39). Та же концовка — в сборнике «Пути и перепутья» (Т. 1. М., 1908. С. 97). Кондратьев же помнил вариант десятилетней давности — в сборнике “Urbi et orbi” (М., 1903. С. 160) последняя строка читалась: «В ночной тиши насытился палач».

[3] Об изданиях прозы Кондратьева см. примеч. 1 к п. 10. Третий планировавшийся им сборник рассказов в свет не вышел.

63.

8 ноября 1914. Пг.

Петроград
Консисторская 10, кв. 11.

8.XI.1914

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

На днях от Вашего имени присланы были мне кн<игоиздательст>вом Сирин т.т. III и XV Собрания сочинений Валерия Брюсова (т.т. II и XXI я получил от Вас раньше)[1]. Как ни захватила меня война, но не мог я не прочесть «Протесилая» и не перечесть (в третий раз) «Землю». Находя, что Вам не следует отдавать энергии своей на переводы (пусть это делают те, кто не умеет творить, как Вы), я не хочу и, по всей вероятности, не буду читать ни «Амфитриона», ни «Пеллеаса и Мелизанды» (и в подлиннике читать их не собираюсь!). Но я еще раз перелистал третий том Ваших стихов, оставшихся для меня по-прежнему дорогими. — «Вот рука мастера!» — подумал я, дважды перечтя «Во храме Бэла»[2]. Точки на стр. 54 заставили меня откопать соответствующий № Золотого Руна и вспомнить, как Вы читали это стихотворение у Вячеслава Иванова…[3]

Примите искреннюю благодарность мою за внимание и память о верном Вашем поклоннике, которому Вы дали возможность забыть о полном беспокойства настоящем и вернуться к прекрасному прошлому. Не благодарил Вас до сих пор, т.к. лишь теперь узнал от А.М. Ремизова, что к Вам можно писать по прежнему адресу[4]. Увы, не могу до сих пор порадоваться отправкою Вам новой книжки своих рассказов. Напечатанных в разных изданиях у меня накопилось их и хороших и плохих более чем достаточно, но издам я их, по всей вероятности, не ранее чем реализую, подобно Вам, имеющиеся у меня и не приносящие мне дохода недвижимости…

Я думал, да и теперь иногда думаю, что Вы где-нибудь в Восточной Галиции, и местные ученые, публицисты и политики вкрадчивым голосом уверяют Вас в том, что для этого края необходимо сохранение польской культуры, или доказывают, что «русинское» население ничего общего не имеет с Россией и «московофилы» — люди, купленные российским серебром…[5]

Я убежден, что за Вами сильно ухаживали… Но я убежден также, что те, кто ждут от Вас стихотворения «Галиции» (или «Украине»), аналогичного «Финляндии»[6], ошибутся… В ту минуту, когда так близко завершение мечты целого ряда поколений предков Ваших (да и Вашей собственной мечты, по крайней мере, дней Вашей юности), рано еще думать и хлопотать о необходимости расчленения Империи, которая не сказала еще своего последнего слова. Надо дать возможность оторванным и воссоединяемым частям великого нашего народа (ничтожный не мог бы создать гигантской Империи) прочесть Державина, Лермонтова и Брюсова в звучном их подлиннике, а не в переводе на испорченный полонизмами жаргон…

Мрачные мысли приходят мне в голову не оттого, чтобы я сомневался в нашей способности победить, не оттого, чтобы меня страшила мысль провести долгое время в качестве ратника ополчения, в дурно пахнущих и невентилируемых казармах, а оттого, что значительная часть сограждан утратила в себе свойственный всем жизнеспособным народам национальный эгоизм, который, при наличии такового у союзников и соседей, должен считаться инстинктом государственного самосохранения, предохраняющим от развала… Подобно Вам, я люблю японские, индийские и персидские миниатюры, крутые выпуклые профили на монетах диадохов, изумительную виртуозность украшений египетских принцесс, стихи Аретино, плавный звук метров Илиады, Капуанскую Венеру и так хорошо описанных у Леона Буассье граждан Великого Рима[7]. Но любовь к чужим культурам не мешает во мне сознанию долга по отношению к своей собственной, не мешает мне гордиться тем, что «Императорской порфиры Край упал на Арарат», чувствовать боль и гордость в груди, читая слова «Севастопольские брани в мире громом отдались»[8]. И я чувствую, что, написав эти двустишия, Вы не только подражали стилю солдатских песен, но и сами ощущали нечто.

Поэтому я не могу не беспокоиться, слыша кругом соображения о том, что настоящая мировая борьба за существование нескольких великих народов есть не что иное как борьба культурных и пацифически настроенных народностей против… прусского милитаризма!..

В надежде, что Гений нашего племени будет бодрствовать на страже его интересов, шлю Вам лучшие мои пожелания, напр. увидеть, как

«Славянский стяг зареет над Царьградом»[9] (конечно, без бурбонских лилий Фердинанда Кобургского[10])…

Жму крепко руку.

Вам верящий и любящий Вас Ал. Кондратьев.

Если меня отправят на тот свет, не давайте залежаться в Русской Мысли моему рассказу «Цирцея», написанному весной[11]. Хотя меня еще не призывают пока…

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 27–28 об.

Конверт утрачен.

---

[1] См. примеч. 1 к п. 62. Т. III имел подзаголовок «Urbi et Orbi. Стихи 1901–1904», т. XV — «Театр. Земля. (Сцены будущих времен). — Путник. (Психодрама). — Протесилай умерший. (Трагедия с хорами). — Амфитрион. (Комедия Мольера). — Пелеас и Мелизанда. (Драма М. Метерлинка)».

[2] «Лирическая поэма» (по собственному определению автора) «Во храме Бэла» («Ассура край постигло наводнение...»).

[3] На с. 54 3-го тома собрания двадцать строк точек, разбитых на пять катренов, заменяют седьмой текст в цикле «Баллады» из сборника “Urbi et orbi”. Впрочем, в оглавлении он упомянут — это стихотворение «Призыв» («Приходи путем знакомым…»). Впервые оно напечатано в составе цикла «Воскресшие песни» (Золотое руно. 1906. № 1. С. 43–44). Брюсов читал его на «башне» Вяч. Иванова в январе 1906 г. в одну из «сред» — 18 или 25 января; вероятнее, кажется, на первой из них, поскольку про нее нам доподлинно известно, что Кондратьев на ней присутствовал (см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 153–157). Об этом же чтении вспоминал К. Сюннерберг, см.: *Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* Символисты вблизи. СПб., 2004. С. 207. В обобщенной записи дневника В.Я. Брюсова, датированной «Декабрь <1901>», повествуется о важности этого стихотворения для споров рубежа веков: «Очень обольстило Д.С. <Мережковского> мое некрофилическое стихотворение. <…> Я читал опять свое некрофилическое стихотворение. Все недоумевали. Бугаев намекнул, что за это полагается каторга, а ДС исступленно вопиял: — Это единственный путь к богу отцу» (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16. Л. 5об., 6об.). В позднем рассказе Кондратьева герой, наделенный некоторыми автобиографическими чертами, вспоминает: «Я слышал, как Федор Сологуб читал в редакции “Нового Пути” стихотворение, взывающее к Отцу-Дьяволу, как Валерий Брюсов своими отрывисто бросаемыми четкими словами описывал любовные чувства к мертвому женскому телу, как Блок, стоя на пороге двух комнат и традиционно устремив выжидающий взор на входную дверь, громким голосом, как заклинание, читал свою “Незнакомку”, я слышал, как автор “Крыльев”, Кузмин, пел под звуки фортепиано свои “Александрийские песни”…» (*Кондратьев А.* Две эпохи // Волынское слово. 1926. № 976, 27 марта. С. 2–3).

[4] Здесь, видимо, какое-то недоразумение: с 13 августа 1914 по 6 января 1915 г. Брюсов находился вне Москвы, преимущественно в Варшаве, где во время написания письма его адрес был неизменен. 1 ноября Кондратьев запрашивал А.И. Тинякова: «Не знаете ли, где теперь В. Брюсов. Получил от него 2 книги; не знаю, куда написать» (РНБ. Ф. 774. № 20. 52об.–53).

[5] Брюсов был в Галиции в качестве военного корреспондента в сентябре 1914 г. О положении русинов он писал много позже в статье «Литература в Перемышле»

(Русские ведомости. 1915. № 88, 18 апр. С. 5). Размышления Кондратьева по этому поводу см. в его письме к Б.В. Никольскому от 24 августа 1914 г. (*Письма к Никольскому*. Л. 74–75).

[6] Вероятно, Кондратьев подразумевает стихотворение «К финскому народу» («Упорный, упрямый, угрюмый…»; впервые: Русская мысль. 1910. № 10. С. 1–2), с его явным сочувствием финскому сепаратизму.

[7] Подразумеваются труды французского историка Гастона (не Леона!) Буассье (1823–1908) «Картины древнеримской жизни» (она же «Картины римской жизни времен цезарей»), «Цицерон и его друзья» и др.

[8] Обе цитаты — из стихотворения Брюсова «Солдатская» («Так-то, братцы, и с Китаем…») из цикла «Мой песенник».

[9] Последняя строка стихотворения Брюсова «Проблеск» («Восток и Запад, хитрый Змей и Лев…»).

[10] Фердинанд I (1861–1948) — царь Болгарии, потомок французских королей. Кондратьев подразумевает опасность для России, таящуюся в союзничестве с ненадежной Болгарией.

[11] Рассказ напечатан: Русская мысль. 1916. № 2. Отд. I. С. 87–101.

64.

12 декабря 1914. Пг.

Петроград
Консисторская д. 10, кв. 11.

12.XII.1914

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Вчера, 11 декабря, получил посланную из Москвы 10-го декабря Вашу открытку. Был крайне обрадован Вашим вниманием. Вчера почтовые отделения были заперты, а потому книги послал лишь сегодня. Боюсь, что книги Вас уже не застанут в Варшаве, т.к. письмо Ваше шло оттуда очень долго (с 29 ноября)[1]. Увы, сборников рассказов у меня только два. Третьего до сих пор не могу собраться со средствами выпустить, хотя материала довольно. Первый сборник слаб, но я послал и его, т.к. там найдется рассказа два приличных. Чтобы посылка вышла не слишком тощей, я подбавил туда второй сборник стихов и оттиски трех рассказов из Р<усской> М<ысли>[2]. В этом журнале лежит довольно давно принятый уже рассказ «Цирцея» (участь Пенелопы, Телегона, Одиссея, Телемаха и самой Цирцеи)[3]. Лисенков состоит председателем не функционирующего этот сезон «Нового О<бщест>ва Поэтов»[4]. Ораторские обязанности в этом о<бщест>ве исполняет Н.В. Недоброво (Тов<арищ> Пр<едседате>ля и большой друг Вяч. Иванова, который, по-видимому, очень дорожит отношениями с ним)[5]. Лисенков более сдержан с В. Ив.[6]

На книжках ничего не писал, чтобы Вы могли их, уезжая, бросить или подарить. Лисенков сам пишет недурные стихи, но не печатает их. Спасибо за лестный отзыв о моей прозе. Конечно, это письмо Ваше будет хранимо мною как зеница ока (уже теперь в душе у меня подымаются опасения, как бы оно не пропало). Пишу Вам на открытке, рассчитывая, что таковая скорее дойдет. Если бы знал, что Вы здесь останетесь еще на некоторое время, то с удовольствием написал бы еще.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 9. Л. 29.
Открытка. П.ш.: Пг (12.12.14); Москва (нрзб).

---

[1] Брюсов задержался в Варшаве до начала января 1915 г. (см.: *Брюсов В*. Письма неофициального корреспондента. Письма к жене (август 1914 — май 1915) / Общ. ред., подгот. текста и коммент. М.В. Орловой. М., 2015. С. 128–129). Вопреки опасениям Кондратьева, письмо дошло достаточно быстро; Брюсов сообщал жене 17 декабря 1914 г.: «Получил от Кондратьева книги и письмо» (Там же. С. 117).

[2] Как следует из дальнейшего, посланные экземпляры не были подписаны автором, при том что в архиве Брюсова сохранились — украшенные инскриптами Кондратьева — книги прозы «Белый козел» («Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от искренно его почитающего и любящего автора. 7 февраля 08» // НИОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. 1134) и «Улыбка Ашеры» (см. примеч. 1 к п. 37), второй сборник стихов (“Valerio magno in manus… Alexander scriba modestus” // Там же. Ед. хр. 1135), оттиски статей «Крымские очерки гр. Толстого» («Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову — на память — автор. 14.VII. 1912» // Там же. Ед. хр. 1138) и «Материалы по истории русской литературы и культуры» («Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову — искренно его любящий автор. 2.V.1914» // Там же. Ед. хр. 1139).

[3] См. примеч. 11 к п. 63.

[4] Евгений Григорьевич Лисенков (1885–1954) — поэт, издатель, искусствовед, научный сотрудник, а затем заведующий отделом гравюр Эрмитажа. Наиболее значительная публикация его редких стихотворных опытов состоялась в «Альманахе муз» (Пг., 1916), создававшемся при его участии. «Новое общество поэтов» (оно же в обиходе «Физа») сменило «Общество ревнителей художественного слова», в свою очередь, возникшее из «Академии стиха». Лисенков познакомился с Брюсовым в 1914 году в Нове-Място (о чем сам он вспоминал в письме от 13 марта 1916 г. // НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 92. Ед. хр. 26. Л. 1). Возможно, Брюсов спрашивал о нем у Кондратьева именно после состоявшейся встречи.

[5] Поэт и литературный критик Николай Владимирович Недоброво (1882–1919) действительно был чрезвычайно близок Вяч. Иванову.

[6] Данными о знакомстве (весьма вероятном и даже практически неизбежном) Лисенкова с Вяч. Ивановым и об их взаимоотношениях мы не располагаем.

65.

22 марта 1915. Пг.

22.III.1915

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Давно Вам не писал, да и от Вас давно не имел известий. Сегодня прочел в «Речи» известие о ранении и взятии в плен С.А. Соколова[1]. Мне это грустно. Он во многом в свое время заблуждался; порою был Вашим противником, но противником благородным и культурным. Бывают противники и противники. Иной союзник неприятнее бывает, чем враг… Я не понимаю, какая муха укусила Б.А. Садовского и почему он ополчился на Вас[2]. Не задели ли Вы когда-нибудь нечаянно его самолюбия[3]? В свое время я пытался его образумить, но тщетно. Выпады его против Вас мне неприятны и я с ними глубоко не согласен. Но еще более обидно мне за Вас стало, когда на защиту Вашу в «Дне» ополчился и принял Вас и Н.С. Гумилева под свое покровительство Сергей Абрамович Ауслендер[4]. Словно Вы нуждаетесь в чьей-нибудь защите?!... О настоящих и будущих нападках А. Тинякова я не говорю[5]. Он недостаточно образован и на статьи его мало обращают внимание.

Теперь его приняла под свое покровительство и пользуется им как орудием против В.В. Розанова сама Ψνаида[6]. Выжатый как лимон, он будет, по миновании надобности, выброшен за дверь…

Я весьма буду рад, если Вы известите меня, когда приедете в Питер, и дадите мне возможность с Вами увидеться и поговорить[7] (не по литературным делам)…

Не известно ли Вам случайно, сохранились или нет после смерти артистки Истоминой альбомы со стихами, ей посвященными[8]. Нет ли где каких-либо их следов? Мне очень бы хотелось их перелистать[9]. Врожденная же у меня боязнь казаться нахальным удерживает меня от вторжения по очереди в квартиры всех петербургских коллекционеров по истории балета. Я занимался Ф.А. Туманским. Для статьи у меня не хватает еще материала на несколько заключительных стихов <sic>[10].

За эту зиму я пересмотрел довольно много разных альманахов и журналов 20-х годов прошлого столетия. Тогда было несколько ныне совершенно забытых хороших поэтов, вроде, напр., Ротчева[11]. Я пишу не лучше их. Поневоле приходит в голову мысль: стоит ли трудиться, когда забвение более чем обеспечено… Мне иногда приходит в голову, что Бенедиктов не был бы забыт, если бы 1) получил лучшее в художественном и литературном отношении образование и 2) если бы цензура не заставляла его сглаживать до плоскости его стихи… Вам, по моему

убеждению (искреннему), забвение не грозит, т.к. Вы обладаете между прочим даром творчества в области художественных образов. Помимо, конечно, своеобразной (лучше было бы написать это прилагательное двумя словами или не заимствованной ни у кого) музыкой слов.

Меня интересует иногда вопрос: всё ли[12] в жизни Вы испытали и не приходило ли Вам в голову, что, умирая, Вы, пожалуй, станете жалеть, вспомнив о чем-нибудь еще не изведанном, но могшем Вас взволновать… Я жду не дождусь, когда выйдет Ваш «Алтарь Победы», чтобы вновь его перечитать (в дополненном виде). Мне хотелось бы также не умереть, раньше чем я не прочту «Юпитера Поверженного» и всего того, что Вы напишете[13]. Меня сильно занимает вопрос, действительно ли (или это мне так только кажется) Ваши симпатии были на стороне тех, кто отстаивал алтарь Богини Победы[14].

Жаль только, что большая публика, эта толпа, мыслящая фразами, которые ей ежедневно преподносят в захваченной ими прессе еврейские ублюдки, шабесгои и представители избранной расы, скрывающие под псевдонимами свое обрезание, не в состоянии оценить ту гигантскую работу, которую Вы совершили. Ваш роман в историческом отношении интереснее и выше Сенкевича, а в художественном — не страдает тенденциозной клерикальной слащавостью Вашего соперника. В Вашем романе при всем его объеме нет многоводности Мережковского, а ярких пятен (описательных по преимуществу), пожалуй, больше, чем у него. Кроме того, Мережковский беден в описаниях, почти лишен эрудиции и склонен, вообще, к шаблону. Вполне справедливая оценка Вас ждет лишь впоследствии, да и то если печать переменит своих хозяев.

Не известно ли Вам случайно местонахождение С.А. Соколова[15]?

Мне кажется, что Б.А. Садовского можно было бы тем или иным способом заставить прекратить его выступление против Вас. Он когда-то выступал и против меня, но я мало был этим тронут, а после у меня создались с ним довольно приличные отношения. А вот с Ауслендером у меня никогда не было столкновений; но я знаю, что он меня не очень любит…

Повторяю, Вы мне доставите большое одолжение, ответив на ряд имеющихся в этом письме вопросов.

Вас любящий и уважающий Ал. Кондратьев.

<*Приписка на первом листе вверху*:> Адрес: Петроград. Консисторская ул. 10, кв. 11.

<*Приписка на первом листе внизу*:> Шлю почтительный поклон мой глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 1–3.

Конверт отсоединен от письма, но хранится в той же архивной папке. П.ш.: Москва (26.3.15).

---

[1] В неподписанной рубрике «Литературная летопись» было помещено краткое сообщение: «Находится в плену у немцев раненый под Гродно московский поэт и владелец известной книгоиздательской фирмы “Гриф” С.А. Соколов-Кречетов» (Речь. 1915. № 79, 22 марта. С. 5). Кондратьев дружил с Соколовым, о чем см. в дневнике Л.Д. Рындиной (*Богомолов Н.А*. Вокруг «серебряного века». С. 405), уже после его смерти поддерживал эпистолярные отношения с его вдовой.

[2] Имеется в виду крайне недружелюбный отзыв Б.А. Садовского о Брюсове в статье «Юбилей безвременья», (впервые: *Садовской Б*. Озимь: Статьи о русской поэзии. Пг., 1915. С. 33–46). Резкость ее тона обратила на себя внимание современников, ср., напр.: «Необычный юбилейный спич Садовского написан в тонах почти личного раздражения. Я не могу утверждать, что это так и есть, но над его статьей не веет то ощущение высокой идейности и оторванности от личных чувств, какое отличает классические образцы бескорыстных и возвышенных полемик» (*Измайлов А*. Темы и парадоксы // Биржевые ведомости. 1915. № 14 (753), 30 марта (утр. вып.). С. 2). Сам Брюсов откликнулся эпиграммой: «Пусть обо мне писала сладко / Твоя рука, — мне было гадко. / Вот ругань обо мне всё та же, / Рука строчит. Мне стало ль гаже?» (*Брюсов В*. Неизданные стихотворения / Ред., предисл. и примеч. А. Тер-Мартиросяна. М., 1935. С. 465).

[3] Фраза подчеркнута синим карандашом, вероятно — рукой адресата.

[4] Подразумевается статья: *Ауслендер С*. Литературные заметки (Книга злости) // День. 1915. № 79, 22 марта. С. 5. Автор, среди прочего, писал: «<…> я давно привык считать Б. Садовского как бы принадлежащим к одной литературной семье. Поэтому-то так больно, так стыдно стало мне, когда, прочитав “Озимь”, я увидел, что эта тоненькая брошюрка есть книга ренегата. Не только потому Садовской — ренегат, что прежде он любил Брюсова, а теперь не находит для него достаточно оскорбительных слов и, забываясь, доходит до совершенно непристойных в литературном и общественном отношении выходок. Вкусы и взгляды меняются, я готов согласиться. Но предательство заключается в том, что на двадцати маленьких страницах, посвященных Брюсову, Садовской повторил все пошлые, давно затрепанные обвинения, обычно предъявляемые этому поэту критикой Буренинского толка, врагами всей молодой литературы нашей». См. также поздний комментарий к этому эпизоду: *Иванов Г*. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1994. С. 81–82. Сам Кондратьев писал по этому поводу Садовскому: «Конечно, не за честь Брюсова ополчился Ауслендер. По-видимому, Брюсов и Гумилев только ширмы, статья же написана в отмщение за честь адриановых и тырковых, за честь тех, кто хозяйничает в нашей литературе, за кем ухаживает он и ему подобные. С Вашим мнением о Брюсове я, конечно, не согласен» и т.д. (письмо от 24 марта 1915 г. // *Переписка с Садовским*. С. 22–23).

[5] Нам неизвестны отзывы Тинякова о Брюсове, относящиеся к 1915 г.

[6] Ср. в почти синхронном (от 24 марта) письме к Б.А. Садовскому: «Александр Иванович, по-видимому, рассчитывает на взаимность в услугах, оказываемых им чете Мережковских и Философову... Значительно ошибется в расчетах» (*Переписка с Садовским*. С. 23). Еще несколько дней спустя он сообщал Б. Никольскому: «Ал. Ив. Тиняков снюхался с Ψунаидой и, по-видимому, подпал под ее и Мережковского с Философовым влияние» (письмо от 29 марта 1917 г. // *Письма к Никольскому*. Л. 105). Действительно, на весну 1915 г. (как заметно даже по сохранившейся переписке, см.: *Богомолов Н.А*. Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову // Литературный факт. 2016. № 1/2. С. 55–57) падает период весьма интенсивного общения Тиняко-

ва с Мережковскими. В одном из мемуарных очерков Кондратьев упоминает эпизод, связанный с Гиппиус:

> Вы знаете, как разрезают книгу женщины? — Они вынимают шпильку из своей прически и, просунув ее между страницами, раздирают последние.
>
> Помню размолвку, происшедшую у меня когда-то с довольно известною в свое время поэтессой, любившей, между прочим, писать в мужском роде.
>
> Увидя, как она вынула черепаховую шпильку из своих великолепных золотистых волос и стала «разрезать» ею новое издание, я не удержался и воскликнул:
>
> — Женщина!
>
> Зинаида Николаевна, претендовавшая в то время, чтобы ее считали чем-то вроде андрогины, очень обиделась за это восклицание, и отношения наши потерпели с тех пор некоторое охлаждение

(*Каппа <Кондратьев А.>*. О книгах // Волынское слово. 1925. № 765, 6 янв. С. 2).

[7] Фраза подчеркнута синим карандашом.

[8] Слова «Не известно ли Вам случайно» и «артистки Истоминой альбомы со стихами, ей посвященными» подчеркнуты синим карандашом.

[9] Авдотья Ильинична Истомина (1799–1848) — знаменитая петербургская балерина. Сведений о принадлежавших ей альбомах у нас нет.

[10] Еще 3 ноября 1914 г. Кондратьев сообщал Б.В. Никольскому: «У меня теперь подобрались интересные биографические данные о службе Федора Туманского» (*Письма к Никольскому*. Л. 87). Статья Кондратьева о Туманском («Ф.А. Туманский. Материалы к биографии») не была напечатана; сохранилась в составе архива В.И. Анненского-Кривича (РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 119).

[11] Александр Гаврилович Ротчев (1806–1873).

[12] Слова с начала фразы подчеркнуты синим карандашом.

[13] «Юпитер поверженный» («Повесть из времен последней революции в Риме IV века до н.э.») остался незавершенным, но теоретически Кондратьев все-таки имел возможность его прочесть — сохранившиеся главы напечатаны в 1934 г.: *Брюсов В.Я.* Неизданная проза. Юпитер поверженный и фрагменты других исторических рассказов / Ред. И.М. Брюсовой; статьи И.М. Брюсовой и И. Поступальского. М.; Л., 1934.

[14] Фраза (за исключением слов, взятых в скобки) подчеркнута синим карандашом; справа им же написано: «Ответьте, если не трудно».

[15] Фраза подчеркнута синим карандашом. С.А. Соколов (Кречетов) находился в немецком плену (см. примеч. 1 к наст. п.).

66.

10 июня 1915. Пг.

10.VI.1915

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Простите, что так долго не сообщал Вам обещанных сведений по поводу местожительства К. Чуковского. Настоящего его имени я так и не узнал. Раньше помнил, теперь — забыл[1]. В конторе «Нивы» мне дали такой адрес: «ст. Куоккала Финл<яндской> ж<елезной> д<ороги>,

дача Дальберга; Корнею Ивановичу Чуковскому». Говорят, что сами так пишут и письма доходят. Уловить же А.М. Ремизова, несомненно знающего точно имя и отчество Корнейчукова, до сих пор не удается. Читаю по вечерам, стараясь продлить наслаждение, маленькими порциями «Алтарь Победы». Был ли у Вас где-нибудь напечатан «Юпитер Поверженный», на который там имеются ссылки[2]? Я нигде его не встречал. На всякий случай, мой адрес: «Петроград. Таврический Дворец. Канцелярия Государственной Думы». Там я бываю почти каждый день. Дачный же мой адрес: «Почт. отд-ие Самопомощь Петроградской губ., поселок Подобедовка, Большой просп., дача П.П. Кондратьева[3]». Попадать же ко мне следует чрез ст. «Поповка» Николаевской ж.д. От станции 2 версты. Есть конка мимо калитки. Если судьба понесет Вас в Питер, буду счастлив Вас встретить. Мой низкий поклон глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне. Ваш Александр Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 4.
Открытка. П.ш.: Пг (10.6.15); Москва (12.6.15).

---

[1] Переписка Брюсова и Чуковского была возобновлена после трехлетнего перерыва в начале мая 1915 г. Отправляя первое письмо 2 мая, Брюсов начинал его: «Давно, очень давно не случалось мне писать Вам. Не знаю даже, дойдет ли до Вас это письмо, т.к. не уверен, что пишу по точному адресу» (Переписка В.Я. Брюсова и К.И. Чуковского / Вступ. заметка, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Контекст: Историко-литературные и теоретические исследования. 2008. М., 2009. С. 393). Чуковский отвечал ему только 7 августа: «Наконец-то после долгих мытарств дошло до меня Ваше письмо» (Там же. С. 394). Очевидно, из-за этого промедления обычно аккуратного Чуковского Брюсов хотел перепроверить его адрес у Кондратьева.

[2] См. примеч. 13 к п. 65.

[3] Архитектор Павел Петрович Кондратьев, много строивший в селениях Подобедовка и Самопомощь. См. в недатированном письме к Б.В. Никольскому: «У моего двоюродного брата Павла Петровича Кондратьева есть знакомый Никольский» (*Письма к Никольскому.* Л. 174).

67.

26 августа 1915. Пг.

Таврический Дворец. Канцелярия Гос. Думы

26.VIII.1915

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Очень прошу Вас сообщить мне, когда Вы будете в Питере, дабы я имел возможность, если Вы ничего против не имеете, Вас повидать

и с Вами поговорить. В настоящее время я живу в Поповке по Николаевской ж.д. (поселок Подобедовка, Большой пр., дача П.П. Кондратьева), откуда ежедневно езжу в Думу. Зиму рассчитываю провести там же. Если боги будут ко мне благосклонны, они осуществят мое желание Вас увидеть и с Вами говорить. Прошу Вас передать мой почтительный поклон и лучшие пожелания глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне.

Жму крепко руку

Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 5.

Открытка с репродукцией картины А. де Буше «Саламбо». П.ш.: Пг (26.8.15).

68.

6 ноября 1915. Пг.

6.XI.1915

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Собираюсь на днях в Москву, и был бы весьма рад, если бы мне удалось повидаться с Вами. Шлю почтительный мой привет глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

Закончил и переписал трагедию «Елена Троянская»[1].

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 7.

Открытка с репродукцией картины A. Lupiac «Кентавр и Сирена». П.ш.: Пг (6.11.15).

[1] Отдельное издание: Елена: Драматический эпизод из эпохи Троянской войны. Пг., 1917.

69.

25 ноября 1915. Пг.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Для того чтобы оформить наш разговор, оказывается, необходимо Ваше присутствие в Санкт-Петербурге. Сделать это в Москве, как Вы сами потом убедитесь, невозможно, по многим причинам[1]. Узнав от меня, что Вы навещаете иногда Северную Пальмиру, мне поручили просить Вас сообщить, когда Вы будете иметь в виду туда приехать, чтобы я мог предупредить кого надо. Благоволите, в таком случае, предупредить меня, по возможности за несколько дней (для писем — Петроград. Шпалерная. Таврический Дворец. Канцелярия Государственной Думы); в случае нужды — телеграммой (Петроград, Канцелярия Государственной Думы. Кондратьеву). Если представится опасение, что телеграмма могла бы попасть в Питер в праздничный день, когда я в Думу не езжу, то лучше направлять в таком случае так: «Самопомощь Петроградской губ. Подобедовка. Большой. Кондратьеву Александру». Мой телефон (служебный): 524–81 (Канц-ия Г.Д.) или 47–52 (Кабинет Председателя Государственной Думы). Если Вы соберетесь не на рождественских праздниках, постарайтесь быть в Питере в течение воскресенья или понедельника, вторника или среды (четверга, пятницы или субботы, пожалуйста, если можно, не выбирайте).

Очень, очень прошу Вас, глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич, не отказать мне в ответе.

Прошу передать почтительный мой привет глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне.

Ваш Ал. Кондратьев.

Я живу ст. Поповка Николаевской ж.д., поселок Подобедовка, Большой просп., дача Кондратьева.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 9–9 об.

Конверт. П.ш.: Пг (25.11.15); Москва (26.11.15).

---

[1] Вероятно, Кондратьев намеревался познакомить Брюсова с Б.В. Никольским, но в этом контексте таинственно выглядит намерение «оформить» результаты предстоящего разговора. См. также развитие темы в п. 70.

70.

Конец ноября — начало декабря 1915. Петроград.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Опасаясь, что некоторые выражения моего письма были превратно истолкованы Вами, спешу пояснить, что никаких подписей или письменных документов не предстоит. Просто одно лицо, стоящее в некоторых отношениях значительно выше, чем Ваш покорнейший слуга, хотело бы повидаться с Вами. Ехать же в Москву ему, по разным соображениям, неудобно. Вам же хотя бы кратковременный приезд в Питер, как Вы сами потом убедитесь, необходим. Поэтому не откажите известить меня, когда Вы будете иметь в виду по какому-либо делу прибыть в Питер, чтобы лицо, желающее с Вами познакомиться (как с писателем оно с Вами уже знакомо), могло бы этим воспользоваться. Думаю, что, в случае надобности, оно может свободно поговорить с Вами и по поводу Ваших работ над Пушкинскими текстами и обменяться взглядами по поводу достоинства того или другого римского поэта[1].

Вас искренно любящий

Ал. Кондратьев.

Прошу передать мой привет глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне.

PS. Читаю теперь латышские народные песни («Памятники латышского народного творчества») в переводе Спрогиса (Вильна. 1868 г.). Нашел у букиниста 2 экземпляра. Один из них приобретен за 1 р. 50 к. Второй экземпляр остался у букиниста.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 17–18.

Конверт утрачен.

Несмотря на то, что письмо хранится в архивной папке с посланиями 1906 г., условно датируем его осенью 1915 г. — по смежному упоминанию таинственного петербургского собеседования и книги латышских песен.

[1] Сюжет письма остается для нас загадочным. Можно было бы предположить, что таинственный знакомец Кондратьева — Б.В. Никольский (по крайней мере, этому соответствует интерес к римской поэзии и Пушкину), но в его дневнике нет следа знакомства с Брюсовым, тем паче при посредничестве Кондратьева. См. также примеч. 1 к п. 69.

71.

4 декабря 1915. Пг.

Петроград. Шпалерная улица

4.XII.1915

Таврический Дворец.
Канцелярия Государственной Думы
или
ст. Поповка Николаевской ж.д.,
поселок Подобедовка
(почт. отд. Самопомощь Петроградской губ.)
Большой пр.; дача Кондратьевых.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Один из моих друзей, прочтя в № 7 «Русского Библиофила» о предстоящем издании «Альционою» антологии эротических пьес римских поэтов в Вашем переводе, в количестве всего 111 экземпляров, встревожился, что его библиотека (весьма богатая всевозможными изданиями римских поэтов) может оказаться без этой книги[1]. Поэтому он, зная о моем знакомстве с Вами, обратился ко мне с просьбою узнать от Вас, когда, где и как можно подписаться на вышеозначенное издание.

Сам я дерзаю надеяться, что для меня у Вас найдется корректурный, хотя бы и несброшюрованный оттиск этой книги, когда она появится в свет.

В «Русском Библиофиле» среди прочих переводимых Вами римских поэтов почему-то не упомянут Катулл.

Зная, как Вы завалены работою и как Вам трудно писать, я всё же очень прошу не оставить меня ответом относительно того, как и где можно подписаться, сообщите и цену, хотя таковая безразлична.

Может быть, заодно черкнете также, получили ли 2 моих предыдущих письма, т.к. я опасаюсь, что они могли пропасть.

Вожусь теперь над «реставрацией» славяно-русской мифологии. Занятие дерзкое, чтобы не сказать больше. Приходится много читать всякого хламу.

Прошу передать почтительный мой привет глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне. Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 12–12 об.
Конверт. П.ш.: Пг (5.12.15); Москва (6.12.15).

[1] Имеется в виду анонс подготовленной Брюсовым книги: Erotopaegnia: Стихи Овидия, Петрония, Приапеевы, Марциала, Пентадия, Авсония, Клавдиана, Луксория в переводе размером подлинника. Предисл. переводчика. М.: Альциона, 1917. Напечатана она без обозначения типографии, «на правах рукописи», в количестве 305 нумерованных экземпляров. В указанном номере журнала помещен краткий анонс: «<…> издательство “Альциона” приступает к изданию антологии эротических произведений римских поэтов — Овидия, Петрония, Марциала, Авсония. Луксория и др. — в переводе размером подлинника, Валерия Брюсова. Эта “Erotopaegnia” будет напечатана лишь в 111 экз. по предварительной подписке и в продажу не поступит» (Русский библиофил. 1915. № 7. С. 122). «Один из друзей», о котором здесь идет речь, — судя по всему, тот же Б.В. Никольский, переводивший с латинского (в том числе названного далее Катулла) и бывший страстным библиофилом. О принадлежавшей ему библиотеке Кондратьев писал (не называя имени): «Я знал другого писателя, обладавшего библиотекой или, вернее, тремя библиотеками: своею личной, отцовской и тестя. Он отказывал себе во многом для того, чтобы купить появившуюся в каталоге у заграничного антиквария ту или иную нужную ему редкую книгу. Но зато и собрание у него считалось одним из известных в Петербурге. Не имея возможности поместить все свои сокровища у себя, мой профессор нанимал для своей библиотеки отдельную квартиру. На новеньких американских полках с медным прибором стояли там знаменитое собрание мемуаров XVIII столетия, византийские юристы в старинных переплетах из пергамента, итальянские новеллисты, все издания Катулла и другие античные классики, а также все сколько-нибудь выдающиеся представители мировой поэзии… Книги эти для многих были предметом зависти и послужили одной из причин расстрела их владельца…» (*Капна <Кондратьев А.>*. О книгах // Волынское слово. 1925. № 765, 6 янв. С. 2).

72.

8 декабря 1915. Пг.

Петроград. Таврический Дворец. Канцелярия Гос. Думы.

8.XII.1915

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Получил вчера Ваше письмо. Т.к. книга латышских песен мне больше не нужна (я из нее списал в тетрадь то, что касается мифологии) — очень рад буду, если Вы примете ее от меня на память[1]. Даже если бы она была мне нужна, и то я был бы счастлив, если бы Вы ее взяли, т.к. в Ваших руках она принесла бы больше пользы. Меня же теперь она просто обременяет. Вы, вероятно, не поняли моих писем. В них заключалась: 1) просьба предупредить меня в случае, если Вы когда-либо (на праздниках или после) соберетесь в Питер, и 2) опасение, что Вы не получили моего письма. Видеть Вас и познакомиться с Вами, конечно, всякому приятно, но торопить Вас для этого и мешать Вашим работам, конечно, никому не желательно. С моей стороны будет Вас все-таки беспокоить

лишь просьба дать возможность одному из моих друзей подписаться на Ваши переводы латинских поэтов в издании Альционы[2]. От души желаю Вам успешного окончания Ваших работ и отдыха на праздниках.

Прошу передать почтительный мой привет глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне. Вас искренно уважающий и любящий Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 7.

Открытка. П.ш.: Пг (8.12.15).

---

[1] Начало сюжета см. в п. 70. Брюсову книга понадобилась для работы над «Сборником латышской литературы» (Пг., 1916), где он выступал и в качестве переводчика (в том числе перевел народную песню), и в качестве редактора.

[2] См. примеч. 1 к п. 71.

73.

10 января 1916. Пг.

10.I.1916.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Болезнь, не покидающая меня и теперь, помешала мне вовремя пожелать Вам и глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне всякого благополучия и счастья в наступившем уже 1916 году. С грустным сочувствием прочел о выступлении Вашем в суде и неудаче, постигшей Вас при защите рассказа «После бала»[1]. Я испытал сам (в двух инстанциях) ту же неудачу и потому более чем кто-либо соболезную Вам[2]. С 30-го декабря я не был в Думе. Не откажите, пока не поздно, сообщить, где один мой друг может подписаться на Ваших латинских поэтов-эротиков. Надеюсь, что издание не отменено[3].

Вам преданный Ал. Кондратьев.

Почтовое отд<елен>ие «Самопомощь» Петроград. губ., поселок Подобедовка, Большой пр., дача Кондратьевых.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 17.

Открытка с изображением статуи Венеры. П.ш.: Пг (11.1.16).

---

[1] Рассказ Брюсова «После детского бала» напечатан в первом (и единственном) выпуске альманаха «Альциона» (Альманах книгоиздательства «Альциона». Кн. I.

М., 1914. С. 5–13). По решению суда книга была арестована, а рассказ изъят и заменен на четыре брюсовских стихотворения. В газетной хронике писалось: «Приговором московского <…> окружного суда постановлено изъять и уничтожить из первой книги альманахов издательства “Альцион” <sic>, изд. 1914 г., рассказ Валерия Брюсова под заглавием “После детского бала”» (Утро России. 1916. № 80, 20 марта. С. 5; см. также: Русские ведомости. 1916. № 66, 20 марта. С. 6). Ср. в письме Брюсова к Е. Шапот: «К еще большему сожалению, я не смог исполнить своего обещания и написать, поминая Вас, П.Е. Щеголеву. Я думал послать ему стихи, так как у меня было 5 “свободных” стихотворений. Но цензура арестовала альманах “Альциона” и повелела вырезать из него мой рассказ “После детского бала”; мне пришлось отдать все 5 стихотворений “Альционе” для заполнения места и пока “Дню” послать нечего» (Письмо от 17 марта 1914 г. // НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 11. Л. 7; в числе стихотворений Брюсов ошибается). 19 января 1915 г. Брюсов писал составителю и издателю альманаха А.М. Кожебаткину: «Сегодня я был вызван к судебному следователю и мне было предъявлено обвинение по 1001 ст. за мой рассказ “После детского бала”, напечатанный в Вашем альманахе. Позволю себе напомнить Вам, что» — на этом рукопись обрывается (НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 28. Л. 1). Цензурное дело: ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 1907.

[2] Имеется в виду опыт защиты конфискованной книги П. Луиса «Песни Билитис», переведенной Кондратьевым (см. примеч. 8 к п. 44).

[3] См. примеч. 1 к п. 71.

74.

13 мая 1916. Пг.

Таврич. Дворец
Канц. Гос. Думы.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Прочел на днях в «Вечерней Биржевке» сообщение о том, что Вы выступаете 14-го в Тенишевской зале с докладом об армянской поэзии[1]. Отправился брать билет, и оказалось, что никто там ни о каком Вашем выступлении не знает. Будьте добры сообщить мне, собираетесь Вы или нет приехать в Питер. Очень меня таким сообщением обрадуете. Живу по-прежнему в Поповке (ст. Поповка Никол. ж.д., поселок Подобедовка Большой просп., дача Кондратьева; для телеграмм и заказных отправлений: почт. отд-ие Самопомощь Петр. губ., Подобедовка, Большой пр., А.А. Кондратьеву).

Если не успеете написать, то известите меня по приезде в Питер из гостиницы если не письмом, то по телефону 524–81 (Канц<елярия> Гос<ударственной> Д<умы>), чтобы мне хоть передали, где Вы остановились.

Очень хочется на вас посмотреть.

Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 16.
Открытка. П.ш.: Пг (13.5.16).

---

[1] Доклад Брюсова действительно был прочитан 14 мая 1916 г., см. подробный отчет: «В Тенишевском училище вчера вечером Валерий Брюсов прочел лекцию на тему: “Поэзия армянского средневековья и ашугов”. На лекции присутствовало много публики, в том числе делегаты армянского съезда» (*[Б.п.]* Лекция Валерия Брюсова // Биржевые ведомости. 1916. № 15 (559), 15 мая. Утр. вып. С. 4). Ср.: «14 мая Валерий Брюсов прочитал в Тенишевском училище лекцию о поэзии армянского средневековья и ашугов. Лекция привлекла многочисленную публику» и т.д. (Армянский вестник. 1916. № 17. С. 24). Отчет также помещен: Современное слово 1916. № 2993, 15 мая. С. 3. См. библиографию отзывов: Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973 / Сост. Э.С. Даниелян; под. ред. К.Д. Муратовой. Ереван, 1976. С. 300.

75.

16 мая 1916. Пг.

Мая 16 дня 1916 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

К сожалению, во вторник, как Вы, вероятно, уже осведомились из газет, заседания Думы не будет. Это обстоятельство, конечно, не помешало бы осмотру Вами и Иоанной Матвеевной Таврического Дворца, если бы во вторник не были с 11 ч. утра заняты под заседания комиссий залы Общего Собрания и Полуцирка (бывший Зимний сад)[1]. Если останетесь до среды, черкните мне об этом вместе со своим телефоном. Следующее заседание Думы — в Понедельник. Мой телефон 524–81 (Канцелярия Г.Д.) и 47–52 (Каб. Пр-ля Гос. Думы).

Прошу передать почтительный поклон мой глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне.

Ваш Ал. Кондратьев.

Адреса:
Таврический Дворец
Канцелярия Гос. Думы А.А. Кондр.
или
ст. Поповка Никол. ж.д. поселок Подобедовка Большой просп. дача Кондратьева.

Для письма не о билетах последний лучше.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 18–18 об.

На листе из блокнота с типографской надпечаткой «для памяти» и перфорацией. Конверт утрачен.

---

[1] Полуциркулярный зал (в обиходе именуемый Полуцирком) — одно из помещений Думы.

76.

13 июня 1916. Пг.

Петроград. Шпалерная ул.
Таврический Дворец.
Канцелярия Гос. Думы.

13.VI.1916.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерия Яковлевич.

Судьба не захотела, вероятно, чтобы я шел в легионы. За недостатком служащих в нашем меджлисе, начальство мое не пустило меня в военное училище, куда мною уже подано было прошение и куда я был даже принят. Военное ведомство дало мне отсрочку до марта 1917 г. Эта отсрочка отнюдь меня не радует, но, наоборот, заставляет порою испытывать неприятное состояние.

Состояние это не дает мне возможности писать стихи, и я в силах лишь заниматься кропотливыми работами по мифологии или пересматривать свои заметки по истории литературы. Кое-что можно было бы и напечатать.

Езжу ежедневно в меджлис и обратно на ст. Поповка, что продлится и после роспуска (который очень близок) Думы[1]. Вы, вероятно, уже на даче. Если у Вас будет свободная минута свободного дня — черкните мне, пожалуйста, на открытке, на всякий случай.

Имейте в виду, что в недалеком будущем предстоит какой-то юбилей Фета. Вам, вероятно, придется откликнуться и написать несколько слов, посвященных памяти одного из предшественников[2].

Когда мне становится чересчур скучно, сажусь читать Аретина во французском переводе[3] или греческую антологию или просто мечтаю о том, что когда-нибудь выйдет «Юпитер Поверженный».

В Думе во время заседаний бывает порою очень мало народа (много меньше, чем следует). Депутаты бегут, а те, которые остались, дебатируют закон об уравнении крестьян в правах с другими сословиями (уже 10 лет действующий по 87-й статье).

Поздравляю с выходом сборника стихотворений[4].

После роспуска надеюсь поработать в И<мператорской> П<убличной> Библиотеке над материалом по мифологии. Дело в том, что некий г. Привалов выпустил брошюру о ней (что-то вроде вступления или предисловия к либретто для оперы «Венец Святовита»), где очень развязно распределил функции богов, их отношения между собою, внешность, атрибуты и т.п.[5] А в Новом Времени расхвалили[6]. Я недоволен, но добросовестное отношение к делу не позволяет мне сразу же изругать вообще, не изучив предварительно всех подлежащих разносу деталей.

Прошу Вас передать почтительный мой привет глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне и не забывать искренно Вам преданного Кондратьева Александра.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 19–20 об.

Конверт. П.ш.: Москва (15.6.16).

---

[1] Вопреки ожиданиям автора, Дума была распущена указом Николая II лишь в феврале 1917 г.

[2] Вероятно, Кондратьев подразумевал 25-летие со дня смерти Фета, падавшее на 1917 г. Из-за особенностей переживаемого момента дата эта прошла практически незамеченной. Выступления Брюсова по этому поводу нам неизвестны.

[3] Переводы сочинений Пьетро Аретино (1492–1556) на французский язык многочисленны, но, вероятно, стоит отметить двухтомное издание: L'Œuvre du divin Arétin / Traductions nouvelles et morceaux traduits pour la première fois / Introduction et notes par Guillaume Apollinaire. Paris. MCMIX. Pt. 1–2 (Les Maitres de l'Amour). Брюсов был знаком с Г. Аполлинером и знал о его увлечении эротикой (см.: *Лавров А.В.* Русские символисты. С. 148–149). Это предположение подкрепляется письмом Кондратьева к Б.В. Никольскому от 12 августа 1912 г.: «Лежат у меня на столе также два томика (во французском переводе) “Ragionamenti”, и с дюжину стихов, читая которые Катулл был бы смущен...» (*Письма к Никольскому*. Л. 56 об.–57).

[4] Речь идет о книге: *Брюсов В.* Семь цветов радуги. Стихи (1912–1915 гг.). М., 1916.

[5] Имеется в виду книга горного инженера, этнографа и композитора Николая Ивановича Привалова (1868–1928) «Очерк славянской мифологии по различным источникам» (Пг., 1916). В предисловии к ней он, в частности, говорит: «В конце концов передо мной обрисовался весь наш Славянский Олимп, — до того захва-

тивший меня своею красотою, что я почувствовал неудержимую потребность представить его русским людям наглядно, — ради чего и начал большой сценический труд — оперу, под названием “Венец Святовита”» (С. 5).

[6] Этот отзыв обнаружить не удалось.

77.

31 декабря 1916. Новый Симеиз.

31.XII.1916.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

К сожалению, не имел возможности навестить Вас, проезжая через Москву. Праздники провожу в Новом Симеизе. Затем — снова Град Святого Петра, пока бог Марс не призовет под знамена. Если бы пожелали порадовать вестью о себе, — пишите на Канцелярию Меджлиса. Пробовали ли Вы заниматься восточными поэтами (не армянскими, а персидскими, арабскими, африканскими и т.д.). Какая прелесть! В арабских сказках (из Нов<ого> Журн<ала> Ин<остранной> Лит<ературы>)[1] я нашел недавно отрывки, хорошо использованные Б.В. Бером[2]. Стих Пушкина: «Мы точь-в-точь двойной орешек…» я нашел у Саади[3]…

Шлю Вам лучшие пожелания по случаю Нового Года. Прошу передать их также Иоанне Матвеевне… Здесь тепло. Снега нет. Хожу без пальто и даже в летнем костюме. Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 10. Л. 15.

Открытка с видом Симеиза. П.ш.: Новый Симеиз (23.12.16 <так!>). Штамп противоречит дате, проставленной рукой автора.

---

[1] Из нескольких русских изданий под заглавием «Арабские сказки» (СПб., 1901, 1903, 1904; М., 1901, 1909 и др.) ни одно не вышло под маркой «Нового журнала иностранной литературы». Вероятно, имеется в виду несущая эту марку книга: Тысяча и одна ночь: Арабские сказки Шахразады [На Т. 2: Арабские рассказы]. Первый полный русский перевод. Т. 1–4. СПб., 1902–1903.

[2] Вероятно, имеется в виду цикл из двенадцати стихотворений «Арабские мотивы»: *Бер Б.В.* Сонеты и другие стихотворения. СПб., 1907. С. 179–188.

[3] Стихотворение Пушкина «Подражание арабскому» («Отрок милый, отрок нежный…»). Его источник (фрагмент из Саади Ширазского) впервые, кажется, назван в работе: *Богданович М.* Две заметки о стихотворениях Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 28. Пг., 1917. С. 108.

78.

2 февраля 1917. Новый Симеиз.

Новый Симеиз. Пансион В.П. Семенова.

2.II.1917

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Давно Вас не видел и не слышал. Читаю же Вас или, вернее, перечитываю часто. Маленькая книжка Универсальной Библиотеки (№ 1135) дважды уже проделала со мною долгую поездку от Царствующего Града Св. Петра до побережья Тавриды[1]. А вот третий раз не взял — и мне ее мучительно не хватает. С тех пор, как мне пришлось поселить свою семью на берегу Эвксинского Понта, я третий раз покинул для этого заросшего лаврами и кипарисами побережья засыпанный теперь снегом и скованный льдами город — столицу нашей скифской державы. Кровавые божества войны до сих пор не приняли еще меня в качестве жертвы, и я по-прежнему числюсь в магистратуре при народном собрании[2] (Т.к., в виду долгого перерыва, Вы могли утратить мой адрес для писем — то позволяю <sic>, на всякий случай, его повторить: Петроград. Таврический Дворец. Канцелярия Государственной Думы)…

Здесь хорошо. Целыми часами сижу я где-нибудь на скале, укрывшись от ветра, и слежу за переменами красок, за всплесками пены вечно шумящего, вечно изменчивого моря, за тем, как шуршат с уходящей волною каменья, как порой крутятся на темно-синем просторе белые пространства вихрем сорванной пены…

Увы, «отчаянная неврастения» (найденная у меня врачом среди прочих болезней) лишает меня возможности творить (могу только исправлять и пополнять одну из своих небольших историко-литературных работ).

Порой, когда я сижу среди навороченных одна на другую кучею скал, мне вспоминаются покинувшие меня в разное время друзья. Высокий, худой, изысканно-небрежный в отношении внешности Иннокентий Анненский, так поощрявший когда-то в нас, гимназистах, стремления к литературе и искусству. Он благоволил ко мне между прочим за то, что я, будучи в седьмом классе, неожиданно для него успешно справился с трудною для других ролью в переведенной им трагедии Эврипида (Каллионы в «Рессе»[3]), сделав ее (так мне приходилось слышать от людей, ко мне вовсе не расположенных) фокусом пьесы. В последние годы жизни своей он неоднократно бывал у меня и часто писал. Я был ему верен и сумел ответить, в свое время, Мережковскому, сказавшему нечто пренебрежительное по его адресу[4], а Вяч. Иванов не может, вероятно, до

сих пор мне простить фразы о том, что для тех, кто читал предисловие Инн. Анненского к «Вакханкам», ничего нового не может представлять «Эллинская религия страдающего бога» (тем более что эту фразу слышали ученики Стефанокла Пышнокудрого)…[5] Я вспоминаю молчаливого, как бы из камня изваянного, никогда не прибегавшего к жестам Виктора Полякова, эпиграмм которого так боялся А.А. Блок[6]. Этот принадлежал по матери своей (урожд. Ротшильд) к одному из самых могущественных царствующих домов земного шара[7]. Он был, несмотря на свой скепсис, верующим (подсознательно) иудеем и, в знак дружбы, обещал мне ходатайствовать за меня в тот страшный день суда, гнева и мести, когда Иегова будет плясать, как виноградарь в точиле, по колено в крови народов, не покорившихся Израилю[8]…

Я вспоминаю кн. Георгия Гагарина, вторая, посмертная книжка стихотворений которого так полна грусти расставания с жизнью (книжку эту редактировал И.И. Тхоржевский[9], а корректировал я; издавала вдова)[10]. Я познакомился с ним когда-то у Б.В. Бера. Он был еще тогда студентом Лесного Института (не кончил) и настолько (несмотря на происхождение) небогат, что лишен был возможности бороться с угрожавшим ему наследственным недугом постоянною жизнью на Юге. Потом, когда он, получив ряд наследств, поправил свои обстоятельства, уже было поздно. Я хорошо помню служивший ему для разрезания книг серебряный кинжал магистра с чеканною совою на рукоятке и печать со змеею, укусившею хвост. Эти вещи достались ему по наследству от предков более богатых и могущественных, нежели он. Когда у него появились средства, он охотно тратил их на издание книг. Предлагал и мне издать мои стихи, но я поблагодарил и уклонился (у меня самого были тогда необходимые для издания деньги). В свое время я отклонил и аналогичное предложение В.Л. Полякова.

Здесь же, всего в нескольких верстах, на вершине окаймленной кипарисами горы, откуда открывается чудный вид на сине-зеленый простор, покоится вечным сном сжегший жизнь свою, как свечу, с обоих концов художник Сергей Панов[11]. Он был мне другом с третьего класса гимназии. По матери — гасконец, по отцу-художнику — потомок целого ряда богомазов, он был замечательным графиком, а кроме того отличался редкой способностью заставлять всех, кто его слушал, видеть то, о чем он рассказывал. Ах, как он красочно рассказывал!.. Теперь нет и его… Боюсь, не умер ли Борис Бер, переменивший на своем веку много художественных личин, часть которых (ранняя) была заимствована у Гюисманса и Уайльда, но последняя — была более редкой (даже не 15 лет тому назад, а и теперь) — Абу-Новаса, персидского поэта времен Гарун-аль-Рашида[12]. Подобно Миропольскому[13], он удалился от столично-

го шума и последние годы занимался выводкой яблок и разведением роз в своем Симбирском именьи, а на досуге, когда здоровье ему позволяло, переводил Верхарна[14]. Есть и еще люди, мне близкие и дорогие, которых я, по несчастному стечению обстоятельств (главным образом войны), потерял за последнее время из вида. Но не буду писать о них. Письмо и без того вышло слишком длинно. На обратном пути, если бы обстоятельства мне позволили, очень бы хотел посмотреть на Вас, да боюсь, что если и промежуток времени между двумя поездами позволит, могут того не позволить Ваши занятия. Хотя я и не надеюсь, что при нынешнем состоянии поездов мне удастся это сделать (числа около 12), но на всякий случай предупредите, пожалуйста, Вашу прислугу. Передайте, пожалуйста, почтительный мой привет глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне. Будьте здоровы, благополучны и счастливы. Ваш Ал. Кондратьев.

<*Приписка на первом листе*:> Прилагается стихотворение на отдельной карточке[15].

<*Приписка на втором листе*:> Если Вы соберетесь в столицу и пожелаете посмотреть заседание меджлиса, — черкните мне. Постараюсь сделать что можно.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 1–2 об.
Конверт утрачен.

---

[1] Имеется в виду книга: *Брюсов В.Я.* Избранные стихи. 1897–1915. М., 1915 (на обл.: Универсальная библиотека, № 1135). Второе и третье издания этой книги (1916 и 1918) вышли под тем же серийным номером.

[2] Кондратьев использует терминологию древнеримской политики для описания своего статуса — чиновник при государственной Думе.

[3] Перевод Анненского напечатан: Рес, трагедия приписываемая Еврипиду / Пер. с греч. стихами и снабдил предисл. И. Анненский. СПб., 1896. Пьеса была поставлена при участии Анненского на сцене 8-й гимназии; состоялось два спектакля, 31 января и 2 февраля 1906 г. Подробнее см. : *Кривич В.* Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам // Иннокентий Анненский глазами современников. СПб., 2011. С. 81. См., кстати, там же: «Для А.А. Кондратьева, к которому до конца жизни отец сохранил искреннее и большое сердечное расположение и который, как это он и сам всегда говорил, именно ему главным образом обязан своей исключительной любовью к древнему миру, отец со школьных времен так и остался “дорогим учителем”, и этот эпитет А.А. Кондратьев всегда неизменно прибавлял к имени отца во всех своих к нему обращениях. Каждую свою вещь А.А. Кондратьев, конечно, вручал отцу, и о каждой книге отец всегда сообщал ему свой подробный и серьезный отзыв, причем сердечное чувство, которое хранил он к “Милой музе”, нисколько не мешало тому, что мнение о продукте творчества писателя Кондратьева могло подчас и не состоять из одних комплиментов» (Там же.

С. 83; «милой Музой» Кондратьев назван как раз по роли, исполненной им в пьесе). Ср. в собственных воспоминаниях Кондратьева: «В числе других играл и я, исполняя одну из женских ролей. Спектакль прошел дважды, и о постановке “Реса” были сочувственные статьи и заметки во всех петербургских газетах» (*Кондратьев А.А*. Иннокентий Федорович Анненский // Там же. С. 210).

[4] Многолетнее взаимное раздражение Мережковского и Анненского хорошо известно (см. исчерпывающий свод данных по этому поводу в коммент. А.И. Червякова: *Анненский И.Ф*. Учено-комитетские рецензии 1901–1903 годов. Иваново, 2000. С. 111–113), но сведений об эпизоде, подразумеваемом Кондратьевым, мы не имеем, за исключением столь же беглого упоминания в письме к А. Амфитеатрову от 1 декабря 1932 г., где, говоря об Анненском, он присовокупляет: «Это был великолепный учитель (я ему очень обязан), из-за которого у меня и с Дм. Серг. Мережковским было легкое столкновение» (*Письма к Амфитеатровым 1*. С. 171). Об отношениях Кондратьева с Мережковскими см. также его письмо к А.М. Асееву от 16 марта 1954 г. (*Письма к Струве*. С. 45–46).

[5] Ср. в воспоминаниях Кондратьева об Анненском: «Культурное влияние на нас нашего наставника и директора, несмотря на свою кратковременность, было настолько сильно и дало нам столько познаний, что когда, напр<имер>, лет 8 спустя появилось в журнале “Новый Путь” читанное предварительно в Париже исследование Вячеслава Иванова “Эллинская религия страдающего бога”, то для учеников Анненского не оказалось ничего там нового» (*Кондратьев А.А*. Иннокентий Федорович Анненский // Иннокентий Анненский глазами современников. СПб., 2011. С. 210). О взаимоотношениях Иванова и Анненского Кондратьев писал Г.П. Струве 19 апреля 1931 г.: «Эти два поэта не очень любили друг друга. Вяч. Ив. не мог, кажется, простить Анненскому приоритет последнего. Оба занимались исследованиями культа Диониса, и мы, ученики Иннокентия Федоровича, еще в 7-м классе гимназии знали всё, что, несколько лет спустя, Вяч. Ив. читал как откровение на публичных лекциях в Париже. Я имел как-то неосторожность ему об этом сообщить…» (*Письма к Струве*. С. 24). Ср. также: *Письма к Амфитеатровым 1*. С. 171.

[6] О В.Л. Полякове см. примеч. 2 к п. 3.

[7] Матерью Полякова была британская подданная Анна Анисимовна Леонино (1852–1929). Фамилию она приобрела в первом замужестве за Эдвардом Леонино, но девичья ее фамилия — Рафалович. Генеалогические ее связи с семьей Ротшильдов, если они и имелись, остались для нас недоступны.

[8] Точило — каменный чан для давления винограда. Это же обещание Полякова Кондратьев вспоминает в письме к Г.П. Струве от 19 апреля 1931 г. (*Письма к Струве*. С. 25).

[9] Тхоржевский Иван Иванович (1878–1951) — поэт и переводчик.

[10] О Гагарине см. примеч. 3 к п. 17.

[11] Панов Сергей Иванович (по др. версии — Николаевич; ок. 1876–1917; по др. версии: 1879–1911) — гимназический товарищ Кондратьева, художник, делавший обложки для его книг. См. о нем коммент. А.И. Червякова: *Анненский И.Ф*. Письма. Т. 1. 1879–1905. СПб., 2007. С. 173–174.

[12] О поэте Борисе Владимировиче Бере (1871–1921), близком друге и корреспонденте Кондратьева, см.: *Иванова Е.В*. Бер Борис Владимирович // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 240–241. Абу Новас (ныне чаще называемый Абу Нувасом) родился в середине VIII в. и умер в 810-х годах в Багдаде.

[13] О Миропольском см. примеч. 7 к п. 27.

[14] Бер жил в родовом имении в селе Знаменском Симбирской губернии (ныне Атяшевский р-н Мордовии). Его переводы из Верхарна изданы отдельной книгой: *Бер Б.В*. Переводы стихов Э. Верхарна. М., 1917.

[15] Стихотворение ныне отсоединено и, вероятно, утрачено.

79.

15 февраля 1917. Пг.

15.II.1917.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

К огорчению моему проследовал чрез Москву ранним утром 13-го и не имел возможности остановиться, чтобы сделать попытку Вас повидать и засвидетельствовать свои чувства. Мне жаль, что упустил, б<ыть> м<ожет>, возможность Вас видеть. У нас в Думе «скюшно», как сказал раз Пуришкевич (в давние времена) во время речи Чхеидзе[1]. Теперь первый явился опасным соперником второму, но все-таки скучно. Будьте здоровы, разрешите повидать Вас на будущие времена, если к тому представится случай.

Прошу Вас передать почтительный поклон мой глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне. Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 3.

Открытка. П.ш.: Пг (16.2.17).

[1] Заметные думские ораторы и непримиримые политические противники монархист Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) и меньшевик Николай Семенович Чхеидзе (1864–1926).

80.

11 марта 1917. Пг.

11.III.1917.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Как жаль, что Вы не были в Питере в эти исторические дни! Сколько впечатлений! Сколько материала для интереснейших романов! Действительность как бы стремится превзойти самую пылкую фантазию[1]. Увы, мне писать некогда, т.к. приходится много работать. Возвращаюсь со службы иногда позднею ночью (я аккуратный чиновник и не пропустил ни одного дня) по пустым темным улицам, где еще недавно виднелись на снегу коричнево-красные пятна и щедро рассыпаны были пустые коробки из-под патронов. И думаешь порой: неужели это был не сон,

а действительность?.. Будьте здоровы, благополучны и счастливы! Прошу передать мой поклон глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

PS Пользуясь промежуточным временем, не выпустите ли Вы Ваших латинских эротиков[2]? Я подпишусь тогда во что бы то ни стало.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 4.

Открытка с репродукцией картины: Т.А. фон-Нефф. Купальщица.

---

[1] Воспоминаниям о днях февральской революции посвящен мемуарный очерк Кондратьева «Десять лет тому назад» (Последние известия (Ревель). 1927. № 77, 29 марта. С. 2–3; № 78, 30 марта. С. 2–3).

[2] См. примеч. 1 к п. 71.

81.

12 апреля 1917. Пг.

12.IV.1917.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

На оборотной стороне снимка одной из статуй Аквилейского Музея[1] пишу Вам это письмо. Наше общество об этом весьма утонченном в личной жизни своей развратнике знает, пожалуй, не больше Лермонтова, писавшего когда-то: «Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно»[2]. Но мало кто из публики знает, что этот кровожадный тиран дал Империи порядок и мир, водворил правосудие в провинциях и внес благоустройство во все отрасли управления государством. Я с удовольствием прочел бы его Записки, если бы таковые до нас дошли… Сегодня встретил «у нас» Константина Дмитриевича, говорившего, что он сначала боялся С<овета> Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов>, но теперь совершенно переменил свое о нем мнение…[3] Я показал ему спальню Потемкина, в полукруглой нише меж двух колонн искусственной ляпис-лазури (подлинные кто-то, по-видимому, украл)[4]. Я показал ему двери в зал заседаний, когда-то белые, теперь же почти черные, захватанные тысячами рук. Я показал ему белые колонны Екатерининского зала с обколоченными базами[5]. Но он был где-то далеко… Ваше письмо меня обрадовало. Ответить Вам тотчас я не мог, т.к. вертелся в то

время как белка в каторжном колесе… Многое казавшееся мне неясным и невероятным при чтении книг, касающихся истории России в начале XVII в., кажется мне теперь близким и понятным. Напр<имер> необходимость, заставившая Авраамия Палицына предложить тушинским казакам церковные сосуды, чтобы они вышли сразиться против поляков…[6] Имена и события, имеющие место лет триста назад, проносятся в моей голове вперемешку с настоящими:… воры… измена… и едва ли жид… Яков Понтусович[7] и т.д. Не хотите ли на выбор собрание псевдонимов и фамилий некоторых видных членов С<овета> Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов>? У «Стеклова» настоящая фамилия Нахамкис, у «Суханова» наст. ф. — Гиммер; у «Каменева» наст. фам. — Розенфельд, у «Парвуса» наст. фамилия — Гельфанд, у «Загорского» — Крохмальс[8] и т.д. Сирийский тип очень ярко представлен и в военных организациях. Порой так и хочется крикнуть: «Ну и пусть равноправие, пусть даже республика, но не расчленяйте, черт вас возьми, государство!» Солдаты бегут с позиций, опасаясь не поспеть к дележу. Те, что остаются на фронте, склонны вступать в мирные разговоры с германцами и даже продавать им шинели и снаряжение. Грустно. После войны тем, кто останется жив, нельзя будет показаться за границу, — таким презрением встретят там, одинаково у врагов и союзников. Крепко жму руку. Поклонитесь от меня Иоанне Матвеевне. Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 5.
Открытка с изображением статуи Тиберия.

---

[1] Музей Археологии в Аквилее (Museo Archeologico Nazionale di Aquileia).

[2] Из стихотворения «Это случилось в последние годы могучего Рима…».

[3] К.Д. Бальмонт. Его приязненное отношение к февральской революции и ее ближайшим последствиям впечатляюще отразилось в газетной лирике весны 1917 г. (см.: Библиография К.Д. Бальмонта / Отв. ред. С.Н. Тяпков; сост. С.Н. Тяпков, А.Ю. Романов, О.В. Епишева. Иваново, 2006. Т. 1. С. 150, и особенно: *Азадовский К.* С исчерпывающей полнотой? // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. С. 349). Ср. в воспоминаниях Кондратьева: «Во дни революции 1917 года пишущий эти строки видел его <Бальмонта> в Таврическом дворце. Не обращая внимания на отвинченные победоносным народом бронзовые ручки от дверей, ободранную обивку диванов и кресел, заплеванный паркет и т.п. следы торжества пролетариата в помещениях, занимаемых советом рабочих и солдатских депутатов, Бальмонт смотрел всё время в потолок, слагая, вероятно, соответствующие гимны в честь демократии» (*Кондратьев А.* Сорокалетний юбилей К.Д. Бальмонта // Волынское слово. 1926. № 942, 1 янв. С. 4).

[4] Здесь и далее подразумеваются интерьеры Таврического дворца, в котором разместились Временный комитет Государственной думы и Петроградский совет рабочих депутатов.

[5] База — основание колонны.

[6] Подробное описание и анализ этого эпизода см.: *Кедров С.* Авраамий Палицын. Исследование. М., 1880. С. 137–142.

[7] Подразумевается Якоб Понтуссон Делагарди (1583–1642) — шведский военачальник, в русских источниках действительно иногда именуемый Яковом Понтусовичем.

[8] Перечислены публицист Юрий Михайлович Светлов (Овший Моисеевич Нахамкис; 1873–1941), экономист Николай Николаевич Суханов (Гиммер; 1882–1940), юрист Лев Борисович Каменев (Розенфельд; 1883–1936), журналист Александр Львович Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд; 1867–1924), юрист Виктор Николаевич Крохмаль (1873–1933; псевдоним «Загорский» использовался им окказионально).

82. Брюсов — Кондратьеву

15 апреля 1917. Москва.

15 апр. 1917

Дорогой Александр Алексеевич!

Благодарю за письмо, интересное очень. Что до меня — завален больше, чем всегда, работой. Принял на себя «Комиссариат по регистрации произведений печати», т.е. состою Комиссаром-председателем[1]. Работаю не 8 час<ов> в сутки, а 12. *Кроме того* пишу. А *потом* продаю вновь свое «Собрание Сочинений» (10 т. «Парус»), редактирую «Собр. соч.» Верхарна, редактирую Украинский сборник, также *серию книг* “Orbis literarum universum”[2] etc. etc. Попутно читаю курс*ы* лекций в Университете Шанявского[3]. Совсем где-то: состою председателем Л<итературно>-Х<удожественного> Кружка (оборот ½ милл<иона> р. в год, все дела — на мне)[4]. Представьте всё это, если мыслимо: мне — непредставимо. Чувствую себя некием <sic> отвлечением. Посему — простите крайную <sic> бессвязность этих строк. Душевно Ваш

В.Б.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 33. Л. 1.

Открытка. Адрес надписан; почту не прошла.

[1] Ср. в заполненной Брюсовым регистрационной карточке Наркомпроса: «С февраля 1917 г. Председатель комиссариата по регистрации печати (впоследствии завед<ующий> М<осковской> Книжной Палатой)» (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 41. Ед. хр. 1422. Л. 1). Подробнее см.: *Орлова М.* «Гражданин Брюсов»: Неизученные

страницы биографии поэта в 1917 году // Брюсовские чтения 2016 года. Ереван, 2017. С. 206–216.

[2] «Парус» — издательство, созданное А.Н. Тихоновым, М. Горьким и И.П. Ладыжниковым. Брюсов принимал участие в подготовке выходивших там сборников национальных литератур. См.: *Голубева О.Д.* Книгоиздательство «Парус» (1915–1918) // Книга: исследования и материалы. Сб. XII. М., 1966. С. 160–193. Собрания сочинений самого Брюсова и Верхарна под его редакцией в «Парусе» не вышли (см.: *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010. С. 491–492); об украинском (также невышедшем) сборнике см.: *Сивоволов Б.* Брюсов — редактор и переводчик украинских поэтов // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968. С. 415–429; о последнем замысле сведений у нас нет.

[3] Брюсов прочел в народном университете им. А.Л. Шанявского в 1917–1918 гг. курс из 22 лекций о Римской империи.

[4] О деятельности Брюсова в Литературно-художественном кружке в 1917 г. см.: *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов. Биография. СПб., 2010. С. 512–515.

83.

21 апреля 1917. Пг.

21.IV.1917

Дорогой и глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Работать над отделкой и чеканкой своих стихов, читать Шехерезаду и новеллы Итальянского Возрождения, увы, не могу. Каждый перекресток обратился в форум, на котором граждане и легионеры совместно обсуждают дела. Манифестация сменяется контр-манифестацией. О внутреннем строительстве слышно мало. Дуодецемвир, ведающий юстицией, перераспределяет, по слухам, курульные кресла…[1] Всё это бывало и не раз бывало в истории других народов, но думали ли мы, что на долю нашего поколения, слабого и безвольного, достанется пройти чрез горнило испытаний? Шлю привет мой Вам, дорогой Валерий Яковлевич, и сожаление, т.к. боюсь, что мне не придется прочесть «Поверженного Юпитера»[2]. Передайте почтительный поклон мой глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне. Пока существует еще Domus Tavridica, письма ко мне будут, вероятно, туда доходить[3].

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 6.

Открытка с изображением античной мозаики. Неразборчивый штамп.

[1] Дуодецемвир — член коллегии двенадцати; Кондратьев подразумевает Временное правительство, должность министра юстиции в котором исполнял А.Ф. Керенский. Курульное кресло — древнеримский символ должности магистрата.

[2] См. примеч. 13 к п. 65.

[3] Вероятно, Кондратьев подразумевает Таврический дворец.

84.

4 июня 1917. Пг.

4.VI.1917. По всей вероятности, Вы уже на даче, и мое письмо не скоро попадет Вам в руки, дорогой Валерий Яковлевич. Я же прикован судьбою к переживающей дни своей тяжкой болезни столице. Каждый день хожу в непереводимое на язык исторических романов учреждение, загаженное, заплеванное, приобревшее <sic!> все ароматы Субурры[1]. Туда же ко мне доходят порою и письма. Ненапечатанных стихов осталось мало. Драматическое произведение издал и Вам выслал[2]. Словом, “feci, quod potui”[3], и готов по первому зову предков к ним присоединиться, дабы заодно выслушать «там» ядовитое замечание Воейкова[4], пародию на мои стихи рано ушедшего В.Л. Полякова, поймать презрительный взор Баратынского, для того чтобы в свою очередь обратить чье-либо внимание на то, что он слишком близко держится к Пушкину… Там я смело подойду к божественной Мирре, знакомства с которой так боялся при жизни[5]. Там буду я бродить на полях асфоделей, лежать на берегах Леты, глядясь в черные струи, в которых мне суждено будет рано иль поздно исчезнуть, как дымке тумана… Будьте здоровы, благополучны и счастливы. Вам преданный и любящий Вас Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 7.

Открытка с изображением античного барельефа.

[1] Субурра (правильно: Субура) — бедный район Древнего Рима.

[2] Имеется в виду: Елена: Драматический эпизод из эпохи Троянской войны. Пг., 1917.

[3] Я сделал что мог (*лат.*).

[4] Кондратьев имеет в виду Александра Федоровича Воейкова (1778 или 1779 — 1839), о чьем язвительном нраве судит, в частности, по его знаменитой поэме «Дом сумасшедших», в которой выведены многие современные автору литераторы.

[5] Кондратьев говорит о Мирре Александровне Лохвицкой (1869–1905). Он не был с ней знаком, хотя с вниманием относился к ее творчеству, ср. в его письме А.И. Тинякову от 29 июня 1914 г.: «Я сегодня долго переписывал полученные мною на краткий срок неизданные стихотворения Мирры Лохвицкой. Некоторые очень хороши. Часть с оттенком садизма» (РНБ. Ф. 774. № 20. Л. 29 об.). В позднем очерке о К. Д. Бальмонте он называл Лохвицкую «безвременно угасшею, ныне почти позабытою, талантливейшею из всех русских поэтесс» (*Кондратьев А.* Сорокалетний юбилей К.Д. Бальмонта // Волынское слово. 1926. № 942, 1 янв. С. 3). Ср. также его стихотворение «На погребение М.А. Лохвицкой» («В пору осеннюю, в пору дождливую…», сб. «Черная Венера»).

85.

1 июля 1917. Симеиз.

1.VII.1917.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Шлю Вам запоздалое спасибо за Ваше письмо, доставившее мне много приятных минут при его чтениях. Спасибо и за те добрые предложения, которые в нем заключались. Весьма охотно, по мере сил, принял бы я участие в тех литературных изданиях, которые выходят под Вашим наблюдением[1]. Кое-что готовое у меня имеется из александрийских поэтов (Антологии), но мог бы, если бы обстоятельства сложились благоприятно, заняться и другими переложениями. Иногда меня соблазняет мысль покинуть, по окончании войны, службу, Петрополь, который к тому же, по всей вероятности, перестанет быть столицей и сделается промышленным торговым городом вроде Гамбурга (кстати, его уж и теперь некоторые называют Hamburg[2])… Сюда я приехал на несколько дней повидаться с семьею и, б<ыть> м<ожет>, завтра уже еду обратно посмотреть, что мне готовит судьба. Узнал, что Борис Садовской болен тяжкой неизлечимой болезнью (как сам пишет) и живет в деревне…[3] Здесь чудно хорошо, хотя и несколько жарко. Цветут олеандры и множество всяких других ярких цветов, имена коих мне, к сожалению, неизвестны.

Поэтам следовало бы учиться ботанике и астрономии. Сколько там кроется рифм, могущих обогатить стихотворный язык. Из поэтов хорошо знал астрономию, кажется, только Бенедиктов[4]. У Вас есть несколько Вами впервые введенных астрономических рифм…[5] Если черкнете мне при случае по месту службы, — буду счастлив. Будьте здоровы, благополучны и счастливы. Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 8.
Открытка с видом Симеиза.

---

[1] В 1917 г. Брюсов принимал участие в редактировании «инородческих» сборников (переводов латышской, финской, украинской и еврейской литературы), продолжал готовить (совместно с С.В. Шервинским) книгу переводов поэтов Древнего Рима и др.

[2] Вероятно, подразумевается незамысловатый каламбур, ср. в письме К. Мочульского к В. Жирмунскому из Петрограда от 16 октября 1917 г.: «Тонкий яд della citta dolente <опечаленного города> — пусть недоброжелатели называют ее Гинденградом, Хамбургом, Проплеванском, тонкий яд Петербурга разлился по моим жилам, и я с вожделением смотрел на вывески, тумбы, с чувственным упоением подпрыгивал на ухабах» (Письма К.В. Мочульского к В.М. Жирмунскому / Вступ. ст., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1999. № 35. С. 185).

[3] Садовской страдал сухоткой спинного мозга, возникшей на фоне застарелого сифилиса. Судя по ответным письмам Кондратьева (*Письма к Садовскому*. С. 24–25), Садовской сообщил о своем состоянии в 10-х числах июня; 20 июня Кондратьев отвечал ему: «Но мне доставили сюда Ваше письмо, и я ему очень сперва порадовался, вскрыв же и прочтя о Вашей болезни, был весьма опечален» (Там же. С. 25). О какой деревне идет речь, неизвестно. В.Ф. Ходасевич в преждевременном некрологе Садовскому упоминает, что навещал его летом 1917 г. в московской больнице: «В последний раз я видел его летом 1917 года, в лечебнице Майкова. Он приезжал из Нижнего лечить ногу, сломанную при падении» (*Ходасевич В*. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1996. Т. 4. С. 313).

[4] Вероятно, Кондратьев подразумевает стихотворения В.Г. Бенедиктова «Коперник» («По Земле разнодорожной…»), «Комета» («Взгляни на небеса: там стройность вековая…») и особенно «К Полярной звезде» («Небо полночное звезд мириадами…») с его перечислением созвездий: «Дивный венец его светит Плеядами, / Альдебараном горит» etc.

[5] Например, «ночлега / Вега / снега / пега» в стихотворении «Южный крест» («Я долго шел и, выбрав для ночлега…») или «мира / Алтаира» в стихотворении «Залог» («К нам немного доходит из прошлого мира…»).

86.

7–8 июля 1917. Петроград.

7/8 VII.1917.
Ночь.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Великие боги судили нам жить в один из трагических моментов страны, в которой мы теперь существуем. Недавно лишь закончилась отдельными заключительными выстрелами перестрелка, где-то неподалеку. Пушки не говорили, но пулемет трещал как разрываемое полотно, а в промежутках палили из револьверов и ружей… Вчера я вернулся из

очень кратковременной поездки в Крым. Хотелось повидаться с семьею, которую не видел с начала февраля (на всякий случай). Неужели мне не суждено будет прочесть «Юпитера Поверженного» и римских эротиков в Вашем переводе[1]?! Как бы быстро я выписал их, если бы не знал, что теперь книги не издаются и долго не будут издаваться. Если будут продолжать выходить журналы, там, вероятно, появится и начатый Вами автобиографический роман[2]. В возможность же выпуска в ближайшие годы чего-либо «Парусом» даже не верится…[3] Увы, у нас нет исторических фигур. Керенский — человек, истеричностью которого пользуется ряд лиц, стоящих за кулисами, а ему нравится позировать. У нас нет ни Ма́рия, ни Суллы. Все трусят и передают друг другу шепотом слухи… Неужели нам неизбежно должно пройти чрез эпоху борющихся за народ трибунов и за власть императоров?! За 41 год жизни я знал о периодах междоусобиц лишь по романам и из истории. Ах, в романах эти страницы гораздо привлекательнее! В особенности, если описывается гибель государства. Совсем не так страшно, как в действительности… А во сне — даже очень красиво… Дело в том, что с детства я видел ряд снов, где, частью на улицах, частью в разных зданиях (впоследствии, когда я попал в Таврический дворец, великолепный и похожий на храм, я узнал в нем одно из зданий, в котором я часто бывал в детских снах)… Я даже наперед знаю многие картины, которые мне придется увидеть, т.к. заранее пережил их во сне. Знаете ли, Валерий Яковлевич, это была бы чудная тема для романа, который я пытался начать в конце девяностых годов[4]. Но я считал, что раз я видел не всё, а часть лишь и, быть может, увижу еще, — как-то неловко прибавлять отсебятину, тем более что конца у моего романа нет. Я его не досмотрел во сне, слишком рано проснувшись под треск пулеметов, взволнованный, чувствуя себя на краю гибели (в 1897 г.!), и нечаянно посмотрел в окно, куда отлетела большая часть окруживших меня во сне человеческих сонмов… И так мало сохранилось в памяти… До свиданья, дорогой Валерий Яковлевич. Здесь или по ту сторону Леты. Я надеюсь еще Вас встретить и горячо, дружески пожать Вашу руку. Ал. К.

…И если враг, пятой надменной,
На грудь страны поникшей стал, —
Забудь о таинствах вселенной[5],
……

Струве получил от меня «Елену» и спрашивал в свое время, кто бы мог дать рецензию. Грешен человек, я сказал, что если бы он к Вам обратился, то Вы, вероятно, не отказались бы дать таковую[6]. Простите. Но ему теперь не до того.

Простите, что письмо вышло неразборчивым и бессвязным. Боги Вас да хранят и да будут к Вам благосклонны!

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 9–9 об.

Открытка с изображением античной статуи.

---

[1] См. примеч. 13 к п. 65 и примеч. 1 к п. 71.

[2] Вероятно, речь идет о незаконченном (и по сути едва начатом) «романе из современной жизни» под заглавием «Стеклянный столп». Брюсов работал над ним в 1914–1917 гг. Подробнее см.: Роман из современной жизни (незавершенный замысел) / Предисл. и публ. Ю.П. Благоволиной // ЛН. Т. 85. М., 1976. С. 114–120.

[3] См. примеч. 2 к п. 82.

[4] Этот роман Кондратьева, равно как и какие бы то ни было подготовительные материалы к нему, нам неизвестен.

[5] Из стихотворения Брюсова «Служителю муз» («Свой хор заветный водят музы…»).

[6] Т.е. книгу Кондратьева «Елена. Драматический эпизод из эпохи Троянской войны» (Пг., 1917). Отзыв о ней в «Русской мысли» не появлялся.

87.

5 ноября 1917. Пг.

5.XI.1917.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Очень беспокоюсь, не причинили ли последние события какого-либо ущерба или вреда Вам и Вашей семье. Я, пока что, слава Богу, цел и невредим. Служил, пока не разогнали, в Канцелярии Совета Республики (в переводе с латинского — государство), а теперь вернулся в первобытное состояние (канцелярия Г<осударственной> Д<умы>). Живу: Большая Пушкарская, 51, кв. 12. Мечтаю о том, как бы убраться подобру да поздорову на берега Эвксинского Понта из распрекрасной Северной Пальмиры, но как-то неловко покидать службу, где могу еще понадобиться. Сижу поэтому грустный. Очень обрадуете меня, утешив письмом. Передайте мой низкий поклон Иоанне Матвеевне и не откажите в случае кончины моей в некрологе.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 10.

Открытка с изображением морского ерша работы художника С. Панова.

88.

30 января 1918. Ялта.

30.I.1918.

Ялта. Бассейная ул., д. 26.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Прибыл на южное побережье Крыма вскоре после имевших здесь место событий. Наблюдаю поневоле гражданскую войну без Суллы и Мария, но с проскрипциями и объявлением вне закона. Здесь проживала моя семья, и я счел более приличным приехать разделить ее судьбу, тем более что сам настоял на переезде жены и детей в Крым прошлою осенью. «Буржуи» получают здесь по ½ ф<унта> в день превосходного хлеба! Дети их (малолетние) по ¼ ф<унта>. Есть на базаре и рыба, но местные жители избегают теперь покупать ее и есть, хотя рыбы много и она недорога. Никогда Ялта не видела, вероятно, такого количества слетевшихся отовсюду воронов. Они вьются целыми стаями над окрестностями города с противным скрипящим карканьем. Летают тяжело и лениво. Если обстоятельства, от меня не зависящие, сблизят меня с этими птицами или рыбами, то я надеюсь на Ваш благосклонный некролог. А пока что — читаю Гиббона или стою в хлебных очередях. Жду наступления времени, когда Вы получите в свое заведывание большую газету, т.к. не надеюсь вернуться к исполнению своих привычных обязанностей парламентского чиновника, от коих волею судеб теперь отстранен. Я слишком стар для того, чтобы подражать карьере Горация, да и таланта такого не имею. Века Октавиана мне, впрочем, не дождаться… Природа здесь чудная. Несмотря на зимнее время, бывают прекрасные солнечные дни. Миндаль пока еще не цвел. В прошлом году в Симеизе это время года было много лучше. Был бы весьма рад получить от Вас открытку. В Петрограде виделся время от времени с Тэффи и Сологубом. Последний досадовал на Кожебаткина за несообщение сведений по поводу присылки денег за роман и за неприсылку денег[1]. Думаете ли Вы оставаться в Москве или куда-нибудь предполагаете эмигрировать? Как поживает Иоанна Матвеевна? В состоянии ли Вы над чем-нибудь

работать? Мне скоро придется искать какой-либо работы. Пока же я «существую». Будьте здоровы, благополучны и счастливы. Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 11.
Открытка.

---

[1] Речь идет о судьбе романа Сологуба «Заклинательница змей». В феврале 1919 г. Сологуб раздраженно сообщал А.М. Кожебаткину: «Последний раз я писал Вам 10 октября прошлого 1918 года. Я просил Вас дать мне ответ на мое письмо от 7 октября. Ответа Вашего я до настоящего времени не имею, и совершенно не знаю Ваших намерений. А между тем время идет, мой роман остается ненапечатанным, что существенно нарушает мои интересы» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 27. Л. 1). Спустя некоторое время Сологуб уведомлял Кожебаткина о расторжении договора и продаже романа другому издателю (Там же. Л. 2). Книга вышла в 1921 г. одновременно в Петрограде и в Москве.

89. Брюсов — Кондратьеву

8/21 февраля 1918. Москва.

21 (8) февр. 1918

Москва, 1 Мещанская, 32.

Дорогой
Александр Алексеевич!

Гиббона читаю, как и вы, но еще больше «Историю Августов» (Максимилиан и др. III века)[1]; рекомендую очень, там совпадения поразительные — слово в слово, до последних мелочей. Издал (через Кожебаткина) сборник римских эротиков (экз<empляра> не имею, даже сам еще книги не видел)[2]. Издаю (с Шервинским) большой том римских лириков[3]. Издаю еще (наконец!) «Юпитера Поверженного»[4]. Затем издаю Верхарна[5], читаю лекции в университете Шанявского[6], занят кружком, где «служу» председателем[7] (т.е. получаю за то некое денежное вознаграждение: иначе по нашим временам нельзя). Это — всё о себе. Завидую вам: в Крыму — хорошо; мы лишены возможности быть там же, хотя здоровы все, и И<оанна> М<атвеевна> вас приветствует. Да, забыл: издаю еще «Историю Армении»: надеюсь прислать вам еще в Крым[8]. Не читаю абсолютно газет, что рекомендую и вам: «Ист<ория> Августов» инте-

реснее и больше сообщает о современности (вернее, о ближайшем будущем). Кланяюсь всем вашим. Ваш Валерий Брюсов.

==

За свободу! 1926. № 281, 5 дек. С. 6; перепеч.: Валерий Брюсов глазами современников. СПб., 2018. С. 161 (в составе воспоминаний Кондратьева «Знакомство с В.Я. Брюсовым»).

---

[1] Брюсов подразумевает сборник IV в., условно называемый «История августов» и содержащий тридцать биографий римских императоров. Степень его подлинности и вопрос о его авторстве остается до наших дней предметом дискуссий.

[2] См. примеч. 1 к п. 71.

[3] Брюсов и С.В. Шервинский готовили в 1916–1918 гг. книгу статей и переводов из римской литературы (договор: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 117. Ед. хр. 29. Л. 10). Издание не состоялось. Подробнее см.: *Гаспаров М.Л.* Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 198–200.

[4] См. примеч. 13 к п. 66.

[5] Подразумевается подготовка издания: *Верхарн Э.* Поэмы / Пер., предисл. и примеч. В. Брюсова. Пг.–М., 1923. Впрочем, судя по сохранившимся в архиве Брюсова переводам Верхарна, не вошедшим в эту книгу (см., напр.: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 25. Ед. хр. 2–4, 5), возможно, первоначальный замысел был шире.

[6] См. примеч. 3 к п. 82.

[7] См. примеч. 4 к п. 82.

[8] Очерк Брюсова «История Армении», который лег в основу серии его лекций второй половины 1910-х гг., позже оформился в отдельную работу «Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до Р. Хр. по наше время», изданную Московским армянским комитетом (М., 1918).

90.

15 / 28 февраля 1918. Ялта.

Ялта. Бассейная, 26.

15 (28).II.1918.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Получил сегодня Ваше письмо, где Вы пишете: «Завидую Вам: в Крыму хорошо». Действительно, Ялта очень живописна. Над морем — белые чайки. Горы словно сахаром посыпаны. Теперь ежедневно показывается солнце и освещает этот амфитеатром расположенный городок, набитый перетрусившими обобранными людьми, которые не уверены, ложась спать, что спокойно проснутся поутру. В местных газетах, с которыми приходится знакомиться volens-nolens, т.к. за неисполнение напечатан-

ных в них распоряжений полагается кара, ничего особенно интересного не прочтешь… Поздравляю Вас с изданием римских эротиков. Радуюсь от всей души всему Вами издаваемому и изданному. В прежние времена мне, вероятно, не трудно было бы немедленно сделаться собственником экземпляра каждой Вашей книги, которою Вы лично не располагали бы, но теперь, когда, не говоря уже о банке, нельзя получить уже довольно давно даже 100 рублей со сберегательной книжки, когда даже за комнату не уплачено, — это трудновато. Содержимое банков взято и здесь под секвестр и, б<ыть> м<ожет>, уже разделено между трудовым народом. Из Петрограда — никаких вестей. Если останусь цел, то не знаю, какою профессией буду заниматься, по-прежнему ли стану чиновником или перейду на журналистику. Ежедневные заботы будничного характера мешают мне творить, даже переводить из антологии как-то не в силах, хотя и захватил ее с собою… Здесь очень вкусный хлеб, но помногу его не продают… Перечту еще раз III век. Когда я читал его, меня самого поразило сходство Сената с современными высшими учреждениями. Хотя проводить аналогию трудно, не зная совершенно, что делается кругом. По-видимому, полной аналогии нет, ибо мы имеем в наличности чужестранное вторжение в качество привходящего элемента, чего в III веке и до конца Западной Империи, насколько помню, не было. М<ожет> б<ыть>, полная аналогия отыщется где-нибудь в истории Востока (Китая или Индии, напр.). Не помню автора «Истории Августов»[1]. Попробую допытаться в Библиотеке. Живу рядом с домом, где умер Надсон[2]. Надеюсь, что боги будут ко мне милостивы, и я доживу до времен более спокойных, когда буду в состоянии снять с полки любимых книг и «Юпитера Поверженного», и эротиков, и многое другое. Положение меняется с каждым днем в самые неожиданные стороны. Местное население сменяет надежду страхом и наоборот. Мною, слава Богу, владеет пока полное спокойствие духа. Будьте счастливы, благополучны и здоровы.

<*Приписка*:> Передайте, пожалуйста, мой поклон глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне. Не знаю, когда дойдет до Вас это письмо. Вам преданный Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 12.
Открытка.

[1] См. примеч. 1 к п. 88.

[2] Семен Яковлевич Надсон умер 19 января 1887 г. в Ялте, в доме на ул. Кладбищенской (совр. адрес: ул. Бассейная, 24; дом сохранился). См.: *Дегтярев П.*, *Вуль Р.* У литературной карты Крыма. Литературно-краеведческие очерки. Симферополь, 1945. С. 74–78.

91.
11 июля 1918. Ялта.

11.VII.1918 н.ст. Ялта. Бассейная, 26.

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Жалею, что Вы не здесь. Отдохнули бы душою и телом. Здесь после цветов пришла очередь фруктов и ягод. Вся Ялта завалена белой и красной черешней, темными вишнями и блестящей черной смородиной. На улицах пахнет печеным хлебом. В местных лавках соблазнительно висят шкуры баранов… Я говорю как одно из действующих лиц Аристофанова «Мира»[1]. Но, увы, то, что у нас происходит, далеко не может назваться миром, — а лишь передышкой в ряде междоусобных войн… К осени думаю переехать на Волынь, если не отправлюсь куда-либо в другое место. Будьте здоровы, благополучны и счастливы.

Вышли ли Ваши переводы латинских эротиков? Где и как их приобрести? Вышел ли в свет Юпитер Поверженный?

В случае моего конца вспоминайте меня порою.

Вам преданный Ал. Кондратьев.

Здесь так ласково плещет голубовато-зеленое море. Цветут мимозы и магнолии. Улицы полны ненавидящими друг друга греками и татарами. Демос не может еще успокоиться от пережитых месяцев свободы и продолжает грабить на продуктах и товарах. Победители держат себя прилично[2]. Черный хлеб (дают ½ ф<унта> на человека независимо от профессии) стоит 38 коп. фунт. Белый (без карточек) 1 р. 50 к. фунт. Демократия отливает из Крыма. Есть комнаты и не слишком дорогие. В пансионах — самые разнообразные цены. Газеты (кроме социалистических) есть и кадетские. В общем жить можно. Кланяйтесь, пожалуйста, от меня глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне. Победители старались вручить Н-ю Н-чу собственноручное письмо, но он его не принял[3]. Членов царской фамилии в Ялте не встречал, литераторов — тоже.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 13–13 об.
Открытка с графическим пейзажем.

---

[1] Судя по всему, имеется в виду реплика Тригея (*Аристофан*. Трагедии. Фрагменты / Пер. А. Пиотровского; изд. подгот. В.Н. Ярхо. [М., 2000]. С. 334–335).

[2] Подразумеваются немецкие войска, занявшие Крым весной 1918 г.

[3] О сходном (или этом же) эпизоде вспоминал скульптор Г.В. Дерюжинский: «Один из немецких генералов захотел нанести визит вел. кн. Николаю Николаевичу. На пороге дома его встретила вел. кн. Марина Петровна, заявившая: — Мы немцев в дом не пускаем!» (*Дерюжинский Г.* В Крыму // Новый журнал. 1990. № 179. С. 252). Николай Николаевич (1856–1929) — великий князь; в 1914–1915 гг. главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами; после февральской революции вышел в отставку и жил в крымском Кореизе, в имении Дюльбер. Марина Петровна Романова (1892–1981) — его племянница.

92.

17 / 30 мая 1919. Ровно.

17/30.V.1919

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич.

Скоро будет год, как Вы написали мне Ваше последнее письмо. Полагая, что Вы живете там же, пользуюсь случаем восстановления почтовых сношений и шлю весть о себе. Разного рода события заставили меня перебраться из деревни в город. Осенью я писал Вам о своем переезде из Крыма на Волынь. Как Вы поживаете? Здорова ли Иоанна Матвеевна? По-прежнему ли стоите у власти[1]? Зимою хворал; очень постарел; писал литературные мемуары, переводил греческую антологию (боюсь, что два тома ее, подарок Лиронделля[2], пошли на раскурку — обычная участь здешних библиотек). Занимался также работой по русско-славянской мифологии. Значительная часть последней тоже, вероятно, погибла, т.к. переезд мой в город носил спешный характер. Боюсь, что всё это теперь никому не нужно и не интересно и что меня отправят скоро чистить казармы или что-нибудь в этом роде. Очень прошу Вас черкнуть мне несколько строк по след. адресу: г. Ровно, Волынской губ. Директорская ул., д. 14; Квартира О.К. Фесика для меня[3]. Живу здесь с женой и двумя детьми[4] и не знаю, скоро ли настанут порядок и спокойствие, при которых можно будет найти соответствующие моим знаниям и служебному опыту занятия. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш Ал. Кондратьев.

==

НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 11. Л. 12.
Открытка. П.ш.: Ровно (31.5.19); Москва (8.6.19).

---

[1] О постах, занимавшихся Брюсовым в 1918–1919 гг., см. примеч. 1 к п. 82.

[2] См. примеч. 10 к п. 25.

[3] Неустановленное лицо.

[4] Сын Кондратьева — Алексей Александрович (р. 1909); учился в «Львовской Политехнике», но курса не кончил; он не последовал в 1939 г. за родителями в Польшу. В 1942 г. Кондратьев писал о нем: «Не знаю, удастся ли сыну перетащить нас на Волынь. Он в марте переехал туда и пристроился там, кажется, на пивном заводе» (Письмо Е.А. Ляцкому от 15 мая 1942 г. // *Лавров А.В.* Символисты и другие. М., 2015. С. 550). Далее сведения о нем были потеряны; ср. в письме Кондратьева к А.М. Асееву от 10 июня 1953 г.: «Относительно сына, пропавшего без вести во время прихода большевиков на Волынь, ничего не знаю. На спиритическом сеансе в Триесте дух сообщил мне, что сын мой жив. Во время прихода на Волынь немцев он с женой и дочерью отправился туда в надежде получить от них обратно захваченное большевиками имение. Условия этого получения оказались неподходящими. Он поступил работать там на пивной завод и не сумел выбраться вовремя, когда пришли вновь большевики…» (*Письма к Струве*. С. 39). В действительности он был арестован советскими войсками в 1945 г., обвинен и приговорен летом этого же года к десяти годам лагерей, но неожиданно дело против него было прекращено и 8 октября того же года он был освобожден. Второй раз он был арестован и осужден в конце 1940-х гг., жил с семьей в сибирской ссылке. В 1950-х находился в Томске, откуда переселился на ст. Мшинская Гатчинского района Ленинградской области (см.: *Лукашевич-Кулиш И.В.* А.А. Кондратьев и ровенский русский кружок 1920–1930-х годов // Александр Кондратьев: Исследования, материалы, публикации. Ровно, 2008. С. 133–134). Дочь — Елена Александровна, в замужестве Андреева; училась в Ровенской гимназии, позже жила в Америке.

Литература

Два письма А.А. Кондратьева к В.И. Иванову / Публ. Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 107–113.

Из писем А.А. Кондратьева периода эмиграции (1952–1960) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. М.В. Скороходова // Русская литература. 2016. № 3. С. 243–269.

Кондратьев А. Письма к Амфитеатровым. Публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 139–172.

Кондратьев А. Письма к Амфитеатровым. Публ. и подгот. текста В. Крейда // Новый журнал. 1990. Кн. 182. С. 106–130.

Кондратьев А. Письма Б.А. Садовскому / Публ., подгот. текста С.В. Шумихина; предисл. и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 3–39.

«Напиши мне про свои розы…»: Письма А.А. Кондратьева Б.В. Беру / Подгот. к публ., вступ. ст. М.А. Перепелкина // Performance (Самара). 2006. № 4 (25). С. 8–17.

Письма А.А. Кондратьева к Блоку / Предисл., публ. и коммент. Р.Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 552–562.

Письма Великого князя Константина Константиновича к А.А. Шахматову. Публ. Т.Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 206–237.

Сарычева К.В. Письма к учителю: К истории отношений И. Анненского и А. Кондратьева // Литературный факт. 2017. № 4. С. 53–67.

References

Dva pis'ma A.A. Kondrat'eva k V.I. Ivanovu [A.A. Kondratiev's two letters to V.I. Ivanov], publ. by N.A. Bogomolov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 10, pp. 107–113. (In Russ.)

Iz pisem A.A. Kondrat'eva perioda emigratsii (1952–1960) [From A.A. Kondratiev's letters of émigré period (1952–1960)], intro., ed. i comment. by M.V. Skorokhodov. *Russkaia literatura*, 2016, no. 3, pp. 243–269. (In Russ.)

Kondrat'ev A. Pis'ma B.A. Sadovskomu [Letters to B.A. Sadovskoy], publ., ed. by S.V. Shumikhin, intro. and notes by N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. *De visu*, 1994, no. 1/2 (14), pp. 3–39. (In Russ.)

Kondrat'ev A. Pis'ma k Amfiteatrovym [Letters to Amfiteatrov family], publ. and ed. by V. Kreyd. *Novyi zhurnal*, 1990, iss. 181, pp. 139–172. (In Russ.)

Kondrat'ev A. Pis'ma k Amfiteatrovym [Letters to Amfiteatrov family], publ. and ed. by V. Kreyd. *Novyi zhurnal*, 1990, iss. 182, pp. 106–130. (In Russ.)

"Napishi mne pro svoi rozy…": Pis'ma A.A. Kondrat'eva B.V. Beru ["Write me about your roses...": A.A. Kondratiev's letters to B.V. Ber], ed., intro. by M.A. Perepelkin. *Performance*, 2006, no. 4 (25), pp. 8–17. (In Russ.)

Pis'ma A.A. Kondrat'eva k Bloku [A.A. Kondratiev's letters to Blok], intro., publ. and comment. by R.D. Timenchik. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 552–562. (In Russ.)

Pis'ma Velikogo kniazia Konstantina Konstantinovicha k A.A. Shakhmatovu [Grand Duke Konstantin Konstantinovich's letters to A.A. Shakhmatov], publ. by T.G. Ivanova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1997]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 206–237. (In Russ.)

Sarycheva K.V. Pis'ma k uchiteliu: K istorii otnoshenii I. Annenskogo i A. Kondrat'eva [Letters to the teacher: On the literary relationship of Innokenty Annensky and Alexander Kondratiev]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 4, pp. 53–67. (In Russ.)

Alexander Kondratiev's letters to Valery Bryusov (conclusion)

© 2019, Nikolay Bogomolov, Alexander Sobolev

Abstract: For the first time all Alexander Alexeevich Kondratiev's letters to Valery Bryusov are published. A reflection of relationships between two poets, they are far more valuable, representing a very rich material on the history of Russian modernism in general. Persons and literary events mentioned are provided with extensive comments which incorporate these documents into the cultural context of the epoch. Considering the absence of response letters (which are presumably lost with the rest of Kondratiev's papers), these letters are of paramount importance for the reconstruction of Bryusov's biography.

Keywords: Valery Brusov, Alexander Kondratiev, history of symbolism, correspondence, "Vesy", "Russkaya Mysl'", epistolary modernism, neomyphological writings.

Information about the authors: Nikolay Bogomolov, Doctor Hab., Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru

Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Bogomolov Nikolay, Sobolev Alexander. Alexander Kondratyev's letters to Valery Bryusov (conclusion). *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 143–228.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-146-231

АКАДЕМИЧЕСКИЙ БУНИН

От редакции

12–13 ноября 2018 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН состоялась международная научная конференция «Проблемы изучения жизни и творческого наследия И.А. Бунина (биография, источниковедение, текстология)» (см.: http://imli.ru/images/pdf/bunin-programma.pdf).

На конференции выступили с докладами 42 исследователя из семи стран: Австрия, Германия, Иран, Италия, Польша, Россия, Франция.

Доклады были очень разнообразны по тематике, затрагиваемым вопросам и проблемам: излагались результаты исследований поэзии и прозы И.А. Бунина, взаимоотношений писателя с современниками, рецепция и влияния, вводились в научный оборот новые материалы к биографии И.А. Бунина, отдельной темой было рассмотрение переводов произведений писателя на иностранные языки, история создания переводов и переписка с переводчиками. Одна из секций конференции была посвящена текстологии произведений И.А. Бунина — достаточно новому и активно развивающемуся научному направлению современного буниноведения. На этой секции выступили ведущие специалисты в данной области: Т.М. Двинятина (ИРЛИ РАН), О.А. Коростелев и С.Н. Морозов (ИМЛИ РАН), Е.Р. Пономарев (СПбГИК) и другие. Обсуждались проблемные вопросы текстологии прозы И.А. Бунина, его дневников, маргиналий, трудности комментирования творческого наследия писателя.

В основу настоящего раздела легли доклады, прозвучавшие на конференции. Мы уверены, что это далеко не последнее обращение журнала к наследию И.А. Бунина, принимая во внимание продолжающуюся работу над «Летописью жизни и творчества И.А. Бунина», масштабный проект по созданию нового тома серии «Литературное наследство», посвященного И.А. Бунину, а также научное Полное собрание сочинений И.А. Бунина, предварительная работа над которым уже идет.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-234-253
УДК 821.161.1

И.А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции (1920–1955 гг.)*

© 2019, М.М. Аболина

Аннотация: Статья представляет краткий обзор истории издания произведений И.А. Бунина в эмиграции в период 1920–1955 гг.: факты, позволяющие реконструировать каждый эпизод взаимодействия Бунина с эмигрантскими издательствами, соотносятся с историей книжного дела Русского зарубежья.

Ключевые слова: Иван Бунин, Русское Зарубежье, издательская деятельность.

Информация об авторе: Маргарита Михайловна Аболина, выпускник аспирантуры СПбГИК, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: amarguerite@mail.ru

Цитирование: *Аболина М.М.* И.А. Бунин и издательская деятельность русской эмиграции (1920–1950 гг.) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 234–253.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-234-253

* В основе настоящей статьи — материалы одноименного диссертационного исследования, готовящегося к защите. Исследование имеет хронологические и тематические (только оригинальные книжные издания на русском языке) рамки. Временное ограничение объясняется, во-первых, годами жизни Бунина за рубежом; в качестве второго ограничителя выбран 1955 г., так как в этом году вышла последняя книга, которую Бунин успел наметить. Тематическое ограничение обусловлено как обширностью издательской истории писателя (история издания переводов произведений Бунина на другие языки, опубликованных при жизни «последнего классика», представляется темой для отдельного исследования), так и большой рассеянностью архивных материалов, требующихся для такой работы.

За 33 года, прожитых в эмиграции, И.А. Бунин получил мировую известность, стал лауреатом Нобелевской премии и издал более 50 книг, из них 36 русскоязычных, вышедших на территории Европы и США в 15 издательствах русских эмигрантов.

Этапы истории издания книг Бунина в эмиграции в целом совпадают с этапами становления и развития истории русского книжного дела за рубежом, за исключением эпизода с изданием Собрания сочинений в 1934–1936 гг., о котором будет сказано ниже.

Первый этап можно назвать «И.А. Бунин и формирующееся издательское дело русской эмиграции: 1920-е гг.», где на первую половину десятилетия приходится период становления издательского дела Русского зарубежья. Уникальное сообщество, образовавшееся за границей после первой «волны» русской эмиграции, поставило целью (или даже «миссией», как назвал это сам Бунин в 1924 г.)[1] воссоздание и развитие привычной культурной среды — атмосферы Серебряного века[2]. Печатное дело было главным инструментом для решения этой задачи[3]. Издательским центром русской эмиграции сначала стал Берлин (этот период потом назвали «романтическим»: русские эмигранты еще верили в скорое возвращение на родину)[4], но к середине 1920-х гг. центр переместился в Париж[5]; возникли издательские предприятия и в других странах «рассеяния»[6].

Место Бунина в литературно-издательской среде Русского зарубежья с самого начала было одним из первых: из России Бунин эмигрировал, будучи уже зрелым, признанным не только на уровне читательском, но и на уровне Императорской академии наук[7], много и хорошо издававшимся писателем.

---

[1] См. подробнее: *Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции // Руль. 1924. № 1013, 3 апр. С. 5–6; *Бакунцев А.В.* Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013. М., 2014. С. 268–337.

[2] См. подробнее: *Березовая Л.Г.* Культура русской эмиграции 1920–1930-х гг.: культурная миссия пореволюционной эмиграции как наследие Серебряного века // Новый исторический вестник: web-проект. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml (дата обращения: 07.11.2018).

[3] См. подробнее: *Раев М.* Галактика Гутенберга: Издательское дело на чужбине // Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 96–123.

[4] См. подробнее: *Быстрова О.В.* Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 22–32.

[5] См. подробнее: *Быстрова О.В.* Парижские издательства // Там же. С. 303–307.

[6] См. подробнее: *Баренбаум И.Е.*, *Шомракова И.А.* Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. СПб., 2001. С. 110–115.

[7] В 1903 г. Бунин получил половинную Пушкинскую премию (премию Императорской академии наук им. А.С. Пушкина) за сборник стихотворений

Но сразу найти в эмиграции более-менее постоянного издателя не удалось, и издание бунинских произведений в 1920-е гг. в целом имело хаотичный характер[8]. С очень немногими издательствами писателю удавалось сотрудничать больше одного раза; в указанный период таких издательств было три. Первое — парижское издательство «Русская земля»[9], выпустившее повести 1910-х гг. «Деревня» и «Суходол» в одной книге (1921)[10], а также дореволюционные рассказы, объединенные в сборники «Господин из Сан-Франциско» (1921)[11] и «Чаша жизни» (1921)[12]. Второе — берлинское издательство «Слово»[13], в котором вышли сборник дореволюционных рассказов «Крик» (1921)[14], бунинские переводы произведений Дж. Байрона под одной обложкой (1921)[15] и сборник новых, написанных уже в эмиграции рассказов «Роза Иерихона» (1924)[16]. Третье — парижское издательство «Родник»[17], где были опубликованы

«Листопад» и перевод поэмы «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло: см., например: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1: 1870–1909 / Сост. С.Н. Морозов. М., 2011. С. 517–518. В 1909 г. Императорская академия наук второй раз присудила Бунину половинную премию (вторую половину получил А.И. Куприн) — за 3-й и 4-й тома сочинений, изданных в «Знании» у М. Горького; месяцем позже на заседании Разряда изящной словесности Бунина избирают почетным академиком: см. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1. С. 830, 834.

[8] См. также: *Аболина М.М.* И.А. Бунин в книжной культуре русской эмиграции, 1920-е гг. // Вестник Санкт–Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 108–111.

[9] «Русская земля» (1920–1921) — эмигрантское кооперативное издательство, где кроме Бунина также участвовали А. Толстой, А. Куприн и К. Бальмонт. Директор — Т.И. Полнер. Подробнее см.: *Баренбаум И.Е*, *Шомракова И.А*. Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. С. 108.

[10] *Бунин И.А.* Деревня. Париж: Русская земля, 1921. 368, [1] с.

[11] *Бунин И.А.* Господин из Сан-Франциско. Париж: Русская земля, 1921. 213 с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага, 2007. С. 63–65.

[12] *Бунин И.А.* Чаша жизни. Париж: Русская земля. 280, [1] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 69–70.

[13] «Слово» (1920–1935) — эмигрантское издательство. Директор — И.В. Гессен. Подробнее см.: *Быстрова О.В.* Берлинские издательства. С. 24–25.

[14] *Бунин И.А.* Крик. Берлин: Слово, 1921. 273, [2] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 67.

[15] *Байрон Дж.* Каин. Манфред. Небо и Земля / Пер. с англ. И. Бунина. Берлин: Слово, 1921. 187, [1] с.

[16] *Бунин И.А.* Роза Иерихона. Берлин: Слово, 1924. 310, [1]. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 71–73.

[17] «Родник» («Русское книжное дело “Родник”», “La Source”; 1923–1933) — эмигрантское книжное контрагентство, издательство и магазин. Директор — И.Н. Коварский. Подробнее см.: *Быстрова О.В.* Парижские издательства. С. 305. Долгое время считалось, что «Родник» заявил о себе не раньше 1927 г., однако тщательный анализ архива «Современных записок», много лет занимавших помещение рядом с конторой «Родника», позволил О.А. Коростелеву и М. Шрубе

как минимум две бунинские книги: сборники «Митина любовь» (1925)[18] и «Солнечный удар» (1927)[19]; переиздание «Родником» сборника «Митина любовь» в 1930 г.[20] остается под вопросом.

Среди издательских предприятий эмиграции, сотрудничавших с Буниным один раз, были: пражское «Славянское издательство»[21], издавшее сборник дореволюционных рассказов «Начальная любовь» (1921)[22]; парижское «Товарищество Н.П. Карбасников»[23], где вышел сборник «Последнее свидание» (1926)[24]; «Издательская комиссия» в Белграде[25], выпустившая сборник «Грамматика любви» (1929)[26]; парижское издательство «Север»[27], издавшее бунинский перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате»[28].

указать годом основания предприятия 1923, см. письмо М. Вишняка от 10 июня 1926 г. и примечание № 4 к нему: Внутриредакционная переписка / Публ. и примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 1 / Под. ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011. С. 328–330.

[18] *Бунин И.А.* Митина любовь. Париж: Б.и., 1925. 201, [2] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 73–74.

[19] *Бунин И.А.* Солнечный удар. Париж: Родник, 1927. 164, [2] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 76.

[20] *Бунин И.А.* Митина любовь. Париж: Б.и., 1930. 174 с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 82.

[21] «Славянское издательство» (1920–1924) — эмигрантское издательство; возникло по инициативе Г.О. Тилля, издателя газеты «Русское дело», выпускавшейся в Праге в 1919–1920 гг. Подробнее см.: *Вацек Й.* Пражские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 331.

[22] *Бунин И.А.* Начальная любовь. Прага: Славянское изд-во, 1921. 268 [1] с. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 67–69.

[23] «Товарищество Н.П. Карбасников» (1924–1928) — эмигрантское издательство, созданное Н.Н. Карбасниковым как преемник одноименного дореволюционного издательства. О дореволюционном периоде см., например: *Белов С.В.* Книгопродавец Н.П. Карбасников: (Из истории русской книжной торговли) // Книжная торговля: Опыт, проблемы, исследования. Вып. 16. М., 1985. С. 230–242.

[24] *Бунин И.А.* Последнее свидание. Париж: Изд. Тов. Н.П. Карбасников, 1926. 170 с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 74–75.

[25] См. подробнее: *Бакунцев А.В.* К истории книжного дела русского зарубежья. Издательская комиссия Русского культурного комитета в Белграде (1928–1937) // Вестник Московского университета. 2016. Сер. 10. № 3. С. 30–43.

[26] *Бунин И.А.* Грамматика любви (Избранные рассказы). Белград: Русская типография, 1929. 140, [1] с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 77.

[27] «Север» (1920–1921) — эмигрантское издательство, специализировавшееся на выпуске детской литературы. Подробнее см.: *Быстрова О.В.* Парижские издательства. С. 304.

[28] *Лонгфелло Г.У.* Песнь о Гайавате / Пер. И.А. Бунина. Париж: Север, 1921. 190 с. О работе Бунина над переводом см.: *Шаламов В.Т.* Работа Бунина над переводом «Песни о Гайавате» // Вопросы литературы. 1963. № 1. С. 153–158.

С некоторыми успешными эмигрантскими предприятиями контакта не получилось вовсе (пражское «Пламя»)[29] из-за личного недопонимания[30], или сам Бунин не желал печататься в потенциально перспективных, но «идеологически» чуждых ему издательствах (берлинское «Издательство З.И. Гржебина»)[31].

Территориальная удаленность издательств, с которыми приходилось работать, часто дополнительно затрудняла взаимоотношения с автором, жившим в Париже. Гонорары, полученные от издательств, были невелики, процентов с продаж (если они были) приходилось ждать долго, и самые элементарные бытовые расходы быстро поглощали их, заставляя Бунина постоянно искать литературную работу.

Интересно сравнить разницу в количестве, объеме и характере произведений, опубликованных Буниным за этот период. В первые годы эмиграции количество включенных в издание прозаических произведений явно уступает стихотворным — это видно практически в любой книге 1920–1921 гг. В сборник «Господин из Сан-Франциско», вышедший первым, вошло 76 произведений (8 рассказов и 68 стихотворений); в книгу «Деревня», изданную следом, были включены только две повести (собственно «Деревня» и «Суходол»); в сборнике «Начальная любовь» числилось 90 произведений (11 рассказов и 79 стихотворений); сборник «Чаша жизни» содержал 50 произведений (7 рассказов и 43 стихотворения). И всё это были дореволюционные произведения писателя. Своего рода публикационный пик прозаических текстов — притом новых, написанных уже в эмиграции, — в книгах Бунина можно наблюдать в переломные для Русского зарубежья 1924–1925 гг.: сборник «Роза Иерихона» содержал 25 рассказов и 89 стихотворений, сборник «Митина любовь» — 16 рассказов и 27 стихотворений. К концу 1920-х гг. становится очевиден спад — возвращение небольших по количеству включенных текстов изданий, отражающих всё менее устойчивое положение издательского дела в «России за рубежом»: в сборнике «Последнее свидание» числилось только 17 рассказов; сборник «Солнечный удар»

[29] «Пламя» (1923–1938) — эмигрантское издательство, контрагентство, склад и магазин. Директор — историк Е.А. Ляцкий. Подробнее см.: *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–4.

[30] См. подробнее: Преписка Ивана Буњина са Евгенијем Љацким = Письма Ивана Алексеевича Бунина Евгению Александровичу Ляцкому / Публ. С. Драшкоци // Зборник Матице српске за славистику. Кн. 52. Белград, 1997. С. 209–226.

[31] «Издательство З.И. Гржебина» (1919–1923) — изначально петроградское, после 1920 г. — эмигрантское издательство. В начале 1920-х гг. З.И. Гржебин был фактическим контрагентом советской «Всемирной литературы» (эта связь, вероятно, и отвратила Бунина от возможного сотрудничества), но потом договор был нарушен советской стороной, и дело Гржебина потерпело крах. Подробнее см.: *Быстрова О.В.* Берлинские издательства. С. 31.

насчитывал 11 рассказов; в «Грамматику любви» Бунин дал всего 10 рассказов — как новых, так и старых. Средний тираж бунинской книги, вышедшей до конца 1920-х гг., составляет 2000 экземпляров. Средний объем книги, изданной в первую половину 1920-х гг. — 250 стр. Средний объем книги второй половины 1920-х гг. — 150 стр.: уменьшение объема соответствует уменьшению количества произведений в издании. Причина такой издательской экономности Бунина была не только в изначально стесненных финансовых обстоятельствах, но и в резонных опасениях насчет плохих продаж, особенно после 1924 г., когда связь с СССР прервалась и многие издательства, рассчитывавшие на советский книжный рынок, разорялись и закрывались. К относительной стабильности издательскому процессу удалось прийти только к 1930-м гг., но вскоре стало понятно: стабильность эта скорее негативного характера — положение эмигрантов и многих их предпринимательских дел ухудшалось год за годом. Тем не менее для долгой истории эмигрантского издания книг Бунина 1920-е гг. были только первым этапом.

Некоторые эпизоды этого этапа пока остаются нераскрытыми: не хватает данных для полной реконструкции истории сотрудничества Бунина с издательствами «Слово», «Славянское издательство», издательство «Товарищества Н.П. Карбасников». Некоторые эпизоды раскрываются постепенно. К примеру, материалы из архива Т.И. Полнера[32] позволяют уточнить тиражи бунинских книг, изданных «Русской землей» (3000 экз.), и гонорары Бунина за каждое издание[33], но не дают представления о процессе издания. Куда четче выстраивается история издания сборника «Митина любовь» (1925), вышедшего у И.Н. Коварского в издательстве «Родник». Долгое время считалось, что и эта книга издана «Русской землей», но переписка между Буниным и И.И. Фондаминским показывает, что издателем сборника был именно Коварский[34]. Убедительным доказательством является и то, что для сборников «Митина любовь» и «Солнечный удар» была использована одна и та же партия дорогой бумаги: на страницах обеих книг видны одинаковые водяные

[32] Коллекция Т.И. Полнера хранится в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (The Bakhmeteff Archive, Нью-Йорк, США; далее: BAR).

[33] Документы в коллекции касаются периода ликвидации издательства «Русская земля» в 1923 г. В расчетном листе по авторскому гонорару указано: за «Деревню» Бунин получил 3953,70 фр., за сборник «Господин из Сан-Франциско» — 2418,75 фр., за «Чашу жизни» — 2734,35 фр.; в том же документе имеется графа «осталось в авансе», напротив фамилии Бунина значится сумма 2893,20 фр. (BAR. Ms Coll. Polner. Box 5).

[34] См. примеч. к письму Фондаминского от 1 сентября 1927 г.: «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; вступ. ст. О.А. Коростелева // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 2. М., 2012. С. 752.

знаки (филигрань)[35]. Эпизод сотрудничества Бунина с «Издательской комиссией» в Белграде, увенчавшегося изданием сборника «Грамматика любви» (1929), подробно раскрыт А.В. Бакунцевым[36].

Второй этап истории издания бунинских книг в эмиграции относится к 1930-м гг. Это был период, когда сложившаяся в 1920-х гг. издательская среда русской эмиграции переживала кризис, связанный с тяжелым состоянием европейских стран накануне Второй мировой войны: разорялись книгоиздательства, переставали выходить газеты и журналы, распадались творческие объединения.

В этот период Бунин издавался всего в трех издательствах. Первым из них было издательство журнала «Современные записки»[37], сотрудничество с которым пришлось на самый конец 1920-х — начало 1930-х гг. Совместная работа Бунина с журналом и издательством получилась краткой, но весьма плодотворной — в большей степени благодаря постоянному посредничеству И.И. Фондаминского. Результатом этой работы стали 4 бунинские книги: сборник «Избранные стихи» (1929)[38], единственный роман Бунина «Жизнь Арсеньева» (1930)[39] и два сборника — «Божье древо» (1931)[40] и «Тень птицы» (1931)[41].

1933–1936 гг. занимают особое место во всей издательской истории Бунина в эмиграции. С одной стороны, это годы бунинского триумфа: получение Нобелевской премии, мировое признание, издание собрания сочинений — масштабный, беспрецедентный для Русского зарубежья проект, осуществленный в период упадка издательской деятельности.

---

[35] Подробнее об истории издания сборника см.: *Аболина М.М.* Об издателе книги И.А. Бунина «Митина любовь» (1925) // Русская литература. 2018. № 3. С. 233–236.

[36] *Бакунцев А.В.* И.А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 70–91.

[37] «Издательство “Современных записок”» (1928–1940) — эмигрантское издательство, возникшее при одноименном журнале (редакторы Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев). Печатало в основном книги авторов, публиковавшихся на страницах журнала. Подробнее см.: *Шруба М.* К истории издательства «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2010. С. 275–294.

[38] *Бунин И.А.* Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929. 237, [2] с. Перечень опубликованных стихотворений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 77–82.

[39] *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева: Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930. 263, [1] с.

[40] *Бунин И.А.* Божье древо. Париж: Современные записки, 1931. 174, [2] с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 82–84.

[41] *Бунин И.А.* Тень птицы. Париж: Современные записки, 1931. 207, [1] с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 84.

С другой стороны, процесс издания Собрания[42] обернулся для писателя двухлетним, тяжелым и совершенно убыточным сотрудничеством с берлинским издательством «Петрополис»[43]; однако под маркой того же издательства в 1939 г. отдельной книгой вышла 5-я часть романа «Жизнь Арсеньева»[44].

Завершает период 1930-х гг. в издательской истории Бунина короткое сотрудничество с парижским издательством «YMCA–Пресс»[45], где вышла всего одна[46] книга — «Освобождение Толстого»[47], в которой писатель обратился к популярному в те годы в эмиграции жанру «житийной биографии»[48].

В целом 1930-е гг. были для Бунина периодом подведения литературных итогов: помимо совершенствования техники рассказов и поисков новых прозаических форм (сборник короткой прозы «Божье древо»), писатель наконец взял новую для себя вершину — закончил работу над романом («Жизнь Арсеньева»). Литературные заслуги Бунина именно в этот период получили мировое признание — «последний классик» русской литературы был удостоен Нобелевской премии, что не только упрочило его высочайшее место в табели о рангах эмигрантских писателей, но и способствовало впоследствии возвращению на одно из первых мест в постсоветской литературе. Во-вторых, сам характер многих бу-

---

[42] *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 10 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936. Перечень опубликованных произведений см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 84–96.

[43] «Петрополис» (1918–1939) — издательство, созданное в Петрограде Я.Н. Блохом, А.С. Каганом и Г.Л. Лозинским. В 1923 г. филиал издательства открылся в Берлине, с 1924 г. деятельность «Петрополиса» в Петрограде прекратилась. К 1939 г. «Петрополис» перебрался в Брюссель, где и закончил свое существование в том же году. Подробнее см.: *Бунин И.А.* «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79; *Лозинский Г.Л.* Petropolis // Книга: Исследования и материалы. Сб. 59. М., 1989. С. 158–162.

[44] *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева: Роман. II: Лика. Брюссель: Петрополис, 1939. 170, [1] с.

[45] "YMCA–Пресс" (YMCA Press publishing house, ИМКА–Пресс; 1921–…) — издательство русской книги, созданное представителями международной христианской ассоциации молодежи YMCA. Начало работу в Праге, к 1925 г. перебралось в Париж, где существует до сих пор. Подробнее см.: *Карташев А.В.* «ИМКА–ПРЕСС» (YMCA–Press). Издательство // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 184–187; *Баренбаум И.Е., Шомракова И.А.* Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. С. 109–110.

[46] Ввиду особенностей договора с издательством «Петрополис» Бунин в то время не мог издать ни одно произведение, входившее в состав Собрания.

[47] *Бунин И.А.* Освобождение Толстого. Париж: YMCA–Press, 1937. 254, [1] с.

[48] О жанре см. подробнее: *Пономарев Е.Р.* Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.

нинских изданий, вышедших в 1930-е гг., подразумевал определенную «итоговость». В сборник «Избранные стихи» вошли тщательно отобранные произведения 1900–1925 гг., в Собрание сочинений, изданное «Петрополисом», — тексты, написанные за почти 40 лет литературной деятельности; в «Освобождение Толстого» Бунин вложил итог своих размышлений о великом писателе и его месте в русской культуре. Практически все опубликованные дореволюционные тексты подверглись в этот период существенной авторской правке. В-третьих, обстоятельства публикаций Бунина 1930-х гг. наглядно отражают итоги, к которым пришла издательская практика Русского зарубежья за 20 лет существования. Экономическая и политическая ситуации в Европе оставили на книжном рынке русской эмиграции не так много издательств; фирмам, которые устояли в кризис, можно было доверить издание более одной книги, но без гарантии какого-либо дохода. Поэтому, с одной стороны, в это десятилетие Бунин нашел более-менее постоянных издателей — парижские «Современные записки» в лице И.И. Фондаминского и берлинский «Петрополис». А с другой стороны, финансовая сторона сотрудничества с ними чаще всего крайне разочаровывала писателя. С точки зрения количества изданных книг именно 1930-е гг. можно назвать «издательским пиком» Бунина в эмиграции: 17 изданий, считая каждый том Собрания. Средний тираж книги, изданной в этот период, составляет около 1000 экземпляров. Количество опубликованных произведений сильно разнится в зависимости от характера издания и самого текста: наибольшее количество рассказов — в сборнике «Божье древо» (51 короткий рассказ) и в 9-м т. Собрания сочинений (61 рассказ), наименьшее — в 6-м т. Собрания (9 рассказов, к которым прибавлено 41 стихотворение). Средний объем бунинской книги в это время — 200–250 стр. В целом в истории издания бунинских книг 1930-е гг. — не всегда радостный и не слишком прибыльный, но всё же довольно ровный, стабильный, продуктивный период.

Из трех названных эпизодов этого периода пока лучше всего раскрыта история сотрудничества Бунина с «Петрополисом»: статья С.Н. Морозова, продолжая тему ранней публикации, сделанной в соавторстве с В.В. Леонидовым[49], упоминает все нюансы, возникшие в процессе издания Собрания сочинений[50]. Истории издания бунинского «Освобождения Толстого» в издательстве «YMCA–Пресс» посвящена статья

[49] *Бунин И.А.* «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис». С. 79–91.

[50] *Морозов С.Н.* История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

М.М. Аболиной[51]: материалы Русского архива в Лидсе (The Leeds Russian Archive, Великобритания; далее — РАЛ), включающие договор с издательством и переписку Бунина с его представителями, позволили реконструировать издательский процесс достаточно подробно[52]. Оставшийся эпизод — история сотрудничества Бунина с издательством «Современных записок» — выстраивается из материалов статьи Д. Риникера о взаимоотношениях писателя с журналом[53] и уже упоминавшейся переписки Бунина с редакторами журнала[54].

Третий этап издательской истории Бунина относится к периоду 1940 — середине 1950-х гг. Во время Второй мировой войны издательская деятельность русских эмигрантов в Европе прекратилась практически полностью. Некоторые деятели Русского зарубежья уехали в США и начали там новые издательские проекты — именно с американскими издателями связаны первые два издания, вышедшие у Бунина до середины 1940-х гг. Обе книги касаются публикации цикла рассказов «Темные аллеи», большей частью написанных во время войны: сборник «Темные аллеи» (1943)[55], вышедший в нью-йоркском издательстве «Новая земля»[56], и рассказ «Речной трактир» (1945)[57], изданный М.О. Цетлиным к 75-летию Бунина.

С середины 1940-х гг. начинается сотрудничество Бунина с возрождающимися после войны парижскими издательствами: «Франко-русская печать»[58] выпустила второй вариант сборника «Темные

---

[51] *Аболина М.М.* Судьба книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (К истории взаимоотношений писателя и издательства «ИМКА–Пресс») // Библиография. 2018. № 2 (415). С. 41–49.

[52] См. также: *Пономарев Е.Р.* О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1998. № 1. С. 109–119.

[53] *Риникер Д.* «Простить вас, “доведших страну до Учредительного собрания”, никак не могу»: Иван Бунин и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). С. 120–128.

[54] См.: «Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин. С. 737–836.

[55] *Бунин И.А.* Темные аллеи. Нью-Йорк: Новая земля, 1943. 151 с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 96.

[56] «Новая земля» (1943–?) — эмигрантское издательство, созданное Я.М. Цвибаком (А. Седых) специально для бунинской публикации. Подробная информация об издательстве пока не найдена.

[57] *Бунин И.А.* Речной трактир. Нью-Йорк: M. Zetlin [Grenich printing corp.], 1945. 16 с. Подробнее о рассказе см.: *Пономарев Е.Р., Аболина М.М.* Рассказ И.А. Бунина «Речной трактир»: материалы для научного комментария // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 144–148.

[58] Типография «Франко–русская печать» (“La Presse Française et Étrangère”; 1920–?) — издательство, созданное О.Г. Зелюком с целью знакомства русских и французов с культурой друг друга. Подробнее см.: *Баренбаум И.Е., Шомракова И.А.* Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. С. 108.

аллеи» (1946)[59], включивший новые рассказы цикла, написанные за это время, а в издательстве «Возрождение»[60] вышли бунинские «Воспоминания» (1950)[61].

На период 1952–1955 гг. приходится сотрудничество Бунина и В.Н. Буниной с американским «Издательством имени Чехова»[62], где за короткий промежуток было напечатано 5 бунинских книг: «Жизнь Арсеньева» (1952)[63] — все части романа в одном издании; сборники рассказов «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» (1953)[64] и «Митина любовь. Солнечный удар» (1953)[65], составившие своеобразный двухтомник лучших эмигрантских рассказов Бунина[66]; сборник «Петлистые уши» (1954)[67] и книга «О Чехове» (1955)[68] — последние два издания Бунин успел только наметить, заканчивала работу над ними уже В.Н. Бунина.

За последние 13 лет жизни Бунин издал 9 книг — почти столько же, сколько за первые 10 лет пребывания в эмиграции, но не будет преуве-

[59] *Бунин И.А.* Темные аллеи. Paris: La Presse Française et Étrangère, 1946. 324, [3] с. Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 97.

[60] «Возрождение» (1926–1940; 1948–) — эмигрантское издательство, созданное при одноименной газете и воссозданное под тем же названием после войны уже при одноименном журнале. Владельцем всех указанных предприятий был О.А. Гукасов. Подробнее см.: *Базанов П.Н.* Парижское издательство первой русской эмиграции «Возрождение» (1925–1940 гг.) // Библиография. 2017. № 6. С. 105–110; *Базанов П.Н.* Парижское книгоиздательство «Возрождение» // Библиотековедение. 2016. Т. 65, № 4. С. 467–472.

[61] *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение – La Renaissance, 1950. 272, [1] с.

[62] «Издательство имени Чехова» (Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc.; 1952–1956) — эмигрантское издательство, основанное в Нью-Йорке. Директором издательства был Н.Р. Вреден. Подробнее об издательстве см.: *Базанов П.Н.* Издательство имени Чехова // Новый журнал. 2014. № 276. С. 276–287; *Трибунский П.А.* Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 577–599; *Трибунский П.А.* «Издательство имени Чехова» Восточно–Европейского фонда // Про книги: журнал библиофила. 2013. № 1 (25). С. 46–52.

[63] *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. Юность. Первое полное издание. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952, 387, [2] с.

[64] *Бунин И.А.* Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. 229, [4] с.

[65] *Бунин И.А.* Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953, 214, [3] с.

[66] Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 98–100.

[67] *Бунин И.А.* Петлистые уши и другие рассказы [The knotted ears and other stories]. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954, 382, [2] с. Книга имеет подзаголовок: «Последняя книга рассказов, отобранных рукою И.А. Бунина». Перечень опубликованных рассказов см.: Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий. С. 100–101.

[68] *Бунин И.А.* О Чехове (Незаконченная рукопись) [About Chechov. An unfinished manuscript] / Предисл. М.А. Алданова, [вступл. В.Н. Буниной]. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955, 412, [2] с.

личением сказать, что качественно все издания послевоенного периода стоят выше. Во-первых, был переиздан единственный роман Бунина «Жизнь Арсеньева» — впервые полностью, все пять частей под одной обложкой. Во-вторых, рассказы из цикла «Темные аллеи» стали своего рода революцией в любовной и эротической прозе, приблизив «последнего классика» к литературным модернистам. В-третьих, большим вкладом Бунина в литературный процесс Русского зарубежья следует считать тексты мемуарного характера, включенные в сборник «Воспоминания» и книгу «О Чехове», законченную уже В.Н. Буниной. В-четвертых, немалая часть литературного наследия писателя в этот период подверглась активнейшей систематизации и правке: Бунину было жизненно важно не только максимально проконтролировать все нюансы издания тех текстов, которые он успевал отобрать, выправить и опубликовать сам, но и позаботиться о правильном, с его точки зрения, состоянии любых будущих публикаций.

При комплексном сравнении изданий 1940–1953 гг. хорошо видна относительная зависимость объема книги от ее содержания. Количество опубликованных в одном издании текстов, как и прежде, зависит от характера текстов и самого издания: книга подарочного формата «Речной трактир» (1945) содержит один рассказ, последний сборник «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (1954) — 55 рассказов. Объемы бунинских книг этого периода неуклонно растут: сборник «Темные аллеи» (1943) насчитывает 151 страниц, сборник «Темные аллеи» (1946) — уже 324 страницы; книги, выпущенные «Издательством имени Чехова», по количеству страниц варьируются от 214 («Митина любовь. Солнечный удар») до 412 («О Чехове»). При сравнении тиражей выпущенных книг очевидно, что именно под конец эмигрантского периода литературной деятельности Бунин вышел на свой максимум: 3 книги, изданные «чеховским» издательством, имеют первоначальный тираж в 3000 экземпляров, 2 вышли тиражом в 2000 экземпляров, не считая допечаток.

Издательства, публиковавшие произведения Бунина в это время, можно условно разделить как минимум на две группы. По локализации: европейские (парижские) и американские (нью-йоркские). По длительности сотрудничества: издательства «одной книги» (издательства А. Седых, М. Цетлина, А. Гукасова, О. Зелюка) и издательства, выпустившие несколько книг («Издательство имени Чехова»). Ввиду ряда обстоятельств, как объективных, так и субъективных, издательская динамика Бунина в последние 13 лет его жизни скорее прерывиста. В начале этого периода, отчасти как и в начале эмиграции, книгоиздательство было практически случайным: с американскими публикациями 1943–1945 гг., состоявшимися по инициативе друзей, Бунину просто повезло. К середине 1940-х —

началу 1950-х гг. Бунин уже был готов сотрудничать с издателями лично, но с немногочисленными парижскими предприятиями отношения не складывались, заканчиваясь изданием одной книги. Только в последние годы писателю удалось найти стабильного издателя в США, в лице Н. Вредена. Технической стороной издания Бунин чаще всего оставался недоволен, особенно болезненно пережил писатель вынужденную необходимость перейти на ненавистную ему новую орфографию. С точки зрения финансовых взаимоотношений описываемый период также был нестабилен и неспокоен: лучше и стабильнее всего платили американские предприятия, но у Буниных в это время сильно возросла статья расходов, связанная с медициной. Третий этап эмигрантского творчества и существования Бунина завершился смертью писателя, но показательно, что даже это не стало препятствием для издания еще двух книг.

Этот этап пока изучен сравнительно мало. Не хватает данных для восстановления истории издания бунинских «Воспоминаний» — к примеру, договор Бунина с Гукасовым в каталоге РАЛ не значится.

Эпизоду издания «Темных аллей» посвящены статьи М.М. Аболиной: первая восстанавливает хронологию издания рассказов цикла при жизни Бунина — от первых публикаций в эмигрантской периодике до упомянутого сборника 1946 г.[69]; вторая подробно рассматривает историю издания «Темных аллей» в типографии «Франко-русская печать», вводя в оборот договор Бунина с Зелюком, хранящийся в РАЛ[70].

Эпизода сотрудничества Бунина с «Издательством имени Чехова» немного касается статья И.А. Шомраковой[71], но этот краткий обзор нуждается в дополнении материалами из РАЛ[72] и Бахметьевского архива[73], позволяющими реконструировать работу Бунина с «Чеховским издательством» во всех подробностях. Двухлетний период сотрудничества с «чеховцами» В.Н. Буниной следует рассматривать отдельно: используя те же материалы РАЛ и Бахметьевского архива, а также переписку Буниной с Г.Н. Кузнецовой, опубликованную Р. Дэвисом и Е.Р. Пономаревым[74],

---

[69] *Аболина М.М.* История издания сборника рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 2. С. 174–180.

[70] *Аболина М.М.* «Темные аллеи» И.А. Бунина: к вопросу о каноническом варианте издания // Библиография и книговедение. 2018. № 2. С. 143–147.

[71] *Шомракова И.А.* И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова. По материалам Coll. Chekhov Publishing House в Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box № 1) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. статей. СПб., 2000. С. 324–328.

[72] РАЛ MS 1066/1472–1492; 1066/2210–2219; 1066/5512–5536; 1066/5808–5815.

[73] BAR MS Coll / Chekhov Publishing House (Box № 1).

[74] См.: И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М., 2014. 714 с.

можно наглядно проиллюстрировать разницу взаимоотношений внутри системы «автор–издатель» в случае, когда автора заменяет наследник.

Комплексного исследования, целиком посвященного истории издания книг Бунина в период эмиграции, пока нет; настоящую работу можно считать первой попыткой подобной реконструкции, позволяющей изучить эмигрантское творчество «последнего классика» с непривычной стороны, ввести в научный оборот большой массив архивных документов, а также наметить линии будущих исследований в рамках заявленной темы.

Литература

Аболина М.М. И.А. Бунин в книжной культуре русской эмиграции, 1920-е гг. // Вестник Санкт–Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (25). С. 108–111.

Аболина М.М. История издания сборника рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи» // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 2. С. 174–180.

Аболина М.М. Об издателе книги И.А. Бунина «Митина любовь» (1925) // Русская литература. 2018. № 3. С. 233–236.

Аболина М.М. Судьба книги И.А. Бунина «Освобождение Толстого» (К истории взаимоотношений писателя и издательства «ИМКА–Пресс») // Библиография. 2018. № 2 (415). С. 41–49.

Аболина М.М. «Темные аллеи» И.А. Бунина: к вопросу о каноническом варианте издания // Библиография и книговедение. 2018. № 2. С. 143–147.

Базанов П.Н. Издательство имени Чехова // Новый журнал. 2014. № 276. С. 276–287.

Базанов П.Н. Парижское издательство первой русской эмиграции «Возрождение» (1925–1940 гг.) // Библиография. 2017. № 6. С. 105–110.

Базанов П.Н. Парижское книгоиздательство «Возрождение» // Библиотековедение. 2016. Т.65, № 4. С. 467–472.

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и Русский культурный комитет в Белграде (1928–1937) // Литературный факт. 2017. № 6. С. 70–91.

Бакунцев А.В. К истории книжного дела русского зарубежья. Издательская комиссия Русского культурного комитета в Белграде (1928–1937) // Вестник Московского университета. 2016. Сер. 10, № 3. С.30–43.

Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920–х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013. М.: Русский путь, 2014. С. 268–337.

Баренбаум И.Е., Шомракова И.А. Всеобщая история книги. Ч. 3: Книга в первой половине XX века. СПб.: Издательство СПбГУКИ, 2001. 122 с.

Белов С.В. Книгопродавец Н.П. Карбасников: (Из истории русской книжной торговли) // Книжная торговля: Опыт, проблемы, исследования. Вып. 16. М.: Книга, 1985. С. 230–242.

Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции 1920–1930-х гг.: культурная миссия пореволюционной эмиграции как наследие Серебряного века // Новый исторический вестник. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml (дата обращения: 07.11.2018).

Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис». / Вступ. ст. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова (при участии В.В. Леонидова) // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–91.

Быстрова О.В. Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 22–32.

Быстрова О.В. Парижские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 303–307.

Вацек Й. Пражские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 331.

Внутриредакционная переписка / Публ. и примеч. М. Шрубы // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 1 / Под. ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 328–330.

«Если хотите меня печатать, терпите»: И.А. Бунин / Публ. и примеч. О.А. Коростелева и М. Шрубы; вступит. статья О.А. Коростелева // «Современные записки» (1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 737–836.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Иван Алексеевич Бунин: библиография оригинальных книжных изданий (1891–1990) / Сост. Й. Кржесалкова. Прага: Nár. Knih. ČR; Нац. библ. Чеш. Республики. Славян. библ., 2007. 503 с.

Карташев А.В. «ИМКА-ПРЕСС» (YMCA-Press). Издательство // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 184–187.

Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930–е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–4.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1: 1870–1909 / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 943 с.

Лозинский Г.Л. Petropolis // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1989. Сб. 59. С. 158–162.

Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

Пономарев Е.Р. О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1998. № 1. С. 109–119.

Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.

Пономарев Е.Р., Аболина М.М. Рассказ И.А. Бунина «Речной трактир»: материалы для научного комментария // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 2 (19). С. 144–148.

Преписка Ивана Буњина са Евгенијем Љацким = Письма Ивана Алексеевича Бунина Евгению Александровичу Ляцкому / Публ. С. Драшкоци // Зборник Матице српске за славистику. Кн. 52. Белград: Нови сад, 1997. С. 209–226.

Раев М. Галактика Гутенберга: Издательское дело на чужбине // Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс–Академия, 1994. С. 96–123.

Риникер Д. «Простить вас, “доведших страну до Учредительного собрания”, никак не могу»: Иван Бунин и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 120–128.

Трибунский П.А. «Издательство имени Чехова» Восточно-Европейского фонда // Про книги. 2013. № 1 (25). С. 46–52.

Трибунский П.А. Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 577–599.

Шомракова И.А. И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова. По материалам Coll. Chekhov Publishing House в Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box № 1) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сборник статей. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 324–328.

Шруба М. К истории издательства «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 275–294.

References

Abolina M.M. I.A. Bunin v knizhnoi kul'ture russkoi emigratsii, 1920-e gg. [I.A. Bunin in the book culture of Russian emigration, 1920s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, no. 4 (25), pp. 108–111. (In Russ.)

Abolina M.M. Istoriia izdaniia sbornika rasskazov I.A. Bunina “Temnye allei” [Publication history of the collection of I.A. Bunin’s short stories “Dark Alleys”]. *Bibliotekovedenie*, 2017, T. 66, no. 2, pp. 174–180. (In Russ.)

Abolina M.M. Ob izdatele knigi I.A. Bunina “Mitina lyubov'” (1925) [On the publisher of I.A. Bunin’s book “Mitia’s Love” (1925)]. *Russkaia literatura*, 2018, no. 3, pp. 233–236. (In Russ.)

Abolina M.M. Sud'ba knigi I.A. Bunina “Osvobozhdenie Tolstogo” (K istorii vzaimootnoshenii pisatelia i izdatel'stva “IMKA–Press”) [The fate of I.A. Bunin’s book “The Liberation of Tolstoy” (On the history of relationship between the author and “YMCA-Press” publishing house]. *Bibliografiia*, 2018, no. 2 (415), pp. 41–49. (In Russ.)

Abolina M.M. “Temnye allei” I.A. Bunina: k voprosu o kanonicheskom variante izdaniia [I.A. Bunin’s “Dark Alleys”: revisiting the canonical edition]. *Bibliografiia i knigovedenie*, 2018, no. 2, pp. 143–147. (In Russ.)

Bakuntsev A.V. I.A. Bunin i Russkii kul'turnyi komitet v Belgrade (1928–1937) [I.A. Bunin and the Russian Cultural Committee in Belgrade (1928–1937)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 6, pp. 70–91. (In Russ.)

Bakuntsev A.V. K istorii knizhnogo dela russkogo zarubezh'ya. Izdatel'skaia komissiia Russkogo kul'turnogo komiteta v Belgrade (1928–1937) [On the history of the book industry of the Russian émigré community. Publishing Commission of the Russian Cultural Committee in Belgrade (1928–1937)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 2016, series 10, no. 3, pp. 30–43. (In Russ.)

Bakuntsev A.V. Rech' I.A. Bunina “Missiia russkoi emigratsii” v obshchestvennom soznanii epokhi (po materialam ehmigrantskoi i sovetskoi periodiki 1920-h gg.) [I.A. Bunin’s speech “Mission of the Russian émigré community” in the social consciousness of the epoch (based on materials émigré and Soviet periodicals of the 1920s)]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni A. Solzhenitsyna, 2013* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Émigrés Annual, 2013]. Moscow, Russkii put' Publ., 2014, pp. 268–337. (In Russ.)

Barenbaum, I.E., Shomrakova, I.A. *Vseobshchaia istoriia knigi. Ch. 3: Kniga v pervoi polovine XX veka* [General history of the book. Part 3: Book in the first half of the 20th century]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Culture and Arts Publ., 2001. 122 p. (In Russ.)

Bazanov P.N. Izdatel'stvo imeni Chekhova [Chekhov publishing house]. *Novyi zhurnal*, 2014, no. 276, pp. 276–287. (In Russ.)

Bazanov P.N. Parizhskoe izdatel'stvo pervoi russkoi emigratsii “Vozrozhdenie” (1925–1940 gg.) [“Vozrozhdenie”, the publishing house of the first Russian emigration (1925–1940s)]. *Bibliografiia*, 2017, no. 6, pp. 105–110. (In Russ.)

Bazanov P.N. Parizhskoe knigoizdatel'stvo “Vozrozhdenie” [“Vozrozhdenie”, the publishing house in Paris]. *Bibliotekovedenie*, 2016, T.65, no. 4, pp. 467–472. (In Russ.)

Belov S.V. Knigoprodavec N.P. Karbasnikov: (Iz istorii russkoi knizhnoi torgovli) [Bookseller N.P. Karbasnikov: (From the history of Russian book trade)]. *Knizhnaia torgovlya: Opyt, problemy, issledovaniia. Vyp. 16* [Book trade: Experience, problems, research. Iss. 16]. Moscow, Kniga Publ., 1985, pp. 230–242. (In Russ.)

Berezovaia L.G. Kul'tura russkoi emigratsii 1920–1930-h gg.: kul'turnaia missiia porevoliutsionnoi emigratsii kak nasledie Serebrianogo veka [The culture of Russian emigration in the 1920s–1930s: the cultural mission of post-revolutionary emigration as a legacy of the Silver Age]. *Novyi istoricheskii vestnik*. Available at: http://www.nivestnik.ru/2001_3/11.shtml (accessed: 07.11.2018). (In Russ.)

Bunin I.A. “Hochu pechatat' sam, ibo vy, izdateli, vse zveri”: Perepiska I.A. Bunina s izdatel'stvom “Petropolis” [“I want to publish myself, because all of you, publishers, are beasts”: I.A. Bunin’s correspondence with the “Petropolis” publishing house], intro. by S.N. Morozov, V.V. Leonidov; ed. and comment. by S.N. Morozov (with the participation of V.V. Leonidov). *Nashe nasledie*, 2001, no. 57, pp. 79–91. (In Russ.)

Bystrova O.V. Berlinskie izdatel'stva [Berlin publishing houses]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia: 1918–1940. T. 2: Periodika i literaturnye tsentry* [Literary encyclopedia of Russian émigré community: 1918–1940. Vol. 2: Periodicals and literary centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 22–32. (In Russ.)

Bystrova O.V. Parizhskie izdatel'stva [Paris publishing houses]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia: 1918–1940. T. 2: Periodika i literaturnye tsentry* [Literary encyclopedia of Russian émigré community: 1918–1940. Vol. 2: Periodicals and literary centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 303–307. (In Russ.)

"Esli khotite menia pechatat', terpite": I.A. Bunin ["If you want to publish my work, be patient": I.A. Bunin], ed. and comment. by O.A. Korostelev and M. Schruba, intro. by O.A. Korostelev. *"Sovremennye zapiski" (1920–1940): Iz arkhiva redaktsii: V 4 t. T. 2* ["Contemporary Papers" (1920–1940): From the editorial board archives: In 4 vols. Vol. 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 737–836. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. III: "...kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi": Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961 [I.A. Bunin. New materials. Vol. III: "...when close people write to each other"": Letters of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961], comp.., ed., comment. by E.R. Ponomarev and R. Davis, articles by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

Ivan Alekseevich Bunin: bibliografiia original'nykh knizhnykh izdanii (1891–1990) [Ivan Alexeevich Bunin: a bibliography of the original editions (1891–1990)], comp. by J. Krzhesalkova. Praga, Nár. Knih. ČR, 2007. 503 p. (In Russ.)

Kartashev A.V. "IMKA-PRESS" (YMCA-Press). Izdatel'stvo [YMCA-Press publishing house]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia: 1918–1940. T. 2: Periodika i literaturnye tsentry* [Literary encyclopedia of Russian émigré community: 1918–1940. Vol. 2: Periodicals and literary centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 184–187. (In Russ.)

Kishkin L.S. Russkaia emigratsiia v Prage: pechat', obrazovanie, gumanitarnye nauki (1920–1930-e gody) [Russian emigration in Prague: press, education, humanities (1920–1930s)]. *Slavianovedenie*, 1996, no. 4, pp. 3–4. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina. T. 1: 1870–1909 [Chronicle of I.A. Binun's life and work. Vol. 1: 1870–1909], comp. by S.N. Morozov. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2011. 943 p. (In Russ.)

Lozinskii G.L. Petropolis. Kniga: Issledovaniya i materialy. Sb. 59 [Book: Studies and materials. 59]. Moscow, Kniga Publ., 1989, pp. 158–162. (In Russ.)

Morozov S.N. Istoriia podgotovki Sobraniia sochinenii I.A. Bunina v izdatel'stve "Petropolis" (po materialam perepiski) [The history of the preparation of I.A. Bunin's collected works in the Petropolis publishing house (based on correspondence)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 5, pp. 248–265. (In Russ.)

Ponomarev E.R. O tvorcheskoi istorii knigi Bunina "Osvobozhdenie Tolstogo" [On the creative history of Bunin's book "The Liberation of Tolstoy"]. *Russkaia literatura*, 1998, no. 1, pp. 109–119. (In Russ.)

Ponomarev E.R. Rossiia, rastvorennaia v vechnosti: Zhanr zhitiinoi biografii v literature russkoi emigratsii [Russia, dissolved in eternity: Genre of hagiography in the literature of Russian emigration]. *Voprosy literatury*, 2004, no. 1, pp. 84–111 (In Russ.)

Ponomarev E.R., Abolina M.M. Rasskaz I.A. Bunina "Rechnoi traktir": materialy dlia nauchnogo kommentariia [I.A. Bunin's short story "River Inn": materials for

academic commentary]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2014, no. 2 (19), pp. 144–148. (In Russ.)

Prepiska Ivana Bunina sa Evgeniiem Liatskim [Ivan Alexeevich Bunin's letters to Evgeny Alexandrovich Lyatsky], publ. by S. Draškoci. *Zbornik Matice srpske za slavistiku. 52*. Belgrad, Novi sad Publ., 1997, pp. 209–226. (In Russ.)

Raev M. Galaktika Gutenberga: Izdatel'skoe delo na chuzhbine [Gutenberg's galaxy: Publishing in a foreign country]. Rossiia za rubezhom: Istoriia kul'tury russkoi emigratsii 1919–1939 [Russia abroad: The history of Russian émigré culture 1919–1939]. Moscow, Progress–Akademiia Publ., 1994, pp. 96–123. (In Russ.)

Riniker D. "Prostit' vas, 'dovedshikh stranu do Uchreditel'nogo sobraniia', nikak ne mogu": Ivan Bunin i zhurnal "Sovremennye zapiski" ["To forgive you, 'who brought the country to the Constituent Assembly', is beyond my means": Ivan Bunin and the "Contemporary Papers" magazine]. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva "Sovremennykh zapisok" (Parizh, 1920–1940): Sb. statei i materialov* [Around the "Contemporary Papers" editorial archive (Paris, 1920–1940): A collection of essays and materials], ed. by O. Korostelev and M. Schruba. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 120–128. (In Russ.)

Schruba M. K istorii izdatel'stva "Sovremennye zapiski" [On the history of the "Contemporary Papers" publishing house]. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva "Sovremennykh zapisok" (Parizh, 1920–1940): Sb. statei i materialov* [Around the "Contemporary Papers" editorial archive (Paris, 1920–1940): A collection of essays and materials], ed. by O. Korostelev and M. Schruba. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 275–294. (In Russ.)

Shomrakova I.A. I. Bunin, G. Ivanov i Izdatel'stvo im. Chekhova. Po materialam Coll. Chekhov Publishing House v Columbia University Libraries Bakhmeteff Archive (Box no. 1) [I. Bunin, Ivanov and Chekhov Publishing House. Based on Coll. Chekhov Publishing House in the Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive (Box No. 1)]. *Zarubezhnaia Rossiia. 1917–1939 gg. Sbornik statei* [Russia abroad. 1917–1939. A collection of essays]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2000, pp. 324–328. (In Russ.)

Tribunskii P.A. "Izdatel'stvo imeni Chekhova" Vostochno-Evropeiskogo fonda ["Chekhov publishing house" of the East-European Foundation]. *Pro knigi*, 2013, no. 1 (25), pp. 46–52. (In Russ.)

Tribunskii P.A. Fond Forda, fond "Svobodnaia Rossiia" / Vostochno-evropeiskii fond i sozdanie "Izdatel'stva imeni Chekhova" [The Ford Foundation, the "Free Russia" Foundation / East-European Foundation and the creation of "Chekhov publishing house"]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni A. Solzhenitsyna, 2013* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Émigrés Annual, 2013]. Moscow, Russkii put' Publ., 2014, pp. 577–599. (In Russ.)

Vacek J. Prazhskie izdatel'stva [Prague publishing houses]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia: 1918–1940. T. 2: Periodika i literaturnye tsentry* [Literary encyclopedia of Russian émigré community: 1918–1940. Vol. 2: Periodicals and literary centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, p. 331. (In Russ.)

Vnutriredaktsionnaia perepiska [Intra-editorial correspondence], ed. and comment. by M. Schruba. *"Sovremennye zapiski" (1920–1940): Iz arkhiva redaktsii: V 4 t. T. 1* ["Contemporary Papers" (1920–1940): From the editorial board archives: In 4 vols. Vol. 1], ed. by O.A. Korostelev and M. Schruba. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 328–330. (In Russ.)

Ivan Bunin and publishing activities of the Russian émigrés (1920–1955)

© 2019, Margarita Abolina

Abstract: The article provides a brief overview of the publication history of I.A. Bunin's works in emigration during 1920–1955: facts that make it possible to reconstruct each episode of interaction between Bunin and émigré publishing houses correlate with the history of the book indusrty of the Russian diaspora.

Keywords: Ivan Bunin, Russian émigrés, publishing activities.

Information about the author: Margarita Abolina, graduate student, St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia.

E-mail: amarguerite@mail.ru

Citation: Abolina Margarita. Ivan Bunin and publishing activities of the Russian émigrés (1920–1950). *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 234–253. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-234-253

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-254-275
УДК 821.161.1

«Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился…»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.) *

© 2019, А.В. Бакунцев

Аннотация: В статье раскрываются причины ненависти И.Ф. Наживина к И.А. Бунину, которая обнаружила себя в середине 1930-х гг. Развернутая Наживиным антибунинская кампания представлена как многоходовая комбинация. Наживин порочил корифея эмигрантской литературы в личной переписке с М. Горьким, М.А. Алдановым, М.А. Осоргиным, С.Г. Сватиковым, в критико-публицистических произведениях, предназначенных для печати, но не опубликованных, а также в романе «Неглубокоуважаемые» (Тяньцзин, 1935). Статья основана на малоизвестных материалах из фондов РГАЛИ, ГАРФ, РАЛ и Библиотеки международной современной документации (La bibliothèque de documentation internationale contemporaine, Paris — Nanterre).

Ключевые слова: И.Ф. Наживин, И.А. Бунин, эмиграция, травля, переписка, «Уездный моншер», «Неглубокоуважаемые».

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев, к.ф.н., доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: auctor@list.ru

Цитирование: *Бакунцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е годы) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 254–275.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-254-275

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00289).

По свидетельству Г.Н. Кузнецовой[1], вскоре после присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии Н.А. Тэффи придумала шутливое выражение: «Общество обиженных Буниным», — имея в виду тех, кто был недоволен распределением сумм, выделенных писателем для вспомоществования нуждающимся эмигрантам. Однако в шутке Тэффи была, как говорится, лишь доля шутки: некое подобие такого «общества» действительно существовало, причем не только в эмиграции.

Недоброжелателей и клеветников у Бунина хватало задолго до нобелевских лавров, не перевелись они и после его смерти. Имена наиболее «злостных» бунинских недоброхотов хорошо известны: это Н.Н. Берберова, В.С. Яновский, В.В. Набоков, оставившие о Бунине весьма едкие, пристрастные и далеко не во всем правдивые воспоминания. Неприязнь к Бунину питали также В.В. Вересаев, И.М. Василевский (Не-Буква), З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, П.Н. Милюков, М.И. Цветаева, М.А. Осоргин, С.П. Мельгунов, историк, публицист, общественный деятель С.Г. Сватиков, историк русского масонства В.Ф. Иванов, дочь поэта Д.М. Ратгауза — актриса и поэтесса Т.Д. Клименко-Ратгауз. Насмешливо-пренебрежительные нотки в адрес Бунина звучат также в мемуарах И.В. Одоевцевой и З.А. Шаховской (несмотря на то, что в целом обе были расположены к нему доброжелательно). Были у Бунина недруги и среди рядовых обывателей, чьи имена либо просто неведомы, либо ничего не говорят даже узко ориентированным специалистам[2].

Человек, о котором пойдет речь в нашей статье, тоже входил в когорту «бунинофобов» и даже в определенном смысле — по накалу своей ненависти к Бунину — превзошел их всех. Пожалуй, он был единственным среди них, кто уже при жизни мэтра осмелился замахнуться на его общественно-литературную репутацию и с упорством, достойным лучшего применения, тщился разрушить ее в личной переписке, публицистике, критике, литературно-художественном творчестве. Имя этого человека — Иван Федорович Наживин (1874–1940)[3].

---

[1] См. ее письмо к А.К. Бабореко от 12 октября 1971 г. (*Бабореко А.К.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993. С. 137).

[2] В числе таких обывателей — зять Л.Н. Толстого князь Н.Л. Оболенский (см. его письмо к И.Ф. Наживину от 26–28 ноября 1933 г.: РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 105. Л. 10), некто В.К. Александров (см. его письмо к Л.Ф. Зурову от 10 декабря 1938 г.: *Жожина О.* Литературное турне И.С. Шмелева по Прибалтике. Приложение // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Отв. ред. И. Белобровцева. М., 2010. С. 252–253), полуанонимный автор злопыхательского письма от 24 ноября 1936 г. в редакцию газеты «Последние новости» по поводу печально известного инцидента в Линдау (см.: ГАРФ. Ф. 6845. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25–27 об.) и др.

[3] Думается, излагать биографию Наживина излишне: это уже сделано другими исследователями, притом весьма обстоятельно. Наиболее полную на сегодня библиографию работ о Наживине см.: Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы.

«С моей стороны нет против Вас ничего…»

Наживин познакомился с Буниным в конце 1918 — начале 1919 гг. в Одессе. «На днях был Наживин, — читаем в дневнике В.Н. Муромцевой (запись от 30 декабря 1918 г. / 12 января 1919 г.). — Коренастый, среднего роста человек, с широким лицом и довольно длинным носом. Он производит впечатление человека с еще большим запасом жизненных сил, хотя по виду он немного сумрачный благодаря большим, нависшим, немного толстовским бровям»[4].

В Одессе Наживин пробыл недолго: уже в феврале 1919 г. он с семьей переехал в Геленджик. Вторично судьба свела Наживина с Буниным в Белграде весной 1920 г. После этого жизненные пути двух писателей разошлись навсегда. Тем не менее эпистолярное общение между ними продолжалось — пусть и с перерывами — до 1927 г., причем со стороны Наживина оно было более интенсивным: в Бунинской коллекции РАЛ сохранилось 29 наживинских писем, в то время как в личном фонде Наживина в РГАЛИ имеется только три бунинских послания (одно из них — в виде фрагмента), хотя, несомненно, были и другие — об этом ясно говорит содержание некоторых писем Наживина[5].

Из переписки Наживина с Буниным видно, что их взаимоотношения были неровными. Однако ни эта переписка, ни ряд фактов историко-биографического свойства не дают внятного ответа на вопрос, что стало

Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 317–318. В дополнение к перечисленным там работам назовем еще одну: *Трубилова Е.М.* Наживин // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 4 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М., 2008. С. 194–218.

[4] Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. Т. 1 / Под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. М., 2004. С. 170.

[5] Переписка Бунина с Наживиным опубликована частями и притом не полностью (см.: Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 317–332; И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., коммент. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл. В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 277–326). Неопубликованными почему-то оказались два письма Наживина к Бунину, одно из которых совсем не имеет даты, другое датировано 17 марта без указания года, оба написаны в Париже. Первое из этих посланий (в Бунинской коллекции оно значится под № 23) В. Куденис датирует 23 июля 1924 г., второе (№ 28) — 17 марта 1930 г. Эти письма только упомянуты и скупо процитированы в предисловии ко второй из указанных публикаций (см.: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 279, 281, 282). Однако предложенная биографом Наживина датировка представляется спорной. С.Н. Морозов в переписке с автором данной статьи, основываясь на фактах, высказал предположение, что письмо № 23 могло быть написано либо до 29 апреля, либо после 6 ноября 1924 г. — именно тогда Наживин мог застать Бунина в Париже (из письма следует, что оба присутствовали на одном и том же публичном собрании), — а письмо № 28, вероятнее всего, написано 17 марта 1927 г., вскоре после выхода бунинского сборника «Последнее свидание» (Париж, 1927).

причиной той безудержной, жгучей ненависти Наживина к Бунину, которая обнаружила себя в середине 1930-х гг. Ведь Бунин не только не причинял Наживину никакого зла, но, напротив, проявлял к нему — по крайней мере, в первые годы знакомства — особое и во многом незаслуженное участие, искренно считая его «талантливым и умным русским писателем»[6].

Когда осенью 1919 г., после выхода наживинской брошюры «Что же нам делать?» (Ростов-на-Дону; Одесса, 1919), против ее автора ополчилась вся демократическая печать Одессы и И.М. Василевский (Не-Буква) в газете «Современное слово» обозвал его «лысой душой» (за ряд высказываний откровенно антисемитского свойства), именно Бунин заступился за Наживина, отстаивая его право на собственное, независимое мнение, чем вызвал шквал критики со стороны левых уже в свой адрес[7]. А в начале 1920-х гг., уже в эмиграции, Бунин пытался содействовать Наживину в печатании его произведений.

Несмотря на всё это, *искреннего* расположения к Бунину Наживин, похоже, никогда не испытывал. Иначе трудно объяснить тот непостижимо-, а порой и нестерпимо-фамильярный тон, каким пронизаны почти все его письма к мэтру за 1919–1922 гг. Они то нарочито-небрежны, то безоговорочно-требовательны, то нагло-высокомерны. И при этом почти в каждом из них «просвечивает» недоброжелательство, нарастающее раздражение, балансирование на грани эмоционального срыва, скандала, истерики. Возникает естественный вопрос: почему?

Дело в том, что Наживин, мечтавший в первой половине 1920-х гг. направить идейную и культурную жизнь эмиграции в определенное, одному ему ведомое русло, уговаривал Бунина стать своего рода духовным лидером русского зарубежья и объединить вокруг себя разрозненные, а то и враждующие меж собой эмигрантские литературные и политические группировки. Однако Бунина подобная роль не прельщала, наживинские замыслы не вызывали в нем сочувствия: он не хотел поступаться личной и творческой свободой, становиться марионеткой в чьих бы то ни было руках, что было бы неизбежно, прими он предложение Наживина. Кроме того, Бунина не могла не раздражать «фирменная» наживинская фамильярность. Потому-то, надо полагать, его письма к Наживину были, с одной стороны, предельно сдержанны, а с другой — не столь регулярны, как того хотелось адресату.

---

[6] *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 2000. С. 40.

[7] См., напр.: *[Б.п.]* Правогазетный шаблон // Одесские новости. 1919. № 11055, 10 (23) нояб. С. 2; [*Б.п.*] Маленький человек в большом писателе // Одесские новости. 1919. № 11058, 13 (26) нояб. С. 1.

С большой долей уверенности можно утверждать, что эти два обстоятельства были расценены болезненно самолюбивым Наживиным как пренебрежение к собственной персоне. И всё же в 1920-х гг. он еще держал себя в руках и старался сохранить хотя бы видимость добрых отношений с Буниным. Некоторые свои книги, отправляемые на улицу Жака Оффенбаха, 1, он надписывал едва ли не подобострастно: «Дорогому И.А. Бунину, любимому писателю моему, на нестрогий суд…», «Дорогому Ивану Алексеевичу Бунину от большого почитателя его…»[8] В 1924 г. Наживин, нескрываемо обиженный действительным или мнимым нежеланием мэтра узнать его на каком-то публичном собрании в Париже, тем не менее заверял своего «обидчика»: «…Бунин для меня Буниным и остался, так что с моей стороны нет против Вас ничего»[9].

Долго зревший нарыв наживинской ненависти прорвался в конце 1933 г., когда пришла весть о присуждении Бунину Нобелевской премии. Вероятно, именно в ту пору Наживин и начал вынашивать план «страшной мести» несостоявшемуся духовному вождю русской эмиграции.

Как отмечают биографы Наживина, этот «талантливый и умный русский писатель», ученик и последователь Л.Н. Толстого, издавший свыше 40 томов своих сочинений, был не только болезненно самолюбив, но и столь же болезненно (если не сказать — патологически) завистлив. Бунину он завидовал, скорее всего, с самого начала своей литературной карьеры, причем (как это часто бывает с людьми подобного склада) своей зависти пытался придать вид высокой, гражданственной взыскательности. Так, бунинскую «деревенскую» прозу Наживин и до, и после Октября, по-видимому, непритворно считал «злостной болтовней человека в фуражке с красным околышем»[10], намекая на ее будто бы «барский», «узко-дворянский» характер. По крайней мере, именно так он отозвался о ней в письме к Бунину от 7 сентября 1920 г., словно забыв, что за полтора года до этого, еще в Одессе, при первой личной встрече с мэтром говорил ему (согласно записи в дневнике В.Н. Муромцевой от 30 декабря 1918 г. / 12 января 1919 г.): «Вот <…>, Иван Алексеевич, как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и всё за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам. <…> И как я, крестьянин, не видел этого, а вы, барин, увидали. Только вы один были правы»[11].

В 1927 г. Наживин точно так же «забудет» свои же слова о «злостной болтовне человека в фуражке с красным околышем» и воздаст хвалу (искреннюю ли?) бунинским рассказам о народе, включенным в сборник

[8] Цит. по: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 322, 323.
[9] РАЛ. MS.1066/4004. Копия письма любезно предоставлена Р. Дэвисом и С.Н. Морозовым.
[10] Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 330.
[11] Устами Буниных. Т. 1. С. 171.

«Последнее свидание»: «Бесподобные страницы! Но никогда, никогда, никогда не будет понята “интеллигенцией”, т.е. Вашими читателями, их жуткая красота и их *правда*, от которой волосы встают дыбом: поймут их только те очень немногие, которые, как Вы, действительно видели наш народ, то ядро каторжника, которое приковано к нашей ноге. <…> Спасибо за хорошую книгу»[12]. А в середине 1930-х гг. столь же «гражданственно» обрушится на всё эмигрантское творчество Бунина с «Жизнью Арсеньева» во главе, обвинит мэтра в том, что в эпоху великих потрясений тот не дал ничего стоящего, не дал поистине значительного произведения, в котором отразились бы эти катаклизмы (намеренно замалчивая при этом и «Великий дурман», и «Окаянные дни»), и не раз попрекнет Бунина именно его дворянской «фуражкой с красным околышем».

Вообще при сопоставлении наживинских высказываний о Бунине как писателе невольно напрашивается вывод либо о непоследовательности, либо о беспринципности их автора. Впрочем, удивляться не приходится, особенно с учетом тех идейно-политических зигзагов, которые Наживин проделал за время пребывания на чужбине, многократно меняя убеждения, друзей, места жительства, стремясь из всего извлечь выгоду и не умея ни с кем надолго поладить.

«Земских начальников надо хоронить…»

Кампания против Бунина, развернутая Наживиным в 1934–1936 гг., носила характер многоходовой комбинации. Начало ей было положено в переписке с коллегами по цеху, которые хорошо знали Бунина, а в некоторых случаях, подобно М. Горькому и М.А. Алданову, в разное время были с ним накоротке. Например, Горькому 31 мая 1934 г. Наживин писал, что Бунин «стал невыносимо гнусен: спустился ниже всякого земского начальника»[13]. Письма к Алданову, которого Наживин выделял из числа прочих писателей-эмигрантов (вероятно, за его беззаветную любовь к Л.Н. Толстому), пестрят еще более резкими, уничижительными характеристиками («б<ывший> Бунин»[14] — самая невинная среди них). Вне всяких сомнений, подобная бестактность была умышленной: Наживин демонстративно не желал считаться с тем, что Алданов не только дружил с Буниным, но и по-настоящему любил его как писателя и человека.

[12] РАЛ. MS. 1066/4005. Курсив Наживина. Копия письма любезно предоставлена Р. Дэвисом и С.Н. Морозовым.

[13] М. Горький и И.Ф. Наживин. Переписка / Вступ. ст., публ., примеч. Н.Н. Примочкиной // С двух берегов. С. 651.

[14] РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 2.

Вот несколько наиболее показательных наживинских суждений о Бунине, встречающихся в его посланиях к Алданову (нам они известны по машинописным копиям, которые хранятся в личном фонде Наживина в РГАЛИ).

17 ноября 1934 г., раскрывая причины своей неприязни к Милюкову и критикуя Алданова за будто бы чрезмерную терпимость к собратьям по перу, Наживин, между прочим, замечал: «В частной жизни, за рюмкой водки, и Бунин приятен, пока не впадает в матерный стиль (замечательно, мои мужики-владимирцы при мне НИКОГДА не осмеливались впадать в этот стиль), но это нисколько не обязывает меня слепнуть и не видеть его творческое бессилие и ничтожество»[15]. «Бесплодной смоковницей, комм эн икон су сон образ»[16] назван «Иван де Бунин» в наживинском письме от 19 марта 1935 г.[17] По мнению Наживина, самым убедительным доказательством бунинской деградации служила «Жизнь Арсеньева». «Это не литература, — писал он Алданову 27 марта 1935 г., — а словесные бирюльки. Зачем он их точит, я не знаю. <…> Когда я вспоминаю этот гимн Земскому Начальнику <т.е. великому князю Николаю Николаевичу-младшему>[18], у меня в глазах зеленеет[19]. А это утверждение Пушкина как “нашего”, “дворянского” поэта[20]. Дурак он и больше ничего. И как его многие теперь ненавидят за эти шалые выходки». В том же письме по поводу избрания Бунина нобелевским лауреатом говорится: «Гадость вышла. Земских начальников надо хоронить. Впрочем, всё равно сопьется. Это им всем на роду написано»[21].

---

[15] Там же. Л. 12.

[16] Придуманное Наживиным французско-русское выражение: comme un (правильнее — une) icône sous son образ, — смысл которого не вполне ясен. Возможные варианты перевода: сам себе икона; жалкое подобие себя самого. Подобное язвительное «идиомотворчество» — одна из особенностей наживинского злоязычия.

[17] РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 16об.

[18] Имеются в виду заключительные главы 4-й книги «Жизни Арсеньева».

[19] Особо отметим, что эти слова принадлежат человеку, который в начале 1920-х гг. примыкал к монархистам и даже участвовал в знаменитом Рейхенгалльском съезде!

[20] Наживин тенденциозно толкует строки из VIII главы 3-й книги «Жизни Арсеньева», где сказано: «Пушкин <…> был для меня вовсе не чтением, а подлинной частью моей жизни. <…> Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне “нашего” по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал, казалось мне, всё только наше, для нас и с нашими чувствами. Буря, что в его стихах мглой крыла небо, “вихри снежные крутя”, была та самая, что бушевала в зимние вечера вокруг Каменского хутора. Мать иногда читала мне с грустной и ласковой улыбкой: “Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел” — и я спрашивал: “С каким гусаром, мама? С покойным дяденькой?” Она читала: “Цветок засохший, безуханный, забытый в книге, вижу я” — и я видел этот цветок в ее собственном девичьем альбоме…» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева: Истоки дней. Париж, 1930. С. 176–177). Под словом «наш» Бунин, несомненно, разумел не «дворянский», а «семейный», «домашний», «родственный».

[21] РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 17об.–18.

В стремлении любой ценой опорочить мэтра Наживин не знал меры, не гнушался ничем, вплоть до откровенной лжи и клеветы. Так, в письме к Алданову от 26 ноября 1934 г. он утверждал, что накануне отъезда из Парижа в Берлин А.Н. Толстой будто бы писал ему, что «Ваня Бунин, земский начальник, спасает духовную культуру своими акафистами пьяному псарю»[22], т.е. опять-таки великому князю Николаю Николаевичу-младшему. Ничего подобного Толстой, разумеется, написать не мог — просто потому, что решил «сменить вехи» за 8 лет до того, как в «Современных записках» появилась 4-я книга «Жизни Арсеньева», финальные главы которой и содержат так называемый «акафист пьяному псарю».

Лгал Наживин и своим явным единомышленникам, в числе которых был, например, С.Г. Сватиков. В письме к нему от 19 января 1936 г. Наживин «каялся»: «И что меня угрызает накануне ухода — мне 62-й <год> — это то, что я весьма повинен в получении “нашей славой” премии Нобеля. Она предназначалась Горькому. Старому Эммануилу Нобелю с моей — и других — помощью удалось провалить это дело. Тогда встал вопрос: так кому же — надо Россию почтить. Я тогда ничего еще не знал о верноподданнических выступлениях Ивана де Бунин и посоветывал старику Эммануилу Людвиговичу: тогда попробуйте провести хотя <бы> Бунина. Я охотнее посоветывал бы Алексея Толстого, но это было безнадежно из-за его перехода в московский лагерь. И они провели Ваньку де Каина»[23].

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Наживин в переписке с Э.Л. и Г.Л. Нобелями действительно интриговал против Горького и даже предлагал устранить его физически[24], однако свою роль в присуждении Бунину Нобелевской премии он, мягко говоря, преувеличивал. По крайней мере, в сохранившихся письмах к нему Э.Л. Нобеля о Бунине как возможном претенденте на премию не сказано ни слова[25].

Отдельным «пунктом» в наживинской кампании против Бунина было приписывание мэтру то «яростного», то «хитренького» антисемитизма. В процитированном письме к Сватикову есть и такие строки: «…И заметьте: Ванька <Бунин> — яростный антисемит (с глазу на глаз), и жидки всё же тянут его вверх. Какой бардак этот наш литературный

[22] Там же. Л. 13.

[23] Там же. Ед. хр. 44. Л. 1. Сохранено авторское написание слова «посоветовал».

[24] См., напр., его письмо к Г.Л. Нобелю от 11 февраля 1932 г.: «Опять предлагаю себя, старика (мне терять нечего уже) для организации тут, на местах, ударных дружин: убирать полпредов, торгпредов, Максимку Горького — *увеличить панику в Кремле* этими раскатами грома» (Там же. Ед. хр. 35. Л. 1; курсив Наживина).

[25] См.: Там же. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 1, 2.

мир»[26]. Приведенные строки перекликаются с другими, столь же лживыми и клеветническими, содержащимися в недатированном письме Наживина к неизвестному лицу[27]: «…видимо, жидовско-газетная сволочь (между евреями и жидами я делаю весьма большую разницу) никак не хочет мне забыть моих кубанских выступлений[28], в которых, однако, принимал ближайшее участие Иван де Бунин, хитренький антисемит, разговоры с которым на эти темы мною записаны и опубликованы, что и послужило причиной разрыва с ним: ему хотелось бы делать погром потихоньку, из-под кровати»[29].

[26] Там же. Оп. 4. Ед. хр. 44. Л. 1.

[27] Есть основания предполагать, что этим лицом был М.А. Осоргин, с которым у Наживина были почти такие же странные взаимоотношения, как с Буниным и Горьким: Наживин Осоргина глубоко презирал — и все-таки зачем-то в 1932–1935 гг. переписывался с ним. В послании к Алданову от 25 июня 1934 г. Наживин отзывался об Осоргине следующим образом: «Осоргин — нарцисс, который никак собой достаточно не налюбуется, но зарядов для боя у которого нет совсем. Он ограничен и совершенно лишен творческой фантазии, без которой писатель сразу превращается в писаря» (Там же. Ед. хр. 19. Л. 1). В письме от 18 октября 1934 г. читаем: «Осоргин — ничтожество и как человек, и как писатель. Он даже совсем не писатель, а литератор, омм де леттр <homme de lettres (*фр.*)>» (Там же. Л. 7). В письме от 2 декабря того же года Осоргин назван «слабеньким — умом и талантом» (Там же. Л. 16 об.). Примерно так же Наживин характеризовал Осоргина и в своих произведениях, предназначенных для печати. Осоргин, зная натуру Наживина, не слишком с ним церемонился. Например, 3 августа 1933 г. в ответ на наживинское предложение «работать вместе» Осоргин писал: «Что же касается до Вас, Иван Федорович, то разве же можно с Вами совместно работать! Вы — присяжный ругатель, часто — за дело, чаще — зря, и притом грубо. Прямота, надеюсь, и мне свойственна, но грубость окончательно чужда: не чувствую в ней потребности. Окатывали всякими словами Алданова — а потом ему пишете письма и сами же называете его “живым”. Вероятно, и со мной так же поступаете. В счет Вам этого я не поставлю (по привычке и равнодушию), но другие не могут не поставить, и ведь они правы! Как же иметь с Вами дела? Любите Вы себя; Ваше право; я тоже себя люблю, хоть и не так уж пламенно. А кому Вы что сделали? Простите, я этого не знаю, не слыхал. Но ведь таковы же и другие: себе помогали, на других плевали. Одно в Вас ценю очень: милостыни не просите, не прибегаете к благотворительности, а бьетесь за себя и свое писательство. Охотно бы бился с Вами рядом, но, повторяю, очень уж трудно с Вами ладить» (Там же. Ед. хр. 87. Л. 1 об.). Переписка была прекращена по инициативе Осоргина: в письме от 6 июля 1935 г. он уличил Наживина в «глупой неправде» (см.: Там же. Л. 7). Через два с небольшим месяца, в середине сентября того же года, отношения с Наживиным порвал и Алданов.

[28] Очевидно, имеется в виду работа Наживина в Отделе пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на юге России, а также его брошюры, изданные в годы Гражданской войны.

[29] РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 31. Не лишним будет сопоставить это утверждение с тем, что сам Наживин писал Бунину еще 8 июня 1920 г.: «Вы знаете, я *не антисемит ни на йоту*, и я готов это сказать с высоты Arc de Triomphe всем, urbi et orbi, но я полагаю, что вместе со многими уродствами “старого режима” умерло и то нестерпимое уродство, что от имени русского народа его защитниками, вождями и истолкователями *преимущественно* выступали Айзенштадты и Гильденштерны. Я не хочу лишить и их права голоса, но с этой их “naglesse impostigible” должно быть покончено. В Белграде Вы не раз восклицали: “О, евреи, это сила!..” Не спорю, но сила их только в нашей слабости и разобщенности, от нас зависит, и без большого труда даже, если не совсем сломить эту злую силу, то, по крайней мере, внести

Так спустя годы автор брошюры «Что же нам делать?» «отблагодарил» своего заступника перед лицом левой одесской печати, взбудораженной ее неоднозначным содержанием.

«Статья о Бунине нужна…»

Разумеется, Наживин не мог удовольствоваться эпистолярной травлей Бунина: его истинной целью была *публичная* расправа над корифеем эмигрантской литературы.

В книге воспоминаний З.А. Шаховской «Отражения» говорится, что уже «во время избрания Бунина нобелевским лауреатом» Наживин «написал статью — нигде не напечатанную — “Стокгольмские идиоты, или Венчание мертвеца”»[30]. По мнению В. Кудениса, «Шаховская ошиблась в названии статьи (“Уездный моншер”), но дала точное определение ее содержания». Далее исследователь пишет: «Статья должна была войти в книгу “Материалы по истории новейшей русской литературы”, над которой Наживин в это время работал и в которой он писал обо всем том, что ему не нравилось в русской (эмигрантской) литературе»[31]. Однако оба эти утверждения, при всей их категоричности, являются не более чем гипотезой В. Кудениса. Документальных свидетельств тому, что Шаховская ошиблась в названии статьи и что именно *эта* статья должна была войти в наживинские «Материалы», не существует. Неопровержимо лишь одно: с конца 1933 г. Наживин работал над двухтомным трудом под заглавием «Материалы к истории новейшей русской литературы»[32], где Бунину уделялось немало внимания.

Своими замыслами Наживин делился с Алдановым; ему же он, как можно понять, присылал и фрагменты рукописи. Алданов с самого начала скептически отнесся к «Материалам» и даже пытался отговорить Наживина от их написания: «Не имею никакого права что бы то ни было советовать, но, право, мне кажется, что Вы напрасно взялись за эту книгу. Всех нас, и Вас, и Бунина, и Мережковского, и всех нас, ждет тот скромный “суд истории”, на который могут рассчитывать писатели: скажем, будущий Скабичевский. Его дело будет во всем разобраться. Вы

сильное противодействие в ее зловредное “планетарное” действо, мы должны дать голос здесь и настоящей, русской, кондовой и нисколько не черносотенной, но просто отрезвевшей и практичной России, мы должны помочь тем людям, которые, как П.Н. Врангель, борятся и умирают за эту Россию, за нас» (Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920). С. 324–325; курсив Наживина).

[30] *Шаховская З.* Отражения. Paris, 1975. С. 8.

[31] И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 279.

[32] См.: РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 1–278; Ед. хр. 9. Л. 1–260. О том, что писать эту книгу Наживин начал в указанный период, косвенно свидетельствуют некоторые письма к нему Алданова за декабрь 1933 г.

напишете страстно, сгоряча. Если б еще Вы как писатель говорили *только* о *книгах* других писателей, это я понял бы. Но Вы, очевидно, хотите говорить и о *людях*. Не могу этому сочувствовать. Для этого время не наступило, и не нам об этом писать»[33].

Однако Наживин не внял алдановским увещаниям. К июню 1934 г. он вчерне закончил двухтомный труд, который представлял собой собрание критико-публицистических очерков о наиболее заметных русских писателях, оказавшихся по обе стороны советской границы. Первый том «Материалов», имевший подзаголовок «Властители дум», был посвящен эмигрантской литературе и открывался обширным очерком, который первоначально назывался «Похороны Бунина»[34]. Вероятно, в процессе авторской правки это заглавие было заменено другим, более звучным: «Уездный моншер». Тем самым Наживин наносил Бунину как бы двойное оскорбление, выступая одновременно в качестве плагиатора и ниспровергателя. «Уездными моншерами» во 2-й книге «Жизни Арсеньева» лакей Дворянской гостиницы в Ельце Михеич называет «людей с преувеличенно-барскими замашками, с подозрительно-развязной требовательностью, с низкими больше от водки, чем от барства голосами»[35]. И Наживин не только заглавием, но и всем содержанием очерка хотел внушить потенциальным читателям, что Бунин — вовсе не «настоящий барин», а такой же «уездный моншер», бездарный писатель, дутая величина.

В этом сочинении встречаются те же «коронные» антибунинские шаблоны, что и в наживинском эпистолярии. Помимо собственно «уездного моншера» тут наличествуют и «земский начальник», и «фуражка с красным околышем», и «творческое бессилие», и «акафист пьяному псарю» (как вариант — «царственному доезжачему»), и «матерный стиль», и «хитренький/яростный антисемит»… Всё это обильно «сдобрено» с виду «праведным», а на деле завистливым негодованием по поводу «совершенно непристойного шабаша», который начался в эмигрантской прессе после присуждения Бунину Нобелевской премии; безапелляционным преуменьшением бунинской известности; высмеиванием бунинских языка и стиля; бездоказательными обвинениями в адрес писателя, будто бы тосковавшего по «исторической блевотине», под которой Наживин подразумевал разнообразные реалии «старого режима»; и проч.

Видимо, поняв, что издать «Материалы» не удастся — причем не только в эмиграции, но и в Советской России, — Наживин решил опубликовать хотя бы фрагменты этого труда (правда, Алданову в письме

[33] Письмо от 24 декабря 1933 г. (Там же. Ед. хр. 55. Л. 9; курсив Алданова).
[34] См.: Там же. Ед. хр. 9. Л. 19–46.
[35] *Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 102.

от 25 июня 1934 г. он зачем-то солгал, что уничтожил оба тома). Кое-что он вкраплял в отдельные критико-публицистические произведения — например, в некий обзор эмигрантской литературы, где Бунин был назван «земским начальником», что чрезвычайно смутило и огорчило Алданова[36]. «Я отлично знаю, — писал он Наживину 14 сентября 1934 г., возражая против его оценки бунинского творчества, — что Бунин идеализирует старую Россию. Страна была изумительная, — другой такой я не видал, изъездив весь свет, — но Вы правы, темного было много. Согласитесь же все-таки, что Бунин в старой России “воспевает” не крепостное право, не розги и не право первой ночи. А если попадаются у него страницы непонятные, вроде конца “Жизни Арсеньева”, то, по совести, по человечеству это можно и понять, и простить, — реакция довольно естественная у эмигранта, который вдобавок в старой России был, как пишут в передовых статьях, “членом привилегированного сословия”. Бунин, как все мы, грешные, человек со слабостями. Писатель же он истинно замечательный, и в той же “Жизни Арсеньева” много страниц изумительных»[37].

Однако Наживин стоял на своем. Ему не терпелось печатно расквитаться с нобелевским лауреатом. Еще 25 июня 1934 г. он убеждал Алданова: «Статья о Бунине нужна, потому что этот куронованный <так!> уездный моншер водит за нос тысячи дураков. Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился», — и тут же добавлял, что такая статья, «вероятно, будет напечатана в американской рабочей газете»[38]. Возможно, Наживин в данном случае имел в виду анархистскую газету «Рассвет» (Чикаго), с которой сотрудничал в первой половине 1930-х гг. Однако это издание не стало бы помещать на своих страницах наживинский памфлет против Бунина, так как относилось к нобелевскому лауреату с искренним уважением[39].

Не исключено, что Наживин многократно переписывал статью о Бунине, оттачивая ее стилистику и обличительный пафос. В итоге к середине октября 1934 г. окончательный текст был готов и тоже отправлен Алданову[40]. Основой для статьи послужил очерк о Бунине из «Материалов». Оттуда же было заимствовано и заглавие — «Уездный моншер»: видимо, Наживину оно представлялось наиболее удачным. Фразеология

[36] К сожалению, полный текст и место обнародования этого обзора (если только он был обнародован) неизвестны.

[37] РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 19.

[38] Там же. Ед. хр. 19. Л. 1.

[39] См., напр.: *П.С[ватикова].* Школа имени И.А. Бунина // Рассвет. 1934. № 23, 27 янв. С. 5; *Бернов А.* У бунинцев // Там же; *[Б.п.]* Вечер школы им. Бунина // Там же. № 35, 10 февр. С. 5.

[40] См. в письме Наживина от 18 октября 1934 г.: «О Бунине послал целую статью Вам» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 7).

и тон наживинских филиппик также остались прежними[41]. Особенно грубы финальные абзацы. В одном из них, вспоминая некую — то ли действительную, то ли вымышленную — беседу с Буниным, будто бы бившимся в истерике и требовавшим денег «на создание великих произведений», Наживин пророчествует: «Злодейка-судьба задумала посмеяться над вами и денег вам дала. Но именно теперь-то вы и не дадите больше ничего. Раньше хоть нужда заставляла вас делать какое-то подобие работы, а теперь вы среди погибающих будете бражничать в вашем “Маджестике” <так!>[42], спальном вагоне и у Корнилова[43] и будете — это у вас spécialité de la maison[44] — садить грязной матерщиной. В уже первом интервью вашем, данном разным демократическим прихлебателям, вы пустили осторожное словечко: “я — ленив”. Вы лжете, моншер! Вы не ленивы, но окончательно придавлены к земле темным и ужасным сознанием вашего полного бессилия. Вы — импотент[45]. Вы — каплун, который, остарев, не годен даже на жаркое»[46].

В каком именно издании Наживин намеревался опубликовать свою статью, неизвестно. В переписке с Алдановым речь идет о каком-то журнале, выходившем то ли в Париже, то ли где-то еще. В письме от 26 ноября 1934 г. Наживин просил Алданова послать «Уездного моншера» по адресу, который, очевидно, был вписан от руки (на копии письма, хранящейся в РГАЛИ, эта рукописная вставка отсутствует). Однако Алданов, возмущенный содержанием статьи, отказался выполнить просьбу ее автора. «Простите меня, — писал он Наживину 1 декабря 1934 г., — я не могу переслать ее по указанному Вами адресу. Вы знаете, что я считаю эту Вашу статью ошибкой, и даже передаточной инстанцией не желал бы быть при ее печатании. Вдобавок меня с Буниным связывает 20-летняя дружба, — мне было бы неловко и сказать ему, и скрыть от него, что я переслал эту статью в журнал, — хоть, разумеется, роль передаточной инстанции почти не отличается от роли почтальона. Поэтому сегодня заказным возвращаю Ваши статьи *Вам*»[47].

Сегодня машинопись «Уездного моншера» хранится почему-то в бунинском, а не в наживинском фонде РГАЛИ. Это тем более странно, что

---

[41] См.: Там же. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 1–15.

[42] Имеется в виду парижский отель «Мажестик» (Majestic), где Бунин жил перед отъездом в Стокгольм.

[43] Имеется в виду русский ресторан «Осетр» Ф.Д. Корнилова, открытый в Париже в 1924 г.

[44] Фирменное блюдо (*фр.*).

[45] «Импотент» — одна из самых излюбленных наживинских характеристик. Импотентами Наживин в письмах и «Материалах» называл поголовно всех писателей-эмигрантов, делая исключение, пожалуй, только для себя и Алданова.

[46] РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 14–15.

[47] Там же. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 25об. Курсив Алданова.

автографы бунинских писем к Наживину, как уже указывалось, остались в личном фонде последнего.

«Мощи писателя»

Неудачи с обнародованием «Материалов» и «Уездного моншера» не только не угасили в Наживине мстительный пыл, но, напротив, разожгли его еще больше, как бы вынудив «талантливого и умного русского писателя» прибегнуть к «последнему средству». Поставив целью во что бы то ни стало донести до широкой читательской аудитории свою излюбленную мысль, которую он без конца, как одержимый, повторял в «Материалах» и письмах разным лицам — что «НИКАКОЙ литературы в Париже нет, просто нет», что «все там кончилось»[48], — Наживин обратился к самому привычному для себя виду литературного творчества: он задумал и очень быстро, по своему обыкновению[49], написал роман, изданный предположительно в августе 1935 г. в Тяньцзине под заглавием «Неглубокоуважаемые»[50]. Одного из своих корреспондентов (скорее всего — Осоргина) Наживин уверял: «…этот титул выдуман не мною, а идет из публики»[51]. Под «неглубокоуважаемыми» (в дальнейшем это словечко в наживинском эпистолярно-публицистическом лексиконе стало нарицательным) в первую очередь понимались главные представители эмигрантской литературы и прессы, осевшие в Париже.

Бунин в «Неглубокоуважаемых» упоминается неоднократно. Более того, ему посвящено целых две главы (XVII и XVIII), в которых, по сюжету, главный герой романа, «в прошлом видный писатель и музыкант», Андрей Иванович Булановский, alter ego автора[52], зачитывает на одном публичном собрании, посвященном «властителям дум» (т.е. лидерам литературной эмиграции), свой заведомо скандальный, провокационный реферат о «б<ывшем> русском писателе, о мощах писателя, <…> об Иване де Бунин»[53]. Этот реферат, представляющий собой очередную — слегка подчищенную и сокращенную — версию «Уездного моншера», предсказуемо приводит к карикатурно изображенной (точь-в-точь как

[48] Там же. Ед. хр. 19. Л. 20.

[49] «Вообще, месяца для романа обычного раньше мне хватало. Я запойный», — признавался он Алданову 17 ноября 1934 г. (Там же. Л. 12об.).

[50] О том, что роман должен был выйти именно в августе, говорится в наживинском письме к Алданову от 26 июля 1935 г. (Там же. Л. 21).

[51] Там же. Л. 31.

[52] Булановский — один из псевдонимов Наживина, по названию села Буланова Владимирской губернии, где Наживин ребенком часто бывал в гостях у своей бабушки.

[53] *Наживин Ив.* Неглубокоуважаемые: Роман. Тяньцзин: Изд-во А.И. Серебренникова и К°, 1935. С. 156.

в старом советском кино о белогвардейцах и эмиграции) потасовке, которой «публичное собрание» и заканчивается[54].

В романе также приведено (в оригинале и наживинском переводе) интервью с Буниным сотрудника брюссельской газеты «Суар» (*Le Soir*) Р. Дюпьерре, поражающее главного героя некоторыми действительно нелепыми пассажами, которые, впрочем, несомненно, возникли по вине интервьюера, а вовсе не его собеседника. Вот один из таких пассажей:

«— Я уже много рассказывал, — говорит он <Бунин> с улыбкой на своем лице веселого Макиавелли, — как те стихи удостоились в 1909 премии Пушкина и сделали из меня Бессмертного. Это было, верьте мне, совершенно неожиданно, так как я в конце концов был только поэтом своих полей. Неподалеку от меня на собрании Академии серьезный и молчаливый старик гладил свою длинную бороду. Это был Лев Толстой, мой учитель и друг. Я считаю его одним из величайших писателей всех времен. Но он направлял мои усилия не к литературе, а к земле. Однажды он увидел меня на пашне за сохой и посоветовал мне заняться лучше литературой: я пахал так плохо, что я думаю, что он был прав…

И Савонарола-Бунин весело смеется»[55].

Наживин достиг своей цели лишь отчасти: эмиграция встретила «Неглубокоуважаемых» неоднозначно. Наряду с благодарными читателями у романа было и немало противников. Эмигрантская критика его проигнорировала, что позволило автору обвинить ее в «заговоре молчания». Тем не менее Сватиков, один из немногих поклонников и единомышленников Наживина, сообщал ему 18 января 1936 г. о впечатлении, произведенном в Париже «Неглубокоуважаемыми»: «Вы, по-видимому, руководитесь правилом бл<аженного> Августина: “Если говорить правду — значит бесчинствовать, то давайте бесчинствовать”!..[56] Ваше “бесчинство” оказалось подобно бомбе, взорвавшейся в болоте. Если Вы мечтали: “Вот-то брызг-то будет!” — то успокойтесь: в Париже *вой* стоит от Вашей книги. Это искусство: на 408 стр<аница>х наступить на столько тысяч любимых мозолей. <…> А вот сколь Вы ни облаяли И.А. Бунина, а правда о нем (тщательно скрываемая, ибо это — “наша

[54] По поводу этой потасовки («скандала и драки») В. Куденис замечает, что о ней «Наживин в действительности мог только мечтать» (И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 280).

[55] Цит. по: *Наживин Ив.* Неглубокоуважаемые. С. 407. Оригинальный текст — на с. 393. Вырезку с этим интервью, без даты (*Dupierreux R.* Avec Ivan Bounine, prix Nobel 1933 // Le Soir) см. в авторизованной машинописи «Неглубокоуважаемых» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 331–332).

[56] В переписке с автором данной статьи доцент факультета журналистики МГУ Г.В. Прутцков отметил, что принадлежность процитированных Сватиковым слов блаженному Августину не доказана.

гордость”) гораздо хуже всякой Вашей беллетристики. Факт! И я имею тому твердые доказательства»[57].

Обрадованный и ободренный этой вестью, Наживин уже 19 января 1936 г. отвечал Сватикову: «Здесь мне за мою новую книгу пригрозили пулей, но так как эти угрозы я слушаю уже лет 5–6, то большого впечатления на меня они не производят. И даже маленького… Но раз зашумел Париж, “столица эмиграции”, по мнению г-на Осоргина, то слава Богу: значит, на мозоль я наступил хорошо, что и было нужно. Ибо как же уйти в могилу, не сказав тяжкой правды. Зачем же тогда мы жили, если даже на краю ямы мы не посмели посмотреть правде в глаза и не сказали о ней вслух. <…> Прямо скорблю, что о Бунине я сказал не всё. Во всяком случае, я сказал решительно всё, что мне известно. А если бы мне дали дополнительные материалы, я, ни минуты не колеблясь, огласил бы их в особом прибавлении к книге. Недавно эта “наша слава” приезжала сюда, пьянствовала здесь и В ПЬЯНОМ ВИДЕ ВЫСТУПАЛА С РЕЧЬЮ О ТОЛСТОМ, как было объявлено в местном листке[58]. На самом же деле речь эта оказалась об Иване де Бунин. Все порядочные люди — а их немного — были скандализованы этим пьяным выступлением, но за Иваном де Бунин стояла вся благомыслящая — а тут благо мыслят почти все — эмиграция. Если соберется достаточно материалов для добавления, я расскажу и об этом похабстве. Непременно»[59].

Однако радость Наживина по поводу того, как были восприняты в Париже его «Неглубокоуважаемые», оказалась преждевременной:

---

[57] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 2 об. Эти строки Наживин впоследствии пересказывал уже в письмах, адресованных издателю «Неглубокоуважаемых» — А.И. Серебренникову, от 19 января 1936 г. (Там же. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 6), и Алданову, от 3 марта 1936 г. (Там же. Ед. хр. 19. Л. 32).

[58] Имеется в виду публичное выступление Бунина 17 ноября 1935 г. в Брюсселе. Писатель был принят русской диаспорой восторженно. Спустя два дня, 19 ноября, Бунин сообщал Н.Я. Рощину: «Меня оч<ень> чествуют. На вокзале — встреча: представители рус<ской> колонии, журналисты, фотографы (это 16-го вечером). После сего (вечером же) — обед в Рус<ском> клубе. Речи, приветствия. 17-го, в 5 часов, было мое выступление — народу пушкой не пробьешь. Читал не плохо! Овации» (Там же. Ф. 2204. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 14). Наживин на этом вечере не присутствовал. В его бумагах сохранилась копия письма к брюссельской «Инициативной группе по устройству лекций» от 3 декабря 1935 г., где говорится: «Мм. Гг., — мои знакомые, бывшие на вечере г-на Бунина, рассказали мне только что о подробностях этих веселых поминок по Толстому и обратили мое внимание на отчет о денежной стороне этого дела, помещенный в местном листке. <…> Ванька Бунин читал полупьяный» (Там же. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 2). К письму приклеена вырезка из газеты с финансовым отчетом о бунинском вечере. Согласно отчету, «путевые расходы лектора <т.е. Бунина> и его секретаря, а также расходы по проживанию в Брюсселе» составили 1500 бельгийских франков, а чистый доход — 701,70 франков. Одна половина этой суммы передавалась «в Четверговую школу при церкви св. Николая Чудотворца», другая — «в фонд будущих лекций» (Там же. Л. 1). Видимо, Наживина возмутила сумма, выплаченная Бунину.

[59] Там же. Оп. 4. Ед. хр. 44. Л. 1.

«Ходят слухи, — писал ему Сватиков уже 30 января 1936 г., — что на сию книгу наложили херем, сиречь великую клятву, главные изобиженные Вами: Иван де-Бунин и др.; а именно — отчетов о ней не давать, в кн<ижные> магазины ни в Париже, ни на периферию не посылать (якобы, мол, нет ее, не слыхали такой). Кому ни говорю, — а читали ли, мол, все говорят, — и не слыхали, мол, а не только што читать. Так что вой-то я слыхал лишь от тех, кому особенно тяжко наступлено было на хвост, а “толпа” ничего не знает из-за “бойкота молчания”. С этим Вы смогли бы и бороться, потребовавши срочного включения книги в объявления складов и в обязательный набор рассылаемых по магазинам книг»[60].

Между тем, наряду с неприятными для Наживина известиями, письмо Сватикова содержало и сведения, которые не могли не обнадежить автора «Неглубокоуважаемых». В своем послании Сватиков весьма подробно излагал обстоятельства «дела Ивана Алексеевича Бунина», на которые намекал ранее.

Суть «дела» заключалась в том, что Бунин после получения Нобелевской премии будто бы отказался пожертвовать деньги в пользу Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, к услугам которого не раз обращался прежде, в пору безденежья. По словам Сватикова, Бунин «за 10 лет перебрал в Комитете более 10 тыс. фр<анцузских> фр<анков> ссуд»[61]. При этом Сватиков упоминал ряд лиц, имевших прямое отношение к Комитету и вступавших в переписку с Буниным по указанному поводу, — в том числе председателя Комитета И.Н. Ефремова и секретаря С.В. Познера. «Председателю Ком<итета> пом<ощи> И.Н. Ефремову, напоминавшему *официально* <…>, И<ван> А<лексеевич> ответил длинным посланием, доказывая, что он ссуд и тем более пособий не получал, а если и брал деньги, то без обязательства возврата, бессрочно, и то это были деньги, адресованные Европой и Америкой *великим* писателям, а не литераторам вообще. Так что Комитет в долгу у *него*, ибо это ради *него* и для *него* раскошеливались иностранцы, а не он у Комитета. Так он Комитету и не вернул ни сантима! <…> Да простит Господь И<вану> А<лексееви>чу это ненужное его жестокосердие и забвение долга чести. Секретарь Комитета Соломон Вл<адимирович> Познер глубоко запрятал и письма Бунина, и ответы Комитета, и протоколы. Всё шито-крыто»[62].

По счастью, архив Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции не пропал. Так случилось, что он оказался разделен на две неравные части: меньшая хранится в РГАЛИ (Ф. 1569. Оп. 1. Ед. хр. 7), бóльшая — в Библиотеке международной современной документации

[60] Там же. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 3об.
[61] Там же. Л. 4об.
[62] Там же. Л. 5об. Курсив Сватикова.

(F/DELTA/RES/0832)[63]. Не пропали и бумаги, которые, по выражению Сватикова, «Познер глубоко запрятал». Судя по их содержанию, сватиковский «компромат» на Бунина достоверен лишь отчасти. Хронологически они относятся к ноябрю 1933 — январю 1934 гг. и представляют собой ряд писем Сватикова и Ефремова к Познеру, а также копии переписки указанных лиц с Буниным и членами Комитета по распределению его пожертвований — Н.К. Кульманом, В.Ф. Зеелером и В.Б. Ельяшевичем.

Бунинского «длинного послания», о котором идет речь в процитированном письме Сватикова к Наживину — насчет возврата полученных от Комитета ссуд, — среди названных документов нет. По всей видимости, Сватиков имел в виду письмо Бунина к Ефремову от 22 января 1934 г., копия которого приведена Ефремовым в его собственном, датированном тем же днем письме к Познеру. Согласно этой копии, Бунин писал Ефремову следующее: «Глубокоуважаемый Иван Николаевич, / Я был в числе тех, кто *основал* Комитет и состоял в числе его членов много лет. Почему мне прекрасно известно, что то, что мы давали нуждающимся писателям и ученым, *только для проформы* называлось “ссудами”. Комитет *просто раздавал* те деньги, кои он получал от разных лиц и обществ, пользуясь именами нескольких известных писателей, — в том числе и моим именем. Всё это известно и Вам. Не понимаю поэтому, зачем нужно Комитету писать мне о каких<-то> моих “долгах” ему, о каких-то ”ссудах”, будто бы мною от него полученных, да еще с ошибками в ”выметке” насчет оных (ибо, напр<имер>, 3000 фр<анков>, отнесенные Вами к июню 1920 года, никогда не были даже номинальным достоянием Комитета). / С совершенным почтением / (подписано) Ив. Бунин. / 22.I.1934 г.»[64].

Этому тексту предпослана весьма пессимистичная «преамбула»: «Глубокоуважаемый и дорогой Соломон Владимирович, / Вы были правы в том отношении, что нуждающиеся писатели и ученые ничего не получат вследствие обращений Комитета к И.А. Бунину»[65]. Однако опасения Ефремова и Познера оказались напрасными: уже 24 января 1934 г. Ельяшевич сообщал Ефремову, что Комитетом по распределению пожертвований Бунина была «препровождена Союзу писателей и журналистов сумма в 10.000 франков», посредством которой предполагалось

[63] См.: http://www.calames.abes.fr/pub/lacontemporaine.aspx#details?id=FileId-816 (дата обращения: 28.02.2019). Ряд материалов из этой, французской, части архива опубликован (см.: *Кельнер В.Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. Т. 1, № 1. СПб., 1994. С. 269–313).

[64] La bibliothèque de documentation internationale contemporaine. F/DELTA/RES/0832/10/6/14-15. В оригинале выделенные курсивом слова подчеркнуты.

[65] Ibid. /14.

«удовлетворить, по возможности, всех лиц», обратившихся в Комитет помощи нуждающимся писателям и ученым[66].

Таким образом, Бунин все-таки выполнил просьбу Комитета о пожертвовании, хотя и сделал это «окольными путями». По-видимому, история с «возвратом» комитетских ссуд так его разозлила, что он уничтожил все ее письменные свидетельства[67]: послания от Ефремова, Познера и Сватикова, полученные Буниным в его «нобелевские дни» и в итоге отложившиеся в его Парижском архиве, представляют собой традиционные поздравительные адресы[68].

Как бы то ни было, Сватиков — видимо, сознавая недостаточную основательность своих обличений, — открыткой от 4 февраля 1936 г. предостерегал Наживина: «Что касается Бунина, то я думаю, что опубликовывать его подвига не надо. Я сообщил Вам о нем, чтобы показать, что истина хуже беллетристики, но для публикации нужно было бы извлечь документы у С.В. Познера <…>, а он их глубоко запрятал. Без цитирования же точных выражений с обеих сторон начинать дело — неудобно»[69].

Вопреки предостережению Сватикова, Наживин хотел как можно скорее предать гласности новые «духовитые материалы» о Бунине (возможно, в виде брошюры), но затем отказался от этого намерения: у него возник замысел очередного романа, который должен был стать продолжением «Неглубокоуважаемых». В наживинском письме к тяньцзинскому издателю от 27 февраля 1936 г. есть такая фраза: «ПЕЧАТАТЬ ДОПОЛНЕНИЕ О БУНИНЕ *НЕ НАДО*: оно пойдет в другом месте. НЕ ЗАБУДЬТЕ»[70]. А уже через четыре дня, 3 марта 1936 г., Наживин не без ехидства извещал Алданова: «…я их <материалы, порочащие Бунина> думаю пустить в оборот в следующем томе “Неглубокоуважаемых”, который для краткости думаю назвать просто “Сволочь”»[71]. Правда, несколько позже Наживин решил озаглавить том иначе. Сватикова он после 15 апреля 1936 г. уведомлял: «Так, “Песьими мухами” думаю я назвать следующий том “Неглубокоуважаемых” — если будет время написать его»[72].

---

[66] Ibid. /16–17.

[67] Мы имеем в виду соответствующие обращения к писателю от имени Комитета, проекты которых также хранятся в архиве Библиотеки современной международной документации.

[68] Сведения сообщены С.Н. Морозовым. Письма указанных лиц хранятся в РАЛ (MS. 1066/2334–2335; MS. 1066/4670; MS. 1066/5373–5374).

[69] РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 3. Ед. хр. 115. Л. 1–1об.

[70] Там же. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 7об. Курсив Наживина.

[71] Там же. Ед. хр. 19. Л. 32.

[72] Там же. Ед. хр. 44. Л. 3. «Песьи мухи» — выражение из Книги Исхода: «И сказал Господь Моисею: завтра встань рано и явись пред лице фараона. Вот, он пойдет к воде, и ты скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение. А если не отпустишь народа Моего, то вот, Я пошлю на

В личном фонде Наживина в РГАЛИ сохранилась лишь одна страница, относящаяся к «Песьим мухам», — набросок дневниковой записи некоего Коли (вероятно, главного героя романа). В этой записи на новый лад повторяется то, что Наживин уже не раз писал об эмигрантской литературе и ее творцах, маститых и молодых, которых Коля, вслед за своим автором, называет «импотентами». О Бунине сказано всего несколько слов — опять-таки в духе «Неглубокоуважаемых» и обеих версий «Уездного моншера»: «Ванька Бунин с мучительным усилием выпускает толстенные тома своего Анабазиса, еще не сделав своего похода»[73]. Но если раньше (в «Уездном моншере») под «Анабазисом» Наживин подразумевал «Жизнь Арсеньева», то теперь — «Собрание сочинений», которое в 1934–1936 гг. издавал «Петрополис».

Что стало с рукописью «Песьих мух» (если таковая вообще существовала), неизвестно. Не исключено, что Наживин ее уничтожил. Столь же правдоподобной представляется и гипотеза В. Кудениса, согласно которой Наживин попросту не успел написать этот роман[74].

Как бы то ни было, к середине или концу 1936 г. Наживин, по-видимому, все-таки смирился с тем, что разрушить общественно-литературную репутацию Бунина ему не удастся. Или же он просто исчерпал свой антибунинский ресурс. Во всяком случае, ни «Освобождение Толстого», ни другие произведения нобелевского лауреата, написанные и опубликованные между 1936 и 1940 гг., Наживин вниманием не удостоил.

***

Автор считает своим долгом поблагодарить за помощь, оказанную при подготовке данной статьи, сотрудников РГАЛИ, ГАРФ, Отдела литературы русского зарубежья РГБ, а также лично Р. Дэвиса (РАЛ), С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН), Г.В. Прутцкова (МГУ), Д.-А. Хасан (МГУ), А.В. Выркovского (МГУ), Ю.Т. Вереда (МГИМО).

тебя, и на рабов твоих, и на народ твой, и в домы твои песьих мух, и наполнятся домы Египтян песьими мухами и самая земля, на которой они *живут*. И отделю в тот день землю Гесем, на которой пребывает народ Мой, и там не будет песьих мух; дабы ты знал, что Я Господь среди земли. <…> Так и сделал Господь: налетело множество песьих мух в дом фараонов, и в домы рабов его, и на всю землю Египетскую; погибала земля от песьих мух» (8:20–24).

[73] РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 1. Неясно, с каким из «Анабазисов» связана эта наживинская аллюзия. В эпоху античности были созданы два сочинения под таким заглавием — «Анабазис Кира» (автор — Ксенофонт) и «Анабазис Александра» (автор — Арриан).

[74] См.: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 280.

Литература

Бабореко А.К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М.: Скифы, 1993. 211 с.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 2000. 640 с.

Жожина О. Литературное турне И.С. Шмелева по Прибалтике // Русские в Прибалтике: Сб. ст. / Под ред. И. Белобровцевой. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 241–253.

И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., коммент. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл. В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277–326.

Кельнер В.Е., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. Т. 1, № 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 269–313.

М. Горький и И.Ф. Наживин. Переписка / Вступ. ст., публ., примеч. Н.Н. Примочкиной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 617–664.

Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 317–332.

Трубилова Е.М. Наживин // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 4 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 194–218.

Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. Т. 1. / Под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. М.: Посев, 2004. 304 с.

Reference

Baboreko A.K. *Dorogi i zvony: Vospominaniia, pis'ma* [Roads and ringing: Memoirs, letters]. Moscow, Skify Publ., 1993. 211 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Political essays of 1918–1953], ed. by O.N. Mikhailov, intro. by O.N. Mikhailov, comment. by S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 640 p. (In Russ.)

Zhozhina O. Literaturnoe turne I.S. Shmeleva po Pribaltike [I.S. Shmelev's literary tour across the Baltic States]. *Russkie v Pribaltike: Sb. st.* [Russians in Baltic States: A collection of essays], ed. by I. Belobrovtseva. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russ.)

I.A. Bunin i I.F. Nazhivin. Perepiska [Ivan Bunin and Ivan Nazhivin. Correspondence], publ., comment. by V. Kudenis, N.N. Primochkina, R. Davis, intro. by V. Kudenis. *S dvukh beregov. Russkaia literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two shores. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 277–326. (In Russ.)

Kel'ner V.E., Pozner V. Komitet pomoshchi russkim pisateliam i uchenym vo Frantsii (Iz arkhiva Solomona Poznera) [Committee for assistance to Russian writers and

scientists in France (from the archive of Solomon Posner)]. *Russian Studies*, vol. 1, no. 1. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 1994, pp. 269–313. (In Russ.)

M. Gor'kii i I.F. Nazhivin. Perepiska [Maxim Gorky and Ivan Nazhivin. Correspondence], intro., publ., comment. by N.N. Primochkina. *S dvukh beregov. Russkaia literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two shores. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 617–664. (In Russ.)

Pis'ma I.F. Nazhivina k I.A. Buninu (1919–1920) [Ivan Nazhivin's letters to Ivan Bunin (1919–1920)], publ. by V. Kudenis and R. Davis. *I.A. Bunin: Novye materialy. Vyp. I* [I.A. BuninL New materials. Iss. 1], comp., ed. by O. Korostelev and R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 317–332. (In Russ.)

Trubilova E.M. Nazhivin. Literatura russkogo zarubezh'ia. 1920–1940. Vyp. 4 [Russian émigré literature. Iss. 4], ed. by O.N. Mikhailov, Yu.A. Azarov. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2008, pp. 194–218. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniki I.A. i V.N. Buninykh i drugie arhivnye materialy: V 2 t. T. 1. [As spoken by the Bunins: I.A. and V.N. Bunins' diaries and other archival materials: In 2 vols. Vol. 1], ed. by M.E. Green, intro. by Yu.V. Mal'tsev. Moscow, Posev Publ., 2004. 304 p. (In Russ.)

"The most bitter black-hundredist and bullhead, he's putrefied completely…": Ivan Nazhivin on Ivan Bunin (1930s)

© 2019, Anton Bakuntsev

Abstract: The article reveals the reasons for Ivan Nazhivin's hatred of Ivan Bunin, which became evident in the mid 1930s. The anti-Bunin campaign launched by Nazhivin is presented as a multi-pass combination. Nazhivin discredited the luminary of émigré literature in personal correspondence with Maxim Gorky, Mark Aldanov, Mikhail Osorgin, Sergei Svatikov, in critical-journalistic works which were intended for print, but remained unpublished, as well as in the novel "The Non-Highly-Regarded" (Tianjin, 1935). The article is based on little-known materials from RGALI, GARF, RAL and the Library of International Modern Documentation (La bibliothèque de documentation internationale contemporaine, Paris — Nanterre).

Keywords: Ivan Nazhivin, Ivan Bunin, émigrés, harassment, correspondence, "The District Moncher", "The Non-Highly-Regarded".

Information about the author: Anton Bakuntsev, PhD, associate professor, Moscow State University, Russia.

E-mail: auctor@list.ru

Citation: Bakuntsev Anton. "The most bitter black-hundredist and bullhead, he's putrefied completely…": Ivan Nazhivin on Ivan Bunin (1930s). *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 254–275. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-254-275

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-276-311
УДК 821.161.1

Ринальдо Кюфферле (1903–1955) — переводчик, издатель, критик и корреспондент И.А. Бунина (на материале личных и издательских архивов)

© 2019, Э. Гаретто

Аннотация: В статье рассматривается роль поэта, прозаика, журналиста и переводчика Ринальдо Кюфферле (1903–1955) в распространении творчества И.А. Бунина в Италии в 1920-е и 1930-е гг. Выявлены и проанализированы критические статьи Кюфферле о Бунине в итальянских литературных журналах, его переводы бунинских стихов и рассказов, разные этапы продвижения творчества писателя в миланских издательствах (издание романа «Жизнь Арсеньева» и сборника рассказов). В статье приводится также ряд архивных материалов, касающихся личных отношений Кюфферле с Буниным.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Ринальдо Кюфферле, Бунин в Италии, переводы, эмиграция в Италии

Информация об авторе: Эльда Гаретто, профессор, Миланский государственный университет, Италия.

E-mail: elda.garetto@unimi.it

Цитирование: *Гаретто Э.* Ринальдо Кюфферле (1903–1955) — переводчик, издатель, критик и корреспондент И.А. Бунина (на материале личных и издательских архивов) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 276–311.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-276-311

Творчество писателей парижской диаспоры и, в частности, И.А. Бунина имело бы, наверное, очень ограниченное распространение в Италии 1920-х и 1930-х гг., если бы не вклад переводчика Ринальдо Кюфферле. Родившийся в 1903 г. в Петербурге в семье известного скульптора итальянско-немецкого происхождения[1], Кюфферле бежал из России с родителями за несколько дней до октябрьского переворота. Приехав в Италию,

[1] Пьетро Кюфферле (1871–1942) — известный в российской столице скульптор родом из Вероны.

завершил образование в лицее и на филологическом факультете Миланского университета с выдающимися преподавателями — в первую очередь Дж. А. Борджезе — и погрузился в изучение итальянской культуры, при этом постоянно уделяя внимание литературе своей первой родины и сохраняя особое пристрастие к поэзии. В 1927 г., будучи еще студентом, Кюфферле начал свою переводческую деятельность (драматические произведения Пушкина и Тургенева, оперные либретто для театра Ла Скала)[2], параллельно печатал заметки, статьи и рецензии о русской литературе в миланских литературных журналах и других периодических изданиях.

Благодаря контактам с крупными миланскими издательствами, как «Мондадори», и прежде всего проекту серии «Русская библиотека» при издательстве «Бьетти», в течение 1930-х гг. Кюфферле удалось опубликовать либо в собственном переводе, либо под своей редакцией многие произведения писателей русской диаспоры, от Марка Алданова до Бориса Зайцева, от Ивана Бунина до Ивана Шмелева, от Тэффи до Василия Яновского.

Мы располагаем многочисленными и разнообразными материалами, свидетельствующими о глубоком интересе Кюфферле к творчеству Бунина — прозаика и поэта. Первое проявление интереса относится к самому началу 1927 г., когда молодой Кюфферле, еще не окончивший университет, но уже вхожий в миланские литературные круги, начинает вести в литературном журнале “Novella”[3] рубрику о литературных новостях русского Парижа и других центров диаспоры (советская литература слабо привлекает беженца Кюфферле, для него подлинная современная русская литература — исключительно эмигрантская). Рубрика под любопытным заголовком “Corriera della Russia” (как бы звуковое отражение «Русского Курьера»), хотя и занимает всего одну-две страницы, свидетельствует о том, что Кюфферле был довольно хорошо осведомлен о литературных новостях диаспоры, и в первую очередь о новых изданиях Бунина, Алданова, Зайцева, Шмелева и др. В течение 1927 г. рубрика посвящает Бунину две рецензии о только что опубликованных сборниках «Солнечный удар»[4] и «Последнее свидание»[5] и заметку о рассказе «Ермил»[6]. В них Бунин представлен как один из

[2] *Pushkin A.* Teatro / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano: Unitas, 1928; *Turgheniev I.* Scene e commedie / Traduzione di Rinaldo Küfferle. Torino: Slavia, 1927. Среди первых переводов либретто русских опер — «Хованщина» и «Садко».

[3] “Novella” — ежемесячный литературный журнал миланского издательства Mondadori (1919–1944).

[4] Рецензия без заглавия на сборник: *Бунин И.А.* Солнечный удар. Париж: Родник, 1927 (Novella. 1927. № 1. P. 58).

[5] Рецензия без заглавия на сборник: *Бунин И.А.* Последнее свидание. Париж: Т-во «Н.П. Карбасникова», 1927 (Novella. 1927. № 4. P. 275).

[6] Novella. 1927. № 3. P. 168; рассказ опубликован в рождественском номере «Возрождения» 7 января 1927 г. См. переводы указанных статей в приложении.

главных современных русских писателей; Кюфферле хвалит его стиль и неиссякаемое разнообразие тем и образов, дает информацию об истории произведений, о составе сборников, предлагает вниманию читателя самые интересные произведения, как, например, «Дело корнета Елагина», подчеркивает мастерство рассказов «Ида» и «Цикады», в которых, по его словам, «Бунин превзошел в музыкальности фразы даже Тургенева», хвалит стиль рассказа «Воды многие», который «красотой и наблюдательностью не уступает известной книге путешествий Гончарова»[7].

В поддержку собственной оценки Кюфферле ссылается на отзывы Александра Амфитеатрова, с которым состоит в дружеской переписке[8]. И в самом деле, информация и самые первые заметки для рубрики “Corriera della Russia”, в том числе и о Бунине, подсказаны Кюфферле именно Амфитеатровым, который регулярно отправляет ему новости из разных центров диаспоры. Например, в письме от 10 декабря 1926 г. Амфитеатров пишет:

> Глава современной русской литературы Иван Алексеевич Бунин только что выпустил в свет новый сборник рассказов, в к<ото>рый вошли «Солнечный удар» (по этому первому рассказу называется и книжка), «Ида», «Дело корнета Елагина», «Цикады» и другие, более мелкие вещи, печатавшиеся в журналах 1925–<19>26 гг. Каждое из названных произведений при появлении своем делало большой шум. В особенности «Дело корнета Елагина», в к<ото>ром Бунин гениально анализировал давний процесс гвардейского офицера Бартенева, убившего знаменитую польскую комедийную артистку Висновскую. С точки зрения чисто художественной наиболее замечательны рассказы «Ида» и «Цикады». «Ида» — высшее достижение школы мопассано-чеховского рассказа, я считаю ее лучшим рассказом в русской литературе, по психологически тонкой правдивости, изяществу, глубине в будничном, силе в ничтожном. «Цикады» замечательны многими интересными поэтическими мыслями автора (это — большое рассуждение о жизни и смерти, под пение цикад) и исключительною красотою языка. Бунин в них пошел музыкальностью фразы даже дальше Тургенева, к<ото>рого он, из всех русских писателей, наиболее выразительный ученик. Великолепны в том же сборнике «Воды многие» — описание путешествия по Красному морю и Индийск<ому> океану. По красоте

[7] Novella. 1927. № 1. P. 58.

[8] Двусторонняя переписка Амфитеатрова и Кюфферле охватывает период с 1926 г. до смерти Амфитеатрова в 1938 г.; самый интенсивный период — до начала 1930-х гг. Письма Кюфферле хранятся в архиве Амфитеатрова (Amfiteatrov Mss., Lilly Library, Indiana University, Bloomington, IN), письма Амфитеатрова — в архиве Кюфферле (Fondazione Arnoldo e Alberto Mondadori, Milano, далее — FAAM).

и наблюдательности не слабее, а часто и сильнее «Фрегата “Паллады”» Гончарова[9].

Кюфферле переводит и перерабатывает эту информацию для итальянской публики и одновременно, благодаря посредничеству того же Амфитеатрова, вступает в личную переписку с отдельными писателями, и в первую очередь с Буниным. О желании Кюфферле перевести произведения Бунина на итальянский язык, с шутливым предостережением об амбициях молодого литератора, пишет автору сам Амфитеатров:

> Синьор Ринальдо Кюфферле (Rinaldo Küfferle) желает весьма переводить на итальянский язык Ваши произведения и писать о Вас статью. Так как с присылом «Солнечного удара» у меня «Цикады» и «Дело корнета Елагина» оказываются в двойном количестве, а из «Возр<ождения>» я вырежу «Notre Dame de la Garde» и «Обузу», — то пошлю ему покуда их, как материал для статьи. Он Вам будет писать. Мальчик старательный и очень деловой. Но не балуйте его очень в ответ. Уже с павлином в голове. Большие связи[10].

Переписка завязывается, по всей вероятности, в начале 1927 г., от нее сохранились лишь 8 писем Кюфферле за 1927–1936 гг.[11]; дополнительные детали можно узнать из переписки Амфитеатрова с Буниным.

10 марта 1927 г. Амфитеатров пишет Бунину: «Посылаю Вам итальянский литературный журнал “Novella”, весьма распространенный, с заметкою Ринальдо Кюфферле о “Солнечном ударе”»[12]. 25 апреля напоминает: «Кюфферле стенает, что Вы ему не отвечаете. Ответьте. Он очень старается во славу русской литературы вообще, в Вашу в частности. В “Novella” ежемесячно появляется взгляд и нечто»[13]. И в дальнейшем Амфитеатров регулярно уведомляет Бунина о новых статьях Кюфферле о нем.

В начале июня 1927 г. Кюфферле сообщает Амфитеатрову, что Бунин прислал ему любезное письмо и несколько книг[14]. И 11 июня отвечает Бунину:

> Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!
>
> Простите, что так долго не отвечал на Ваше любезное письмо. Имел много срочной работы, которая не давала мне возможности оторваться ни на минуту от дела. Сердечно благодарю Вас за портреты,

[9] Архив Ринальдо Кюфферле, Фонд Мондадори (FAAM).
[10] Письмо от 27 декабря 1926 г. (РАЛ. MS 1066/1562).
[11] РАЛ. MS 1066/3403–3410.
[12] РАЛ. MS 1066/1567.
[13] РАЛ. MS 1066/1568.
[14] Indiana University, Lilly Library, Amfiteatrov Mss, folder R. Küfferle.

за книги[15]. В июле прочту всё и буду о Вас писать. Помещу статью в “Novella”. Буду о Вас писать и в литературном миланском еженедельнике “La Fiera Letteraria” и в одной туринской газете. Для “Novella” я мог бы перевести один Ваш коротенький рассказ. Пишу я Вам, как видите, по-русски, но плохо. Со дня моего бегства из России мне почти ни разу не пришлось писать по-русски, так что я поневоле разучился. Поэтому прошу Вас не обращать внимания на слог этого письма. От души желаю Вам и супруге Вашей доброго здоровья. Я тоже был в прошлом году серьезно болен. Крепко жму Вашу руку. Посылаю Вам и я свою фотографию с самым искренним приветом[16].

Rinaldo Küfferle[17].

Несмотря на объявленные в письме планы, после этой даты в журнале “Novella” не появились ни переводы[18], ни статьи Кюфферле о Бунине, если не считать заметки в № 9, касающейся «Обращения русских писателей к писателям мира», и откликов на него со стороны Бунина и других эмигрантских писателей[19]. В заметке после краткого введения, в котором подчеркивалась поддержка несчастных соратников в советской России со стороны эмигрантских писателей, Кюфферле приводил точный перевод последнего абзаца отклика Бунина «К писателям мира» из газеты «Возрождение»: «Мы, писатели изгнанники, не раз пытались своими воплями заставить очнуться европейский мир, обезумевший и окаменевший в своих материальных расчетах. Слышали ли вы нас, “писатели мира”? У меня горит лицо от стыда за себя, за свою новую, может быть, напрасную попытку, — и все-таки я снова и снова говорю: — Отзовитесь!»[20]

---

[15] В архиве Кюфферле (FAAM) хранятся два фотопортрета Бунина разных лет с дарственными надписями; книги отсутствуют.

[16] Портрет Кюфферле с дарственной надписью “Allo Scrittore Ив. Бунин con la più viva ammirazione. R. Küfferle. 1927” («Писателю Ив. Бунину с глубочайшим восхищением. Р. Кюфферле. 1927») хранится в архиве Бунина: РАЛ MS 1066-7237.

[17] Автограф: РАЛ. MS 1066/3403.

[18] В № 10 журнала “Novella” за 1927 г. опубликован рассказ Бунина «Числа» в переводе Эрме Кадей (*Bunin Ivan*. Le cifre / Traduzione di E. Cadei // Novella. 1927. № 10. P. 607–612).

[19] Novella. 1927. № 9. P. 610. «Обращение русских писателей к писателям мира», опубликованное в газете «Последние новости» (1927. № 2300, 10 янв.), многократно перепечатывалось в эмигрантской прессе. На него откликнулись разные писатели, в том числе и Бунин. 20 июля 1927 в газете “Corriere della Sera” (С. 5) появилась заметка без подписи под названием “Un disperato appello di russi agli scrittori di tutto il mondo” («Отчаянное воззвание из России писателям всего мира») о том, что «воззвание это передает литератор и академик И. Бунин». Не исключено, что заметка была подсказана или составлена Кюфферле. 31 июля 1927 г. воззвание было также напечатано в журнале “Fiera Letteraria” с сопроводительным письмом А. Амфитеатрова (Lettera degli scrittori russi agli scrittori di tutto il mondo // Fiera Letteraria. 1927. 31 VII. P. 6).

[20] *Бунин Ив*. К писателям мира // Возрождение. 1927. № 768, 10 июля. С. 2; см. также: Последние новости. 1927. № 2306, 10 июля. С. 2.

Причиной прекращения сотрудничества Кюфферле в журнале “Novella” стали существенные изменения в формате и содержании журнала в связи с переходом от Мондадори к издательству Риццоли. Из переписки с Амфитеатровым мы узнаем о решении Кюфферле больше там не печататься[21] и о предложении публициста Ромоло Каджезе (Romolo Caggese), главного редактора журнала “Rivista d’Italia”[22], вести новую рубрику о русской литературе[23]. В апрельском номере Кюфферле печатает эссе на пяти страницах под названием “L’arte d’Ivan Bunin” («Искусство Ивана Бунина»)[24], но в конце 1928 г. журнал закрывается. С начала 1929 г. Кюфферле заключает договор с газетой “Corriere della Sera”, с которой будет сотрудничать более или менее регулярно до начала войны. В новом периодическом издании он пытается возобновить рубрику об эмигрантских писателях под заглавием “Scrittori russi all’estero” («Русские писатели за границей»). В первой статье из этой серии, посвященной “друзьям Италии” Амфитеатрову и Зайцеву, Бунин упоминается кратко, но его роль ясно подчеркивается: «эмигрантские писатели никогда не прекращали писать, следуя призыву Бунина, корифея современной русской литературы»[25]. Дальше Кюфферле приводит перевод стихотворения «Слово»: “Tacciono le tombe, le mummie e le ossa...” («Молчат гробницы, мумии и кости…»)[26]. Эпитет «корифей» по отношению к Бунину повторяется в статье на две колонки, полностью посвященной Бунину, под заглавием

[21] Письмо Кюфферле Амфитеатрову от 12 сентября 1927 г. (Amfiteatrov Mss. Lilly Library, folder R. Kûfferle).

[22] “Rivista d’Italia” — ежемесячный журнал, выпускавшийся издательством “Unitas”. В 1898–1928 гг. издавался в Риме, с 1928 г. — в Милане. В 1928 г. Кюфферле вел рубрику “Rassegna di Letteratura Russa” («Обзор русской литературы»).

[23] Письмо Кюфферле Амфитеатрову от 16 ноября 1927 г. (Amfiteatrov Mss. Lilly Library, folder R. Kûfferle).

[24] Rivista d’Italia. 1928. XXXI, Vol. IV. 15.IV. P. 663–667 (см. перевод в приложении). Также Кюфферле печатал в журнале обзоры и статьи о других эмигрантских писателях (Алданов, Амфитеатров, Шмелев).

[25] *Küfferle R.* Due amici dell’Italia. Scrittori russi all’estero <Два друга Италии. Русские писатели за рубежом> // Corriere della sera. 1929. 29.VIII. P. 3.

[26] Там же.

“Scrittori russi all’estero. Il corifeo Bunin” («Русские писатели за рубежом. Корифей Бунин»)[27].

Статьи 1928 и 1929 гг. свидетельствуют о глубоком проникновении в творчество писателя со стороны молодого критика, который следит за многочисленными рецензиями в русской зарубежной периодике.

Какова специфика этих статьей? Во-первых, надо учесть, что в Италии это почти единственные статьи о Бунине за до-нобелевские годы, и в них Кюфферле старается открыть итальянскому читателю богатый и разнообразный мир бунинского творчества, также обращая внимание на самые значительные черты его биографии: дворянская семья и любовь к земле, подростковые травмы и известные литературные предки (поэтесса Анна Бунина и Жуковский, который итальянской публике представлен как переводчик «Одиссеи»), присуждение премии имени Пушкина, а затем смутные революционные годы, начало эмиграции.

Статья в «Ривиста д’Италия» является своего рода вдохновенной творческой биографией Бунина, написанную молодым литератором-эмигрантом, который, несмотря на быструю «итальянизацию», еще смотрит на русскую литературу как на неотъемлемую составляющую своего культурного *я*.

Говоря о раннем творчестве Бунина, Кюфферле упоминает острую реакцию дореволюционной критики на «отчаянный пессимизм» повести «Деревня» и противопоставляет ей распространенное эмигрантское мнение тех лет о пророческом значении повести.

Молодой Кюфферле, изгнанник и начинающий поэт, особенно ценит поэтическое творчество Бунина, не подчиняющееся никакой школе, его уникальность в общей картине русской литературы тех лет: «Как в поэзии, так и в прозе Бунин следует только одной форме — собственной, оригинальной. Он избегает всяческих “жанров” и считает, что подражание определенным канонам — не что иное, как вечный страх писателя выглядеть недостаточно “книжным”, в недостаточной степени похожим на тех, кто уже прославился. <...> Поздняя известность Ивана Бунина объясняется его неучастием в литературных спорах, в которых за первенство боролись декаденты, романтики, символисты и натуралисты, привлекавшие внимание всей России. Бунин работал и наслаждался уединением в унаследованном от предков имении»[28].

Кюфферле подчеркивает также оригинальность принципа, которого Бунин долго придерживался: делить каждый том своих сочинений на две части — проза и поэзия, и оценивает идею такой композиции, как бы заставляющей «рассеянную и спешащую публику покупать ее силой»:

[27] Corriere della sera. 1929. 12.XI. P. 5.
[28] См. статью «Искусство Ивана Бунина».

стихи, собранные в конце книги под заманчивым заглавием, увлекают «читателя, и источник драгоценными каплями утоляет жажду каждого сердца, потому что Бунин — подлинный поэт»[29].

Часть статьи «Корифей Бунин» посвящена литературному воплощению странствий Бунина по миру, описанных как поэтические поиски самого себя: «Гондола баюкала его влажным молчанием осенней Венеции при лунном свете; в горах Сицилии он проник в заброшенный монастырь и там, среди развалин алтаря, увидел потухшую кадильницу и приказал своему сердцу, исполненному огня, пылать до конца, как некогда угли и смола в этой кадильнице»[30]. Упоминаемое стихотворение «Кадильница» будет переведено Кюфферле вместе с другими («Ритм», «У гробницы Виргилия», «Ночлег») и прочтено на конференциях и по радио — это объясняет их публикацию в 1932 г. в главном радиофоническом итальянском журнале — искренняя дань почитания молодого поэта великому мастеру[31].

Кюфферле высоко ценит сочинения эмигрантского периода, подтверждающие уникальность писателя: «Бунин не из тех писателей, кого можно назвать автором одного произведения (часто первого), но и не из тех, кто идет вперед, создавая достойные труды, но никогда не производя “шедевра”, в котором бы раскрылись все их творческие способности. Новаторство и незаурядность — неизменные черты его новых произведений. Отсюда невероятное наслаждение читать его, но также и сложность, на первый взгляд непреодолимая, — как вкратце представить его самые характерные произведения»[32].

Кюфферле по-своему толкует вопрос автобиографичности бунинской прозы: «он обладает крайне развитой способностью объективации, позволяющей ему не только анализировать себя, словно проецируя перед собой свое “я”, но и вмещать, заставляя оживать внутри себя, людские судьбы самых разных мест и эпох»[33].

Драматическая судьба страны и самого поэта переданы в словах: «До последней минуты надежды Ивана Бунина, как горестные часовые его любви к родине, обращались на запад <...> Отчаянный крик последних надежд Бунин хранит в себе как суровую боль, как спутницу в нынешнем изгнании на французской земле»[34].

---

[29] Там же.
[30] «Корифей Бунин».
[31] *Küfferle R.* La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio — 6 Febbraio. P. 13. См. прилагаемый перевод.
[32] «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).
[33] Там же.
[34] «Корифей Бунин» (см. в приложении).

И еще одна, как бы итоговая цитата: «Его стиль достигает лапидарной ясности даже при богатстве красок. Творчество Бунина этим выделяется: оно музыкальное и при этом емкое, богатое красками и при этом точное. Стремление достичь выразительной точности, четкости изображения, не оставляя в стороне магической палитры, свидетельства страстного бунинского увлечения живописью, которое отражается в восхитительных словесных пейзажах, нашло полное воплощение в последних его книгах. Математическая точность фразы сочетается у Бунина со стилем, который превосходит даже самый гармоничный стиль Тургенева, его учителя. <…> Творчество Ивана Бунина в большей своей части пронизано глубинным пантеистическим чувством»[35].

Не умалчивается также переводческая деятельность Бунина: «Байрон и Лонгфелло нашли в нем почитателя и элегантное русское облачение»[36].

Для Кюфферле Бунин — настоящее литературное открытие, он разделяет мнение многих современников о его роли *корифея* русской литературы, как гласит статья 1929 г., той литературы, которая продолжала, во всей своей многогранности, культурные традиции XIX в.: «Таким образом, центр русской культуры и литературной деятельности переместился с родины на Запад, и здесь, вопреки трудностям, продолжается плодотворная жизнь молодой, но в то же время уже ставшей классикой культурной традиции, воплотившейся в великих литературных произведениях»[37].

Современному читателю некоторые крылатые обороты рецензий и эссе Кюфферле могут показаться вычурными, витиеватыми, например, в статье для “Corriere” он сравнивает Бунина с огромным дубом, «укрепленным своими корнями в суровую действительность»[38]. Или: «По мере того как продолжалось его разнообразное странствие по земле и по морю, Бунин ощущал прилив новых сил, которые требовали воплощения в искусстве. Глаза не могли насытиться, впитывая цвета, его палитра обогащалась яркими тонами. Ему было уже легко воспроизвести с желаемой точностью экзотическое окружение. В равной степени правдиво перо Бунина выразило таинство смерти русского крестьянина в бедной избе и с другим оттенком, оригинальным и неповторимым, изобразило конец несчастного рикши, чей маленький труп был обнаружен вечером в пригородном лесу Коломбо, или смерть на Капри того господина из Сан-Франциско <…>. Долгая разлука также позволила Бунину увидеть в ином, истинном, объективном свете Россию с ее бедами, с предназна-

[35] «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).
[36] «Корифей Бунин» (см. в приложении).
[37] «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).
[38] «Корифей Бунин» (см. в приложении).

ченной ей исторической судьбой. <...> Если писатель призван выразить в прекрасном правду, помогая прояснить случившееся и утешить людей, не отказываясь никогда от высокого призвания, которое требует спокойствия и жертвенности, Бунин не склонился под тяжестью собственной беды, а продолжил писать»[39].

Такие выражения, безусловно, отражают не только стиль эпохи, но и стремление Кюфферле к высокому литературному стилю, достойному мастерства Бунина.

Самый интенсивный период взаимоотношений Кюфферле и Бунина относится к 1930 г. и связан с работой над изданием первой части «Жизни Арсеньева» в издательстве Биетти[40], с которым Кюфферле начинает сотрудничать с конца 1929 г., создавая в начале 1930 г. серию “Biblioteca russa” (Русская библиотека).

О переводе и издании «Жизни Арсеньева» мы узнаем ряд подробностей из писем Кюфферле к Бунину и, параллельно, из переписки Кюфферле с Амфитеатровым. Кюфферле был знаком с журнальным изданием «Арсеньева» 1928 и 1929 гг. [41] и в упомянутой статье для “Corriere della Sera” писал о том, что Бунин начал «большой роман». Проект издания обсуждается с автором начиная с конца 1929 г. Кюфферле, очень занятый другими переводами и разной публицистической работой[42], поручает перевод Валентине Долгиной-Бадольо, учитывая, по всей вероятности, два момента: ее хорошую профессиональную репутацию и некий опыт перевода бунинских текстов (она уже работает над переводом «Деревни» для туринского издательства «Славия»)[43].

Милан, 25-го янв<аря> 1930 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за книги и за любезные письма. Извините, что не ответил Вам сразу. Очень Вам признателен за пересылку Ал-

[39] Там же.

[40] Издательский дом “Bietti” основан в Милане в 1870 г.; в 1920-х гг. выпускал русских классиков (Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова). В 1930-е гг. была основана серия «Русская библиотека», которую курировал Р. Кюфферле и в которой издавались многочисленные переводы русских писателей-эмигрантов (Б.К. Зайцева, Д.С. Мережковского, М.А. Алданова, И.А. Бунина).

[41] Первые четыре части романа напечатаны в журнале «Современные записки» (№№ 34, 35, 37, 40).

[42] Кюфферле переводил роман «Игрок» Ф.М. Достоевского (*Dostoievski F.* Il giocatore / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano: Bietti, 1930), активно печатался в “Corriere della Sera”.

[43] *Bunin I.* Campagna: romanzo / Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggioli. Torino: Slavia, 1930.

данову «Св<ятой> Елены»[44]. По-видимому, в издательстве перепутали адреса, т<ак> к<ак> я отдал для посылки и экземпляр с надписью Вам. С удовольствием получу отдельное издание «Жизни Арсеньева»[45]. Ее будет переводить одна из самых лучших переводчиц и книга выйдет в свет в апреле с моим предисловием. До ее появления я буду говорить о Вас по радио[46].

С искренним приветом горячо жму Вашу руку. Ваш

Rinaldo Küfferle[47]

Насчет решения поручить перевод Долгиной-Бадольо выражал опасения Амфитеатров: «Об “Арс<еньеве>” я, прочитав “Деревню”, писал Кюфферле, чтобы он очень следил за переводчицей (Долгина-Бадольо). Она добросовестная и точная (даже слишком), но грубая, с несвободным языком. Боюсь за словесную музыку “Арс<еньева>”. Лучше бы Кюфферле сам переводил»[48].

Опасения Амфитеатрова оказались не напрасными:

Милан, 3-го июля 1930 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич,

Наконец я сдал в типографию «Юность Арсеньева»[49]. Просидел над нею три недели. Ее перевела дословно, но не справившись с музыкой Вашего слога, M-me Dolghin-Badoglio (та самая, что перевела «Деревню» для «Славии»)[50], а на мою долю выпала литературная обработка ее труда. Надеюсь, что в настоящем виде «Юность Арсеньева» вполне Вас удовлетворит. Насчет «Деревни» скажу Вам следующее: ни протестовать, ни возбуждать процесса я Вам не советую, т<ак> к<ак> книга, по истечению десятилетия со дня ее первого издания, считается уже не защищенной для перевода на иностранные языки. Поэтому обратитесь просто в издательство с письмом в роде того, которое Вы намеривались <так!> написать, но несколько смягчив его. Адрес: Casa

[44] Речь идет об итальянском издании романа Алданова в переводе и с предисловием Кюфферле: *Aldanov M.* Sant’Elena piccola isola / Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: Bietti, 1929.

[45] Имеется в виду: *Бунин И.* Жизнь Арсеньева. Ч. 1. Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930.

[46] О своем выступлении о Бунине по радио Кюфферле пишет Амфитеатрову 30 октября 1930 г. (Amfiteatrov Mss.). За этот год известно также выступление на конференции в Милане, в обществе “Convegno”.

[47] Автограф: РАЛ. MS 1066/3404; на бланке: Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.

[48] Из письма Амфитеатрова Бунину от 2 июля 1930 г. (РАЛ. MS 1066/1586).

[49] Итальянское издание романа носило заглавие “La giovinezza di Arseniev” (Milano: Bietti, 1930).

[50] *Bunin I.* Campagna.

Editrice “Slavia”. Corso Oporto, 2. TORINO[51]. Когда-то я Вам, кажется, писал, что «Деревня» вышла и в другом издании, в переводе отвратительном (1928 г.)[52]. Там даже говорится в предисловии, что Вы — “figlio di Atanasio Bunin e di una turca di nome Salma”[53] и что Вы — “membro onorario di dodici accademie”[54]. Если хотите написать и этому издательству, то его адрес: Soc<ietà> An<onima> Edizioni “Delta”. Corso Garibaldi, 22. Milano. Т<ак> к<ак> я давно порвал свои сношения со «Славией», то в письме туда Вы обо мне не говорите. К «Юности Арсеньева» будет приложен Ваш портрет. Он у меня имеется. Это, наверно, одна из последних Ваших фотографий; я получил ее от Вас недавно с «избранными стихами»[55].

Шлю Вам сердечный привет и горячо жму руку.

Ваш Ринальдо Кюфферле
(по отчеству — Петрович)

P.S. Извините за ужасный почерк: мне так редко приходится писать по-русски, что рука совсем отвыкла[56].

Из письма мы узнаем о полемике, возникшей между Буниным и туринским издательством «Славия» по поводу издания «Деревни», за которое автору не выплатили гонорар. Вопрос обсуждается и в переписке Бунина с Амфитеатровым того периода, и в следующем письме Кюфферле, наряду с вопросом о выборе портрета для «Юности Арсеньева»:

Милан, 10-го июля 1930 г.
Глубокоуважаемый
Иван Алексеевич,

Очень благодарю Вас за чудный портрет. Для книги у меня уже имеется другой, который мне кажется не менее удачным. Этот же может пригодиться для какого-нибудь журнала. А затем я заберу его к себе. Вы на меня смотрите таким усталым взглядом с фотографии, которая здесь в моей комнате, что я хочу заменить ее новым портретом.

[51] Издательство “Slavia”, основанное в 1926 г. в Турине Альфредо Полледро, выпускало переводы с русского и других славянских языков.

[52] *Bunin I.* Il villaggio / Traduzione integrale dal russo di Maria Karklina Racovska e S. Catalano. Milano: Ediz. “Delta”, 1928.

[53] «сын Афанасия Бунина и турчанки Сальмы» (*итал.*); издатели явно перепутали Бунина с В.А. Жуковским, исказив имя матери (Сальха).

[54] «почетный член 12-ти академий» (*итал.*).

[55] Имеется в виду издание: *Бунин И.* Избранные стихи. Париж: Современные записки, 1929; вышло с портретом автора. Ни портрет, ни книга не сохранились.

[56] Автограф: РАЛ. MS 1066/3405; на бланке: Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.

Та, наверно, фотография тех тяжелых дней, которые предшествовали Вашему выезду из России[57].

Спасибо за письмо. Хорошо сделали, что написали «Славии» в такой форме. Закон о десятилетнем сроке находится в той же самой Convention de Berne, о которой Вы упоминаете. Гласит она так: Art<icle> 5. Les auteurs ressortissant à l'un des pays de l'Union[58], ou leurs ayant cause, jouissent, dans les autres pays, du droit exclusif de faire ou d'autoriser la traduction de leurs ouvrages jusq'à l'expiration de dix années à partir de la publication de l'oeuvre originale dans l'un des pays de l'Union[59]. Etc. О том же говорится и в Acte Additionnel du 1 mai 1896: Art<icle>1, III. Article 5. "Les auteurs resortissant à l'un des pays de l'Union, ou leurs ayant cause, jouissent, dans les autres pays, du droit exclusif de faire ou d'autoriser la traduction de leurs oeuvres pendant toute la durée du droit sur l'oeuvre originale. Toutefois, le droit exclusif de traduction cessera d'exister lorsque l'auteur n'en aura pas fait usage dans un délai de dix ans à partir de la première publication de l'oeuvre originale, en publiant ou en faisant publier, dans un des pays de l'Union, une traduction dans la langue pour laquelle la protection sera réclamée"[60]. На этом-то и основывается право издателей. Ал<ександр> Вал<ентинович> Амфитеатров мне пишет по этому поводу вот что: «Для Бунина необходимо как-нибудь усовестить Polledro. Вообще это пресловутое dominio pubblico[61] — такая штучка, что нам, русским писателям-эмигрантам, приходит от нее голодная смерть. Нехорошо будет, хотя бы той же "Славии", рекламирующей свою любовь к русской литературе и разжившейся на своем "Русском Гении"[62], если все мы однажды, потеряв терпение, выступим с таким же коллективным протестом, как недавно против нового закона о пе-

[57] В архиве Кюфферле хранятся два фотопортрета Бунина, из которых один не имеет даты, а другой, большого формата, датирован автором: «Снято в апреле 1930».

[58] Имеется в виду Union Internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques (Международный союз по охране литературных и художественных произведений).

[59] Авторы, проживающие в одной из стран Союза, или их наследники пользуются в других странах исключительным правом делать или разрешать перевод своих произведений в течение десяти лет с момента публикации оригинального произведения в одной из стран Союза (*фр*.).

[60] Авторы, проживающие в одной из стран Союза, или их наследники пользуются в других странах исключительным правом делать или разрешать перевод своих произведений в течение всего срока действия права на оригинальное произведение. Однако исключительное право на перевод прекращает действовать, если автор не воспользовался им в течение десяти лет после первой публикации оригинального произведения, опубликовав, лично или опосредованно, в одной из стран Союза перевод на иностранный язык, требующий охраны права (*фр*.).

[61] общественное достояние (итал.).

[62] Серия «Славии», посвященная русской литературе, называлась "Il genio russo" (Русский гений).

чати, принятого в Югославии»[63]. Я сделал выписку из Convention de Berne, чтобы Вы могли показать ее Вашим друзьям и посоветоваться с ними. На днях будут готовы корректуры «Жизни Арсеньева». Я писал в "Corriere della Sera" о «Современниках» Алданова[64] и послал ему статью в Париж, но до сих пор не получил ответа. Если он еще в Грассе, то скажите ему, пожалуйста, что я желал бы получить его летний адрес. Я пока в Милане. Адресуйте мне на дом: via Ampère, 46 Milano (132). Если Вам еще что-нибудь понадобится, то я весь к Вашим услугам.

Шлю Вам сердечный привет. Преданный Вам

Ринальдо Кюфферле[65]

Перевод «Арсеньева» вышел в октябре 1930 г. Предисловие Кюфферле (с. 9–21) в большей части составлено из материала уже опубликованных статей (о литературном таланте Бунина, о его творчестве, о «Деревне», о сборниках «Митина Любовь» и «Солнечный удар»). О самом романе написано довольно кратко, хотя из переписки Кюфферле с разными лицами узнаем, что он читал отдельные страницы романа на конференциях (в Генуе, Милане и в итальянской части Швейцарии): «С такой же непосредственностью воскресает далекая Россия в большом романе, который Бунин пишет сейчас, под названием "Жизнь Арсеньева", отчасти автобиографическом. Он, как фокус линзы, вобрал в себя жизненный опыт автора и свет его искусства. В нем, возможно, Бунину дано будет, по замечанию Амфитеатрова, "договорить то, чего не успели сказать Толстой, Достоевский и Чехов, и уяснить наконец Западу загадку, что такое вечно приводящая его в недоумение 'славянская душа'". Написанная к настоящему моменту часть может считаться отдельным произведением, и в этом качестве она выходит под заголовком, который сам автор выбрал для итальянского издания. Мысль и поэзия, переживание действительности и стремление к идеалу, отвращение и радость, боль и любовь, история молодости, достойной того, чтобы обдумать ее и восхититься тем, как она рассказана: это веха, у которой Бунин оставляет взволнованного путника, а сам прорубает ударами кирки путь в царство красоты, прокладывая для тех, кто последует за ним, новый участок той великолепной дороги, часть которой же пройдена»[66].

[63] Упоминаемое письмо Амфитеатрова утрачено. Тема проходит также в переписке Бунина и Амфитеатрова.

[64] Имеется в виду статья: Bivacco di un rivoluzionario. Trozki narra se stesso // Corriere della Sera. 1930. 17.VI. P. 3.

[65] Автограф: РАЛ. MS 1066/3406; на бланке: Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.

[66] *Bunin I.* La giovinezza di Arseniev / Introduzione di Rinaldo Kufferle, traduzione di Valentina Dolghin Badoglio. Milano: Casa Editrice Bietti, 1930. P. 18–19.

В конце октября Кюфферле пишет Бунину:

Милан, 27-го октября 1930 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич!

Не знаю, получили ли Вы авторские экземпляры “Giov<inezza> di Arseniev”, которые я выслал в Грасс еще в начале месяца. 19-го октября, в 10 часов вечера, я говорил по радио (Eiar, Stazione di Milano, Torino — Genova) о Вашем творчестве. На днях я перевел «Рассказ Петра Петровича» для сборника Русских Юмористов[67]. Я составляю его в сотрудничестве с Ал<ександром> Вал<ентиновичем> Амфитеатровым. Как только появятся в газетах отзывы о “Giov<inezza> di Arseniev”, я Вам пришлю их[68].

Примите от меня на память мою карточку.

До Рождества я буду занят переводом «Садко» для Teatro Reale dell'Opera di Roma. А потом надеюсь побывать в Париже. Мне необходимо иметь с Вами беседу для интервью в “Corriere della Sera”. От души буду рад познакомиться с Вами лично.

Горячо жму Вашу руку. Весь к Вашим услугам

Rinaldo Küfferle[69]

В архивных материалах Кюфферле за 1931 г. данные о контакте с Буниным не обнаружены, но из переписки Бунина с Амфитеатровым этого года мы узнаем, что Бунин, обращаясь к Амфитеатрову с просьбой

[67] Имеется в виду сборник: *Amfitheatrov A. — Küfferle R.* Intorno al samovar. Umoristi russi moderni <Вокруг самовара. Современные русские юмористы>. Milano: Bompiani, 1931. В качестве предисловия (С. 5–50) был опубликован очерк Амфитеатрова “Le vie e le sorti dell’umorismo russo” («Пути и судьбы русского юмора»). «Рассказ Петра Петровича» — под таким названием был напечатан в журнале «Иллюстрированная Россия» (1928. № 17, 21 апр. С. 1–8) рассказ Бунина «Алексей Алексеич», ранее выходивший в газете «Возрождение» (1927. № 760, 2 июля. С. 2). При публикации рассказа в сборнике «Божье дерево» (Париж: Современные записки, 1931) ему было возвращено первоначальное название. Рассказ вошел в антологию Бомпиани под названием “Alessio Alesseic è morto” (С. 109–124).

[68] Отзывы на перевод «Жизни Арсеньева», который переиздавался у Биетти в 1933 г., не обнаружены.

[69] Автограф: РАЛ. MS 1066-3407; На бланке “Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle. Casa Editrice Bietti. Viale Monza N. 53. Milano. Tel. 27065”.

о поддержке его кандидатуры на Нобелевскую премию со стороны деятелей культуры Италии, рассчитывал также на содействие Кюфферле:

> Насчет премии Вы правы — достаются они всегда неожиданным кандидатам. И все-таки надо что-то делать — тем более, что уж очень измучен я вечным страхом за кусок хлеба, — часто буквально за кусок хлеба, — и всяческими лишениями, уже весьма трудными мне в моем возрасте. Совестно было беспокоить Вас, но раз разрешаете сами, очень прошу: да, помогите, если можете! Помогите и сами и через Кюфферле. Ему я уже писал эту просьбу (и получил сейчас от него ответ, где говорится, что «он весь к моим услугам»).
>
> <...> P.S. Всё это, конечно, пусть «останется между нами». Откровенно поговорите об этом письме только с Кюфферле[70].

В письме Амфитеатрову от 8 марта того же года Кюфферле писал: «Получил от Ло Гатто письмо. Он хлопочет в Падуе по устройству Вашей лекции и извещает, что сделал всё, от него зависящее, в пользу кандидатуры Бунина»[71].

Присуждение Нобелевской премии пробудило интерес итальянских издателей к творчеству Бунина, и началось настоящее соревнование: за 1933 и 1934 гг. вышел целый ряд переводов — «Суходол», «Господин из Сан-Франциско» и два издания «Деревни»[72]. По списку произведений видно, что издатели выбирали дореволюционную прозу, частично уже переведенную и свободную от издательского права, как свидетельствует полемика 1930 г. со «Славией». Кюфферле, наоборот, ведет переговоры с автором и Мондадори (сохранилась его корреспонденция с издателем за 1933–1934 гг.)[73] на издание более новых и неизданных в Италии произведений. Речь идет о сборнике, куда Кюфферле хочет поместить лучшие рассказы из сборников «Митина любовь», «Солнечный удар» и «Божье древо», точнее — рассказы «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», «Ида», «Солнечный удар», «Ущелье». В силу этих переговоров и в попытке приостановить другие возможные издания конкурентов, властный Мондадори объявляет официально, в печати и по радио, что Бунин предоставил ему полный эксклюзив, изрядно удивив этим автора. 1 января 1934 г. Ам-

[70] Из письма Бунина к Амфитеатрову от 6 января 1931 г. (Amfiteatrov Mss.)

[71] Amfiteatrov Mss.

[72] Речь идет об изданиях: *Bunin I.* Valsecca. Romanzo / Traduzione e introduzione di Renato Poggioli. Lanciano: G. Carabba, 1933; *Bunin I.* Il villaggio / Traduzione di N. Artinoff. Milano: Corbaccio, 1933; *Bunin I.* Il villaggio (campagna) / Prima versione integrale dal russo e note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggioli. Torino: Slavia (Il genio slavo), 1934; *Bunin I.* Il signore di San Francisco: racconti / Prima versione dal russo con note di Alfredo Polledro. Torino: Slavia (Il genio slavo), 1934.

[73] Фонд Мондадори, Милан.

фитеатров сообщает Бунину: «Вчера же по Radio издательство Mondadori объявило, что приобрело исключительное право на перевод Ваших сочинений. Надеюсь, не продешевили? Это сейчас единственная итальянская фирма, с которой можно и стоит иметь дело в смысле платежеспособности, ибо Муссолини в прошлом году выручил ее из опасности краха и поддержал субсидией. Переводить будет Ринальдо Кюфферле? Это неплохо»[74]. Озадаченный ответ Бунина не замедляет появиться: «Про издательство Mondadori первый раз слышу!»[75]

В последующем обмене информацией упоминается решение Бунина назначить Марка Слонима уполномоченным представителем во всех издательских переговорах. По всей вероятности, Мондадори не связывался напрямую ни со Слонимом, ни с Буниным. Итальянский сборник “L’amore di Mitia ed altre prose” вышел в престижной серии “Medusa”, но редактор отнесся крайне поверхностно и пренебрежительно и к тексту, и к переводчику, своевольно корректируя его работу по вкусу «среднего читателя» и по требованиям фашистской цензуры. Об этом свидетельствует удрученное письмо Кюфферле Бунину, написанное после выхода сборника[76]:

> Дорогой Иван Алексеевич,
>
> получив от издательства «Митину любовь», я был огорчен не менее Вас, т.к. я бился два с половиной месяца над художественной обработкой дословной передачи текста, а в редакции некий проф. Bianchetti (он же оркестрант, играет на скрипке в Scal’e) сунулся, по желанию издательства, «исправить» перевод. К счастью, все рассказы напечатаны полностью, без сокращений; а единственная — увы, безобразная — купюра в конце «Митиной любви» не зависит от издательства. Цензура не допускает больше появления книг с самоубийством, под угрозой секвестра. Мне просто больно писать об этом[77].

О том, что Кюфферле неоднократно просил гранки, свидетельствуют его письма к Мондадори. В статье, опубликованной через несколько месяцев после смерти Бунина, Кюфферле снова сожалеет по поводу того, что в течение двадцати лет итальянская публика не знала истинного конца истории главного героя одного из шедевров Ивана Бунина[78].

---

[74] РАЛ. MS 1066/1599.

[75] Письмо А.В. Амфитеатрову от 4 января 1934 г. (Amfiteatrov Mss.)

[76] *Bunin I.* L’amore di Mitia ed altre prose / Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: A. Mondadori, 1934. Кюфферле перевел повесть по первому, журнальному варианту: Современные записки. 1925. № 23. С. 13–54; № 24. С 5–40.

[77] Письмо от 25 августа 1934 г. (РАЛ. MS 1066/3409).

[78] *Küfferle R*. Vent’anni dopo <Двадцать лет спустя> // Stampa sera. 1954. 3–4.VIII. P. 3. См. полный перевод в приложении.

Несмотря на этот досадный результат, Бунин не затаил обиду и, когда весной 1936 г. Кюфферле поехал в Париж, принял его очень дружески, как показывает статья Кюфферле о встречах с писателями русского Парижа[79].

О дальнейших контактах Кюфферле с Буниным свидетельствует одно письмо от 13 ноября 1936 г.:

> Дорогой Иван Алексеевич,
>
> спасибо Вам большое за письмо с вырезкой из «П<оследних> Н<овостей>». Я страшно возмущен тем, что Вам причинили некультурные и дикие чиновники в Линдау[80], и ознакомил друзей своих с этим Вашим злоключением.
>
> Очень радуюсь, что Вы решились навестить Италию, и очень будет мне интересно узнать потом Ваши впечатления о ней. Жаль, что маршрут Ваш не включает Милана: так хотелось бы пожать Вам руку и провести с Вами день[81]!
>
> Шлю Вам сердечный привет.
>
> Получили ли Вы мою статью, напечатанную в "Nuova Antologia" 1-го октября, о нашем ужине в "Cloches de Moscou"? Там было много сказано о Вас[82].
>
> Искренно преданный Вам
>
> Rinaldo Küfferle[83]

Более поздние свидетельства о контактах между Буниным и Кюфферле не обнаружены. Можно только упомянуть о том, что в проекте издания антологии русской поэзии, над которым Кюфферле работал совместно с Б.К. Зайцевым в 1950-е гг., поэтическое творчество Бунина было представлено широко[84]. Проект не осуществился из-за скоропостижной смерти Кюфферле в 1955 г.

---

[79] См.: *Küfferle R*. Fra gli scrittori dell'emigrazione russa a Parigi // Nuova Antologia. 1936. I.X. Русский перевод см.: *Кюфферле Р.* Персоны и персонажи. Очерки о русской эмиграции / Публ., пер. и коммент. М.Г. Талалая // Диаспора: Новые материалы. [Вып.] IX. Париж; СПб., 2007. С. 431–451.

[80] Письмо Бунина о задержании и обыске на немецкой границе со стороны местной таможни опубликовано в газете «Последние новости» 1 ноября 1936 г. (№ 5700. С. 1–2), в сопровождении статьи: «Злоключения И.А. Бунина в Германии. Русского академика, Нобелевского лауреата подвергли на границе неслыханному унижению и издевательствам».

[81] В ноябре этого года Бунин провел неделю в Италии — в Риме, где посетил Вячеслава Иванова, Флоренции и Пизе.

[82] *Küfferle R*. Fra gli scrittori dell'emigrazione russa a Parigi.

[83] Автограф: РАЛ. MS. 1066/3410; на бланке "Istituto tipografico editoriale. Milano, via Mortara. 4".

[84] Машинопись антологии хранится в FAAM.

Приложение*

<Рец. на: *Бунин И.А.* Солнечный удар. Париж: Родник, 1927>[1]

Иван Бунин, один из важнейших представителей современной русской литературы, выпустил новый сборник рассказов, включающий «Солнечный удар» (который дал заглавие книге), «Ида», «Дело корнета Елагина», «Цикады» и другие небольшие вещи, которые автор публиковал в газетах в 1925–26 гг.[2] Каждый из вошедших в сборник рассказов при первом появлении наделал немало шума. Прежде всего, «Дело корнета Елагина», в котором Бунин рассматривает с действительно гениальной глубиной процесс гвардейского офицера Бартенева, убившего известную польскую актрису Висновскую. Со строго художественной точки зрения самыми значительными рассказами являются «Ида» и «Цикады». В «Иде» Бунин достигает наивысшего совершенства жанра в традиции Мопассана и Чехова. Амфитеатров сразу назвал этот рассказ лучшим в русской литературе за мастерство психологической правды, изящество, глубину изображения повседневности, силу деталей. «Цикады» — целый урожай поэтических мыслей, которые Бунин выражает с высочайшим изяществом языка в глубоком размышлении о жизни и смерти под пение цикад. В «Цикадах» Бунин превзошел в музыкальности фразы даже Тургенева, наиболее выразительным последователем которого он является больше, нежели любой другой русский писатель. Удачен и стиль рассказа «Воды многие», где описывается путешествие по Красному морю и Индийскому океану. Красотой и наблюдательностью этот рассказ не уступает известной книге путешествий Гончарова.

Рассказ “Notre Dame de la Garde” из последнего сборника «Солнечный удар» только что вышел в Италии в типографии “Eroica” в переводе Иллярии Владимировны Амфитеатровой[3].

---

* Переводы выполнены автором статьи при участии Анны Акимовой и Софьи Лурье. Перевод статьи «Двадцать лет спустя» выполнен Софьей Лурье.

[1] Novella. 1927. № 1. P. 58.

[2] В книгу вошли рассказы «Солнечный удар», «Ида», «Мордовский сарафан», «Дело корнета Елагина», «Страшный рассказ», “Nôtre Dame de la Garde”, «Поруганный Спас», «Обуза», «В саду», «Цикады», «Воды многие: Из путевой поэмы».

[3] В альманахе перевод опубликован без указания имени переводчика: *Bunin I.* Notre Dame de la Garde // L’Eroica. 1925. XIV. № 93/94. C. 32–36.

<О рассказе «Ермил»>[4]

Ермил И. Бунина — невысокий коротконогий мужичок. Ему 50 лет. В деревне его все считают дураком, но он знает, что всё совсем не так, как думают люди. Тем не менее, чтобы спокойно перезимовать, он соглашается быть караульным в глухом лесу, прозванным «Острова», и переезжает туда со своими собаками. Один в избе, вдали от людей, он в безопасности. Но и в лесу есть свои страхи. Ветер шепчет, стонет, кричит в лесной чаще. Ермил всё выносит. По крайней мере, он один. Однажды он находит на дереве собачью голову с двумя-тремя шейными позвонками. У подножия дерева — жалкие останки животного. Он теряет покой. Кто и зачем убил эту собаку? Значит, и сюда, в лес, заходят люди? Вероятно, могут убить и его, Ермила, и повесить на суку? Жуткая находка зарождает в душе Ермила ужасное намерение.

И здесь Бунин проявляется как потрясающий художник и глубокий психолог. Ермил чувствует, что его преследуют даже в последнем убежище. Он запирает дверь. Не может спать. Прислушивается до рассвета. Обдумывает всю свою жизнь, исполненную постоянных унижений. Отчаянная тревога, настигшая его даже здесь, среди лесного одиночества, где он живет в постоянном беспокойстве и страхе, вызывает реакцию в сердце Ермила. Лучше убить, чем быть убитым. Но и этого мало. Писатель обнаруживает и показывает другой мотив, такой же сильный и естественный, в душе Ермила: «А что если никто и не придет?» Нужно убить. Теперь пора отомстить за все обиды. И вот он идет в деревню, хвалится деньгами, показывает их одному, другому. Перед сапожником Махором и его подручным Мишкой прикидывается, что боится, будто ночью кто-то придет в вывернутом полушубке, чтобы напугать его в Рождественский сочельник[5]. Весельчак Махор клюнул. И, когда ночью он подходит с Мишкой в вывернутом полушубке к избе Ермила, тот внезапно появляется в окне, стреляет из ружья и убивает его. Финал достоин автора. Приговоренный к пожизненному сроку, Ермил отправлен отбывать наказание в монастырь, где остается жить послушником. «Я дюже преступный», — говорит он удовлетворенно.

Каждый новый рассказ И. Бунина вызывает при прочтении новые чувства и новый интерес. Как справедливо заметил Н. Кульман[6], Бунин не из тех авторов, о будущих сочинениях которых можно судить по тому, что уже ими создано. Разнообразие его тем, стилей, образов и в самом

[4] Novella. 1927. № 3. P. 168.

[5] В тексте Бунина речь идет о Святках, с которыми связан народный мотив разгула всякой нечисти.

[6] Имеется в виду: *Кульман Н.* «Цикады» Бунина // Возрождение. 1925. № 198, 17 дек. С. 3–4.

деле неиссякаемо, что делает его одним из самых интересных современных русских писателей

<Рец. на: *Бунин И.А.* Последнее свидание. Париж: Т-во «Н.П. Карбасникова», 1927>[7]

Иван Бунин опубликовал очередной сборник рассказов «Последнее свидание». Это по большей части те же рассказы, которые печатались в «Возрождении» (Париж). Другие отобраны из старых русских изданий произведений Бунина и являются переизданиями[8]. Краткость этой заметки не позволяет мне дать подробное критическое исследование этой содержательной и интереснейшей книги. Впрочем, о творчестве Бунина я напишу отдельно в одной из ближайших статей. Самые сильные в «Последнем свидании» рассказы — «Иоанн Рыдалец» (имя юродивого) и «Я всё молчу». В целом в сборнике передана атмосфера дореволюционной русской деревни. Великолепен характер зажиточного русского крестьянина в рассказе «Князь во князьях», в котором состоятельный землевладелец противопоставляется ослабевающему неврастеничному дворянству.

Искусство Ивана Бунина[9]

Слава настигла Ивана Бунина поздно, около 1910 г., благодаря полемике вокруг его повести «Деревня»[10]. Это произведение, казалось, исполнено слишком отчаянного пессимизма. В нем писатель всмотрелся в сложную русскую душу, трагическую по своей сути, и вывел ее без прикрас, такой как есть, на безучастно-ленивый суд интеллигенции.

Произведение особенно жестко критиковали те критики и интеллектуалы, которые хотели бы видеть в каждом литературном изображении мужика идеализированные тона, скрывающие самые болезненные язвы русской деревни.

---

[7] Novella. 1927. № 4. P. 275.

[8] В сборник вошли следующие произведения: «Последнее свидание», «Всходы новые», «Иоанн Рыдалец», «Жертва», «Я все молчу», «Оброк», «Лирник Родион», «Князь во князьях», «Последний день», «Сказка», «Будни», «Хороших кровей», «Личарда», «Забота», «Снегур» (впоследствии рассказ получил название «Снежный бык»), «Копье Господне».

[9] *Küfferle R.* L'arte d'Ivan Bunin // Rivista d'Italia. 1928. XXXI, Vol. IV. 15.IV. P. 663–667. Все примечания в статье авторские.

[10] Переиздана в 1921 г. издательством «Русская земля» (Париж).

Однако в «Деревне», в картине непохожих, но в равной степени жалких судеб двух братьев, Тихона и Кузьмы, изображенных в их унылом захолустье, где, за дальностью расстояний, стихает эхо беспокойной жизни городов, уже заметны были определенные опасения автора за будущее России (почти пророческими выглядят эпизоды деревенских беспорядков, подогретых революционными выступлениями после русско-японской войны). Ответом на придирки критики и образованной публики стали события 1917 г. Горькие пророчества Бунина не только сбылись, реальность превзошла их. Год спустя он уехал из Москвы на Юг России. Там продолжалось упорное противостояние между «белой армией» и «красными». В 1920 г. писателю ничего не оставалось, кроме как выбрать путь изгнания.

За границей он встретил немалое число самых именитых русских писателей. В 1921 г. при драматических обстоятельствах покинул родину и Александр Амфитеатров, друг и гость Италии; в 1922-м уехал во Францию Иван Шмелев, написавший с марта по сентябрь 1923 в Грассе ужасающую книгу о том, что ему довелось пережить в Крыму в 1921–22 гг. под властью большевиков[11]. Таким образом, центр русской культурной и литературной жизни переместился с родины на Запад, и здесь, вопреки трудностям, продолжается плодотворная жизнь молодой, но в то же время уже ставшей классикой культурной традиции, воплотившейся в великих литературных произведениях.

Как уже сказано, слава пришла к Ивану Бунину поздно. К выходу «Деревни» он не был «начинающим автором» (хотя это выражение сегодня применяют и к тем, кто уже в возрасте), но в его активе было несколько томов прозы и поэзии — частично переводов с английского, частично собственного сочинения.

В композиции своих первых книг Бунин придерживался нового принципа, которому следовал и в дальнейшем: делить каждый том на две части — проза и поэзия. Так поэзия, шествуя «рука об руку» с прозой, имела пропуск повсюду. Бесспорно, рассеянная и спешащая публика не обращала особенного внимания на поэзию, однако идея заставить ее покупать не была бесплодна: стихи, собранные в конце книги под заманчивым заглавием, увлекают читателя, и источник драгоценными каплями утоляет жажду каждого сердца, потому что Бунин — подлинный поэт.

Еще совсем молодым он выпустил книги, благосклонно встреченные критикой и заслужившие даже Пушкинскую премию Российской академии наук. В 1909 г. он был избран почетным академиком. Эта

[11] Шмелев. «Солнце мертвых». Изд-во «Возрождение». (Париж).

степень соответствует званию французских академиков «Бессмертных». Среди почетных академиков был также Лев Толстой.

Поздняя известность Ивана Бунина объясняется его неучастием в литературных спорах, в которых за первенство боролись декаденты, романтики, символисты, натуралисты, привлекавшие внимание всей России. Бунин работал и наслаждался уединением в унаследованном от предков имении. Он пристально исследовал землю, с которой был кровно связан: почти все его предки были помещиками.

Он происходил из старинного рода, который дал русскому искусству блестящие имена поэтессы Анны Буниной и поэта, знаменитого переводчика «Одиссеи» Василия Жуковского, сына Афанасия Бунина и турчанки Сальхи. В имении прошли первые годы Ивана Бунина, отрочество было омрачено духовным кризисом после смерти маленькой сестры, но, к счастью, этот кризис не оставил болезненных следов в здоровой и сильной душе поэта.

Любовь к родной земле не помешала ему предпринять длительные путешествия. Бунин посетил Балканы, Турцию, Грецию, Сирию, Палестину, Алжир, Тунис, Египет; он достиг тропиков, останавливался в Италии.

Вооруженный этим опытом, замеченный публикой благодаря полемике, которая вспыхнула вокруг его «Деревни», Бунин продолжал писать без остановки. Крылья его гения уже несколько лет отбивают ритм высокого, ровного полета и под ясным небом, и в грозовых облаках. Бунин не из тех писателей, кого можно назвать автором одного произведения (часто первого), но и не из тех, кто идет вперед, создавая достойные труды, но никогда не производя «шедевра», в котором бы раскрылись все их творческие способности. Новаторство и незаурядность — неизменные черты его новых произведений. Отсюда невероятное наслаждение читать его, но и непреодолимая на первый взгляд сложность — вкратце представить его самые характерные произведения.

Как в поэзии, так и в прозе Бунин следует только одной форме — собственной, оригинальной. Он избегает всяческих «жанров» и считает, что подражание определенным канонам — не что иное, как вечный страх писателя выглядеть недостаточно «книжным», недостаточно похожим на тех, кто уже прославился. Но в чем заключается горький плод подобного подражания? «И вечная мука — вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твое и единственно настоящее».

Творчество Ивана Бунина, напротив, лучшее выражение поэта. Форма — это сосуд, в котором, как в шкатулке, сохраняются самые редкие жемчужины, словно спасенные поэтом от огня или из кораблекрушения. Но это вовсе не означает, что творения Бунина преиму-

щественно автобиографичны. Напротив, он обладает крайне развитой способностью объективации, позволяющей ему не только анализировать себя, словно проецируя перед собой свое «я», но и вмещать, заставляя оживать внутри себя, людские судьбы самых разных мест и эпох.

Нет ничего у Ивана Бунина, что не воплощалось бы с живой непосредственностью, которая является достоинством правдивых произведений. Однако и здесь не нужно смешивать искренность с засилием «отсебятины» .

Бунин никогда не изливает душу в тексте. Он обладает высшим чувством меры. Его стиль достигает лапидарной ясности даже при богатстве красок.

Творчество Бунина выделяется этим: оно музыкальное и при этом емкое, богатое красками и при этом точное. Стремление достичь выразительной точности, четкости изображения, не оставляя в стороне магической палитры — свидетельства страстного бунинского увлечения живописью, которое отражается в восхитительных словесных пейзажах, — нашло полное воплощение в последних его книгах. Математическая точность фразы сочетается у Бунина со стилем, который превосходит даже самый гармоничный стиль Тургенева, его учителя.

За годы эмиграции Бунин собрал и издал написанное ранее, переиздал несколько книг, создал новые произведения. Недавно опубликован сборник рассказов 1912–13 гг., который Бунин не без умысла назвал «Последнее свидание»[12]. В основном в нем показаны «его» герои. Это печальное прощание изгнанника с далекой родиной. Незадолго до «Последнего свидания» был выпущен «Солнечный удар»[13], куда вошли десять рассказов 1925–26 гг.

Особенное очарование этой книге придает разнообразие сюжетов: от любовного приключения поручика на Волге (рассказ, давший заглавие книге) до психологического портрета и истории преступления офицера Бартенева, который убил известную польскую актрису Висновскую («Дело Корнета Елагина»), и размышления поэта о жизни и смерти летней ночью под пение цикад («Цикады»). В сборнике есть рассказ о тайной любви, подлинный шедевр трагической исповедальности и поэзии человеческой жизни («Ида», по имени героини), а также дневник путешествия по Красному морю и Индийскому океану, свежий взгляд на дорожные впечатления, который, благодаря большой выразительной силе, оказывается интереснее «Фрегата Паллады» Гончарова («Воды многие»).

[12] Изд-во Н.П. Карбасников. Париж, 1922.
[13] Изд-во «Родник». Париж, 1927.

Своего рода «малым романом» или «поэмой в прозе» можно назвать «Митину любовь»[14], в которой автор описывает неудержимое развитие любовной страсти в сердце простого и наивного юноши, отчаянно влюбленного в девушку из дворянской семьи. Она постепенно отдаляется от возлюбленного, и он отправляется к себе в деревню. Здесь любовь преследует его, обостряется, словно неизвестная болезнь. Тщетно ждет он писем из Москвы. Окружающая его природа и убаюкивает, и в то же время раздражает болезненную тоску. Страсть пожирает его. На мгновение он забывается в объятьях деревенской женщины, но и она не утоляет разрушительного огня, который уничтожает душу изнутри, оставляя только жгучую боль. В финале решительно и с наслаждением он убивает себя выстрелом из револьвера в рот.

Постепенное развитие любовной болезни разворачивается на фоне пробуждения земли, которая весной расцветает вокруг дома одержимого. Таинственная связь между Митей и окружающей природой ставит это произведение в один ряд с научными трудами по исследованию психологии любви.

«Митина любовь» написана осенью 1924 г. в Приморских Альпах, но русский пейзаж настолько достоверен, передан с такой свежестью, что хочется спросить, почему принято считать, что русские писатели-эмигранты не сохранили связи со своей родиной.

Бунин много путешествовал и может дать представление о самых разных уголках света благодаря способности уловить уникальные черты любого пейзажа. Как оживает, к примеру, остров Капри в «Господине из Сан-Франциско»[15] или Алжир в «Сыне»!

Творчество Ивана Бунина в большей части пронизано глубинным пантеистическим чувством. Он знает, что не имеет начала, и знает, что не имеет конца. Его начало растворено в длинной веренице его предков, финалом будет возвращение в великое Всё. Будущее туманно, молчит память о бесконечных прежних жизнях — Бунин знает, что и эта жизнь кончится. Отсюда стремление успеть зафиксировать на бумаге, обессмертить в искусстве и таким образом спасти от уничтожения смертью каждое движение души, чувствительной к красоте этого мира. Мира, который вскоре придется оставить, — оттого ко всякой радости у него примешивается горечь.

От этой постоянной борьбы с неминуемым забвением, со смертью, что ожидает каждого человека в конце его земной жизни, Бунин иногда отдыхает, возвращаясь к гармонии универсума, отдаваясь потоку великого Всего. В эти мгновения он перестает беспокоиться о себе как

[14] Изд-во «Родник». Париж, 1925.
[15] Изд-во «Русская земля». Париж, 1921.

об индивидууме. Его душа не может умереть. Она перейдет в другого, в миллионы других, следующих, обогащенная всем пережитым.

«Счастлив я, / Что моя душа, Виргилий, / Не моя и не твоя!» — восклицает он в стихотворении «У гробницы Виргилия». Другому смертному будет снова дано любоваться радостью земли, весной. Не всё ли равно — кому?

Но такие моменты пережитого счастья редки. Счастлива со вздохом умирающая на песке волна, не подозревающая о смерти; счастливо любое человеческое существо, погруженное в сон жизни. Кто осознает — мучается. Эта мука была дана Бунину Богом. Из двух категорий, на которые разделены люди, — бесконечной вереницы блаженных существ, не осознающих себя, и немногочисленной категории осознающих себя и стремящихся проникнуть в тайну вещей, — он принадлежит ко второй.

Невзирая на это, неправы те критики, которые называют Бунина пессимистом. Если на своем пути Бунин видел больше горя, чем радости, не оттого он всё видит в черном цвете, не из-за этого жизнь тяготит его. Видение Нирваны, напротив, пугает его именно оттого, что слишком сильна его любовь к иллюзорной Майя.

«Всё ритм и бег. Бесцельное стремленье! Но страшен миг, когда стремленья нет» («Ритм»). Остановка несет с собой размышление и муку. Чтобы избежать их, нужно отдаться потоку жизни, этому “Streben” (*нем*. «стремленье»), загадочному и дарующему покой. Это знает и об этом пишет Бунин, и он продолжает свое трудовое бдение, поскольку осознает, что его крест не бесплоден, потому что страдание художника есть утешение человечества.

Ринальдо Кюфферле

Русские писатели за рубежом. Корифей Бунин[16]

Ни мировая война, ни большевистская революция, разразившиеся над головой Ивана Бунина с внезапностью урагана, который поражает путника среди пустынного края, не сломили его. Как прочный дуб, ушедший корнями в суровую действительность, не только русскую, но и мировую, его питали философия, вопросы морали, религии, истории. Бунин был готов к моменту, когда разверзлись тучи, давно собиравшиеся в небесах истории, поэтому снежная буря лишь покачнула ствол дерева, но вырвать его с корнями не смогла. Пережив ненастье, он оброс новыми, более яркими листьями под тусклым солнцем изгнания.

[16] *Küfferle R*. Scrittori russi all’estero. Il corifeo Bunin // Corriere della sera. 1929. 12.XI. P. 5.

Литературный дебют

К такой духовной стойкости, к владению стилем, гибким и блестящим, как лезвие, в котором с холодной и живой четкостью отражаются полноцветные предметы, Бунин пришел через любопытство сердца, открытого мимолетным и вечным отзвукам жизни и искусства.

Еще юношей в одиночку он сделал первые робкие шаги навстречу тому, что прекрасно и истинно.

Пред ним одинаково широко расстилались литературные поля и степь.

Родной стихией для Бунина было старинное дедовское имение в центральной России. Рожденный в старинной дворянской помещичьей семье, он с кровью предков унаследовал любовь к земле. В искусстве его вели яркие пути двух известных предков: поэтессы Анны Буниной и Жуковского, переводчика «Одиссеи», сына Афанасия Бунина и турчанки Сальхи. Из повседневного общения с природой и наблюдений над деревенской средой рождается предмет его изображения. Байрон и Лонгфелло нашли в нем почитателя и элегантное русское переложение. Восходя на порог зрелости, Бунин, с молодости трудолюбивый, имел уже 4 тома стихов, 2 — переводов и 6 — прозы. Духовный кризис, который он пережил в подростковом возрасте после смерти сестры, рассеялся в потоке жизни. Восторженно были приняты критикой произведения нового писателя, которому Академией наук была присуждена высшая награда — литературная премия имени Пушкина. В 1909-м Бунин был уже среди двенадцати почетных академиков, к которым относился и Лев Толстой.

Путешествия по миру

Однако, следуя не за известностью, а за побуждением лучше узнать себя самого и мир, Бунин не выходил на литературную арену, где перед интеллектуальным судом дам состязались романтики, натуралисты, символисты, декаденты. Гондола баюкала его влажным молчанием осенней Венеции при лунном свете; в горах Сицилии он проник в заброшенный монастырь и там, среди развалин алтаря, увидел потухшую кадильницу и приказал своему сердцу, исполненному огня, пылать до конца, как некогда угли и смола в этой кадильнице. В тени эвкалиптов и сикомор он искал тени в душном Алжире. Стоя у подножия пирамид, любовался лодками на Ниле. В Скутари, завидев на рассвете переливающийся Босфор, пришпоривал ленивого верблюда. В задумчивости склонялся перед пожелтевшими руинами Акрополя. В Иерусалиме видел схождение святого огня. Плавал по Суэцкому каналу под величественными склонами горы Синай в сторону Красного моря, Индийского океана. Склонив в аскетичной каюте колени перед

иконой из Суздаля, с которой он никогда не расстается и которая, по его словам, остается для него духовной, нежной связью с его родом, с тем далеким и родным миром, где остались его колыбель, детство, молодость, Бунин смиренно благодарил Господа за то, что уберег его в странствиях. Вид той вершины, откуда слышится еще священный глас Скрижалей, вечных, как воздух, которым дышит человек, и как земля, по которой он ступает, взволновал и наполнил ликованием душу православного. Бунин больше не заботился ни о чем, кроме созерцания моря и неба. Одну за другой он побросал за борт в воду, рассекаемую кораблем, книги, которые читал в путешествии. Ему показалось, что время, пространство, числа, все порождения духа растворились вместе с ним в темноте экваториальной ночи. Из этого оцепенения вывел его вид кокосовых зарослей на берегах Цейлона и шалашей местных жителей, затерянных в светло-зеленых зарослях банана.

По мере того как продолжалось его разнообразное странствие по земле и по морю, Бунин ощущал прилив новых сил, которые требовали воплощения в искусстве. Глаза не могли насытиться, впитывая цвета, его палитра обогащалась яркими тонами. Ему уже легко было воспроизвести с желаемой точностью экзотическое окружение. В равной степени правдиво перо Бунина выразило таинство смерти русского крестьянина в бедной избе и с другим оттенком, оригинальным и неповторимым, изобразило конец несчастного рикши, чей маленький труп был обнаружен вечером в пригородном лесу Коломбо, или смерть на Капри того господина из Сан-Франциско, которого роскошный трансатлантический лайнер, искрящийся светом, наполненный элегантной толпой, перевозит в скромном гробу в глубине мрачного трюма по угрюмому океану.

«Горе, горе тебе, Вавилон»

Долгая разлука также позволила Бунину увидеть в ином, истинном, объективном свете Россию, с ее бедами, с предназначенной ей исторической судьбой. В поэме в прозе «Деревня» почти пророчески описана смута в русской деревне после русско-японской войны. Тем, кто хотел прикрыть язвы народа покровом идеализации, это произведение показалось исполненным чрезмерного пессимизма. Но Бунин предвидел точно. Когда чуть позже, в феврале 14-го, он писал на Капри рассказ «Братья» и задумывал «Господина из Сан-Франциско», его душу терзал вопль из Апокалипсиса: «Горе, горе тебе, Вавилон, город крепкий!» В этом пророчестве подразумевался, конечно, пожар европейский.

Действительно, началась мировая война. В России разразилась революция. И то и другое намного превзошло опасения Бунина. С тяжелым сердцем он направился из Москвы на Юг России, где стал свидетелем

агонии белой армии. Братоубийственная война захватила весь народ. Кто не был ни красным, ни белым, попадал под подозрение и часто подвергался преследованиям с той или другой стороны, в зависимости от того, в чьи руки переходила деревня или город. Так образовалась третья партия под именем зеленых, которая скрывалась в лесах, в горах. К ней примыкали беглецы, на которых и красными, и белыми велась охота как на дезертиров. До последней минуты надежды Ивана Бунина, как горестные часовые его любви к родине, обращались на запад, не покажется ли оттуда какой-нибудь проблеск, дабы рассеять тьму; но надежды были разбиты, и неумолимая действительность вонзила им в спину смертельный клинок. Отчаянный крик последних надежд Бунин хранит в себе как суровую боль, как спутницу в нынешнем изгнании на французской земле.

Бдения

Если писатель призван выразить в прекрасном правду, помогая прояснить случившееся и утешить людей, никогда не отказываясь от высокого призвания, которое требует спокойствия и жертвенности, Бунин не склонился под тяжестью собственной беды, а продолжил писать. Разнообразие и богатство произведений, созданных им, как правило, небольшого объема, но исключительной насыщенности мысли и удивительной психологической прозорливости, побуждают провозгласить его корифеем современной русской литературы. «Цикад» и «Митиной любви» было бы достаточно, чтобы признать за ним этот титул.

Брандес, который читал «Митину любовь» по-французски, признавался, что тонкий анализ любовной болезни вызвал в нем неподдельное волнение. Те, кто читает произведение в оригинале, покорены, кроме того, музыкальностью этой прозы, превзошедшей по красоте прозу Тургенева. То же мастерство гармонии пронизывает от начала до конца рассказ «Цикады». На берегу моря, под сияющими звездами спокойной летней ночью Бунин слушает их пение, похожее то на миллионы ручейков, то на магические цветы, растущие хрустальной спиралью. Блаженно поют они, погруженные в сон жизни. Ночное бдение приносит с собой созерцание и муку. С этой боли и начинается искусство, т.е. освобождение от смерти всего, что живет и уходит. Продолжая бодрствовать, Бунин видит меркнущие звезды; бодрствуя, он слышит дыхание волн, что расходятся пеной по берегу.

Сейчас Бунин пишет большой роман «Жизнь Арсеньева», в котором, словно в фокусе линзы, сосредоточен человеческий опыт и сходится свет его искусства. Вероятно, в нем, по наблюдению Амфитеатрова, Бунину будет дано сказать не дописанное пером Толстого, Достоевского и Чехова последнее слово о загадке, очаровавшей Запад, — о славянской душе.

Ринальдо Кюфферле

Поэзия Ивана Бунина[17]

Доктор Ринальдо Кюфферле – глубокий знаток славянской литературы. Мы с радостью передаем его выступление из Милана о пантеистической лирике одного современного русского поэта.

Мне уже приходилось говорить по радио о творческом пути Ивана Бунина, который считается одним из лучших представителей, если не корифеем, современной русской литературы. Его имя как прозаика стало известно после перевода двух произведений, «Деревня» и «Жизнь Арсеньева», как поэта мы его только открываем из-за известных сложностей, всегда возникающих при попытке передать поэзию за пределами того языка, в котором первоначально воплотились мысль и чувство автора. Строго говоря, поэзию нельзя извлечь из прекрасного хранилища, в которое помещает ее вдохновение, запечатывая совершенством герметической концовки, и перенести в выщербленные сосуды чуждого ритмического переложения. С ней происходит то же, что и с некоторыми изысканными экстрактами экзотических ароматов, которые сразу улетучиваются. Строго говоря, поэты не должны бродить по миру в поисках праздных ушей, готовых их услышать, как не путешествуют горы, чтобы показать всем свои ледяные пики и парящих над ними орлов. Но домоседы иногда готовы довольствоваться фотографиями, волшебным фонарем, кинематографом, картиной; точно так же принимают они слабый отблеск, бледный призрак того, чем является поэзия, или того, как мы представляем себе ее первоначальную форму. Этому большинству я прочту сегодня три или четыре стихотворения Ивана Бунина, которые специально для этого случая скорее интерпретировал, чем перевел.

Помню, однажды я определил бунинское восприятие природы и человечества как подсказанное его пантеистическим чувством. Он знает, что не имеет начала, и знает, что не имеет конца. Его начало растворено в длинной веренице его предков, финалом будет возвращение в великое Всё. Будущее туманно, молчит память о бесконечных прежних жизнях — Бунин знает, что и эта жизнь будет утеряна. Отсюда стремление успеть зафиксировать на бумаге, обессмертить в искусстве и, таким образом, спасти от уничтожения смертью каждое

[17] *Küfferle R.* La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio — 6 Febbraio. P. 13.

движение души, чувствительной к красоте этого мира: «До черноты сгори», — звучит призыв в его смертном сердце.

<перевод стих. «Кадильница»>

Неправы те критики, которые называют Бунина пессимистом, даже если в своей прозе он изображает действительность без прикрас. Видение Нирваны растет в нем именно оттого, что слишком сильна его любовь к иллюзорной Майе. Остановка несет духовное мучение. Чтобы избежать его, нужно отдаться потоку жизни, этому “Streben” <*нем.* «стремленье»>, загадочному и дарующему покой. Это знает и об этом пишет Бунин, об этом он размышляет в строфах, убаюкивающих и умиротворяющих, в стихотворении под названием «Ритм»:

<перевод стих. «Ритм»>

Порой Бунин так высоко воспаряет над собой как индивидуумом, что сливается с гармонией универсума, чувствуя себя окутанным дыханием великого Всего. Тогда Бунин уподобляется Брахманам, тогда мир и для него становится лесом, ночным приютом птиц.

<перевод стих. «Ночлег»>

Пантеистическое мировоззрение в поэзии Бунина достигает вершины, когда у гробницы Виргилия на него нисходит умиротворение. Его душа не может умереть. Она перейдет в другого, в миллионы других, следующих, обогащенная всем пережитым. Звуками радости италийская весна на побережье Тирренского моря и мягкий свет, который освещает не только сладостно-идиллический пейзаж, но и взволнованное и радостное сердце северного пилигрима, отвечают на приветствие Бунина Виргилию, от поэта поэту, от тени к тени, словно подтверждая и благословляя веру в вечную жизнь поэзии, в эту разновидность веры в бессмертие души.

<перевод стих. «У гробницы Виргилия весной»>

Двадцать лет спустя[18]

[18] *Küfferle R.* Vent’anni dopo // Stampa sera. 1954. 3–4.VIII. P. 3.

Как гласит русская пословица, «жизнь прожить — не поле перейти». Даже сделать так, чтобы хорошая книга добралась до читателя, не всегда легко. Однако злоключения, о которых я хочу поведать, оказались совсем уж необыкновенными, хотя некоторые вещи подобного рода случаются и поныне. Эти перипетии могут дать пищу для размышлений тем, кто не довольствуется простоватым афоризмом: Habent sua fata libelli[19].

***

Поздним летом 1933 года меня пригласили к одному крупному издателю, чтобы я посоветовал что-нибудь интересное из современной русской литературы. Он решил справиться о моем мнении посредством доверенных сотрудников — один был среднего возраста, другой молодой.

Беседа проходила примерно так:

— Итак… — и две пары глаз уставились на меня из-за широкого барьера ярко освещенных письменных столов.

— Итак, — сказал я, — я бы предложил Бунина.

— Что? Кого?

— Бунина.

— А кто это?

— Кажется, я первым в Италии стал писать о нем, еще в апреле 1928 года. Иван Бунин — духовный наследник той классической художественной традиции, которая восходит к Пушкину и Толстому; в 1909 году он был избран почетным членом Академии наук и неоднократно был отмечен высшей русской литературной наградой, Пушкинской премией…

— Да, да, но что он написал?

— Главным образом рассказы.

— Ну, этот жанр не пользуется большим спросом.

— Но это потрясающие рассказы, к тому же довольно пространные.

— И что с того! Никаких рассказов.

Я умолк.

Немного погодя старший из моих собеседников вдруг спросил:

— Сколько ему лет?

— Кому?

— Ну, этому Ивану, вашему писателю..

— Он родился в 1870 году.

[19] Книги имеют свою судьбу (*лат.*).

— Слишком старый! — заключил молодой человек. — И что, он действительно так хорош?

— Более чем! К примеру, об одной его повести Брандес отозвался как о настоящем исследовании психологии любви, настолько искусно Бунин изображает влюбленность молодого провинциала к студентке. В окружении природы, неистовой, как он сам, он сгорает от любви и страдает настолько, что стреляет себе в рот «с силой, с наслаждением».

— М-м. По нынешним временам самоубийства вообще запрещены. Они допускаются только в переизданиях: «Мадам Бовари», «Анна Каренина», — заметил старший.

— Что удивительно в Бунине, так это постоянная метаморфоза его настроений; его внутренний мир, близкий к пантеизму, постоянен, но в то же время всегда находится в фазе становления, множится, проявляя себя по-новому…

— Жаль! — прервал меня молодой и, обращаясь к коллеге, сказал: — Вот если бы он умер, можно было бы поместить его среди классиков.

Я невольно вскочил.

— Нет, нет, ради Бога! Бунин сейчас работает над своим крупнейшим произведением, над «Жизнью Арсеньева»…

— Ну что ж, спасибо, — холодно сказали мне на прощанье, — больше вам нечего предложить?

— Лучше этого в настоящий момент — нет.

***

Однажды поздней осенью того же 33 года, едва проснувшись, я развернул газету за утренним кофе. В уголке на третьей странице я увидел короткую заметку под заголовком «Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии по литературе». Почти в то же мгновение зазвонил телефон. Звонил пожилой работник издательства. Что-нибудь из Бунина, перевести как можно скорее. Может быть, даже тот самый «короткий роман», о котором мы говорили. А как быть с самоубийством? Об этом мне беспокоиться не нужно, главное — перевести поскорее и хорошо.

Я сразу принялся за работу, пытаясь найти для Бунина, как и для всякого другого писателя, близкую по стилю формулу (формулу стилистического приближения). Стиль без прикрас и в то же время не лишенный простонародного изящества, намеренно по-библейски простой, — например, в авторских ремарках используется только «сказал» и «ответил», — должен был стать главным инструментом для адекватного восприятия искусства Ивана Бунина.

С каким же печальным удивлением я, закончив работу, обнаружил перед собой рукопись, тщательно правленную неким третьим лицом из кулуаров издательского бюро: это был представитель, а точнее, толкователь так называемого менталитета среднестатистического читателя. Все бунинские «сказал» и «ответил» превратились в непроходимый лес «согласился», «возразил», «прошептал», «вскричал», «подал голос», «пробормотал», «воскликнул», «вздохнул» и так далее, от которых рябило в глазах. Все фразы были переделаны по канонам элементарного синтаксиса…

Я возмутился, написал автору, добился восстановления в корректуре первоначального варианта перевода и, питая себя иллюзиями, вздохнул с некоторым облегчением, как после счастливо завершенной битвы.

Однако битва была проиграна.

Как и положено тем, кто пишет, я дни напролет, склонившись над гранками, проверял самого себя. (Это еще и этическое упражнение.) Но до самоубийства героя я не добрался. В конце истории он начинал тихо плакать, падал на кровать и протягивал руку к ночному столику… Но не открывал, как в оригинале, ящик, чтобы достать револьвер и застрелиться.

«Очевидно, — подумал я, — не хватает страницы корректуры», — и позвонил в издательство.

Нет, все страницы были на месте, но самоубийство в конце концов из благоразумия решено было убрать.

— Тогда, — взмолился я, сдавшись, — уберите хотя бы еще несколько строк, чтобы не было и этого ночного столика!

***

Тем летом переводчику пришло письмо от Бунина, полное горечи.

И еще двадцать лет — а писатель умер несколько месяцев назад — итальянская публика так и не знала, что на самом деле случилось с героем одного из шедевров Ивана Бунина.

Пусть этот последний штрих с опозданием, но всё же дополнит картину, в надежде, что старые порядки не вернутся.

Ринальдо Кюффферле

Литература

Кюфферле Р. Персоны и персонажи. Очерки о русской эмиграции / Публ., пер. и коммент. М.Г. Талалая // Диаспора: Новые материалы. [Вып.] IX. Париж; СПб., 2007. С. 431–451.

Küfferle R. L'arte d'Ivan Bunin // Rivista d'Italia. 1928. XXXI, Vol. IV. 15.IV. P. 663–667.

Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio — 6 Febbraio. P. 13.

Küfferle R. Scrittori russi all'estero. Il corifeo Bunin // Corriere della sera. 1929. 12.XI. P. 5.

Küfferle R. Vent'anni dopo // Stampa sera. 1954. 3–4.VIII. P. 3.

References

Küfferle R. Persony i personazhi. Ocherki o russkoi emigratsii [Persons and characters. Essays on Russian émigrés], publ., transl. and comment. by M.G. Talalai. *Diaspora: Novye materialy. Vyp. IX* [Diaspora: New materials. Iss. 9]. Paris, St. Petersburg, 2007, pp. 431–451. (In Russ.)

Küfferle R. L'arte d'Ivan Bunin. *Rivista d'Italia*, 1928, XXXI, vol. IV, 15.IV, pp. 663–667.

Küfferle R. Scrittori russi all'estero. Il corifeo Bunin. *Corriere della sera*, 1929, 12.XI, p. 5.

Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin. *Radiocorriere*, 1932, no. 5, VIII, 30 Gennaio — 6 Febbraio, p. 13.

Küfferle R. Vent'anni dopo. *Stampa sera*, 1954, 3–4.VIII, p. 3.

Rinaldo Küfferle (1903–1955) — a translator, publisher, critic and correspondent of Ivan Bunin (based on papers from private and editorial archives)

© 2019, Elda Garetto

Abstract: The article discusses the role of the poet, writer, journalist and translator Rinaldo Küfferle (1903–1955) in the distribution of Ivan Bunin's works in Italy in the 1920s and 1930s. Küfferle's critical essays about Bunin in Italian literary journals, his translations of Bunin's poems and short stories, different stages of promotion of the writer's works in Milan publishing houses (a novel "The Life of Arsenyev" and a collection of short stories) are identified and analyzed. The article also provides a number of archival materials on Küfferle's personal relations with Bunin.

Keywords: Ivan Bunin, Rinaldo Küfferle, Bunin in Italy, translations, émigrés in Italy

Information about the author: Elda Garetto, Prof., University of Milan, Italy.
E-mail: elda.garetto@unimi.it

Citation: Garetto Elda. Rinaldo Küfferle (1903–1955) — a translator, publisher, critic and correspondent of Ivan Bunin (based on papers from private and editorial archives). *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 276–311. (In Russ.)
DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-276-311

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-312-329
УДК 821.161.1

Малоизученная франкоязычная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина в свете первой волны русской эмиграции

© 2019, С.А. Гарциано

Аннотация: Современные исследования французской критики произведений И.А. Бунина проводились по трем основным направлениям: литературная критика, опубликованная французскими авторами, отдельные рецензии на его книги и статьи, приуроченные к получению Нобелевской премии. В настоящей статье анализируются ранее неизученные или малоизученные тексты, написанные по-французски представителями первой волны эмиграции. Данная работа построена на изучении четырех тем: межвоенная франкоязычная эмигрантская критика о творчестве И.А. Бунина, статья Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» (“Ivan Bunin. Son activité littéraire en France”, 1928), образ И.А. Бунина в книге В.С. Познера «Панорама современной русской литературы» (“Panorama de la littérature russe contemporaine”, 1929) и в свете литературоведческих размышлений, высказанных во время заседаний Франко-русской студии (Париж, октябрь 1929 г. — апрель 1931 г.). Обзор эмигрантской критики по-французски позволяет выделить некоторые основные черты бунинской поэтики, такие как ведущее место писателя в эмигрантской литературе как наследника реализма и основной ветви великой русской литературы, чрезмерная телесность и вещественность бунинского мира и основополагающая тема любви и смерти, позволяющая осмыслить онтологический смысл жизни. Упоминание об этом писателе играет первостепенную роль во франкоязычной критике русской эмиграции, проявляющуюся в литературных статьях, рецензиях, книгах, справочных статьях и личных письмах.

Ключевые слова: И.А. Бунин, литературоведческая критика на французском языке, первая волна русской эмиграции, А.Я. Левинсон, В.С. Познер, Н.К. Кульман, В.Б. Фохт, Б.Ф. Шлёцер, З.А. Шаховская, Н.В. Брянчанинов, Л. Лалуа, Ж. Шюзвиль, М. Парижанин, М. Алданов

Информация об авторе: Светлана Александровна Гарциано, д.ф.н., доцент, Лионский университет, Франция.

E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Цитирование: *Гарциано С.А.* Малоизученная франкоязычная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина в свете первой волны русской эмиграции // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 312–329.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-312-329

По сравнению с другими писателями первой волны эмиграции, как, например, Д.С. Мережковский, для которых исследовательская область литературного наследия на французском языке является почти tabula rasa, франкоязычная критика о бунинском творчестве изучена достаточно досконально, хотя в ней и присутствуют некоторые лакуны, объясняемые спецификой выбранных научных направлений. Наслоение эмигрантской критики на французскую образует малоисследованную зону на стыке двух литературных полей, несущую в себе маргинальное литературное явление — изложение эмигрантскими авторами своих литературоведческих размышлений по-французски.

Во второй книге 84-го тома «Литературного наследства», вышедшего в 1973 г., приводятся некоторые отрывки из французских отзывов о творчестве Бунина: письмо Р. Роллана к Л. Круппи за 20 мая 1922 г.[1], отрывки из рецензий А. де Ренье за 1921–1924 гг.[2], отрывки из дневника А. Жида за 1941 г. и его письмо к Бунину за 1950 г.[3] Напомним, что в течение эмигрантского периода, будучи подписан на рассылку «Аргус пресс» (“Argus de la presse”), Бунин собирал для своего архива[4] коллекцию газетно-журнальных вырезок из европейской периодики — для посмертного издания литературоведческого тома о своем творчестве. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. В.Н. Бунина передала в СССР часть бунинского архива, содержащего значительную подборку рецензий и статей по-французски, хранящуюся в ИМЛИ РАН (около 350 единиц) и РГАЛИ (около 100 листов, посвященных Нобелевской премии)[5]. 15 февраля 1957 г. В.Н. Бунина пишет Г.Н. Кузнецовой по этому поводу: «Удивило меня и одно письмо Алданова: будто бы он получил от неназванных корреспондентов Яна письма, в которых те спрашивали его, правда ли я передала весь архив в Москву? Очень беспокоятся о своих письмах… И почем было писать Алданову, а не мне, узнайте, кто это? <…> Много писем у Сазоновой, и у нас ее, но она не беспокоится. К слову сказать, пока передано в Москву только полное собрание “Петрополиса” с поправками автора, да

[1] *Роллан Р.* Из письма Ромена Роллана к Луизе Круппи // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М., 1973. Кн. 2. С. 375–376.

[2] *Ренье А. де.* <О сборнике «Господин из Сан-Франциско»>; <О повести «Деревня»>; <О сборнике «Чаша жизни»> // Там же. С. 376–378.

[3] *Жид А.* Из дневника Андре Жида. Письмо Андре Жида к Бунину // Там же. С. 382–387.

[4] В письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 15 апреля 1953 г. читаем: «Есть письма: мои письма к Вам и Ваши ко мне. Почему-то они в бауле у Яна?! Как-нибудь разберу их. Сейчас мне нужно для архива переписать страниц 50 еще, а время куда-то уходит» (И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М., 2014. С. 194).

[5] Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 488, 464.

еще иностранные рецензии и критика. <…> Людей, писавших Яну и не умерших до его смерти, мы не разбирали, да и писали большинство неинтересные письма»[6].

В современный период французская критика произведений Бунина изучалась в диссертации С.А. Кривцовой «Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики»[7], а также во введении Т.В. Марченко к переводам текстов франкоязычной критики из книги «Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина»[8]. Современные исследования французской критики произведений Бунина проводились в основном по трем направлениям: литературная критика, опубликованная французскими авторами, отдельные рецензии на бунинские книги и статьи, приуроченные к получению Нобелевской премии. В данной работе анализируются ранее неизученные или малоизученные тексты, встречающиеся на страницах французской периодики и в других источниках по-французски, причем повышенное внимание уделяется французским эссе, написанным эмигрантскими критиками, а также текстам, посвященным обзору всего творчества писателя. Изучение данной проблематики строится на освещении четырех тем: межвоенная эмигрантская критика о творчестве Бунина на французском языке на примере некоторых ее представителей, статья Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» (1928), образ Бунина в книге В.С. Познера «Панорама современной русской литературы» (1929) и в свете литературоведческих размышлений, высказанных во время заседаний Франко-русской студии (Париж, октябрь 1929 г. — апрель 1931 г.).

Краткий обзор межвоенной эмигрантской критики о творчестве И.А. Бунина на французском языке

Литературоведческие заметки критиков первой волны эмиграции на французском языке до сих пор на нашли должного освещения в научной сфере, они разбросаны по многочисленным франкоязычным периодическим изданиям, малодоступным в настоящее время и недостаточно сохранившимся во французских документальных фондах. О литературном творчестве Бунина писали по-французски такие эмигрантские авторы,

[6] Письмо В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 15 февраля 1957 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 385.

[7] *Кривцова С.А.* Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики: Дис. … канд. филол. наук. Орел, 2008. 220 с.

[8] *Марченко Т.В.* Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина / Под ред. Н.Г. Мельникова. М., 2010. С. 499–541.

как А.Я. Левинсон, В.С. Познер, М. Алданов, Н.К. Кульман, В.Б. Фохт, Б.Ф. Шлёцер, Г.П. Струве, В.В. Вейдле, М.Л. Слоним, Ю.В. Мандельштам, В.М. Зензинов, З.А. Шаховская, Н.В. Брянчанинов, Н.Д. Городецкая, Г.Л. Лозинский, З.Д. Львовский, Я.М. Цвибак, С.Л. Рафалович, Т.М. Бродская и т.д.[9]

Несмотря на то, что из всех иностранных языков французский имеет первостепенное значение для полноценного осмысления историко-литературного феномена первой волны эмиграции, данная тема до настоящего времени недостаточно и приблизительно изучена и имеет некоторые смысловые лакуны. В научной практике существуют определенные стереотипы, связанные с обращением представителей эмиграции к французскому языку: эмигрантские авторы в основном ошибочно использовали французский язык; эмигранты обратились к французскому языку в нобелевские дни (ноябрь–декабрь 1933 г.); статьи эмигрантских критиков должны рассматриваться как адаптация их взглядов, появляющихся в эмигрантской периодике и уже высказанных в эмигрантской среде[10]; статьи, написанные коренными носителями языка, рассматриваются как литературоведческая норма, в то время как иностранные тексты эмигрантских авторов представляются как своеобразные литературные маргиналии[11].

Французские тексты и французские вставки в русских текстах недостаточно верно представлены в современных изданиях по первой волне эмиграции (опечатки, связанные в основном с диакритическими знаками; неточности в передаче материала и в переводе). Например, во введении к франкоязычной критике из книги «Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина» о справочной статье М. Алданова сообщается следующее: «Несколько сказанных о Бунине слов совершенно точно резюмируют мнение, сложившееся к этому времени о писателе у французского критика и читателя: “Его художественное мастерство стало еще более печальным, утонченным и классическим”»[12]. Если мы обратимся к данному тексту Алданова, то заметим, что о Бунине упоминается не один, а семь раз, причем в самых ключевых по смыслу моментах статьи. Прилагательное “sobre” переведено как «печальный», что не соответствует смыслу по-французски: «строгий». Другим наглядным примером может послужить комментарий к письму Н.Н. Берберовой Бу-

[9] *Livak L.* Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal, 2010. P. 93–99.

[10] *Марченко Т.В.* Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. С. 526.

[11] *Мельников Н.Г.* Предисловие // Классик без ретуши. С. 14.

[12] *Марченко Т.В.* Введение. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. С. 526.

нину от 11 июня 1941 г., в котором читаем: “Voudrions avoir ici vos nouvelles contes et le petit roman”[13]. Если первая часть комментария («Надо “nouveaux contes”») может подвергнуться сомнению, то вторая воспринимается носителями французского языка как заведомо неправильная («но правильнее было бы “nouveaux récits”, так как “conte” значит “сказка”»[14]). В этом случае можно также предположить, что Берберова дает краткую литературоведческую характеристику бунинскому творчеству с уменьшительно-ласкательной окраской, выраженной по-французски нанизыванием синонимов и употреблением прилагательного “petit”. Если мы примем эту гипотезу, то окажется, что синонимическое нанизывание существительных “nouvelles(-)contes” («рассказики» или «рассказы-сказы»), эмоционально соответствующих словосочетанию “petit roman” («романчик»), устойчиво коллокационно употребляемых во французском языке и используемых в литературоведческой французской критике для обозначения термина «рассказ», интепретируется как ошибочное написание словосочетания прилагательного с существительным “nouveaux contes” («новые рассказы»). Из этого вытекает, что в перевод на русский язык вводится рема «новые», эксплицитно не обозначенная в письме Берберовой, и, соответственно, комментарий, вытекающий из перевода возможного существительного “nouvelles” («новелла/рассказ»), истолкованного как прилагательное “nouveaux” («новые»), приводит к двоякой интерпретации по-русски того, что в 1941 г. Берберова просила у Бунина прислать ей новые рассказы. Заметим, что в письме к Берберовой и Н.В. Макееву от 21 января 1941 г. Бунин сам называет свои рассказы “nouvelles”: “J’ai écrit 12 nouvelles”[15], а в следующем письме от 12 мая 1941 г. пишет: “J’ai écrit un nouveau petit roman”[16]; Берберова в письме от 11 июня 1941 г. только повторяет уже названные термины. Причем письмо Берберовой и В.А. Зайцевой к Буниным от 12 апреля 1942 г. снова содержит вокабулу “conte”: “Nous lisons nos contes”[17]. В письме к Бунину от 28 января 1944 г. Берберова, подразумевая присланные Б.К. Зайцеву новые рассказы, пишет: «о моих чувствах к Вам, о Ваших рассказах»[18]. Практическое значение изучения французской составляющей эмиграции может состоять в нахождении новых возможных истолкований особенностей эмигрантской жизни и творческого наследия во франкоязычной среде.

---

[13] И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О.А. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 70.
[14] Там же. С. 71.
[15] Там же. С. 68.
[16] Там же. С. 70.
[17] Там же. С. 79.
[18] Там же. С. 91.

В данной статье мы предлагаем бегло проанализировать французские тексты, написанные Т.М. Бродской (Tamara Brodsky), А.Я. Левинсоном (André Levinson), Н.В. Брянчаниновым (Nicolas Brian-Chaninov), Б.Ф. Шлёцером (Boris de Schlœtzer), З.А. Шаховской (Zinaïda Schakhovskoy) и М. Алдановым (Marc Aldanov)[19]. Иван Бунин в основном был близко или отдаленно знаком с эмигрантскими авторами, писавшими или упоминавшими о нем по-французски. Например, Бунины знакомятся и общаются с Т.М. Бродской-Букуаран во время и после Второй мировой войны, но еще в 1922 г. Бродская публикует в журнале «Эроп нувель» (“Europe nouvelle”) статью «Русские писатели и революция» (“Les écrivains russes et la révolution”), в которой упоминается Бунин, стоящий между Д.С. Мережковским и А.И. Куприным в перечислении писателей, избравших Париж местом своего изгнанничества[20].

Статья «Великий прозаик: Бунин» А. Левинсона, опубликованная в газете «Комедья» за 1925 г., начинается с подробного анализа повести «Митина любовь», в которой жизнь, метафорически представленная весной, покрывается маской смерти в сознании главного героя, сравниваемого критиком для французского читателя с Раскольниковым и Анной Карениной. По сравнению с другими писателями, подчеркивается лаконичность бунинского стиля, отсылающего к характерным особенностям пушкинской поэтики[21]. А. Левинсон называет этот текст антологией русского пейзажа, который ведет читателя к описаниям природы у И.С. Тургенева, созданным на французской чужбине. Творчество Бунина связывается эмигрантским критиком и с французской традицией посредством «Воспитания чувств» Г. Флобера и «Жанны д’Арк» Ж. Мишле. В эссе «Мудрость Бунина» за 1927 г. А. Левинсон преподносит Бунина как писателя-классика, реализм которого опирается на материальную видимость. Его творчество характеризуется накладыванием мгновенно проходящего момента, мимолетного впечатления на вековечные базы бытия[22]. В особенности критик выделяет в бунинском творчестве тему

[19] Нижеследующие статьи также малоизвестны и не исследовались, но из-за коротких сроков мы не успели с ними ознакомиться: *Levinson A*. La littérature russe actuelle // Revue mondiale. 1921. Vol. CXLIV. № 19. 1 octobre. P. 335; *Mandelstam Iou*. Ivan Bounine // Revue de France. 1933. Vol. VI. № 24. 15 décembre. P. 697–708. *Struve G.* L’amour de la vie et le sens de la mort dans l’œuvre d’Ivan Bounine // Mois. 1931. № 12. P. 157–162; *Vogt W. de*. Les écrivains russes en France — Ivan Bounine // Figaro, supplément littéraire. 1928. № 490. 25 août. P. 5; *Weidlé W.* La littérature soviétique et littérature russe // Russie et chrétienté. 1935. Vol. II. № 3. P. 144–156; *Zenzinov V*. Un artiste — Ivan Bounine // Revue des vivants. 1934. № 3. P. 398–403.

[20] *Brodsky T.* Les écrivains russes et la révolution // Europe nouvelle. 1922. № 5. 4 février. P. 139.

[21] *Levinson A*. Un grand prosateur: Bounine // Comœdia. 1925. № 4669. 3 octobre. P. 1.

[22] *Levinson A*. La sagesse de Bounine // Comœdia. 1927. № 5129. 16 janvier. P. 3.

любви и смерти, мотив возможной и нереализованной встречи, мотив тривиального в ужасном. Отметим, что в статье «Современные русские писатели — Иван Бунин» (“Écrivains russes contemporains — Ivan Bounine”) переводчик первых книг писателя Морис Парижанин (Maurice Parijanine) — псевдоним Мориса Донзеля (Maurice Donzel) — выделяет также две главные составляющие бунинской поэтики: ненависть и любовь, противопоставляемые друг другу, но и взаимопереплетающиеся в творческом акте[23].

В литературной рубрике «Люди и книги» (“Les Hommes et les livres”) газеты «Кандид» (“Candide”) за 1926 г. Н.В. Брянчанинов, под псевдонимом Nicolas Brian-Chaninov[24], уточняет, что творчество Бунина не имело особого успеха в начале XX в. из-за описаний деревенской среды, отличных от канонического представления русских крестьян[25]. В книге «Трагедия русской литературы» (“La tragédie des lettres russes”), вышедшей в издательстве «Меркюр де Франс» в 1938 г., Н.В. Брянчанинов замечает, что из всех литератур у русской письменности самый трагический характер и самая трагическая судьба. Упоминание о Бунине находится в конце тома, где автор книги описывает противостояние реализма модернизму в начале XX в., выделяя трех главных писателей-реалистов: Горького, Куприна и Бунина в окружении Шмелева, Л. Андреева, Ремизова, Б. Зайцева и А. Толстого[26].

В рубрике «Иностранные литературы» из «Нувель ревю франсез» (“Nouvelle revue française”) за 1933 г. Б. Шлёцер, возвращаясь к теме присуждения Нобелевской премии, уточняет, что внешний мир существует для Бунина не только в виде форм, цветов, запахов, вкусов, но также, и особенно, в телесном измерении. К внутреннему миру писатель приходит посредством мира внешнего и физической оболочки, и через эту характеристику ведется его противопоставление с поэтикой Ф.М. Достоевского и продолжение традиций художественной линии Л.Н. Толстого[27].

В 1935 г. Зинаида Шаховская за подписью “Z.S.” публикует в рубрике русской словесности газеты «Индепанданс бельж» (“Indépendance

---

[23] *Parijanine M.* Écrivains russes contemporains — Ivan Bounine // Humanité. 1922. № 6521. 31 janvier. P. 2.

[24] Николай Валерианович Брянчанинов (1874–1943) — писатель и журналист, эмигрировавший во Францию и сотрудничавший в журнале «Иллюстрированная Россия». Здесь мы находим, возможно, лучшую звуковую адаптацию русской фамилии на французский язык. Можно также предположить отсылку к французскому писателю-эмигранту Ф. Шатобриану посредством слоговой инверсии: Brian-Chaninov — Chateaubriand.

[25] *Brian-Chaninov N.* Les lettres russes dans l’émigration // Candide. 1926. № 127. 19 août. P. 3.

[26] *Brian-Chaninov N.* La tragédie des lettres russes. Paris, 1938. P. 133.

[27] *Schlœtzer B. de*. Ivan Bounine // Nouvelle revue française. 1933. Vol. XLI. № 243. 1 décembre. P. 921.

belge") обзорную статью под названием «Иван Бунин. Его жизнь и его творчество» ("Ivan Bounine. Sa vie et son œuvre")[28]. Она перечисляет главные особенности бунинской поэтики: принятие своего литературного призвания, осознанного через осмысление творчества жизни и приуроченного к нему морального долга; обширные познания в деревенской жизни; понимание смерти, ведущееся через осмысление любви к жизни; музыкальность текстуры бунинских произведений; соотношение временного и вечного. Шаховская приводит два примера реализации ненависти в бунинском творчестве: личный дневник, написанный в революционные годы и опубликованный в изгнании под названием «Окаянные дни», а также его основополагающую речь, произнесенную в 1924 г. в Париже, об исторической миссии русской эмиграции. «Жизнь Арсеньева» характеризуется критиком как выдуманная автобиография, затрагивающая темы внешнего взгляда на внутреннюю жизнь писателя, зарождения поэтического вдохновения, раздвоения поэтической личности на действующее лицо и мыслителя, а также на того, кто видит себя действующим и мыслящим.

Начиная справочную статью по эмигрантской литературе со сравнения французской и русской эмиграций, М. Алданов отмечает, что писатель-изгнанник Бунин, лауреат Нобелевской премии 1933 г. и проживающий во Франции с 1920 г., относится к общерусской литературной традиции таким же образом, как Ф. Шатобриан — к французской. Классифицируя и выделяя писателей, пишущих о довоенной и предреволюционной жизни, Алданов перечисляет Бунина, И. Шмелева, Г. Гребенщикова и М. Осоргина. Хотя религиозность является характерной чертой несоветской литературы, составитель статьи всё же замечает, что она не характеризует творчество Бунина, Куприна и Сирина. По Алданову, именно в эмиграции Бунин создает свои лучшие произведения — «Жизнь Арсеньева» и «Митина любовь», его стиль становится еще «более строгим, чистым и классическим»[29]. Заключая статью, Алданов приводит объективные доказательства хорошего приема эмигрантской литературы за границей: Бунин — единственный из русских писателей, получивший Нобелевскую премию уже в 1933 г., книги основных авторов эмиграции — Бунина, Д. Мережковского, А. Куприна — переведены и продолжают переводиться не менее чем на двадцать языков мира.

---

[28] *Z. S. <Шаховская З.А.>* Ivan Bounine. Sa vie et son œuvre // Indépendance belge. 1935. № 93. 3 avril. P. 6.

[29] *Aldanov M.* Les littératures non-soviétiques de langue russe // Encyclopédie française. T. XVII. Arts et littératures dans la société contemporaine. Paris, 1936. P. 17˙54–3 — 17˙54–5 (17 — том, 54 — выпуск, 3−5 — цитируемые страницы). Каждый том данной энциклопедии публиковался в форме разрозненных выпусков.

Эмигрантская критика по-французски опирается на некоторые основные черты бунинского творчества: ведущее место Бунина в эмигрантской литературе как наследника реализма и основной ветви великой русской литературы, чрезмерная телесность и вещественность бунинского мира, а также основополагающая тема любви и смерти в творческом акте, позволяющая осмыслить онтологический смысл жизни.

По поводу статьи Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» (“Ivan Bunin. Son activité littéraire en France”, 1928)

В письме от 27 октября 1955 г. В.Н. Бунина, описывая Г.Н. Кузнецовой прошедший вечер по случаю 85-летия Бунина, отмечает: «Читала статью Ник[олая] Карлов[ича] Наталья Ивановна, 12 стр., но это было не в тон. Мне нужны черты живого Бунина, а не статьи о его творчестве»[30]. В комментарии к этому предложению указывается, что статья Кульмана о Бунине в печати не появлялась, и высказывается предположение о чтении текста одной из кульмановских лекций[31]. Прибегая к тексту, существующему во французской эмигрантской критике, можно также предположить, что в письме речь идет о французской статье Н.К. Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции».

17 марта 1928 г. в Сорбонне, в рамках Франко-славянской ассоциации Парижского университета, Кульман (Nicolas Koulmann) произнес по-французски основополагающий доклад о творчестве Бунина. Статья по докладу была напечатана в журнале «Монд слав» (“Monde slave”) в мае 1928 г. под названием «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» (“Ivan Bunin. Son activité littéraire en France”)[32]. В этом тексте Кульман начинает свои размышления с исторического противопоставления французской и русской пореволюционных эмиграций: первая волна русской эмиграции характеризуется повышенной интеллектуальной насыщенностью, по его словам, это был исход представителей русской интеллигенции, приверженцев свободы слова и эстетической красоты, желающих сохранить русскую литературную традицию. Исторический факт выбора Франции эмигрантскими писателями объясняется тесной взаимосвязью и влиянием французской литературы и философии на русскую словесность начиная с XVIII в. Ци-

[30] В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 27 октября 1955 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 327.

[31] Там же. С. 328.

[32] *Koulmann N.* Ivan Bunin. Son activité littéraire en France // Monde slave. 1928. № 4. P. 34–51.

тируя важных представителей эмиграции: Бунина, Шмелева, Куприна, Мережковского, Б. Зайцева, Ремизова, Алданова, Бальмонта, Гиппиус, Тэффи и т.д., Кульман отмечает, что среди них Бунин занимает первое место, являясь прямым наследником по толстовской линии. Критик представляет бунинский художественный талант, ясность и элегантность его стиля, силу его описаний и тематическую множественность[33]. Черты тревожности, грусти и печальности навеяны в бунинской поэзии русской природой, но феномен тревожности проступает в ней не как отчаяние, а под видом сновидений: на тревожность наслаиваются чувства радости, возникающие как в преддверии новой весны; биполярность тревожности/счастья выявляется же в бунинской поэзии как выражение русской души[34]. В повести «Деревня» тревожность проявляется под видом профетического взгляда на особенный и противоречивый характер русской революции. По критику, основными темами бунинского творчества являются жизнь, мучения, страх смерти, тщетность человеческих начинаний, непрочность наслаждений жизнью, кратковременность счастья[35]. Главная же его тема — взаимосвязь любви и смерти в призме категорий вечного и сверхъестественного, но в этой художественной призме смерть призвана лишь только оттенять ценность и красоту жизни. Начало рассказа «Цикады» предстает, таким образом, поэтическим символом жизни и смерти, слияния вечности и творческого таинства. Эта и следующие за ней идеи уже были высказаны Кульманом в рецензии на данный рассказ, опубликованной в «Возрождении» в 1925 г.[36]

Считая вполне вероятным чтение данной статьи на вечере, посвященном бунинскому 85-летию, мы можем понять реплику В.Н. Буниной: «… это было не в тон. Мне нужны черты живого Бунина, а не статьи о его творчестве». Пробное чтение на французском языке оказывается не в соответствии с общей направленностью мемориального литературного вечера. Черты живого Бунина не передаются на французском языке, они могут быть оживлены только на родном наречии, посредством личных воспоминаний, а не скрупулезного анализа бунинского творчества. Поэтому В.Н. Бунина продолжает свое письмо: «Если доживу до будущего года, то попрошу и Вас, и Магду, и Федора прислать по несколько страниц о живом Бунине»[37]. Заметим, что отрицательное мнение о французском языке

[33] Там же. С. 36.
[34] Там же. С. 40.
[35] Там же. С. 44.
[36] *Кульман Н.* «Цикады» Бунина // Возрождение. 1925. № 198, 17 декабря. С. 3–4.
[37] В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 27 октября 1955 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 327.

как о не способном выразить самую сущность вещей и уступающем по выразительности русскому языку отчасти присуще эмиграции. Например, в воспоминаниях Г.В. Адамовича о Бунине можно найти следующую бунинскую реплику: «— Вы, я слышал, сомневаетесь, не начать ли писать по-французски ? <…> Пишите на том языке, с которым родились и выросли. Двух языков человек знать не может. Понимаете, знать, чувствовать всякую мельчайшую мелочь, всякий оттенок… Что, можете вы, например, подмигнуть читателю по-французски?»[38] Или же другое замечание в переложении Адамовича по поводу того, что Андре Жид считает «Деревню» бунинским шедевром: «— Ну что же с француза спрашивать? Он умный старик, а все-таки француз… Я как-то стал читать себя в переводе, а потом прочел Наживина, тоже в переводе. Честное слово, никакой разницы!»[39] Мы также можем прочитать в письме В.Н. Буниной к Кузнецовой за 11 августа 1960 г.: «Писала ли я Вам, что Зика Шаховская получила légion d'honneur. Я спросила, за что. Она обиделась — "за 11 французских книг", "за резистанс"»[40]. Такое же мнение высказывается В.Н. Буниной в уже цитированном письме о передаче иностранных статей и рецензий в СССР.

Возвращаясь к Кульману, можно заметить, что критические высказывания присутствуют уже в письме В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой за 1 ноября 1954 г., в котором описывается выступление Н.И. Кульман на первом после кончины И.А. Бунина литературном вечере, посвященном его 84-летию: «выступила Н.И. Кульман, рассказала с чужих слов один эпизод, который, между нами, был так да не так: уже начинаются легенды»[41].

Но возникает еще один вопрос — о несоответствии страниц в упомянутой статье: В.Н. Бунина упоминает в своем письме 12 страниц, а статья Кульмана «Иван Бунин. Его литературная деятельность во Франции» насчитывает всё же 16 страниц. Изучение данной статьи приводит нас к возможному текстологическому истолкованию: из 16 страниц первые и последние две предназначались для французского читателя, они оказываются совершенно ненужными для эмигрантского слушателя, так как на первых двух страницах высказываются общие мысли об историко-литературном феномене русской эмиграции, а на последних двух бунинское творчество привязывается в французским наследию и моральным ценностям. Таким образом, французское слагаемое эмигрантского быта может явиться достаточно существенным в истолковании литературных парадигм, присущих первой волне русской эмиграции.

[38] *Адамович Г.* Бунин. Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 124.
[39] *Адамович Г.* Бунин // Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 100.
[40] В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 11 августа 1960 г. // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III. С. 538.
[41] В.Н. Бунина — Г.Н. Кузнецовой. 1 ноября 1954 г. // Вып. III. С. 264.

Образ И.А. Бунина в «Панораме современной русской литературы» (“Panorama de la littérature russe contemporaine”, 1929) В.С. Познера

В книге «Панорама современной русской литературы» Владимир Познер (Vladimir Pozner), деля литературу рубежа XX в. на четыре составляющих, упоминает Бунина в первой части после М. Горького, в одной главе с В.Г. Короленко и А.И. Куприным, представляющей реалистическую школу с 1885 по 1905 гг. В главе о началах русской литературы рубежа веков Познер указывает на упадок реализма в начале XX в., несмотря на таланты таких писателей, как Короленко, Горький и Бунин[42]. Изучая бунинское творчество, автор книги перечисляет сильные и слабые черты русского реализма: пристрастие к самоценным описаниям, деталям, точности, рационализму с легким налетом мистицизма, изучение характеров, структурированное развитие повествования. Все эти характеристики являются неоспоримыми принципами бунинского творчества. Познер называет наблюдение шестым чувством у Бунина, обладающего мастерством уникально точного определения: описательные бунинские картины сравниваются Познером с живописной техникой театрального художника М.А. Шишкова; в бунинской поэтике метафора и сравнение не преображают предмет, а точно определяют его место и характеристики. Следовательно, абсолютная власть над языком приводит у него к описаниям для описаний, и в этом он сближается с даром наблюдения, свойственного И. Тургеневу. Заметим, что в газете «Комедья» за 1922 г. Луи Лалуа (Louis Laloy; 1874–1944) за подписью L.L. публикует обзор новых публикаций русской литературы, в котором в первую очередь упоминает о творчестве Бунина, именуя его прямым последователем тургеневской линии[43].

По Познеру, бунинский рассказ состоит из статичностей: пейзажей, натюрмортов и портретов. Движение и его кинетические составляющие не имеют места в бунинской поэтике, они изгнаны из бунинского пространства, таким образом, жизнь у Бунина представляется недвижимой формой. Разрушающая дезинтеграция форм движет предметами, превращая точность в хаос. Статичность в описании персонажей заключается в том, что развитие героев изображается путем повествования о различных моментах в их жизни, без представления переходных моментов, как бы посредством кинематографического приема. Бунинский мир создан главным образом из предметов, он глубоко вещественен. Писатель констатирует сущность вещественного мира, предельно точно его описывая в пространственном, а не во временном измерении. Критик приходит

[42] *Pozner V.* Panorama de la littérature russe contemporaine. Paris, 1929. P. 22–23.
[43] *L.L<aloy>*. Littérature russe // Comœdia. 1922. № 3630. 24 novembre. P. 6.

к выводу, что, по сравнению с Чеховым и Куприным, движущаяся и текущая жизнь отсутствуют в бунинском творчестве[44].

Бунинское искусство тяготеет к определенному: писатель Бунин предпочитает говорить о людях посмертно; нарративная динамика действия развивается вне рамок повествовательного пространства. Например, в текстах рассказов «Чаша жизни», «Грамматика любви», «Клаша» автор представляет читателю только результаты действий, в повести «Деревня» описываются герои, их жизненное пространство и природа, а стилистическая строгость и отсутствие движения в «Господине из Сан-Франциско» создают тяжелую атмосферу, подчеркивающую бессмысленность смерти. В поэтическом пространстве диалоги замещаются чередованием длинных монологов. Как замечает Познер, «люди у Бунина не действуют: они смотрят, слушают, размышляют, вспоминают и мало говорят»[45].

Бунинская поэзия похожа на его прозу и обладает теми же характеристиками: языковые простота и совершенство, пристрастие к перечислениям и точности выражения, описательность. Бунин-поэт уклоняется от новшеств в поэзии и следует классическому метру, точным рифмам и точно определенным сюжетам.

Упоминая об эволюции реалистической школы в 1905–1914 гг., Познер говорит о двух столпах реализма, Горьком и Бунине, которых другие писатели-реалисты имитировали в эту эпоху[46]. Анализируя литературную эпоху рубежа веков, противопоставляя реализм модернизму и прозу поэзии (наряду с «Петербургом» Белого и «Детством» Горького цитируется «Господин из Сан-Франциско»), Познер представляет Бунина как одного из ведущих романистов начала XX в., повлиявших на развитие постреволюционных писателей не только в Русском зарубежье, но и в Советской России[47]. Например, прямое и незавуалированное описание народной жизни у Горького и Бунина оказало влияние на таких советских писателей, как Всеволод Иванов, Владимир Лидин и Борис Пильняк[48].

В конце книги, делая беглый обзор литературы эмиграции, Познер упоминает Бунина наряду с Гиппиус, Мережковским, Куприным, Бальмонтом, Шмелевым, Б. Зайцевым, Вяч. Ивановым, Ходасевичем, Шестовым, Ремизовым, Цветаевой[49]. В последних строках, дописанных в Париже в 1928 г., автор задается вопросом о будущем развитии русской

[44] *Pozner V.* Panorama de la littérature russe contemporaine. P. 144.
[45] Там же. P. 143.
[46] Там же. P. 201.
[47] Там же. P. 233.
[48] Там же. P. 359.
[49] Там же. P. 356.

литературы: пойдет ли оно по горьковско-бунинской линии или другим путем (розановско-ремизовской линии, линии Белого, Хлебникова и Пастернака или же по блоковско-есенинскому направлению)?[50]

В рецензии на «Панораму современной русской литературы», опубликованной в «Нувель ревю франсез» (“Nouvelle revue française”) за 1929 г., Б. Шлецер не согласился с мнениями, высказанными Познером по поводу бунинского творчества. По критику, Бунина нельзя ставить на один уровень с В. Короленко и А. Куприным, руководствуясь чисто эстетическим критерием, так как его место в истории русской литературы представляется более значительным и его влияние распространяется не только на эмигрантскую, но и на советскую литературу[51]. В другой рецензии на книгу, вышедшей в «Меркюр де Франс» за 1930 г., Жан Шюзвиль относится достаточно критически к познеровским оценкам современной литературы[52]. Заметим, что в этом журнале за 1925 г. Шюзвиль публикует статью-обзор русской поэзии, начиная с 1890 г., в которой достаточно хвалебно упоминает о бунинском творчестве[53].

И.А. Бунин в свете литературоведческих размышлений Франко-русской студии

Франко-русская студия (Studio franco-russe) сыграла в конце 1920-х — начале 1930-х гг. достаточно важную роль в укреплении литературных связей между русской эмиграцией и французской литературной средой. В продолжение четырнадцати собраний, прошедших с 29 октября 1929 г. по 28 апреля 1931 г., имя Бунина произносится во время некоторых докладов, а также звучит в прениях. Например, на втором заседании 26 ноября 1929 г. писателя упоминает Ю.Л. Сазонова, его будущий биограф, в докладе «Влияние французской литературы на русских писателей, начиная с 1900 г.»[54], опубликованном в специальном выпуске «Кайе де ля кензен» (“Cahiers de la quinzaine”) за 1930 г.

Седьмое собрание, посвященное жанру романа начиная с 1918 г., прошло 29 апреля 1930 г. Тексты докладов Б. Кремье и В. Фохта, а также последующие дискуссии были напечатаны в восьмом номере двадцатой

[50] Там же. P. 364.

[51] *Schlœtzer B. de.* V. Pozner. Panorama de la littérature russe // Nouvelle revue française. 1929. T. XXXIII, № 195. 1 décembre. P. 854.

[52] *Chuzeville J.* V. Pozner. Panorama de la littérature russe contemporaine // Mercure de France. 1930. T. CCXXI, № 770. 15 juillet. P. 496–497.

[53] *Chuzeville J.* La poésie russe de 1890 à nos jours // Mercure de France. 1925. T. CLXXXII. № 654. 15 septembre. P. 596–597.

[54] *Sazonova Iou.* L’influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 // Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005. (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 64.

серии «Кайе де ля кензен» (“Cahiers de la quinzaine”) за 5 мая 1930 г. В докладе «О некоторых аспектах русского романа начиная с 1918 г.» Всеволод Фохт (Wsevolod de Vogt) характеризует Бунина как мэтра среди современных русских писателей, между творчеством Д. Мережковского и М. Алданова. Философские подконтексты обнаруживаются и проникают в поэтическую ткань бунинских произведений незаметным для читателя образом. Писатель в особенности интересуется человеком в его конфронтации со стихией любви и смерти, поскольку в эти два предельных момента он раскрывает свою настоящую сущность, что позволяет художнику слова проникнуть в тайны и смысл бытия, чтобы найти оправдание человеческой жизни в вечности[55]. Спокойствие же в бунинской поэтике уступает место тревожности из-за фатализма, присущего жизненному развитию в историческом процессе. Таким образом, ценность жизни понимается в художественном осмыслении через смертное состояние. Из этого вытекает, что целью бунинского искусства становится попытка примирить человека с природой и природу с божественным началом, не прибегая к вере и религиозному мистицизму. В. Фохт отмечает, что вера Бунина не выходит за рамки смертной событийности и что его творчество решает проблемы гуманизма, а не христианства[56].

В прениях после доклада В. Познер высказывает мысль, что И. Бунин является великим писателем начала века, но не эмиграции[57]. Выступая также против разделения русской литературы на две составляющие, эмигрантскую и советскую, он настаивает на том, что Бунин и Горький относятся к одной и той же литературе[58]. В. Фохт, вступая в полемику, замечает, что Познер в «Панораме современной русской литературы», цитируя эмигрантские издания, останавливается на 1920 г., не упоминая не только «Жизнь Арсеньева», но даже «Митину любовь» и «Солнечный удар»[59].

Имя Бунина появляется также в рецензиях, посвященных литературным встречам Франко-русской студии. В отчете «Парижские вечера» (“Soirées de Paris”), написанном В. Фохтом и вышедшем в журнале «Франс э монд» (“France et monde”), говорится также о публикациях основных русских писателей, в особенности о четырех опубликованных по-французски книгах Бунина[60]. Упоминается, что писатель лучше всех понял душу русского народа еще в предвоенный период и что в сво-

[55] *Vogt W. de.* Quelques aspects du roman russe depuis 1918 // Le studio franco-russe. P. 226.
[56] Там же. P. 227.
[57] Les débats // Там же. P. 232.
[58] Там же. P. 233.
[59] Там же. P. 248.
[60] *Vogt W. de*. Soirées de Paris // France et monde. 1929. № 135. P. 59.

ей прозе он исследует поэтические темы, присущие великим русским поэтам[61].

В отклике на седьмое собрание, опубликованном в «Возрождении» 5 мая 1930 г., Л.И. Львов снова выделяет определяющую бунинское творчество тему, заключающуюся в переплетении любви и смерти[62]. В газете «Сегодня» за 12 сентября 1930 г. Ю. Фельзен в статье «Парижские встречи русских и французских писателей» пишет об атмосфере франко-русских вечеров следующее: «Часто бывают Бунин, Алданов и Зайцев. Можно наблюдать, как французы шепчутся о русских и русские о французах»[63]. И далее: «Фохт остановился на Бунинской *Жизни Арсеньева*, на последних произведениях Мережковского, Алданова, Зайцева, на творчестве некоторых молодых зарубежных беллетристов, в том числе Газданова и Сирина»[64].

Заключение

Текстологический анализ некоторых малоизученных литературоведческих источников о творчестве Бунина на французском языке может привести нас к следующим заключительным размышлениям. Несомненно, упоминание об этом писателе играет главенствующую роль во франкоязычной критической мысли русской эмиграции, проявляющейся в литературных статьях, рецензиях, книгах, справочных статьях, личных письмах и т.д. Критики эмиграции перенимают манеру письма по-французски, их литературные замечания переплетаются с философскими размышлениями и наполняются философскими подтекстом и глубиной, чрезвычайно свойственными французской критике. Таким образом, можно предположить, что вследствие тесного контакта с французской словесностью эмигрантская литературоведческая критика, в частности, обогащается приемом философского остранения, присущего литературоведческим размышлениям на французском языке. При чтении французских источников можно констатировать тот факт, что обобщенные, вычурные формулировки, свойственные французской критической мысли в целом, появляются и в суждениях о Бунине. Тема французского наследия и использования французского языка в творчестве Бунина и первой волны эмиграции в целом нуждается в дальнейших тщательных научных исследованиях.

---

[61] Там же. P. 61-62.

[62] *Львов Л.И.* Роман после 1918 г. Встреча французских и русских писателей // Возрождение. 1930. 5 мая. № 1798. С. 3.

[63] *Фельзен Ю.* Парижские встречи русских и французских писателей // Сегодня. 1930. № 252, 12 сент. С. 5.

[64] Там же. С. 5.

Литература

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О.А. Коростелев и Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. 535 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Под ред. Н.Г. Мельникова. М.: Русский путь, 2010. 926 с.

Кривцова С.А. Личность и творчество И.А. Бунина в оценке французской критики: дис. … к-та филол. наук. Орел: Орловский гос. ун-т, 2008. 220 с.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1973. 551 с.

Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. 542 p.

Sazonova Iou. L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900 // Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005. (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 63–72.

Vogt W. de. Quelques aspects du roman russe depuis 1918 // Le studio franco-russe. 1929–1931 / Textes réunis et présentés par Leonid Livak; Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005. (Toronto Slavic Library. Vol. 1). P. 224–250.

References

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. II [I.A. Bunin. New materials. Iss. II], comp., ed. by O.A. Korostelev and R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 535 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. III: "...kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi": Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961 [I.A. Bunin. New materials. Vol. III: "...when close people write to each other": Letters of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961], comp.., ed., comment. by E.R. Ponomarev and R. Davis, articles by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina [A classic without retouching. The literary world on I.A. Bunin's works], ed. by N.G. Mel'nikov. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 926 p. (In Russ.)

Krivtsova S.A. *Lichnost' i tvorchestvo I.A. Bunina v otsenke frantsuzskoi kritiki: dis. ... k-ta filol. nauk* [I.A. Bunin's personality and works estimated by French critics. Cand. phil. sci. diss.]. Orel, Orel State University Publ., 2008. 220 p. (In Russ.).

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin: V 2 kn. Kn. 2 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 parts. Part 2]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 551 p. (In Russ.).

Livak L. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. Montréal, McGill-Queen's University Press, 2010. 542 p.

Sazonova Iou. L'influence de la littérature française sur les écrivains russes depuis 1900. *Le studio franco-russe. 1929–1931*, textes réunis et présentés par Leonid Livak, sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005, (Toronto Slavic Library. Vol. 1), pp. 63–72.

Vogt W. de. Quelques aspects du roman russe depuis 1918. *Le studio franco-russe. 1929–1931*, textes réunis et présentés par Leonid Livak, sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto, 2005, (Toronto Slavic Library. Vol. 1), pp. 224–250.

Little-studied French-language literary criticism of I.A. Bunin's works in the light of the first wave of Russian émigrés

© 2019, Svetlana Garziano

Abstract: Contemporary studies on French criticism of I.A. Bunin's works were conducted in three main areas: literary criticism, published by French authors, different reviews of Bunin's books and articles, timed to the receipt of the Nobel Prize. The article analyzes previously unexplored or obscure texts written in French by representatives of the first wave of émigrés. The work explores four topics: interwar French-language émigré criticism of I.A. Bunin's works, N.K. Kulman's article "Ivan Bunin. His literary activity in France" ("Ivan Bunin. Son activité littéraire en France", 1928), the image of I.A. Bunin in V.S. Posner's book "Panorama of modern Russian literature" ("Panorama de la littérature russe contemporaine", 1929) and in the light of literary reflections expressed during the meetings of the Franco-Russian studio (Paris, October 1929 — April 1931). A review of émigré criticism in French makes it possible to highlight some of the main features of Bunin's poetics, such as the writer's leading place in émigré literature as the heir to realism and the main branch of great Russian literature, excessive corporeality and materiality of Bunin's world, and the fundamental theme of love and death, which makes it possible to understand the ontological meaning of life. The mention of this writer plays a pivotal role in the French-language criticism of Russian émigrés, manifested in literary articles, reviews, books, reference articles and personal letters.

Keywords: I.A. Bunin, literary criticism in French, the first wave of Russian émigrés, André Levinson, Vladimir Pozner, Nicolas Koulmann, Wsevolod de Vogt, Boris de Schlœtzer, Zinaïda Schakhovskoy, Nicolas Brian-Chaninov, Louis Laloy, Jean Chuzeville, Maurice Parijanine, Marc Aldanov

Information about the author: Svetlana Garziano, Doctor Hab., Associate Professor, University of Lyon, France.

E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Citation: Garziano Svetlana. Little-studied French-language literary criticism of I.A. Bunin's works in the light of the first wave of Russian emigration. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 312–329. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-312-329

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-330-343
УДК 821.161.1

По обе стороны железного занавеса: Иван Бунин и Антонин Ладинский

© 2019, А.Л. Горобец

Аннотация: На материале дневниковых записей, воспоминаний и писем в статье воссоздается история взаимоотношений Ивана Бунина и Антонина Ладинского в межвоенном Париже в 20–30-е гг. XX в. В то время как И. Бунин был признанным мэтром русской литературы и представителем «старшего» поколения в литературной иерархии русской эмиграции, в середине 20-х гг. А. Ладинский только осуществлял свои первые литературные публикации. О том, как развивались взаимоотношения литераторов и представителей разных литературных поколений и какое влияние оказал Бунин на Ладинского, свидетельствуют ранее не публиковавшиеся материалы: письма, дневники, рукописи мемуаров «Встречи с Буниным» и «Парижские воспоминания» Антонина Ладинского. Статья основана на не опубликованных материалах из личного архива Буниных, хранящегося в Русском архиве Лидса, и личном фонде А. Ладинского, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве.

Ключевые слова: И.А. Бунин, А.П. Ладинский, архивные материалы, эмиграция, литературные поколения, взаимоотношения «старших» и «младших», эгодокументы, дневники, мемуары, письма, межвоенный Париж.

Информация об авторе: Анастасия Леонидовна Горобец, магистр философии, Венский университет, Австрия.
E-mail: anastasija.gorobez@univie.ac.at

Цитирование: *Горобец А.Л.* По обе стороны железного занавеса: Иван Бунин и Антонин Ладинский // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 330–343.
DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-330-343

В судьбах первого нобелевского лауреата в истории русской литературы, академика Ивана Бунина и его младшего современника, поэта и писателя, реэмигранта Антонина Ладинского «железные занавесы» опускались неоднократно, то объединяя их по одну сторону, то разводя в противостоящие лагеря. Впервые Бунин и Ладинский встретились в Париже, вынесенные потоком послеоктябрьской эмиграции за пределы России и ставшие частью литературного процесса эмигрантского

Парижа. Как и для многих парижских младоэмигрантов, то есть поэтов и писателей формально начавших свое литературное творчество за пределами России, для Ладинского Иван Бунин был не только знаменитым писателем, признанным мэтром, представителем «старшего» поколения, что было немаловажно для эмигрантской литературной иерархии, но и живым источником богатого русского языка[1]. Знакомство Ладинского с Буниным–писателем произошло в школьные годы. Еще будучи гимназистом Псковской гимназии Антонин Ладинский (род. 1895) зачитывался произведениями Бунина, бывшего к 10-м годам XX века уже знаменитым писателем. В рукописи неопубликованных «Парижских воспоминаний», написанных Ладинским в 1955 г. в Москве, есть свидетельство о роли Бунина в формировании писательской биографии Ладинского:

> В наши гимназические годы Бунин был одним из тех, кто научил нас, гимназистов, изнывавших на уроках словесности, любить русскую литературу. У многих из нас он даже зародил мечту самим стать писателями, хотя тогда и казалось, что писатели — люди совершенно другого порядка, полубоги. Мы жили в провинциальных городах, где вяло тянулась серенькая жизнь. Какое событие было в доме, когда приходил бородатый почтальон, весь в инее, в башлыке, и вынимал из кожаной сумки очередной номер «Нивы» и в виде «приложения» к нему книгу Бунина или Куприна.
>
> <…>
>
> Слава Бунина в те годы была уже всероссийской. В те годы нам казалось, что поэтами и писателями могут быть только отдельные счастливые избранники судьбы. Позднее мы поняли, что это не только

[1] Помимо Антонина Ладинского общением и профессиональным мнением Бунина чрезвычайно дорожил начинающий автор Владимир Набоков, который в начале литературной карьеры посылал Бунину свои стихотворные тексты и писал проникновенные письма: «посылаю вам несколько — наудачу выбранных — стихотворений и пользуюсь случаем сказать вам, как ободрило меня то, что писали вы о моем робком творчестве, — тем более, что хорошие слова эти исходят именно от вас — единственного писателя, который в наш кощунственный и косноязычный век спокойно служит прекрасному, чуя прекрасное во всем <…>. Простите, что так неладно выражаюсь: это так же трудно, как признанье в любви» (*Шраер М.* Бунин и Набоков. История соперничества. М., 2014. С. 33–34). Набоков был первым рецензентом первого стихотворного сборника Ладинского «Черное и голубое», опубликованного в Париже в 1931 г. в издательстве «Современные записки». Эта рецензия, появившаяся в газете «Руль» под псевдонимом Владимир Сирин уже 28 января, была первым отзывом на творчество Ладинского в печати. В своей рецензии Набоков не только выделяет Ладинского среди «молодых» поэтов, но и отмечает в его стихах влияние Бунина, не замеченное ни одним другим рецензентом (*Набоков В.* Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. № 3092, 28 янв. С. 2).

счастье, но и тяжкий и ответственный перед народом труд. Бунин был одним из тех, у кого нужно учиться этому литературному труду[2].

Личное знакомство Ладинского с Буниным состоялось вскоре после переезда Ладинского из Египта в Париж в 1924 г. В Египте Ладинский оказался в 1920 г. с остатками армии Деникина на госпитальном судне и находился в союзническом лагере для беженцев Тель-эль-Кибир, в который попал кроме того и Иван Билибин. Именно под влиянием Билибина формируются египетские впечатления Ладинского, определившие впоследствии возникновение не только устойчивого поэтического мотива, но и целого ряда рассказов и очерков, публиковавшихся в газете «Последние новости» и вызвавших особенный интерес Бунина. Сохранилась записка Бунина от 27 июня 1932 г., отправленная Ладинскому после появления в газете очерка «Письмо из Египта»[3]: «Дорогой Антонин Петрович, жму Вашу руку и целую Вас за “Письмо из Египта”. Ив<ан> Бунин»[4]. 4 июля Ладинский пишет Бунину ответное письмо из Ля Фавьер в Провансе[5]:

Ant<onin> Ladinsky
La Favière
par
Bormes
Var
Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Сердечно благодарю Вас за внимание, которое Вы оказали моей маленькой вещице о Египте и которое мною не заслужено. Теперь я живу (на 2 месяца — с ногой неприятности) совсем недалеко от Вас и, может быть, найду случай явиться к Вам на поклон. Здесь — чудесно. Я впервые на юге Франции и в восторге от моря, от воздуха, солнца и цикад.

[2] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 10, 11. Рукопись «Парижских воспоминаний» сохранилась в нескольких вариантах. До настоящего времени была осуществлена публикация отдельных отрывков текста в альманахе «Встречи с прошлым» (О Ф.И. Шаляпине, И.А. Бунине, К.Д. Бальмонте... (Из «Парижских воспоминаний А.П. Ладинского) / Публ. Е. Филькиной // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 214–227).

[3] Последние новости. 1932. № 4113, 26 июня. С. 5.

[4] РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 56.

[5] В Ля Фавьер департамента Вар приобрели земельные участки и построили небольшие дачные домики Иван Билибин с женой Александрой Щекатихиной-Потоцкой, Саша Черный с женой Марией Гликберг, Павел Милюков и многие другие. Ладинский с женой Татьяной снял комнату и провел в 1932 г. в русском поселении в Ла Фавьер 2 месяца (с 1 июня до 2 сентября), став свидетелем смерти Саши Черного (А.М. Гликберга) 5 августа.

Мой низенький поклон Вере Николаевне, Галине Николаевне и Леониду Федоровичу[6].

Позвольте мне крепко пожать Вашу руку. Большое Вам спасибо за карточку, я буду ее хранить, как зеницу ока.

Преданный Вам Ант<онин> Ладинский[7].

Бунин откликнулся на это письмо приглашением в Грасс на виллу Бельведер, Ладинский поблагодарил его открыткой от 21 июля с видом морского курорта Лаванду:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

спасибо Вам за любезное приглашение. Очень бы хотелось побывать у Вас, но не знаю удастся ли. Позвольте пожать Вашу руку.

Преданный Вам Ант<онин> Ладинский[8].

Факт написания письма Бунину Ладинский фиксирует в дневнике: «4 июля. В 4 часа пойдем купаться. Ответил Бунину на его хвалебное письмо, написанное на карточке-фотографии по поводу моего “Письма из Египта”»[9].

Однако, несмотря на кажущуюся нежность, доверительные отношения между Буниным и Ладинским сложились не сразу. «Молодому» поколению приходилось в середине 20-х годов еще отстаивать свои права. По инициативе и при активном участии Ладинского, Ю. Терапиано, Д. Кнута, В. Мамченко и В. Андреева в 1925 г., как известно, был создан Союз молодых поэтов и писателей в Париже, призванный защищать в первую очередь право «молодого» поколения на существование и публикации[10]. В 1926 г. Ладинский стал председателем Союза, в том же году стихотворения Ладинского начинают печатать сразу несколько журналов: после парижского «Звена» они появляются в «Современных записках», пражских «Воле России» и «Своими путями», рижских «Пе-

[6] Имеются в виду, помимо Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, Галина Кузнецова и Леонид Зуров, жившие с Буниными в Грассе.

[7] Русский архив в Лидсе (РАЛ). MS 1066/3509.

[8] РАЛ. MS 1066/3504. Примечательны комментарии Бунина, сделанные на открытке цикламеновой шариковой ручкой. Он не только исправляет орфографическую ошибку, сделанную Ладинским в адресе (Ладинский пишет “Grass” вместо “Grasse”), но и дополнительно надписывает имя отправителя «А.П. Ладинский» и название курорта на лицевой стороне открытки по-русски «Лаванду». Различного рода маргиналии содержат и другие письма Ладинского.

[9] РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 48 об.

[10] Союз молододых поэтов и писателей являлся организацией профессионального типа и не выдвигал никакой определенной литературной программы, благодаря чему мог объединять в своей среде представителей самых различных школ и направлений. См. об этом: *Терапиано Ю.* Встречи: 1926–1971 / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент., указ. Т.Г. Юрченко. М., 2002. С. 166.

резвонах». На июньский номер журнала «Своими путями» (№ 12/13), в котором было напечатано стихотворение Ладинского «Сентиментальный корабль», Бунин реагирует одноименной заметкой в газете «Возрождение» от 22 июля:

> Плохие пути, горестный уровень!
>
> Правда, имена, за исключением Ремизова, все не громкие <...>. Правда, всё это люди, идущие путями «новой» русской культуры, недаром употребляют они большевистскую орфографию. Но для кого же необязателен хотя бы минимум вкуса, здравого смысла, знания русского языка?[11]

Приводя затем примеры опубликованных в номере стихотворений «молодых» поэтов, Бунин упоминает и Ладинского, подражающего, по его мнению, Тредиаковскому. По свидетельству Юрия Софиева,

> самолюбивый Ладинский очень обиделся и рассердился на Бунина. Быть «каким-то неизвестным» Ладинским для Бунина он не мог. Они были не только знакомы, но и постоянно встречались на литературных вечерах «Зеленой Лампы», а по воскресеньям и за чайным столом у Мережковских. <...> При первой же встрече Антонин свои справедливые обиды Бунину высказал и, рассказывая об этом, прибавлял: «И знаете, Бунин извинился»[12].

На бунинскую открытку с извинениями Ладинский ответил следующим письмом:

> 18 av. des Gobelins V.
>
> 4/VIII/26.
>
> Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,
>
> меня в высшей степени тронуло, что Вы мне написали. Ваше письмо я сохраню, как память о Вашем благородном характере. Я очень рад, что вся эта история с «избиением младенцев» так закончилась. Позвольте пожать Вашу руку и примите уверения в моем искреннем и глубоком уважении.
>
> Ант<онин> Ладинский[13].

---

[11] *Бунин И.* «Своими путями» // Возрождение. 1926. № 415, 22 июля. С. 3.

[12] *Софиев Ю.* Синий дым. Стихи и проза / Сост. Н. Чернова. Алматы, 2013. С. 52. «В начале эмиграции, может быть, в течение первого десятилетия до начала 30-х годов, многие “старики”, “маститые” писатели, в том числе и Иван Алексеевич, не особенно милостиво и внимательно относились к так называемому “молодому поколению” литераторов <…>. Этому поколению пришлось употребить много усилий, упорства и настойчивости для своего самоутверждения в эмигрантской литературной среде» (Ibid.).

[13] РАЛ. MS 1066/3503.

Несмотря на поколенческие разногласия и необходимость отстаивать позиции «молодых» Ладинский в дневнике критически оценивал вклад «молодого» поколения в литературный процесс, отдавая пальму первенства Бунину:

> В «Рожд<ественском> номере» мой рассказ[14]. Хвалят. Но я-то знаю, что <...> так писать для российской литературы нельзя, как и многим другим. Молодой писатель Я<нов>ский как-то сказал: Бунин, это — трансатлантический пароход, а мы (молодые) — ракета в межпланетные пространства, на луну.
>
> Гордо звучит. Я лично боюсь, что пароход «Бунин» вполне стоящий пароход, не «Чехов», конечно, и не «Толстой», а вот наши ракеты едва ли долетят до луны. М<ожет> б<ыть>, какая-нибудь одна и долетит, но большинство упадут в лужу, пошипят и потухнут[15].

На превосходстве Чехова над Буниным Ладинский продолжает настаивать двадцать лет спустя в Москве, вспоминая встречи с Буниным в Париже:

> Бунин был безусловно умным человеком, но с хитринкой и был о себе очень высокого мнения. Премию он получил, конечно, по заслугам. Ее можно было бы дать ему за один рассказ «Человек из Сан-Франциско». Но едва ли он написал бы его, если бы не было примера Чехова. Чехов, на мой взгляд, был гениальнее. Однажды, на Монпарнассе зашел спор о Чехове и Бунине. А<дамович> из снобизма или чтобы Ив<ану> Алексеевичу передали, доказывал, что Бунин «выше» Чехова. Я яростно протестовал. Очевидно Бунину рассказали об этом диспуте. Как-то мы встретились с ним на каком-то литер<атурном> собрании. Бунин подошел, поздоровался и, глядя куда-то в сторону, очевидно ему было все-таки неловко, сказал: «Ведь что Чехов, Чехов все в одну дудку. А я… разнообразен».
>
> Я не выдумал эту историю и мне не для чего было бы ее выдумывать. Я так растерялся, что не нашелся ничего сказать, чтобы оправдаться к<а>к-нибудь в его глазах, п<отому> ч<то> всегда ценил его талант[16].

---

[14] Рассказ знакомого // Последние новости. 1935. № 5389, 25 дек. С. 5.

[15] РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 27, 27 об.

[16] «Московский дневник 1955 г.» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. Л. 34 об.). Г. Адамович опубликовал в октябре 1933 г. в журнале «Современные записки» статью «Лица и книги», в которой он в частности утверждал о Бунине следующее: «Замечательный писатель. Оглядываясь и поводя итоги, надо признать, что в области чистой “беллетристики“ это лучшее наше достояние со времен Толстого… Не исключая и Чехова, насчет которого, скажу мимоходом, я лично еще остаюсь при “особом мнении“, — вопреки теперешнему хорошему тону,

Присуждение Бунину Нобелевской премии по литературе в 1933 г. стало для всей русской эмиграции событием чрезвычайно важным, широко отмечавшимся и взволновавшим умы всей русской диаспоры. Ладинский узнал о присуждении премии одним из первых в редакции «Последних новостей» 9 ноября и отправил Бунину 11 ноября поздравительное письмо:

> Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,
>
> среди всяких блестящих приветствий примите и мое скромное поздравление. Так приятно за Вас и за русскую литературу. Приятно и то, что премию получил такой независимый и гордый русский человек, как Вы.
>
> Почтительно целую руку Вере Николаевне и поздравляю с именинником. Какой это праздник для Вас и Ваших друзей!
>
> Преданный Вам Ант<онин> Ладинский[17].

К радости от получения премии первым русским писателем в истории литературы примешивались ревность соперничества (на Нобелевскую премию претендовало сразу несколько эмигрантских писателей)[18] и различного рода обиды и претензии[19]. Ладинский вспоминает, уже

требующему преклонения <…>» (*Адамович Г.* Лица и книги // Современные записки. 1933. Кн. 53. С. 326).

[17] РАЛ. MS 1066/3505. Около даты — 11.11.1933 — в правом углу письма схематично нарисована Буниным улыбка.

[18] Об обстоятельствах получения Буниным Нобелевской премии и других кандидатах на премию см.: *Марченко Т.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М., 2017.

[19] 9 ноября 1934 г. В.Н. Бунина сделала в дневнике следующую запись: «Ровно год, как раздался звонок из Стокгольма и все завертелось. Кутерьма пошла и до сих пор мы не обрели покоя. Слава, деньги, поздравления, восторги, зависть, требования, обиды, радость, что можно помочь, огорчение, разочарование, бессилие, лесть — вот чувства, которые или мы испытали, или окружающие. И все это мешалось, путалось, переплеталось, и до сих пор мы точно во сне» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1982. Т. 3. С. 12). Об обстоятельствах вручения Нобелевской премии и возникших после присуждения премии многочисленных амбивалентных реакциях и материальных претензиях см.: *Белобровцева И.* Нобелевская премия в восприятии И.А. Бунина и его близких // Русская литература. 2007. № 4. С. 158–168; Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. / Под ред. М. Грин. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1981; *Седых А.* Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1962; *Кузнецова Г.* Грасский дневник / Вступ. ст., коммент. О. Демидовой. М., 2017; *Струве Г.* Историко-литературные заметки: К истории получения И.А. Буниным Нобелевской премии // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1967. Т. 1; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М., 2004; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М., 2010; И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди» (Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961) / Сост., ред., подгот. текста Е. Пономарева и Р. Дэвиса. М., 2014.

будучи в Москве, о найденной им во время дежурства в редакции «Последних новостей» открытке Бунина, адресованной Михаилу Осоргину:

> Я как-то разбирал почту в редакции «Пос<ледних> Нов<остей>». Вдруг на глаза попалась открытка, самая обыкновенная открытка, но на ней стояло неприличное заборное слово и подпись: Ив<ан> Бунин. Я не мог не прочитать ее. Тем более, что все содержание открытки составляли два слова: «Выкусил…»
>
> Дело в том, что на премию метили и другие эмигр<антские> писатели. В том числе О<сорги>н, пославший в Стокг<ольмский> унив<ерситет> свои произведения. Это возмутило Б<унина>. Получив премию, он адресовал открытку сопернику. Я спрятал открытку в карман и при случае передал О<соргину>. Тот прочел, покраснел, и с гримаской спрятал открытку, поблагодарив меня, когда я сказал, что не могу ее не передать ему и что ее никто не читал.
>
> Хотелось получить премию и Мережковскому. Говорят (да, я, кажется, сам от М<ережковского> слышал, когда еще, до войны, водил с ним знакомство), что М<ережковский> предложил Б<унину> перестраховку: разделить премию, если кто-нибудь из них двоих ее получит. Бунин отказался[20].

Хотя Ладинский и не входил в состав близкого окружения Бунина, однако он имел возможность регулярного общения с мэтром эмигрантской литературы на протяжении всего четвертьвекового пребывания в Париже с 1924 по 1950 гг. Их встречи происходили в монпарнасских кафе, в эмигрантских салонах, на литературных вечерах, на многочисленных балах русской эмиграции, публичных выступлениях, театральных представлениях, в редакции газеты «Последние новости», в приемной которой состоял на службе Ладинский и постоянными авторами которой были оба писателя. Бунин был постоянным гостем на поэтических вечерах Ладинского и председательствовал на одном из таких вечеров, который состоялся 16 апреля 1935 г. в «Очаге русской культуры» на av. de Tokyo. В своем дневнике Ладинский оставил свидетельство этого события:

> <...> сегодня мой вечер. Народу очень много, прибывает и прибывает. Явился Бунин, согласившийся председательствовать. Перед началом разговор с Буниным:
>
> — Трудно писать римские романы. Это все квовадисы[21] нагадили. Ну, что ж напишешь. Опять загородный пир и ветерок колебал пламя светильник<а>… Римляне возлежали…

[20] «Московский дневник 1955 г.» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 35).

[21] Имеется в виду “Quo vadis” («Камо грядеши») — исторический роман Генрика Сенкевича о Древнем Риме эпохи императора Нерона, преследованиях христиан и сожжении Рима. Роман был опубликован на русском языке полностью в 1896 г., переведен на многие языки и стал мировым бестселлером. В 1905 г. Г. Сенкевич

— Да ведь они в самом деле возлежали.

— Да возлежали. Без порток.

Бунин выглядит не плохо, такой же барин, как всегда. Еще присутствуют: Алданов, Теффи, Ходасевич, Зайцев, Бенуа, Билибин, Гронский, Вейдле, Адамович… Мережковские отказались прийти из-за Бунина. Будто бы они встретили его, а он на другую сторону перебежал.

Наконец поднялись на эстраду. Б<унин> за стол. Я стоя прочел «византийские» рассказы: Анна, сестра Василия II, осада Корсуня, обряд рукоположения друнгария адмирала виз<антийского> флота и т.д.[22] Очень много по этому поводу прочел. Ходил в Библ<иотеку> Института славянских языков на ул. Michelet. Там так приятно: книги, каждому отдельный удобный стол. Рассказы, очевидно понравились, похлопали. Потом стихи. В общем — «самый удачный вечер сезона». «Заработал» — около 1000 фр<анков>[23].

На следующий день 17 апреля Ладинский послал Бунину письмо с благодарностью за участие в его вечере:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за оказанное мне внимание. Вчера Вы председательствовали на моем вечере, были аплодисменты, а сегодня опять телефон, коридор, и доклады по начальству. C’est la vie, как сказал по-французски Расин.

Позвольте мне пожать Вашу руку.

Преданный Вам навсегда Ант<онин> Ладинский.

В сутолоке я потерял Вас и даже ничем не угостил[24].

был удостоен Нобелевской премии по литературе. К 1935 г. было осуществлено 2 экранизации романа в 1901 и в 1913 гг.

[22] Ладинский работал в это время над романом «XV легион» из истории падения Римской империи эпохи императора Каракаллы, напечатанном в Таллине в 1937 г., и романом «Голубь над Понтом» из истории Византии X в. о византийской принцессе Анне Порфирогените, ее браке с князем Владимиром и принятии им христианства, опубликованном также в Таллине в издательстве «Русская книга» в 1938 г. К корпусу византийских текстов могут быть отнесены «Анна Багрянородная» (Последние новости. 1935. № 5148, 28 апр. С. 3), «Борисфен, река скифов» (Русские записки. 1937. № 2. С. 59–71), «В либрарии Прокопия» (Последние новости. 1934. № 4945, 7 окт. С. 4), «В Херсонесе Таврическом» (Последние новости. 1935. № 5183, 2 июня. С. 4), «Падение Константинополя» (Иллюстрированная Россия. 1931. № 34. С. 8–10), «Под стенами Херсонеса» (Иллюстрированная Россия. 1938. № 23. С. 6–7) — глава из романа «Голубь над Понтом».

[23] РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 15, 15 об.

[24] РАЛ. MS 1066/3570. Ладинский часто сетовал на свое место работы в приемной редакциии «Последних новостей»: «его любимым рефреном стали иронические слова — “Мы — телефонисты”, за которыми подразумевалось “где уж нам!”» (*Бахрах А.* По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 147); «“Затерли нас, задавили. На лакейской должности состою. А вы вот — машинисткой. Была бы Россия, были бы у нас виллы в Крыму, да не от дедушки или папаши, а собственные, благоприобретенные, были бы мы знаменитыми.. А теперь один хам даже на чай дал”» (*Берберова Н.* Курсив мой. München, 1972. С. 321–322).

Начало Второй мировой войны и оккупация Парижа привели к массовому отъезду из Парижа представителей русскоязычной диаспоры и закрытию эмигрантских периодических изданий. Последние из них прекратили свое существование в 1940 году, 6 июня 1940 г. вышел последний номер «Последних новостей». Вместе с редакцией газеты Ладинский был эвакуирован в Пуатье, жил затем в Оверне и обращался к своим знакомым, находящимся вне зоны оккупации, с просьбой прислать ему необходимые для пересечения демаркационной линии документы, намереваясь отправиться на юг Франции. Одним из знакомых был И.А. Бунин. 19 сентября 1940 г. Ладинский пишет Бунину письмо из Бертолена департамента Аверон, входящего в состав административного региона Овернь:

Banc 19 сент<ября> 1940
par Bertholène
(Aveyron)
Глубокоуважаемый и дорогой
Иван Алексеевич,

Вот уже скоро 3 месяца, к<а>к я живу в глухой овернской деревушке и, вероятно, все мои добрые знакомые даже забыли, что существует на свете такой человек, по фамилии Ладинский. Теперь я решился напомнить Вам о своем существовании.

Помню, что иногда Вы адресовали мне ласковое слово и позволю себе обратиться к Вам с просьбой. Хотелось бы перебраться в департ<амент> Alpes Maritimes. Не могли бы Вы прислать мне certificat d'hébergement[25], которое я должен приложить к прошению для префекта. Здесь я прожил благополучно несколько недель, но теперь начинают идти дожди, скука смертельная и не с кем слова сказать. Единственный приятель мой собака Тигру. Хотелось бы поселиться где-нибудь недалеко от Грасса или в самом Грассе.

Тут, если угодно, даже поэтично. Какие волы! Какие дома с очагами! От скуки пишу (для своего собственного удовольствия), но дальше становится невмоготу.

В Париж возвращаться очень бы не хотелось. Что там делается, я не знаю. И вообще в этой деревушке я отрезан от всего мира. Очень было бы приятно получить от Вас весточку.

Г. Кузнецова записывает со слов Г. Адамовича: «О Ладинском говорил, что несмотря на все хвалебные рецензии о нем, он все недоволен. Сидит под телефоном в “Последних новостях” вот так (он, показывая, плачевно подпирает голову рукой и говорит “Все равно Блоком не быть!”» (*Кузнецова Г.* Грасский дневник. М., 2017. С. 214).

[25] Свидетельство о месте жительства, прописке.

Итак, дорогой Иван Алексеевич, вспомните о Вашем адъютанте по бальной части и помогите бедному служителю муз. С нетерпением жду от Вас ответа.

Привет Вере Николаевне и всем Вашим.

Хотелось бы знать также, где сейчас Mme Marcus (Часинг[26])!

Преданный Вам

Ант<онин> Ладинский[27].

Бунин прислал Ладинскому ответную открытку из Грасса, датированную 25 сентября 1940 г.:

Дорогой Антонин Петрович,

очень рад был получить от Вас весть и рад буду видеть Вас в наших местах. Приглашение послать Вам, увы, никак не могу — делал их уже слишком много и на меня, при засвидетельствовании моей подписи, стали уже косо смотреть. <...>

Ив<ан> Бунин[28].

Бунин предложил адрес живущего по соседству знакомого — отца Лидии Часинг, который обещал помочь, Ладинский, однако, вернулся в Париж и провел всю войну в оккупированном городе. Но история взаимоотношений Ладинского и Бунина и, тем более, влияния Бунина на судьбу Ладинского на этом не заканчивается.

[26] Часинг, Лидия (Tschassing-Marcus), урожд. Лидия Викторовна Арсеньева — писательница, состояла в дружеских отношениях с Ладинским и входила в круг знакомых Буниных. Ладинский написал рецензию на книгу рассказов Арсеньевой (Лидия Арсеньева (Чассинг): Концерт // Современные записки. 1937. № 65. С. 433). В эссе «О Куприне» Арсеньева упоминает о своих встречах с Ладинским и описывает обстоятельства несостоявшейся дуэли между Куприным и Ладинским, свидетельницей которых она стала (*Арсеньева Л.* О Куприне // Грани. 1959. № 43. С. 125–131).

[27] РАЛ. MS. 1066/3506.

[28] РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1. Часть открытки вместе с маркой и фрагментом текста отрезана.

Литература

Белобровцева И. Нобелевская премия в восприятии И.А. Бунина и его близких // Русская литература. 2007. № 4. С. 158–168.

Варшавский В. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2010. 544 с.

Горобец А. Метаморфоза текста или метаморфоза сознания в творчестве Антонина Ладинского // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 34. С. 243–253. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_gorobets.pdf (дата обращения: 08.02.2019).

Горобец А. «После смерти» Антонина Ладинского // Rossica. 2012. С. 189–199.

Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции: В 3 т. / Предисл. и указ. имен О. Коростелева. Т. 2: Россия во Франции. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. 512 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. 584 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. II / Сост., ред. О. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2010. 536 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

И.А. Бунин: Pro et contra (Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей). Антология / Сост. Б.А. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова, коммент. Б.В. Аверина, М.В. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лапидус. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 1001 с.

Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы). Антология / Под общ. ред. Н. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 928 с.

Кузнецова Г. Грасский дневник / Вступ. ст., коммент. О. Демидовой. М.: Изд-во АСТ, 2017. 464 с.

Ладинский А. Лидия Арсеньева (Чассинг): Концерт // Современные записки. 1937. № 65. С. 433.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1 / АН СССР. ИМЛИ. им. А.М. Горького. Ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин при участии Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1973. 696 с.

Марченко Т. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник. 2017. 671с.

О Ф.И. Шаляпине, И.А. Бунине, К.Д. Бальмонте... (Из «Парижских воспоминаний» А.П. Ладинского) / Публ. Е. Филькиной // Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Советская Россия, 1988. С. 214–227.

Письма Б.К. Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М. Грин // Новый журнал. 1980. № 140. С. 157–181.

Софиев Ю. Синий дым. Стихи и проза / Сост. Н. Черновой. Алматы, 2013. 244 с.

Терапиано Ю. Встречи: 1926–1971 / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент., указ. Т.Г. Юрченко. М.: Intrada, 2002. 384 с.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.

Шраер М. Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 222 с.

References

Belobrovtseva I. Nobelevskaia premiia v vospriiatii I.A. Bunina i ego blizkikh [Nobel Prize as percepted by I.A. Bunin and his relatives]. *Russkaia literatura*, 2007, no. 4, pp. 158–168. (In Russ.)

Gorobets A. Metamorfoza teksta ili metamorfoza soznaniia v tvorchestve Antonina Ladinskogo [Metamorphosis of text or metamorphosis of consciousness in Antonin Ladinsky's works]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2010, no. 34. pp. 243–253. Available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/34/tsq34_gorobets.pdf (accessed: 08.02.2019). (In Russ.)

Gorobets A. "Posle smerti" Antonina Ladinskogo ["After Death" by Antonin Ladinsky]. *Rossica*, 2012, pp. 189–199. (In Russ.)

Gul' R. *Ia unes Rossiiu. Apologiia emigratsii: V 3 t. T. 2: Rossiia vo Frantsii* [I've taken Russia away: The apologia of émigrés. Vol. 2: Russia in France], intro. by O. Korostelev. Moscow, B.S.G.-Press Publ., 2001. 512 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. I [I.A. Bunin. New materials. Vol. I], comp.., ed. by O. Korostelev and R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2004. 584 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. II [I.A. Bunin. New materials. Vol. II], comp.., ed. by O. Korostelev and R. Davis. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 536 p. (In Russ.)

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. III: "...kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi": Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961 [I.A. Bunin. New materials. Vol. III: "...when close people write to each other": Letters of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961], comp.., ed., comment. by E.R. Ponomarev and R. Davis, articles by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

I.A. Bunin: Pro et contra (Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei). Antologiia [I.A. Bunin: Pro et contra (Ivan Bunin's personality and works characterized by Russian and foreign thinkers and researchers). Anthology], comp. by B.A. Averin, D. Riniker, K.V. Stepanov, comment. by B.V. Averin, M.V. Virolainen, D. Riniker, bibliogr. by T.M. Dviniatina, A.Ia. Lapidus. St. Petetrsburg, Russian Christian Institute for Humanities Publ., 2001. 1001 p. (In Russ.)

Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: Kriticheskie otzyvy, esse, parodii (1890–1950-e gody). Antologiia [A classic without retouching: The literary world on I.A. Bunin's works: Critical reviews, essays, parodies (1890s–1950s). Anthology], ed. by N. Mel'nikov. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010. 928 p. (In Russ.)

Kuznetsova G. *Grasskii dnevnik* [Grasse diary], intro., comment. by O. Demidova. Moscow, AST Publ., 2017. 464 p. (In Russ.)

Ladinskii A. Lidiia Arsen'eva (Chassing): Kontsert [Lidia Arsenieva (Chassing): A Concert]. *Sovremennye zapiski*, 1937, no. 65, p. 433. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin: V 2 kn. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 books. Book 1], ed. by A.N. Dubovikov and S.A. Makashin with the participation of T.G. Dinesman. Moscow, Nauka Publ,, 1973. 696 p. (In Russ.)

Marchenko T. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian literature in the mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)

O F.I. Shaliapine, I.A. Bunine, K.D. Bal'monte... (Iz «Parizhskikh vospominanii» A.P. Ladinskogo) [About F.I. Shalyapin, I.A. Bunin, K.D. Balmont... (From A.P. Ladinsky's "Paris Memories")], publ. by E. Fil'kina. *Vstrechi s proshlym. Vyp. 6* [Encounters with the past. Iss. 6]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1988, pp. 214–227. (In Russ.)

Pis'ma B.K. Zaitseva k I.A. i V.N. Buninym [B.K. Zaitsev's letters to I.A. and V.N. Bunin], publ. by M. Green. *Novyi zhurnal*, 1980, no. 140, pp. 157–181. (In Russ.)

Shraer M. Bunin i Nabokov. Istoriia sopernichestva [Bunin and Nabokov. History of rivalry]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2014. 222 p. (In Russ.)

Sofiev Iu. *Sinii dym: Stikhi i proza* [Blue smoke: Poetry and prose], comp. by N. Chernova. Almaty, 2013. 244 p. (In Russ.)

Terapiano Iu. *Vstrechi: 1926–1971* [Encounters: 1926–1971], intro., comp., ed., comment. by T.G. Yurchenko. Moscow, Intrada Publ., 2002. 384 p. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy. T. 3 [As spoken by the Bunins: I.A. and V.N. Bunins' diaries and other archival materials. Vol. 3], ed. by M. Green. Frankfurt am Main, Possev Publ., 1982. 223 p. (In Russ.)

Varshavskii V. *Nezamechennoe pokolenie* [The unnoticed generation]. Moscow, Solzhenitsyn Russian Émigrés House Publ., Russkii put' Publ., 2010. 544 p. (In Russ.)

On both sides of the iron curtain: Ivan Bunin and Antonin Ladinsky

© 2019, Anastasia Gorobets

Abstract: In the article, the history of relations between Ivan Bunin and Antonin Ladinsky in the interwar Paris of the 1920–1930s is recreated on the material of diary entries, memoirs and letters. While Bunin was a recognized master of Russian literature and a representative of the "older" generation in the literary hierarchy of Russian émigrés, Ladinsky only carried out his first literary publications in the mid-1920s. Previously unpublished materials: letters, diaries, manuscripts of the memoirs "Encounters with Bunin" and "Paris Memories" by Antonin Ladinsky testify on how the relations between writers and representatives of different literary generations developed and how Bunin influenced on Ladinsky.

Keywords: I.A. Bunin, A.P. Ladinsky, archival materials, émigrés, literary generations, relations between "older" and "younger", ego-documents, diaries, memoirs, letters, interwar Paris.

Information about the author: Anastasia Gorobets, Master of Philosophy, University of Vienna, Austria.

E-mail: anastasija.gorobez@univie.ac.at

Citation: Gorobets Anastasia. On both sides of iron curtain: Ivan Bunin and Antonin Ladinsky. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 330–343. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-330-343

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-344-356
УДК 821.161.1

Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект*

© 2019, Т.М. Двинятина

Аннотация: В статье вырабатываются правила публикации дневников И.А. Бунина эмигрантских лет: восстанавливается список источников собственно дневниковых записей, оговариваются правила их отбора из записных книжек и отдельных фрагментов архива, обсуждается вопрос общей композиции публикации и принципов комментирования, определяется место дневниковых записей среди мемуарных заметок и художественных набросков.

Ключевые слова: И.А. Бунин, дневники, эмиграция, архивы, источники, текстология, научное издание.

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двинятина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com.

Цитирование: *Двинятина Т.М.* Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 344–356.
DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-344-356

И.А. Бунин говорил, что дневники — «одна из самых прекрасных литературных форм»[1], но сам большую часть своих дневников сжег. Он по крайней мере дважды избавлялся от записей, которые не хотел доверять чужому взгляду. Об уничтожении дневников летом 1925 г. мы знаем

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

[1] И далее: «Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Т. 1. Frankfurt a/M., 1977. С. 149; запись от 23 февраля 1916 г.).

из записи его жены, Веры Николаевны Буниной[2], о том, как это было в 1941 г., — из его собственной: «Переписал кое-что с истлевших, чудом уцелевших клочков моих записей конца 1885, начала 1886 и конца 1887 гг. и с болью сердца, поцеловав, порвал и сжег их. Продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни»[3].

Очевидно, что таких случаев было в его жизни значительно больше. В декабре 1931 г. Бунин признался жене, что сжег семнадцать страниц «Жизни Арсеньева»[4]. В 1934 г. он забрал у Г.Н. Кузнецовой свои письма, «изорвал и сжег» их[5]. О том, что «различные тетрадки с картонными обложками» становились жертвой «аутодафе, которые Бунин периодически устраивал в своей печурке», вспоминал и А.В. Бахрах, проведший военные годы в доме Бунина в Грассе[6]. Наконец, разбирая свой архив перед планировавшейся отправкой его в Колумбийский университет (Нью-Йорк) в конце 1952 г., Бунин имел возможность избавиться от тех рукописей, которые не должны были, по его мнению, попасться на глаза «каким-то литературоведам», — «а чрезмерной благосклонностью к ним он не отличался»[7]. А.В. Бахрах, которому принадлежит последнее наблюдение, описал один из своих разговоров с Буниным: тот признался, что ведет дневник и «невольно делает это с оглядкой на печать <…> Ведь это профессиональная деформация, — добавил он, улыбнувшись, но одновременно уверял, что ему, вероятно, было бы стыдно, если бы эти дневники он увидел в печати. — <…> Впрочем, как бы там ни было и что бы с моими дневниками ни случилось, полный их текст никогда не увидит света»[8]. В заметках «К моему литературному завещанию» Бунин писал: «Дневники мои <…> мало интересны (в общем). Их я тоже писал как попало и с большими промежутками. Да и уничтожил я очень большое количество этих записей. Против печатания их, впрочем, не имею такой решительности, как против писем»[9].

Возвращаясь к предыдущему замечанию Бунина, надо согласиться: не только полный текст его дневников более не существует (и, принимая во внимание вышесказанное, никогда не существовал), но и те фраг-

---

[2] См.: «Ян разорвал и сжег все свои дневники-рукописи. <…> “Я не хочу показываться в одном белье”» (Устами Буниных. Т. 2. Frankfurt a/M., 1981. С. 145–146; запись от 30 июля 1925 г.).

[3] Устами Буниных. Т. 3. Frankfurt a/M., 1982. С. 86; запись И.А. Бунина от 8 марта 1941 г.

[4] РАЛ. MS 1067/403. Дневник В.Н. Буниной, запись от 24 декабря 1931 г.

[5] РАЛ. MS 1067/532. Дневник И.А. Бунина, запись от 2 мая 1940 г.

[6] *Бахрах А.В.* Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М., 2006. С. 175–176.

[7] Там же. С. 176.

[8] Там же. С. 119.

[9] *Бунин И.А.* К моему литературному завещанию // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 66. С. 172.

менты, которые не были уничтожены автором, приходится собирать по частям в разных сегментах его архива. В тетрадях остались только дневники 1941–1945 гг.[10] Все прочие дневниковые записи Бунина — первичные, сохранявшиеся им на протяжении всей жизни, или позднейшие, переписанные в более поздние своды с начальных, — рассеяны: они встречаются и в составленных самим Буниным дневниковых подборках, и в записных книжках, и среди единичных записей на отдельных листах или обрывках бумаги.

Часть дневников Бунина уже была напечатана в трехтомном издании «Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы», подготовленном М.Э. Грин[11]. Задача нынешнего этапа — полная публикация дневников И.А. Бунина (и, в перспективе, В.Н. Буниной).

Приведем перечень *источников дневников И.А. Бунина 1920–1953 гг*.

1920 — РАЛ. MS 1066/517. Единичная запись (19 августа), машинопись с правкой.

1921 — РАЛ. MS 1066/518. машинопись с правкой (до 6/19 апреля), затем рукопись на бумаге «с тремя дырочками»[12] и на вырванных из тетрадей листах; запись 9 октября — вновь машинопись, с 27 октября — снова рукопись.

1922 — РАЛ. MS 1066/519. Начало — рукопись, с 6/19 января — машинопись, запись 1/14 сентября — снова рукопись, с 20 сентября / 3 октября — вновь машинопись, с 28 ноября / 11 декабря — опять рукопись. Все записи сделаны на бумаге “Omo Ring Book”.

1923 — РАЛ. MS 1066/520. Рукопись на бумаге “Omo Ring Book”.

1924 — РАЛ. MS 1066/521. Рукопись на отдельном листе (3 марта) и на бумаге “Omo Ring Book”.

1925–1927 — дневниковых записей нет.

1928 — РАЛ. MS 1066/522–523. Два дневниковых «свода»: на трех больших листах (MS 1066/522) и на листке, вырванном из блокнота (MS 1066/523).

1929–1931 — РАЛ. MS 1066/524. Рукопись на бумаге “Omo Ring Book”.

---

[10] РАЛ. MS 1066/533–535; в общей сложности эти дневники содержат записи с 1 февраля 1941 по 24 марта 1945 гг.

[11] Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Frankfurt a/M., 1977–1982.

[12] В 1938 г., в пору активной работы над рассказами «Темных аллей», он просил В.Н. Бунину купить такую в ближайшем канцелярском магазине на Avenue Mozart: «называется Ommo Ring Book, intérieur № 66» (РАЛ. MS 1066A/182; письмо от 15 октября 1938 г.; имеется в виду бумага, выпускавшаяся фирмой канцелярских принадлежностей “Omo Ring Book”). В дальнейшем будем называть ее «бумага “Omo Ring Book”».

1932–1933 — РАЛ. MS 1066/524–525. Записи на разноформатных листах (вырванных из тетради, из блокнота, на бумаге “Omo Ring Book”); записи 1932 и 1933 гг. частично перепутаны.

1934 — РАЛ. MS 1066/526. Рукопись (один лист, дневниковый свод) на бумаге “Omo Ring Book”.

1935 — РАЛ. MS 1066/527. Рукопись на листах бумаги “Omo Ring Book”.

1936 — РАЛ. MS 1066/528. Рукопись на листах бумаги “Omo Ring Book”.

1937 — РАЛ. MS 1066/529–530. Рукопись на двух разных листах бумаги: один — “Omo Ring Book”, другой — вырван из блокнота «на пружинках».

1938–1939 — РАЛ. MS 1066/531. Рукопись на одном листе бумаги “Omo Ring Book”.

1940 — РАЛ. MS 1066/532. Рукопись на больших тетрадных листах без переплета (до 28 апреля) и на бумаге “Omo Ring Book” (начиная с 30 апреля; в этой части отдельные записи вырезаны и наклеены на белые листы бумаги).

1941 — РАЛ. MS 1066/532–534:

MS 1066/532 — записи со 2 января (начало дневника) по 30 января — на бумаге “Omo Ring Book”.

MS 1066/533 — тетрадь, рукопись, 2 февраля — 10 августа 1941 г.

MS 1066/534 — тетрадь, рукопись, с 11 августа 1941 г. (по 28 февраля 1942 г.).

1942 — РАЛ. MS 1066/534–535:

MS 1066/534: продолжение в тетради (рукопись), начатой в 1941 г., 1 января — 27 февраля.

MS 1066/535: 1 марта — 31 декабря 1942 г. (и дальше в той же тетради записи 1943–1945 гг.).

1943–1945 — РАЛ. MS 1066/535. Тетрадь, рукопись, 1 января 1943 г. — 24 марта 1945 г.

Иными словами, дневники Бунина до 1940 г. представляют собой рукописные или машинописные записи, тщательно отобранные из разных источников (несохранившихся тетрадей, блокнотов и т.д.) и отредактированные автором. Судя по бумаге, эта подборка сделана во второй половине 1930-х гг.[13] Можно сказать, что все эти записи относятся к отдельным событиям бунинской жизни и сохранились в его архиве после

[13] Если в 1938 г. Бунин должен был подробно описать жене, какая именно бумага ему нужна, то, очевидно, до тех пор она еще не была для него «основной», иначе В.Н. Бунина, перепечатывавшая тексты мужа, знала бы это без дополнительных объяснений. В таком случае «уничтожение дневников» в 1925 г., о котором писала В.Н. Бунина (см. выше), затрагивало более ранние записи (до 1920 г.).

того, как все остальные записи, несомненно существовавшие, были уничтожены. Тем самым целостность дневника 1920–1939 гг. оказалась утрачена. Помимо общего бунинского нежелания «показываться в одном белье»[14] перед досужим читателем, причиной было, по всей вероятности, тяжелейшее расставание с последней возлюбленной, Г.Н. Кузнецовой, растянувшееся для Бунина по крайней мере до начала 1940-х гг.: недаром записи за годы начала их романа (1926–1927 гг. и предшествующий им 1925 г.) не сохранились вовсе.

Начиная с 1940 г. Бунин возобновляет регулярный дневник[15], и его записи 1940-го, а затем тетради дневников 1941–1945 гг. — наиболее выстроенный, полный и подробный сохранившийся фрагмент его подневных записей.

После 1945 г. Бунин, судя по всему, уже не вел постоянный дневник. Во всяком случае, относящиеся к этим годам тетради дневников или позднейшие, специально составленные дневниковые подборки Бунина не сохранились и, скорее всего, не существовали. Иначе Бунин в последние годы уничтожил бы скорее отдельные записи, перенеся их в дневниковые своды, — однако отдельные записи остались, а сводов послевоенных лет в его архиве нет. Таким образом, дневниковые записи его последних лет жизни могут быть воссозданы только по материалам записных книжек и разрозненных единичных заметок[16].

Первая из полностью сохранившихся записных книжек Бунина, содержащих в том числе записи дневникового характера, датируется 1944 г.[17] Всего до конца жизни Бунин успеет начать десять записных книжек[18]. В пяти из них (РАЛ. MS 1066/548, MS 1066/550, MS 1066/551, MS 1066/555, MS 1066/556) записи, относящиеся к конкретным дням жизни, находятся среди других, не имеющих четкой хронологической привязанности записей обо всем, что занимало ум и душу Бунина в то время. Способ адекватной публикации этих записей представляет отдельный вопрос. На наш взгляд, наиболее точной и корректной подачей их была бы двойная публикация: и в составе собственно записных

[14] См. примеч. 3.

[15] См. запись Бунина в дневнике 1 марта 1941 г.: «Ровно год тому назад начал записывать более или менее правильно события дней. Целый год тому назад!» (РАЛ. MS 1066/533).

[16] Из них пять записей нашли отражение в биографическом своде «Устами Буниных» (см. выше): 14 октября 1946 г., 2–3 октября 1949 г., 27–28 января, 23 февраля и 2 мая 1953 г.

[17] РАЛ. MS 1066/548. См.: *Двинятина Т.М.* Записная книжка И.А. Бунина 1944 г.: Свод жизни и путеводитель по творчеству // Художественная антропология Серебряного века: Материалы международной научной конференции «Литературные чтения». СПб., 2017. С. 131–146. (Труды Санкт-Петербургского гос. института культуры; т. 215).

[18] РАЛ. MS 1066/547–556.

книжек, и в составе дневников. Таким образом удалось бы передать и конкретное, «дневниковое», и более общее, «поэтическое» течение бунинской мысли, сохранив при этом целостность каждого из них[19].

Как уже сказано выше, дневниковые записи поздних лет (с 1945 по 1953 гг.) остались и на отдельных листах, обрывках бумаги и т.д. Назовем здесь несколько архивных источников, которые не должны ускользнуть от внимания публикатора: РАЛ. MS 1066/538–544, MS 1066/577, MS 1066/565, MS 1066/557, MS 1066/418, MS 1066/457–458, MS 1066/459, MS 1066/557, MS 1066/465, MS 1066/594. По ним должны быть собраны дневниковые записи Бунина 1946–1953 гг.

Итак, публикацию дневников Бунина эмигрантских лет призваны составить все записи, переписанные и/или сохраненные им из дневников 1920–1939 гг., тетради 1941–1945 гг., записи дневникового характера из записных книжек 1944–1953 гг. и дневниковые заметки, оставленные после 1945 г. на разных листах и обрывках бумаги. Отдельные записи, не сохранившиеся в рукописи Бунина, могут быть опубликованы по машинописным копиям В.Н. Буниной, сделанным с дневников 1920–1922 гг. (см. выше), и по ее рукописным копиям, снятым в поздние годы с записей Бунина последних лет[20].

Включение в публикацию *дневниковых заметок из записных книжек* требует точного определения принципов их отбора и дефиниции самого понятия.

Под дневниковыми записями понимаются записи событий, впечатлений и размышлений, приходящиеся на конкретные дни текущей жизни. В них не входят ни творческие наброски, ни мемуарные заметки, ни готовые рукописи произведений, ни отпуски отправленных писем[21].

Характер записных книжек не предполагает строгой хронологии и тематического единства. Бунин, во-первых, имел обыкновение сводить в записные книжки разрозненные фрагменты, прежде набросанные им на

[19] См. в наших публикациях: И.А. Бунин. Из дневников 1944–1945 гг. // Русская литература. 2018. № 4. С. 190–201; И.А. Бунин. Дневники 1946–1953 гг. // Русская литература. 2019. № 1. С. 178–191.

[20] Переписанные В.Н. Буниной записи Бунина см.: РАЛ. MS 1066/557. Из записей 1944–1953 гг. лишь одна (января 1950 г., см. ниже, примеч. 32) представлена в Бунинской коллекции только в копии В.Н. Буниной.

[21] Примерами таких записей, присутствующих в записных книжках Бунина и не относящихся к дневниковым, могут быть ретроспективная заметка «Начало января 33 г. Мы с Г<алиной> в Париже в отеле Пажу — больны оба» (РАЛ. MS 1066/550) и стихотворение «Х. Алю Б. нередко прославлял…» (РАЛ. MS 1066/551), датированное «Весна 1945 г.», но записанное, очевидно, позже (записано синей шариковой ручкой, которой у Бунина весной 1945 г. в только освободившемся от войны Грассе еще не было).

случайных листах или обрывках[22], во-вторых, он мог параллельно пользоваться не одной, а несколькими тетрадями и страницы одной записной книжки заполнять непоследовательно, порой занося свои заметки на любые свободные страницы[23]. Собственно дневниковые записи оказывались там в ряду иных, время записи которых представлялось Бунину неважным, — они и остались недатированными. Но те записи, которые в этом потоке мыслей, образов, заметок, воспоминаний Бунин отметил конкретной датой (не тем временем, к которому относится записанное воспоминание, и не датой, которая вместе с цитатой оказалась взятой из источника, откуда он сделал ту или иную выписку, а датой его личного переживания и письменного запечатления), могут и должны рассматриваться в том числе в контексте его дневниковых записей.

Иными словами, определяющим признаком дневниковой записи является синхронная событию авторская дата.

Однако из этого правила есть исключения. Во-первых, оно не действует применительно к дневниковым «сводам», составленным на основе уничтожаемых дневников: в этом случае свод является единственной и равноправной заменой дневнику (это касается, главным образом, записей 1920–1930-х гг.). Во-вторых, некоторые записи, имеющие конкретную дату, продолжаются другими, формально не имеющими даты, но определенно связанными с предыдущими временными указаниями и приуроченностью к текущим событиям (это относится к более поздним записям). В таком случае и те и другие могут рассматриваться как дневниковые (см., например, две записи «Вчера, 10/23 окт. 1949 г. <…>» и «Нынче Вера видела…»[24]). Если же временных привязок между записями нет, то только в редких случаях очевидное совпадение чернил, почерка, наклона письма позволяет объединять записи, сопровожденные авторской датой, с формально не датированными соседними (см. 14 октября 1944 г.[25], 29 марта 1950 г.[26], 17–18 мая и 22–23 июня 1951 г.,[27] 8–9 декабря 1952 г.[28]).

---

[22] См. записи от 10 декабря 1950 г. и 17 января 1951 г., расположенные в одной и той же записной книжке в обратной последовательности (РАЛ. MS 1066/554. Л. 2, 3).

[23] См. две записи 10 ноября 1944 г., помещенные в одной записной книжке отнюдь не на соседних страницах (РАЛ. MS 1066/548. Л. 31–31 об., 39), а также записи декабря 1952 г., имеющие разные источники (РАЛ. MS 1066/556 (записная книжка). Л. 1; РАЛ. MS 1066/457).

[24] РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 23–23 об.

[25] РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 34–34 об.

[26] РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 28.

[27] РАЛ. MS 1066/553 (записная книжка). Л. 20–21; РАЛ. MS 1066/551 (записная книжка). Л. 23–23 об.

[28] РАЛ. MS 1066/556 (записная книжка). Л. 1 об.

Если в отдельных (не связанных с датированными) записях встречаются временные маркеры («вчера» и т. п.), то при отсутствии прочих хронологических указателей они к дневниковым записям не относятся, пребывая в кругу записей значительно более широкого характера.

Так же и записи, взятые, возможно, из других источников и не подкрепленные датировками самого Бунина, остаются за рамками дневниковых. Так, например, запись «24 дек. 47 г. на 84-м году жизни умер в Москве С.Л. Толстой»[29], судя по контексту всей записной книжки, чернилам и т.д., сделана вскоре после получения известия, в ней отраженного, но за неимением решающего аргумента — даты Бунина — в собственно дневниковые записи включена быть не может.

Наконец, в дневниковые записи не включаются вклеенные в записные книжки газетные вырезки, как, например, лист отрывного календаря от 16 февраля 1948 г., на котором в качестве памятных дат отмечены те или иные события: например, годовщины смерти Э. Багрицкого (1934) и И.М. Москвина (1945)[30].

Отбор и публикация записей дневникового характера, оставленных Буниным на обрывках или отдельных листах бумаги, в целом подчиняются правилам, описанным выше. Как и в случае записных книжек, в дневниковый свод не включаются записи, не имеющие даты; единственное исключение — запись в январе 1950 г., сама по себе несущая однозначное указание о времени, когда она сделана[31].

Точно так же в дневниковые записи не входят выписки, лишенные дополнительных бунинских помет или комментариев и датированные только датой источника, из которого они взяты. Примерами могут служить выписка из дневника Б.К. Зайцева от 10 мая 1945 г. (в данном случае дата принадлежит дневнику Зайцева, а не Бунина)[32] и записи по поводу языковых экспериментов Ремизова, которые стали постоянной темой бунинских разговоров последних лет[33].

Стоит учитывать, что часть единичных записей, хоть и была датирована Буниным, носит скорее не дневниковый, а мемуарный или художественный характер, поэтому решение относительно них требует особого

[29] РАЛ. MS 1066/550. Л. 2 об.

[30] Первая дата подчеркнута Буниным красной шариковой ручкой один раз, вторая — дважды и дополнительно отчеркнута на полях. Возможно, что о смерти Москвина, с которым Бунин был знаком с гастролей МХТ в Ялте в апреле 1900 г. (тогда театр привез и показывал в присутствии Чехова четыре пьесы: «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокие» Г. Гауптмана и «Гедда Габлер» Г. Ибсена) и которого встречал во время гастролей МХТ в Париже в декабре 1922-го и в декабре 1929 г., Бунин и узнал из этого календаря в 1948 г.

[31] «30 лет, как я покинул Россию (значит, это написано в 1950 году)» (РАЛ. MS 1066/557; запись и пояснение рукой В.Н. Буниной).

[32] РАЛ. MS 1066/715 (178).

[33] РАЛ. MS 1066/715 (128), (130), (133).

обоснования[34]. Творческие рукописи Бунина, как правило, имеют дату, фиксирующую время окончания работы над ними и, соответственно, поставленную под текстом, в конце. В дневниковой записи место проставления даты может варьироваться: она может стоять и до текста, и после него, и быть включена в саму заметку (см. записи от 1 июля 1944 г.[35], 2, 3 и 5 декабря 1952 г.[36]). Из этого следует, что наличие в тексте даты, поставленной в самом начале, должно как будто по определению вынести его из разряда художественных и приблизить к дневниковым. Но это правило соблюдается не всегда, и решающим аргументом здесь по-прежнему является характер записи, что подтверждается по крайней мере двумя примерами. Во-первых, это набросок «Отель на Антибском мысу» (перед заглавием стоит дата: «10.6.44»), имеющий характер творческого эскиза к возможному / будущему рассказу и никак не связанный с событиями текущей бунинской жизни[37]. Во-вторых, это наброски, в первоначальной рукописи начинающиеся словами: «Вспоминаю происхождение моих рассказов…», — еще до этих слов даны время и место «воспоминаний»: «Сентябрь 1944 г., Grasse, A<lpes> M<aritimes>»[38].

Если же в датированной записи сходятся личное и художественное, воспоминания о прошлом и ощущения сегодняшнего дня, и разделить их — значит нарушить целостность запечатленного высказывания, то при всей условности такого определения она может публиковаться и в составе записных книжек, и в составе дневниковых записей. Например:

10.3.45. Grasse, A<lpes> M<aritimes>

В теплую, светлую ночь в июле, в деревне, в одинокой возле нее, давно необитаемой усадьбе, где когда-то родился его отец, ночевал в кабинете с открытыми окнами.

Из окон виден широкий, заросший травой двор, за разрушенной каменной оградой которого деревенский выгон, а за ним поля. Ночь веселая, мирная — и даль особенно прекрасна там, напротив, в полях, под светлым южным небосклоном.

Казалось, что выходил в сад за домом — по комнатам в сумраке, по залу, потом по гостиной и по балкону, по его сгнившим доскам. Сад редкий, мелкий, одичавший, тоже сливается вдали с полями под северным небосклоном, спокойным и несколько сумрачным, грустным.

[34] Для записных книжек оно нерелевантно: все пограничные случаи так или иначе датированных записей в них разобраны нами выше.

[35] РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 20 об. –21.

[36] РАЛ. MS 1066/459 (записи 2 и 5 декабря 1952 г.); РАЛ. MS 1066/557 (запись 3 декабря 1952 г., рукой В.Н. Буниной).

[37] РАЛ. MS 1066/614.

[38] РАЛ. MS 1066/665.

> От балкона идут среди кустов и старых яблонь два ряда старых берез, оставшихся от вырубленной аллеи. Тень от крыши дома падает до одной из них, ближней, ствол которой особенно бледно-ярок от лунного света, и звездное небо над ее высокой вершиной кажется глубже… Потом опять кабинет — и сон или явь? Окна в теплом месячном свете, в комнате легкий сумрак. И из сумрака слышен ласковый, спокойный голос отца, невидимого, давно умершего. Его расспросы, долгая беседа с ним, рассказ ему о своей жизни…[39]

Эта заметка может служить выразительным образцом того, насколько зыбкой была у Бунина грань между дневниковыми записями, мемуарными заметками и художественными набросками. Возможно, она представляет собой изложение сна или набросок рассказа. Неопределенная модальность высказывания («сон или явь») отражена и в неопределенности того «я», от лица которого ведется речь (сам Бунин? рассказчик? герой?). Запись сделана на одном из листов, сложенных вместе, на которых зафиксированы размышления, воспоминания, выписки Бунина из разных книг и т.д. Собрание этих листов по своему характеру приближается к записным книжкам и отличается от них только отсутствием общего переплета. Наряду с явным личным характером высказывания, отнести эту запись к дневниковым позволяет дата и точное место, данные так, как обычно это было в дневниковых записях Бунина[40].

Отдельного внимания при публикации дневников заслуживает вопрос общей *композиции материала*. Думается, что наиболее взвешенным здесь был бы принцип «один год — один комментарий», при котором комментарий к записям за конкретный год следует сразу за ними. Это позволяет параллельно и цельно представить год жизни Бунина и в его собственном изложении, и в историко-бытийном контексте. Более дробное деление (по записям) повредило бы внутреннему единству хронологических отрезков, более общее (вынесение всех комментариев в конец публикации) — стерло бы границы между периодами.

При этом надо помнить, что такая рубрикация не всегда совпадает с соотношением «один год — один источник». Как следует из приведенного выше описания, записи за один год могут иметь в бунинском архиве разные источники и, как следствие, быть распределенными между разными единицами хранения. Так, между двумя разными источниками

[39] РАЛ. MS 1066/568.

[40] Другим примером может служить заметка от 15 мая 1951 г. «Не раз слышал я в детстве, как говорили про кого-нибудь…» (РАЛ. MS 1066/418). Датировка Бунина и протяженность этой, в целом мемуарной, записи в его будущее позволяет рассматривать ее в ряду дневниковых.

поделены и 1928, и 1942 гг.[41], между тремя источниками — 1941 г. Записи 1938–1939 гг., напротив, объединены одним источником, а записи 1932–1933 гг. хотя и имеют два источника, но перемешаны внутри них, и т.д. Все источники, по которым печатаются записи одного года, с точным описанием их соотнесенности с конкретными периодами внутри него, должны быть предметом описания в «легенде», следующей за «общегодовым» текстом и предваряющей комментарий к нему.

От этого правила придется сделать три отступления.

Первое касается дневниковых записей апреля — июня 1928 г. Выписывая на будущее из дневников этого года лишь избранное (и, судя по всему, уничтожив основное, см. выше), Бунин составил два пересекающихся свода: один — на трех больших листах (РАЛ. MS 1066/522), другой — на листке, вырванном из блокнота (РАЛ. MS 1066/523). Записи, относящиеся к периоду 6 апреля — 21 июня и не совпадающие друг с другом, присутствуют в обоих сводах. Перемежать их, укладывая в одну хронологическую «линейку», значило бы нарушить цельность каждого свода и сеять недоумение — отчего события одного дня дважды и с некоторой разницей представлены в едином потоке бунинских дневников. Логичнее и яснее оставить два самостоятельных свода, сохранив представление о двух разных текстах, которыми Бунин оставил события этого времени в своем наследии.

Второе отступление охватывает дневниковые записи 1944–1945 гг., сделанные и в тетради (РАЛ. MS 1066/535), и в записных книжках. Они также могли бы быть представлены параллельно: после записей марта 1945 г., которыми заканчивается последний «регулярный» дневник, уместно привести отдельную подборку дневниковых записей 1944–1945 гг., рассеянных по разным источникам.

Третье относится к записям 1946–1953 гг., не имеющим авторского свода и распыленным по разным листам и обрывкам бумаги. Эти последние дневниковые заметки Бунина не только имеют в каждом случае самостоятельный источник, но и инспирированы никак не связанными между собой впечатлениями или поводами. Явленная в публикации атомарность записей в этом случае была бы адекватным отражением дробности, прерывистости жизненного течения, в котором Бунин оказался после 1945 г.[42]

---

[41] При этом за 1942 г. есть еще две одиночные записи на отдельных листах: РАЛ. MS 1066/536, 537. Представляется возможным включить их в общую хронологию, оговорив отдельный источник в примечании.

[42] Позднее Бунин вспоминал о переломном для него 1945 г.: «<…> до возвращения в Париж из Грасса, до мая 45-го года, я молодым козлом носился вверх и вниз по той почти отвесной горе, на которой стоит та английская вилла, где жили мы все время войны, да даже первый, и, кажется, второй год в Париже был еще

Наконец, особо стоит оговорить принципиальную *полноту публикуемых текстов*, также и в тех случаях, когда отдельные фрагменты могут шокировать современного читателя. Бунин не отдавал дневник в печать, сохраняя его для своей «внутренней» биографии. Публикатор, который его сегодня обнародует, и читатель, который его открывает, должны быть готовы к разным проявлениям личности того, в чей мир они таким образом вторгаются.

Совершенно очевидно, что публикация дневниковых записей Бунина эмигрантских лет предложит значительно более содержательный и глубокий взгляд на его жизнь и мировосприятие, чем это было возможно раньше, и привлечет внимание не только специалистов, но и всех, кому интересен художественный мир этого писателя.

Литература

Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2006. 592 с.

Двинятина Т.М. Записная книжка И.А. Бунина 1944 г.: Свод жизни и путеводитель по творчеству // Художественная антропология Серебряного века: Материалы международной научной конференции «Литературные чтения». СПб., 2017. С. 131–146. (Тр. Санкт-Петербургского гос. института культуры; т. 215).

И.А. Бунин. Из дневников 1944–1945 гг. Дневники 1946–1953 гг. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т.М. Двинятиной // Русская литература. 2018. № 4. С. 190–201; 2019. № 1. С. 178–191.

Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Звеерса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 118. С. 120–128.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main, 1977–1982.

References

Bakhrakh A.V. *Bunin v khalate. Po pamiati, po zapisiam* [Bunin in a bathrobe. By memory, by records], ed. by St. Nikonenko. Moscow, Vagrius Publ., 2006. 592 p. (In Russ.)

Dviniatina T.M. Zapisnaia knizhka I.A. Bunina 1944 g.: Svod zhizni i putevoditel' po tvorchestvu [I.A. Bunin's notebook for 1944: Life code and guide to writings]. *Khudozhestvennaia antropologiia Serebrianogo veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Literaturnye chteniia"* [The artistic anthropology of the Silver Age: Proc. Int. Sci. Conf. "Literary readings"]. St. Petersburg, 2017, pp. 131–146. (In Russ.)

ничего себе, а осенью второго года схватил воспаление легких, — всю мою жизнь бывших на редкость отличных, а с тех <пор> пошла писать губерния!» (Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Звеерса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 118. С. 121. Письмо от 26 марта 1951 г.).

I.A. Bunin. Iz dnevnikov 1944–1945 gg. Dnevniki 1946–1953 gg. [I.A. Bunin. From the diaries of 1944–1945. The diaries of 1946–1953], intro., ed. and comment. by T.M. Dvinyatina. *Russkaia literatura*, 2018, no. 4, pp. 190–201; 2019, no. 1, pp 178–191. (In Russ.)

Pis'ma I.A. Bunina k F.A. Stepunu [I.A. Bunin's letters to F.A. Stepun], publ. by A. Zveers. *Novyi zhurnal* (NY), 1975, iss. 118, pp. 120–128. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. [As spoken by the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 3 vols.], ed. by M. Greene. Frankfurt a. M., Posev Publ., 1977–1982. (In Russ.)

Bunin's diaries of 1920–1953: Textual aspect

© 2019, Tatiana Dvinyatina

Abstract: The article develops the rules for publishing the diaries of I.A. Bunin's emigrant years: the list of sources of diary entries is restored, the rules for their selection from notebooks and separate fragments of the archive are discussed, the overall composition of the publication and commenting principles are discussed, the place of diary entries among memoirs and artistic sketches is determined.

Keywords: I.A. Bunin, diaries, emigration, archives, sources, textology, scientific publication.

Information about the author: Tatiana Dvinyatina, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com.

Citation: Dvinyatina Tatyana. Bunin's diaries of 1920–1953: Textual aspect. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 344–356. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-344-356

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-357-368
УДК 821.161.1

Иван Бунин: Три автобиографические заметки

© 2019, П. Деотто

Аннотация: Статья посвящена анализу трех автобиографий, написанных И.А. Буниным на заказ в 1921, 1934 и 1952 гг. и предваряющих сборники рассказов и собрание сочинений, изданные в эмиграции. В них Бунин описывает себя как антиреволюционно настроенного эмигранта и как признанного и активно публикующегося в эмиграции писателя. Однако он переосмысливает эти элементы в зависимости от времени и адресатов, соответственно придавая своей личности разную окраску.

Ключевые слова: И.А. Бунин, автобиография, русская эмиграция

Информация об авторе: Патриция Деотто, д.ф.н., профессор, Университет Триеста, Италия.

E-mail: pdeotto@units.it

Цитирование: *Деотто П.* Иван Бунин: три автобиографические заметки // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 357–368.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-357-368

В наследии Бунина, как известно, автобиографическая проза традиционно играет важную роль. Бунин вложил в дневники, воспоминания, описания собственной жизни много мыслей о литературной работе, эпохе, а также нередко не слишком лестные отзывы о современных ему писателях.

В данной статье мы рассмотрим три автобиографии, представляющие собой вступления к эмигрантским изданиям Бунина: «Письмо к Боссару»[1] (1921), «Автобиографические заметки» («Из предисловия к французскому изданию “Господина из Сан-Франциско”»)[2] (1934) и «От автора»[3] (1952). Всем этим текстам свойственны признаки классической

[1] *Bounine I.* Le Monsieur de San-Francisco / Traduit du russe par Maurice [Parijanine]; avec un portrait de l'auteur, par Bakst. Paris: Editions Bossard, 1922. P. 7–12.

[2] *Бунин И.А.* Собр. соч. Т. 1. Берлин: Петрополис, 1936. С. 9–12.

[3] *Бунин И.А.* Весной, в Иудее. — Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 7–9.

«автобиографии по заказу» как жанра[4] — в них автор представляет себя не спонтанно, как в стандартных автобиографиях, а явно с учетом запросов заказчиков.

Все три автобиографии имеют целью ознакомить публику с личностью Бунина-писателя. Но появление текста всякий раз обусловлено взаимоотношениями с конкретными издателями, автор сознает важность культурных кодов, которыми управляется окружающее его общество, и идет навстречу читательским ожиданиям. А ожидания эти всякий раз иные, в зависимости от места публикации и от исторического момента.

Первая автобиография напечатана во Франции в 1922 г. В отличие от двух последующих она вышла на французском языке, хоть и была написана по-русски. Она явно предназначалась французской публике, и, кстати, ее текст обрамляется письмом, адресованным парижскому издателю Боссару[5]. Перед нами образец эпистолярного жанра, написанный с четкой и ясной целью, вероятно, заданной издателем: пусть Бунин расскажет о своей жизни в плане литературного творчества.

Синтез автобиографического и эпистолярного жанров интересен сам по себе. В этом сочетании еще заметнее присущая всякой автобиографии дистанция, которая возникает между автором текста и описываемым персонажем. В автобиографиях по заказу эта дистанция тем очевиднее, чем четче стремление пишущего приспособить персонаж к заданному канону.

В начале текста уже присутствуют признаки эпистолярного жанра, в частности графические. Справа проставлена дата «21 июля 1921», слева Бунин напрямую обращается к адресату: «Господин Издатель!»[6] Непосредственно за этим вводится главная тема письма — автобиографическая. В завершающих пассажах следуют некоторые личные соображения автора о современной России и принятые формулы вежливости.

В автобиографии Бунин, определяя себя как писателя, делает упор на три основных момента собственной личности. Это, во-первых, дво-

---

[4] Подробно об особенностях жанра заказной автобиографии см.: *Деотто П.* Автобиография по заказу // «Образ мира, в слове явленный…»: Сб. в честь 70-летия проф. Ежи Фарыно / Red. R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce, 2011. С. 83–89.

[5] В издательстве «Боссар» существовала успешная серия переводов с русского “Collection des textes intégraux de la littérature russe” (1921–1925) под редакцией переводчика Анри Монго (Henri Mongault). Она знакомила французскую публику с творчеством первой русской эмиграции — Ивана Бунина, Зинаиды Гиппиус, Александра Куприна и т.д. См.: *Livak L.* L’émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d’une collaboration // Cahiers du Monde russe. 2007. Vol. 48, № 1 (janvier-mars). P. 25.

[6] Здесь и далее все цитаты приводятся по тексту русского перевода: *Бунин И.А* Избранные письма; Письмо к Боссару // И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2001. С. 30.

рянское происхождение; во-вторых, знаменитые предки, среди которых были поэты Анна Петровна Бунина и Василий Андреевич Жуковский; в-третьих, глубинная связь с Россией.

Письмо Бунина формально адресовано издателю, но подспудное его назначение — донести до французской читающей публики, что Бунин — воистину русский автор, российский талант, гордый наследник русской литературной традиции. Идя навстречу издателю, Бунин подчеркнул и свою принадлежность к старинному дворянскому роду, тем самым обнаруживая сходство с классиками русской литературы XIX в., широко известными и читаемыми во Франции.

Выбор моментов жизни, на которых сосредотачивается герой-сочинитель, и анализ собственного творчества подчиняются единой цели: передать, что он был знаменит у себя на родине до революции, что его произведения заслуживают успеха и больших тиражей, как причудлива судьба, забросившая его, прославленного мэтра, в вынужденное изгнание.

В начало и в конец автобиографического письма Бунин помещает даты, которые считает важнейшими. Это, во-первых, год рождения (1870) и, во-вторых, май 1918 г. Вторая дата знаменует отъезд из Москвы на юг, бегство от гражданской войны. Отъезд, повлекший за собою двумя годами позже, в феврале 1920 г., бесповоротную эмиграцию.

С памятью детских и отроческих лет, безбедно проведенных в деревне, резко контрастирует тема юности и бурных страстей, переосмысляемая Буниным «с позиций мудрости». Сильная религиозная страсть, как сообщает автор, миновала, не оставив болезненных следов в его душе, а вот страстная тяга к живописи опосредованно сказалась на своеобразии его стиля. Не зря же главной чертой своего мастерства Бунин считает способность создавать «живые» образы, полные жизнеподобия.

В рассказе о жизни, о ее хронологическом течении внимание автора сфокусировано на раннем творческом созревании, раннем вступлении в профессию и высокой оценке литературного сообщества: книги молодого писателя не раз были удостоены премий Пушкина. Бунину, как пишет он о себе, с младых лет были подвластны самые разные литературные жанры: стихи, переводы, проза.

В связи с этим писатель выделяет две важные даты. Это прежде всего 1909 г., когда он был избран «Почетным академиком». Для Бунина не составило труда передать французской аудитории смысл этого лестного титула: достаточно было прибегнуть к сравнению с «Бессмертными» (“Les Immortels”), т.е. с членами Французской Академии.

Кроме того, писатель акцентирует как принципиально важный и 1910 г., когда вышел из печати роман «Деревня», вызвавший страстную

полемику среди литературных критиков и столь же страстно обсуждавшийся читателями. Эта книга принесла Бунину широкий успех, который «еще больше укрепил» его последующие произведения.

Бунин-биограф анализирует главным образом два аспекта. Во-первых, он пытается определить для французских читателей причины, по которым эта слава оказалась локальной, ограниченной в пространстве и во времени. Во-вторых, он задумывается о собственном провидении, предрекшем тяжкую судьбу России и ее драматичное будущее, которое прозвучало уже в самых ранних произведениях, — в этом сказалось его почти пророческое чувство истории.

Останавливаясь на первом аспекте, Бунин анализирует прежде всего тот образ, который закрепился за ним в истории литературы: личность самодостаточная и независимая, заинтересованная более путешествиями, нежели мелкой славой в литературных кружках, углубленная в проблемы философии, религии, морали и истории, не приемлющая лихорадочной гонки за новизной и сенсационностью в литературе и не заискивающая перед публикой, т.е. далекая от клише и стереотипов сиюминутной культурной моды.

Складывается портрет, который определяет очертания образа Бунина в классической истории русской литературы, — образ творца, существующего «вне» собственной эпохи, связанного с великой русской словесностью XIX в. К этому добавляется восприятие Буниным Первой мировой войны и ее прямого следствия — русской революции, которая ознаменовала для российского общества разруху, разорение и зверство. И всё это произошло, когда плодотворная сила писателя Бунина достигала своего расцвета.

Останавливаясь затем на втором аспекте — почти провидческой способности к предугадыванию**,** — Бунин полемически возвращается к тому году, когда вышел роман «Деревня». Он горько вспоминает, как отреагировала на это событие часть литературно-критической общественности. Многие обвиняли писателя в том, что он чересчур жестоко и мрачно описал деревенский мир. Бунин-биограф снова напоминает, что представляла собой эта крестьянская стихия. Россия революционных потрясений и постреволюционных перемен описана им как сущий ад, из которого можно только спасаться бегством.

В запальчивом, яростном рассказе о судьбе России Бунин подробно останавливается на мытарствах и унижениях, испытанных писателями: их обрекали на жалкие условия жизни, лишали свободы слова и буквально выталкивали в изгнание под страхом смерти. Эти строки Бунина, конечно, были призваны пробудить во французских читателях возмущение тем жутким миром и сострадание к бедственному положению ли-

тераторов, бежавших из России от событий, совершенно не похожих на обещанное «воплощение идеалов».

Дабы выразительнее звучало описание драмы, которую он пережил, прежде чем принял решение покинуть Россию, Бунин использует евангельскую фразеологию: «испив чашу несказанных страданий и напрасных надежд»[7]. Таким приемом неискушенному читателю исподволь передается разочарование, которое пришло за крушением надежд на помощь от христианского мира. Христианского не в чисто религиозном понимании, а скорее в понимании экзистенциальном, в смысле уважения к человеческой личности, к ее достоинству, в смысле обманутых надежд на человеческую поддержку. Этим и завершается автобиография: русский писатель, изгнанник, непосредственный свидетель, передает трагический опыт, полученный в революционной России.

Однако письмо к издателю на этом не заканчивается. Дальше следует довольно пространная рефлексия. Бунин еще подробнее объясняет свою точку зрения, представляя себя писателем-провидцем:

> Некоторые критики называли меня жестоким и мрачным… Я смутно страшился за судьбу России, когда рисовал ее, — и моя ли вина, что действительность, та, которой живет Россия вот уже четыре года, сверх меры оправдала мои опасения, что те мои картины, которые казались когда-то даже русским людям слишком черными и неправдоподобными, стали «пророческими», как некоторые называют их теперь![8]

Повествуя о трагических последствиях российской революции, о бесчеловечности творившегося, Бунин подбирает жгучие слова: «Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил *образа и подобия Божия*»[9] (курсив мой — *П.Д.*). Россия описана через образы Ветхого завета: «казни египетские», «бич божий»... Слышен и апокалиптический подтекст гиперболической конструкции[10].

Конец послания, однако, звучит более умиротворенно. Писатель в духе сорок второго Псалма («Как лань к истокам вод, всё стремится сердце мое к Тебе, Господи!») передает читателям надежду, что Россия снова «вочеловечится». Подобные надежды были живы в среде русских беженцев в первое время, когда многие еще верили, что рано или поздно

---

[7] Там же. С. 32.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Об употреблении архаичной и сакральной лексики в мемуарной прозе Бунина см.: *Риникер Д.* «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: Pro et contra. С. 625–650.

смогут вернуться на родину, а западный мир, осознав масштабы происходящего, «протянет им руку помощи».

В «Письме к Боссару» главная тема автобиографии, специально оформленная Буниным для французской публики, — тема «знаменитого русского писателя», судьбой оторванного от родины, — не исчерпывается самоописанием в условных рамках жанра. Бунинский текст перерастает в настоящее публицистическое высказывание. Этому способствует эпистолярная форма, задевающая читателей за живое, призывающая задуматься о положении писателей революционной России, людей, лишенных прав на свободное высказывание.

Читателям передается обеспокоенность Бунина крахом традиционных ценностей, «озверением» людей в бесчеловечности революционных бурь, — и не он один сокрушался об этом, с ним совпадали многочисленные русские писатели-эмигранты. Бунина страшат масштабы этих процессов, накладывающих грозный отпечаток на всю современную цивилизацию[11].

Тринадцать лет спустя Буниным было написано еще одно введение, на этот раз для первого тома «Собрания сочинений», вышедшего в Берлине в 1936 г.[12] (издательство «Петрополис»), — «Автобиографические заметки» с подзаголовком «Из предисловия к французскому изданию “Господина из Сан-Франциско”». Эта автобиография в значительной степени воспроизводит уже рассмотренный нами текст, помещенный в «Письме к Боссару» 1921 г. В то же время она отличается от предыдущей: она предваряет собрание произведений, печатающихся на языке оригинала. Это значит, что основным адресатом публикации являлась русская читающая публика, уже знакомая с творчеством Бунина и притом, вероятно, имевшая подобный бунинскому опыт существования в эмиграции.

Рассказ о жизни снова строится хронологически и повторяет основные моменты, присутствующие в тексте 1921 г. В то же время следует отметить, что все этапы, знаменующие начальный период творчества, в данном тексте опущены. Меньше внимания уделено описанию литера-

[11] Бунин высказывается на эти темы и в журнальных статьях 1920-х гг., и в публичных выступлениях, см.: Миссия русской эмиграции, Париж, 16 февраля 1924 // Руль (Берлин). 1924, 3 апр. С. 5.

[12] В период с 1934 по 1936 гг. престижное русскоязычное издательство «Петрополис», в то время работавшее уже только в Берлине, выпустило собрание сочинений Бунина в 11-ти томах. При этом хронологический порядок не соблюдался: вначале (в 1934 г.) вышли седьмой и второй тома, первый же появился только в 1936 г. Об отношениях Бунина и издательского дома «Петрополис» см.: *Бунин И.А.* «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери». Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текста писем и примеч. С.Н. Морозова при участии В.В. Леонидова // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–91.

турной среды, в которой на заре своего творчества вращался и утверждался Бунин-писатель. Выпало разъяснение относительно полученных им почетных наград. Из пассажей о революционных событиях удалены перечни фактов, характеризовавших эпоху, и вычеркнуты многие эпитеты. Таким образом, то, что в тексте 1921 г. использовалось для сгущения красок, чтобы тяготы жизни писателей выглядели драматичнее и читатели прониклись российской действительностью и событиями, в данном варианте сокращено и выглядит скромнее и строже:

> Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, и прежде всего потому, что в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, *от грабежа, от вина, от крови, от кокаина*, или *позорное* (курсив мой — *П.Д.*) рабское существование ([1921])[13]

> Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, ибо в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, или рабское существование, среди библейских эпидемий … ([1934])[14]

Новая стилевая аранжировка революционных тем, предложенная через 15 лет после первого опыта, который, как мы проследили, являл собой страстный призыв к французской публике, ко всему западному миру, придает тексту новую окраску, преимущественно документальную.

Из длинного рассуждения о русской революции, завершавшего письмо к Боссару, в новом тексте сохранена только библейская реминисценция о казнях египетских («среди библейских эпидемий»), призванная подчеркнуть запредельность испытаний, выпавших на долю людей в революционной России.

За рассказом о жизни, воспроизводящим парижский текст 1921 г., идет приписка 1934 г. В ней Бунин кратко добавляет основные данные о своей жизни во Франции: с 1923 г. он переселился в Приморские Альпы, возвращается в Париж только на некоторые зимние месяцы. В эмиграции им написано шесть новых книг.

Во второй автобиографии Бунин, по запросу издателя, явно стремится обрисовать собственную личность прежде всего в аспекте писательства. Всеми средствами, стилистическими и содержательными, он формирует у читателей образ литератора, глубинно связанного с русской словесностью XIX в. и наделенного исключительным талантом, позво-

[13] *Бунин И.А* Избранные письма. Письмо к Боссару. С. 32.
[14] *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 1. С. 11–12.

лившим ему и в изгнании выстроить удачную литературную карьеру. В 1936 г. Бунин — знаменитость, он уже три года нобелевский лауреат, его произведения переведены на множество языков мира.

Третья автобиография, «От автора»[15], открывает первый из двух сборников рассказов, вышедших в свет на русском языке в 1953 г. в Нью-Йорке в «Издательстве имени Чехова» — «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар». Исторический и культурный контекст этой публикации кардинально отличался от обстановки, в которой создавались два предыдущих текста. Сборники рассказов, разумеется, предназначались русскоязычной читающей публике, но она вовсе не сводилась к представителям старой эмиграции. Это уже была не та среда, которую с Буниным роднил общий жизненный опыт. Читателями этих двух сборников должны были стать и новые эмигранты, оказавшиеся в Соединенных Штатах после Второй мировой войны, по собственной воле или же волею сложно складывавшиихся судеб[16]. Именно этим читателям американский издатель придавал наибольшее значение. Поэтому, в частности, он не согласился на требования автора, желавшего печатать тексты с соблюдением дореформенной орфографии[17].

Как и письмо к Боссару, текст биографии построен так, что читателю сообщается: «Исполняя желание “Издательства имени Чехова” даю некоторые отрывки из своих “Автобиографических заметок”»[18]. В рассказе доминируют две темы: во-первых, дворянские корни, которым писатель придает весьма серьезное значение, а во-вторых, литературная работа. Рассказывая об аристократизме семьи, как по отцовской, так и по материнской линии, Бунин использует отрывки из справки, написанной для автобиографического словаря русских писателей С.А. Венгерова (1915)[19]. В версию 1952 г. добавлена некая подробность (Бунин уточняет, что речь идет о семейном предании): якобы стрелецкий полковник князь Чубаров, предок Бунина по материнской линии, был казнен Петром Пер-

[15] Бунин написал ее, судя по дате в конце текста, 17 октября 1952 г.

[16] См. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 385–390.

[17] Изначально Бунин заявил, что отказывается от заманчивого предложения увидеть три свои книги в печати в американском издательстве, если не будет учтен основной принцип — печатать всё только в старой орфографии. На это издательство отвечало категорическим отказом с мотивировкой, что новые поколения, незнакомые со старыми правилами, просто не сумеют прочесть эти книги. Бунин в конце концов сдался, в частности из-за потребности в деньгах. См.: *Бунин И.А.* Из писем к М.А. Алданову // И.А. Бунин: Pro et contra. С. 68–72.

[18] *Бунин И.А.* Весной, в Иудее. — Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 7.

[19] *Бунин И.* Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова / Послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М., 2004. С. 390–396.

вым за поддержку царевны Софьи. Тогда же, якобы, царь отобрал у рода Буниных княжеский титул.

В предреволюционные времена Бунин не подчеркивал свое дворянское происхождение: «я же чуть не с отрочества был “вольнодумец”, вполне равнодушный не только к своей голубой крови, но и к полной утрате всего того, что было связано с ней»[20]. Однако в автобиографических текстах, написанных в эмиграции, он уже совсем по-другому отзывается о своей принадлежности к высшему дворянскому сословию. Причина в том, что в эмиграции эта тема наполнилась особыми политическими и культурными смыслами. Она давала писателю возможность заявлять о причастности к исконной, традиционной России, уходящей корнями в заветную Московию.

Именно это проявляется в разбираемой нами третьей автобиографии. Бунин не случайно вставил туда сюжет о своем предке, посмевшем противиться самому Петру. Точно так же и Бунин противился новому укладу, воцарившемуся на его родине вследствие ненавистной, зверской российской революции.

Бунин рисует себя как носителя и защитника традиций, глубокого знатока русской деревни. В этом духе освещена им история выхода повести «Деревня», сразу принесшей Бунину и успех, и «страстные враждебные отклики» коллег и журналистов. В других рассматриваемых нами автобиографических текстах Бунин, рассказывая об этой истории, употреблял более мягкие выражения: «страстные споры» и «страстные отклики». Ныне же, оглядывая прошлое с новой временной дистанции, Бунин, как видим, прибегает даже к эпитету «враждебные». Тем самым он более наглядно передал разрыв между своим подходом — правдивое, объективное повествование о российском крестьянском укладе — и подходом «прогрессивной общественности», предпочитавшей взирать на народ идеалистично, чем, по сути, и подпитывались силы, породившие и неудержимый бунт, и его последствие — русскую революцию.

Создавая автопортрет, Бунин представляет себя как «в первую очередь писателя». При этом он возводит линию наследования к великим предкам и пользуется случаем напомнить, что сам Пушкин называл Жуковского «своим учителем». Подчеркивает Бунин и тему духовного сродства с Толстым, общего происхождения из срединных российских областей, общего набора основных литературных наград. Рассказывая об избрании в число двенадцати членов Российской Академии наук, Бунин тут же гордо отмечает: среди двенадцати был и Толстой.

[20] Там же С. 390.

Толстой оказал на Бунина глубокое влияние как в личном, так и в художественном планах и всегда интересовал его как предшественник, предтеча. Живя во Франции, Бунин посвятил Толстому детальное исследование-монографию, очень тепло принятую публикой, и не только русскоязычной[21]. Всем этим Бунин декларирует свою связь со Львом Толстым и дает понять, что речь идет, по сути, о единственном приемлемом для него творческом прообразе[22].

Бунин затрагивает и вопрос, отчего его слава в предреволюционной России оказалась недолговечной. Эта тема очерчивается буквально несколькими строками. В отличие от предыдущих автобиографий, здесь он не останавливается на истории литературных споров (для читателя в 1950-е гг. это уже анахронизм), не разбирает взаимоотношения литературных групп и кружков начала XX в. В качестве основного фактора он называет только революцию.

Со времени описываемых роковых событий прошло сорок лет. Бунина уже явно не влекут ярые обличения предреволюционной общественной ситуации: она и без того известна нынешним адресатам текста. Разве что два момента всё еще кажутся Бунину важными и символичными: захват власти Лениным и бегство сотен тысяч людей, имевших возможность бежать.

Взволнованный, драматичный тон письма к Боссару остался в прошлом. Его сменил четкий, уничтожающий, немногословный рассказ о фактах.

Автобиография завершается двумя сведениями о литературных достижениях Бунина в период эмиграции: Нобелевская премия в 1933 г. и выход десяти новых книг.

Из проведенного здесь анализа трех автобиографий видно, что Бунин всякий раз характеризовал собственную личность несколькими неизменными чертами: антиреволюционно настроенный эмигрант, знаменитый писатель, сумевший утвердить себя и в чужой стране. Тем не менее существуют и различия.

В автобиографии 1921 г. Бунин обращался к читателям, не знающим русского языка и русской ситуации, и говорил при этом от лица всей среды беженцев из России, жертв революции.

В автобиографии 1934 г., предназначавшейся русскоязычным читателям, живущим, как и он сам, в эмиграции, Бунин с гордостью описал

---

[21] *Бунин И.А.* Освобождение Толстого. Paris: Ymca-Press, 1937; *Bounine I.* La délivrance de Tolstoï. Paris: Gallimard, 1939.

[22] См. *Михайлов О.Н.* Путь Бунина–художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М., 1973. С. 47–48.

свою литературную деятельность, успешную даже после отъезда из России.

Нью-йоркская автобиография 1952 г. адресовалась крайне неоднородной публике, в которую входили русскоязычные читатели и из первой, и из второй — послевоенной — волн эмиграции, а также потомки эмигрантов, родившиеся уже вне России. Для этих читателей неприятие большевистской России было само собой разумеющимся фактором, так что Бунин смог обойтись без драматичных рассказов о зверствах революции. Он сосредоточился на перечислении важнейших литературных почестей, полученных им как на родине, так и в Европе, а также подчеркивал свою связь с Толстым, тем самым отдав дань великой русской литературе XIX в., достойным последователем которой он хотел себя представить.

Литература

Бунин И.А. «Хочу печатать сам, ибо вы, издатели, все звери»: Переписка И.А. Бунина с издательством «Петрополис» / Вступ. ст. С.Н. Морозова, В.В. Леонидова; подгот. текстов писем и примеч. С.Н. Морозова (при участии В.В. Леонидова) // Наше наследие. 2001. № 57. С. 79–91.

Деотто П. Автобиография по заказу // «Образ мира, в слове явленный…»: Сб. в честь 70-летия проф. Ежи Фарыно / Red. R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce: Institut Filologii Polskiej i Lingwistiki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistyczego, 2011. P. 83–89.

И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 2001. 1015 с.

Михайлов О.Н. Путь Бунина–художника // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 7–56.

Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d'une collaboration // Cahiers du Monde russe. 2007. Vol. 48, № 1 (janvier-mars). P. 23–43.

Reference

Bunin I.A. "Khochu pechatat' sam, ibo vy, izdateli, vse zveri": Perepiska I.A. Bunina s izdatel'stvom "Petropolis" ["I want to publish myself, because all of you, publishers, are beasts": I.A. Bunin's correspondence with the "Petropolis" publishing house], intro. by S.N. Morozov, V.V. Leonidov; ed. and comment. by S.N. Morozov (with the participation of V.V. Leonidov). *Nashe nasledie*, 2001, no. 57, pp. 79–91. (In Russ.)

Deotto P. Avtobiografiia po zakazu [Autobiography on request]. *"Obraz mira, v slove iavlennyi…": Sb. v chest' 70-letiia prof. Ezhi Faryno* ["The image of the world, revealed in a word...": A collection in honor of the 70th anniversary of Prof. Jerzy Faryno],

ed. R. Bobryk, J. Urban, R. Mnich. Siedlce, Institut Filologii Polskiej i Lingwistiki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistyczego, 2011, pp. 83–89. (In Russ.)

I.A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiia [I.A. Bunin: Pro et contra. Ivan Bunin's personality and works estimated by Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 2001. 1015 p. (In Russ.).

Livak L. L'émigration russe et les élites culturelles françaises 1920–1925: Les débuts d'une collaboration. Cahiers du Monde russe, 2007, Vol. 48, no. 1 (janvier-mars), pp. 23–43.

Mikhailov O.N. Put' Bunina–khudozhnika [The way of Bunin-artist]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin: V 2 kn. Kn. 1* [Literary Heritage. Vol. 84: Ivan Bunin: In 2 books. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 7–56. (In Russ.)

Ivan Bunin: Three autobiographical notes

© 2019, Patrizia Deotto

Abstract: The article is devoted to the analysis of three autobiographies written by I.A. Bunin to order in 1921, 1934 and 1952 and prefaced his collections of stories and collected works published abroad. In these texts Bunin describes himself as an anti-revolutionary émigré and a recognized writer who is actively published in emigration. However, he rethinks these elements depending on time and addressees, giving his personality a different color.

Keywords: I.A. Bunin, autobiography, Russian émigrés

Information about the author: Patricia Deotto, Doctor Hab., Professor, University of Trieste, Italy.

E-mail: pdeotto@units.it

Citation: Deotto Patrizia. Ivan Bunin: Three autobiographical notes. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 357–368. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-357-368

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-369-383
УДК 821.161.1

Неизвестные автографы И.А. Бунина: Выставка в Кембриджском университете (Великобритания)

© 2019, В.Л. Царёва-Браунер

Аннотация: В статье рассказывается о прошедшей недавно в Кембриджском университете выставке неизвестных ранее автографов И.А. Бунина, истории их нахождения, атрибуции, провенанса. Статья также затрагивает общий вопрос истории книг русской эмиграции первой волны из Славянских Коллекций университетской библиотеки Кембриджа.

Ключевые слова: И.А. Бунин, неизвестные автографы, собрание книг русской эмиграции первой волны.

Информация об авторе: Вера Львовна Царёва-Браунер, MA, BA, MPhil (Manchester), сотрудник кафедры Славистики, факультет Современных и Средневековых языков (MML), Университет Кембриджа (Великобритания), Sidgwick Avenue, Cambridge CB3 9DA, UK, E-mail: vt220@cam.ac.uk.

Цитирование: *Царёва-Браунер В.Л.* Неизвестные автографы И.А. Бунина: Выставка в Кембриджском университете (Великобритания) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 369–383.
DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-369-383

Памяти Л.Н. Царёва

5 ноября 2018 г. в главном здании Центральной библиотеки Кембриджского университета открылась выставка под названием “Out of the Shadows”, которое можно вольно перевести как «Вышедшие (явившиеся, представшие) из теней (тени)». В английском названии отсутствует глагол, поэтому его приходится додумывать при переводе. Выбранное устроителями выставки название — с определенным готическим оттенком — довольно емко характеризует необычную и даже загадочную судьбу представленных на ней уникальных книг[1].

[1] Постоянный сайт выставки: https://exhibitions.lib.cam.ac.uk/outoftheshadows/. См. также: https://europeancollections.wordpress.com/2018/11/05/russian-emigres-on-paper-a-new-exhibition-online-and-in-the-librarys-entrance-hall/

Экспозиция приурочена к столетию начала Великого русского исхода в 1918 г., все экспонаты — это книги с автографами писателей русской эмиграции первой волны, которые впервые вводятся в научный оборот. Появление подобного рода образцов «материальной культуры» — всегда событие, поскольку они воплощают истинную, ощутимую, а не гипотезированную или «дискурсную» историю. Чем больше мы отдаляемся от трагических событий столетней давности, тем всё более редкими становятся подобные находки, а крайне необычные обстоятельства обнаружения (или «*вывода из теней*») этих книг придают данному событию особый оттенок.

Однако данная находка — не просто факт обнаружения библиографической редкости. Она послужила толчком к большому исследованию, поскольку за каждым из этих автографов стоят истории людей, оказавшихся, подобно самим книгам, потерянными и почти забытыми. Подробное описание находок, их провенанса, автографов, но главное — удивительных историй людей, стоящих за этими автографами, — тема отдельного, значительно более обширного исследования, которое сейчас готовится к изданию[2].

Всего на выставке представлено шесть книг с неизвестными ранее автографами И. Бунина, Н. Тэффи и А. Толстого. Эти книги никогда ранее не обнародовались и не атрибутировались. Более того, о существовании столь ценных автографов в этих книгах никто не знал, поскольку по прибытии в Кембридж некоторые из них были неправильно закаталогизированы, о чем далее. Несколько лет назад, когда каталоги библиотеки переводились в цифровой формат, эти книги чудом, а точнее, *благодаря* административному «недосмотру» избежали уничтожения как «невостребованные на протяжении более 50 лет». От такой участи эти поистине драгоценные экземпляры спасла чистая случайность.

В данной статье мы подробно остановимся на бунинских автографах.

Несколько слов о том, что представляет собой Центральная библиотека Кембриджского университета, поскольку это важно для общего фона повествования. Как и многое в Кембридже, структура его университетской библиотеки весьма своеобразна и построена по средневековой модели: Центральная библиотека — это нечто вроде главного собора, в котором хранятся книги, доступные всем колледжам (бывшим средневековым монастырям), в то время как каждый отдельный колледж, а их на данный момент 31, имеет свою суверенную «монастырскую» библиотеку, доступ к которой ограничен. Таким образом, существует как

[2] Книга В.Л. Царёвой-Браунер «Автографы не горят: Письма к Буниным» (рабочее название) планируется к публикации (на английском языке) в издательстве “Academic Studies Press” (USA) в 2020 г.

бы два отдельных потока обращения книг внутри одного университета, и часто они абсолютно друг с другом не связаны. Конечно, существует единый каталог, однако, даже согласно официальному сайту Кембриджского университета, структура коллекций и хранения характеризуется как «несколько идиосинхронная». Учитывая колоссальный объем книг существующего с 1209 г. Кембриджского университета, а также множества научных институтов, центров и лабораторий, входящих в него, неудивительно, что такая «идиосинхронность» нередко вносит элемент творческой непредсказуемости в процесс поиска нужной книги.

Славянские же коллекции библиотеки объемом примерно в 140.000 единиц хранения особенно славятся «идиосинхронностью»: расположенные на предпоследнем этаже так называемой «Северной башни» главного здания, эти два огромных отдела («Литература» и «История») всегда пустынны, имеют весьма своеобразное освещение, которое необходимо периодически «перезаводить» на таймере. Системность классификации здесь особенно расплывчата, поскольку книги нередко группируются по размеру, нежели по имени автора или эпохе. Большинство из тех, кто в 1920–1930-х гг. занимался систематизацией славянских коллекций, не просто не знали русского языка, но даже не умели читать кириллицу. Об одном поистине невероятном примере такой «экспертной» каталогизации, касающейся непосредственно книг И.А. Бунина, мы расскажем позднее.

Что же касается самих находок, то история первой из них, «Митиной любви» И.А. Бунина[3], особенно примечательна: эта книга, судя по всему, случайно оказалась во втором ряду, или, проще говоря, «завалилась» за весьма увесистый художественный альбом «Архитектура средневековой Москвы» 60-х гг. прошлого века. Там она и провела, никем и ничем не потревоженная, почти 60 лет. Этим «счастливым» положением — в своеобразном вакууме, куда не попадали ни пыль, ни свет, — объясняется исключительная сохранность и самой книги, и бунинского автографа.

Первое издание «Митиной любви» И.А. Бунина вышло в свет в Париже в 1925 г. в издательстве «Родник». Оригинал (мягкая обложка) получил бежевый переплет вскоре после поступления в библиотеку Кембриджского университета в 1961 г., о чем свидетельствует штамп внутри переплета. Книга напечатана на высококачественной меловой бумаге с водяными знаками; эксперты по реставрации книг единодушно признали качество и сохранность этого экземпляра «совершенно исключительными» для его возраста.

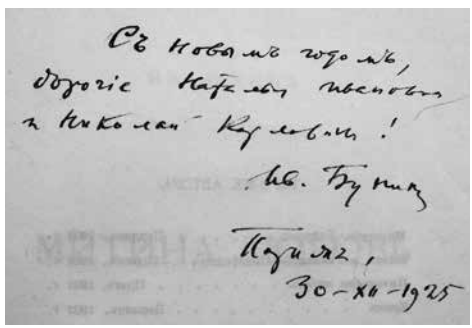
[3] В данном описании мы придерживаемся не исторической хронологии публикаций, а хронологии их обнаружения (2016–2017 гг.).

На втором внутреннем листе круглый штамп с датой «15 декабря 1960 года» — день регистрации книги в библиотеке Кембриджского университета. Здесь же буква «B», означающая, что книга куплена, т.е. не является даром, займом или передачей из колледжских библиотек или кафедр. На переднем крае внутренней обложки — надпись карандашом: “Mouton & Co., Rijswijk”, а также “E-250”. В момент обнаружения книги (сентябрь 2016 г.) в ней не было формуляра, т.е. с 1960 г. она ни разу не была востребована.

Другая интересная деталь — остатки клейкой ленты на страницах с автографом. Может сложиться впечатление, что автограф пытались скрыть, склеив две страницы по краю. Эксперты не смогли с точностью определить возраст клейкой ленты, но, по их мнению, это не современная разновидность.

И, наконец, главное: на титульном листе, в верхнем правом углу — надпись черными чернилами:

С Новым годом,
дорогие Наталья Ивановна
и Николай Карлович!
Ив. Бунин.
Париж,
30 — XII — 1925

На фотографии достаточно четко видно, что первая буква — «С» — прописывалась Буниным несколько раз. Возможно, высохли или заканчивались чернила.

Адресаты первого автографа Бунина — Николай Карлович и Наталья Ивановна Кульман, ближайшие друзья, соратники, редакторы, корреспонденты Буниных на протяжении почти 50 лет. Свидетельством тому — более 250 писем Кульманов к Буниным, которые хранятся в Русском Архиве в Лидсе (РАЛ). Имена этих представителей дореволюционной интеллектуальной элиты, а после эмиграции — важнейших фигур культурной жизни довоенного «русского Парижа», — в настоящий момент практически забыты, стерты из памяти, а если и упоминаются, то

очень часто с ошибочными ссылками. Даже в серьезных публикациях[4] появляются фактические неточности, допущенные не по вине составителей сборника. Выверенная информация о них будет включена в уже упомянутую книгу, готовящуюся к печати.

Более того, немногочисленные сохранившиеся фотографии Н.К. Кульмана иногда сопровождают самыми неожиданными подписями, например «*А. Деникин*», с которым Николай Карлович был очень дружен в эмиграции и даже чем-то действительно на него похож, — что, однако, никак не извиняет такой оплошности, — и даже «*К. Бальмонт*», тоже хороший знакомый и соавтор нескольких трудов, посвятивший Кульману свой перевод «Слова о Полку Игореве». Однако Бальмонта с его львиной шевелюрой даже в преклонном возрасте трудно спутать с абсолютно лысым Николаем Карловичем.

Как следует из дарственной надписи, первое издание «Митиной любви» — новогодний подарок Кульманам, вместе с которыми Бунины встречали наступающий 1926 г.; 1 января 1926 г. Вера Николаевна Бунина записывает в дневнике: «Новый год встречали в “Возрождении”… Кульман поднял тост за букву “Ѣ”!»[5]

Естественно, эта находка вдохновила автора статьи немедленно провести системное обследование обширного корпуса изданий И.А. Бунина разных лет — дореволюционных, эмигрантских, советских — сначала по общему каталогу, а потом и путем «фронтального» осмотра всех полок (и потенциальных ниш) в радиусе первой находки. Увы, эта работа, занявшая около полугода, не принесла никаких результатов.

Надо сказать, что на тот момент все попытки найти какую-либо информацию об архиве Кульманов — в Москве, Петербурге, Лондоне, США, Париже, где Кульманы жили в эмиграции и похоронены на кладбище Сен-Женевьев-Де-Буа (Николай Карлович скончался в 1940 г., Наталья Ивановна — в 1956 г.), — также оказывались тщетными. Их имена были знакомы моим многочисленным корреспондентам, но преимущественно по ассоциации с другими, более «звездными» именами — Буниных, Тэффи, Шмелевых, Зайцевых, Деникина, Бальмонта. Об архиве, если таковой сохранился, ничего узнать не удалось.

Поиск осложнялся ошибкой, повторяющейся во многих источниках: якобы у Кульманов был сын Владимир Николаевич, ставший видной фигурой Русской Православной Церкви за Границей и известный в сане как

[4] И.А.Бунин: Новые материалы. Вып. III: «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса. М., 2014. 714 с.

[5] *Бунин И.А., Бунина В.Н.* Устами Буниных. Дневники: в 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 153.

Митрополит Мефодий. На самом деле Владимир Николаевич был сыном Н.К. Кульмана от первого брака, а Наталья Ивановна была его мачехой. Брак Кульманов был вторым для обоих, и общих детей у них, как выясняется из письма В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 20 марта 1958 г.[6], не было, а потому и поиск по линии общих детей, которые могли бы дать информацию об архиве, оказался непродуктивным. Вообще же у Николая Карловича было четверо детей от первого брака: две дочери и два сына. О дочерях известно только, что они также эмигрировали и жили в Германии и Чехии, одна из них была врачом. Их имена периодически появляются в письмах Н.И. Кульман к В.Н. Буниной, с которой она была в очень доверительных отношениях, а потому и писала «о больном»: судя по всему, отношения с дочерями и внуками Н.К. Кульмана у Натальи Ивановны не сложились. Что же касается Владимира Николаевича, старшего сына Н.К. Кульмана, надо сказать, что хотя он и был более близок Наталье Ивановне и даже помогал ей в последние годы жизни, маловероятно, чтобы он взял на хранение архив отца и мачехи, поскольку к середине 50-х гг. окончательно отошел от мирского и вел аскетический образ жизни. Детей у него, разумеется, не было.

Как уже упоминалось, в РАЛ хранится весьма значительный корпус писем Кульманов к Буниным, свидетельствующий об их активнейшей научной, просветительской, издательской, благотворительной деятельности. Кульманы были действительно близкими, а не «светскими» друзьями многих ключевых фигур русской эмиграции первой волны. И тем не менее все запросы автора в разнообразные организации, архивы, церкви оказались, увы, безрезультатны.

Почему вопрос об архиве Кульманов представляется столь важным? Во-первых, корпус писем, хранящийся в РАЛ, — это письма Кульманов к Буниным, т.е. корреспонденция только с одной стороны, хотя и свидетельствующая об активной переписке с обеих сторон. Поскольку отношения были очень доверительными, в этих письмах немало неизвестных ранее и никогда не публиковавшихся фактов — о жизни Буниных в Грассе и Париже, об их отношениях с общими друзьями и знакомыми, о жизни парижской эмиграции вообще. Н.К. Кульман был распорядителем Нобелевского фонда Бунина, однако в РАЛ хранится всего одно письмо на эту тему. Где находятся письма Буниных к Кульманам — неизвестно.

Во-вторых, учитывая близость и непрерывность отношений, существовавших почти 50 лет, — что само по себе достаточно уникально для Ивана Алексеевича, — можно с достаточной степенью уверенности сказать, что книг с дарственными надписями Бунина в собрании Кульманов

[6] И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. III. С. 430.

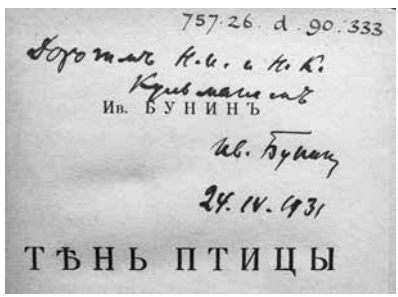
было значительно больше. Более того, Наталья Ивановна была одним из первых читателей и редакторов «Темных аллей» и многих других произведений Бунина конца 1930-х — начала 1950-х гг., о чем свидетельствуют ее письма к Бунину, хранящиеся в РАЛ; они будут опубликованы в упомянутой книге. Можно предположить, что в архиве были и черновики рукописей Бунина с пометами Натальи Ивановны, поскольку они упоминаются в письмах. Где все эти материалы теперь — тоже неизвестно.

Важно также заметить, что после смерти мужа Наталья Ивановна трепетно хранила и собирала всё, что было связано с его жизнью и деятельностью, и поэтому невозможно представить, что письма Буниных или книги с автографами Ивана Алексеевича могли — по крайней мере, при жизни Натальи Ивановны — просто исчезнуть. Сохранить наследие мужа стало поистине целью ее жизни после ухода Н.К. Кульмана, а она пережила его на 16 лет.

…Именно в период такого исследовательского тупика, когда казалось, что все очевидные поисковые резервы исчерпаны, автору снова улыбнулась удача. Увы, это был не архив Кульманов, но нечто не менее неожиданное: небольшой синий том, очутившийся в ряду книг о реформах Столыпина — вдали от «бунинского» корпуса, от места обнаружения «Митиной любви», что было бы более логичным.

На титульном листе этой небольшой книги значится: «Ив. Бунин. / Тень птицы. / Париж / Издательство Современные Записки / 1931». А в самой верхней его части, которая, судя по всему, была обрезана при переплете, знакомым почерком черными чернилами написано:

Дорогим Н.И. и Н.К.
Кульманам
Ив. Бунин[7]
24.IV.1931

Непросто описать ощущения по прочтении этой дарственной надписи: после почти годовых системных поисков и запросов, буквального прочесывания сотен томов славянских коллекций — именно в результате такого фронтального метода были обнаружены остальные экспо-

[7] В данном случае «ер» (ъ) в конце фамилии представляется скорее росчерком, но нет сомнения, что Иван Алексеевич, до конца жизни придерживавшийся старой орфографии, подразумевал его.

наты выставки — взять в руки своеобразную «расшифровку кода»... Напомним, что на первом экземпляре указываются только имена и отчества адресатов, и хотя к тому времени их фамилия уже была установлена, подтверждение, написанное рукой Бунина, не могло не показаться сродни провидению.

По качеству издания «Тень птицы» значительно уступает «Митиной любви»: бумага желтоватая, тонкая, без водяных знаков, поэтому чернила автографа кажутся немного размытыми. Однако практически все библиотечные данные книги идентичны. Так же, как «Митина любовь», «Тень птицы» поступила в библиотеку 15 декабря 1960 г., является приобретением и переплетена в синюю кожаную обложку в 1961 г. На второй странице идентичная с первым экземпляром надпись карандашом “Mouton & Co., Rijswijk”. Как и в случае с «Митиной любовью», формуляр книги чист, т.е. она ни разу не была востребована.

Идентичная дата регистрации, идентичные карандашные надписи (о них ниже), наконец, идентичные адресаты позволяют предположить, что обе книги поступили в Кембридж вместе и из одного источника, скорее всего, из личной библиотеки. Казалось бы, вопрос их провенанса относительно прост. Однако всё оказалось значительно сложнее. Карандашная надпись на книгах привела к старой голландской книжной фирме “Mouton & Co”, которая еще в середине прошлого века активно занималась куплей и продажей как антикварных, так и просто старых книг, однако давно прекратила независимое существование, поскольку в 1977 г. была поглощена крупным книжным концерном “De Gruyter”. Сотрудник этой фирмы подтвердил в переписке с автором статьи, что в 1950–1960 гг. через “Mouton & Co” действительно проходил большой поток книг русской эмиграции, большей частью из Франции. Представители первой волны к тому времени уже практически ушли, и в отсутствие наследников огромное количество таких бесхозных книг оказалось либо на «развалах» Парижа, Ниццы, Канн, либо продано «валом» в компании, подобные “Mouton & Co”.

Как говорилось ранее, Наталья Ивановна Кульман скончалась в 1956 г.; т.к. прямых наследников у нее не было, можно предположить, что именно такая судьба постигла два этих ценнейших экземпляра. Судя по всему, Владимир Николаевич Кульман (архиепископ Мефодий) не принимал участия в судьбе архива отца: трудно представить, чтобы он отдал такие книги на валовую распродажу.

Существует еще один гипотетический сценарий провенанса этих книг: Наталья Ивановна была активной прихожанкой храма Покрова на рю Люрмель в 15-м округе Парижа. Возможно, она завещала архив своей церкви, но через несколько лет по каким-то причинам он был рас-

продан, и некоторая его часть, в том числе две наших книги, оказалась в Голландии. Насколько известно, сейчас этот храм не существует.

Рассматривался и еще один вариант: часть архива Кульманов могла оказаться в Покровском женском монастыре в Бюсси-ан-От, в Бургундии. Именно там относительно недавно закончила жизнь игуменья Ольга, в миру Елена Ивановна Слёзкина (1915–2013), настоятельница этого небольшого монастыря до своей кончины, а в прошлом — духовная дочь и ближайшая помощница владыки Мефодия. Когда-то она тоже была прихожанкой храма на рю Люрмель. Недавно из монастыря пришел ответ: увы, мать Анна сообщила автору, что архива Кульманов у них нет.

Важно заметить, что о существовании бунинских автографов в этих двух книгах на момент их поступления в Кембридж и каталогизации известно не было, и мы подробнее остановимся на этом позже. Однако, возвращаясь к отпечаткам клейкой ленты, о которых говорилось ранее, возможно, кто-то пытался утаить наличие этих автографов.

По словам Мэл Бах, нынешнего куратора Славянских Коллекций университетской библиотеки, на некоторых приобретениях того периода ставилась не только дата регистрации, но и номер накладной или счета, по которому книга была приобретена, однако на наших экземплярах такой информации, к сожалению, нет.

Следующий вопрос: каким образом эти две книги могли попасть из Голландии в Кембридж? Можно предположить два сценария: они были приобретены напрямую либо по каталогу “Mouton & Co”, одного из многочисленных поставщиков библиотеки Кембриджского университета на протяжении многих лет, либо в известном кембриджском магазине букиниста Гюстава Дэвида. Основанный в 1896 г., он и сегодня активно работает, от библиотеки до него 5 минут пешком. Обе версии приоткрывают интереснейший пласт кембриджской русистики, и здесь представляется уместным сделать небольшое отступление и рассказать о человеке, который наверняка имел прямое отношение к появлению всех этих книг в университетской библиотеке.

Речь пойдет о личности, весьма выдающейся во многих отношениях, первой женщине-профессоре славистики Кембриджского университета — Элизабет или, как ее часто называли, Лизе Хилл. В советские времена к ней непременно прикрепили бы штамп «человек удивительной судьбы». И судьба ее в самом деле удивительна. Елизавета Федоровна Хилл, дочь англичанина и обрусевшей немки, родилась в 1900 г. в Санкт-Петербурге. Хотя в 1917 г. семья репатриировалась в Англию, Елизавета Федоровна всегда ощущала себя исключительно русской, решительно поправляя тех, кто считал ее англичанкой. В 1936 г., после долгих лет лишений (семья потеряла свое значительное состояние в 1917 г.)

и скитаний по случайным работам, Елизавета Федоровна, защитив диссертацию, наконец получила постоянное место преподавателя русского языка в Кембридже. С 1948 по 1968 гг. она являлась бессменным заведующим кафедры славистики и, как уже говорилось, первой женщиной-профессором в этой области, что для консервативного Кембриджа тех лет было практически неслыханным.

Однако в биографии Елизаветы Федоровны есть еще один, не менее интересный пласт: Джордж Блейк, один из «кембриджских шпионов», двойной агент, завербованный СССР во времена Корейской войны, был любимым учеником профессора Хилл, и, по его собственному признанию, именно она пробудила в нем интерес к России и всему русскому, став для Блейка неким «русским пастырем»[8]. Блейк по сей день живет в Москве.

В 1941–1945 гг. Хилл числилась «особым консультантом» при Министерстве информации Великобритании, и к ней, скорее всего, тоже делались «подходы» на предмет сотрудничества с Москвой. Но Елизавета Федоровна всегда слыла страстным русофилом и такой же страстной антисоветчицей, поэтому вербовки явно не произошло.

Во времена холодной войны, с 1951 по 1960 г., когда Европа впервые активно ждала «прихода русских», Хилл возглавила Школу для военных лингвистов (Joint Services School for Linguists), курс настолько исключительного уровня, что его выпускники — Хилл называла их «курсанты» — на протяжении многих лет считались лучшими русистами в Великобритании, хотя, к счастью, их навыки не пригодились по прямому назначению, поскольку русские, вопреки ожиданиям, так и не пришли... Однако множество будущих дипломатов, министров, государственных чиновников высокого уровня и даже писателей и драматургов — а общий выпуск «курсантов» составил около 5.000 человек — на всю жизнь прониклись любовью к России, к ее языку и культуре именно стараниями Лизы Хилл. За свои заслуги она была удостоена титула Дамы Британской Империи (Dame).

С ранней молодости одной из страстей Елизаветы Федоровны было собирание книг, и сразу по назначении на пост преподавателя русского в Кембридже она начала активно заниматься закупками для растущей библиотеки славистики. Важно заметить, что никаких «грантов» Хилл не имела, но, поскольку это была ее первая стабильная зарплата (скорее всего, весьма скромная), она решила ежемесячно тратить определенную сумму на покупку книг для библиотеки. Начало коллекции положил профессор Минн, передав свою огромную библиотеку славистики в дар

[8] *Hermiston R.* The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake. London, 2013. 352 p.

университету в 1936 г., и Елизавета Федоровна энергично подхватила эстафету. В книге воспоминаний, опубликованной уже после ее смерти в 1996 г., профессор Хилл пишет: «Каждую субботу я отправлялась в подвальчик букинистического магазина “Дэвид”, находящегося в самом центре Кембриджа, рядом с рыночной площадью, и почти всегда уходила с добычей»[9]. Далее Хилл вспоминает, что, путешествуя по Европе, тоже всегда старалась зайти к местным букинистам — посмотреть, нет ли чего интересного на русском языке. Похоже, такие походы часто оказывались успешными — к концу 30-х гг. первая волна русской эмиграции начала уходить из жизни, и, как уже говорилось, многие ценнейшие коллекции просто выбрасывались. Что касается европейских путешествий (и приобретений), неутомимая профессор Хилл вполне могла посетить Рейсвейк или купить две бунинские книги по каталогу дилера в 1960 г. Могла ли Елизавета Федоровна не заметить ценный автограф? Увы, вполне, — и рассказ об этом чуть ниже.

А пока — рассказ о последней «бунинской» находке, представленной на выставке. Подобно «кульмановским» экземплярам, этот темно-синий том найден там, где не должно был быть: в разделе русской мемуарной литературы конца XIX в.

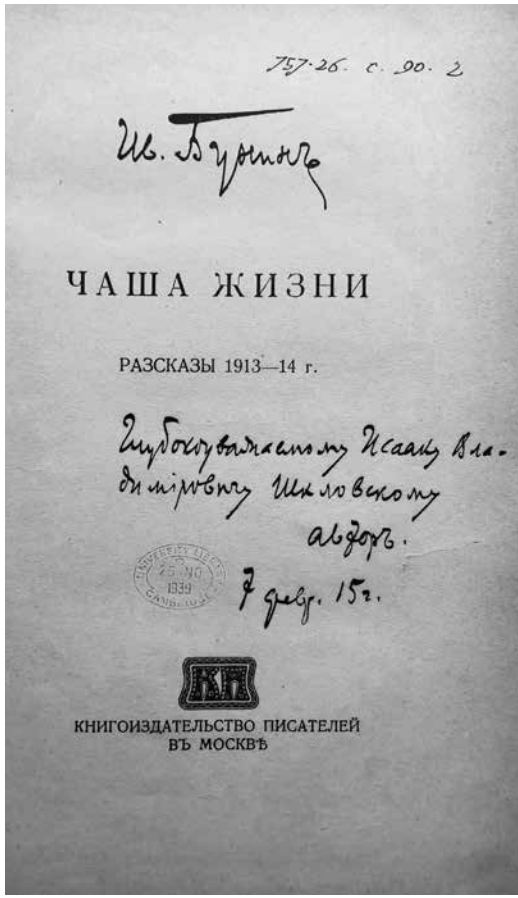
Перед нами — книга И.А. Бунина «Чаша жизни. Рассказы 1913–1914 годов», выпущенная Книгоиздательством писателей в Москве в 1915 г. Книга в оригинальном переплете, на внутренней стороне обложки штамп с датой поступления — 25 ноября 1939 г. Более никаких помет или надписей нет, равно как и формуляра — книга не была востребована почти 80 лет.

На титульном листе под заглавием книги автограф:

Глубокоуважаемому Исааку Владимировичу Шкловскому
автор.
7 февр. 15 г.

Исаак Владимирович Шкловский (1865–1935), известный также под псевдонимом Дионео, — выдающийся журналист, очеркист, этнограф, который был хорошо знаком с Буниным по издательским делам: до революции они нередко печатались в одних журналах. (Интересно, что, живя в эмиграции в Лондоне, Исаак Владимирович был дружен с Ариадной Владимировной Тырковой-Вильямс, которой адресован автограф Тэффи, представленный на этой же выставке.)

[9] In the Mind’s Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill / Ed. J.S. Smith. Lewes, 1999. 520 p. Здесь и далее перевод с английского автора статьи.

«Чаша жизни» поступила в библиотеку значительно раньше двух предыдущих книг. Дата поступления (после 1936 г.) свидетельствует о том, что книга, скорее всего, приобретена стараниями Елизаветы Федоровны Хилл, а не входила в коллекцию профессора Минна. Хотя на книге стоит код «приобретена», помета о том, что она поступила от какого-либо дилера, отсутствует. Помет нет вообще.

Заметим, что после 1917 г. Кембридж вместе с Оксфордом и Лондоном стал одним из «русских» центров Англии — здесь поселилось немало представителей первой волны эмиграции, многие из которых работали в университете: в 1920–1930-х гг. здесь учились Владимир Набоков, Николай Бахтин, защитивший в Кембридже докторскую диссертацию, работали Дмитрий Оболенский, Петр Капица и многие другие. Существовала активная русская диаспора, и поэтому вполне возможно, что «Чаша жизни» попала в библиотеку именно таким путем: кто-то сдал старые русские книги кембриджскому букинисту, а Елизавета Федоровна купила ее в один из своих субботних походов.

Представленные здесь версии о поступлении из Голландии двух книг с автографами Кульманам и относительно «Чаши жизни» с автографом Шкловскому — гипотезы, основанные, однако, на документальных исследованиях. К общему сожалению автора, сотрудников и куратора славянского отдела библиотеки Кембриджского университета, не осталось никаких накладных или других «вещественных доказательств», которые могли бы неоспоримо подтвердить провенанс этих книг.

И, наконец, последний вопрос: как могли эти ценнейшие книги оказаться там, где были обнаружены? В начале статьи говорилось о весьма своеобразном подходе к каталогизации славянских коллекций в 1930–1960-х гг.: он был во многом обусловлен историческими причинами, отсутствием структурного подхода и нехваткой сотрудников со знанием русского языка. Хотелось бы проиллюстрировать этот тезис примером из воспоминаний Елизаветы Хилл, где описывается, к примеру, такой «забавный» эпизод: «...в то время коллекция разрослась, и нам пришлось искать какого-нибудь аспиранта, который мог бы заняться каталогизацией в свободное время. Им оказался Сергей Гаккель, впоследствии ставший видной фигурой в Русской Православной церкви в Лондоне. Его интересовали только религиозные книги, на остальное он вообще не обращал внимания. Вскоре его ненадолго сменил поляк Сигизмунд Рукальский, потом — бывший "курсант" Феэрс, ставший много позднее куратором Славянских Коллекций Британской библиотеки. Наконец, в конце 50-х годов Министерство финансов выделило нам грант на ставку библиотекаря, и им стал некто Павлович, серб по национальности, который занялся составлением первого каталога. Надо сказать, что господин Павлович довольно плохо знал и русский и английский, поэтому при каталогизации наделал немало *забавных*[10] ошибок. Вот пример одного такого *курьеза:* в карточке написано: "Автор: *Шмелев*. Название: *Жизнь*. Ссылка: *Арсеньев*"»[11].

Можно оставить этот «курьез» без комментариев… Проверив каталог, автор статьи, конечно же, обнаружил «Жизнь Арсеньева», к которой Иван Сергеевич Шмелев никакого отношения не имел. Этот бунинский том, находящийся в библиотеке с конца 1950-х гг., тоже никогда не был востребован, что, учитывая столь экспертное описание, совсем не удивительно.

Возможно, что именно стараниями загадочного серба Павловича — к сожалению, неизвестны даже его инициалы, никаких документов о нем в библиотеке также не сохранилось — первые издания книг с автографами Бунина, а также Н. Тэффи и А. Толстого оказались в столь неожиданных местах, где провели в полной безвестности многие десятилетия. Хронологически это весьма вероятно, поскольку даже поступившая в 1939 г. «Чаша жизни» не могла быть системно каталогизирована до середины 1950-х гг. по описанным ранее причинам. Что же касается «Митиной любви» и «Тени птицы», поступивших в конце 1960 г., можно с уверенностью предположить, что они попали именно в заботливые

[10] Курсив автора статьи.
[11] In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill. P. 327.

руки господина Павловича, у которого, по словам Елизаветы Хилл, наблюдались сложности и с английским, и с русским языками...

Нет необходимости говорить, что подобный «забавный анекдот» вряд ли приведет в восторг буниноведов и других исследователей наследия русской эмиграции. К счастью, в данном случае руководство библиотеки Кембриджского университета действовало оперативно и профессионально: при содействии куратора Славянских Коллекций книги были переведены в особый фонд хранения, где находились до открытия выставки 5 ноября 2018 г. В то же время была проведена реставрационная работа, сделаны высококачественные фотографии, которые можно увидеть на сайте выставки, создан удачный дизайн экспозиции. Выставка продлилась месяц, и по ее окончании книги вернулись в особый фонд.

Казалось бы, «хэппи энд»: ценнейшие образцы материальной культуры русской эмиграции спасены, описаны и введены в научный оборот. Однако возникает вопрос: может ли где-то в недрах библиотеки существовать другой, пока не обнаруженный пласт? Учитывая общую бессистемность исторической каталогизации, увы, нельзя с уверенностью утверждать, что это невозможно, и автор, безусловно, продолжит поиски.

Литература

Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники: В 2 т. Т. 2. М.: Посев, 2005. 432 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Hermiston R. The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake. London: Aurum Press, 2013. 352 p.

In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill / Ed. J.S. Smith. Lewes: Book Guild, 1999. 520 p.

References

Bunin I.A., Bunina V.N. *Ustami Buninykh. Dnevniki: V 2 t. T. 2* [As spoken by the Bunins. Diaries: In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Posev Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)

Hermiston R. *The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake*. London, Aurum Press, 2013. 352 p.

I.A. Bunin. Novye materialy. Vyp. III: "...kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi": Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961 [I.A. Bunin. New materials. Vol. III: "...when close people write to each other": Letters

of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961], comp., ed., comment. by E.R. Ponomarev and R. Davis, articles by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill, ed. J.S. Smith. Lewes, Book Guild, 1999. 520 p.

Previously unknown autographs of Ivan Bunin: Exhibition at Cambridge University (UK)

© 2019, Vera Tsareva-Brauner

Abstract: The article describes unknown autographs of Ivan Bunin presented at the exhibition of autographs, which was recently held at the University of Cambridge, the history of their discovery, attribution, provenance. The article also adresses the issue of the history of books of the first wave of Russian émigrés from the Slavic Collections of the University Library of Cambridge.

Keywords: I.A. Bunin, unknown autographs, a collection of books of the first wave of Russian émigrés.

Information about the author: Vera Tsareva-Brauner, MA, BA, MPhil (Manchester), member of the Department of Slavonic Studies, Faculty of Modern and Medieval Languages (MML), University of Cambridge, UK.

E-mail : vt220@cam.ac.uk

Citation: Tsareva-Brauner Vera. Previously unknown autographs of Ivan Bunin: Exhibition at Cambridge University (UK). *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 369–383. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-369-383

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-384-402
УДК 821.161.1

«Анакреонтические оды» и «анакреонтические стихи» в русской поэзии XVIII века*

© 2019, К.Ю. Лаппо-Данилевский

Аннотация: В статье критически анализируется положение Г.А. Гуковского о том, что русским анакреонтическим одам XVIII в. чуждо тематическое единообразие. На материале конкретных лирических произведений показывается, что с начала 1760-х гг. наряду с анакреонтическими одами в русской литературе существуют «анакреонтические стихи» — мини-жанр с ярко выраженной формальной доминантой.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, анакреонтические оды и анакреонтические стихи, рецепция античности в России, поэтика, метрический репертуар русской анакреонтической поэзии

Информация об авторе: Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, д.ф.н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* «Анакреонтические оды» и «анакреонтические стихи» в русской поэзии XVIII века // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 384–402.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-384-402

* Статья написана в рамках работы по гранту РГНФ «Русская анакреонтическая ода XVIII — первой четверти XIX века» 16-04-00280.

Одним из основных положений Г.А. Гуковского в его яркой и по сей день не потерявшей научного значения статье «Об анакреонтической оде»[1] является утверждение о том, что этому жанру русской поэзии XVIII в. не свойственно тематическое единообразие:

> Поскольку анакреонтическая ода образовала отчетливо отграниченный жанр в русской поэзии XVIII века и поскольку признаком этого жанра была метрическая характеристика его, она являет весьма замечательный пример жанрового мышления эпохи. В самом деле, если понятия жанров в целом ряде случаев грозят при ближайшем рассмотрении оказаться фикцией, не дающей даже удобств вспомогательной гипотезы, то, наоборот, в XVIII веке классификация жанров, являясь одной из основ поэтического сознания, реально присутствовала, как фон бытия каждой отдельной художественной единицы. При этом, конечно, самые разнообразные признаки могли оказаться в роли differentiae specificae; в анакреонтической оде в этой роли выступил признак метрический. Тематического единства русские «анакреонтические» оды не имеют; помимо обычных «анакреонтических» в немецком смысле тем, они приемлют темы совершенно иного порядка, не свойственные ни самому Анакреонту, ни его западным подражателям (с. 125).

Определяющим для жанра русской анакреонтической оды, по мнению Гуковского, оказывается ее метрика (говоря проще: анакреонтические оды должны были быть написаны 4-стопным хореем или 3-стопным ямбом без рифм со сплошными женскими клаузулами и без членения на строфы), при этом традиционная для европейской литературы тематика, унаследованная от древности, оказывается для русской анакреонтической оды якобы не обязательна. Подтверждение этому замечанию Гуковский находит в философических стихах М.М. Хераскова и А.В. Нарышкина, написанных «анакреонтовым метром», но весьма далеких от игривости европейской анакреонтики.

Переиздавая ранние работы ученого, В.М. Живов высказал вполне обоснованные сомнения по поводу отрицания Гуковским тематического единства русской анакреонтической оды:

> Будущему исследователю предстоит понять, каково было тематическое развитие русской анакреонтики — вопрос, от которого Гуковский сознательно отстраняется. Полагать, что тематически в русской анакреонтике царил полный разнобой, было бы теоретически неосмотрительно и противоречило бы тем фундаментальным идеям о связи

[1] Впервые: *Гуковский Г.А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 103–150. Далее ссылки на текст статьи даются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

семантики и метра (не прямолинейной, но постоянно возникающей и подвергающейся реинтерпретации), которые утвердились в русской филологии в последние десятилетия[2].

Пристальный анализ концепции Гуковского, предпринятый мною, позволил взглянуть на нее еще более критически и привел к следующим выводам:

Во-первых, история русской анакреонтической оды в XVIII столетии характеризуется куда большим напряжением, чем полагал ученый, сформулировавший рекомендации А.П. Сумарокова к этому жанру на основании двух его анакреонтических од, опубликованных в 1755 г., и почему-то проигнорировавший представления М.В. Ломоносова о жанре.

Во-вторых, Гуковский, если обратить внимание на стихотворения, им рассматриваемые, склонен не включать переводы эллинистической анакреонтики на русский язык в число анакреонтических од (хотя и не всегда последователен в этом). Такой подход вряд ли правомерен; достаточно сказать, что другие исследователи этого разделения не придерживались и не придерживаются (упомянем здесь лишь Ч.Л. Дрейджа, Д. Шенк, Н.Ю. Алексееву).

Дальнейшее углубление в материал позволило сделать еще одно важное наблюдение: в русской поэзии XVIII в. многие стихотворения дефинировались их авторами как «анакреонтические стихи». Как выясняется, их автоматическое зачисление в разряд анакреонтических од (так поступал Гуковский) неправомерно, а само явление заслуживает более пристального внимания. Но перед тем как подробнее рассмотреть это интересное явление в истории русской поэзии, думаю, имеет смысл разграничить ряд основополагающих понятий, релевантных для темы данной статьи, а именно: русская анакреонтическая поэзия, анакреонтические оды и анакреонтический стих.

Под *русской анакреонтической поэзией* (*русской анакреонтикой*), на мой взгляд, следует понимать, как это обычно и делается, довольно обширный массив стихотворных текстов, в которых воспеваются радости земной жизни и которые в немалой части являются переводами из Анакреонта или античной анакреонтики. К русской анакреонтической поэзии, помимо переводных, принадлежат также оригинальные русские стихотворения, варьирующие мотивы Анакреонта и эллинистических подражаний ему.

[2] *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 18.

Анакреонтические оды — вполне определенный жанр, ядро русской анакреонтической поэзии XVIII в.; тематика од та же, что и в любом анакреонтическом стихотворении, но в стихах должен быть выдержан ряд требований к метру, рифме, каталектике и строфике, т.е. они должны быть написаны определенным *анакреонтическим стихом* — «*анакреонтовым стихосложением*», по выражению современника.

Видов *анакреонтического стиха* в русской поэзии XVIII столетия несколько (см. ниже), но при этом все они сообразуются с одной из двух основных концепций занимающего нас жанра — *сумароковской* или *ломоносовской*.

Сумароковский канон жанра впервые охарактеризовал Г.А. Гуковский, справедливо полагавший, что опубликованные А.П. Сумароковым в июльском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 г. две эталонные анакреонтические оды («Пляскою своей, любезна...» и «Завидны те мне розы...») воплотили представления поэта об этом жанре. Согласно Сумарокову, утверждал ученый, анакреонтические оды должны быть астрофичны, иметь женские нерифмованные клаузулы и быть написаны либо 4-стопным хореем, либо 3-стопным ямбом. Гуковский этот канон сумароковским не называл, придавая ему тем самым всеобщность и безальтернативность, и примечательным образом, как уже отмечено выше, оставлял без внимания ломоносовскую анакреонтику.

Наиболее раннее переложение первой анакреонтической оды «Хвалить хочу Атрид…», сделанное М.В. Ломоносовым в 1738 г., разыскано и опубликовано в XX столетии[3]. Широкой известностью пользовался перевод третьей анакреонтической оды «Ночною темнотою...», помещенный Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию» (1748). «Разговор с Анакреоном», содержащий перевод еще четырех анакреонтических од и ответы Ломоносова на них, написан между 1758 и 1761 г. Он был опубликован уже посмертно, в 1771 г.[4], и с тех пор многократно перепечатывался, в том числе и в XVIII столетии.

Именно «Разговор с Анакреоном» закрепил *ломоносовский канон* русской анакреонтической оды: он менее строг и допускает большее

[3] Впервые: *Данько Е.Я.* Неизданная рукопись Ломоносова // Литературная газета. 1938. № 65 (628), 20 нояб. С. 2; ср.: XVIII век. Сб. 2. М.: Л., 1940. С. 257.

[4] *Ломоносов М.В.* Разговор с Анакреоном: [1] Анакреонт. Ода I («Мне петь было о Трое…»); [2] Ломоносова ответ («Мне петь было о нежной…»); [3] Анакреонт. Ода XXIII («Когда бы нам возможно…»); [4] Ломоносова ответ («Анакреонт, ты верно…»); [5] Анакреонт. Ода XI («Мне девушки сказали…»); [6] Ломоносова ответ («От зеркала сюда взгляни, Анакреон…»); [7] Анакреонт. Ода XXVIII («Мастер в живописстве первой…»); [8] Ломоносова ответ («Ты счастлив сею красотою…») // Российский Парнас. СПб., 1771. Ч. I. С. 26–34. Здесь и далее воспроизводится общепринятая в XVIII в. нумерация анакреонтических од, восходящая к изданиям Анны Дасье.

количество вариаций. Все переводы Ломоносова из эллинистической анакреонтики зарифмованы; мужские окончания в них столь же многочисленны, как и женские, а переложение оды XXVIII разделено на пять строф по восемь стихов со схемой рифмовки абабввгг (клаузула регулярная: жмжмжжмм). Избранные метры почти всюду соответствовали сумароковскому канону: пять стихотворений написаны трехстопным ямбом и одно четырехстопным хореем. Лишь на XXVIII анакреонтическую оду, переведенную четырехстопным хореем, Ломоносов откликнулся четырехстопными ямбами («Ты счастлив сею красотою…»), разбив оба стихотворения на восьмистишия с рифмовкой абабввгг с тем же чередованием клаузул: жмжмжжмм. Четырехстопный ямб в немецкой анакреонтике к тому времени уже давно утвердился, Ломоносов легитимировал его для русских анакреонтических од.

Формообразующими для анакреонтических од были, таким образом, определенные метры, типы клаузул, равностопность, рифма или ее отсутствие, астрофичность или же наличие строф (по большей части довольно простых), почему можно говорить о *двух подтипах сумароковского* и о *трех подтипах ломоносовского* канона (далее соответственно: С и Л каноны), закрепленных в лирике этих поэтов.

Приведу основные характеристики всех пяти разновидностей анакреонтических од (в скобках указываются стихотворения Сумарокова и Ломоносова, «воплотившие» соответствующий подтип)[5]:

С канон 1: Х4ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0 («Пляскою своей, любезна...»)[6];

С канон 2: Я3ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0 («Завидны те мне розы...»);

Л канон 1: Х4жм; клаузула рег.: жмжмжжмм; рифма сложн.: абабввгг; строфика 8 — ода XXVIII («Мастер в живописте первой…»);

Л канон 2: Я3жм; клаузула рег.: жм; рифма перекрест.: абаб; строфика 4 — ода I («Мне петь было о Трое…»), ода III («Ночною темнотою...»), ода XI («Мне девушки сказали…»), ода XXIII («Когда бы нам возможно…»);

[5] Греческая анакреонтика по большей части написана либо гемиямбами (дословно «полуямбами», т.е. полустихами ямбического триметра; их метрическая схема: ×∪–∪×), либо логаэдическим анакреонтеем (метрическая схема: ∪∪–∪–∪—). В силлаботонической системе первому размеру наилучшим образом соответствует трехстопный ямб, а второму — четырехстопный хорей; ритмические колебания ни в том, ни в другом по-русски непередаваемы.

[6] Здесь и далее для характеристики версификационных параметров используется система обозначений, употребляемая в поэтических текстах Национального корпуса русского языка.

Л канон 3: Я4жм; клаузула рег.: жмжмжжмм; рифма сложн.: абабвв-гг; строфика 8 — ответ на оду XXVIII («Ты счастлив сею красотою…»)[7].

Нетрудно заметить, что сумароковский канон более скуден и строг, потому и таит опасность однообразия. Он хотя и использует те же метры, что два первых подтипа канона ломоносовского, но при этом «оголяет» стих, побуждая поэта отказаться от рифм, чередования различных клаузул, строфического богатства. Канон ломоносовский дает стихотворцу куда больше возможностей проявить свое мастерство, предоставляя в распоряжение большее число метров и не исключая пополнения их арсенала, в особенности если они уже были с успехом опробованы немецкой анакреонтикой, на которую он ориентирован. В то же время сумароковский канон более «филологичен» в том смысле, что стихи, ему соответствующие, оказываются более убедительным квалитативным аналогом для метров эллинистической анакреонтики.

* * *

Один из краеугольных камней в основании концепции Гуковского — интерпретация «Новых од» М.М. Хераскова (М., 1762)[8] как сборника анакреонтических од[9], но именно это мнение ученого, на мой взгляд, нуждается в существеннейших коррективах. Основной аргумент Гуковского в пользу подобной жанровой дефиниции состоит в том, что поэт сорок лет спустя перепечатал «Новые оды» в собрании своих сочинений, сменив название на «Анакреонтические оды», и сделал это несмотря на то, что многие входящие в них стихотворения по тематике далеки от традиционных анакреонтических произведений:

> Через семь лет после напечатания двух анакреонтических од Сумарокова появился сборник Хераскова «Новые Оды» (1762), заключающий в себе 28 стихотворений — все без рифм с женскими окончаниями; когда позднее Херасков перепечатал сборник (в VII томе своих «Творений»), он переименовал его в «Анакреонтические Оды» (с. 110).

[7] Выше охарактеризованы конкретные строфы, представленные у Ломоносова. Это не означает, что за размерами закреплялась определенная строфика. В перечисленных стихотворениях утверждался принцип строфичности, т.е. формы строф могли в дальнейшем свободно варьироваться.

[8] На титульном листе указан не только год, но и месяц выхода книги в свет: «Печатаны в Москве в июле месяце 1762 года».

[9] Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., [1800]. Ч. 7. С. 228–319.

Далее Гуковский посвящает сборнику Хераскова пространный пассаж:

> Так, в стихотворениях, содержащихся в сборнике «Новых од», или, по 2-му изданию, «Анакреонтических од» Хераскова, — нет ни намека о вине и весьма мало речи о любви. Большинство их занято чисто дидактическим изложением начал моральной философии рационально-стоического типа, вообще свойственной Хераскову. Значительная часть од даже расположена в порядке логически раскрывающейся мысли, как главы единого рассуждения или трактата; так, в начале, после вступления, в котором говорится о самом жанре стихотворений сборника (ода I «К своей лире»), идет изложение мировоззрения в следующем порядке: рассказывается о создании человека, о величии и силе его разума (ода II); затем поэт говорит о наступившем вскоре падении человечества и о злоупотреблениях разумом (ода III), затем о воспитании, предохраняющем от этих злоупотреблений (ода IV), и о суетных желаниях, вовлекающих в них (ода V). После этих крупных по размеру пьес идут оды, посвященные областям истинного благополучия: счастливому, верному браку, семейной жизни (VI), философическому спокойствию, преодолению суетных желаний (VII), добродетели (VIII), дружбе и сельской тихой жизни (IX), стихотворству (X) (с. 125–126).

Всё же, на мой взгляд, если мы стремимся осмыслить данное литературное явление исторически, вопрос должен ставиться иначе, а именно: почему в 1762 г., когда новизна анакреонтической оды и ее сумароковских эталонов живо ощущалась, сборник получил название «новых» од, а не «анакреонтических»? Чтобы ответить на него, необходимо обратить более пристальное внимание на план выражения «Новых од», который в отличие от плана содержания (см. вышеприведенный абзац) был охарактеризован ученым крайне кратко: Гуковский написал лишь, что все 28 стихотворений сборника «без рифм с женскими окончаниями» (с. 111).

Обе вышеприведенные характеристики «Новых од», данные Гуковским, нуждаются в некоторых дополнениях и уточнениях. Так, сборник открывает программное посвящение «Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой»[10], 29-е по счету. Оно варьирует темы первой анакреонтической оды (в «Творениях» при перепечатке остальных стихотворений оно воспроизведено не было), но не следует сумароковскому эталону. Посвящение написано трехстопным ямбом, разбито на три четверостишия с перекрестными рифмами абаб (клаузула регулярная жмжм). Этот текст заслуживает того, чтобы привести его целиком:

[10] Новые оды Михайла Хераскова. М., 1762. С. 3–6.

Настроя нову лиру,
О чем писать не знал,
И, следуя зефиру,
Места переменял.

С ужасным шумом понта
Я лиру соглашал,
То вкус Анакреонта
С слезами я мешал.

К порокам отвращенье
Старался умножать
И честных утешенье
Хотел изображать.

Ты ненависть сугубишь
К порокам без стихов,
Ты добродетель любишь,
Гоня ее врагов.

Колико сердцу можно,
Являешь в ней плоды:
Тебе, тебе и должно
Принесть мои труды.

Вспевая добродетель
И искренность сердец,
Я сделался свидетель,
И их, и твой певец[11].

Обманчиво непритязательный зачин посвящения содержит немало важной информации для понимания авторской интенции. Во-первых, Херасков строит «нову лиру», т.е. претендует своим сборником на некое художественное новаторство. Во-вторых, он принципиально отвергает единство стиля: то его лира звучит в согласии с бурливым морем, то игриво-анакреонтически, а то и трогательно. При всем этом поэт ставит перед собой цели преимущественно дидактические, что и становится причиной посвящения сборника Дашковой, поборнице добродетели (это обосновывается во второй части стихотворения).

[11] Новые оды Михайла Хераскова. М., 1762. С. 3–6.

Обратимся теперь собственно к «Новым одам». Тема посвящения подхватывается и развивается в «Оде I. К своей лире», обращенной к «разумной россиянке» (т.е. Е.Р. Дашковой) и варьирующей темы всё той же первой анакреонтической оды. Здесь же отдается должное «простоте и сладости» анакреонтовых песен, «нежный слог» которых Херасков желает усвоить. Декларации эти столь общи, что из них невозможно извлечь что-либо о понимании Херасковым собственно анакреонтической поэзии.

Весьма существенно и то, что две из «Новых од» озаглавлены следующим образом (при перепечатке в «Творениях» эти названия были сняты): «Ода XVI. Подраженная Анакреонту» («Брега, брега прекрасны...») и «Ода XXII. Подраженная Анакреонту» («Теперь вы разыгрались...»). Оба стихотворения описывают прелести пастушек; первое из них не лишено некоторой фривольности. Отмечу, что при этом большинство «Новых од» имеет заглавия вполне философические: «Ода II. О силе разума», «Ода III. О вреде, произошедшем от разума», «Ода IV. О воспитании» и проч. Следовательно, в 1762 г. Херасков полагал необходимым подчеркнуть тематическую преемственность од XVI и XXII по отношению к Анакреонту, сделать сразу явным, где сам писал в его вкусе, отделив их тем самым от подавляющего массива своей дидактической поэзии.

Не совсем понятно, почему еще четыре стихотворения, воспевающие радости любви вполне в анакреонтическом духе, не удостоились эксплицитных отсылок в заглавиях к греческому лирику: «Ода XI. Сила любви», «Ода XII. Истинное утешение», а также две безымянных — ода XIII («Тебе приятны боле...»)[12] и ода XVIII («Иные строят лиру...»). Ряд анакреонтических мотивов и аллюзий встречается не только в этих стихотворениях сборника, при этом грань между, условно говоря, «анакреонтической» и «морально-философической» частями хорошо различима[13]. Мотив винопития не пришелся ко двору целомудренной музы Хераскова, Вакх был бескомпромиссно изгнан со страниц «Новых од», а потому их «анакреонтическая составляющая» — это преимущественно составляющая любовная.

Что касается формы «Новых од», то большинство стихотворений, входящих в сборник, соответствовало требованиям, предъявлявшимся Сумароковым к анакреонтическим одам. Так, 24 из 28 «новых од» (если оставим в стороне посвящение Е.Р. Дашковой) написаны 4-стопными хореями (4) и 3-стопными ямбами (20). Три стихотворения — это ямбы

[12] Эта ода особенно важна, ибо в ее заключительных стихах таланты Анакреонта и Сумарокова ставятся вровень (Там же. С. 43–44).

[13] Это и обращения к Эроту, и к другим древним божествам, и любовные пассажи, и упоминания седых кудрей Анакреонта (например, в заключительной оде XXVIII), и проч.

четырехстопные, задолго до этого времени утвердившиеся в немецкой анакреонтике, но не соответствовавшие сумароковскому канону. Лишь «Ода VIII. О силе добродетели» написана двустопным рифмованным дактилем с женскими клаузулами, т. е. размером, абсолютно чуждым жанру анакреонтической оды. Процитирую зачин этого стихотворения, столь отличного от других в сборнике:

О! добродетель,
Ты утесненна:
Только не всеми
В свете забвенна.
Знаю героев,
Кои стремятся
Кровь проливати,
Век свой проводят
В Марсовом поле,
Только тобою
Души их полны[14].

Все стихотворения основного массива «Новых од» астрофичны, как того и желал Сумароков; при этом рифмы (по большей части глагольные и тавтологические) в них встречаются спорадически, более-менее пространные рифмованные пассажи редки[15].

Для интерпретации сборника крайне важен единственный, хотя и краткий отзыв о «Новых одах» накануне их публикации, содержащийся в статье С.Г. Домашнева «О стихотворстве». Там о сборнике Хераскова сказано следующее: «Последнее его произведение есть *Оды*, писанные *Анакреонтовым стихосложением*» (курсив Домашнева)[16]. Гуковский, также процитировавший эту фразу, в связи с ней справедливо заключил: «Понятие “анакреонтического” могло, по-видимому, пониматься как термин, более относящийся к метрике, чем к теории жанров» (с. 127). Однако для рассуждений ученого это наблюдение остается без всякого значения, тогда как оно, на мой взгляд, является ключевым и многое проясняет.

[14] Там же. С. 25. Очевидно, что именно эту оду имел в виду Ч.Л. Дрейдж, указывая на единственный случай дактиля в анакреонтике Хераскова: *Drage C.L.* The *Anacreontea* and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. XLI. No 96. P. 134. Как я постараюсь показать ниже, эти стихотворение, как и ряд других, вряд ли может быть причислено к анакреонтическим одам.

[15] См. среднюю часть «Оды XI. Сила любви», финал «Оды XXIV. О терпении» (Новые оды Михайла Хераскова. М., 1762. С. 36–37, 64).

[16] Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 238.

Конечно же, невозможно оспаривать, что «Новые оды» написаны по преимуществу «анакреонтовым стихосложением» и отразили увлечение им Хераскова, но при этом они именно «новые», т.е. новаторские и в смысле смешения тем, непривычного для аудитории, и в смысле некоторой вольности форм, а потому и не могли быть названы автором в 1762 г. «анакреонтическими». Лишь почти через сорок лет происходит их переименование, видимо, как раз в память о некогда пережитом восхищении анакреонтическими метрами.

Для нас же здесь крайне важно другое: в 1762 г. Херасков создал довольно большое число стихотворений, почти все из которых соответствовали сумароковским требованиям к метру анакреонтических од, но не к их тематике, т.е. это были «анакреонтические стихи», а не анакреонтические оды[17].

* * *

А.В. Нарышкин, еще один представитель «сумароковской школы»[18], опубликовал в «Полезном увеселении» в том же 1762 г. пространное дидактическое размышление под названием «Стихи анакреонтические», в котором проповедовалась философия умеренности, как явствует уже из первых строк:

Всемогущая приятность
Философии святой,
Исправляя наше сердце,
Век дает нам золотой:
Просвещает наши мысли,
Умеряет в нас желаньи,
И природу очищая,
Предрассудки прогоняя,
Всем велит, как братьям, жити:
Слабости другим прощати

[17] К анакреонтическим одам можно причислить лишь небольшое число стихотворений из херасковских «Новых од» (М., 1762), имеющих ярко выраженную анакреонтическую тематику: рифмованное посвящение «Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой», ода I «К своей лире», ода XI «Сила любви», ода XII «Истинное утешение», ода XIII («Тебе приятны боле...»), ода XVI («Брега, брега прекрасны...»), ода XVIII («Иные строят лиру...»), ода XXII («Теперь вы разыгрались...»). Из них оды XVI и XXII отмечены автором как «подраженные Анакреонту». Особняком, как указывалось выше, в сборнике стоит дактилическое стихотворение «Ода VIII. О силе добродетели».

[18] О «сумароковской школе» в русской поэзии XVIII в. см. подробнее: *Gukovskij G.* Von Lomonosov bis Deržavin // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1925. Vol. 2, Nr. 3/4. S. 344–351; *Гуковский Г.А.* Русская поэзия XVIII века. С. 39–40, 44–47.

И собой не возноситься;
Если видим в ком худое,
Строго то не обвиняти;
Вспоминати общу долю,
Что то смертной согрешает,
Смертной нам во всем подобной,
Те же чувства все имея.[19]

Бог в «Стихах анакреонтических» присутствует лишь как Бог-Творец («Одного мы Бога дети»), от мистики христианства они весьма далеки. Нарышкин постоянно апеллирует к разуму, варьируя общепросветительские этические клише: он призывает к «рассмотрению поступков», к «употреблению» могущества рассудка к долгу и всеобщему благу, к исполнению «долга природного» и «закона, нам всем врожденного»; согласно его предписаниям, всем следует «пребывать в своей мере» при поиске блаженства, прислушиваться к собственному сердцу, «примечать его движенья», «очищать свои желанья», «познавать себя». Обличая предрассудки, страсти и пороки, Нарышкин не употребляет слова «грех», зовет не к покаянию, а к жизнестроительству на рациональных основаниях, преодолению отклонений от пути, предначертанного «философией» — неким этическим учением, начала которого якобы изначально присущи человеческому существу.

«Стихи анакреонтические» по большей части вполне соответствуют **С канону 1**, отступлений от которого всего два. Во-первых, десять стихов из 232 имеют мужские клаузулы. Во-вторых, в «Стихах анакреонтических» есть спорадические рифмы, хотя число их и невелико: зарифмованы все десять мужских окончаний[20], к которым следует прибавить семнадцать женских рифм (большей частью глагольных)[21]. В подавляющем числе случаев рифмы эти рассыпаны в тексте. Лишь финальные шесть строк зарифмованы сплошь:

[19] *Нарышкин А.В.* Стихи анакреонтические («Всемогущая приятность…») // Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 268–274. Здесь, как и в других случаях в поэзии XVIII в. (и не только!), возникает известное неудобство при именовании стихотворных произведений, в заглавия которых вынесены обозначения жанров или твердых форм. Ср.: «Сонет», «Триолет», «Ода», «Дифирамв» и проч.

[20] Мужские рифмы неизменно парны: святой / златой; нам / странам; дней / детей; дней / своей; моей / сей (Там же. С. 268, 270, 272, 273, 274).

[21] Женские рифмы почти всегда составляют группы: можно / должно; угодити / заслужити / получити; проглотили / помрачили / стащили / подавили; жили / любили / проводили; обучати / познати / обращати; желанье / упованье (Там же. С. 270, 271, 272, 274).

Философия прямая!
Вкореняйся в сердце умных,
Простирай ты власть над ними
Добродетельми своими.
Да собудется желанье
Искренней души моей!
В суетной нам жизни сей,
Это сладко упованье[22].

В своей статье Гуковский безоговорочно относит к разряду анакреонтических од следующие два стихотворения, хотя они дефинированы авторами как «анакреонтические стихи». В первом случае это произведение анонима: в нем лирический герой обращается к филомеле (т.е., скорее всего, к соловью) и просит вместе с ним «стенати» и оплакивать разлуку с возлюбленной:

Вечерняя певица,
Драгая филомела,
Ты жалостно вздыхаешь:
Что сделалось с тобою?
Я думаю, ты любишь?[23]

Эти «Стихи анакреонтические» (Я3ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 5; стихов 30) имеют лишь одно незначительное отступление от **С канона 2** — они разделены на пятистишия, синтаксически и смыслово вполне законченны.

В том же «Невинном упражнении» в 1763 г. была помещена «Разлука» И.Ф. Богдановича с подзаголовком «анакреонтовыми стихами» (**С канон 2**; Я3ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 69)[24]. То, что автор отнюдь не считал стихотворение анакреонтической одой, можно заключить хотя бы по тому, что в 1783 г. он републиковал его с названием «Идиллия. Белыми стихами» в «Собеседнике любителей российского слова»[25].

[22] *Нарышкин А.В.* Стихи анакреонтические: «Всемогущая приятность…» // Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 274.

[23] [*Аноним*]. Стихи анакреонтические («Вечерняя певица…») // Невинное упражнение. 1763. Май. С. 226–228.

[24] [*Богданович И.Ф.*] Разлука: анакреонтовыми стихами («На что в полях ни взглянешь…») // Невинное упражнение. 1763. Июнь. С. 302–304. Перепечатано с тем же названием: [*Богданович И.Ф.*] Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя. СПб., 1773. С. 54–56.

[25] Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 3. С. 35–37; текст отредактирован Богдановичем, количество стихов увеличилось на два.

Никаких ярко выраженных анакреонтических мотивов не находим и в анонимных «стихах анакреонтических» «Превращенная любовь»[26] (**С канон 1**; Х4ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 37). Они представляют собой по большей части ламентации на тему страданий, которые приносит любовь, и начинаются следующим образом:

От оков любви тяжелых
Слабо сердце убегает,
Хоть утех с собой ты много,
О! любовь, приносишь смертным,
Но несчастья вдвое больше.
За год, в скуке провожденный,
Ни минуты нам веселой
Дать не можешь в утешенье.
Счастье скоро исчезает,
Коим смертных награждаешь;
После в них печаль вселяешь,
И к раскаянью приводишь.

Лишь в конце стихотворения выясняется, чем вызваны страдания лирического героя: то, что он полагал дружбой, оказалось любовным чувством.

Весьма существенно, что и переводные стихотворения могли зачисляться в разряд «анакреонтических стихов». Так, в 1779 г. в журнале «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» была опубликована подборка из шести стихотворений с общим заглавием «Перевод с немецкого анакреонтических стихов», почерпнутая из двухтомного сборника “Anakreontische Versuche” (1751)[27] малоизвестного немецкого литератора Иоганна Франца фон Палтена (Johann Franz von Palthen; 1724–1804). Название немецкой книги («Анакреонтические опыты») указывало на то, что темы стихотворений были порой весьма далеки от анакреонтических. Перечислю оригинальные названия стихотворений, переведенных анонимом: “Die Begeisterung”, “Der Mord”, “Die Elisäischen Felder”, “Dauer der Liebe”, “Seelenwanderung”, “Mein Mädgen”, “An den Maler”. Все они написаны белыми стихами без деления на строфы (в переводах эта особенность сохранена); их размеры —

[26] [*Аноним*]. Стихи анакреонтические: Превращенная любовь («От оков любви тяжелых...») // Доброе намерение. 1764. Сент. С. 397–398.

[27] *Palthen J.F. von*. Anakreontische Versuche. Stralsund, 1751. Th. 1–2. См. подробнее: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Анакреонтические стихотворения И.Ф. фон Палтена и Х.Ф. Вейсе в русских переводах XVIII века // Русская литература. 2019. № 2. С. 37–41.

трехстопные ямбы и четырехстопные хореи. Анонимный переводчик в пяти случаях сохранил размеры, а в двух по неясным резонам изменил. Так, “Die Begeisterung” и “Mein Mädgen” написаны трехстопными ямбами, а их переводы «Вдохновение» и «К девке» — четырехстопными хореями. Как нетрудно заметить, даже предприняв подобные изменения, русский аноним оставался в рамках сумароковских установок[28].

В масонских кругах, судя по всему, «анакреонтическое стихосложение» считали вполне пригодным для философских и одновременно комплиментарных тем. Так, в «анакреонтических стихах», обращенных к С.И. Гамалее[29], одному из духовных вождей русского масонства, анонимный почитатель воспел его сорокалетие как событие, имеющее высшее, мистическое значение:

Лира, песням посвященна
В честь Божественной Любви,
Из цветов весенних нежных,
Юных влажных[30] чад земли,
Соплетя венок прекрасный
Возлагаю на тебя.
Чтоб со звоном струн согласных
Благовонный дух парил,
С анемоном и лилией,
Гиацинт, фиоль, ясмин,
И сама красот Царица,
Отложа колючий терн,
Велелепнейшая роза
Съединили аромат.
Трепетаньем звуков кротких
Их листочков прикоснусь,
Свет и дух в них сокровенный

[28] [*Аноним*]. Перевод с немецкого анакреонтических стихов: 1. Вдохновение («Аполлон! Бог стихотворства…»); 2. Убийство («Есть ли жизнь, как уверяют…»); 3. Елисейские поля («Обойми меня, драгая…»); 4. Продолжение любви («Любовь мой дух питает…»); 5. Преселение душ («Счастливей всех на свете…»); 6. К девке («Что ты смотришь столько часто…»); 7. К живописцу («Живописец! Ты срисуй мне…») // Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета. 1779. Ч. II. С. 39–41, 42, 42–43, 43–44, 44–45, 45–46, 46–47.

[29] [*Аноним*]. Стихи анакреонтические С[емену] И[вановичу] Г[амалее] («Лира, песням посвящена…») // Магазин свободно-каменьщической: Содержащий в себе: речи, говоренные в собраниях; песни, письма, разговоры и другие разные краткие писания, стихами и прозою. 1784. Т. 1. Ч. II. С. 138–140. То, что стихотворение именно обращено к С.И. Гамалее, а не написано им, убедительно показано в статье: *Касаткина А.Л.* Был ли поэтом Семен Гамалея и что такое «Стихи анакреонтические С.И.Г.»? // Шаги-Steps. 2016. Т. 2. № 2–3. С. 349–362.

[30] В «Магазине свободно-каменьщическом», по-видимому, опечатка: влажной.

Сотрясеньем возбужу.
Пусть мои катятся слезы,
Как прозрачная роса;
Из сердечного сосуда
Излиются капли их.
Погружаясь в Любви сладкой,
День блаженный воспою;
День, в который в свет раждался
Вожделенный плод ея!

Анонимный автор строит образ почитаемого адресата по контрасту с другими, суетными братьями: Гамалея с младенчества «полюбил свет», а позднее стремился обрести «сокровенный свет»; он познавал и «натуры чин», и самого себя; он «внутренно искал Творца»; он поборал страсти; он был услышан Любовью и «возведен в Премудрых храм» и проч., и проч. «Стихи анакреонтические С[емену] И[вановичу] Г[амалее]» (Х4жм; клаузула жм; рифма 0; строфика 0; стихов 86) отступают от **С канона 1** в одном — в них допущено чередование женских и мужских клаузул.

Г.А. Гуковский без всяких оговорок включил в число анакреонтических од следующие три стихотворения Н.М. Карамзина: «Анакреонтические стихи А* А* П* [А.А. Петрову]» (Я3ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 73), «Филлиде» (Я3ж; клаузула ж; рифма 0; строфика вольн.; стихов 48) и «Мишеньке» (Я3ж; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 57)[31], несмотря на то, что это ярко выраженные послания, обращенные к конкретным адресатам (неизвестно лишь, кого поэт имел в виду под именем Филлиды). Все три стихотворения отвечают требованиям **С канона 2**; лишь в двух из них есть незначительные от него отступления: текст разбит на различной величины строфоиды.

Сколь бы то ни было ярко выраженных анакреонтических мотивов нет и в «Анакреонтических стихах» (Х3ж с нарушениями; клаузула ж; рифма 0; строфика 0; стихов 43), анонимно опубликованных в 1792 г. в московском «Еженедельнике». Это обращение к ручью, к цветам, к ветерку, к музам с призывом воздать должное красоте возлюбленной, завершающееся признанием, что ее можно оценить, лишь увидев воочию:

[31] *Карамзин Н.М.* 1) Анакреонтические стихи А* А* П* [А.А. Петрову] («Зефир прохладный веет…») // Детское чтение. 1789. Ч. XVIII. С. 93–95. Без подп.; 2) Филлиде («Проснись, проснись, Филлида!..») // Московский журнал. 1791. Ч. I. Кн. I. Янв. С. 16–19. Подп.: К.; 3) Мишеньке («Итак, ты хочешь песни…») // Московский журнал. 1791. Ч. II. Кн. I. Апр. С. 8–11. Без подп. С указ. в конце: Лондон, июня 11, 1790.

Что ж молчите, Музы,
Со мной не гласите
Красоту пастушки?
Ах! молчите, Музы;
Вобразить приятность
И понять пригожство
Лишь тому удобно,
Кто ее увидит[32].

Анонимный, не слишком умелый автор избирает для своего стихотворения трехстопный хорей, мало типичный для русской анакреонтики, и не выдерживает его, допуская в текст и четырехстопные стихи («Отрывалися охотно», «А она вас украшает»), и даже двустопные («Сеть прелестну»).

В 1790-е гг. впервые появляются «анакреонтические стихи», ориентированные на ломоносовский канон анакреонтической оды: «Похищенный персик» Г.А. Хованского (**Л канон 2**: Я3ж,м; клаузула рег.: жжмм; рифма парная: аабб; строфика 2; стихов 48)[33] и «Стихи анакреонтические к К.А.П.И...» (**Л канон 3**: Я4жм; клаузула рег.: жмжмжмжмж; рифма сложная: абабвгвгх; строфика 9; стихов 18)[34]. На первый взгляд, означая обогащение арсенала возможных форм, они, скорее, делают наглядным разрушение представлений о форме «анакреонтических стихов», органически связанных с сумароковским пониманием анакреонтической оды, с «сумароковской инерцией» этого жанра.

Подведем наконец некоторые итоги. Увлеченность поэтов, младших современников и почитателей Сумарокова, «анакреонтическим стихосложением» приводит к возникновению в русской поэзии в начале 1760-х гг. «анакреонтических стихов» — своеобразного мини-жанра с ярко выраженной формальной доминантой. В плане выражения он был ориентирован на сумароковский канон анакреонтической оды, а в содержательном «противостоял» ей, т.е. либо разрабатывал темы самые разнообразные и ей по большей части чуждые (например, философские и морально-этические), либо же, обращаясь к темам общим, делал это

[32] [*Аноним*]. Анакреонтические стихи («Чистые потоки...») // Еженедельник. 1792. С. 254.

[33] *Хованский Г.А.* Похищенный персик: Анакреонтические стихи («Я персик посадил...») / кн. Гр. Хаванской // Приятное и полезное. 1795. Ч. VI. С. 12–13. С названием «Похищенный персик. Анакреонтические стишки» (sic!) в кн.: *Хованский Г.А.* Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах / князя Григория Хаванскова. М., 1795. С. 100.

[34] *Шаликов П.И.* Стихи анакреонтические к К.А.П.И... («Позволь на образ твой небесной…») // Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч. 3. С. 95. Перепеч.: *Шаликов П.И.* Плод свободных чувствований. М., 1799. Ч. 2. С. 196–197.

совершенно в иной тональности. Так, любовным «анакреонтическим стихам» нередко присущи настроения, свойственные скорее элегиям и идиллиям; в них отсутствуют гедонистические мотивы, унаследованные от эллинистической анакреонтики. Несмотря на близкое формальное родство с анакреонтической одой, «анакреонтические стихи» не могут рассматриваться как составная часть русской анакреонтической поэзии и заслуживают отдельного разговора.

Литература

Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Под ред. В.М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2001. 352 с.

Касаткина А.Л. Был ли поэтом Семен Гамалея и что такое «Стихи анакреонтические С.И.Г.»? // Шаги-Steps. 2016. Т. 2. № 2/3. С. 349–362.

Лаппо-Данилевский К.Ю. Анакреонтические стихотворения И.Ф. фон Палтена и Х.Ф. Вейсе в русских переводах XVIII века // Русская литература. 2019. № 2. С. 37–41.

Carmina anacreontea / Ed. M.L. West. Leipzig, 1984. 360 S.

Drage C.L. The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. XLI. No 96. P. 110–134.

References

Carmina anacreontea, ed. M.L. West. Leipzig, 1984. 360 S.

Drage C.L. The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry. *The Slavonic and East European Review,* 1962, vol. XLI, no. 96, pp. 110–134.

Gukovskii G.A. *Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka* [Early works on the history of the 18th century Russian poetry], ed. by V.M. Zhivov. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 352 p. (In Russ.)

Kasatkina A.L. Byl li poetom Semen Gamaleia i chto takoe "Stikhi anakreonticheskie S.I.G."? [Was Semen Gamalea a poet and what is "Anacreontic Poems by S.L.G."?]. *Shagi-Steps*, 2016, vol. 2, no. 2/3, pp. 349–362. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii K.Yu. Anakreonticheskie stikhotvoreniia I.F. fon Paltena i H.F. Veise v russkikh perevodakh XVIII veka [Anacreontic poems by J.F. von Palthen and C.F. Weise in the 18th century Russian translations]. *Russkaia literatura*, 2019, no. 2, pp. 37–41. (In Russ.)

“Anacreontic odes” and “Anacreontic poems” in the 18th century Russian poetry

© 2019, Konstantin Lappo-Danilevskii

Abstract: The paper critically revises G.A. Gukovskii’s assertion that the 18th century Russian odes are not characterized with thematic consistency. The analysis of certain poetic works shows that since the early 1760s there existed in Russian literature, besides Anacreontic odes, “Anacreontic poems”, a smaller genre with obvious formal rules.

Keywords: 18th century Russian literature, Anacreontic odes, Anacreontic poems, Anacreontic songs, reception of Antiquity in Russia, poetics, metric pattern of Russian Anacreontic poetry.

Information about the author: Konstantin Lappo-Danilevskii, PhD, Doctor Hab. of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Lappo-Danilevskii Konstantin Yu. “Anacreontic odes” and “Anacreontic poems” in the 18th century Russian poetry. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 384–402. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-384-402

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-403-415
УДК 821.161.1

Н.В. Гоголь в Одессе. Забытые свидетельства современников (письмо протоиерея Анатолия Корочанского и воспоминания Н.И. Савича)

© 2019, И.А. Виноградов

Аннотация: В научный оборот вводятся два важных биографических свидетельства о Гоголе. Оба свидетельства, относящиеся ко времени пребывания писателя в Одессе зимой 1850/51 г., были опубликованы в начале XX в. в периодике историком Л.С. Мацеевичем, однако биографами Гоголя остались невостребованными. Первый источник — письмо к Мацеевичу протоиерея Анатолия Федоровича Корочанского от 10 апреля 1891 г. Бывший псаломщик домовой церкви княгини В.А. Репниной-Волконской, о. Анатолий Корочанский в своем послании передает ряд важных подробностей о Гоголе, уясняющих духовный облик писателя, содержащих дополнительные сведения о круге его интересов. До настоящего времени это письмо было известно биографам Гоголя лишь в пересказе, причем фамилия автора была искажена («Карчевский» вместо «Корочанский»). Сообщаются биографические сведения об авторе послания. Благодаря письму протоиерея А.Ф. Корочанского в широкий круг лиц, с которыми Гоголь встречался осенью 1850 — весной 1851 г. в Одессе, вводятся еще две духовные особы — давний знакомый Гоголя святитель Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический, и священник одесской домовой церкви княгини Репниной-Волконской о. Михаил Диевский (впоследствии протоиерей). Второй оставшийся до настоящего времени невостребованным источник биографических сведений о Гоголе в период пребывания в Одессе в 1850–1851 гг. — записанные в 1889 г. Мацеевичем воспоминания Н.И. Савича, выпускника Харьковского университета, отставного поручика, известного по делу сепаратистского Украино-славянского общества. Будучи знакомым о. Михаила Диевского, Савич присутствовал на одном из обедов, который давали Гоголю в 1850 г. его одесские почитатели. Приводится новое свидетельство о «малороссийских» корнях образов «Мертвых душ»; устанавливается прообраз одного из героев второго тома поэмы. Статья пополняет сведения вышедшей недавно семитомной «Летописи жизни и творчества Н.В. Гоголя».

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, мемуары, герменевтика, духовное наследие

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: info@imli.ru

Цитирование: *Виноградов И.А*. Н.В. Гоголь в Одессе. Забытые свидетельства современников (письмо протоиерея Анатолия Корочанского и воспоминания Н.И. Савича) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 403–415.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-403-415

Летом 1850 г. Гоголь собирался на Афон, однако шаги к необходимому оформлению заграничного паспорта предпринял слишком поздно[1], так что на зиму 1850/51 г. решил остаться в Одессе, отложив паломничество на Святую Гору на год (впоследствии смерть помешала Гоголю осуществить это намерение). В Одессе Гоголь провел на этот раз пять месяцев, с конца октября 1850 г. до конца марта 1851 г. Остановившись в доме своего дальнего родственника А.А. Трощинского (сам Трощинский в то время жил в своем киевском имении Кагорлыке), Гоголь продолжил работу над вторым томом «Мертвых душ», при этом в свободное время поддерживал широкий круг общения. Наиболее часто Гоголь бывал в двух домах Репниных-Волконских: в доме князя Василия Николаевича и княгини Елизаветы Петровны и в доме матери князя, княгини Варвары Алексеевны, проживавшей в Одессе отдельно от семьи сына, вместе с дочерью, княжной Варварой Николаевной. Бывал Гоголь и в доме князя Д.И. Гагарина и княгини С.П. Гагариной (дочери генерал-майора П.А. Ивашкина). Встречался со святителем Иннокентием (Борисовым), архиепископом Херсонским и Таврическим, с Н.В. Неводчиковым (будущим архиепископом Кишиневским и Хотинским), с духовными писателями — дипломатом А.С. Стурдзой и иеромонахом Сергием (Святогорцем); с протоиереем М.К. Павловским, с иереем М.И. Диевским (впоследствии протоиерей), с братьями А.Г. и Н.Г. Тройницкими, с Л.С. Пушкиным (братом поэта); с магистром Киевской Духовной академии, профессором философии Ришельевского лицея И.Г. Михневичем; с историком Н.Н. Мурзакевичем, с литератором Н.Д. Мизко, с доктором М.К. Дитерихсом, с директором Одесского театра А.И. Соколовым; бывал в кругу актеров; общался с семейством бывшего декабриста П.П. Титова; со своими приятелями школьных лет братьями Ал-ром и Анд. Ив. Орлаями, с воспитательницей дочери В.Н. и Е.П. Репниных-Волконских Е.А. Хитрово; с двоюродным братом жены своего давнего друга А.С. Данилевского М.А. Литвиновым и с братом Данилевского И.С. Данилевским; с моряком, капитан-лейтенантом И.И. Барановским и др.[2] По-видимому, один из тогдашних знакомых Гоголя влиятельный член одесского общества, отставной штабс-капитан Николай Петрович Ильин (ум. в 1857) послужил писателю прообразом одного из героев второго тома «Мертвых душ». Н.П. Ильин был участником русско-турецкой войны 1828–1829 гг., а также взятия Варшавы в 1831 г., и за свои боевые заслуги был награжден двумя серебряными

[1] См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 6: 1848–1850. С. 560–561.

[2] См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 562–599; Т. 7. С. 7–61.

медалями и именной золотой шпагой с надписью «за храбрость»[3]. Ильин служил адъютантом генерал-адъютанта П.П. Мартынова (1782–1838), начальника 2-й Гвардейской пехотной дивизии, который в памятный день 14 декабря 1825 г., будучи в то время генерал-майором, командиром 3-й Гвардейской пехотной бригады и лейб-гвардии Измайловского полка, «один из первых привел свой полк на Дворцовую площадь к присяге, был пожалован генерал-адъютантом[4], а впоследствии стал комендантом Петербурга»[5]. Ильин в то время служил при Мартынове адъютантом в чине поручика[6]. Таким образом, Гоголь от своего одесского знакомого, штабс-капитана Ильина, мог узнать как от очевидца подробности декабристского восстания. Вернувшись из Одессы в Москву, писатель в обстановке строжайшей секретности читал С.П. Шевыреву на его даче в с. Троицком новые главы своей поэмы, после чего 27 июля 1851 г. тот писал Гоголю: «Успокойся. Даже и жене я ни одного имени не назвал, не упомянул ни об одном событии. Только раз при тебе же назвал штабс-капитана Ильина, но и только. Тайна твоя для меня дорога, поверь. С нетерпением жду 7-й и 8-й главы»[7]. (К сожалению, пятая или шестая главы второго тома поэмы, где действует упомянутый Шевыревым персонаж, не сохранились.)

Много лет спустя, в 1902 г., один из биографов Гоголя, выпускник нежинского Лицея князя Безбородко, профессор Новороссийского университета Алексей Иванович Маркевич (1847–1903), публикуя сведения о тогдашнем одесском периоде в жизни Гоголя, замечал: «Немудрено […], что о пребывании его в Одессе зимою 1850–1851 г. сохрани-

[3] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1833. СПб., [1833]. Ч. 1. С. 230.

[4] В числе восемнадцати других генералов, пожалованных этим званием в тот же день, 14 декабря 1825 г. (см.: *Милорадович Г.А., граф.* Список лиц свиты Их Величеств, с царствования Императора Петра I по 1886 г. Киев, 1886. С. 23–24).

[5] *Нарцов А.Н.* Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, с их ветвями. Тамбов, 1904. С. 91.

[6] По состоянию чинов на 12-е мая 1825 г., Н.П. Ильин был одним из полковых адъютантов Павловского полка той же 2-й Гвардейской дивизии, куда входил Измайловский полк (см.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1825. СПб., [1825]. Ч. 1. С. 184, 187). «Исправляющим должность» бригадного адъютанта Измайловского полка при командире 3-й бригады дивизии генерал-майоре П.П. Мартынове был весной 1825 г. поручик П.И. Гессе (Там же. С. 180). Согласно состоянию чинов на 11-е сентября 1826 г., Ильин, продолжая оставаться поручиком Павловского полка (входившего в 4-ю бригаду дивизии), именуется уже «Адъютантом при Генерал-Адъютанте Мартынове» (возглавлявшем 3-ю бригаду) (Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1826. СПб., [1826]. Ч. 1. С. 187, 190). Впоследствии, согласно росписи чинов на 14 февраля 1827 г., Ильин в должности адъютанта генерал-майора Мартынова был окончательно переведен из Павловского полка в Измайловский (Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1827. СПб., [1827]. Ч. 1. С. 200–201, 204).

[7] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев, 2009. Т. XV. 624 с. С. 429.

лось немало воспоминаний: А.С. Стурдзы, Н.В. Неводчикова, княжны В.Н. Репниной, одной дамы [Е.А. Хитрово], жившей у кн[язя] В.Н. Репнина, Н.Г. Тройницкого, А.Л. Деменитру, Н.Д. Мизко, актера Толченова и еще кое-кого...»[8]

В примечании к этим словам А.И. Маркевич добавлял: «Бывший профессор Одесской семинарии Л.С. Мацеевич[9] показывал мне в августе 1899 г. письмо к нему протоиерея г. Николаева, о. Карчевского [так в источнике], еще живого, бывшего псаломщиком при церкви кн[ягини] В.А. Репниной (см. далее), с воспоминаниями о Гоголе»[10].

Как выясняется, передавая по памяти фамилию «протоиерея г. Николаева», — *Карчевский*, — Маркевич допустил ошибку. На самом деле речь идет о протоиерее Анатолии Федоровиче *Корочанском* (1829–1899), выпускнике Херсонской Духовной семинарии в Одессе 1853 г., с 1878 г. — протоиерее.

Неточно запомнив фамилию о. Анатолия Корочанского, Маркевич сообщал: «В доме кн[ягини] Репниной […] была […] домашняя церковь; священником был известный одесситам о. Михаил Диевский (сообщено Н.И. Ленцом), а псаломщиком о. Карчевский (так в источнике; далее не оговаривается. — *И.В.*)... […] ...О. Карчевский писал в 1899 г. Л.С. Мацеевичу (на самом деле письмо относится к 1891 г.; см. ниже. — *И.В.*), что дом, где жила кн[ягиня] Репнина и где была ее церковь, находился у Сабанеева моста и принадлежал гр[афу] Мощинскому. В списке одесских домов в 1851 году такого дома не имеется и Г.Г. Маразли, знавший гр[афа] Мощинского, не помнит даже, чтобы у него был в Одессе дом. Не желал ли о. Карчевский сказать, что дом принадлежал гр[афу] Млодецкому? У него действительно был дом на углу Надеждинской улицы и Сабанеевского проезда...»[11]

На первой неделе Великого Поста 1851 г., с 19 до 25 февраля, Гоголь несколько раз посетил богослужения в упомянутой домовой церкви княгини В.А. Репниной-Волконской[12]. (В первые четыре дня совершалось чтение Великого канона св. Андрея Критского.) Возможно, именно к этому времени относятся сведения о Гоголе о. Анатолия Корочанского — «бывшего псаломщика в домовой церкви кн[ягини] Репниной», которые пересказал в 1902 г. Маркевич: «О. Карчевский обучил церковному

[8] *Маркевич А.И.* Гоголь в Одессе // Записки Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 16.

[9] Лев Степанович Мацеевич (Мациевич, 1843–1915), выпускник Киевской Духовной академии, историк и археолог. Л.С. Мацеевичем записаны также воспоминания о Гоголе Н.И. Савича (см. ниже), Н.В. Кукольника и Н.Г. Тройницкого.

[10] *Маркевич А.И.* Гоголь в Одессе. С. 16.

[11] Там же. С. 18–19.

[12] См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 7. С. 38.

пению хор мальчиков, и они пели в этой церкви. Гоголь посещал ее по праздникам и, судя по наблюдениям о. Карчевского, молился искренно. О глубокой в то время религиозности Гоголя говорила о. Карчевскому и кн[ягиня] Репнина. Пение устроенного им хора очень нравилось Гоголю, и он просил его обучить церковным напевам его, Гоголя, слугу[13]; но у того не оказалось способностей и дело не пошло»[14].

Сведения из письма протоиерея Анатолия Корочанского, которые сообщил в 1899 г. Маркевичу Л.С. Мацеевич, современным биографам Гоголя известны. Между тем, обнаруживается, что пересказанное Маркевичем письмо о. Анатолия в свое время тоже было опубликовано, однако осталось до сих пор невостребованным.

Сам Мацеевич, познакомив Маркевича с содержанием письма, спустя три года, в свою очередь, сообщал: «...Княжна *Варвара Николаевна Репнина* [...] была сердобольнейшая христианка, […] близкая приятельница Гоголя; она долго жила в Одессе вместе с матерью своею Княгинею *Варварой Алексеевной Репниной,* урожд[енной] *Граф[иней] Розумовской,* — и у них была здесь своя домовая церковь, которую часто посещал Гоголь, живя в Одессе в 1850–1851 г., о чем мы имеем очень интересные сведения в письме бывшего тогда псаломщиком в этой церкви, впоследствии протоиерея в г. Николаеве, о. *Анатолия Корочанского,* недавно скончавшегося...»[15]

Через несколько месяцев Мацеевич опубликовал и сам текст письма. Приводим здесь это послание, отправленное о. Анатолием из Николаева в Одессу, в полном объеме:

Николаев 1891 г. Апреля 10 дня.

В письме своем ко мне Вы просили сообщить Вам сведения на поставленные следующие вопросы: «Помните ли Вы Гоголя? Видели ль часто его в церкви княгини Репниной? Не случалось ли разговаривать с ним? Не знаете ли чего из отношений его к покойному пре[о]священному Иннокентию? — Не осталось ли у Вас, быть может, какого-либо письма, или хотя какой-либо записочки Гоголя? — Если сами Вы лично не имели с ним сношений, то не слыхали о нем что от Репниных, или от кого-либо другого?» — Сведения, которые сообщу Вам обо всем этом, мне кажется, столь малозначущи и ничтожны, что едва ли они увеличат собираемый Вами материал о Гоголе; но чтобы засвидетельствовать

[13] Возможно, речь идет о крепостном слуге Гоголя, Семене Григорьеве.

[14] *Маркевич А.И.* Гоголь в Одессе. С. 31.

[15] [*Мацеевич Л.С.*] *Л.М.* К материалам для истории Одесского Архангело-Михайловского женского Монастыря — и Заметка для биографии А.С. Стурдзы. Окончание // Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям. 1902. № 20, 16 окт. С. 684–685.

пред Вами мою добросовестность, с которою отношусь к делу собирания Вами материала для описания жизни Николая Васильевича в Одессе в конце 1850 и начале 1851 годов, я решаюсь поделиться с Вами тем, что мне лично известно о нем.

А) Состоя при домовой церкви княгини Варвары Алексеевны Репниной с осени 1850 г. до [по] 15-е число декабря 1853 г. в должности псаломщика, я почти каждое воскресенье и всякий праздник видел в нашей церкви проживающего в то время в Одессе и посещающего нашу церковь Гоголя. (Гоголь в конце 1850 г. прибыл в Одессу и, давно состоя в наилучших отношениях с княжной Варварой Николаевной Репниной, — поселился в частном доме вблизи дома княг[ини] Варв[ары] Ал[ексеевны] Репниной, которая нанимала квартиру в доме Молодецкого — возле Сабанеева моста, где была устроена и ее домовая церковь. — *Примеч[ание] автора письма протоиерея Анат[олия] Корочанского. [Пояснение Л.С. Мацеевича. — И.В.]*) После каждой литургии Гоголь обязательно заходил к княжне Варваре Николаевне побеседовать; но о чем шли у них беседы и посещал ли Гоголь княжну в будние дни, мне неизвестно, так как никогда не выпадал на мою долю счастливый случай присутствовать на их беседах. — В церкви Гоголь стоял образцово: осенял себя, хотя и не часто, но истово, крестным знаменем, — по его сосредоточенной и самоуглубленной фигуре можно было быть уверенным, что он искренно молится. Набожность и постоянная религиозная настроенность его поражала всех прежде его знающих. Княжна Репнина (истинная христианка), давнишняя его хорошая знакомая, говорила в то время в среде своих знакомых: «Н.В. Гоголь сделался в настоящее время совершенно неузнаваем по своему благочестию и истинно христианскому настроению, которыми прежде[16] он не мог похвалиться». —

Б) Я имел честь быть знакомым с Гоголем. Случай к тому был такой. Николаю Васильевичу до того понравилось стройное и прекрасное пение маленького хора певчих, управляемых мною и состоящих при церкви княгини Репниной, что он решился обучить своего крепостного слугу церковному пению, чтобы в скорбные и трудные минуты жизни его мог услаждать духовным пением. С этой целью познакомившись со мной, — он просил меня испытать его слугу, насколько окажется он способным по певческому делу. Но, к сожалению, после нескольких уроков слуга его оказался с отсутствием не только всякого голоса, но и музыкального слуха, а потому решительно неспособным к певческим занятиям. После сего я перестал посещать квартиру Гоголя, и затем прекратилось и мое с ним знакомство.

[16] Знакомство Гоголя с княжной В.Н. Репниной-Волконской состоялось летом 1836 г. в Баден-Бадене (см.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 585–589).

В) Отношения Гоголя к покойному преосвященному Иннокентию, как можно полагать, были самые искренние и почтительные. Зимой преосвященный Иннокентий каждый месяц устраивал у себя литературные вечера, на которых обязательно присутствовали Гоголь и княжна В.Н. Репнина.

Г) Писем или какой-либо записочки Гоголя у меня не могло остаться по той простой причине, что я никогда не получал от него таковых.

Вот и всё, что мог я по совести сообщить Вам о великом нашем писателе. Как видите, сам я лично, при всем искреннем желании моем, быть Вам полезным не могу, зато укажу Вам на такое лицо, которое вполне может сообщить Вам отыскиваемые Вами драгоценные для Вас сведения. Это лицо наш знаменитый, проживающий в Одессе, маститый ученик преосвященного Иннокентия, протоиерей Михаил Карпович Павловский, который, будучи духовником княгини Репниной и ее семьи, часто бывал в ее доме, и наверно также часто встречался там, а также у преосвященного Иннокентия, с Н.В. Гоголем. Он-то и может Вам сообщить нужный Вам материал для описания жизни Гоголя в Одессе.

С искреннейшим к Вам почтением имею честь быть Вашим
покорнейшим слугой
Протоиерей Анатолий Корочанский[17].

Письмо о. Анатолия Мацеевич сопроводил пояснением: «*Примечание.* Автор настоящего письма протоиерей *Анат[олий] Корочанский* служил в последнее время Настоятелем Уездного Собора в г. *Николаеве,* Херс[онской] г[убернии], — в каковом звании и скончался в 1899 г. — В конце 40[-х] годов прошлого века он приехал в Одессу из Харькова вместе с преосв[ященным] *Иннокентием* (служение святителя Иннокентия в Одессе, куда он был назначен на Херсонскую кафедру 24 февраля 1848 г., началось в день Святой Троицы 30 мая того же года. — *И.В.*) — и доканчивал учение в Одесской духовной семинарии. — Подробный *некролог* его напечатан в *Херс[онских] Епар[хиальных] Ведомост[ях]* 1899 [1900] г.[18] — Настоящее письмо его показывает, что и *вне Одес-*

[17] [*Корочанский А.Ф., протоиерей; Мацеевич Л.С.*]. Гоголь в Одессе. (Письмо [протоиерея А.Ф. Корочанского] к одному собирателю сведений о жизни Гоголя в Одессе [Л.С. Мацеевичу]). Сообщил Л.С. М[ацеевич] // Литературный вестник. 1903. Т. VI. Кн. 6. С. 122–124.

[18] См.: «Волею Божиею скончались: […] 19 ноября протоиерей Рождество-Богородицкого собора г. Николаева *Анатолий Корочанский*» (Сведения об умерших // Херсонские епархиальные ведомости. 1899. № 23, 1 дек. С. 327); «Почти полвека о. Анатолий прожил в сане священнослужителя, в том числе около 35 лет в г. Николаеве, скончавшись на 71 году» (Протоиерей Анатолий Корочанский, его кончина и погребение. (Некролог) // Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям. 1900. № 2, 15 янв. С. 49). См. также: Слова и речи, сказанные при погребении Протоиерея А. Корочанского // Там же. С. 56–66.

сы — [одесситам] не мешало справляться об Одесской жизни Гоголя... В письме этом немного черт указано из жизни Гоголя — но они очень интересны... Особенно занимает как указание о. Анатолия на место, где была *домовая церковь* княгини Репниной, куда ходил молиться Гоголь... Покойный о. протоиерей М.К. Павловский говорил нам (как и другие тоже), что эта церковь была на *Садовой* улице, *в собственном* доме княгини Варвары Алекс[еевны] Репниной... Это и действительно так, в этом нет ни малейшего сомнения. Но — может быть *раньше,* чем купить дом на Садовой ул[ице], — княгиня Репнина жила в доме *Молодецкого* — возле Сабанеева моста, — где и устроила, по своему обычаю, — домовую церковь. […] Что […] касается до домовой церкви княгини Репниной на Садовой ул[ице], — то мы уже достоверно знаем судьбу ее от самого ее бывшего настоятеля — протоиерея М.И. Диевского; подробно об этом мы расскажем когда-нибудь после... Теперь же скажем только, что во время бомбандирования [так в источинке] англичанами Одессы — накануне Пасхи 1854 г. — бомба упала на домовую церковь княгини Репниной, попала как раз в *пономарню*. Это очень напугало старуху-княгиню, и она скоро продала свой дом и вместе с дочерью своею *Варварой Николаевной Репниной* навсегда оставила Одессу и поселилась в Москве»[19].

Дополнительные сведения о Гоголе и о священнике домовой церкви В.А. Репниной-Волконской Михаиле Ильиче Диевском (1825–1893), законоучителе Второй Одесской гимназии (впоследствии протоиерей), — и, в частности, о знакомстве Гоголя с помещиком Гадячского уезда Полтавской губернии Николаем Ивановичем Савичем (1809–1892), выпускником Харьковского университета 1827 г., осужденным в 1847 г. по делу сепаратистского Украино-славянского общества[20] (организаторы называли свой кружок Обществом Святых Кирилла и Мефодия), — Мацеевич сообщил еще несколько месяцев спустя, в 1904 г.

В статье, посвященной Н.И. Савичу («последнему вольтерьянцу», призывавшему в 1846 г. к уничтожению в России «монархического правления»[21]), Мацеевич писал: «В первый раз я услышал о Савиче в 1885 г. от протоиерея *Михаила Ильича Диевского* ([род. в 1825 г.] ум. 16 июня 1893 г.) — его старинного приятеля. Протоиерей Диевский — уроженец Киевской губернии, магистр Киевской Академии 1851 г. — был добродушнейший и гостеприимнейший человек и щирый украинец. Хотя я и услышал о Савиче, но еще не имел повода предполагать в нем тождества с бывшим знакомцем Костомарова, Гулака и других киев-

[19] [*Корочанский А.Ф., протоиерей; Мацеевич Л.С.*]. Гоголь в Одессе. С. 124.

[20] О критическом отношении Гоголя к оппозиционным движениям см.: *Виноградов И.А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 12 (принято в печать).

[21] Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ, 1990. Т. 3. С. 59, 69.

лян и с участником роковых Кирилло-Мефодиевских разговоров... […] В первый раз я увидел Н.И. Савича случайно 21 марта 1889 г. в одесской публичной библиотеке... […] Савич был уже глубокий старик — среднего роста, плотный, с красноватым, несколько одутловатым лицом и большою окладистою бородою, но еще довольно бодрый и разговорчивый... В разговоре он между прочим упомянул, что он был в Киеве во время ареста Шевченка и что он вез в Париж поэму Шевченка "Кавказ" для передачи *Адаму Мицкевичу* и передал... Говорил также, что видел Гоголя в Одессе в 1850 г. на обеде у *Александра Григорьевича Тройницкого*, причем везде были расставлены сочинения Гоголя в разных переплетах — и на столе, и на шкафах — везде»[22]. (А.И. Маркевич, в свою очередь, сообщал, что, по воспоминаниям Гр.А. Тройницкого, Гоголь «бывал у отца его (брата Н.Г. Тройницкого) А.Г. Тройницкого и даже обедал у него; но других сведений о пребывании Гоголя в Одессе Гр.А. Тройницкий сообщить […] не мог»[23].)

Далее Мацеевич писал: «После этого свидания […] я стал просить о. М.И. Диевского сходить со мною к Савичу. […] Наконец о. Михаил Ильич повел меня к Савичу, жившему в собственном доме — на Надеждинской улице, против Сабанеева моста... Николай Иванович принял нас радушно — в своем кабинете, как был — в халате и с колпаком на голове... Стали говорить о сем, о том... Я стал заговаривать о лицах давно минувшего времени. Николай Иванович отвечал охотно. […] Заговорили о Гоголе... Николай Иванович сказал, что он сам лично знал тех лиц в Полтавщине, с кого Гоголь нарисовал Чичикова, Коробочку и другие свои типы[24]... И стал называть по именам и фамилиям эти лица... Не могу вспомнить теперь этих имен. Помню только, что *Чичиков* — по его словам — это был предводитель дворянства в Полтавском уезде, скупал у разных помещиков мертвые души и заложил в Опекунский Совет... *Коробочка* — была в Зеньковском уезде, а также и в Миргород-

[22] [*Мацеевич Л.С.*]. Николай Иванович Савич. (Прикосновенный к делу украинского Кирилло-Мефодиевского Общества — 1847 г.). Сообщил Л.М. // Киевская старина. 1904. Февр. С. 234–235.

[23] *Маркевич А.И.* Гоголь в Одессе. С. 27.

[24] В 1901 г. В.А. Чаговец свидетельствовал: «Многие боялись попасть в […] чудную кунсткамеру Гоголевских типов, но лучшие экземпляры не избежали этой участи, и в произведениях Н[иколая] В[асильевича] в свое время можно было узнать много современников. Недаром Полтава так недружелюбно относилась к творцу Ревизора и Мертвых душ» (*Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. М., 2010. Т. 1. С. 222). См. также: *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 6 (письмо отца Гоголя, Василия Афанасьевича, к Д.П. Трощинскому); С. 346, 347, 361 (свидетельство В.А. Гиляровского); С. 406 (свидетельство Д.А. Пахомова); С. 499 (свидетельство А.С. Данилевского); С. 548 (свидетельство П.И. Мартоса) и др.

ском. Один — не помню какой — из героев Гоголя был мелкопоместный помещик в Гадячском уезде — имел 5 или 6 душ крестьян и назывался *Войко*... (Мне припоминается при этом, что писала дочь С.Т. Аксакова *Вера Сергеевна* к *М.Г. Карташевской* — в ноябре 1845 г.[25]: "малороссы вообще, особенно в Миргороде, терпеть не могут Гоголя за то, что он их вывел в смешном виде, и говорят, что *Мертвые души* написаны на них же; всегда выдумывают на него всевозможные сказки, так что бедную мать часто мучат...". (См. в *Русском Архиве* 1890 г. № 8: С.Т. Аксакова: "История моего знакомства с Гоголем" — стран[ица] 151).) И оживился Ник[олай] Ив[анович] Савич, вспоминая всю эту старину... Но тут произошло одно обстоятельство, которому причиною был я и которого доселе не могу простить себе... […] Рассказы Савича о прототипах гоголевских героев так меня заинтересовали, что я непременно хотел заметить их имена и фамилии и для этого невольно вынул из бокового кармана бумагу и карандаш... […] Когда увидел это Н.И. Савич, — сейчас же переменил тон: перестал вспоминать о старине и начал расспрашивать нас о разных текущих делах... Как я потом уже ни старался загладить в глазах его свой проступок, — ничего не помогло... Ни малейшего упрека не сделал мне Николай Иванович; но о старине своей рассказывать после этого решительно не хотел... Конечно, он догадался, что перед ним — не простой собеседник, а такой человек, который может впоследствии передать его рассказы и в печати... Очевидно, он думал, что я начну расспрашивать его об обстоятельствах его участия в Кирилло-Мефодиевском обществе, а также о подробностях вскоре последовавшего его ареста при возвращении его из Парижа в Россию — и проч. и проч. ... Очевидно, что это было больное место в его душе, которого он не хотел, кажется, поверять другим[26]... […] ...Нужно было волей-неволей оставить почтенного старца в покое... Он радушно угостил нас чаем, и мы с Мих[аилом] И. Диевским попрощались с ним...»[27]

Свидетельство Н.И. Савича и письмо протоиерея Анатолия Корочанского представляют собой важные источники биографических сведений о Гоголе. В частности, именно из письма о. Анатолия мы узнаем о встречах Гоголя зимой 1850/51 г. в Одессе с одним из его давних знакомых, святителем Иннокентием, а также со священником Михаилом Ильичом

[25] На самом деле письмо относится к 31 мая 1843 г. (см: *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 839).

[26] При задержании в 1847 г. Н.И. Савич «в ужасе и как бы в беспамятстве» покушался на самоубийство (см.: Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 3. С. 61–68, 77).

[27] [*Мацеевич Л.С.*] Николай Иванович Савич. (Прикосновенный к делу украинского Кирилло-Мефодиевского Общества — 1847 г.). Сообщил Л.М. // Киевская старина. 1904. Февр. С. 235, 237–238.

Диевским, знакомым Савича. Оба источника пополняют сведения вышедшей недавно семитомной «Летописи жизни и творчества Н.В. Гоголя» (М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018) и нуждаются во введении в научный оборот.

Литература

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. М., ИМЛИ, 2011–2013. Т. 1–3. 904 + 1032 + 1168 с.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2: 1829–1836; Т. 6: 1848–1850; Т. 7: 1851–1852. 672 + 656 + 640 с.

Виноградов И.А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 12 (в печати).

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. XV. 624 с.

Кирило-Мефодіївське товариство: В 3 т. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 3. 440 с.

[*Корочанский А.Ф., протоиерей; Мацеевич Л.С.*]. Гоголь в Одессе. (Письмо [протоиерея А.Ф. Корочанского] к одному собирателю сведений о жизни Гоголя в Одессе [Л.С. Мацеевичу]). Сообщил Л.С. М[ацеевич] // Литературный вестник. 1903. Т. VI. Кн. 6. С. 122–124.

[*Мацеевич Л.С.*] Николай Иванович Савич. (Прикосновенный к делу украинского Кирилло-Мефодиевского Общества — 1847 г.). Сообщил Л. М. // Киевская старина. 1904. Февраль. С. 229–238.

References

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniiakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence]. In 3 v. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011–2013, vol. 1–3. 904 + 1032 + 1168 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolja (1809–1852). Nauchnoe izdanie. V 7 tomah* [Chronicle of the life and work of N.V. Gogol (1809-1852). Scientific publication. In 7 volumes]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, vol. 2: 1829–1836, vol. 6: 1848–1850, vol. 7: 1851–1852. 672 + 656 + 640 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Fenomen zapadnichestva v slavjanofil'stve: vzgljad Gogolja* [The phenomenon of Westernism in Slavophilism: the view of Gogol]. *Literaturnyj fakt* [Literary fact], 2019, no. 12 (in print). (In Russ.)

Gogol' N.V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. (15 kn.)* [Full collected works and letters in 17 vol. (15th book)], sost., podgot. tekstov i komment. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. M.; Kiev, Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii Publ, 2009, vol. 15. 624 p. (In Russ.)

Kirilo-Mefodiïvs'ke tovaristvo: V 3 tomah [Cyril-Methodius partnership: In 3 volumes]. Kiïv: Naukova dumka Publ., 1990, vol. 3. 440 p. (In Russ., in Ukrainian.)

Korochanskij A.F., archpriest; Maceevich L.S. *Gogol' v Odesse. (Pis'mo k odnomu sobiratelju svedenij o zhizni Gogolja v Odesse)* [Gogol in Odessa. (A letter to one collector of information about the life of Gogol in Odessa)]. Reported by L.S. M. *Literaturnyj Vestnik* [Literary Bulletin], 1903, vol. VI, book 6, pp. 122–124. (In Russ.)

Maceevich L.S. *Nikolaj Ivanovich Savich. (Prikosnovennyj k delu ukrainskogo Kirillo-Mefodievskogo Obwestva — 1847 g.)* [Nikolay Ivanovich Savich. (Involved in the case of the Ukrainian Cyril and Methodius Society — 1847).]. Reported by L.M *Kievskaja Starina* [Kievskaya Starina], 1904, February, pp. 229–238. (In Russ.)

N.V. Gogol in Odessa. Forgotten testimonies of his contemporaries (archpriest Anatoly Korochansky's letter and N.I. Savich's memoirs)

© 2019, Igor Vinogradov

Abstract: Two important sources of biographical information about Gogol are introduced for scientific use. Both documents has to do with Gogol's stay in Odessa in the winter of 1850-51, and were published in the beginning of the XXth century in periodicals by the historian L. S. Matseevich, but remained unnoticed by Gogol's biographers. The first one is archpriest Anatoly Fedorovich Korochansky's letter to Matseevich dated April 10, 1891. Rev. Anatoly Korochansky, a former psalm-reader of Princess V.A. Repnina-Volkonskaya's home church, conveys a number of important details about Gogol's spiritual strivings and area of interests. Until now, this letter was known to Gogol's biographers only in from hearsay, and the author's name was distorted ("Karchevsky" instead of "Korochansky"). Biographical information about the author of the letter is given in he paper. Archpriest A.F. Korochansky's letter adds to the wide circle of Gogol's contacts in Odessa during the fall of 1850 — spring of 1851, two more people belonging to clergy - Gogol's old friend St. Innokenty (Borisov), Archbishop of Kherson and Tarvia, and Rev. Michael Dievsky, the priest (later Archpriest) of Princess Repnina-Volkonskaya's home church in Odessa. The second source of biographical information about Gogol that has to do with his stay in Odessa in 1850-51 is left by N.I. Savich, a graduate of Kharkov University, retired

lieutenant, involved in the case of the separatist Ukrainian-Slavic society. Savich's memories were recorded by Matseyevich in 1889. Being a friend of Rev. Michael Dievsky, Savich attended a dinner, given in honor of Gogol in 1850 by his Odessa admirers. A new evidence of the «Little Russian» (Ukrainian) sources of the images in the *Dead Souls* is given; an achetype of a character from the second volume of *Dead Souls* is discovered. The article replenishes recently published seven-volume *Annals of N.V. Gogol's Life and Work*.

Keywords: Gogol, biography, creativity, memoirs, hermeneutics, spiritual heritage

Information about the author: Igor Vinogradov, Doctor Hab. of Philology, Chief Researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: info@imli.ru

Citation: Vinogradov Igor. N.V. Gogol in Odessa. Forgotten testimonies of his contemporaries (archpriest Anatoly Korochansky's letter and N.I. Savich's memoirs**).** *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 403–415. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-403-415

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-416-430
УДК 821.161.1

Наблюдать и сочувствовать: «Псевдореализм» и литературная программа «Отечественных записок» на рубеже 1840–1850-х гг.*

© 2019, Е.И. Вожик

Аннотация: В статье анализируется литературная позиция журнала «Отечественные записки» конца 1840-х — начала 1850-х гг., выражающаяся в литературно-критических декларациях и публиковавшихся на его страницах художественных текстах. Эта позиция рассматривается на материале остающихся фактически непрочитанными повестей и рассказов Я.П. Буткова, М.М. Достоевского, А.Н. Плещеева, печатавшихся в «Отечественных записках» (раздел «Словесность») на протяжении 1848 г. Произведения названных авторов указанного периода интересны тем, что они оказались в центре полемики о «псевдореализме», развернувшейся между журналами «Отечественные записки» и «Современник» и позволяющей особенно четко выявить предмет конфликта между этими изданиями. На основе сопоставления статей критиков, упрекавших Буткова, М. Достоевского и Плещеева в «псевдореализме» (П.В. Анненков, А.В. Дружинин, А.А. Григорьев), с критическими высказываниями современников обосновывается связь «псевдореализма» с понятием «дагерротипизм», ключевым для полемизирующих сторон. Предлагается анализ типовой структуры «псевдореалистических» произведений в сопоставлении с критическими отзывами на них. В заключение делается вывод о соотношении особенностей этих текстов с общеэстетическими взглядами писателей-«псевдореалистов» и литературной программой «Отечественных записок» как толстого литературного журнала в целом.

Ключевые слова: «Отечественные записки», «Современник», история русской литературы, реализм, «псевдореализм», литературная критика, «дагерротипизм».

Информация об авторе: Екатерина Игоревна Вожик, студент магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: e.vozhik@yandex.ru

Цитирование: *Вожик Е.И.* Наблюдать и сочувствовать: «Псевдореализм» и литературная программа «Отечественных записок» на рубеже 1840–1850-х гг. // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 416–430.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-416-430

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-20003.

В 1849 г. главный литературный обозреватель журнала «Современник» того времени П.В. Анненков пишет о прозе «Отечественных записок»: «Некоторая часть наших писателей поняла реализм в таком ограниченном смысле, какой не заключала ни одна статья, писанная по этому предмету в петербургских журналах. […] При постоянном осуществлении одних и тех же типов, место свободного творчества должна была заступить наконец работа чисто механическая; действительно, так и случилось. Мы заметили, например, что добрая часть повестей в этом духе открывается описанием найма квартиры — этого трудного условия петербургской жизни — и потом переходит к перечету жильцов, начиная с дворника. […] Ясно, что при таких условиях уже не может быть и помина о зорком осмотре событий, об изучении разнородных явлений нашей общественности, психологическом развитии характера. […] Неисчерпаемый источник всех неожиданных и поучительных рассказов — душа человека определена здесь заранее и притом по одному образцу, словно столб большой дороги. Самый талант в писателе делается не нужен, и если встречается (а встречается он часто), то кажется читателю излишней роскошью»[1].

На первый взгляд, в процитированном отрывке Анненков неодобрительно высказывается о литературном уровне произведений, печатавшихся на страницах конкурирующего издания. Но важно также отметить, что слова критика обусловлены его позицией в споре между журналами «Отечественные записки» и «Современник» — конфликте, напрямую связанном с принципиальным различием эстетических принципов и конкретных практик, принятых этими изданиями.

Русский толстый литературный журнал как комплексное произведение, в основе которого лежит единство эстетических концепций и их практического воплощения в художественных произведениях, до сих пор остается в недостаточной степени осмысленным явлением. Исследователи чаще всего сосредотачиваются на отдельных крупных авторах и, за некоторыми исключениями[2], не пытаются анализировать литературную позицию изданий целиком, между тем как именно в их рамках разворачивалось творчество тех или иных писателей. Так, например, журнал «Отечественные записки» конца 1840-х — начала 1850-х гг. чаще всего попадает в поле зрения исследователей в связи с тем, что в это время

[1] *Анненков П.В.* Заметки о русской литературе 1848 года // Анненков П.В. Критические очерки. СПб., 2000. С. 41. Впервые: Современник. 1849. № 1. Отд. III. С. 1–23.

[2] См., например: *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала 1830-х — 1870-х гг. М., 2005.

здесь появлялись ранние тексты Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова[3]. Нам же кажется важным обратиться к «среднему» уровню журнальной продукции — беллетристике, помещаемой на страницах «Отечественных записок» в эти годы. Это позволит проанализировать позицию журнала, выражающуюся на разных уровнях: и в литературно-критических декларациях, и в публиковавшихся на его страницах художественных текстах.

Мы рассмотрим эту позицию на материале остающихся фактически непрочитанными повестей и рассказов Я.П. Буткова, М.М. Достоевского, А.Н. Плещеева, печатавшихся в «Отечественных записках» (раздел «Словесность») на протяжении 1848 г. Произведения названных авторов указанного периода интересны тем, что они оказались в эпицентре полемики о «псевдореализме»[4], развернувшейся между журналами «Отечественные записки» и «Современник» в конце 1840-х — начале 1850-х гг. и позволяющей особенно четко выявить предмет конфликта между этими изданиями. Представителем «Отечественных записок» и защитником писателей-«псевдореалистов» выступал В.Н. Майков, позицию «Современника» отстаивали П.В. Анненков и А.В. Дружинин.

«Псевдореализмом» («сентиментальным натурализмом»[5]) обычно называется литературное направление, представители которого, опираясь на доктрину сенсуализма Л. Фейербаха, ставили перед собой цель изображать объект изнутри, через его переживания и чувства, а не с внешней точки зрения наблюдателя, тщательно отбирающего материал для описания[6]. К воплощению этого типа рационального наблюдателя в художественных произведениях призывали В.Г. Белинский и считавший себя его прямым последователем Анненков, главный обвинитель «псевдореалистов»[7].

Полемика о «псевдореализме» началась с программной статьи Анненкова «Заметки о русской литературе 1848 года», где он упрекает печатавшихся на страницах «Отечественных записок» Ф. Достоевского («Слабое сердце», «Отставной», «Честный вор»), М. Достоевского («Го-

[3] См., например: *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979; *Усакина Т.И.* Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов, 1965; *Усакина Т.И.* Беллетристика Салтыкова-петрашевца // Усакина Т.И. История, философия, литература (середина XIX века). Саратов, 1968; *Шестопалова Г.А.* Раннее творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1996.

[4] Это понятие использует П.В. Анненков (например, в указанной выше статье «Заметки о русской литературе 1848 года», 1849).

[5] Это понятие использует А.А. Григорьев (например, в статье «Русская изящная литература в 1852 году», 1853).

[6] См.: *Вдовин А.В.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Tartu, 2011. С. 82–89.

[7] См.: *Егоров Б.Ф.* Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб., 2009. С. 14.

сподин Светелкин»), Буткова («Невский проспект», «Темный человек») в том, что они в своих произведениях повторяют одни и те же типы, заменяя творческий процесс бездумной механической работой и отдаляясь тем самым от истинного реализма, главным принципом которого, как следует из рассуждений критика, является художественное обобщение. По мнению Анненкова, в подобных произведениях отсутствует как психологическое развитие характеров, так и вообще сколько-нибудь оригинальная мысль — всё это заменяется сводом подробностей из жизни героя. Как следствие, одной из характерных черт «псевдореалистического» направления является скрупулезное перечисление подробностей, «разложение вещей», «анализ бесконечно малых», увеличение «списков принадлежностей»[8].

Анненков был не единственным, кто говорил о «псевдореалистах» подобным образом. Так, А.В. Дружинин в «Письмах Иногородного Подписчика» (1849–1850) отмечает в их произведениях многословные, растянутые описания при отсутствии «оригинальной идеи»[9], а также указывает на однотипность используемых ими сюжетов: «“Отечественные записки” не любят повестей, если их завязка происходит не на чердаке, а в красивой комнате»[10].

О «псевдореалистах» писали не только сотрудники журнала «Современник». Так, оценку прозе Буткова, М. Достоевского, Плещеева дает и А.А. Григорьев, но именует их иначе: «сентиментальные натуралисты», указывая на связь этих писателей с традициями «натуральной школы». Критик называет их метод «анализом самых ничтожных и бессмысленных подробностей повседневной действительности»[11]; по его мнению, рассказы и повести этих писателей повторяют друг друга в «бесчисленных, хотя постоянно уныло-однообразных вариациях»[12].

Речевые обороты, которые используют Анненков, Дружинин и Григорьев, соотносятся с языковым выражением метафорических рассуждений о литературном «дагерротипизме», распространившихся в русских критических статьях в связи с изобретением дагерротипа (1839); чаще всего понятие «дагерротипизм» надеялось негативными коннотациями

---

[8] *Анненков П.В.* Критические очерки. С. 41–42.

[9] *Дружинин А.В.* Письма Иногородного Подписчика // Дружинин А.В. Собрание сочинений: В 8 т. СПб., 1865. Т. 6. С. 106.

[10] Там же. С. 276.

[11] *Григорьев А.А.* Русская изящная литература в 1852 году // Григорьев А.А. Литературная критика. М., 1967. С. 52–53. Впервые: Москвитянин. 1853. № 1. Отд. V. С. 1–64.

[12] Там же. О позиции Григорьева см.: *Виноградов В.В.* Тургенев и школа молодого Достоевского (Конец 40-х годов XIX века) // Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: От Гоголя до Ахматовой. М., 2003. С. 99–101.

и использовалось для характеристики писательской манеры тех литераторов, которые прибегали в своих произведениях к механическому копированию действительности, к не обусловленному художественными причинами повторению одного и того же, словно бы подражая принципу работы дагерротипного аппарата.

Названные выше критики отмечают в «псевдореалистических» произведениях обилие не относящихся к характеристике изображаемого явления подробностей, а именно эта черта, по представлениям современников, являлась одной из главных особенностей ранних дагерротипных изображений[13].

Литературный «дагерротипизм» часто характеризовался критиками как описание одной внешней стороны предметов, без анализа внутренней сути явлений. Размышления такого рода можно найти в статье А.Д. Галахова «“Бедная невеста”, комедия А. Островского» (1852), в которой талант А.Н. Островского назван «дагерротипным, копирующим»[14]. По мнению критика, герои «Бедной невесты» ведут себя и говорят совсем как в реальной жизни, но за их поступками и словами не стоит ничего большего, они значат ровно то, что значат. Именно поэтому едва ли возможным для читателя оказывается восприятие их внутренней сущности.

Характеризуя «псевдореализм» в одной из своих более поздних статей («Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году», 1854), Анненков рассуждает подобным образом: «…она [идеализация, т.е. возведение изображаемого объекта к обобщенному идеалу — *Е.В.*] ничего не имеет общего с “псевдореализмом”, который занимается одной внешней стороной предметов и минует всё, что только не подпадает прямо глазу»[15].

Итак, Анненков, Дружинин и Григорьев описывают «псевдореалистические» произведения, в частности, как произведения «да-

[13] Приведем в пример знаменитую характеристику художественной манеры Н.В. Успенского, данную ему Ф. Достоевским, который сравнивает метод писателя с принципом работы фотографической машины: «Таким образом, всё, что делается в каком-нибудь уголке площади, будет передано верно, как есть. В картину, естественно, войдет и всё совершенно ненужное в этой картине или, лучше сказать, в идее этой картины. Г-н Успенский об этом мало заботится. Ему, например, хотелось бы изобразить в своей фотографии рынок и дать нам понятие о рынке. Но если б на этот рынок в это мгновение опустился воздушный шар (что может когда-нибудь случиться), то г-н Успенский снял бы и это случайное и совершенно не относящееся до характеристики рынка явление. Если б из-за рамки картины проглядывал в это мгновение кончик коровьего хвоста, он бы оставил и коровий хвост, решительно не заботясь о его ненужности в картине» (*Достоевский Ф.М.* Рассказы Н. Успенского // Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 180).

[14] *Галахов А.Д.* «Бедная невеста», комедия А. Островского // «Современник» против «Москвитянина». СПб., 2015. С. 249. Впервые: Отечественные записки. 1852. № 4. Отд. VI. С. 119–130.

[15] *Анненков П.В.* Критические очерки. С. 89.

герротипные». Обратимся к самим рассказам и повестям Буткова, М. Достоевского, Плещеева, чтобы выяснить, насколько критические отзывы на них соответствуют действительному положению дел, является ли «дагерротипной» манера письма этих писателей и на каких уровнях текста можно встретиться с чертами «дагерротипизма». Это позволит понять, что означает понятие «дагерротипизм» — неясное в силу своей многоаспектности — в приложении к конкретным текстам.

По воспоминаниям современников, как Бутков, так и Плещеев, не говоря уже о М. Достоевском, «почти неразлучном с братом в это время»[16], считали своей обязанностью обсудить с Ф. Достоевским замыслы своих рассказов и их воплощение[17]. Имея в виду это обстоятельство, можно предложить одну из причин, по которой время существования школы «сентиментального натурализма» оказалось недолгим: весной 1849 г. мирное существование кружка Ф. Достоевского было нарушено арестом, а потом и ссылкой главного его участника. Безусловно, это обстоятельство не являлось определяющим для завершения недолгого века «псевдореализма», но учитывать его, на наш взгляд, всё же следует.

Как справедливо отмечали Анненков и Добролюбов, сюжет многих рассказов и повестей, публиковавшихся в «Отечественных записках» в 1848 г., разворачивается похожим образом. Так, довольно значимую роль в сюжетном строении играет эпизод найма квартиры. Например, с него начинаются повести «Дочка» М. Достоевского или «Темный человек» Буткова. Описание петербургских закоулков вместе с их обитателями и воспроизведение разговора с дворником обыкновенно сменяется рассказом о прошлом главного героя, успевшего к моменту повествования познать всевозможные лишения и пережить тяжелые обиды.

Таким образом, знакомясь с героем, читатель узнаёт и то, как тот решает бытовые, насущные вопросы: оценка событий происходит с позиции бедного человека, которого больше всего волнует практическая сторона дела. Вместе с тем включение эпизода найма квартиры позволяет выстроить описание доходного дома и его жильцов в духе «физиологического очерка»: «Подьяческая улица изобилует помещениями этого рода: в них обитают преимущественно горюны и темные люди, большей

[16] *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. С. 249.

[17] См., например, воспоминания С.Д. Яновского: «Я не помню ни одного из известных мне товарищей Федора Михайловича (а я их знал почти всех), который не считал бы своей обязанностью прочесть ему свой литературный труд. Так поступали А.У. Порецкий, Я.П. Бутков, П.М. Цейдлер; о А.Н. Плещееве, Крешеве и о М.М. Достоевском я уже не говорю, так как последние, и в особенности А.Н. Плещеев, получали от Федора Михайловича темы для работ и даже целые конспекты для повестей» (*Яновский С.Д.* Воспоминания о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1990. С. 243).

частью совершенно кончившие, иногда и начинающие только трудный курс практической жизни»[18].

Герой рассматриваемых нами текстов хорошо узнаваем в том числе по некоторым социально-групповым приметам. Это традиционно небогатый чиновник, или мечтатель, не замечающий реальной жизни, или молодой человек, приехавший в Петербург из провинции, или бедняк с «амбицией», знакомый читателям по раннему Ф. Достоевскому, чье влияние так отчетливо ощущается в следующем отрывке из повести Буткова «Новый год»: «Вот я и пошел себе куда глаза глядят… иду и голову ломаю соображением, а сердце-то так и рвется от тоски и горя. Вдруг, глядь в сторону: красный фонарь мелькнул перед моими глазами; дай-ка, подумал я, зайду сюда, в трактир, порассудить о своем положении, отогреться немножко и душу замученную отвести чайком. Я и зашел в этот самый трактир, где и теперь нахожусь. Зашел я в трактир и вижу, что наша братья гуляет… т.е. не столько гуляет, сколько ругается с буфетчиком и *свою амбицию выставляет в разных видах на посмеяние подлой черни, служителей трактирных*… [курсив наш — *Е.В.*] […] Тут я в первый раз в жизни моей напился как следует и узнал, почему это так любят пьянствовать бедные люди — потому, господа, что горе гнетет бедного человека, что нужда ест бедного человека, что здравый рассудок, проклятый здравый рассудок беспрерывно говорит бедному человеку такое страшное, беспощадное, что не знает он куда деваться, где забыться от своего безжалостного мучителя, здравого рассудка…»[19].

В портрет героя входит и описание его жилища — обыкновенно это так называемый «петербургский угол» или «петербургская вершина» (верхние этажи доходного дома), где мыкают горе, деля между собой чай и сахар, персонажи Буткова. Это может быть и укромная, украшенная цветами и безделушками квартирка, в которой обитают честные, смиренные, чувствительные Иван Петрович и его сестра Пелагея — герои рассказа Плещеева «Шалость».

Не обходятся произведения «сентиментальных натуралистов» без описаний неприветливой петербургской погоды: «Дело шло уж к десяти часам вечера. Печальное и неприятное зрелище представляет Петербург в десять часов вечера, и притом осенью, глубокою, темною осенью. […] В самом деле, и туман, который, как удушливое бремя, давит город своею свинцовою тяжестью, и меленькая острая жидкость — не то дождь, не то снег, — докучливо и резко дребезжащая в запертые окна кареты, и ветер, который жалобно стонет и завывает, тщетно силясь вторгнуться

[18] *Бутков Я.П.* Повести и рассказы. М., 1967. С. 232.
[19] *Бутков Я.П.* Новый год. Вчерашняя история // Отечественные записки. 1848. № 1. Отд. I. Словесность. С. 222.

в щегольской экипаж, […] и звонкое, но тем не менее, как смутное эхо, долетающее “пади” зоркого, как кошка, форейтора — всё это, вместе взятое, дает городу какую-то поэтически улетучивающуюся физиономию, какой-то обманчивый колорит, делая все окружающие предметы подобными тем странным, безразличным существам, которые так часто забавляли нас в дни нашей юности в заманчивых картинах волшебного фонаря...»[20].

Итак, повторяющаяся из текста в текст сюжетная схема (найм квартиры, описание небогатого жилища героя и т. д.) — «дагерротипизм», воплощающийся на уровне композиции, расположения элементов произведения. Еще одна черта «дагерротипизма», которую часто называют критики, — описания, изобилующие подробностями.

Например, так описывается квартира главного героя повести М. Достоевского «Дочка»: «В самом деле, посреди комнаты кокетливо стоял круглый столик, накрытый белой скатертью на два прибора; с одной стороны гордо возвышался графин с водою, по бокам которого блестели два стакана; с другой красовались круглая стеклянная солонка, полная мелко натолченой соли с искусно оттиснутой звездой на поверхности посредством донышка граненой рюмки, и фарфоровая масляница в образе утки с розовыми крыльями. На самой середине стола стоял так называемый кабачок с тремя графинчиками, наполненными разными жизненными эликсирами, против которых могут разве восставать одни только гомеопаты — водкою, уксусом и перцем и с одной стеклянной горчичницей, тоже изобиловавшей своего рода жизненной силой. Всё это было расставлено на столе с соблюдением самой строгой симметрии и с необыкновенным расчетом. Так, например, на том месте, где на скатерти была дырочка, поставлен был графин, а утка стояла на небольшом пятнышке в пятак, так что постороннему человек и в голову бы не пришло подозревать скатерть в пятне и дырочке»[21].

Этот фрагмент отличается характерной для «псевдореалистических» текстов перегруженностью описательно-бытовым элементом. Однако здесь важно отметить и то, что повествователь разделяет с героем знание о дырочках и пятнах на скатерти, о которых неизвестно постороннему человеку. Выбор такой точки зрения позволяет Буткову и другим писателям его круга «солидаризироваться» со своими персонажами, показать свое знакомство с их бытом и сделать его близким и понятным для читателей.

---

[20] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 3. М., 1965. С. 185.

[21] *Достоевский М.М.* Дочка // Отечественные записки. 1848. № 8. Отд. I. Словесность. С. 239.

Именно поэтому, на наш взгляд, уточнения требует утверждение В.С. Нечаевой, которая определяет тон повествователя в произведениях «сентиментального натурализма» как «тон постороннего юмористически настроенного наблюдателя», который «готов с одинаковым вниманием и безразличием выписать и случайные детали внешней обстановки действия, и решающий поступок героя»[22]. Пример, данный выше, показывает, что определения «посторонний» и «безразличный» не являются универсальными характеристиками повествователя в «псевдореалистических» произведениях: за выписанностью подробностей могут крыться сочувствие и симпатия к персонажам.

Число примеров может быть многократно увеличено: «…на письменном столе было размещено в строгом порядке прочее имущество Анания Демьяновича: баночка с мусатовской помадой, флакончик с духами Самохотова, порожняя бутылка, бывшая когда-то под шампанским, и потому стоявшая здесь для тона, черепушки с чернилами, и избранная библиотека, как то: академический календарь минувшего 1800 года, письмовник господина Курганова, святцы гражданской печати, тожь киевской печати, шемякин суд, каллиграфический табель о рангах, с обозначением против каждого ранга меры денежного вознаграждения за нанесение ему бесчестия, наконец, переложение ассигнации на серебро, а сего на оные»[23].

Еще одна черта, роднящая писательскую манеру с принципом работы дагерротипа, — это максимальное приближение к объекту изображения. Известно, что ранние дагерротипные аппараты не имели возможности снимать изображения в увеличенном масштабе. Однако современники отмечали, что дагерротипы могли фокусироваться на мелких чертах лица, которые обычно не замечались человеческим глазом, и делали эти черты отчетливыми, контрастно выделяющимися, — и поэтому лица на дагерротипах приобретали мертвенный вид. Примером может служить рассуждение Н.Г. Чернышевского о дагерротипных портретах из его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853): «Что касается портретов, сходных до отвратительности, это надобно понимать так: всякая копия, для того, чтобы быть верною, должна передавать существенные черты подлинника; портрет, не передающий главных, выразительнейших черт лица, неверен; а когда мелочные подробности лица переданы при этом отчетливо, лицо на портрете выходит обезображенным, бессмысленным, мертвым — как же ему не быть от-

[22] *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. С. 251.
[23] *Бутков Я.П.* Повести и рассказы. С. 236.

вратительным?»[24] Именно поэтому, как шутливо замечает фельетонист из «Отечественных записок», любая «женщина согласится лучше просидеть три часа перед услужливым живописцем, чем позволить испортить свое личико дагерротипу в 20 секунд»[25].

Часто герой «псевдореалистических» повестей, идущий нанимать квартиру, подобно фланирующему повествователю фельетонов[26], останавливает взгляд на зданиях, вывесках, надписях на них, объявлениях: «Рядом с этой вывеской была другая, на которую он также обратил внимание: на ней был намалеван широкой, можно сказать необузданной кистью красивый, в венгерку одетый мужчина — не то благородного, не то обыкновенного человеческого звания — решить трудно: узкий лоб, зеленые, в разные стороны глядевшие глаза, трехъярусный, отлично завитый хохол, полные румяные щеки, незаметно сливавшиеся с маленькой игривой формы носом, одинаково подтверждали то и другое предположение. По сторонам этого художественного произведения было написано: “здесь пьявки! стригут ибреют! идамские головы убирают! и рашки! цена за стри: 10 ко. с зави: и пабриться 20 ко.”»[27].

Сам герой при этом тоже описывается довольно подробно, он предстает крупным планом, как будто увиденный в n-кратном приближении: «…пот ручьями катился по его почтенному лицу и, задерживаясь в ложбинках редких, но довольно крупных морщин, придавал ему вид усталости и утомления»[28].

Следствием внимания «псевдореалистов» к подробностям становятся развернутые синтаксические периоды, организованные с помощью обилия однородных и синонимических конструкций, — «дагерротипизм», воплощающийся на уровне языка.

Приведем в пример отрывок из повести Буткова «Невский проспект»; для удобства мы пронумеровали ряды однородных членов и синонимов, необходимые для создания интонации перечисления, а также повторы: «И вот поселился он, законным супругом (1) и счастливцем (1), в темных апартаментах Беллоны, на грудах енотовых шуб (2), шинелей (2) и всякого хламу (2); зрение (3) его наслаждалось избытком картин (4) и гравюр (4), развешанных по стенам, и слух (3) постоянною музыкою часов (5) стенных (6), столовых (6), карманных (6) и табакерок (5) с секретами (7) и без секретов (7). А каких только историй не наслушался он

[24] *Чернышевский Н.Г.* Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 2. М., 1949. С. 80.
[25] *[Б.п.]* Разные известия // Отечественные записки. 1842. № 8. Отд. VIII. Смесь. С. 107.
[26] См.: *Зыкова Г.В.* Поэтика русского журнала 1830-х — 1870-х гг. С. 55.
[27] *Бутков Я.П.* Повести и рассказы. С. 229.
[28] *Достоевский М.М.* Дочка. С. 233.

от людей обоего пола, приходивших с утра до ночи с узелками в руках к его Беллоне, просивших ее участия (8) и снисхождения (8)»[29]. Далее последует период, построенный с использованием анафорических конструкций, а также контрастных противопоставлений внутри некоторых из них: «Иной (1), например, недавно еще был князь (2) и ездил в карете (2), а теперь обыкновенный человек (2) и пешеход (2); иная (1) вчера еще имела ложу (3) в Итальянской опере, а сегодня приносила (3) на сохранение кашемировую шаль; иной (1) привык обедать в ресторане, где берут по десяти рублей с персоны, а вот вышел же такой случай, что заставил его принести неназываемую и последнюю часть своего бывшего гардероба, чтоб достать как-нибудь рубль серебряный; у иной (1) муж скончался вдруг, не дослужив до совершенного благополучия трех часов и нескольких минут; иного (1) жена бросила (4) совсем и даже в Москву уехала (4), а его сироткою оставила (4) без дневного пропитания; иная (1) сегодня только убедилась, что мужчины известно какие люди; иной (1) только что удостоверился — что все женщины таковы; иной (1) приехал тягаться (5) и выиграть (5) что-то — у кого-то; иная (1) выгнала (6) мужа или разводится (6) с мужем — и все это (7) жужжало в ушах блаженствующего супруга со всеми интересными подробностями, и все это (7) было высказываемо глухим (8), отрывистым (8) голосом, колеблемым надеждой и сомнением (8), и все это (7) предлагало, с своей стороны, тряпье (9), тряпье (9), тряпье (9) и требовало денег (10), денег (10), денег (10), и всему этому внимала (11) и удовлетворяла (11) Беллона; а он глядел (12) только и удивлялся (12) своему, так сказать, блистательному положению в петербургской практической деятельности»[30].

Еще один пример из повести М. Достоевского «Господин Светелкин»: «Магазинщица сперва улыбнулась (1) ему, потом заманила (1) его в свои сети различными, доселе неслыханными для него наименованиями бурнусов (2), мантилий (2), маркиз (2), цыганок (2), визиток (2), потом несколько смутила (1) его, разложив перед ним вещи бархатные (3), атласные (3), кашемировые (3), тюлевые (3), креповые (3), кружевные (3), и наконец окончательно ослепила (1) его, когда они все окончательно улеглись на прилавке, одна подле другой (4), одна лучше другой (4), белые (5), синие (5), голубые (5), розовые (5), пунцовые (5), и пр., и пр.»[31].

Анненков, Дружинин и Григорьев были точны в определении главной отличительной черты «псевдореалистических» рассказов и повестей, печатавшихся в «Отечественных записках» на протяжении 1848 г.: они

[29] *Бутков Я.П.* Повести и рассказы. С. 326–327.
[30] Там же.
[31] *Достоевский М.М.* Господин Светелкин // Отечественные записки. 1848. № 10. Отд. I. Словесность. С. 201.

действительно изобилуют всевозможными подробностями и тщательно выписанными деталями, повторами на уровне композиции текста, а также многосоставными синтаксическими конструкциями. Однако всё это обусловлено общеэстетическими воззрениями «псевдореалистов», которые в своих рассказах и повестях предпринимают попытку максимально приблизиться к изображаемому герою, представить его более знакомым, близким читателю. Они добиваются этого, например, за счет развернутых, «дагерротипических» описаний интерьера или внешнего облика персонажа. Очень часто при этом повествователь встает на точку зрения героя, смотрит на мир его глазами. Это то, о чем писал брату Ф. Достоевский: «…я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду не в глубину, а разбирая по атомам, отыскиваю целое»[32].

В заключение отметим, что «псевдореалистическую» программу можно соотнести с программой «Отечественных записок» конца 1840-х — начала 1850-х гг. в целом: проза «псевдореалистов» получила теоретическое обоснование в статьях В.Н. Майкова, ведущего в журнале раздел критики в этот период. Если Анненков противопоставлял искусство природе и полагал, что последнюю художник должен «окультурить», творчески переработать в своем сознании[33], то Майков считал, что истинная художественность кроется непосредственно в неискаженной человеческой природе и ее необходимо изображать такой, какая она есть, со всеми ее несовершенствами[34]. Теорию Майкова (он, в свою очередь, опирался на работы Фейербаха) горячо поддерживал, например, «псевдореалист» Плещеев, который назвал «Современник» средоточием «людей, уничтожающих художественность, приносящих эстетические начала в жертву произвольным теориям»[35] и противопоставил сотрудникам этого журнала Майкова как критика, которого «ждет теперь наше общество и в котором бы соединялись основательность, эрудиция и художественный такт»[36].

Итак, в «Отечественных записках» конца 1840-х — начала 1850-х гг. прослеживается соответствие между разделами «Словесность» и «Критика», что говорит о наличии у журнала вполне конкретной литературной программы, реализуемой на разных его уровнях. Таким образом, многие принципы прозы «Отечественных записок», верно отмеченные

[32] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 118.

[33] См.: *Вдовин А.В.* Концепт «глава литературы» в русской критике… С. 83.

[34] *Майков В.Н.* Стихотворения Кольцова // Литературная критика. Л., 1985. С. 74. См.: *Богданова О.А.* Философские и эстетические основы «натуральной школы» // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М., 1997. С. 9–37.

[35] *[Плещеев А.Н.]* Фельетон. Петербургская хроника // Русский инвалид. 1847. № 181, 15 авг.

[36] Там же.

критикой, были мотивированы не слабым умением писать, а стремлением писать по-другому, в «дагерротипной» манере. Ход наших рассуждений подтверждает, что комплексный анализ толстого литературного журнала как единого литературного явления позволяет обратиться не к отдельным оценочным суждениям критиков, а к творческим принципам и эстетическим программам, определявшим ход литературных полемик середины XIX в. Подчеркнем, что журнальные споры этого периода основывались не только на немецкой классической метафизике, антропологических концепциях или философии сенсуализма, отразившихся в произведениях крупных писателей, — предметом этих споров могли становиться и модные технические изобретения, такие как дагерротип, оказавший влияние на прозу некоторых писателей-беллетристов. Это наблюдение также свидетельствует о том, что толстый литературный журнал имеет комплексный характер.

Литература

Богданова О.А. Философские и эстетические основы «натуральной школы» // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М.: Наследие, 1997. С. 9–37.

Вдовин А.В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов: Дис. … д-ра философии по русской литературе. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 238 с.

Виноградов В.В. Тургенев и школа молодого Достоевского (Конец 40-х годов XIX века) // Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003. С. 99–123.

Галахов А.Д. «Бедная невеста», комедия А. Островского // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 242–251.

Егоров Б.Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб.: Летний сад, 2009. 664 с.

Зыкова Г.В. Поэтика русского журнала 1830-х — 1870-х гг. М.: МАКС Пресс, 2005. 204 с.

Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

Усакина Т.И. Беллетристика Салтыкова-петрашевца // Усакина Т.И. История, философия, литература (середина XIX века). Саратов: Приволжское книжное издательство, 1968. С. 158–201.

Усакина Т.И. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1965. 161 с.

Шестопалова Г.А. Раннее творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.: Родник, 1996. 71 с.

Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 230–251.

References

Bogdanova O.A. Filosofskie i esteticheskie osnovy “natural'noi shkoly” [Philosophical and aesthetical framework of the “Natural School”]. *“Natural'naya shkola” i ee rol' v stanovlenii russkogo realizma* [“Natural School” and its role in the development of Russian realism]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 9–37. (In Russ.)

Egorov B.F. *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka* [Selected works. Aesthetic ideas in 19th century Russia]. St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2009. 664 p. (In Russ.)

Galakhov A.D. “Bednaya nevesta”, komediia A. Ostrovskogo [“A Poor Bride”, a comedy by A. Ostrovsky]. *“Sovremennik” protiv “Moskvityanina”. Literaturno-kriticheskaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov* [“Sovremennik” vs. “Moskvityanin”: literary-critical polemics in the first half of the 1850s]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 242–251. (In Russ.)

Nechaeva V.S. *Rannii Dostoevskii. 1821–1849* [Early Dostoevsky. 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

Shestopalova G.A. *Rannee tvorchestvo M.E. Saltykova-Shchedrina* [The early works of M.E. Saltykov-Shchedrin]. Moscow, Rodnik Publ., 1996. 71 p. (In Russ.)

Usakina T.I. Belletristika Saltykova-petrashevtsa [Fictional novels by Saltykov, the member of The Petrashevsky Circle]. Usakina T.I. *Istoriia, filosofiia, literatura (seredina XIX veka)* [History, philosophy, literature (the middle of the 19th century)]. Saratov, Privolzhye book publishing house, 1968, pp. 158–201. (In Russ.)

Usakina T.I. *Petrashevtsy i literaturno-obshchestvennoe dvizhenie sorokovykh godov XIX veka* [The Petrashevsky Circle and literary and social movement of the 1840s]. Saratov, Saratov University Publ., 1965. 161 p. (In Russ.)

Vdovin A.V. *Koncept “glava literatury” v russkoi kritike 1830–1860-kh godov. Dis. ... d-ra filosofii po russkoi literature* [Concept “the head of literature” in Russian criticism of 1830–1860s. Dr. phil. sci. diss.]. Tartu, Tartu University Publ., 2011. 238 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. Turgenev i shkola molodogo Dostoevskogo (konets 40-kh godov XIX veka) [Turgenev and the school of young Dostoevsky (the end of 1840s)]. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisatelei: Ot Gogolia do Akhmatovoi* [Selected works. Language and style of Russian writers: from Gogol to Akhmatova]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 99–123. (In Russ.)

Yanovskii S.D. Vospominaniia o Dostoevskom [Memories of Dostoevsky]. *F.M. Dostoevskii v vospominaniiakh sovremennikov. T. 1* [F.M. Dostoevsky in the memoirs of his contemporaries. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 230–251. (In Russ.)

Zykova G.V. Poetika russkogo zhurnala 1830-kh — 1870-kh gg. [Poetics of Russian magazine of 1830–1870s]. Moscow, MAKS Press Publ., 2005. 204 p. (In Russ.)

To observe and sympathize: “Pseudorealism” and the agenda of the literary magazine “Otechestvennye Zapiski” in the late 1840s — early 1850s

© 2019, Ekaterina Vozhik

Abstract: The paper analyzes the literary position of the magazine “Otechestvennye Zapiski” in the late 1840s — early 1850s, expressed in literary-critical declarations and literary texts published on its pages. The article concentrates on the poorly studied novels and stories by Y.P. Butkov, M.M. Dostoevsky and A.N. Pleshcheyev published in “Otechestvennye Zapiski” in 1848 that were in the limelight during the debates on “pseudorealism” between the magazines “Otechestvennye Zapiski” and “Sovremennik” in the late 1840s — early 1850s. The analysis of these texts allows to specify the source of conflict between the magazines. The polemics was started by the critics from “Sovremennink” — P.V. Annenkov and A.V. Druzhinin. Their articles are compared with other contemporary critical writings, which helps to see the connection between “pseudorealism” and “daguerreotypism” — key concepts for the polemics. The typical structure of “pseudorealistic” works is analyzed to compare the critical responses to such works with the actual state of affairs. The conclusion is made about the correlation among these texts, general aesthetic views of “pseudorealists” and the agenda of “Otechestvennye Zapiski” as a thick literary magazine.

Keywords: “Otechestvennye Zapiski”, “Sovremennik”, history of Russian literature, realism, “pseudorealism”, literary criticism, **“**daguerreotypism”.

Information about the author: Ekaterina Vozhik, student, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: e.vozhik@yandex.ru

Citation: Vozhik Ekaterina. To observe and sympathize: “Pseudorealism” and the agenda of the literary magazine “Otechestvennye Zapiski” in the late 1840s — early 1850s. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 416–430. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-416-430

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-431-451
УДК 821.161.1

Латинский конспект Вл. Соловьева в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: научный миф или литературный факт?*

© 2019, А.Л. Рычков

Аннотация: В работе рассматривается известное, но не нашедшее доказательств предположение, что в «Дневнике писателя» за май-июнь 1877 г. Ф.М. Достоевский опубликовал латинскую выписку из книги «Прогностика» Иоганна Лихтенберга, полученную от Вл. Соловьева, который сделал ее во время командировки в Лондон (1875 г.). Для прояснения вопроса в научный оборот вводится расшифровка выписки Вл. Соловьева «1528. Liechtenberger» из издания Лихтенберга (публикуется впервые). Здесь Соловьев использует ряд сокращений и компиляций текста, которые аутентично воспроизведены в «Дневнике писателя». Это свидетельствует, что латинская выписка Соловьева действительно послужила первоисточником для Достоевского. В этой связи анализируются религиозно-философский и профетический контекст, стоящий за содержанием фрагментов книги Лихтенберга, вызвавших интерес русских мыслителей в модусе их воззрений на будущее христианства и России. Прослеживается след сотворческой встречи Соловьева с Достоевским по истолкованию пророчеств в философском наследии Вл. Соловьева, особое внимание уделено «Краткой повести об антихристе». Делается вывод, что латинская выписка Соловьева может быть рассмотрена в ракурсе учения Иоахима Флорского о трех эпохах и последующих иоахимитских традиций, на которые опирался Лихтенберг и которые послужили одним из оснований для тринитарной метафизики и историософии Вл. Соловьева. В заключение рассматривается фрагмент поэтического наброска периода лондонской командировки, включающий софийные интуиции «раннего Соловьева» в ракурсе обсуждаемых в статье интересов философа.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, Ф.М. Достоевский, рукописи Вл. Соловьева, предсказания Иоганна Лихтенберга, доктрина Иоахима Флорского, тринитарная историософия, эсхатология, софиология, профетические традиции.

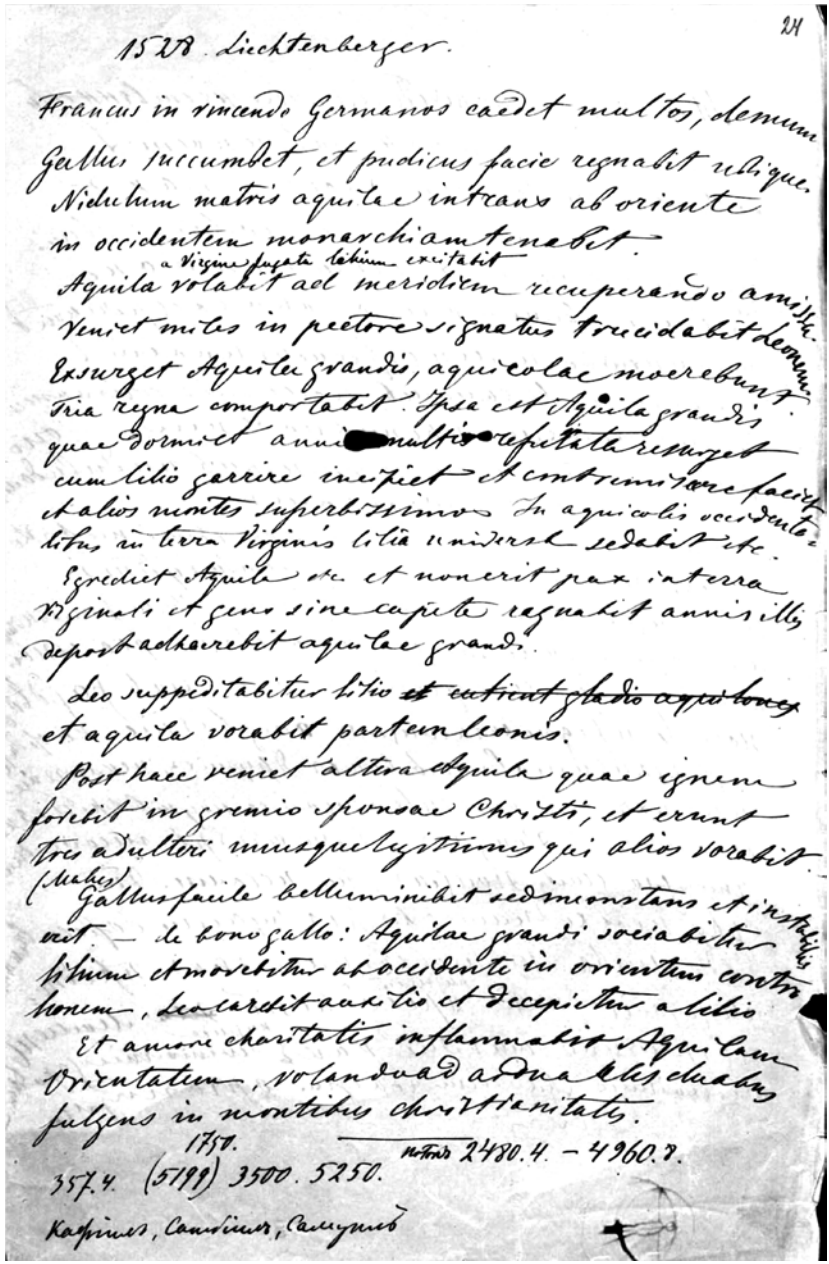
Информация об авторе: Александр Леонидович Рычков, независимый исследователь, Москва, Россия.

E-mail: vp102243@list.ru

Цитирование: *Рычков А.Л.* Латинский конспект Вл. Соловьева в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского: научный миф или литературный факт? // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 431–451.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-431-451

* Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научной конференции «В.С. Соловьев и его наследие в современном мире» 15–16 ноября 2018 г. («Соловьевский семинар», ИГЭУ, г. Иваново).

1528. Lichtenberger. 24

Francus in vincendo Germanos caedet multos, demum
Gallus succumbet, et pudicus facie regnabit reliqua.
Nidulum matris aquilae intrans ab oriente
in occidentem monarchiam tenebit.
a Virgine papata labium excitabit
Aquila volabit ad meridiem recuperando amissa.
Venient milites in pectore signatus trucidabit leonem.
Exsurget Aquilae grandis, aquicolae mocrebunt.
Tria regna comportabit. Ipsa et Aquila grandis
quae dormet annis multis reputata resurget
cum libio garrire incipiet et centum race facies
et alios mentes superbissimos. In aquilonis occidentalibus,
in terra Virginis lilia universa edabit etc.
Egredietur Aquila etc. et venerit pax in terra
Virginali et gens sine capite regnabit annis illis
deportabit adhaerebit aquilae grandi.
Leo suppeditabitur libio ~~et cutient gladio aquilonem~~
et aquila vorabit partem leonis.
Post haec veniet altera Aquila quae ignem
forebit in gremio sponsae Christi, et erunt
tres adulteri musque legitimus qui alios vorabit.
(Mahler)
Gallus facile belluminibit sed inconstans et instabilis
erit. — de bono gallo: Aquilae grandi sociabitur
libium et movebitur ab occidente in orientem contra
nonem, leo carebit auxilio et decipietur a libio
Et amore charitatis inflammabit Aquilam
Orientalem, volandoad ad una alles claudas
fulgens in montibus christianitatis.

1750.
notata 2480.4. – 4960.7.
357.4. (5199) 3500. 5250.
Kaspinus, Camerinus, Calmetus

«Латинская выписка» Вл. Соловьева.
РО ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 159. Л. 24.

В «Дневнике писателя» за май-июнь 1877 г. Ф.М. Достоевский публикует главу «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера, 1528 года», где цитирует и комментирует оригинальный первоисточник по некоей «латинской выписке». Достоевский пишет, что «эту латинскую выписку из старой книги» сообщил ему «один из наших молодых ученых», который «нашел в Лондоне, в королевской библиотеке, один старый фолиант, "книгу предсказаний", "Prognosticationes" Иоанна Лихтенбергера, издание 1528 года, на латинском языке»[1].

Еще в 1935 г. Д.Н. Стремоухов отметил в своей известной монографии, что упомянутым в «Дневнике писателя» молодым русским ученым мог быть только Вл. Соловьев[2]. В пользу этого предположения И.Л. Волгин собрал ряд косвенных доказательств[3], однако документального подтверждения гипотезы в архиве Достоевского не сохранилось. Выписка Соловьева до настоящего времени также оставалась неизвестной, чем вызвано оправданно осторожное отношение соловьевоведов к включению источника Достоевского в круг своих исследований.

Эта латинская выписка обнаружена нами среди черновиков «раннего» Соловьева (времен работы над трактатом «София»), хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН[4]. Философ выписывает из книги «Прогностика» Иоганна Лихтенберга[5] версию пророчества о Деве-Лилии и Орле с Востока, в которой он и Достоевский увидели предсказание роли России в европейской истории XIX–XX вв., в т.ч. в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В главе-эссе «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера, 1528 года» Достоевский упоминает сбывшееся пророчество Лихтенберга о французской революции и Наполеоне, который именуется «великим Орлом». Достоевский не приводит само пророчество, но оно присутствует в конспекте Вл. Соловьева, глася (в русском переводе): «И не будет мира в земле девичьей [по контексту — в земле Девы-Лилии, т.е. Франции. — *А.Р.*], и народ без повелителя будет царствовать в годы оные, после чего будет препровожден великим Орлом». Особенно интересует Достоевского то, что Лихтенберг повествует о дальнейших европейских

---

[1] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август // Ф.М. Достоевский. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л., 1983. С. 122–123.

[2] *Strémooukhoff D.* Vladimir Soloviev et son oeuvre messianique. Paris, 1935. P. 118.

[3] Фрагменты «Дневника писателя». Публ. И.Л. Волгина // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 62.

[4] ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 159. Л. 24.

[5] Заглавие *Pro[g]nosticatio* переводится нами как средневековый термин для прорицаний в практической астрологии и, соответственно, книги предсказаний, прогнозов, поверяемых астрологией.

событиях — явлении «другого Орла» с Востока, в аллегории которого писатель прочитывает мессианскую судьбу России. В подтверждение такому чтению Достоевский приводит латинский текст цитат из «Прогностики»[6] с подстрочным переводом, однако реструктуризирует цитаты согласно задачам публикации и складывает фрагменты в иной последовательности, чем в первоисточнике и конспекте Вл. Соловьева[7]. В этой связи, в целях сопоставления текстов, в версии Достоевского нами были выделены и пронумерованы пять фрагментов, находящихся в различных местах выписки Соловьева. Опубликованный в «Дневнике писателя» перевод этих фрагментов включен в приводимый ниже перевод конспекта Вл. Соловьева (что обусловило его стилистику): цифры в угловых скобках нумеруют фрагменты выписки в последовательности, составленной Достоевским, а сами фрагменты обозначены курсивом[8]. Итоговый текст перевода включает все цитаты из Лихтенберга в публикации Достоевского, которая оказывается, таким образом, сокращенной версией «латинской выписки» Вл. Соловьева.

Текст «латинской выписки» Вл. Соловьева:[9]

1528. Liechtenberger.

Francus in vincendo Germanos caedet multos, demum Gallus succumbet, et pudicus facie regnabit ubique. Nidulum matris aquilae intrans ab oriente in occidenten monarchiam tenebit.

Aquila a Virgine fugata lilium excitabit, volabit ad miridiem recuperando amissa. Veniet miles in pectore signatus trucidabit Leonem. Exsurget Aquila grandis, aquicolae maerebunt. Tria regna comportabit. Ipsa est Aquila grandis quæ dormiet anni[s] multis refutata resurget cum lilio garrire incipiet et contremiscere faciet et alios montes superbissimos. In aquicolis occidentalibus in terra Virginis lilia universa sedabit etc.

Egrediet Aquila etc. et non erit pax in terra Virginali et gens sine capite ragnabit annis illis de post adhaerebit aquilae grandi.

---

[6] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 122–123.

[7] Комментаторами «Дневника писателя» в Полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского, которыми ранее была проведена сверка опубликованных Достоевским латинских цитат с имевшимся в их распоряжении парижским изданием книги Лихтенберга 1530 г., было сделано аналогичное заключение: «Данный в “Дневнике писателя” текст представляет собой монтаж отдельных фрагментов “Предсказания”, преследующий цель выделить среди других сюжетную линию “великого восточного орла”» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 442).

[8] Исключены слова, вставленные Достоевским в текст цитат из Лихтенберга, о которых см. далее. Аллегорические фигуры прочитаны как имена собственные.

[9] На той же странице под выпиской находятся отделенные чертой расчеты соответствий библейского и христианского летоисчислений, а также имена ангелов, относящиеся к предшествующему конспекту.

Leo suppeditabitur lilio ~~et cutient gladio aquilones~~ et aquila vorabit partem leonis.

Post haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gremio sponsae Christi, et erunt tres adulteri unusque legitimus qui alios vorabit.

(Malus) Gallus facile bellum inisit sed inconstans et instabilis erit. — de bono Gallo: Aquilae grandi sociabitur lilium ab occidente in orientem et movebitur contra leonem. Leo carebit auxilio et decipietur a lilio.

Et amore charitatis inflammabit Aquilam Orientalem, volando ad ardua alis duabos fulgens in montibus christianitatis.

[1528. Лихтенберг.

Франк, побеждая Германцев, многих погубит, даже Галл подчинится, и, целомудренный видом, будет там править. В гнездовье Орлицы-матери входящий с Востока — будет иметь царство на Западе.

Орлица, от Девы бегущая, Лилию побудит подняться, *и полетит к югу, чтоб возвратить потерянное* <5>. Придет Воин, имеющий знак на груди, и повергнет Льва. *Восстанет Орел великий, островитяне восплачут. Три царства захватит. Сей есть Орел великий, который спит годы многие, пораженный восстанет*, вновь с Лилией начнет щебетать, *и трепетать заставит* <2> *и другие вершины прегордые* <4>. У *водяных жителей западных в земле Девы* <3> воссядет вселенская Лилия и т.д.

Выступит Орел и т.д. И не будет мира в земле девичьей, и народ без повелителя будет царствовать в годы оные, после чего будет препровожден великим Орлом.

Лев будет попран Лилией [и разрублен мечом орлиным (=северным)], и Орел пожрет части Льва.

После сего придет другой Орел, который огонь возбудит в лоне Невесты Христовой, и будут трое побочных и один законный, который других пожрет <1>.

(Пагубный) Галл легко устранит войну, но будет непостоянен и легкомыслен. — О благом Галле: с великим Орлом сочетается Лилия с Запада на Восток и направится против Льва. Лев лишится поддержки, будучи обманутым Лилией.

И любовью милосердия воспламенит Орла восточного, да летит на трудное, крылами двумя сверкая на вершинах христианства <6>].

При конспектировании книги Лихтенберга Соловьев в выписываемых фразах опускает или заменяет слова оригинала. Параллельное сличение латинской выписки Соловьева с оригинальным текстом «Прогностики»[10] и текстом, воспроизводимым Достоевским в «Дневнике пи-

[10] *Pronosticatio Johannis Liechtenbergers, jam denuo sublatis mendis, quibus scatebat, pluribus, quam diligentissime excussa* [Прогностика Иоганна Лихтенберга,

сателя», показывает, что выписки Соловьева и Достоевского включают идентичные замену и сокращение текста оригинала.

Рассмотрим это на конкретном примере. Как демонстрирует сопоставление текстов в Табл. 1, в своем конспекте Соловьев опускает ряд слов, в таблице выделенных полужирным шрифтом в оригинальном тексте и его переводе, а в текстах Соловьева и Достоевского отточием в квадратных скобках. Вместо “adhuc quinque” Соловьев вписывает “multis”: как видно в рукописи на Илл. 1, в этом месте перо Соловьева дало сильную течь и, вероятно, отвлекло его внимание. Итоговый текст латинской выписки очевидно отличается от оригинального. При этом латинский текст, приведенный Достоевским, аутентично повторяет конспект Соловьева[11], включая те же лакуны и словарную замену, что дает веские основания признать этот конспект первоисточником для Достоевского.

Таблица 1. Сопоставление фрагмента латинского текста у Вл. Соловьева, Ф.М. Достоевского и в оригинальном издании *Прогностики* 1528 г.

Pronosticatio Ioh. Liechtenbergers. Coloniæ, 1528	«Латинская выписка» Вл. Соловьева	Фрагмент из «Дневника писателя»[12]
Tria regna comportabit, **vae, vae plebs clamabit**. Ipsa est **illa** Aquila grandis, quae dormiet annis **adhuc quinque**, refutata resurget... [«Три царства захватит, **горе, горе, чернь горланит**. Сей есть **тот** Орел великий, который спит годы **и еще пять лет**, пораженный восстанет …»].	Tria regna comportabit. […] Ipsa est […] Aquila grandis quae dormiet annis […] ***multis*** refutata resurget… [«Три царства захватит. Сей есть Орел великий, который спит годы многие, пораженный восстанет …»].	Tria regna comportabit. […] Ipsa est […] aquila grandis, quae dormiet annis […] ***multis***, refutata resurget… [«Три царства захватит. Сей есть Орел великий, который спит годы многие, пораженный восстанет …»].

Установленный факт позволяет рассмотреть публикацию «Из книги предсказаний Иоганна Лихтенбергера» Достоевского и оставшуюся не

теперь тщательно очищенная от многочисленных важных погрешностей, которыми изобиловала]. Coloniae [Köln], P. Quentel, 1528. 84 l., 8°. В книге отсутствует нумерация страниц. Фотографию обложки см. на илл. 2.

[11] Различие латинского текста в запятых и прописных буквах у Соловьева и Достоевского отражает позднейшую издательскую корректуру, проделанную по просьбе Достоевского, писавшего 20 июня 1877 г. по поводу готовившегося издания латинской выписки: «*NB (самое главное). Ради бога, дайте прокорректировать латинский текст кому-нибудь знающему латинский язык*» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 412).

[12] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 122.

учтенной исследователями «латинскую выписку» Вл. Соловьева в едином ракурсе религиозно-философских исканий «раннего» Соловьева, что явилось следующей задачей настоящей работы. Подробный конкорданс первоисточника с соловьевским конспектом и рецепция средневековой профетической эсхатологии у «позднего» Соловьева рассмотрены в отдельной статье[13].

Орел и Лилия: символизм и религиозно-философский контекст «Прогностики»

PRONO
STICATIO IOHANNIS LIE
chtenbergers, tam denuo ſubla
tis mendis, quibus ſcate-
bat pluribus, quam
diligentiſſime
excuſſa,
Anno M. D. XXVIII.

Обложка "Pronosticatio" 1528 г.

В «Дневнике писателя» Достоевский пишет про мистическую «"книгу предсказаний", "Prognostication's" Иоанна Лихтенбергера, издание 1528 года» как про раритетный фолиант: «Экземпляр редкий и даже, может быть, единственный в свете»[14]. Эта деталь требует прояснения. Хотя кёльнское издание «Прогностики» 1528 г. (см. Илл. 2) к тому времени действительно стало большой редкостью, однако сама книга в Европе XIX в. была хорошо известна и оставалась популярна в среде западного эзотеризма (например, к ней обращался Элифас Леви). «Прогностика» Лихтенберга, впервые опубликованная в 1488 г., ко времени ее «находки» Соловьевым выдержала на латинском, немецком, французском, голландском, итальянском и английском языках более сотни изданий.

«Прогностику» относят к наиболее цитируемым книгам XVI в. Ее содержанию посвящены специальные исследования[15] и комментарии известных современников. Так, Лютер написал предисловие к виттен-

[13] См.: *Рычков А.Л.* Латинская выписка Вл. Соловьева из "Pronosticatio" Иоганна Лихтенберга: от «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского до «Трех разговоров» Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 1 (61). С. 6–23.

[14] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 122.

[15] *Kurze D.* Johannes Lichtenberger (gest. 1503). Eine Studie zur Geschichte der Prophetie und Astrologie. Historische Studien, 379. Berlin, 1960; *Petrella G.* La Pronosticatio di Johannes Lichtenberger*:* un testo profetico nell'Italia del Rinascimento. Udine, 2010.

бергскому изданию «Прогностики» 1527 г., а Парацельс — пояснения к ее прогнозам[16]. На страницах книги пророчества сивилл и Иоахима Флорского встречаются с легендами об антихристе, отображая апокалиптическое видение будущего мира, включая появление лжепророков, последнего мирового императора, судьбы турок и евреев. Астрологический анализ соединения Сатурна и Юпитера в 1484 г. и зодиакальные аллюзии сочетаются здесь с обсуждением эсхатологических пророчеств. Основными источниками Лихтенберга были сочинения Рейнхардта Лолларда, св. Биргитты, Пауля ван Мидделбурга, “Liber Concordiae” («Книга Соответствий») Иоахима Флорского, а также приписываемые ему произведения иоахимитского круга (“Super Hieremiam”, “Oraculum Cyrilli”, “Vaticinium Sybillae Erithrea”)[17]. Лихтенберг перенял концепцию союза Лилии (= Франция) и Орла (= Германия) из популярного пророчества, приписываемого св. Биргитте[18], и предсказал, что из этого союза будет рожден «последний император» и достигнуто завершение истории, описанное в духе иоахимитской эсхатологии[19]. Впоследствии аллегорическое предсказание Лихтенберга об удачном союзе Лилии и Орла нашло различное истолкование.

Вл. Соловьев выписывает важнейшую часть пророчества, где вселенская Лилия сочетается с Орлом и переносится на Восток, чтобы там противостоять Льву, а великий восточный Орел побеждает Льва и воспаряет к вершинам христианства. На эту деталь выписки Соловьева обращает особое внимание и Достоевский, подчеркивая в своей версии тему пробуждения христианского Востока, вера в великое христианское

[16] См. об этом: *Kurze D*. Johannes Lichtenberger (gest. 1503). Eine Studie zur Geschichte der Prophetie und Astrologie. P. 57–66.

[17] Более подробное обсуждение темы см.: *Kurze D*. Popular astrology and prophecy in the fifteenth and sixteenth centuries: Johannes Lichtenberger, “Astrologi hallucinati”: Stars and the end of the world in Luther’s time / Ed. P. Zambelli. Berlin; New York, 1986. P. 177–193. Учет цитат и аллюзий Лихтенберга из сочинений иоахимистов представлен М. Ривз, см.: *Reeves M*. Joachimist Influences on the Idea of a Last World Emperor // Traditio. 1961. Vol. 17. P. 341.

[18] О пророчествах св. Биргитты см.: *Sahlin C.L*. Birgitta of Sweden and the Voice of Prophecy. Studies in Medieval Mysticism 3. Woodbridge, 2001. Часть оракулов относится к Лилии (= Франции) и ее подчинении Орлу.

[19] «Последний Правитель мира», который победит мусульман и объединит христиан, — персонаж, известный из пророчеств псевдо-Мефодия и византийской легенды о последнем императоре. «Откровение Мефодия Патарского» (IV–VII вв.), включающее пророчества об антихристе и о «последних временах», «Видение Даниила», а также корпус легенд о последнем/возвращающемся императоре-избавителе (в т.ч. их отражение в иоахимитской историософии и славянские версии апокрифов), подробно рассмотрены А.Н. Веселовским в первых статьях цикла «Опыты по истории развития христианской легенды», опубликованных «Журналом Министерства народного просвещения» в 1875 г. (Ч. 178: «Гл. I. Откровения Мефодия и византийско-германская Императорская сага»; Ч. 179: «Гл. II: Легенда о возвращающемся императоре; Гл. III: Легенды о скрывающемся императоре»).

предназначение которого объединяла мыслителей[20]. В латинский текст Достоевский добавляет слова “in Oriente”, “occidentales” из опущенного в публикации начала выписки, усиливая тему «восточного вопроса»[21]. Достоевский также подчеркивает божественное благословение «Орла восточного», вводя в последний фрагмент (№ 6 в нашей нумерации) слово “Deus” («Бог»), отсутствующее в оригинале и выписке Соловьева. К этому фрагменту Достоевский обращается и впоследствии. Так, он вспоминает его в связи с Русско-турецкой войной в главе «Признания славянофила» из «Дневника писателя» за июль — август 1877 г.[22]

Следует отметить, что Соловьев и Достоевский были не первыми, кто обратил внимание на древнее пророчество об Орле с Востока и истолковал его в национальных реалиях своего времени. Их известным предшественником был польский священнослужитель Ян-Димитр Соликовский (1539–1603), авторству которого принадлежит текст “Vaticinium de conjunctione Liliorum cum Aquila, desumptum ex antiquis praedictionibus Joh. Lichtenbergii, quod adscribit D. Brigittae Sveciae Reginae”. Соликовский критикует традиционную идентификацию Орла с Германией,

[20] Своеобразным предисловием к эссе о книге Лихтенберга можно назвать размышления писателя в главе «Три идеи» из «Дневника писателя» за янв. 1877 г., перекликающиеся с пророчеством о пробуждении восточного Орла и тринитарными исканиями Соловьева: «на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы. Всем ясно теперь, что с разрешением Восточного вопроса вдвинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно…» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 9); ср. «Положения» Соловьева к устройству Вселенского общества Третьей эпохи (1875/76 гг.): «Основание вселенского общества на началах вселенского учения есть историческое призвание славянского племени и русского народа в особенности» (*Соловьев В.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2: 1875–1877. М., 2000. С. 169). В «Братьях Карамазовых» Достоевский вкладывает те же убеждения в речи отца Паисия про «великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет» (*Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Кн. 1–10 // Ф.М. Достоевский. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 62). Согласно комментарию С.А. Кибальника: «Фигура отца Паисия символизирует внутреннюю связь теократической утопии Соловьева с концепциями славянофилов, которую прекрасно сознавал как сам Соловьев, так и Достоевский» (*Кибальник С.А.* Спор о церковном суде в романе «Братья Карамазовы» (Ф.М. Достоевский и Вл.С. Соловьев) // Проблемы исторической поэтики. 2018. № 2. С. 146). О хилиастическом ракурсе и теологии истории Иоахима Флорского в рецепции Достоевского см.: *Котельников В.А.* Теология истории Иоахима Флорского в рецепциях Ф. Достоевского и З. Красиньского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 122–127; *Золотарев А.В.* Спор Леонтьева и Соловьева о хилиастических идеях Достоевского: вхождение темы апокалипсиса в круг проблем русской философии // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 2 (58). С. 6–20.

[21] “Exsurget aquila grandis in Oriente, aquicolae occidentales moerebunt” — в публикации Достоевского, вместо: “Ex(s)urget Aquila grandis, aquicolae maerebunt” — в оригинале и выписке Соловьева, см.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 122.

[22] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 196.

истолковывая откровения св. Биргитты, дополненные Лихтенбергом, как пророчество о польско-французском альянсе. Поскольку Лев в предсказании символизирует Турцию, это означает, что король Польши и Франции будет победоносно сражаться с Османской империей[23].

Образ «другого Орла», «который огонь возбудит в лоне невесты Христовой», — очевидно прочитываемый русским философом в духе славянского мессианизма, — Соловьев находит в главе “Tertiumdecimum”, где Лихтенберг пишет эти слова как комментарий на оракул Эритрейской сивиллы. Экскурс Лихтенберга к Эритрейской сивилле основан на сочинении “Vaticinium Sibillae Erithreae”, приписываемом Иоахиму Флорскому, которое приобрело широкое влияние после его смерти[24]. Как ныне установлено, оно было написано в середине XIII в. его последователями[25]. Этот фрагмент и другие многочисленные обращения к эсхатологическим идеям аббата Иоахима на страницах «Прогностики» подтверждает мнение ведущего западного эксперта по иоахимизму Марджори Ривз, которая среди источников соловьевской историософии, перекликающихся с учением Иоахима Флорского[26], выделила «ряд слабых отголосков иоахимизма у пророков эпохи Ренессанса, таких как Лихтенберг…»[27]. «Разумеется, — продолжает М. Ривз, — видение Соловьева божественной Софии, освящающей экуменическую церковь, близко к спиритуализму Иоахима»[28]. Речь здесь, в первую очередь, идет о восходящих к учению о трех эпохах Иоахима Флорского тринитарной метафизике и историософии Вл. Соловьева. Подобно Иоахиму Флорскому, Соловьев строит свою историософию в контексте тринитарного, а не

[23] Впервые текст анонимно опубликован в 1575 г. в базельском издании “Probi et Galliae ac Poloniae amantis viri, ad Gallos et Sarmatas oratio. Accessit insigne et pervetus vaticinium de liliorum et aquilae septemtrionalis conjunction”. Подробное рассмотрение комментариев Соликовского к пророчеству Лихтенберга см.: *Kociszewska E*. “Vaticinium de coniunctione Liliorum cum Aquila”: the prophecy from “Prognosticatio…” of Johann Lichtenberger and its interpretation for Henri de Valois // Odrodzenie i Reformacja w Polsce [= Renaissance and Reformation in Poland]. 2013. Vol. 57, no. 1. P. 168–183.

[24] Анализ иоахимитского контекста связанного с Эритрейской сивиллой текста Лихтенберга, привлекшего внимание Соловьева, см.: *Reeves M*. Joachimist Influences on the Idea of a Last World Emperor. P. 325–326, 342–346, 360.

[25] *Reeves M*. The Influence of Prophecy in the Later Middle Ages: a Study in Joachimism. Oxford, 1969. P. 56–57.

[26] Подробнее об этой перекличке см.: *Максимов М.В*. Вл. Соловьев и Иоахим Флорский: историософские параллели // Философский альманах. № 1–2. Иваново, 1998. С. 254–262; *Максимов М.В*. Трактат «София» как опыт историософской пропедевтики: к вопросу о становлении философско-исторической концепции Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2001. Вып 2. С. 58–62; *Рычков А.Л*. Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 3 (59). С. 6–42.

[27] *Reeves M., Gould, W*. Joachim of Fiore and the Myth of the Eternal Evangel in the Nineteenth and Twentieth Centuries. 2nd ed. Oxford, 2001. P. 331.

[28] Там же. P. 332.

христоцентричного мышления и относит приметы наступления новой, третьей эпохи на ближайшее будущее.

Черновики «Дневника писателя» свидетельствуют, что Соловьев обсуждал с Достоевским и другие профетические выписки[29]. Возможно, что опубликованный Достоевским перевод латинской выписки Соловьева мыслители, которых объединяли общие эсхатологические чаяния[30], не только обсуждали, но и переводили совместно.

От «Трех речей в память Достоевского» — к «Трем разговорам»

Известно, что в полемической (по отношению к К.Н. Леонтьеву) «Заметке в защиту Достоевского от обвинения в "новом" христианстве» (1883–1884)[31] «Соловьев построил свою защиту против Леонтьева» на тезисе о том, что «Достоевский только перелагал "своими словами" на общедоступный язык "пророчества новозаветного откровения"»[32]. «Полемика вокруг Пушкинской речи вела к *Апокалипсису*», — и конкретным предметом этой полемики между Соловьевым и Леонтьевым становится «понимание 20-й и 21-й глав *Апокалипсиса* — учения о тысячелетнем царстве и таинственных слов о новой земле. Спор ложился в русло большого противоречия двух тенденций вокруг *Апокалипсиса*, обозначенных о. Сергием Булгаковым как "имманентно-исторический" и "трансцендентно-катастрофический" пути понимания откровения»[33]. Во включенной как приложение в первое издание «Трех речей в память Достоевского» полемической заметке к Леонтьеву Соловьев объясняет

[29] В черновом автографе «Дневника писателя» за май 1877 г. упоминается еще одна книга пророчеств, законспектированная Соловьевым в Национальной библиотеке Франции (выписка неизвестна): «Тот же [исследователь] путешественник, который сообщил мне выписку из книги Иоанна Лихтенбергера, отыскал в Париже, в другой библиотеке, другую книгу предсказаний, тоже шестнадцатого века и тоже на латинском языке. В ней <…> сказано eu toutes lettres и еще два раза, что в 1878 году (т<о> е<сть> в будущем году) начнется конец мира и что этот 1878 год будет "первым годом начала конца мира"» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 265). Отметим, что именно 1878 г. Соловьев считал годом начала новой эпохи: «Наступление новой, третьей эры в истории Вл. Соловьев связывал с 1878 годом — годом рождения Софии в сознании человечества. Он пытался выработать основы новой вселенской религии — религии вечного Завета, ощущал себя пророком» (*Максимов М.В.* Трактат «София» как опыт историософской пропедевтики: к вопросу о становлении философско-исторической концепции Вл. Соловьева. С. 61–62).

[30] Подробнее об этом см.: *Викторович В.А.* Достоевский и Вл. Соловьев // Достоевский и мировая культура. Альманах № 1. СПб., 1993. Ч. II. С. 5–31.

[31] Впервые: Русь. 1883. № 9; с изменениями — как приложение к первому изданию брошюры «Три речи в память Достоевского (1881–1883)» (М., 1884).

[32] *Бочаров С.Г.* Леонтьев и Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб., 1996. С. 185.

[33] Там же. С. 186.

истолкованием апокалиптических образов в реалиях современности тему «Пушкинской речи» Достоевского о наступлении той «всемирной гармонии, о которой пророчествовал Достоевский», на пути к которой произойдет всё, «как это описывается в Апокалипсисе — любимой книге Достоевского в его последние годы. “И знамение велие явися на небеси, жена облечена в солнце” <…> Вот какую всемирную гармонию и благоденствие разумел Достоевский, повторяя только своими словами пророчества новозаветного откровения»[34].

Отметим, что впоследствии — в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» — Соловьев воплотит эти слова, сказанные о Достоевском, в необычный литературный прием, который до настоящего времени служит предметом полемики среди исследователей его творчества[35]. Прервав «Краткую повесть об антихристе» на знамении «Жены, облеченной в солнце», Соловьев вкладывает дальнейший пересказ в речь «г-на Z». Текст этого пересказа целиком повторяет «своими словами пророчества новозаветного откровения», точнее 19–20 главы *Откровения Иоанна Богослова*, комментируемые цитатами из *Евангелия от Матфея*, *Деяний апостолов* и *Книги пророка Даниила*, которую Соловьев считал дополняющей *Апокалипсис*[36].

Проиллюстрируем сказанное. Сопоставление заключительного эпизода «Краткой повести об антихристе» в пересказе «г-на Z»[37] с профетическими источниками Ветхого и Нового Заветов позволяет представить этот пересказ в виде следующего схематичного текста, включающего библейские первоисточники и авторские вставки, связующие их с контекстом повествования:

> [Г-н Z.] Но едва стали сходиться авангарды *Откр*. 20:8; *Дан*. 11:45; *Иезек*. 38:22; *Откр*. 20:10; папу Аполлония *Откр*. 19:20. Между тем

[34] *Соловьев В.С.* Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве (Приложение к «Трем речам в память Достоевского») // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. Т. 3. СПб., 1911. С. 223. Подробнее о полемике Вл. Соловьева с К.Н. Леонтьевым см.: *Золотарев А.В.* Спор Леонтьева и Соловьева о хилиастических идеях Достоевского… С. 6–20. По выводам исследователя: «Соловьев достаточно адекватно передает сокровенные мысли автора “Пушкинской речи”» (Там же. С. 11).

[35] Пересказ заключительной части повести монаха Пансофия является одним из ключевых сюжетов в долгой полемике среди соловьевоведов относительно мировоззрения «позднего Соловьева», обзор полемики см.: *Рычков А.Л.* Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского. С. 12–15, 30–31.

[36] В программе лекции Соловьева «О конце всемирной истории» 26 февраля 1900 г., где была зачитана «Краткая повесть об антихристе», значится пункт: «единственное вполне осмысленное основание для философии истории есть библейско-христианское откровение, — в особенности содержащееся в двух священных книгах: пророка Даниила и в Апокалипсисе Иоанна Богослова» (*Котрелев Н.В.* Эсхатология у Владимира Соловьева (К истории «Трёх разговоров») // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 251).

[37] *Соловьев В.С.* Три разговора // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. Т. 10. СПб., 1914. С. 219–220.

> евреи бежали к Иерусалиму *Пс*. 54:6,17. Когда святой город был уже у них в виду *Мф*. 16:27; *Мф*. 24:27; *Деян*. 1:11. В то же время от Синая к Сиону двигалась толпа христиан, предводимых Петром, Иоанном и Павлом *Откр*. 20:4[38].

Таким образом, в рассмотренном фрагменте Соловьев литературно воплощает сказанное им о Достоевском в предшествовавших «Трем разговорам» «Трех речах в память Достоевского» (с Приложением), темы которых (вместе с тематикой Христа и антихриста из «Братьев Карамазовых», в особенности «Легенды о великом инквизиторе») отразятся в речах и во многом станут *позицией* «г-на Z». Как известно, один из персонажей «Трех разговоров», «Князь», воплощает точку зрения Льва Толстого. Образ «г-на Z», представляющего в диалогах религиозную позицию, критика традиционно определяет как выражающий позицию автора, фактически относя его к олицетворению самого Соловьева[39]. Однако присутствие в речах «г-на Z» главных тем Достоевского, как их видел и описал в «Трех речах в память Достоевского» Соловьев, позволяет поднять вопрос об аллюзиях к Достоевскому в образе этого персонажа, а следовательно, говорить о «господине Z» по крайне мере как собирательном образе[40].

Это меняет принятые интерпретационные стратегии анализа «Краткой повести об антихристе»[41], однако вопрос о Достоевском как одном

---

[38] Подробные анализ и комментарии к представленной схеме см.: *Рычков А.Л.* Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского. С. 28–35. Ранее по тексту, при пересказе Второго послания к Фессалоникийцам (2Фес2: 1–12), — которое, как показал Ян Красицкий, служит одной из смыслообразующих скреп «Краткой повести …» (*Красицкий Я.* Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева М., 2009. С. 335), — Вл. Соловьев обращается также к доконфессиональным святоотеческим толкованиям Иринея Лионского (Iren. Adv. Haer. V 25: 4) и Ипполита Римского (Hipp. de Antichr., 54), к сочинениям которых проявлял пристальный интерес, привлекая их в свое творчество, в особенности — поэтическое.

[39] Сам Вл. Соловьев в «Трех разговорах» демонстративно идентифицирует себя с монахом Пансофием, поскольку включает строки своего стихотворения «Панмонголизм» (1894) как эпиграф в его «Краткую повесть…», а на вопрос: «Откуда этот эпиграф?», — «г-н Z» отвечает: «Я думаю, что это автор повести сам сочинил» (*Соловьев В.С.* Три разговора. С. 193).

[40] Рассмотрение вопроса см.: *Рычков А.Л.* Латинская выписка Вл. Соловьева из “Pronosticatio” Иоганна Лихтенберга: от «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского до «Трех разговоров» Вл. Соловьева. С. 13–16 (глава «Необычный литературный прием, или как Вл. Соловьев позвал Достоевского, чтобы оспорить Льва Толстого»).

[41] Следуя примеру Достоевского, каким Вл. Соловьев сам изобразил его в «Заметке в защиту Достоевского…», в поисках «нового религиозного сознания» экуменический мыслитель обращается к раннехристианским первоисточникам *до*конфессионального христианства. Поскольку вынесенное за рамки рукописи Пансофия окончание оказывается сжатым конспектом содержания библейских пророчеств, соотнесенных с фабулой повести, его конфессиональная оценка как предмет полемики соловьевоведов не представляется обоснованной.

из вероятных прототипов «г-на Z» требует специального рассмотрения. Мы остановились здесь подробнее лишь на его эсхатологическом ракурсе, сближающем мыслителей, поскольку данный ракурс напрямую относится к предмету обсуждения: взаимному интересу Соловьева и Достоевского к пророчествам Лихтенберга, астрологическая прогностика которого в свою очередь опиралась на эсхатологическую версию истории в духе Иоахима Флорского и латинские версии византийских апокрифов о конце мировой истории, известных на Руси с XII в. и ставших популярными с XV в.[42]

В этом эсхатологическом ракурсе оказывается также возможным выделить не только общие, но и особенные для Достоевского и Соловьева причины внимания к «Прогностике». Прибегнув к аллегориям книги Лихтенберга, можно сказать, что в его пророчестве о Деве-Лилии и пробудившемся Орле с Востока особенный интерес Достоевского вызвал образ «другого великого Орла», тогда как у Вл. Соловьева в не меньшей степени — образ «вселенской Лилии» в конце времен.

О параллелизме эсхатологических и софийных исканий Вл. Соловьева

Выборка Достоевского из «латинской выписки» посвящена социально-политическим аспектам пророчества Лихтенберга и раскрывает мессианистический образ пробудившегося на Востоке «другого Орла».

[42] В том же «Журнале Министерства народного просвещения» (*ЖМНП*), где в 1875 г. А.Н. Веселовский опубликовал современный пересказ и анализ апокрифических сказаний о конце мира (см. примеч. 20), а в 1878 г. подвел этому анализу итоги в рецензии на книгу К. фон Цецшвица (см.: *Веселовский А.Н.* Критические и библиографические заметки // *ЖМНП*. 1878. Ч. 195, № 1. С. 173–186), в 1874 и 1877 гг. публиковал свои работы и Вл. Соловьев (здесь же в 1875 г. была напечатана критическая рецензия на его магистерскую диссертацию). *ЖМНП* входил в «круг обязательного чтения» преподавателей гуманитарных дисциплин, статьи из него неоднократно упоминаются Соловьевым, также связанным с изданием *ЖМНП* как член ученого комитета Министерства народного просвещения в 1877–1881 гг. Таким образом, Соловьев, несомненно, был знаком с публикациями А.Н. Веселовского в *ЖМНП* по анализу опиравшегося на *Откровение Иоанна Богослова* корпуса апокрифических сказаний, в эсхатологической перспективе которых представления о мировом царстве соединяются с идеей конца мировой истории. Контекст этих христианских апокрифов следует также учитывать при рассмотрении рецепции пророчеств Лихтенберга Соловьевым, а через него — Достоевским. В особенности это относится к обсуждаемой эсхатологической проблематике «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Вл. Соловьева, где в «Краткой повести об антихристе» аллюзии к славянским переработкам таких апокрифов представляются автору очевидными, например, при сопоставлении в «Краткой повести…» и «Откровении Мефодия» сюжетов царствования антихриста и его обличения лидерами трех Церквей, которые оказываются воплощениями апостолов (в *Откр.* 11:3–13 и византийском первоисточнике — библейских пророков Еноха и Илии), будут убиты антихристом и воскреснут.

Между тем анализ выписки Соловьева позволяет выделить еще один, софийный ракурс интереса молодого русского философа к «Прогностике».

Известно, что предвещенная калабрийским аббатом грядущая эпоха Святого Духа связывалась Вл. Соловьевым с его собственными софийными откровениями, что впоследствии станет одной из фундирующих тем младосимволизма[43]. В особенности эта связь продемонстрирована исследователями для «раннего Соловьева», периода его командировки в Лондон и работы над трактатом «София»[44], времени, по формулировке М.В. Максимова, «прорастания идеи нового христианства или вселенской религии вечного Завета — идеи, ставшей зародышем — Sophie»[45], т.е. того самого времени, которым датируется «латинская выписка» Соловьева.

Выписка включает фрагменты книги, которые, как представляется, отражают увиденные Соловьевым софийные коннотации профетического текста в ярком аллегорическом образе вселенской Девы-Лилии в конце времен, очевидно перекликающемся с символизмом софийной лирики Вл. Соловьева[46].

О параллелизме опиравшихся на тринитарную метафизику истории эсхатологических и софийных исканий Соловьева периода лондонской командировки свидетельствуют стихотворные наброски, соседствующие с «латинской выпиской» в той же папке[47]. Они датированы их первым пу-

---

[43] Обзор вопроса см.: *Рычков А.Л.* Исторический и религиозный фон драмы «Роза и Крест» в университетском круге общения и чтения А. Блока // Шахматовский вестник. Вып. 14: Александр Блок. «Роза и Крест»: исследования и интерпретации. М., 2017. С. 31–36 (глава «Историософия Иоахима Флорского в мировоззрении символистов»).

[44] «Религиозный модернизм Соловьева имеет в своем истоке приобретшую популярность в новом религиозном сознании начала XX века концепцию трех эпох религиозного откровения калабрийского монаха-еретика Иоахима Флорского <…> Третья эпоха связывается с историческим воплощением или осуществлением Софии» (*Козырев А.П.* Соловьев и гностики. М., 2007. С. 37).

[45] *Максимов М.В.* Трактат «София» как опыт историософской пропедевтики: к вопросу о становлении философско-исторической концепции Вл. Соловьева. С. 59–60.

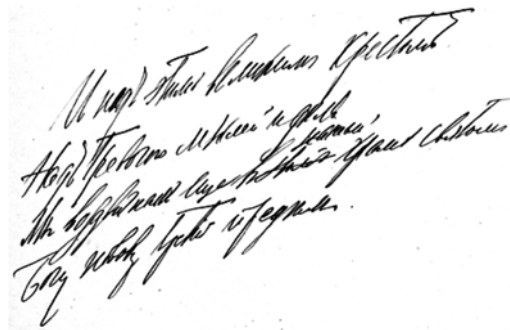
[46] См., напр.: «Песнь офитов» (1876) и переложенные в известный романс стихи «От пламени страстей, нечистых и жестоких» (1894), заканчивающиеся словами: «Святая лилия нетленна и чиста», см.: *Соловьев В.С.* Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и коммент. З.Г. Минц. Л., 1974. С. 64, 73; см. также мотив «Вечной Женственности» в пьесе «Белая лилия».

[47] Ряд рукописей «раннего» Соловьева, в числе которых находятся «латинская выписка» и обсуждаемые наброски стихов, хранится в папке под наименованием: «Соловьев Владимир Сергеевич. “Бог есть всё”. Черновая разработка статьи об оккультизме. Б/г. 32 лл.» (РО ИРЛИ. Ф. 240 (С.А. Поляков). Оп. 2. Ед. хр. 159). Выделенная по неустановленному принципу подборка ранних соловьевских рукописей была получена С.А. Поляковым от С.М. Соловьева (см.: *Гречишкин С.С.* Архив С.А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 г. Л., 1980. С. 20) предположительно до 1917 г. (см.: *Козырев А.П.* Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева / Приложение: Автоматические записи Вл. Соловьева (Подгот. текста и публ. А.П. Козырева) // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. М., 2018.

бликатором З.Г. Минц концом 1870-х гг.: «И по содержанию, и по стилю они походят на ранние (конец 1870-х г.) стихотворения Вл. Соловьева, связанные с занятиями в Британском музее и поездкой в Египет»[48].

Среди стихотворных набросков на лл. 26–27 записаны строфы, отражающие связь соловьевских интуиций о Софии с тринитарной историософией, которую иллюстрирует образ «третьего придела» в заключительном четверостишии. Здесь, согласно комментарию А.П. Козырева, софийное «божество “третьего завета” связано с особым поклонением третьей ипостаси, Св. Духу»[49]. Воспроизведем эти строки в том виде, как они записаны Соловьевым:[50]

И над этим великим Крестом
Над тревогою мыслей и дел
Мы воздвигнем еще в [этом] нашем Храме Святом
Богу новому третий пр<и>дел.

Фрагмент стихотворного наброска Вл. Соловьева. ИРЛИ. Ф. 240. Оп. 2. № 159. Л. 27.

Литература

С. 138). «Латинская выписка» находится в этой папке на л. 24, а наброски стихов — на лл. 26–27. Наброски опубликованы: *Минц З.Г.* Из рукописного наследия Вл. Соловьева-поэта // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 378. Сер. Труды по русской и славянской филологии, 24. Тарту, 1975. С. 393–394; *Гречишкин С.С.* Архив С.А. Полякова. С. 20–21. Из материалов папки частично опубликованы лл. 1–6 и 31 (*Соловьев В.С.* Полное собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. С. 162–164, 350–353, 369–370, 381–382), а также отдельные автоматические записи на лл. 1, 9–10 и 19 (*Козырев А.П.* Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева / Приложение: Автоматические записи Вл. Соловьева (Подгот. текста и публ. А.П. Козырева). С. 155–156).

[48] *Минц З.Г.* Из рукописного наследия Вл. Соловьева-поэта. С. 393.

[49] *Козырев А.П.* Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева. С. 132.

[50] В версии З.Г. Минц осталась нерасшифрованной последняя строка: «Богу [2 нрзб] предел» (*Минц З.Г.* Из рукописного наследия Вл. Соловьева-поэта. С. 394), последующая публикация С.С. Гречишкина произведена с существенными купюрами (опущен ряд строф на л. 26) и без обозначения корректуры публикатора, см.: *Гречишкин С.С.* Архив С.А. Полякова. С. 20–21.

Бочаров С.Г. Леонтьев и Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 12. С. 162–189.

Викторович В.А. Достоевский и Вл. Соловьев // Достоевский и мировая культура. Альманах № 1. СПб., 1993. Ч. II. С. 5–31.

Веселовский А.Н. Критические и библиографические заметки // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1878. Ч. 195, № 1. С. 155–186.

Волгин И.Л. Фрагменты «Дневника писателя». Публикация, вступительная статья и комментарии // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 59–81.

Гречишкин С.С. Архив С.А. Полякова // Ежегодник Рукоп. отдела Пушкинского Дома на 1978 г. Л.: Наука, 1980. С. 3–22.

Золотарев А.В. Спор Леонтьева и Соловьева о хилиастических идеях Достоевского: вхождение темы апокалипсиса в круг проблем русской философии // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 2 (58). С. 6–20.

Кибальник С.А. Спор о церковном суде в романе «Братья Карамазовы» (Ф.М. Достоевский и Вл. С. Соловьёв) // Проблемы исторической поэтики. 2018. № 2. С. 140–155.

Козырев А.П. Соловьев и гностики. М.: С.А. Савин, 2007. 544 с.

Козырев А.П. Мистика в цепях разума: Автоматические записи Вл. Соловьева / Приложение: Автоматические записи Вл. Соловьева (Подготовка текста и публикация А.П. Козырева) // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. М., 2018. С. 117–156.

Котельников В.А. Теология истории Иоахима Флорского в рецепциях Ф. Достоевского и З. Красиньского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 122–127.

Котрелев Н.В. Эсхатология у Владимира Соловьева (К истории «Трёх разговоров») // Эсхатологический сборник. СПб.: Алетейя, 2006. С. 238–257.

Красицкий Я. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева М.: Прогресс-Традиция, 2009. 448 с.

Максимов М.В. Вл. Соловьев и Иоахим Флорский: историософские параллели // Философский альманах. Иваново, 1998. № 1–2. С. 254–262.

Максимов М.В. Трактат «София» как опыт историософской пропедевтики: к вопросу о становлении философско-исторической концепции Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2001. Вып 2. С. 40–72.

Минц З.Г. Из рукописного наследия Вл. Соловьева-поэта // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 378. Сер. Труды по русской и славянской филологии, 24. Тарту, 1975. С. 372–395.

Рычков А. Л. Исторический и религиозный фон драмы «Роза и Крест» в университетском круге общения и чтения А. Блока // Шахматовский вестник. Вып. 14: Александр Блок. «Роза и Крест»: исследования и интерпретации. М., 2017. С. 29–66.

Рычков А.Л. Владимир Соловьев и антихристы Иоахима Флорского // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 3 (59). С. 6–42.

Рычков А.Л. Латинская выписка Вл. Соловьева из «Pronosticatio» Иоганна Лихтенберга: от «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского до «Трех разговоров» Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 1 (61). С. 6–23.

Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и комм. З.Г. Минц. Л.: Советский писатель, 1974. 350 с.

Соловьев В.С. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Наука, 2000. Т. 2: 1875–1877. 395 с.

Kociszewska E. "Vaticinium de coniunctione Liliorum cum Aquila": the prophecy from "Prognosticatio…" of Johann Lichtenberger and its interpretation for Henri de Valois, *Odrodzenie i Reformacja w Polsce* [= *Renaissance and Reformation in Poland*], 2013, vol. 57, № 1, pp. 168–183.

Kornblatt J.D., Rosenshield G. Vladimir Solovyov: Confronting Dostoevsky on the Jewish and Christian Questions, *Journal of the American Academy of Religion*, 2000, vol. 68, issue 1, pp. 69–98.

Kurze D. *Johannes Lichtenberger (gest. 1503). Eine Studie zur Geschichte der Prophetie und Astrologie*. Historische Studien, 379. Berlin, 1960. 100 p.

Kurze D. Popular astrology and prophecy in the fifteenth and sixteenth centuries: Johannes Lichtenberger, *"Astrologi hallucinati": Stars and the end of the world in Luther's time*. Ed. P. Zambelli. Berlin; New York, 1986, pp. 177–193.

Petrella G. *La Pronosticatio di Johannes Lichtenberger: un testo profetico nell'Italia del Rinascimento*. Udine, 2010. 208 p.

Reeves M. Joachimist Influences on the Idea of a Last World Emperor, *Traditio*, 1961, vol. 17, pp. 323–370.

Reeves M. *The Influence of Prophecy in the Later Middle Ages: a Study in Joachimism*. Oxford, 1969. 575 p.

Reeves M., Gould, W. *Joachim of Fiore and the Myth of the Eternal Evangel in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. 2-e ed. Oxford, 2001. 435 p.

Sahlin C.L. *Birgitta of Sweden and the Voice of Prophecy*. Studies in Medieval Mysticism 3. Woodbridge, 2001. 266 p.

Strémooukhoff D. *Vladimir Soloviev et son oeuvre messianique.* Paris, 1935. 351 p.

References

Bocharov S.G. Leont'ev i Dostoevskii [Leont'ev and Dostoevsky]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevskii: Materials and Studies]. St. Petersburg, 1996, vol. 12, pp. 162–189. (In Russ.)

Grechishkin S.S. Arkhiv S.A. Poliakova [Archive of S.A. Polyakov]. *Ezhegodnik Rukop. otdela Pushkinskogo Doma na 1978 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1974]. Leningrad, 1980, pp. 3–22. (In Russ.)

Kibal'nik S.A. Spor o tserkovnom sude v romane "Brat'ia Karamazovy" (F.M. Dostoevskii i Vl. S. Solov'ev) [The Dispute About Church Court in the Novel "The Brothers Karamazov" (F.M. Dostoevsky and V.S. Solovyov)]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2018, no 2, pp. 140–155. (In Russ.)

Kociszewska E. "Vaticinium de coniunctione Liliorum cum Aquila": the prophecy from "Prognosticatio…" of Johann Lichtenberger and its interpretation for Henri de Valois. *Odrodzenie i Reformacja w Polsce* [= *Renaissance and Reformation in Poland*], 2013, vol. 57, № 1, pp. 168–183.

Kornblatt J.D., Rosenshield G. Vladimir Solovyov: Confronting Dostoevsky on the Jewish and Christian Questions. *Journal of the American Academy of Religion,* 2000, vol. 68, issue 1, pp. 69–98.

Kotel'nikov V.A. Teologiia istorii Ioakhima Florskogo v retseptsiiakh F. Dostoevskogo i Z. Krasin'skogo [In the Joachim's of Fiore theology of history in the receptions of F. Dostoevsky and Z. Krasiński]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 4, pp. 122–127. (In Russ.)

Kotrelev N.V. Eskhatologiia u Vladimira Solov'eva (K istorii "Trekh razgovorov") [Eschatology from Vladimir Solovyov (To history of the Three Conversations")], *Eskhatologicheskii sbornik* [The Eschatological Collection]. St. Petersburg, 2006, pp. 238–257. (In Russ.)

Kozyrev A.P. *Solov'ev i gnostiki* [Solovyov and Gnostics]. Moscow, 2007. 544 p. (In Russ.)

Kozyrev A.P. Mistika v tsepiakh razuma: Avtomaticheskie zapisi Vl. Solov'eva / Prilozhenie: Avtomaticheskie zapisi Vl. Solov'eva [Mysticism in the chains of the mind: Automatic recordings belonging to Vl. Solovyov. Appendix: Automatic recordings belonging to Vl. Solovyov]. *Literatura i religiozno-filosofskaia mysl' kontsa XIX–pervoi treti XX veka*. K 165-letiiu Vl. Solov'eva [Literature and Religious-Philosophical Thought in the Late XIX and First Third of the XX Centuries. Celebrating Vladimir Solovi'ev's 165th Birthday]. Moskow, 2018, pp. 117–156. (In Russ.)

Krasitskii Ia. *Bog, chelovek i zlo. Issledovanie filosofii Vladimira Solov'eva* [God, Man and Evil. A Study of Vladimir Solovyov's Philosophy]. Moscow, 2009. 448 p. (In Russ.)

Kurze D. *Johannes Lichtenberger (gest. 1503). Eine Studie zur Geschichte der Prophetie und Astrologie*. Historische Studien, 379. Berlin, 1960. 100 p.

Kurze D. Popular astrology and prophecy in the fifteenth and sixteenth centuries: Johannes Lichtenberger, *"Astrologi hallucinati": Stars and the end of the world in Luther's time.* Ed. P. Zambelli. Berlin; New York, 1986, pp. 177–193.

Maksimov M.V. Vl. Solov'ev i Ioakhim Florskii: istoriosofskie paralleli [Vl. Solovyov and Joachim of Fiore: historiosophical parallels]. *Filosofskii al'manakh*, 1998, no 1–2, pp. 254–262. (In Russ.)

Maksimov M.V. Traktat "Sofiia kak opyt istoriosofskoi propedevtiki: k voprosu o stanovlenii filosofsko-istoricheskoi kontseptsii Vl. Solov'eva [Treatise "Sophia as an experience of historiosophical propaedeutics]. *Solov'evskie issledovaniia*, 2001, issue 2, pp. 40–72. (In Russ.)

Mints Z.G. Iz rukopisnogo naslediia Vl. Solov'eva-poeta [From manuscript heritage from Vl. Solovyov as a poet]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* 378; Trudy po russkoi i slavianskoi filologii, 24 [Proceedings of the Tartu State University 378 (Studies in Russian and Slavic Philology, 24)]. Tartu, 1975, pp. 372–395. (In Russ.)

Petrella G. *La Pronosticatio di Johannes Lichtenberger: un testo profetico nell'Italia del Rinascimento*. Udine, 2010. 208 p.

Reeves M. Joachimist Influences on the Idea of a Last World Emperor, *Traditio*, 1961, vol. 17, pp. 323–370.

Reeves M. *The Influence of Prophecy in the Later Middle Ages: a Study in Joachimism*. Oxford, 1969. 575 p.

Reeves M., Gould, W. *Joachim of Fiore and the Myth of the Eternal Evangel in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. 2-e ed. Oxford, 2001. 435 p.

Rychkov A.L. Istoricheskii i religioznyi fon dramy “Roza i Krest” v universitetskom kruge obshcheniia i chteniia A. Bloka [Historical and religious context of Aleksandr Blok’s drama “The Rose and the Cross”]. *Shakhmatovskii vestnik*, issue 14: Aleksandr Blok. “Roza i Krest”: issledovaniia i interpretatsii [Aleksandr Blok. “The Rose and the Cross”: Research and Interpretations]. Moscow, 2017, pp. 29–66. (In Russ.)

Rychkov A.L. Vladimir Solov’ev i antikhristy Ioakhima Florskogo [Vladimir Solovyov and antichrist’s of Joachim of Fiore]. *Solov’evskie issledovaniia*, 2018, issue 3 (59), pp. 6–42. (In Russ.)

Rychkov A.L. Latinskaia vypiska Vl. Solov’eva iz “Pronosticatio” Ioganna Likhtenberga: ot «Dnevnika pisatelia» F.M. Dostoevskogo do «Trekh razgovorov» Vl. Solov’eva [Latin extract of Vl. Soloviev from the book Johannes Lichtenberger’s “Pronosticatio”: from F.M. Dostoevsky’s “The Writer’s Diary” to Vl. Solov’ev’s “Three Conversations”]. *Solov’evskie issledovaniia*, 2019, issue 1 (61), pp. 6–23. (In Russ.)

Sahlin C.L. *Birgitta of Sweden and the Voice of Prophecy*. Studies in Medieval Mysticism 3. Woodbridge, 2001. 266 p.

Strémooukhoff D. *Vladimir Soloviev et son oeuvre messianique.* Paris, 1935. 351 p.

Solov’ev V.S. *Stikhotvoreniia i shutochnye p’esy* [Poems and Humorous Poems]. Leningrad, 1974. 350 p. (In Russ.)

Solov’ev V.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 20-ti tomakh. Tom 2: 1875–1877* [Complete collection of works and letters in 20 vol., Vol. 2: 1875–1877]. Moscow, 2000. 395 p. (In Russ.)

Veselovskii A.N. Kriticheskie i bibliograficheskie zametki [Critical and bibliographical notes]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of National Education]. 1878, vol. 195 (1), pp. 155–186. (In Russ.)

Viktorovich V.A. Dostoevskii i Vl. Solov’ev [Dostoevsky and Vl. Solovyov]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura*. Al’manakh № 1 [Dostoevsky and World Culture: Almanac no 1]. St. Petersburg, 1993, Ch. II, pp. 5–31. (In Russ.)

Volgin I.L. Fragmenty “Dnevnika pisatelia”. Publikatsiia, vstupitel’naia stat’ia i kommentarii [Fragments of the Writer’s Diary. Publication, introduction and comments]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, 1973, vol. 86, pp. 59–81. (In Russ.)

Zolotarev A.V. Spor Leont’eva i Solov’eva o khiliasticheskikh ideiakh Dostoevskogo: vkhozhdenie temy apokalipsisa v krug problem russkoi filosofii [Leontiev and Solovyov’s dispute about Dostoevsky’s chiliastic ideas: emergence of the theme of apocalypse among the problems of russian philosop]. *Solov’evskie issledovaniia*, 2018, issue 2 (58), pp. 6–20. (In Russ.)

Vladimir Solovyov’s Latin outline in Fedor Dostoevsky’s “The Writer’s Diary”: a scholarly myth or a literary fact?

© 2019, Alexander Rychkov

Abstract: The paper focuses on a hypothesis (so far unproved) that in the *Writer’s Diary* (May-June 1877) F.M. Dostoevsky published a Latin extract from Johannes Lichtenberger’s *Prognosticatio*, he got from Vladimir Solovyev who made this

extract while staying in London in 1875. To clarify the point, V. Solovyov's extract "1528. Liechtenberger" taken from Lichtenberger's edition is published herewith and introduced into scientific use. One can see that Solovyov used several abbreviations and compilations that are fully and exactly reproduced in the *Writer's Diary*; it proves the fact that Solovyov's Latin extract was the source for Dostoevsky. The paper analyses religious, philosophical, and prophetic context behind Lichtenberger's fragments that attracted Russian thinkers in connection with speculations on the future of Christianity and Russia. One can trace in Solovyov's philosophical heritage the echo of his encounter with Dostoevsky devoted to the interpretation of the prophesies; a special attention is paid to *A Short Tale of the Antichrist*. Solovyov's Latin extract can be considered in relation to the theory of three ages by Joachim of Fiore and the Joachimite tradition, that was a basis both for Lichtenberger and Solovyov's of Trinitarian historiosophy and metaphysics. The paper concludes with the analysis of a poetic fragment, created by Solovyov during his trip to London and comprising his first "intuitions of Sophia", in connection with the problems under consideration. A vast bibliography is attached.

Keywords: Vladimir Solovyov, F.M. Dostoevsky, Solovyov's manuscripts, Johannes Lichtenberger's prophesies, theory of three ages by Joachim of Fiore, Trinitarian historiosophy, eschatology, Sophiology, prophetic traditions.

Information about the author: Alexander Rychkov, independent researcher, Moscow, Russia.

E-mail: vp102243@list.ru

Citation: Rychkov Alexander. Vladimir Solovyov's Latin outline in Fedor Dostoevsky's "The Writer's Diary": a scholarly myth or a literary fact? *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 431–451. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-431-451

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-452-466
УДК 821.161.1

Неизвестные инскрипты В.Я. Брюсова в фондах Государственной публичной исторической библиотеки

© 2019, Л.Г. Ларионова

Аннотация: В статье впервые дан обзор пяти инскриптов В.Я. Брюсова из фондов Государственной публичной исторической библиотеки. Четыре автографа (А.М. Добролюбову, И.А. Бунину, С.П. Бартеневу, В.С. Терьяну) ранее не публиковались. Представленные надписи содержательны и нетипичны для обыкновенно сдержанного В.Я. Брюсова: они уточняют детали биографии поэта, дают представление о его взаимоотношениях с адресатами инскриптов и др. В целом выявленные автографы являются ценным источником для реконструкции отдельных фрагментов истории русской литературы начала XX в.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, инскрипты, библиофильство, русская литература, Государственная публичная историческая библиотека.

Информация об авторе: Людмила Геннадьевна Ларионова, к.и.н., зав. отделом истории книжной культуры, Государственная публичная историческая библиотека России, Москва, Россия.

E-mail: larionova_l@list.ru

Цитирование: *Ларионова Л.Г.* Неизвестные инскрипты В.Я. Брюсова в фондах Государственной публичной исторической библиотеки // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 452–466.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-452-466

В.Я. Брюсов.
Фото С.В. Шицмана. Москва, 1902.

Дарственные надписи писателей на книгах — ценный биографический и исторический источник. Их изучение позволяет не только реконструировать взаимоотношения автора инскрипта и его адресата, но и исследовать отдельные аспекты истории литературы. Несмотря на непреходящий интерес к подобной работе и популярность отдельных личностей (как правило, писателей первого ряда), по-прежнему обнаруживаются ранее неизвестные автографы — как из частных, так и из государственных собраний. Не являются исключением и дарственные надписи на книгах поэта, переводчика, организатора советского книжного и библиотечного дела Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924), чье 145-летие со дня рождения отмечалось в минувшем году.

В фонде отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России (далее ГПИБ) нами выявлено и зафиксировано пять автографов поэта, четыре из которых ранее не публиковались.

Брюсов часто надписывал свои книги знакомым, о чем убедительно свидетельствуют сохранившиеся экземпляры. Ниже приведем краткий обзор подобных коллекций. В первую очередь это касается большинства библиотек советских библиофилов, собиравших книги и инскрипты поэтов Серебряного века, где среди прочего были и автографы «ассирийского мага». Так, например, коллекцию ленинградского библиофила, пушкиниста С.Л. Маркова украшали шесть книг с дарственными надписями поэта, в том числе А.М. Ремизову, Б.А. Садовскому и С.А. Сафонову[1]. Столько же инскриптов было в знаменитом собрании музыканта М.С. Лесмана[2]. Особый интерес представляет надпись на сборнике “Urbi et orbi” (М., 1903), адресованная одной из героинь прошедшей в ГПИБ

[1] Собрание С.Л. Маркова / Всерос. музей А.С.Пушкина; [координатор проекта М.В. Бокариус; сост. М.В. Бокариус, Н.Г. Захаренко]. СПб., 2007. С. 58.

[2] Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: аннот. каталог. Публикации / [Всесоюз. добр. о-во любителей кн.; сост. М.С. Лесман и др.; вступ. ст. Н.Г. Князевой]. М., 1989. С. 50–52.

в сентябре 2018 г. выставки автографов Брюсова[3]: «Зинаиде Николаевне Гиппиус, моему любимому поэту. Валерий Брюсов. 1904»[4]. Не менее ценной подборкой книг с автографами поэта обладал московский библиофил А.Ф. Марков. Его коллекцию украшало четыре инскрипта, в том числе художнику и историку искусства И.Э. Грабарю, основателю символистского издательства «Гриф» С.А. Соколову и историку книги М.И. Щелкунову[5]. В библиотеке русской поэзии И.Н. Розанова было лишь два автографа Брюсова, адресованных ее владельцу[6].

Среди современных собирателей наиболее ценное собрание инскриптов Брюсова находится у одного из биографов поэта, библиофила В.Э. Молодякова (Токио, Япония)[7]. В его коллекции представлено двадцать три дарственные надписи[8], семь из которых экспонировались на упоминавшейся юбилейной выставке в ГПИБ. Отметим, что до этого жемчужины брюсовского собрания В.Э. Молодякова[9] можно было увидеть лишь на страницах его многочисленных работ о поэте[10].

В других современных коллекциях, сведения о которых доступны исследователям, автографы Брюсова представлены менее полно. Однако в данном обзоре мы не можем не упомянуть о знаменитой библиотеке русской поэзии XX в. Л.М. Турчинского, в которой, по сведениям В.Э. Молодякова, хранится один инскрипт литератора.

Между тем наиболее крупные собрания автографов Брюсова сосредоточены в государственных книгохранилищах. Самая масштабная подборка дарственных надписей поэта представлена в фондах Российской государственной библиотеки — 63 инскрипта 1894–1924 гг.[11]:

---

[3] Подробнее о библиофильском вечере и выставке к юбилею В.Я. Брюсова в ГПИБ см.: *Ларионова Л.Г.* Библиофильские встречи в Старосадском переулке // Альманах библиофила. 2018. Вып. 41. С. 197–202; *Она же.* Юбилей ассирийского мага // НГ-Exlibris. 2018, 27 сент. С. 3.

[4] Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. С. 50.

[5] *Марков А.Ф.* Магия старой книги: Записки библиофила. М., 2004. С. 198–203.

[6] См.: *Розанов И.Н.* Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова: Библиогр. описание / [Сост. В.В. Гольдберг, М.И. Кострова, К.А. Марцишевская и др.; вступ. ст. И.Л. Андроникова]; Гос. музей А.С. Пушкина. М., 1975. С. 140–141.

[7] Подробнее см.: *Молодяков В.Э.* Вокруг Брюсова: инскрипты и маргиналии // Библиофилы России. М., 2016. С. 113–145.; *Он же.* Почерком поэта: Автографы Валерия Брюсова // Библиография. 2003. № 3. С. 81–85; *Он же.* «Старшие уходят. Увы, не стариками…»: (К 90-летию со дня смерти Валерия Брюсова) // Библиофильские известия. 2014. № 22. С. 16–21 и др.

[8] *Молодяков В.Э.* «Память давней дружбы»: Дарственные надписи Валерия Брюсова и Иоанны Брюсовой в моем собрании. М., 2014. 16 с.: ил.

[9] Многие годы библиофил ведет электронную базу известных ему инскриптов Брюсова, которая на данный момент включает сведения о трехстах надписях поэта.

[10] См.: *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010. 894 с.: ил. (Серия «Жизнеописания») и др.

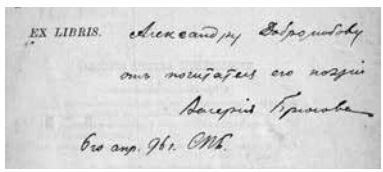
[11] Автографы поэтов Серебряного века: Дарственные надписи на книгах / [Рос. гос. б-ка; сост. Т.В .Аветисова и др.; вступ. ст. Е.И. Яцунок]. М., 1995. С. 173–217.

Вяч. И. Иванову (8), Г.И. Чулкову (2), Андрею Белому, Ф.К. Сологубу, А.М. Ремизову (по 1) и др. Особого внимания заслуживают автографы художнику М.А. Врубелю («в знак восторженного преклонения пред его гением»), знаменитой меценатке, учредительнице московского Религиозно-философского общества М.К. Морозовой («от преданного ей автора»).

Вторым по количеству собранием дарственных надписей Брюсова обладает Пушкинский Дом[12] — 30 автографов. Среди адресатов — библиограф и историк литературы С.А. Венгеров, коллекционер, основатель первого в мире музея А.С. Пушкина А.Ф. Онегин (Отто), князь А.И. Урусов и др. Особо выделим следующие содержательные надписи, столь непохожие на стандартные, сдержанно-официальные инскрипты поэта: «Федору Сологубу поэту, которого жадно люблю, жадно читаю. Валерий Брюсов. 1900» (на втором издании сборника “Chefs d’oeuvre”. М., 1896), «Поэту огненного Змия Федору Сологубу Валерий Брюсов. Июнь 1906» (на переводах из Э. Верхарна «Стихи о современности». М., 1906), «Многоуважаемому Семену Афанасьевичу Венгерову сердечно преданный автор, — с робостью — на праведный суд — дерзкую свою попытку. Валерий Брюсов. Москва, 1916, декабрь» (на книге «Египетские ночи». М., 1916).

В фондах ГПИБ всего пять инскриптов Брюсова, однако с каждым из них связана интересная история, проливающая свет на ранее неизвестные детали биографии поэта.

Самая ранняя дарственная надпись сделана на втором издании книги “Chefs d'oeuvre” (М., 1896), вышедшей тиражом 600 экземпляров*:*

Александру Добролюбову
от почитателя его поэзии
Валерия Брюсова
6го апр. 96 г. СПБ.

В историю русской литературы Александр Михайлович Добролюбов (1876–1945?) вошел как один из первых русских декадентов, апологет культа красоты и смерти, оказавший значительное влияние на ранних символистов. По словам поэта Н.М. Минского, он «не только писал на декадентские темы, но и устраивал свою жизнь по-декадентски»[13]. Современники писали о Добролюбове: «<Он,> не щадя себя, верный своей

[12] Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: Каталог / Б-ка Рос. Акад. наук; [сост. Н.С. Беляев; науч. ред. Г.В. Бахарева]. Вып. 1: А–Д. СПб., 2014. С. 73–77.

[13] *Минский Н.М.* Обращенный эстет // Рассвет. 1905. № 82, 31 мая. С. 5.

вере, курил и ел опий, курил гашиш, склоняя к этому и других в своей узенькой комнатке на Пантелеймоновской, оклеенной черными обоями, с потолком, выкрашенным в серый цвет. <…> Одевался в необычный костюм (вроде гусарского, но черный, с шелковым белым кашне вместо воротника и галстука); говорил намеренную чепуху, садился посреди комнаты на пол»[14]. Образ дополняли черные перчатки, которые всегда были при нем. Всё это можно было бы принять за некую мистическую игру или декадентский образ, если бы не одно обстоятельство: «Как мне достоверно известно от людей мне очень близких, — писал литературовед В.В. Гиппиус, — Добролюбов уговаривал несколько девушек и студентов испытать сладость смерти. И в связи с действительными самоубийствами некоторых студентов <…> Добролюбову <…> пришлось оставить университет»[15]. Это противоречит официальной биографии поэта, согласно которой его желание бросить учебу было продиктовано духовным кризисом. Впоследствии он основал секту «Свободных христиан-добровольцев» в Поволжье, где проповедовал отказ от воинской повинности.

Познакомились поэты в судьбоносном для Брюсова 1894 г., когда Добролюбов и его ближайший друг В.В. Гиппиус, прочитав первый выпуск сборника «Русские символисты» (М., 1894), «решили, что мы не одни, и согласились ехать в Москву, к Брюсову, — познакомиться и примкнуть к нему»[16]. Сам поэт так описывал эту встречу: «В субботу явился ко мне маленький гимназист, оказавшийся петербургским символистом Александром Добролюбовым. Он поразил меня гениальной теорией литературных школ, переменяющей все взгляды на эволюцию всемирной литературы, и выгрузил целую тетрадь странных стихов… Добролюбов был у меня еще раз, выделывал всякие странности, пил опиум и вообще архисимволистом. Мои стихи он подверг талантливой критике и открыл мне много нового в поэзии»[17].

Впоследствии лидер символистов признавался, что «истинную любовь к слову как к слову, к стиху как к стиху показал мне Добролюбов. Его влиянию я обязан тем, что более или менее искусно мог сыграть навязанную мне роль “вождя” русских символистов»[18]. Однако позднее поэт охладел к нему. В этой связи представляет интерес его письмо

---

[14] Русская литература XX века, 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М., 2004. С. 159, 168.

[15] Там же. С. 160.

[16] Там же. С. 166.

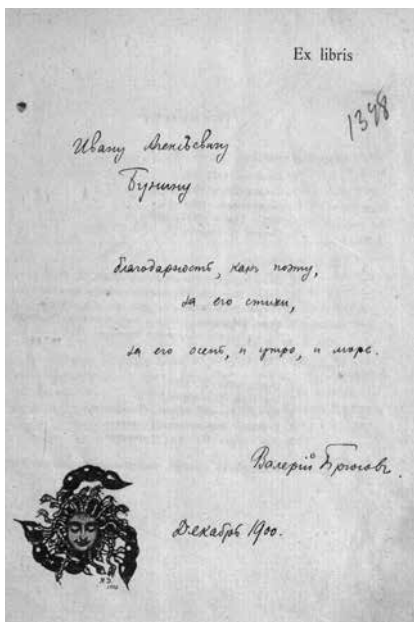
[17] *Брюсов В.Я.* Дневники, 1891–1910 / Приготовила к печати И.М. Брюсова; примеч. Н.С. Ашукина. М., 1927. С. 17–18.

[18] *Брюсов В.Я.* Дневники; Автобиографическая проза; Письма / [Сост. Е.В. Ивановой]. М., 2002. С. 174.

к С.А. Венгерову, датированное 3 июлем 1905 г.: «Добролюбов эту зиму гостил у меня около месяца. Я лично довольно холоден к нему, но его высоко чтит моя сестра. В настоящее время Добролюбов не более как интеллигентный начетчик, склонный к духоборству. Говорит мало (хотя, может быть, именно со мной), поучает истинам довольно элементарным, вроде того, что страдание нужно, что выше всех языков человеческих есть язык сынов божиих и выше всякой мудрости человеческой мудрость божия и т. д. <…> Написал он много писем разным видным людям: тому же Метерлинку, Льву Толстому, Мережковскому, Минскому и т. д. Давал мне читать. В письмах все больше нравственные сентенции. Утверждает, что важна не литература, а “единое на потребу”. Теперь Добролюбов где-то на юге, в Самарской губернии. Живет как простой работник, в крестьянской среде, работает и поучает. У него есть последователи и поклонники, но, сколько могу судить, не много. Иной раз мне кажется, что он уже тяготится своей ролью и, что вполне возможно, что он вернется в ту среду, которую бранит именем: “называемые образованные люди”»[19].

Инскрипт, по всей видимости, сделан во время очередного приезда вождя «новой школы» в Петербург весной 1896 г.

Чрезвычайно интересен автограф Брюсова на сборнике «Tertia vigilia: Кн. новых стихов, 1897–1900» (М., 1900), адресованный известному поэту, писателю, Нобелевскому лауреату И.А. Бунину (1870–1953):

Ивану Алексеевичу
Бунину

благодарность, как поэту,
за его стихи,
за его осень, и утро, и море.

Валерий Брюсов.

Декабрь 1900.

[19] Письма к петербургским и московским литераторам / Публ. Э.С. Литвин, А.Н. Дубовикова, М.В. Рыбина, К.Н. Суворовой, Н.А. Трифонова // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов / АН СССР, ИМЛИ им. А.М. Горького; вступ. статья С.В. Шервинского. М., 1976. С. 678–679.

Надпись сделана в тот непродолжительный период, когда два поэта довольно близко общались. Знакомство их состоялось еще в 1895 г., в год скандального литературного дебюта искателя «золотого руна». В это время оба присматривались к литературной среде и искали потенциальных союзников. Несмотря на принадлежность к разным поэтическим школам, а также на расхождения во вкусах и убеждениях, они сблизились. Вероятно, этому способствовала широта общекультурных интересов, обоюдная любовь к мировой поэзии. Особенно близко Брюсов сошелся с Буниным в год выхода его сборника “Tertia vigilia”. Книга вышла в середине октября 1900 г. и сразу привлекла внимание критиков, укрепив литературную репутацию автора[20]. Так, например, А.М. Горький положительно отметил несколько стихотворений, назвав их «вещами оригинальными и даже крупными»[21], а А.А. Блок высоко оценил сборник в целом[22].

И.А. Бунин.
Фото К.Фишера. Ок. 1910

Примечательно, что один из циклов книги («Картинки Крыма и моря. Светопись») Брюсов посвятил Бунину. Это решение было продиктовано не только благодарностью за содействие в публикации его стихотворений в одесской газете «Южное обозрение» (1896–1906)[23], но и желанием подчеркнуть влияние Бунина на его творчество. Впоследствии «ассирийский маг» писал: «Мое пренебрежение к природе с меня, как сказали бы люди положительные, “соскочило”, и я уже не мешал своим глазам радоваться всей пестроте далей, расстилаемых горными склонами...»[24]

[20] См.: *Безобразов П.* «Наши декадентики» // Новости дня. 1900. № 6269, 2 нояб. С. 2–3; *Ій.* Бывший или настоящий декадент // Московские ведомости. 1900. № 308, 7 нояб. С. 3; Русская печать // Одесский листок. 1901. № 70, 15 марта. С. 2.

[21] *Горький М.* Литературные заметки. Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова // Нижегородский листок. 1900. № 313, 14 нояб. С. 2.

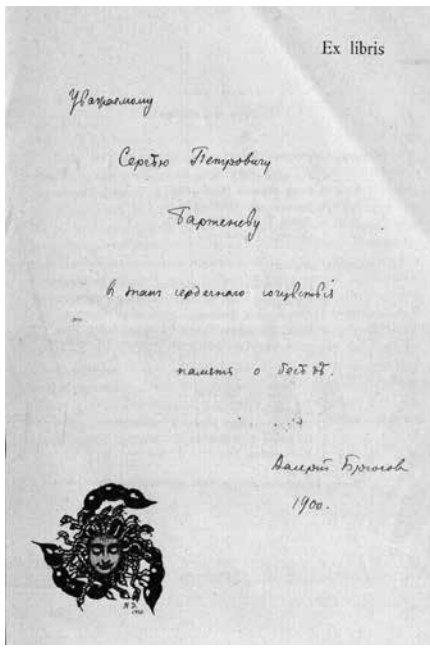
[22] *Блок А.А.* Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 39.

[23] Речь идет о стихотворениях Брюсова «Волны взбегают и пенятся...», «Звезда затеплилась стыдливо...», «У перекрестка двух дорог...», «Где подступает к морю сад...» (Южное обозрение. 1899. № 727, 14 февр.). В марте того же года поэт записал в дневнике: «Стихи, посланные мною Бунину, напечатаны (варварски) в “Южном обозрении” № 727. Конечно, газета пойдет на разные домашние нужды, и если я сам решаюсь там печатать, то только ради того, чтобы быть где-нибудь напечатанным» (Переписка с В.Я. Брюсовым, 1895–1915 / Вступ. ст. и публ. А.А. Нинова // Литературное наследство. Т. 84: И.А. Бунин. Кн. 1 / АН СССР. ИМЛИ им. А.М. Горького; ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин при участии Т.Г. Динесман. М., 1973. С. 441).

[24] *Брюсов В.Я.* Детские и юношеские воспоминания / Примеч. Н.С. Ашукина // Новый мир. 1926. № 12. С. 120.

В то же время, когда Брюсов подписывал “Tertia vigilia”, он готовил к изданию один из самых известных сборников Бунина «Листопад» (М., 1901). Как известно, именно после выхода этой книги Блок отдал ее автору «одно из главных мест среди современной русской поэзии»[25], а издательство «Скорпион», под маркой которого вышел сборник, назвало его «первым обширным собранием стихов Ив. Бунина», где «ясно выразилась тонкая и чуткая душа этого поэта — мечтателя и наблюдателя природы»[26]. Однако практически сразу после выхода «Листопада» отношения между поэтами разладились.

Автографом Брюсова украшен еще один экземпляр сборника «Tertia vigilia: Кн. новых стихов, 1897–1900» (М., 1900) из фондов ГПИБ. Надпись на с. 3 гласит:

Уважаемому
Сергею Петровичу
Бартеневу
в знак сердечного
сочувствия
память о беседе.

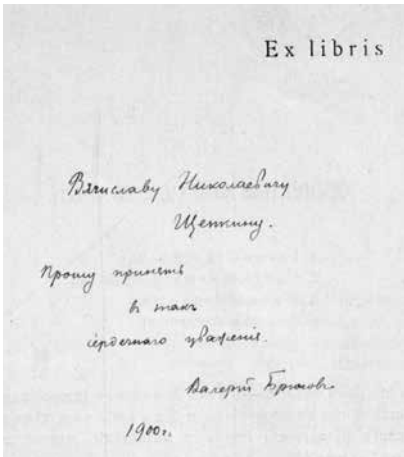
Валерий Брюсов
1900.

Сергей Петрович Бартенев (1863–1930) — сын известного издателя П.И. Бартенева, чрезвычайно талантливый человек, выпускник Московской консерватории, «замечательный пианист»[27], объездивший со своими концертами не только всю императорскую Россию, но и Европу. Вена, Будапешт, Берлин, Лондон, Париж, Константинополь, Афины, Каир, Алжир — вот далеко не полный список городов, где выступал Бартенев[28]. Кроме того, в свободное от преподавания и поездок время он писал книги. Среди наиболее известных его работ — фундаментальное двухтомное исследование «Московский Кремль в старину и те-

[25] *Блок А.А.* Собрание сочинений. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 141.
[26] Каталог книгоиздательства «Скорпион». М., 1902. С. 7.
[27] *Колодный Л.Е.* Хождение в Москву. М., 1997. С. 203.
[28] См.: *Пономарева Т.И.* Он пришел издалека: повести. М., 1991. С. 59–60.

перь» (М., 1912–1916), путеводитель «Большой Кремлевский дворец» (М., 1909). С Брюсовым он познакомился, скорее всего, в декабре 1898 г., когда поэт устроился секретарем в редакцию журнала П.И. Бартенева «Русский архив». Впоследствии он вспоминал: «По громадной разнице лет, по разнице тех кругов общества, в которых проходила наша жизнь, я, разумеется, не мог быть знаком с Бартеневым сколько-нибудь “интимно”. Но в течение четырех лет (1899–1902 гг.) я был его помощником по изданию ”Русского Архива”, скажем — “секретарем редакции”, а “редакция” “Архива” почти сливалась с семьей Бартенева <…> Волей-неволей многое из личной Бартенева проходило перед моими глазами. Покинув работу в редакции “Архива”, я продолжал посещать Бартенева, был знаком с его сыновьями»[29].

Следующий автограф Брюсова из фондов ГПИБ опубликован на страницах издания, подготовленного сотрудником отдела редких книг Л.Б. Шицковой[30], а еще раньше — филологом Л.Р. Ланским[31]. Речь идет об инскрипте на сборнике «О искусстве» (М., 1899):

Вячеславу Николаевичу Щепкину.
Прошу принять
в знак
сердечного уважения.
Валерий Брюсов
1900 г.

Дарственная надпись сделана в год окончания Брюсовым Московского университета и адресована его преподавателю, известному ученому-слависту В.Н. Щепкину (1863–1920). На протяжении многих лет он работал хранителем Отдела рукописей и старопечатных книг Исторического музея, где занимался формированием фондов и их обработкой, созданием алфавитно-систематического каталога, оборудованием читального зала и рабочих мест для сотрудников. Кроме того, Щепкин собрал и обобщил огромный массив сведений по славяно-рус-

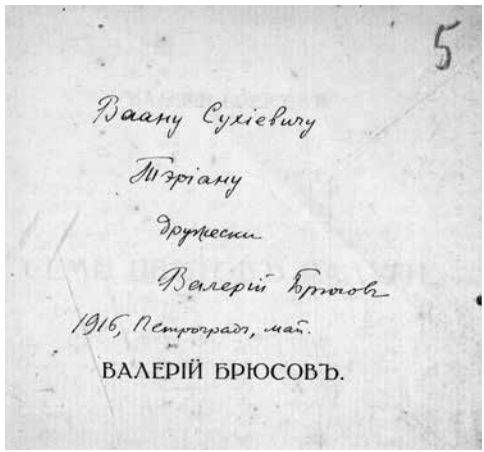
[29] *Брюсов В.Я.* За моим окном. На похоронах Толстого. Последняя работа Врубеля. На «Святом Лазаре». Петр Иванович Бартенев. М., 1913. С. 56.

[30] Каталог коллекции авторских надписей (издания XVIII–XIX вв.) / Гос. публ. ист. б-ка России, Отдел редких кн.; [сост. Л.Б. Шицкова]. М., 1994. С. 11.

[31] *Ланский Л.Р.* Неизвестное об известном // В мире книг. 1981. № 3. С. 79.

ской палеографии и истории искусства. Современники называли его «лучшим в России знатоком болгарского языка и его истории»[32] .

Завершает настоящий обзор инскрипт Брюсова на книге «Семь цветов радуги: стихи 1912–1915 года» (М., 1916), адресованный армянскому поэту В.С. Терьяну (1885–1920):

Ваану Сухиевичу
Тэриану
дружески
Валерий Брюсов
1916, Петроград, май.

С этим автографом связана практически детективная история. Брюсов познакомился с адресатом зимой 1901 или 1902 г. (к сожалению, точная дата не устанавливается), когда ученики 5 класса Лазаревского института, в числе которых был и Терьян, отправились к «поэту в гости», чтобы узнать его мнение о своих первых стихотворческих опытах. Предоставим слово старшему товарищу Терьяна А. Амбарцумяну, который оставил воспоминания об этом памятном дне:

«Затем, не теряя времени, мы направились к дому Брюсова. Он жил неподалеку от “Чистых прудов”. Брюсов, открыв дверь, спросил: “Что Вам угодно?”

— Служитель Аполлона ищет встречу с Аполлоном, — ответил я, улыбнувшись. Брюсов спросил:

— Чем может служить Вам Аполлон?

— Я принес наши стихи на Ваш суд, — ответил я. Прочитав наши стихи, Брюсов сказал о Ваане Терьяне:

— Автор этих стихов обладает тонкой и поэтической душой, форма его стихов почти безупречна. Передайте ему привет от меня.

Остальные наши стихотворения Брюсову не понравились»[33].

Тогда же друзья побывали и у К.Д. Бальмонта, мнение которого о творчестве ученика Лазаревского института совпало с оценкой автора

[32] Цит. по: Российская музейная энциклопедия / [Рос. ин-т культурологии МК РФ и РАН]; редкол.: В.Л. Янин (пред.) [и др.]. М., 2005. С. 31.

[33] Цит. по: *Ганаланян О.Т.* Очерки армянской поэзии XIX–XX веков. 2-е изд., перераб. и доп. Ереван, 1964. С. 267.

«Огненного ангела». Этот первый успех окрылил молодого поэта. Спустя годы, когда Терьян уже выпустил первую книгу стихов «Грезы сумерек» (Тифлис, 1908) и положил начало, как тогда говорили, «терьяновской эпохе», их с Брюсовым пути вновь пересеклись. Так, начиная с 1912 г. поэт переводил стихотворения «аргонавта» на армянский язык, а спустя четыре года, когда по приглашению местного Общества любителей словесности «самый культурный писатель на Руси» приехал в Баку для чтения лекций, посвятил ему следующие строки:

Я с юношеских дней любил твой строгий стих,
Холодный, северный твой сдержанный язык,
И много в нем тепла я чувствовать привык
Под скрытым пламенем спокойных строк твоих.

Ты в испытаний дни, в час страшных бурь и бед,
Когда в волнах наш челн захвачен штормом был,
Как верный друг, мой край несчастный посетил
И предсказал нам всем спасение и свет.

(Перевод Вс. Рождественского)

Терьян огорчился тем, как встретили его любимого поэта в Армении. «Вообще я недоволен этим приемом, кот<орый> был оказан здесь Валерию Яковлевичу, и думаю, что лекция прошла бы при переполненном зале, если бы не странное желание устроительниц-дам приурочить <ее> к окончанию съезда. Неправда ли, в Эривани было гораздо лучше? Мои эриванские знакомые пишут, что Эривань до сих пор живет этим приятным воспоминанием. И я верю этому. Там невежество искупается искренним воодушевлением и любовью, а здесь — не знаю чем. Подумайте, за ужином (здесь в “Арм<янском Кружке>”) наш “тамада” оказывается не знал, кто Сологуб. <…> Вот она, какая эта публика! А ведь это всё универсанты, из русских университетов»[34].

В свою очередь, Брюсов высоко ценил поэзию Терьяна. Так, на страницах знаменитой антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов» (М., 1916) он назвал его «учеником символистов» и «наиболее видным деятелем среди молодых поэтов “русской Армении”»[35].

[34] *Терьян В.С.* Письмо к И.М. Брюсовой от 31 мая 1916 // ОР РГБ. Ф. 386. К. 105. Ед. хр. 41. Л. 1–2.

[35] Цит. по: Поэзия Армении / В пер. и оценке В.Я. Брюсова; под ред. и с предисл. д-ра-проф. О.Т. Ганаланяна. Ереван, 1963. С. 393.

Интересна история самой дарственной надписи. Брюсов подписал Терьяну два экземпляра[36]. Произошло это из-за того, что первый из них был отправлен по неверному адресу, и Брюсову пришлось выслать книгу повторно уже с новым инскриптом: «Ваану Теряну с любовью к его творчеству, дружески Валерий Брюсов. 1916 г.»[37]. Сохранилось письмо, в котором Терьян сетует на «судьбу» из-за недошедшего сборника и сообщает «верный адрес: Пет<ербургская> Стор<она> Б<ольшой> Проспект д. 20 кв. 10»[38]. Сегодня второй, нашедший адресата экземпляр хранится в собрании Музея литературы и искусства им. Е. Чаренца (Ереван), а первый, вернувшийся к автору, украшает фонды ГПИБ.

Когда долгожданная книга наконец дошла до Терьяна, он отправил Брюсову письмо следующего содержания: «От всей души благодарю за книгу, которая, наконец, после стольких скитаний дошла до меня. Благодаря этому я встретил ее, как хорошую знакомую, ибо за это время я уже успел познакомиться с ней. Зато мое ожидание вполне вознаграждено любезной и лестной надписью, которой Вы украсили свой дар. Новая книга уже издавна любимого поэта вызывает чувства, напоминающие те, которые овладевают человеком при встрече с давно любимой женщиной после долгой разлуки. В ней со всем тем, что было тебе дорого и мило, находишь и новое, и она уже по-новому тебе мила, точно вся она новая — и та и не та и любовь так глубоко освежена! Вот так я встретил Вашу прекрасную книгу, где вместе со всем тем, что было мне мило в Вашей поэзии, так много освежающего! За все это я глубоко и искренно Вам признателен, дорогой Валерий Яковлевич»[39].

Представленные инскрипты Брюсова позволяют существенно дополнить уже известные факты биографии поэта и инициировать дальнейшие разыскания. Кроме того, по ним можно судить о стилевых и содержательных особенностях надписей Брюсова: лаконичные и сдержанно-официальные тексты чередовались у него с более информативными и эмоциональными. Нередко подписанные книги приобретали особую ценность из-за личности адресата автографа или судьбы экземпляра.

---

[36] Автор благодарит В.Э. Молодякова за предоставленные сведения.

[37] Цит. по: *Ахумян Т.С.* Валерий Брюсов и Ваан Терян: (К вопросу об их творческих взаимоотношениях) // Брюсовские чтения 1966 года / [Ред.-сост. и авт. предисл. К.В. Айвазян]; Ереванский гос. пед. ин-т им. В.Я. Брюсова. Ереван, 1968. С. 120.

[38] *Терьян В.С.* Письмо к И.М. Брюсовой от 31 мая 1916 г. // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 41. Л. 2.

[39] *Терьян В.С.* Письма к Брюсову В.Я. 1913, 1916 // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 40. Л. 2.

Литература

Автографы поэтов Серебряного века: Дарственные надписи на книгах // [Рос. гос. б-ка; сост. Т.В. Аветисова и др.; вступ. ст. Е.И. Яцунок]. М.: Книга, 1995. 495 с.: ил.

Ахумян Т.С. Валерий Брюсов и Ваан Терян: (К вопросу об их творческих взаимоотношениях) // Брюсовские чтения 1966 года / [ред.-сост. и авт. предисл. К.В. Айвазян]; Ереванский гос. пед. ин-т им. В.Я. Брюсова. Ереван: Айастан, 1968. 631 с.

Ганаланян О.Т. Очерки армянской поэзии XIX–XX веков. 2-е изд., перераб. и доп. Ереван: Луйс, 1964. 392 с.

Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: каталог. Вып. 1: А–Д / Б-ка Рос. Акад. наук; [сост. Н.С. Беляев; науч. ред. Г.В. Бахарева]. СПб.: Изд-во Библиотеки Российской академии наук, 2014. 182 с.: факс.

Каталог коллекции авторских надписей (издания XVIII–XIX вв.) / Гос. публ. ист. б-ка России, Отдел редких кн.; [сост. Л.Б. Шицкова]. М.: ГПИБ, 1994. 73 с.

Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: Аннот. каталог. Публикации / [Всесоюз. добр. о-во любителей кн.; сост. М.С. Лесман и др.; вступ. ст. Н.Г. Князевой]. М.: Книга, 1989. 462 с.: ил.

Марков А.Ф. Магия старой книги: Записки библиофила. М.: Аграф, 2004. 671 с.: ил.

Молодяков В.Э. «Память давней дружбы»: Дарственные надписи Валерия Брюсова и Иоанны Брюсовой в моем собрании. М., 2014. 16 с.: ил.

Молодяков В.Э. Валерий Брюсов: Биография. СПБ.: Вита-Нова, 2010. 894 с.: ил. (Серия «Жизнеописания»).

Молодяков В.Э. Вокруг Брюсова: инскрипты и маргиналии // Библиофилы России. М.: Любимая Россия, 2016. С. 113–145.

Молодяков В.Э. Почерком поэта: Автографы Валерия Брюсова // Библиография. 2003. № 3. С. 81–85.

Переписка с В.Я. Брюсовым, 1895–1915 / Вступ. ст. и публ. А.А. Нинова // Литературное наследство. Т. 84: И.А. Бунин. Кн. 1 / АН СССР. ИМЛИ им. А.М. Горького; ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин при участии Т.Г. Динесман. М.: Наука, 1973. С. 421–470.

Письма к петербургским и московским литераторам / Публ. Э.С. Литвин, А.Н. Дубовикова, М.В. Рыбина, К.Н. Суворовой, Н.А. Трифонова // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького; вступ. ст. С.В. Шервинского. М.: Наука, 1976. С. 662–710.

Розанов И.Н. Библиотека русской поэзии И.Н. Розанова: Библиогр. описание / [сост. В.В. Гольдберг, М.И. Кострова, К.А. Марцишевская и др.; вступ. ст. И.Л. Андроникова]; Гос. музей А.С. Пушкина. М.: Книга, 1975. 480 с.: ил.

Собрание С.Л. Маркова / Всерос. музей А.С. Пушкина; [координатор проекта М.В. Бокариус; сост. М.В. Бокариус, Н.Г. Захаренко]. СПб.: Глобус, 2007. 287 с., [103] л. ил.

References

Avtografy poetov Serebrianogo veka: Darstvennye nadpisi na knigakh [Autographs of the Silver Age poets: The inscriptions on books], comp. by T.V. Avetisov et al., intro. by E.I. Yatsunok. Moscow, Kniga Publ., 1995. 495 p. (In Russ.)

Akhumian T.S. Valerii Briusov i Vaan Terian: (K voprosu ob ikh tvorcheskikh vzaimootnosheniiakh) [Valery Bryusov and Vahan Teryan: (Revisiting their creative relationships)]. *Briusovskie chteniia 1966 goda* [Bryusov proceedings of 1966], comp. and intro. by K.V. Ayvazyan. Yerevan, Hayastan Publ., 1968. 631 p. (In Russ.)

Ganalanyan O.T. *Ocherki armianskoi poezii XIX–XX vekov* [Essays on Armenian poetry of the 19th and 20th centuries], 2nd ed. Yerevan, Luis Publ., 1964. 392 p. (In Russ.)

Izdaniia s darstvennymi nadpisiami iz sobraniia biblioteki Pushkinskogo Doma: katalog. Vyp. 1: A–D [Books with inscriptions from the Pushkin House library collection: catalog. Iss. 1: A–D], comp. by N.S. Belyaev, ed. by G.V. Bakharev. St. Petersburg, Library of the Russian Academy of Sciences Publ., 2014. 182 p. (In Russ.)

Katalog kollektsii avtorskikh nadpisei (izdaniia XVIII–XIX vv.) [Catalog of the collection of authors' inscriptions (editions of the 18th–19th centuries)], comp. by L.B. Shitskova. Moscow, State Public Library for History Publ., 1994. 73 p. (In Russ.)

Knigi i rukopisi v sobranii M.S. Lesmana: Annot. katalog. Publikatsii [Books and manuscripts in M.S. Lesman's collection: Annotated catalog. Publications], comp. by M.S. Lesman et al., intro. by N.G. Knyazeva. Moscow, Kniga Publ., 1989. 462 p. (In Russ.)

Markov A.F. *Magiia staroi knigi: Zapiski bibliofila* [The magic of an old book: Bibliophile's notes]. Moscow, Agraf Publ., 2004. 671 p. (In Russ.)

Molodiakov V.E. *"Pamiat' davnei druzhby": Darstvennye nadpisi Valeriia Briusova i Ioanny Briusovoi v moem sobranii* ["The Memory of old friendship": Inscriptions of Valery Bryusov and Johanna Bryusova in my collection]. Moscow, 2014. 16 p. (In Russ.)

Molodiakov V.E. *Valerii Briusov: Biografiia* [Valery Bryusov: Biography]. St. Petersburg, Vita-Nova Publ., 2010. 894 p. (In Russ.)

Molodiakov V.E. Vokrug Briusova: inskripty i marginalii [Around Bryusov: inscriptions and marginal notes]. *Bibliofily Rossii* [Bibliophiles of Russia]. Moscow, Liubimaia Rossiia Publ., 2016, pp. 113–145. (In Russ.)

Molodiakov V.E. Pocherkom poeta: Avtografy Valeriia Briusova [Written by the poet: Autographs of Valery Bryusov]. *Bibliografiia*, 2003, no. 3, pp. 81–85. (In Russ.)

Perepiska s V.Ia. Briusovym, 1895–1915 [Correspondence with V.Ya. Bryusov, 1895–1915], intro. and publ. by A.A. Ninov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 84: I.A. Bunin. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 84: I.A. Bunin. Book 1], ed. by A.N. Dubovikov and S.A. Makashin with the participation of T.G. Dinesman. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 421–470. (In Russ.)

Pis'ma k peterburgskim i moskovskim literatoram [Letters to literary persons from Petersburg and Moscow], publ. by E.S. Litvin, A.N. Dubovikova, M.V. Rybin, K.N. Suvorova, N.A. Trifonov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerii Briusov* [Literary heritage. Vol. 85: Valery Bryusov], intro. by S.V. Shervinsky. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 662–710. (In Russ.)

Rozanov I.N. *Biblioteka russkoi poezii I.N. Rozanova: Bibliogr. opisanie* [Rozanov library of Russian poetry: Bibliographical description], comp. by V.V. Goldberg, M.I. Kostrova, K.A. Martsishevskaya et al., intro. by I.L. Andronikov. Moscow, Kniga Publ., 1975. 480 p. (In Russ.)

Sobranie S.L. Markova [S.L. Markov collection], project coordinator M.V. Bokarius, comp. by M.V. Bokarius, N.G. Zakharenko. St. Petersburg, Globus Publ., 2007. 287 p. (In Russ.)

Unknown inscriptions of Valery Bryusov in the State Public Library for History collection

© 2019, Ludmila Larionova

Abstract: The article provides an overview of five inscriptions of V.Ya. Bryusov from the State Public Library for History collection. Four autographs (addressed to A.M. Dobrolyubov, I.A. Bunin, S.P. Bartenev, V.S. Teryan) were not published before. The inscriptions are informative and not typical for V.Ya. Bryusov, they clarify the details of the poet's biography, give an idea of his relationships with the addressees, etc. In general, the autographs are a valuable source for the reconstruction of certain fragments of the history of Russian literature of the early 20th century.

Keywords: V.Ya. Bryusov, I.A. Bunin, inscriptions, bibliophilism, Russian literature, State Public Library for History.

Information about the author: Ludmila Larionova, PhD, Head of the History of Book Culture Department, State Public Library for History, Moscow, Russia.

E-mail: larionova@shpl.ru

Citation: Larionova Ludmila. Unknown inscriptions of Valery Bryusov in the State Public Library for History collection. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 452–466. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-452-466

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-467-479
УДК 821.161.1

Заметки комментатора
8. Пропавшее письмо Блока

© 2019, Р.Д. Тименчик

Аннотация: В статье предположительно раскрывается имя упомянутой в дневнике Блока петербургской девушки (Нины Насоновой?), которая ознакомилась с его письмом о т.н. еврейском вопросе и оставила о нем замечания в духе концепции Отто Вейнингера, сопоставлявшего еврейское начало с женским.

Ключевые слова: Александр Блок, Нина Насонова-Клепинина, еврейский вопрос, Отто Вейнингер, Лидия Сегаль-Бродская

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, проф. Еврейского университета, Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: *Тименчик Р.Д.* Заметки комментатора. 8. Пропавшее письмо Блока // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 467–479.
DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-467-479

В октябре 1913 г. Блок отметил в записной книжке:

> Подруга Сегаль (русская) пишет ей по поводу моего весеннего письма к Сегаль о евреях: он очень прав, говоря: ваше дело женское. Ведь мы все сестры не по национальности, а по «женской крови». В евреях-лириках — «неприятная женственность». Она же — их «главное очарование». А «Блок говорит, что женщине творчество в искусстве почти недоступно. Я думаю (несмотря на свое художество), что это — чуть не общее место».
>
> Влияние евреев на искусство вредно, говорит Блок. Для меня это явно не только в отношении поэзии: ведь язык [нрзб.]. Но о живописи <…> другое. «Чувство чистой <…> краски есть у еврея, — больше, чем у русского. Хотя и здесь не хватает «мужской солнечности»[1].

Содержание письма Блока по реплике «подруги Сегаль» восстановить, конечно, невозможно, хотя и можно предположить, что оно частично соотносится с параллелью, проведенной между одиозными еврейским и женским началом (Ж)[2] во влиятельной, пусть для многих и сомнительной[3] книге Отто Вейнингера «Пол и характер»[4]; зато можно указать на персону, по-видимому, долженствующую присутствовать в комментариях к этой блоковской записи.

Взгляды Блока по «еврейскому вопросу», как известно, особой оригинальностью не отличались[5]. Как элегантно сформулировано Виктором Шкловским, «он был в обыденных вещах такой офицерский сын, ну, человек старого времени…»[6] Взгляды эти иногда становились достоянием гласности[7], иногда жили в писательском фольклоре[8] и не всегда предавались публикации[9].

Важнейший, по-видимому, документ на эту тему утрачен, как явствует из нижеприводимого свидетельства, которое является записью Эммы Григорьевны Герштейн, сделанной 17 августа 1946 г. — в пору, когда она собирала материалы для посвященного Блоку тома «Литературного наследства». Работа над томом была прервана в силу принятого за три дня до этой записи Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Когда в конце 1970-х подготовка тома возобновилась, Э.Г. Герштейн передала запись исследовательскому коллективу (и фрагмент из нее я включил в один из комментариев[10]):

> Вчера вечером была у Л.М.Б., бывш. Сегаль. Пожилая умная женщина. Прямая, порывистая, внутренне возбужденная. Живет в высоком доме на верхнем этаже. Добротный дом модерн, на лестнице огромные тройные окна, квартира большая, прямо налево из передней ее мастерская. Большое окно в небо, картины неважные, то ли ее, то ли умершей художницы Оболенской[11]. Переводит с итальянского, служит на радио переводчицей.
>
> Встретила меня как личного друга. Сразу: «я хочу с вами подружиться», «Вы придете смотреть мои картины», «если Вы занимаетесь Блоком, я Вас уже люблю».
>
> Стыдится вспоминать прошлое. Была глупой девчонкой, просит не читать ее письма к Блоку, нельзя ли их сжечь? — Нет, нельзя, отвечаю я, это — фонд Блока, неприкосновенный.
>
> Письма Блока к ней сожжены. В годы гражданской войны она решила защищать Петроград и тогда отнесла все свои ценные бумаги в квартиру академика Насонова. Насоновы уехали из Петрограда, а вернувшись, заметили, что у них в квартире много чужих писем, и сожгли все, не разбирая, чьи. Среди этих писем было одно на 12-ти страницах, в котором Блок отвечал на ее письмо о роли и положении

евреев в русском искусстве. Блок цитировал Вл. Соловьева и В.В. Розанова, а закончил письмо фразой — «но надо помнить, что Христос был еврей».

Она не смела быть с ним знакомой, боялась знаменитостей. То ли дело Насонова, она имела право на всё. Только двое людей было особенной высшей формации — это Блок и Насонова, вот ее портрет. (Большое полотно). (Зачеркнуто: женщина блондинка сидит.)

Как-то встретила Блока в трамвае, посмотрела, сказала удивленно: «Вы как будто раньше были выше?» А он ответил: «А Вы разве не знаете, что каждый человек бывает каждый день другого роста». Тогда она сняла с пальца серебряное кольцо с большой платиновой печаткой и дала ему со словами: «Это Вам за “утреет, с Богом!”»... Он посмотрел, повертел кольцо, спросил: «А ничего не будет от этого плохого?» Она уверила, что ничего, ничего не будет, и (он) принял подарок[12].

Сожженное письмо Блока, по-видимому, было вызвано очередным исповедальным письмом[13] Лидии Сегаль от 14 мая 1913 г.:

Мне кажется, что мистическая сущность еврейства настолько противоположна русской, что этим самым уже является враждебной, вредной ей. Еврейское «засилие» — да, ведь это так, смотрите, как фатально быстро идет смешение двух рас. Какие основы получат грядущие поколения и какими путями пойдет искусство у людей, соединяющих в себе элементы славянства и еврейства (я говорю не о смешанных браках, нет, просто о людях, выросших в смешанном обществе, в смешанной среде). Ведь великое искусство может быть только глубоко национальным, и мы, с нашим бесконечным рационализмом, что внесем мы в искусство России. Левитан — но мне трудно судить, внес ли он ноту специфической нашей тоски в свои картины или нет. — Дух еврейства — дух познавательный, критический, наши книги, Зогар, напр<имер>, — всё время говорят о сущности Бога, о его свойствах, мистика сводится к пророчеству, к заботе о судьбах народа — о слиянии же с Богом, об уничтожении себя в порыве к Нему, этого я в ней совершенно не чувствую. Я бесконечно люблю Россию, и вот теперь мне кажется, что ради Ее блага, ради Нее, может, лучше моему народу уйти прочь, пусть сионизм, так, может быть, будут сохранены два великих искусства, русское и наше, еврейское. Теперь, когда мое письмо почти кончено, я напомню Вам Ваше письмо, писанное почти ровно 5 лет тому назад 1-го мая 1908 г. «Знаете, с идеями о должном и не должном, о путях и разочарованиях очень связан национальный вопрос, в частности и особенно еврейский. Я много думал об этом и ко многим пришел выводам. Так как Вы “по крови еврейка”, то я очень много имею Вам сказать. Это один из самых насущных и проклятых

вопросов современности». Может быть, теперь, через 5 лет, Вы разовьете это, напишете, каковы Ваши выводы, не совпадают ли они с моими, не пришли ли мы к одному, несмотря на разные исходные точки. И если это так, что мне кажется вполне вероятным, то что делать тем из нас, что всеми корнями вросли в Россию, неужели уехать? Неужели всё порвать и уйти[14]?

Возможно, что письмо Блока отвечало и на недоумение корреспондентки в предыдущем ее письме (можно только догадываться, видела ли она в фигуре галилеянки Мирьям эмблему возможности еврейско-русского синтеза):

Странным кажется мне теперь отсутствие на выставках последних лет изображений Богоматери, но я жду, что живопись опять к этому придет, как к этому пришла поэзия, хотя бы в Вашем лице.

Названная здесь Нина (Антонина) Николаевна Насонова, во втором браке Клепинина (1894–1941), как и Лидия Максимовна Бродская, урожденная Сегаль (1892–1977), — одна из «рядовых» т.н. Серебряного века. Портрет ее был набросан ее сыном Дмитрием Васильевичем Сеземаном (1922–2010):

Моя мать, Нина Николаевна, происходила из той петербургской университетской интеллигенции, которая, возможно, является лучшим, что произвело русское общество XIX века. <…> Дед же мой, Николай Викторович Насонов, из потомственных купцов, не стал продолжать отцовское дело, пошел в студенты и довольно быстро — пятидесяти лет с небольшим — прошел в академики, по-моему, в 1905 или 1906 году. Было у них трое сыновей и одна дочь, моя матушка. Вот и получилась, пожалуй, типичная русская интеллигентская семья, не очень-то верующая, но исповедующая бесконечное уважение к чужим верованиям; семья, где считалось почетным всякое ремесло, кроме сыскного; где к власти от-

носились сдержанно, а к деньгам подозрительно; где непростительным считалось плохо сделанное дело; где одинаково не были терпимы чванство и панибратство; где по отношению к народу не проявлялось ни презрения (впрочем, презрения к народу элита старой России вообще не знала, не то что при советской власти, когда выскочившие из грязи в князи новые хозяева повели себя как парвеню, как выскочки, коими они и являлись), ни искательного самоуничижения, столь характерного для низшей, мещанского происхождения интеллигенции; в этой семье совершенно не практиковался национальный спорт русской интеллигенции: чувство вины. А вот было сознание долга, обязанности — увеличить культурное достояние страны, открыть перед ее народом как можно больше окон и дверей. <…> А вот мать моя обладала тем, что принято называть артистической натурой. Это завидное свойство предполагает, при несомненной (хоть и скромной) одаренности, ярко выраженный дилетантизм и способность восторженно увлекаться произведением или художником, способность, которая в определенных кругах легко сходит за талант. Нина Насонова приятно пела, брала уроки живописи у Петрова-Водкина (что ей сослужило службу в эмиграции: она довольно ловко копировала иконы, и копии эти находили спрос в Париже), влюблялась в Александра Блока и, по его совету, прислушивалась к музыке революции; со сладким замиранием сердца таскала в муфточке или ридикюле эсеровские листовки весьма решительного содержания; выйдя замуж за Василия Эмильевича Сеземана, молодого доцента-философа Петербургского университета, стала посещать собрания философско-религиозного общества и ожидать обещанного на этих собраниях Апокалипсиса. Добавьте к этим чертам, довольно обычным у. русских барышень того круга и того времени, авантюристические черты, непонятно откуда взявшиеся, если смотреть по генеалогическому древу, и еще бурный, едва ли не испанский темперамент... <…> А вот что касается Апокалипсиса, то не успел он разразиться в российском варианте, как музыка революции зазвучала вовсе не так гармонично, как ожидалось. Ведь можно было предположить, что Н.И., как многие другие барышни той среды, напялит кожаную тужурку, прицепит кобуру с наганом и пойдет заседать в какой-нибудь расстрельной тройке — с целью насаждения всеобщего пролетарского счастия. Вместо того, не успело пройти и трех-четырех лет, как она по уши ввязалась в один из наивных и безнадежных офицерских или юнкерских заговоров, каких немало в ту пору возникало, особенно в Петрограде. К тому времени она успела разойтись с В.Э. Сеземаном, человеком мирным и вовсе не заговорщического нрава. Разойтись-то разошлась, а как пришлось бежать по льду Финского залива да под свист красногвардейских пуль, так оказалась на сносях и, едва добравшись до Гельсингфорса, нынешнего Хельсинки, благо-

получно разрешилась от бремени, а беременем был я, ваш покорный слуга. <…> В эти годы — 1922-й и последующие — в этой барышне, профессорской дочери, поклоннице Блока и Вячеслава Иванова, проявились совершенно неожиданно черты душевной твердости и какой-то бесстрашной воли к жизни. Не знаю, как насчет остановки коня на скаку и вхождения в горящую избу, но какой Некрасов опишет жалкую и героическую жизнь русских дам, из хороших семей с дурными обстоятельствами, попавших в разоренный, чудовищно-инфляционный Берлин, непонятно как избежавших банальной проституции и кормивших своих детей мытьем посуды в грязных закусочных или стиркой у богатых социал-демократических дам, считавших себя нашими спасительницами и благодетельницами? Замечательно, пожалуй, даже не это — в конце концов, тут была обыкновенная борьба за выживание, struggle for life — а то, что, вспоминая много лет спустя это не очень-то блистательное время, мать рассказывала о прокуренных ночах в доме у издателя Гржебина, в Берлине, где встречались писатели-эмигранты и те, кто еще лихорадочно взвешивал pro и contra,— дескать, ехать обратно в Совдепию или нет? — ну, там, Алексей Толстой, Эренбург, Шкловский; странные то были сборища, какие-то сюрреалистические: нищие, голодные, замызганные и замученные литераторы, философы — Бердяев, Степун, Ремизов, да мало ли, с остервенением спорили, принимать или не принимать советскую власть, как будто кто-то интересовался их мнением на этот счет. Небось, жалкое, смехотворное зрелище являли эти выходцы с того света. Действительно смешно, но теперь-то мы знаем, что именно они, «не принявшие», сохранили честь и достоинство русской литературы, не дали русскому слову окончательно погрязнуть в рабском, кровавом дерьме Союза писателей СССР, социалистического реализма и литфондовских квартир и путевок[15]!

Нина Клепинина, «русская» из блоковской записи 1913 г., как и Сергей Эфрон, была связана с советской разведкой, вернулась с мужем в СССР, где все трое погибли. О Лидии («Лиле») Сегаль-Бродской рассказано в очерке Б.Я. Фрезинского «Два промежутка из долгой жизни Лидии Сегаль-Бродской (Фрагменты судьбы)»[16].

---

[1] *Небольсин С.* Искаженный и запрещенный Александр Блок // Наш современник. 1991. № 8. С. 179; с купюрой: *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 198.

[2] Современные историки находят гомологические соответствия в соприсутствии мизогинии и юдофобства у Вейнингера, Шопенгауэра и Бодлера (*Le Rider J.* “The Otto Weininger Case” Revisited // Jews & Gender: Responses to Otto Weininger / Ed. by

Nancy A. Harrowitz and Barbara Hyams. Philadelphia, 1995. P. 27–28). У последнего см., например: «Женщина — прямая противоположность денди. Она должна приводить его в ужас. Если женщина почувствует голод, она станет есть; если она чувствует жажду, она будет пить. Если она почувствует половую потребность, она… Слуга покорный! Женщина естественна, т.е. отвратительна. Она также всегда вульгарна…» (*Бодлэр Ш.* Мое обнаженное сердце / Пер. Элис <sic!>. М., 1907. С. 2); «О подлости типографского дела — великого препятствия на пути к развитию Прекрасного. Ну и затея — истребление еврейского рода! Евреи — хранители Книг и свидетели Искупления» (*Бодлер Ш.* Мое обнаженное сердце / Пер. Е. Баевской // Бодлер Ш. Цветы Зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан Поль Сартр. М., 1993. С. 312; в переводе Эллиса эти фразы опущены).

[3] Ср. отзыв Андрея Белого: «Биологическая, гносеологическая, метафизическая и мистическая значимость разбираемого сочинения Вейнингера ничтожна. “Пол и характер” — драгоценный психологический документ гениального юноши — не более. И самый документ этот только намекает нам на то, что у Вейнингера с женщиной были какие-то личные счеты. Мы с увлечением читаем гениальный фельетон; мы сожалеем, что смерть отняла у нас Отто Вейнингера. Но и только…» (*Бугаев Б.* На перевале. XII. Вейнингер о поле и характере // Весы. 1909. № 2. С. 81). Ср. также: *Берштейн Е.* Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 64–89.

[4] См. главу «Еврейство»: *Вейнингер О.* Пол и характер: Теоретическое исследование / Пер. с нем. В. Лихтенштадта, под ред. и с предисл. А.Л. Волынского. СПб., 1908. С. 361–399. В предисловии Аким Волынский писал: «По какому-то странному капризу идеи автора, вопрос об еврействе оказался скомбинированным с сексуальными темами! Всё, что было им сказано жестокого и обидного о Ж, Вейнингер опрокидывает потом и на еврейство, причем в этих страницах его книги целым пожаром горит та мучительная психология, которая так естественна для еврея, критикующего собственный народ. Это одна из самых своеобразных философий антисемитизма. Конечно, это не тот политический и житейский антисемитизм, который вырастает на почве небескорыстных раздражений и злобы, который преследует определенные практические задачи. Здесь это антисемитизм идейный, или, вернее сказать, идеологический, результат логики — может быть, узкой и ошибочной, — и какого-то протеста, вскипевшего в трудящемся философе против косных буржуазных капиталистов, хорошо известных Вейнингеру по их западно-европейским представителям. <…> Людей, которых интересовало издание на русском языке книги Вейнингера и которые, как и автор, игрою судьбы все прикосновенны к еврейству, не раз предупреждали с разных сторон, что книга эта может оказаться особенно вредною для русских евреев. Один молодой немецкий литератор писал мне даже, что она может послужить в России, где устраиваются погромы за погромами, каким-то метафизическим оправданием для разных темных антисемитических махинаций. Но я могу сказать, как от собственного своего имени, так и от лица переводчика и близких ему людей, что все эти соображения были побеждены. Исторические погромы устраиваются не по книгам. Поджигатели народных страстей ищут себе горючих материалов в условиях повседневной жизни, в духоте, тесноте и кривдах быта, и до биологических и философских исследований им, собственно, дела нет. А если бы кому-нибудь вздумалось для каких-нибудь темных публицистических целей использовать бичующую критику молодого благородного еврея, восставшего на собственную народность, то не дело литературы прятать такую критику. Через углубленную неправду с особенной

силой пробивается иногда новая правда» (с. XXIII–XXV). См. однако: *Hyams B*. Weininger and Nazi Ideology // Jews & Gender: Responses to Otto Weininger. P. 155–168. Психоаналитики находят аналогии между антисемитизмом и антифеминизмом Вейнингера в его самоощущении выкреста и гомосексуалиста: *Abrahamsen D*. The mind and death of a genius. New York, 1946. P. 132–133. О ближайшем идеологическом контексте генезиса идей венского философа-самоубийцы см.: *Gerö A*. Neither Woman nor Jew. The Confluence of Prejudices in the Austro-Hungarian Monarchy at the Turn of the Century / Transl. from the Hungarian and German by Thomas J. and Helen De Kornfeld. New York, 2010.

[5] *Безродный М*. О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 101–102; *Блюмбаум А*. Musica mundana и русская общественность: цикл статей о творчестве Александра Блока. М., 2017. С. 155–174.

[6] Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском. М., 2017. С. 150. См., например, об отношении к артисту МХТ Леонидову-Вольфензону, зафиксированном в письме В.И. Немировича-Данченко к Блоку от 1 ноября 1916 г.: «Что же до Леонидова, то <…> Вы были против него как *крестоносца* всё равно в Гаэтане или Бертране. (Помните Ваше замечание у меня в Петрограде? Я с этим не очень согласен — хотя понимаю Вас.)» (*Немирович-Данченко В.И*. Творческое наследие: В 4 т. Т. 2. М., 2003. С. 516).

[7] Известными стали слова Блока, сказанные перед отъездом в Италию; см. о «музыке выговоров Копельмана [за жидовский вопрос]» весной 1909 г. (*Блок А*.Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 188). См. запись рассказа А.М. Ремизова в дневнике А.В. Тырковой 19 января 1910 г.:

«Рассказ[ал] мастерски, словечками и ужимками чисто Ремизовскими. Но клянется и божится, что всё так и было.

— Шел Блок по Гороховой. Навстречу ему Андреев, Леонид. Поговорили. Так и так. Блок и говорит: “Ожидовела у нас Россия”. Сказал и уехал в Италию. Два месяца ездил. Вернулся. Утром, в 8 часов, спит Блок. Звонок. “Надо Блока видеть”. — Барин спит. — “Разбудите. Я Копельман, по самонужнейшему делу”. Дают Блоку карточку, — Копельман, Шиповник. Он присел на кровать, кое-как прикрылся. Выходит. — Здравствуйте! — “Здравствуйте. Вы говорили, что Россия ожидовела?” — Говорил... — “Ну так вы не можете больше в Шиповнике работать”. Вот и всё» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / [Сост. Н.И. Канищева]. М., 2012. С. 89). Ср.: «Черносотенные газеты последние дни уделяют много внимания сплетне об инциденте с Блоком» ([*Б.п*.] Литература и искусство // Новый вечер. 1909, 24 сент.; далее пересказана заметка из «Русского знамени»); см. стишки:

1, 2, 3, 4, 5.
Вышел зайчик погулять
Там, где Мойка зеленеет,
И осмелился сказать,
Что Россия жидовеет!
<…>
И для зайчика с тех пор
Недоступен даже двор,
Окружающий «Шиповник»

(*Wega [В.М. Голиков]*. Детская песенка // Голос Москвы. 1909, 11 сент.).

[8] См., например, рассказ Ахматовой «об А. Блоке и воспоминаниях о нем Сологуба (как Сологуб просил у Блока стихов для альманаха в пользу евреев)» (*Лукницкий П.Н.* Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 330). На почве еврейского вопроса у Блока два раза случались конфликты с четой Сологубов. Первый — в феврале 1915 г., о чем он писал Л.Д. Блок: А.А. Блок — Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг. / Редкол. А.В. Лавров (научн.ред.), Е.В. Глухова, Е.В. Бронникова, В.А. Резвый. М., 2017. С. 563. 3 февраля Блок писал Ан.Н. Чеботаревской: «Воззвания о снятии черты еврейской оседлости и об уничтожении процентной нормы я не подпишу, как не подписал бы и обратного, так как не считаю себя сведущим в государственной политике России. Я мог бы подписать только воззвание к добрым чувствам, свойственным русскому человеку, по отношению к людям, для которых смысл русского просвещения и дух русского языка во многих известных мне случаях непонятен или враждебен» (РГАЛИ. Ф. 432. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 34; [*Тименчик Р.*]. Русская литература начала 20 в. // Краткая Еврейская Энциклопедия: В 11 т. / О-во по исслед. еврейских общин. Т. 7. Иерусалим, 1994. Стлб. 513). 9 февраля, после нескольких разговоров с Ан.Н. Чеботаревской о возможности участия Блока в «Анкете о евреях» (текст см.: *Агурский М., Шкловская М.* Максим Горький 1868–1936: Из литературного наследия. Иерусалим, 1986. С. 155–156), он писал ей: «Есть во всех делах своя мистика <…> Есть также своя мистика в том, что атмосфера еврейских воззваний парализует волю, заставляет ее как-то замирать» (РГАЛИ. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 37; в публикации этого письма последняя фраза купирована: *Блок А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 439). Вторая ссора относится к 30 декабря 1915 г., когда Блок получил письмо Ан.Н. Чеботаревской, где о Горьком, наложившем вето на публикацию статьи Н.А. Бердяева в сборнике «Щит» (см. подробнее: *Кельнер В.Е.* Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 66–93; *Соболев А.Л.* Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum homini universalis: Сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М., 2011. С. 327–358), говорилось как о «тупом, невежественном демагоге, заигрывающем с евреями и рабочими почти до неприличия», о его «заигрывании с евреями-банкирами», и пометил на письме: «Нельзя так говорить об авторе “Фомы Гордеева”, “Троих”, “На дне” — недостойно. Не отвечу» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 447. Л. 36–37)

[9] Так, С.В. Познер, знакомый с настроениями Блока в 1915 г., в письме к Зинаиде Гиппиус от 2 октября 1921 г. возражал против обнародования высказывания Блока («Все евреи — фармацевты. Они портят русский язык») в тексте ее воспоминаний, и она сняла его (*Королева Н.В.* Неизвестные письма А.А. Блока к Д.С. Мережковскому и З.Н. Гиппиус в американском архиве // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1994. М., 1996. С. 41).

[10] Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 531.

[11] Юлия Леонидовна Оболенская (1889–1945).

[12] Рассказ Э.Г. Герштейн и письма Л.М. Сегаль к Блоку частично цитировались нами: *Тименчик Р., Копельман З.* Вячеслав Иванов и поэзия Х.Н. Бялика // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 113–114.

[13] Для представления о градусе откровенности в ее письмах приведем гадание о своей судьбе из одного из последующих ее писем: «Повернется ли она в сторону бездетности, будет ли это нежелание того единственного, кого я захочу видеть отцом своего сына, иметь ребенка от женщины другой расы, будет ли это вопрос о религии

нового человека, несущего в себе смешанную кровь, — всё одинаково страшно. Есть люди с трагической судьбой — в те часы, когда я сама с собой — я чувствую, что до известной степени это и ко мне относится. Страшно, что отличительная черта еврейской женщины — ее конечная расчетливость — так чужда мне» (в последней фразе от слова «отличительная» до слова «мне» — подчеркивание Блока).

[14] РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 396. Л. 12–15.

[15] *Сеземан Д.В.* Париж — ГУЛАГ — Париж // Петербургский журнал. 1993. № 1–2. С. 122–124.

[16] *Фрезинский Б.* Корреспондентка А. Блока и Е. Полонской // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 340–346; *Фрезинский Б.* Мозаика еврейских судеб. XX век. М., 2008. С. 283–298.

Литература

А.А. Блок — Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг. / Редкол. А.В. Лавров (науч. ред.), Е.В. Глухова, Е.В. Бронникова, В.А. Резвый. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 752 с.

Агурский М., Шкловская М. Максим Горький 1868–1936: Из литературного наследия. Иерусалим: Еврейский университет, 1986. 535 с.

Безродный М. О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 100–125.

Берштейн Е. Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 64–89.

Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском. М.: Common Place, 2017. 182 с.

Блок А. Записные книжки 1901–1920. М.: Художественная литература. 1965. 664 с.

Блюмбаум А. Musica mundana и русская общественность: цикл статей о творчестве Александра Блока. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 264 с.

Кельнер В.Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 66–93.

Королева Н.В. Неизвестные письма А.А. Блока к Д.С. Мережковскому и З.Н. Гиппиус в американском архиве // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1994. М.: Наука, 1996. С. 27–43.

Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1997. 374 с.

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 1112 с.

Небольсин С. Искаженный и запрещенный Александр Блок // Наш современник. 1991. № 8. С. 176–184.

Сеземан Д.В. Париж — ГУЛАГ — Париж // Петербургский журнал. 1993. № 1–2. С. 119–182.

Соболев А.Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum homini universalis: Сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 327–358.

Тименчик Р. Русская литература начала 20 в. // Краткая Еврейская Энциклопедия: В 11 т. / О-во по исслед. еврейских общин. Т. 7. Иерусалим: Еврейский Университет, 1994. Стлб. 506–522.

Тименчик Р., Копельман З. Вячеслав Иванов и поэзия Х.Н. Бялика // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 102–115.

Фрезинский Б. Корреспондентка А. Блока и Е. Полонской // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 340–346.

Фрезинский Б. Мозаика еврейских судеб. XX век. М.: Книжники, 2008. 496 с.

Gerö A. Neither Woman nor Jew. The Confluence of Prejudices in the Austro-Hungarian Monarchy at the Turn of the Century / Transl. from the Hungarian and German by Thomas J. and Helen De Kornfeld. New York, 2010. 190 p.

Hyams B. Weininger and Nazi Ideology // Jews & Gender: Responses to Otto Weininger. P. 155–168.

Le Rider J. “The Otto Weininger Case” Revisited // Jews & Gender: Responses to Otto Weininger / Ed. by Nancy A. Harrowitz and Barbara Hyams. Philadelphia: Temple University Press, 1995. P. 21–33.

References

A.A. Blok — L.D. Mendeleeva-Blok. Perepiska 1901–1917 gg. [A.A. Blok — L.D. Mendeleeva-Blok. Correspondence 1901–1917], ed. by A.V. Lavrov, E.V. Glukhova, E.V. Bronnikova, V.A. Rezvy. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2017. 752 p. (In Russ.)

Agurskii M., Shklovskaia M. *Maksim Gor'kii 1868–1936: Iz literaturnogo naslediia* [Maxim Gorky 1868–1936: From the literary heritage]. Jerusalem, Hebrew University Publ., 1986. 535 p. (In Russ.)

Bershtein E. Tragediia pola: dve zametki o russkom veiningerianstve [The tragedy of sex: Two notes on Russian Weiningerianism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2004, no. 65, pp. 64–89. (In Russ.)

Besedy s Viktorom Shklovskim. Vospominaniia o Maiakovskom [Conversations with Viktor Shklovsky. Memories of Mayakovsky]. Moscow, Common Place Publ., 2017. 182 p. (In Russ.)

Bezrodnyi M. O "iudoboiazni" Andreia Belogo [On Andrei Bely's "Judophobia"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1997, no. 28, pp. 100–125. (In Russ.)

Bliumbaum A. *Musica mundana i russkaia obshchestvennost': tsikl statei o tvorchestve Aleksandra Bloka* [Musica mundana and the Russian society: A series of essays on Alexander Blok's works]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 264 p. (In Russ.)

Blok A. *Zapisnye knizhki 1901–1920* [Notebooks 1901–1920]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 664 p. (In Russ.)

Frezinskii B. Korrespondentka A. Bloka i E. Polonskoi [The correspondent of A. Blok and E. Polonskaya]. *Voprosy literatury*, 2008, no. 6, pp. 340–346. (In Russ.)

Frezinskii B. Mozaika evreiskikh sudeb. XX vek [Mosaic of Jewish destinies. 20th century]. Moscow, Knizhniki Publ., 2008. 496 p. (In Russ.)

Gerö A. Neither Woman nor Jew. The Confluence of Prejudices in the Austro-Hungarian Monarchy at the Turn of the Century, transl. from the Hungarian and German by Thomas J. and Helen De Kornfeld. New York, 2010. 190 p.

Hyams B. Weininger and Nazi Ideology. *Jews & Gender: Responses to Otto Weininger* ed. by Nancy A. Harrowitz and Barbara Hyams. Philadelphia, Temple University Press, 1995, pp. 155–168.

Kel'ner V.E. Evreiskii vopros i russkaia obshchestvennaia zhizn' v gody Pervoi mirovoi voiny [The Jewish question and Russian social life during the First World War]. *Vestnik Evreiskogo universiteta v Moskve*, 1997, no. 1 (14), pp. 66–93. (In Russ.)

Koroleva N.V. Neizvestnye pis'ma A.A. Bloka k D.S. Merezhkovskomu i Z.N. Gippius v amerikanskom arkhive [A.A. Blok's unknown letters to D.S. Merezhkovsky and Z.N. Gippius in the American archives]. *Pamiatniki kul'tury: Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia. Ezhegodnik. 1994* [Monuments of culture: New discoveries. Literature. Art. Archeology. Annual. 1994]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 27–43. (In Russ.)

Le Rider J. "The Otto Weininger Case" Revisited // Jews & Gender: Responses to Otto Weininger, ed. by Nancy A. Harrowitz and Barbara Hyams. Philadelphia, Temple University Press, 1995, pp. 21–33.

Luknitskii P.N. *Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi. T. II: 1926–1927* [Acumania. Encounters with Anna Akhmatova. Vol. II: 1926–1927]. Paris, YMCA-Press, Moscow, Russkii put' Publ., 1997. 374 p. (In Russ.)

Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovoi. Dnevniki. Pis'ma [The heritage of Ariadna Vladimirovna Tyrkova. Diaries. Letters], comp. by N.I. Kanishchev. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2012. 1112 p. (In Russ.)

Nebol'sin S. Iskazhennyi i zapreshchennyi Aleksandr Blok [Alexander Blok falsified and forbidden]. *Nash sovremennik*, 1991, no. 8, pp. 176–184. (In Russ.)

Sezeman D.V. Parizh — GULAG — Parizh [Paris — GULAG — Paris]. *Peterburgskii zhurnal*, 1993, no. 1–2, pp. 119–182. (In Russ.)

Sobolev A.L. Cum scuto: Viacheslav Ivanov — uchastnik sbornika “Shchit” [Cum scuto: Vyacheslav Ivanov as a participant of the collection “Shchit”]. Donum *homini universalis: Sb. statei v chest' 70-letiia N.V. Kotreleva* [Donum homini universalis: A collection of essays in honor of the 70th anniversary of N.V. Kotrelev]. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 327–358. (In Russ.)

Timenchik R. Russkaia literatura nachala 20 v. [Russian literature of the early 20th century]. *Kratkaia Evreiskaia Entsiklopediia: V 11 t. T. 7* [Brief Jewish Encyclopedia: In 11 vols. Vol. 7]. Jerusalem, Hebrew University Publ., 1994, col. 506–522. (In Russ.)

Timenchik R., Kopel'man Z. Viacheslav Ivanov i poeziia Kh.N. Bialika [Vyacheslav Ivanov and H.N. Bialik’s poetry]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996, no. 14, pp. 102–115. (In Russ.)

Notes of a commentator
8. Alexander Blok’s lost letter

© 2019, Roman Timenchik

Abstract: The article allegedly discloses the name of a girl from St. Petersburg (Nina Nasonova?) mentioned in Alexander Blok’s diary who read his letter on the so-called Jewish question and commented on it in the spirit of Otto Weininger's concept, which compared the Jewish principle with the female one.

Keywords: Alexander Blok, Nina Nasonova-Klepinina, Jewish question, Otto Weininger, Lidia Segal-Brodskaya

Information about the author: Roman Timenchik, Prof. of Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman. Notes of a commentator. 8. Alexander Blok’s lost letter. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 467–479. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-467-479

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2019 № 1(11)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 10.04.2019
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 30,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №